

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА

THE HISTORICAL EXPERTISE

№ 4 (33) / 2022

- Ответственный редактор** ЭРЛИХ Сергей Ефроимович, д.и.н. (Кишинев, Молдова)
- Ответственный секретарь** КАЧАНОВА Елена Федоровна, издательство «Нестор-История» (Санкт-Петербург, Россия)
- Редакционная коллегия**
- ВЕДЕРНИКОВ Владимир Викторович, к.и.н., доцент кафедры Истории отечества, науки и культуры Санкт-Петербургского технологического института (Технический университет) (Санкт-Петербург, Россия)
- ЕФРЕМЕНКО Дмитрий Валерьевич, д.полит.н., заместитель директора ИНИОН РАН (Москва)
- КОНОПЛЯНКО Константин Сергеевич, независимый исследователь (Москва)
- КОЧЕГАРОВ Кирилл Александрович, к.и.н., старший научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ПОДОСОКОРСКИЙ Николай Николаевич — канд. филолог. наук. Старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН (Великий Новгород)
- РАБИНОВИЧ Роман Аронович, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник университета Высшая антропологическая школа (Молдова)
- СТЫКАЛИН Александр Сергеевич, к.и.н., ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва)
- ТАХНАЕВА Патимат Ибрагимовна, к.и.н., старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва)
- ТЕСЛЯ Андрей Александрович — канд. философ. наук, старший научный сотрудник, научный руководитель (директор) Центра исследований русской мысли Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта (Калининград)
- ТИХОНОВ Виталий Витальевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)
- ШОКАРЕВ Сергей Юрьевич, к.и.н., старший научный сотрудник Лаборатории древнерусской культуры ШАГИ РАНХиГС (Москва)
- Редакционный совет**
- ГОЛУБЕВ Алексей Валерьевич, к.и.н., преподаватель (Associate Professor) Хьюстонского университета (США)
- КИЯНСКАЯ Оксана Ивановна, д.и.н., проф. кафедры литературной критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)
- НЕМЦЕВ Михаил Юрьевич, к. филос.н., доцент. Школа исследований окружающей среды и общества *Антропошкола), Тюменский государственный университет (Тюмень, Москва) -
- ПАНАРИН Сергей Алексеевич, к.и.н., руководитель Центра исследований общих проблем современного Востока Института востоковедения РАН (Москва)

ПОЛЯН Павел Маркович, д.г.н., профессор, почетный профессор
СКГУ/СКФУ, директор Мандельштамовского центра ЕИУ ВШЭ
(Москва)

СМИТ Кэтлин Е., PhD, проф., Школа дипломатической службы
им. Э. Уолша, Джорджтаунский университет (США)

СПИВАК Моника Львовна, д.ф.н., заведующая филиалом ГМП «Мемо-
риальная квартира Андрея Белого» (Москва)

УСПЕНСКИЙ Федор Борисович, член-корр. РАН, директор Института
русского языка РАН (Москва)

УШАКИН Сергей Александрович, PhD, проф. антропологии и слависти-
ки Принстонского университета (США)

ФЕЛЬДМАН Давид Маркович, д.и.н., проф. кафедры литературной
критики Института Массмедиа РГГУ (Москва)

ХАВАНОВА Ольга Владимировна, д.и.н., зам. директора Института
славяноведения РАН (Москва)

ШНИРЕЛЬМАН Виктор Александрович, д.и.н., главный научный
сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Москва)

ШУБИН Александр Владленович, д.и.н., главный научный сотрудник
ИВИ РАН, профессор РГГУ (Москва)

Перепечатка материалов допускается только с письменного
разрешения редакции журнала

Издается с 2014 г. Выходит 4 раза в год

E-ISSN 2410-1419

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4

Издатель

Издатель «HISTORICAL EXPERTISE» S.R.L.
MD-2043, bd. Dacia, 12 ap. 9, mun. Chişinău, Republica Moldova.
e-mail: istorexorg@gmail.com, website www.istorex.org
Tel.: 373 22 773 955

В НОМЕРЕ:

КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ

Глобальная память

- 11 *«Один из уже заметных результатов — это то, что гораздо больше заинтересовались украинской культурой». Интервью с К. Келли*
- 31 **М. Е. СОРОКА** *Как историки сотрудничали с правительствами. Размышления над дипломатическими документами*

Национальная память

- 50 **В. С. СТАФ** *Чукотка как место памяти: от первопроходцев до «Территории»*
- 62 **И. БЕЛЯЕВ** *Декоммунизация Монте-Кассино? История спора об одном польском памятнике*

К 100-летию эсеровского процесса и «философского парохода»

- 69 *«В 1922 г. власти создали основы того, что мы традиционно понимаем под репрессивной сталинской системой» Интервью с К. Н. Морозовым*
- 103 *1922 год: начало репрессивного цикла. Беседа с А. В. Шубиным*

Образование и распад СССР в исторической памяти.

К 100-летию советского проекта

- 108 *Национальный вопрос на постимперском пространстве России и образование СССР. Беседа с Б. И. Колоницим*
- 125 *«СССР — конструкция, эффективная для своего времени» Беседа с А. В. Шубиным*
- 130 **А. В. ШУБИН** *Горбачев как историографическая проблема*

Память об эпохе коммунизма в Восточной Европе

133 А. С. СТЫКАЛИН

Исповедь человека своего поколения. Ключевые события чехословацкой истории XX века в воспоминаниях чешского историка Милоша Гаека. Рец.: Гаек Милош. Воспоминания о чешских левых. М.-СПб, Нестор-История, 2019. 488 стр. Отв. редактор и автор послесловия д.и.н. Г.П. Мурашко, перевод с чешского д.филол.н. Г.П. Нецименко

160 Л. М. БЕЖЕНАРУ

Румыния 1980-х годов глазами командированных американских преподавателей

История и школьное образование

178 К. Ю. ЕРУСАЛИМСКИЙ

О более чем неудачном проекте исторического образования, или Почему уроки труда и обороны важнее уроков истории?

186

*«Это была попытка по-другому ответить на вопрос и о содержании образования — чему учить?»
Интервью с Р.И. Курбатовым*

196 Р. И. КУРБАТОВ

Ремесло историка: как учить истории в школе

Историческая память и международное право

202 Ю. А. ЩЕРБАКОВА

Спор европейских государств о конфискованном имуществе как разновидность исторических споров. К истории конфликта между Чешской Республикой и Княжеством Лихтенштейн

История в художественной литературе

209 М. А. АРТЕМЬЕВ

Читал ли Гюго Лермонтова? («Бородино» и «Кладбище в Эйлау» как солдатский нарратив о наполеоновских войнах)

216 А. А. ТЕСЛЯ

Безвременье: несколько слов о «Глухой поро листопада» Юрия Давыдова

РЕЦЕНЗИИ

Методология истории

220 С. С. БЕЛЯКОВ

Книга Марка Бассина о Льве Гумилеве. Рец.: Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism), Cornell University Press, 2016

Мир

- 233 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *О «Краткой истории Франции» Джона Норвича. Рец.: Норвич Дж. Краткая история Франции / Пер. с англ. О. В. Строгановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.: ил.*
- 243 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *О новой биографии Наполеона М. М. Куриева. Рец.: Куриев М. М. Это Н. Москва: У Никитских ворот, 2020. 592 с.*
- 250 **И. Н. СЕЛИВАНОВ** *Движение неприсоединения вчера и сегодня: взгляд из Белграда и не только. Рец.: The 60th anniversary of the Non-Aligned Movement / edit by Duško Dimitrijević and Jovan Savoški. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2021. 509 s.*
- 258 **И. М. БЕЛЯЕВ** *Книга для дополнительного чтения. Рец.: Шарый А. В. Чешское время: большая история маленькой страны: от святого Вацлава до Вацлава Гавела. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 592 с.*

Русское средневековье

- 261 **Д. В. ГЛУХОВ** *Ближе всех к царю. Рец.: Козляков В. Н. «Ближние люди» первых Романовых. М.: Молодая гвардия, 2022. 343 с.*
- 269 **Д. В. СЕНЬ** *Игра всерьез... Рец.: Ляпин Д. А. Игра в царя: социально-политическая борьба в России во второй половине XVII века. М.; СПб.: Центр гуманитарных дисциплин, 2022. — 284 с.*

Российская империя

- 276 **М. В. БАТШЕВ** *Памятник доброй воли и усердия. Рец.: Князь П. А. Вяземский и Н. П. Барсуков. Переписка. Составление, публикация, вступительная статья, комментарий и указатель имён Д. П. Ивинского. М.: Р. Валент. 2021. 620 с.*

Гражданская война

- 280 **В. И. ГОЛДИН** *Россия в Гражданской войне: критический анализ нового энциклопедического издания*
- 293 **А. Ю. ВОВК** *Республика Холодный Яр. Рец.: Ю. Ю. Горлис-Горский. Холодный Яр / пер. с укр. и коммент. С. И. Лунина. СПб.: Алетейя, 2022. 236 с., илл.*

СССР

- 297 **Н. Н. ПОДОСОКОРСКИЙ** *О ранней сталинской пропаганде в журнале «Крокодил». Рец.: Юрганов А.Л. В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х — начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 496 с.*
- 305 **Л. Р. ХУТ** *Самостояние, или «Человек стоит столько, сколько стоит его слово». Размышления о книге: Ефросиния Керсновская. Сколько стоит человек. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2021. 800 с.*
- 316 **М. М. САФОНОВ,
Ф. К. ЯРМОЛИЧ** *Рец.: Карасюк Д. Как мы любили «Битлз». История битломании в СССР. Екатеринбург: М., 2022.*
- 325 **Д. И. ЛЮКШИН** *Когда тенденциозность становится информативной. Размышления об опыте истолкования политизированной истории*
-

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 332 *«Я живу, чтобы опровергнуть утверждение, что среда определяет человека». Интервью с Н. Н. Подосокорским*
- 346 *«Жизнь дала второй шанс...» Интервью с К. Н. Морозовым*
- 382 *«Я преподнесла букет Хрущёву, Микоян меня дёргал за косичку, а я через переводчика спросила Индиру Ганди, почему у неё в носу дырка с камешком». Интервью с М. В. Михайловой*
-

КОНФЕРЕНЦИИ

- 409 **Л. А. ТЕРУШКИН** *О конференции «Память и идентичность — V. Травма в исторической памяти»*
- 413 **В. И. ГОЛДИН** *«И на Тихом океане свой закончили поход...»: итоги научной конференции во Владивостоке о Гражданской войне в России*
- 422 *Требования к публикации статей и материалов*

IN THE ISSUE:

COLLECTIVE MEMORY

Global memory

11 “One of the already noticeable results is that now there is much more interest in Ukrainian culture”. Interview with C. Kelly

31 **M. E. SOROKA** *Historians Collaborating with Governments. The Case of Diplomatic Documents*

National Memory

50 **V. S. STAF** *Chukotka as a place of memory: from pioneers to «Territory»*

62 **I. BELIAEV** *Decommunization of Monte Cassino? Case of an argument about one Polish monument*

To the 100th anniversary of the Socialist-Revolutionary process and the “philosophical steamboat”

69 “In 1922, the authorities created the foundations of what we traditionally understand as the repressive Stalinist system”. Interview with K. N. Morozov

103 *1922: the Beginning of the Repressive Cycle. Conversation with A. V. Shubin*

The formation and collapse of the USSR in historical memory. To the 100th anniversary of the Soviet project

108 *The National Question in the Post-Imperial Space of Russia and the Formation of the USSR. Conversation with B. I. Kolonitskii*

125 «USSR — a design effective for its time» Conversation with A. V. Shubin

130 **A. V. SHUBIN** *Gorbachev as a historiographic problem*

Memory of the era of communism in Eastern Europe

- 133 **A. S. STYKALIN** *Confession of a man of his generation. Key events of the Czechoslovak history of the 20th century in the memoirs of the Czech historian Miloš Hájek. Rev.: Gaek Milosh. Vospominaniya o cheshskikh levvykh. M.-SPb, Nestor-Istoriya, 2019. 488 str. Otv. redaktor i avtor poslesloviya d.i.n. G. P. Murashko, perevod s cheshskogo d.filol.n. G. P. Neshchimenko*
- 160 **L. M. BEJENARU** *Romania for 1980s viewed by the eyes of American visiting professors*

History and school education

- 178 **K. Yu. ERUSALIMSKII** *On more than failed project of historical education, or Why the labor and defense lessons overlap the lessons of history?*
- 186 *"It was an attempt to give a different answer to the question about the content of education — what to teach?" Interview with R. I. Kurbatov*
- 196 **R. I. KURBATOV** *The historian's craft: how to teach history at school?*

Historical memory and international law

- 202 **Yu. A. SHCHERBAKOVA** *The Dispute of European States on confiscated property as a kind of historical disputes. To the history of the conflict between Czech Republic and Principality of Liechtenstein*

History reflected in fiction

- 209 **M. A. ARTEMYEV** *Did Hugo read the poems of Lermontov? («Borodino» and «Cemetery in Eylau» as a soldier's narrative about the Napoleonic wars)*
- 216 **A. A. TESLYA** *Without time: a few words about «The Deaf time of the leaf fall» by Yuri Davydov*

REVIEWS

History Methodology

- 220 **S. S. BELIAKOV** *Mark Bassin's book about Lev Gumilev. Rev.: Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism), Cornell University Press, 2016*

The world

- 233 **N. N. PODOSOKORSKY** *About John Norwich's «A Brief History of France».*
Rev.: Norwich J. *Kratkaya istoriya Francii / Per. s angl.*
O. V. Stroganovoj. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020.
480 p.
- 243 **N. N. PODOSOKORSKY** *About the new biography of Napoleon by M. M. Kuriev.*
Rev.: Kuriev M. M. Eto N. Moskva: U Nikitskih vorot,
2020. 592 p.
- 250 **I. N. SELIVANOV** *The Non-Aligned Movement Yesterday and Today.*
Review: *The 60th anniversary of the Non-Aligned
Movement / edit by Duško Dimitrijević and Jovan
Čavoški. Belgrade: Institute of International Politics
and Economics, 2021. 509 s.*
- 258 **I. M. BELIAEV** *A book for the extra reading. Review: Шары́й
А. В. Чешское время: большая история маленькой
страны: от святого Вацлава до Вацлава Гавела. М.:
КоЛибри, Азбука-Аммукус, 2022. 592 с.*

Russian Middle Ages

- 261 **D. V. GLUKHOV** *Closest to the tsar. Rev.: Kozlyakov V. N. "Blizhnie
lyudi" pervykh Romanovykh. Moscow: Molodaya
Gvardiya, 2022. 343 p.*
- 269 **D. V. SEN'** *Game seriously... Rev.: Lyapin D. A. Igra v tsarya:
social'no-politicheskaya bor'ba v Rossii vo vtoroj
polovine XVII veka. M.; SPb.: Centr gumanitarnykh
disciplin, 2022. — 284 с.*

The Russian Empire

- 276 **M. V. BATSHEV** *Monument of good will and diligence. Rev.: Knyaz'
P. A. Vyazemskij i N.P. Barsukov. Perepiska. Sostavlenie,
publikaciya, vstupitel'naya stat'ya, kommentarij
i ukazatel' imyon D.P. Ivinskogo. M.: R. Valent. 2021.
620 s.*

The Civil War

- 280 **V. I. GOLDIN** *Russia in the Civil War: critical analysis of the new
encyclopedic edition*
- 293 **A. Yu. VOVK** *Republic Kholodny Yar. Rev.: Yu. Yu. Gorlis-Gorsky.
Kholodny Yar / trans. from ukr. and comment.
S. I. Lunin. St. Petersburg: Aletya, 2022. Pp. 236.*

USSR

- 297 **N. N. PODOSOKORSKY** *About the early Stalinist propaganda in the magazine «Crocodile». Rev.: Yurganov A.L. V krivom zerkale satiry. Kul't vozhdya partii bol'shevikov i oficial'naya satira v seredine 20-h — nachale 30-h godov. M.; SPb.: Centr gumanitarnykh iniciativ, 2022. 496 p.*
- 305 **L. R. KHUT** *Self-standing, or «A person is worth as much as his word is worth». Reflections on the book: Euphrosinia Kersnovskaya. How much does a person cost. M.: Ko-Libri, Azbuka-Atticus, 2021. 800 p.*
- 316 **M. M. SAFONOV,
F. K. YARMOLICH** *Rev.: Karasyuk D. Kak my lyubili «Bitlz». Istorija bitlomanii v SSSR. Ekaterinburg: M., 2022*
- 325 **D. I. LYUKSHIN** *When tendentiousness becomes informative. Reflections on the experience of interpreting politicized history*
-

HISTORIAN'S TIME

- 332 *«The goal of my life is to refute the claim that the environment defines the person.» Interview with N.N. Podosokorsky*
- 346 *«Life has given a second chance...» Interview with K.N. Morozov*
- 382 *“I presented a bouquet to Khrushchev, Mikoyan pulled my pigtail, and I asked Indira Gandhi with the help of her interpreter why she had a hole with a pebble in her nose.” Interview with M. V. Mikhailova*
-

CONFERENCES

- 409 **L. A. TERUSHKIN** *About the conference «Memory and Identity — V. Trauma in Historical Memory»*
- 413 **V. I. GOLDIN** *“And on the Pacific Ocean Had Ended Our Campaign...”: Results of the Scientific Conference in Vladivostok on the Civil War in Russia*
- 422 *Requirements for publication of articles and documents*

«ОДИН ИЗ УЖЕ ЗАМЕТНЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ — ЭТО ТО, ЧТО ГОРАЗДО БОЛЬШЕ ЗАИНТЕРЕСОВАЛИСЬ УКРАИНСКОЙ КУЛЬТУРОЙ».

Интервью с К. Келли

Профессор Кембриджского университета Катриона Келли рассказывает: о предках своей семьи; почему она в научной карьере выбрала славистику; много внимания уделяется ее впечатлениям о жизни в Советском Союзе; об отношении к русской культуре в странах Запада после начала военного конфликта на Украине.

Ключевые слова: семейная память, славистика, русская история, Великобритания, Ирландия, Советский Союз, Украина, будущее русской культуры

Сведения об авторе: Катриона Келли — старший исследователь Тринити колледжа и почетный профессор Кембриджского университета.

Контактная информация: ck616@cam.ac.uk

Основные публикации: *Petrushka, the Russian Carnival Puppet Theatre* (Cambridge University Press, 1990); *A History of Russian Women's Writing* (Oxford University Press, 1994); *Refining Russia: Advice Literature, Polite Culture, and Gender from Catherine to Yeltsin* (Oxford University Press, 2001), *Russian Literature, A Very Short Introduction* (Oxford University Press, 2001); *Comrade Pavlik: The Rise and Fall of a Soviet Boy Hero* (Granta Books, 2005/Товарищ Павлик: взлет и падение советского героя-мальчика (пер. И. Смиренская). М.: НЛО, 2009); *St Petersburg: Shadows of the Past* (Yale University Press, 2014); Санкт-Петербург: тени прошлого (пер. О. Якименко), СПб.: Современная западная русистика, 2022; *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918–1988* (DeKalb, IL, Northern Illinois University Press, 2016); *Soviet Art House: Lenfilm Studio under Brezhnev* (New York: Oxford University Press, 2021).

“ONE OF THE ALREADY NOTICEABLE RESULTS IS THAT NOW THERE IS MUCH MORE INTEREST IN UKRAINIAN CULTURE.”

Interview with C. Kelly

Cambridge University professor Catriona Kelly talks about her family's ancestors; why she chose Slavic studies in the scientific career; much attention is paid to her impressions of life in the Soviet Union; about the attitude towards Russian culture in Western countries after the start of the military conflict in Ukraine.

Key words: family memory, Slavic studies, Russian history, Ireland, Soviet Union, Ukraine, future of Russian culture

About the author: Catriona Kelly, Senior Research Fellow in Russian, Trinity College, Cambridge, UK Honorary Professor of Russian, University of Cambridge, UK

Contact information: ck616@cam.ac.uk

Беседовал С. Е. Эрлих.

С.Э.: Наш журнал посвящён памяти, и первый вопрос, традиционно, касается семейной памяти. Ян Ассман утверждает, что в современном обществе семейная память охватывает три поколения (80–100 лет). По моему опыту интервью с российскими и украинскими учеными — это часто действительно так. У наших западных коллег семейная память обычно глубже и иногда доходит даже до XI века. Расскажите, пожалуйста, о вашей семейной памяти, насколько глубоко она уходит?

К.К.: Дальняя родственница по линии моей матери сочла, что один из самых её известных предков с одной стороны — это Вильгельм Завоеватель, а с другой стороны — Роберт Брюс. Я в этом сомневаюсь, мне это странно и даже не интересно. Гораздо интереснее для меня семейные рассказы. Я помню, был рассказ про Черную Агнессу, которая во время очередного рейда англичан против шотландцев была в замке и держала

входную дверь рукой. Пока англичане резали её руку, мужчины из замка успели уйти.

Были и другие легенды в нашей семье. Достоверно известно, что семья моей матери приехала в Шотландию из Испании то ли в XII, то ли в XIII веке. Очевидно, это были наёмники шотландского короля, которые потом получили участок земли и получили шотландское дворянство в то время. Потом были религиозные войны XVI-XVII веков, и эти мои предки всё время меняли свою принадлежность: одно время были католиками, потом перешли к протестантам. В какой-то момент они, возможно по идейным убеждениям, не переменили вероисповедание и, в результате, с конца XVII — начала XVIII обеднели. Какие-то земли остались, но в основном с тех пор они пошли в свободные профессии. Сначала они выступали в качестве священников, а к началу XIX века уже стали юристами — из них вышла целая плеяда юристов.

Дед моей матери был очень известным юристом. На его судебных решениях основываются все законодательства по правам потребителей не только Великобритании, но и Британского содружества. Есть такой анекдотический случай, что некая женщина из рабочей среды пошла в магазин в Пейсли (Paisley) недалеко от Глазго и купила бутылку имбирного лимонада. Оказалось, что в лимонаде плавала улитка. Она начала судиться. И дедушка доказал, что она имеет право покупать качественные товары, а продавец обязан обеспечивать это качество. Сначала это пошло в апелляционный суд, но апелляционный суд решил не в пользу решения моего деда. Потом это пошло в Верховный суд (в Великобритании в то время не было как такового верховного суда, это решалось в Палате лордов), и лорды большинством голосов решили, что прав дед. Этот случай сейчас преподаётся абсолютно во всех наших учебниках законодательства и юриспруденции для студентов. Его все знают.

Недавно был юбилей со дня его рождения — 150 лет, в Шотландии это помнят. Мы решили передать бумаги деда в Шотландский национальный архив. Как все архивы, они не очень охотно откликнулись на наше предложение, но, когда узнали, кто он (поскольку есть связь с этим знаменитым процессом), они, конечно, взяли у нас его бумаги.

Есть ещё один достаточно забавный случай с дедом. После того, как пришла к власти партия лейбористов (это послевоенные выборы 1945 г.), надо было назначить на должность клерка Lord Justice Clerk — того, кто опреде-

ляет особо сложные случаи, — были разные предложения, но потом оказалось, что единственный достойный человек — это, всё-таки, мой дед. Он не был лейбористом (что было фактически исключено для его социального слоя в то время), на тем не менее на два-три года стал тайным советником. Но вскоре заболел, т.к. был уже в почтенном возрасте (он родился в 1870 году, ему было уже под 80), и скончался... Генеалогия рода моей матери очень хорошо исследована, там много достоверного, о чём я могу много рассказывать. Например, один из предков любил вызывать своих академических коллег на дуэли в начале XIX века. Надо уточнить, что многое из этого я узнала не от родственников, а из письменных источников.

Но если говорить о предках отца, то там мы знаем очень мало. Его мать была прислугой, забеременела от хозяина дома, который был вдовцом. Она отдала моего отца усыновителям. Единственное, что от неё осталось — довольно странный подарок. Когда мои родители женились, они получили один подарок, никем не подписанный. Но догадались, что это от матери моего отца, которая не чувствовала себя вправе общаться с сыном из-за того, что отдала его на усыновление (у отца не было даже свидетельства о рождении, а только свидетельство об усыновлении).

Дедушки и бабушки с обеих сторон существовали для меня только из рассказов матери. Она была с университетским образованием (музыковедение), родители отправили её туда принципиально — они считали, что она должна получить университетское образование. Хотя ей это

было совершенно неинтересно. Она была музыкантом и хотела учиться только в консерватории. Но ей не дали и отправили в Париж. Там она брала уроки у знаменитого в то время виолончелиста Пьера Фурнье (Pierre Fournier). Университет ей был ни к чему, но её всё-таки туда отправили.

Отец был из совсем другой среды — из семьи рабочих. Он вырос в приёмной семье шахтёра. Это не нищество, потому что шахтёры хорошо зарабатывали — это верхушка рабочего класса. Дедушка не пил. Они были «плимутскими братьями» — это довольно жёсткая конфессия евангелистов. Надо сказать, что все деньги, которые он приносил в дом, использовались исключительно на нужды семьи. Так что, со стороны отца у меня даже меньше трёх поколений. Я думаю, что не только в советских, но и во многих британских рабочих семьях память также ограничивалась тремя поколениями.

А со стороны матери даже сохранились некоторые вещи предков. Например, портрет прапрадеда, нарисованный его сестрой. Есть ещё китайская миска, она из дома в Кэлвин Гроув — это дом под Глазго, его снесли в 1899 г. (на этом месте сейчас знаменитый музей искусств). Жившие там люди хорошо исследованы, это купеческая семья, породнившаяся с родом моей матери. У них были немалые богатства, которые исчезли во время экономического кризиса начала XIX века... Это довольно распространённая история.

Мне интересен не Вильгельм Завоеватель, потому что это какие-то со-

мнительные семейные легенды. А то, что касается испанских предков, мне это кажется более достоверным.

Хочу добавить о прадеде со стороны моей матери. Она видела довольно поздние документы, по которым выходило, что он сын джентльмена (дворянина). Но потом выяснилось другое. Сейчас есть абсолютно замечательный генеалогический портал Ancestry.com. По шотландским принципам экономии я пользовалась им, когда там были бесплатные спецпредложения. Оказалось, что прапрадед был не джентльменом, как считала мать, а был лакеем в господском доме. И несмотря на это, его сын стал юристом, почётным гражданином лондонского Сити и жил в конце жизни в Хэмпстеде. Это такая длинная история преуспевания в буржуазной среде. Можно написать об этом интересную работу по линии семейных историй, о которых мы не знали (но это не моя тема), потому что считали, что Великобритания (и в чём-то это действительно так) — это сословное общество, где очень мало социального продвижения. Но оказывается, если смотреть на истории отдельных семей, то всё выглядит по-иному.

С.Э.: В Википедии написано, что ваш дед — знаменитый юрист — был лорд. Как он стал лордом, если его отец был лакеем?

К.К.: Это другой дед. Знаменитый юрист — это отец моей матери. А юрист из очень простой семьи, который стал почётным гражданином и жил в Лондоне — это дедушка мамы со стороны её матери. Всех шотландских судей, дослужившихся до

определённого чина, называют лордами. Это не совсем то же, что и член Палаты лордов. Но для Шотландии это нечто — это знать Эдинбурга своего времени.

С.Э.: Ваши родители музыканты?

К.К.: Да, отец был пианист, а мать — виолончелистка.

С.Э.: А ваш отец воевал?

К.К.: Нет, он гораздо моложе. Он родился в 1929 и заведомо не успел. Мать с 1921 года, т. е. гораздо старше его. Её родственники всегда шутили, что отец женился на матери в связи с тем, что у неё высокое социальное положение и много денег. Денег так уж много не было, но по сравнению с шахтёрской семьёй они были богачами. Его же родственники, наоборот, считали, что мама вышла замуж за папу, потому что это был её «последний шанс» — ей к тому времени было под 40. Это семейная шутка, но не исключено, что кто-то действительно так считал.

С.Э.: Вы из семьи музыкантов, но стали историком. Расскажите, пожалуйста, о вашем выборе профессии историка и о том, почему выбрали именно славистику (русскую историю). Какие у вас были мотивы для такого выбора?

К.К.: Я думаю, что тут нужно рассказывать наоборот. Первый выбор был не столько в пользу славистики, сколько в пользу русской литературы. В первый раз я узнала про Россию довольно рано, когда мне было лет 6–7 — были знакомые мальчики из семьи русской балетной танцов-

щицы. Звали ее Анна, фамилию, к сожалению, не помню. Но всё, что я помню, это только её облик балерины — тонкий силуэт красивой женщины, которая почему-то (!) стоит у кухонной раковины. Это единственное, что я помню. Ещё я помню, что очень любила сказку, которая оказалась потом русской — это «Семь Симеонов» с очень изящными иллюстрациями художника-эмигранта Бориса Арцыбашева. А в школьном возрасте это было в 1969 году, когда передавали драматическую постановку «Войны и мира» по четвёртому каналу радио ББС. И двадцать недель подряд — каждую неделю почти шесть месяцев — мы всей семьёй (в то время у нас не было телевизора) слушали. И даже когда мы отдыхали в Ирландии, хотя там было очень плохо слышно, мы ритуально сидели всей семьёй у приёмника и слушали «Войну и мир». Сохранились воспоминания — русские колокола, которые звучат не как наши, пушки и т. д. В этом возрасте это всё воспринимается сильнее, потому что воспроизводится всё на уровне семейной саги. И мы именно так и воспринимали — переименовали всех кукол: у нас не было традиционных кукол, но были маленькие лошадки, и одна лошадка стала, Бóрисом, потому что мы проносили с неправильным ударением. А потом оказалось, что в школе преподают русский. Я сразу сказала, что хочу его учить.

Но мне сказали, что это будет возможно чуть позже, с 13 лет. Нам устроили небольшую, но очень удачную рекламу, объяснив, что это даётся только очень умненьким девочкам, которые готовы прилагать усердие. И самое первое впечатление — что

русский язык не такой трудный, как о нём рассказывали. Я даже почувствовала разочарование, потому что мне говорили, что он ни на что не похож, и я ожидала что-то вроде китайского языка.

У нас была совершенно замечательная преподавательница из первой волны эмигрантов мадам Кнупферр, и это тоже живая история. Она родилась в 1913 году. После того, как семья уехала из России, как многие монархисты они переехали в Сербию в Королевство Югославии. Она училась в так называемом Харьковском институте для благородных девиц в изгнании. Т.е. это был институт смольнинского типа, где они носили классические передники. Она очень этим гордилась. Мать моей давней подруги была из семьи Сумароковых-Эльстонов — это графская семья, её бабушка — двоюродная сестра Феликса Юсупова. Им был присущ очень определённый русский язык и очень определённое отношение к жизни. Но единственное чисто русское из того, что я помню — они устроили достаточно формальный ужин вечером, пригласили Елизавету Хиль (бывшую профессоршу русской литературы в Кембридже), которая была из британской русской семьи. Я помню, что сначала были закуски с водкой. У них в изгнании сохранились малахитовые предметы и огромные фотографии охоты, пикников и прогулок в лесу с большими усатыми мужчинами. Но мне запомнилась именно привычка выпивать под закуски в начале обеда... И сочетание этой среды и того, что они всё время издевались над советским русским: что те безграмотно говорят «сколько времени», а не «который

час»; и «Печень продаётся в столовых» — вместо «печёнка». По последнему поводу они возмущались: «Печень? Но это же для людоедов. Приличный человек должен говорить “печёнка”».

С.Э.: А откуда они слышали живую советскую русскую речь?

К.К.: Я думаю, что они больше читали, и всё время бродили одни и те же рассказы. Мать моей подруги всё-таки ездила в Советский Союз. Но они очень боялись таких путешествий! Моя школьная преподавательница считала, что её сына пытались отравить в Советском Союзе. Тогда это звучало очень смешно и даже дико. Это сейчас менее смешно...

И вот сочетание этой эмигрантской среды и кондового советского учебника для не носителей языка, по которому мы учились: с одной стороны — рассказы про Николая II и Институт благородных девиц; а с другой стороны — рассказы про Юрия Гагарина, про маленького Ленина, и про собирающих грибы и ягоды детей. В дополнение мы проходили ещё русскую литературу. Это к тому, что независимо от намерений авторов учебника, а скорее от намерения нашей школьной учительницы, которая жила историей России, создавался исторический контекст.

Когда я впервые приехала в Советский Союз в 1979 году, я была месяц на курсах усовершенствования языка в Ленинграде. Это был Политехнический институт. Это старые общежития. Сейчас я понимаю, что это очень элитное общежитие, часть основного кампуса Политеха, впол-

не достойная постройка эпохи дореволюционного модерна. А тогда это казалось той же советчиной, как все остальные, потому что все постройки были покрашены в серый цвет, изредка в жёлтый — как здания института, но большинство домов были именно серого цвета...

А потом я была год в Воронеже на стажировке, где не было никакой памяти дореволюционной эпохи. Там удалось познакомиться с Натальей Евгеньевной Штемпель — абсолютно замечательной женщиной, дружившей с Мандельштамами во время их воронежской ссылки. Она жила во флигельке дома XIX века на Некрасова (я помню это место и даже выискала его, когда была во второй раз в Воронеже в 2018 году).

С. Э.: А в 1981 году она вам что-то рассказывала про Мандельштама или боялась?

К. К.: Нет, не боялась. Она была человеком, который ничего не боялся. Дело в том, что я, может быть, поступила неправильно — я была там с другим студентом из Оксфорда, который уже бывал у неё ранее. И я принципиально не затрагивала тему Мандельштама, потому что все, кто бывали у неё, спрашивали об этом, а не о её собственной жизни. Но я даже рада. Очевидно, что у неё были и рассказы о Мандельштаме, но я её воспринимаю, как человека, интересного и в других отношениях тоже.

Я помню, как она сказала, что хорошо понимает мое неловкое положение, когда от меня ожидают ответной реакции. Была такая советская тра-

дия, если тебя пригласили на обед, а ты, например, из Англии то, то в ответ ждут, что ты купишь им джинсы. Было такое чувство (особенно в провинции), что ты как иностранец находишься в каких-то торговых отношениях с русскими. Конечно, не всегда было так. Но это была единственная возможность для советских людей выйти на западные товары — познакомиться со студентами из-за границы и начать какие-то торговые отношения. И всё это процветало в то время. И я тогда ответила ей, что всё время попадаю в какие-то сложные ситуации, потому что если тебя пригласили на ужин, то от тебя ожидается, что в ответ ты купишь им то ли лифчик, то ли помаду и т. д. И Наталья Евгеньевна сказала, что это ужасно и что мать её учила, что надо делать людям добро в надежде, что они сделают тоже самое не тебе, а другим людям. Это она говорила как человек верующий.

С. Э.: Для русских это особенно интересно, потому что вы видели Советский Союз со стороны, тогда как мы воспринимали ситуацию изнутри, как нечто само собой разумеющееся. Вы год прожили в Воронеже, что вас там особенно удивило?

К. К.: Если говорить откровенно, меня удивил уровень сексуального цинизма советских студентов. Это ярко выразалось в отношении к представителям западных стран. Потому что приезжих иностранок считали просто «отчаянными давалками» (простите за грубость!). Мол, они не будут отказываться. Тогда не было порнофильмов, но ходили какие-то дикие слухи о «западном разврате». Я помню, что в 1988–1989 году

я сидела в Доме литераторов в Москве, и один писатель говорил при мне другому писателю, что было бы очень хорошо пригласить меня и моего мужа и устроить «встречу вчетвером». Конечно, я была информирована, что такие вещи существуют, но открыто говорить такое при малознакомой молодой женщине даже в шутку!.. Честно говоря, это такая откровенная пошлость! Если так рассуждала московская интеллигенция, то что говорить об общежитии рабфака. К нам постоянно приставали (надо сказать, что приставали и студенты африканцы), вот таким было самое мое поразительное впечатление от советских реалий. Очень чувствовался зазор между официальной ханжеской моралью и тем, что мы видели своими глазами в общежитии. И я думаю, что мы видели намного больше, чем хорошо воспитанные девушки-студентки, жившие с родителями дома.

Ещё из того, что запомнилось из советской провинции — в то время в Воронеже не было никакого мяса в государственных магазинах, о нём даже не мечталось. Была какая-то очень плохая колбаса, масло-не-масло — 50–60%, совсем белое. С продуктами было совсем плохо. Но в других отношениях было гораздо легче, чем в Москве, потому что всегда более-менее было ясно, что будет продаваться — не было внезапных дефицитов, т.к. не было ничего интересного для покупателей. Всегда можно было купить «российский» или «литовский» сыр — два или три вида сыра в самом большом гастрономе рядом с вокзалом. Ещё — очень хороший хлеб. Не зря хвалят советский хлеб. Мне даже кажется, что

его хвалят недостаточно в сравнении с советскими тортами и различными сладостями, которые меня, например, так не привлекали. Хлеб был лучше. Была стандартная реакция британских девушек, приехавших в СССР, они довольно быстро поправлялись из-за сладостей. Я их не ела и, наоборот, сильно похудела.

Если сравнивать, то рынок был ещё более-менее — приезжали торговцы с Кавказа и Средней Азии, тем более что в Воронеж оттуда близко, ездили с пересадкой в Краснодаре. Билеты были недорогими, проблемой было достать их, но у рыночных торговцев блата было сколько угодно, и они могли себе многое позволить.

Поздней осенью 1980 г. тогдашний культурный атташе британского посольства с женой и ещё коллегой из посольства плюс преподаватель Лидского университета во время официального визита к стажерам в Воронеже вели нас в (как считалось) лучший ресторан города. По воспоминаниям, это был ресторан гостиницы «Россия». А оказалось, что там из советской публики были главным образом рыночные кавказские торговцы. Гудела музыка, люди напивались, а мы сидели и вели чинную беседу и рассказывали дипломатам, что нам в Воронеже не всегда просто, т.к. особенно, когда человек из Лондона, то не всегда просто найти общий язык со студентами рабфака из рабочего посёлка. Мне, к сожалению, не очень хватало тогда аналитического ума, антропологической способности общаться с людьми на их уровне. Я была в молодости жутко застенчива, тем более что это был другой язык и другая среда. И я помню, что

одна из посольских жён сказала нам несколько высокомерно, что нужно уметь общаться со всякого рода людьми. И именно в тот момент подошёл пьяный торговец и буквально за шиворот взял девушку, утащил её на танцплощадку и стал её кружить. И в сочетании с проповедью посольских работников эта панорама советской жизни и советского разврата выглядела весьма пикантно. Мы смотрели на это с иронией, посмеиваясь над советами... Простите, это скорее анекдотические истории.

С.Э.: Это очень интересно. Вы увидели, что официальная пропаганда — это одно, а реальная жизнь с этой пропагандой абсолютно не стыкуется.

К.К.: И с другой стороны — то, что говорят самые достоверные источники нашего советского опыта — это отчёты, которые писали наши студенты, вернувшиеся из Воронежа. Мы читали эти тексты с интересом. Я недавно нашла свой отчет (так что я говорю не только по воспоминаниям, но и опираясь на него и свои письма домой). У меня первые месяцы шла частая переписка с домом, потому что я сильно скучала по друзьям и домашним. В определённый момент эта переписка прекратилась, т.к. мы уже немного обжились, прижились и стали чувствовать себя немного лучше. Тем более, что было лето, уже тепло и даже жарко, когда Воронеж превращается не в северный, а уже в южный город, когда возникает уже некоторая раскованность в хорошем смысле. Я помню, это было 9 мая, первый тёплый день и первый весёлый праздник. Как бы странно это ни звучало, но 9 мая —

это народный праздник в чистом виде. Люди вышли на улицы, гуляли, я помню народные гуляния вечером. В отличие от 1 мая или 7 ноября, которые были скорее официальными праздниками.

С.Э.: Вы рассказали о состоянии с продуктами в Воронеже, и это показывает, что в Советском Союзе в этом отношении было далеко не всё благополучно.

К.К.: Надо сказать, что для определённой когорты всё было по-другому. Мать моей знакомой жила в Ленинграде и работала в научном институте, её отец работал тоже в научном институте на ответственных должностях. Они были учёными и, естественно, жили не так, как люди в Воронеже. Когда мать знакомой жаловалась, что сейчас ей трудно покупать масло и мясо такого качества, которые были в Советском Союзе, я ей верю, потому что ей просто повезло в отличие от некоторых.

С.Э.: Конечно. В Ленинграде и Москве было другое снабжение в отличие от всей страны.

К.К.: Особенно если учитывать систему спецзаказов.

С.Э.: У вас вышло почти десять книг по дореволюционной и советской тематике. Как вы можете сформулировать в целом — что такое Россия?

К.К.: Здесь возможны разные ответы. Один из них как будто не зависит от России. Когда я устраивалась на место, которое сейчас занимаю в Кембридже, меня пригласили

рассказать о своей научной жизни. Было понятно, что рассказать об этом, как мы говорим сейчас, тогда было нельзя, нужно было как-то аналитически к этому подойти. И я рассказывала, что моя деятельность связана с понятиями ценности. Например, что касается работы под достаточно скандальным названием «Социалистические церкви», тема, которой посвящена эта работа — история церквей, бывших официальными памятниками в советское время, о том, что с ними происходило. Оказалось, что церковь могла попасть из категории абсолютно ненужной (то, что можно сносить), как например Казанская церковь, которая стоит в Петербургском Новодевичьем монастыре, в разряд памятников культуры. Все понимают сейчас, что это шедевр новорусского стиля с замечательными мозаиками, интересной архитектурой, но как будто нехарактерной в петербургском контексте. Потому что это даже не новорусская, а нововизантийская церковь, и самый и другой её очевидный пример снесли — это Греческая церковь святого великомученика Дмитрия Солунского. О ней есть стихи Бродского, все про неё знают. Она стояла на Лиговском проспекте 4. Она бы стала ценным объектом в 1970-х годах. Но в 1928 г. из Отдела Коммунального хозяйства Ленсовета обратились в отделение Охраны памятников и попросили снести эту церковь, т.к. позарез нужен кирпич. Я думаю, что у воцерковлённых есть своя точка зрения на эту ситуацию: они считают, что самой очевидной целью советской власти было любым образом сносить церкви. Я думаю, в жизни всё было намного сложнее.

У разных советских институтов была разная мотивация. «Воинствующие безбожники» заседали в райкомах. У Откомхоза есть нормы по застройкам, нужно доставать стройматериалы. У сотрудников Отдела по охране памятников свои ценности, вообще не связанные с тем, чтобы оставить храм для нужд верующих. В первое время оставляли, это было начало 20-х годов, когда разрешали по распоряжению власти. Но чиновники работают с бюрократическим материалом, который им достаётся. Они считали, что Смольный собор — это работа знаменитого архитектора Растрелли, и этот памятник ни за что нельзя сносить. А что касается Казанской церкви, то она никакой архитектурной ценности не представляет. Я хочу сказать, что одна и та же церковь бытовала в разные времена в разных категориях. Это один пример, но эта проблема проходит через книгу красной нитью.

Я также собрала издания своих эссе и статьи по предложению Оксфордского издательства *Legenda* (Legenda) и задалась вопросом, что включить в сборник, т.к. там у меня довольно много материала, не вошедшего в книги, и решила, что определяющим фактором там станет идея маргинальности. Меня очень интересует маргинальность. Но надо сказать, что по отношению к британской культуре русская культура всегда считалась маргинальной, потому что это далеко. А с другой стороны — есть особая близость, потому что это два имперских народа. Даже сейчас, несмотря на Бориса Джонсона и поддержку Украины, довольно много людей (особенно старшего поколения) сочувствуют Путину,

а Украина — это, как наша Шотландия, которая хочет отделиться, «это сепаратисты, не понимающие, что лучше быть вместе с большой страной».

Так что имперское сознание очень важно в обоих случаях. Но на Россию, всё-таки, смотрят как на далёкую страну.

Но что важнее (я занималась маргинальными вопросами в контексте русской культуры) — это гендерные вопросы, история детства, которыми раньше не очень занимались в России (но были коллеги — Виталий Безрогов, безвременно скончавшийся, который продвигал это дело). Россия сейчас замечательно занимается историей детства, но тогда, когда я начинала работу над этой темой, не так много российских коллег интересовались этим сюжетом. Хорошо помню, разговор с симпатичным сотрудником инотдела АН; когда я была в Петербурге в 2002 году и сказала, что хочу заниматься историей детства. Он ответил: «Это чудная тема». Было очевидно, что это его искренняя реакция. Для многих было важно, что иностранец занялся этой темой. Это значило, что она имеет какое-то значение и за границей. Потому что тогда преодолевалось отчуждение от внешнего мира, которое сейчас характерно для русской культуры. «Евроремонт» — это слово, которое многое говорит о том, что все стремились в Европу. Не будем сейчас обсуждать, кто виноват, а кто нет, но отчуждение сейчас существует.

Ещё я с интересом занималась историей еврейских общин в России

и включила в этот сборник статью, которую написала на основе доклада, когда выступала в 2017 году в Нью-Йорке в Организации по исследованию языка идиш в Центре еврейской культуры (YIVO) с докладом о еврейских детях и их судьбе. Как оказывается, очень мало про это писали. Мне помогали в работе коллеги в Центре иудаики Европейского университета (это замечательное место!) Валерий Дымшиц, Алла Соколова — приятная знающая публика, хочется им выразить благодарность.

Ещё у меня есть статья про права животных, которая вышла в НЛО. У них была тогда подборка статей, посвящённых рабству, и я написала статью про животных в качестве рабов. Животных сравнивают с рабами (или скорее наоборот) Аристотель и другие. Это рамка для сравнения «Холстомера» Толстого с «Чёрным красавчиком» классика детской литературы Анны Сьюэлл. Есть много переключек между этими двумя рассказами. Я даже задавалась вопросом, не было ли так, что сначала Толстой читал «Чёрного красавчика», ведь он прекрасно знал английский и интересовался вопросами прав животных. Но я не сумела это зафиксировать: я смотрела указатели собрания сочинений, но не нашла там упоминаний Сьюэлл. Считается, что Толстой начал писать «Холстомера» раньше, чем вышел роман Сьюэлл. Но поскольку время, когда писались черновые варианты рассказа Толстого, тоже под вопросом — это не исключено. Но это и не важно. Важен общий контекст. И, опять-таки, животные — это как будто маргиналы общества. Я думаю, что три четверти слушателей на том мероприятии

НЛО считали, что я сошла с ума, потому что при обсуждении темы рабства я говорила про лошадок. Но некоторые меня поняли, один знакомый, например, задал очень важный вопрос про эмоциональную поддержку животных. Но общее течение конференции было другое.

Ещё была статья про «Волк и человек» Фрейда. Про него, конечно, замечательно написал Александр Эткинд, но у меня немного другой ракурс: про фольклорную подоплёку белого волка, а именно — что это могло значить для полуукраинской, полурусской няни Сергея Панкеева, которая была из Смоленской области, и там были определённые поверья про белых волков.

С. Э.: Давайте перейдём к нашей современной теме. После вторжения Путина в Украину возникли большие проблемы для русской культуры. К сожалению, люди отождествляют русскую культуру с военными преступниками из путинской армии. В том смысле, что именно такими зверьми русских воспитала русская литература, хотя сомнительно, что насильники в Буче читали что-то кроме «Курочки Рябы»... Но есть даже предположение, что Бродский своим стихотворением «На независимость Украины» воспитал их. Мне это неприятно слышать... А как вы относитесь к таким утверждениям? Как отражаются в Англии подобные настроения, что произведения русской культуры нужно либо полностью удалить из публичного обращения, либо радикально уменьшить, потому что Путин, русские и русская культура — это одно и то же?

К. К.: Я бы сказала, что нет. Бытующий в российских СМИ рассказ, что британский симфонический оркестр «обнулil» Чайковского — это полувраньё. На одном концерте действительно должны были вместе играть «Малороссийскую» симфонию и увертюру «1812 года» Чайковского. Это сочетание на фоне вторжения в Украину, мягко говоря, смотрелось не слишком гармонично, и этот концерт отменили из-за политических ассоциаций. Это было в рамках серии концертов Чайковского. Насколько мне известно, все другие концерты программы состоялись. Но этот случай чуть ли не полгода крутится в российском Интернете как пример кэнселинга русской культуры.

Кроме того, очень много профессиональных троллей т.н. ольгинская фабрика Пригожина и т.д. Они участвуют в распространении такого рода слухов. Ещё писали и говорили, что всех до одного русских студентов сразу отправят из Англии домой, но, естественно, этого не было. Вместо этого их начали поддерживать — предлагали психологическую, финансовую поддержку, займы, чтобы они не были вынуждены покинуть страну и продолжали учёбу.

Я бы сказала — наоборот — Путина, русских и русскую культуру умеют отличать и разделяют. Иногда даже наоборот — наивно считают, что за то, что российские войска находятся в Украине, ответственность несёт один Путин.

При этом данные сомнительных опросов не могут считаться свидетельством массовой поддержки Путина. Могу привести личный при-

мер. Шесть лет назад я была в Петербурге на какой-то демонстрации за мир, которая была в поддержку Украины, и участники ходили с синне-жёлтыми флагами. Меня оставила девушка и спросила, можно ли задать вопрос. Я поинтересовалась — зачем. Она ответила, что она студентка ВШЭ и это для курсовой работы. Даже зная, что ничего опасного для меня нет, на её вопрос, как я отношусь к Путину, я осторожно ответила, что он в очень тяжёлой ситуации. В кризисной ситуации, будем говорить откровенно — войны (незачем скрывать это, когда мы находимся за границей), люди чаще отвечают то, на что рассчитывает слушающий. Можно объяснить этот момент так: люди опасаются, они не хотят выделяться, не хотят неприятностей. Отвечающий предполагает, что у спрашивающего может быть мнение, отличное от его собственного. Скажем, если я говорю, что я за «спецоперацию», а у этого человека, может быть, погибли в Мариуполе родители, а я считаю, что их убили украинцы. Поэтому доверять нынешним соцопросам нельзя.

Судя по разговорам в Интернете и официальным источникам, самое интересное сейчас не то, что говорят, а то — что не говорят. Например, про нацизм сейчас говорят гораздо меньше, чем прежде. И я не сказала бы, что это исчезло совсем. Но как будто с процессом над батальоном «Азов» задерживаются, и скорее всего его не будет, поскольку начальников уже выпустили. Когда меня спрашивают, как я оцениваю реакцию русских людей на войну, я говорю, что это действительно сложно, и поэтому многие выбирают молчание. Вначале

многие подписались под петициями с осуждением войны. А потом их грозили уволить. Кончилась эта волна, и кое-кого заставили подписать: «Я солидарна со своей страной и считаю, что у нашего президента очень сложная ситуация». Была даже такая фраза у ректоров: «выстраданное решение» — естественно, это доходит до абсурда. Но потом прекратилась и эта волна, и сейчас царит неопределённость. Очень беспокоит ситуация, когда на мой вопрос, как у них дела, мне пишут знакомые: «У нас, по крайней мере, пока не пишут доносы» — и это считается хорошо. Мне кажется, что эти доносы на преподавателей — это просто ужасно! И когда думаешь, что это поощряется в каких-то университетах!.. И эти Зигующие!.. Волосы седеют и страшно от того, что они пишут. С другой стороны, этот показной патриотизм особенно омерзителен, потому что это стало фактором и карьерного продвижения. Хочу отметить, что когда я в 2000-х занималась исследованием национализма в России в его бытовом и идеологическом аспектах, то заметила, что для русских это всегда было чем-то маргинальным. Возможно я неправа применительно к современной ситуации, поскольку наблюдаю ее со стороны. Я не претендую на безошибочное понимание. Скорее наоборот.

С.Э.: Есть правило, что в кризисных ситуациях опросы проводить нельзя, потому что никогда не получишь искреннего ответа. Непонятно, почему этим сейчас занимается «Левада-Центр», который (по крайней мере до последнего времени) считался серьёзной организацией, делающей опросы на

основе релевантной выборки. Но если раньше отвечал один из десяти, то сейчас отвечает один из ста. Люди просто не отвечают на вопросы, а те, кто отвечает — часто отвечают не так, как на самом деле думают, потому что просто боятся. Т.е. на эти опросы вообще нельзя опираться и делать на их основе выводы. По их опросам получается, что сейчас чуть ли не 100% опрошенных поддерживают Путина. Это неправда.

К.К.: Надо иметь в виду, что само правительство работает на основе фокус-групп, но это тоже тупик. Мы видели это по кризисному состоянию нашего правительства при Джонсоне — когда человек всё время смотрит на реакции фокус-групп, он становится ни на что не способным. Речь, ориентированная на данную аудиторию, очень изменчива и даже в чём-то кокетлива, т.к. эти люди не привыкли, что на них обращают внимание и чувствуют, что просто находятся в аудитории и на них, наконец-то, обратили внимание и они могут говорить всё что угодно. Даже если они не боятся, то можно сказать, что такого рода подход (особенно в кризисной ситуации) никуда не годится. Но эти истории очень далеки от меня — я не политолог и не социолог. Но я не уверена, что история нам всё это объясняет. Недавно опубликованы две небольшие книги, автор одной Орландо Файджес, а другой — Родрик Брейтвейт (бывший посол, ему сейчас под 90, и это большое достижение — написать книгу в таком возрасте). Обе книги основаны на идее, что, если основательно изучить российскую историю, то можно понять современные кризисные ситуации в России в обстоятельствах

вторжения и конфликтов с Западом. Но я до конца не уверена, что это так. В обеих книгах присутствует идея, что у России нет чётких географических границ. Да, но русский империализм никогда границами не определялся — если нужно было заступить за пределы этих границ, то так и происходило во многих случаях. Но я не думаю, что это самое существенное, я думаю, что для ситуации в Украине гораздо существеннее все эти панславистские идеи конца XIX века, русификация. Плюс, события поздней советские истории, на которые авторы двух книг как раз почти не обращают внимания (примерно 5 страниц про историю Хрущёва и Брежнева; гораздо больше про гласность и про Рюрика, но мне Рюрик в контексте современной России и Украины совсем неинтересен). Это к вопросу о том, как мифология древних источников влияет на политическую ситуацию. Это интересно. Но нужно, скорее, начать с того, что происходит сейчас, а не с «Повести временных лет». По крайней мере, мне так кажется.

Наверное, я и занимаюсь поздним советским периодом, потому что это даёт по крайней мере надежду лучше вникать в современность. Например, мне кажется, что очень важна кризисная ситуация в начале 90-х. Я очень хорошо помню 1992 год, когда ходила по Ленинграду, только что ставшему Санкт-Петербургом — я понимала, что 10 долларов в моей сумочке равны месячной зарплате многих жителей этого города, и я чувствовала, что хожу с ценой жизни в сумке, а люди как-то перебиваются на эту небольшую сумму; и второе — что меня могут зарезать

за эту небольшую сумму, значительную по отношению к местному уровню жизни. И когда свирепствовала «Память» (я помню, что знакомые евреи смертельно боялись), и ее активисты писали какие-то лозунги на стене дома, в котором я в тот момент жила в Петербурге, какую-то клевету про «Ленфильм», и что там каждый второй — еврей. В тот период было ещё ощущение свободы в чём-то, но свободы на фоне чего-то грозящего. Мне кажется, что то, что говорят про ресентимент — ещё можно понять. Но когда Зигующие ресурсы пишут, что «Запад будет голодать. Все мы замёрзнем в своих квартирах, потому что не будет отопления. Это всем нам урок», — я думаю, это их желание отомстить именно за эти годы. Я их не оправдываю, потому что не обязательно реагировать таким подлым образом на свой тяжёлый опыт, и далеко не все так реагируют. Ещё смешно, что как раз эти люди говорят о русской душевности, о способности всё прощать и православии, которое они абсолютно не понимают. И всё это вместе, эта ещё щемящая боль — я думаю, действительно нужно об этом думать. И ошибка Запада даже не столько в НАТО (тогда это был не такой вопрос, как сейчас, тогда даже считалось, что Россия может войти в НАТО и будут более близкие отношения с Западом), но то, что советы по поводу экономической либерализации во многом повлияли на ухудшение ситуации в России. И мне кажется, как-то нужно объяснить нашему левому флангу, который совсем не обращает на это внимание, читая свои интернет-ресурсы и считая, что Путин едва ли не коммунист. Как ни смешно, но они считают, что путинский режим

связан с великими, по их мнению, традициями советского социализма. Конечно, в действительности все обстоит наоборот, при Путине господствует самый голый неолиберализм, при котором большинство населения прозябает. Приведу бытовой пример: выходишь сейчас с Московского вокзала в Петербурге, и если ты на костылях, то нужно будет прохромать 200 метров, чтобы дойти до метро, а трамваи убрали, т.к. они мешают машинам. Нет никакого сочувствия к больным и неимущим российского общества. Это они сейчас сидят без газа, в то время как Россия снабжает газом весь мир.

С.Э.: **Даже в Ленинградской области есть ещё негазифицированные районные центры, не говоря уже о сёлах.**

К.К.: Их отправляют на фронт. «Пушечное мясо». Мы все про это знаем. Не надо всё это объяснять русскому читателю. А у нас некоторые люди этого не понимают, они видят только какие-то макроуровни, сентиментальные грёзы о социализме, которого, впрочем, они живьём, в отличие от меня, не видели. Это не в том смысле, чтобы оправдывать наш правый фланг, потому что, как ни странно, гораздо чаще они в этом походят как раз на левый фланг, сторонники которого считают Путина гением политики и науки. Я о том, что история — это не всегда битвы и героизм, а иногда просто моменты страдания, о которых потом вообще не хотят помнить. Это в чём-то напоминает ирландскую культуру, схожую с российской любовью к поэзии и пристрастием к спиртным напиткам. Я хорошо знаю Ирландию

и могу сказать, что люди не хотят помнить плохое из старых времён. Я помню, как одни соседи рассказывали о других соседях, что даже в XIX веке так плохо не жили. Причем это был абсолютно стандартный интерьер 40-х годов XX века — там был камин, духовка (правда старая и давно нечищенная, но в деревенских домах Ирландии так часто и не чистили), телёнок вполне мог находиться в доме, чтобы «бедное животное» не мёрзло в хлеву, тем более — курица с цыплятами... А про это сейчас не хотят помнить. Я даже задаюсь вопросом — должна ли я вырезать из Предисловия своих статей момент о том, как наша ирландская соседка регулярно выходила на улицу и писала прямо на стену дома. У них был в доме телевизор, но не было ванны и водопровода. В сельской Ирландии эти атрибуты цивилизации стали появляться только в 70-х годах. И всё это было на моей памяти.

В нашем доме в Ирландии электричество появилось только в 70-х годах! Это было сделано на манер «советской электрификации», и мы получили почти бесплатное электричество в 1974 году. В стране, которая сейчас стала богатой.

С. Э.: Третье место в мире!

К. К.: Это всё очень условно, потому что запад Ирландии, где находится наш дом, переменялся гораздо меньше, чем Дублин. Дублин и дублинцев на западе Ирландии «любят» так же, как в провинциальной России «любят» москвичей: всё время жалуются на их надменность, на то, какие у них огромные японские машины («танки»), на которых они теснят всех на

дорогах. Если говорить про макроординаты — это сейчас очень богатая страна. Как и в случае Финляндии. Я помню, что отец моей знакомой в Петербурге всё время рассказывал в компании, какая была нищая страна Финляндия в 40-х годах: «А сейчас посмотрите на Финляндию, посмотрите на Россию — как это всё так получилось?»

С. Э.: Это хорошие примеры того, как нельзя утверждать, что история предопределяет будущее. Если есть желание, можно это предопределение отменить и изменить жизнь, т. е. не надо «отсчитывать от Рюрика».

К. К.: Я не говорю, что Великобритания — образец для всего мира, потому что сейчас, всё-таки, тяжёлый политический кризис. Я не знаю, был бы этот кризис ещё хуже, если бы всё время ссылались на какие-то исторические примеры. Но стоит посмотреть на учебник истории 20-х годов. Мне подарили такой в детстве, и он недавно обнаружился, когда мы разбирали библиотеку моих родителей. Учебник называется «Рассказы о Великобритании» (Hutchinson's The Story of Britain, 1920), и там кельтская королева Будицца, которая отомстила римлянам за изнасилование дочерей и за то, что их прилюдно били; естественно, там король Альфред — начало западной цивилизации и т.д. Почти все рассказы из далёкого прошлого подаются в позитивном ключе, там целые страницы офортов, эстампы, которые всё это изображают. Если это сравнивать с тем, как мы изучали историю в моей лондонской школе, где преобладали вполне прогрессивные представления об истории (но сейчас

я бы тоже сказала — это устаревший подход), то сейчас гораздо больше дается материалов из исторических источников и исторической литературы о негативных явлениях прошлого, и мне кажется, что это хорошо. Если наша националистическая пресса жалуется, что дети проходят не то, что нужно, то я даже рада, что они проходят НЕ то, что НУЖНО националистам. Единственная надежда, как говорила директриса одной московской школы несколько лет назад, когда школьные учебники истории в России начали накачивать патриотизмом: «Единственная надежда на леность наших школьников», что они сразу возненавидят эту программу, как было в советское время, когда все, связанное с пропагандой коммунизма, вызывало отторжение советских школьников. Есть надежда, что крайние формы идеологического воспитания школьников не будут иметь успеха. История учит, что все эти стремления обречены на провал.

С.Э.: Вы были председателем Ассоциации славистических, восточноевропейских и евразийских исследований. Её центр находится в Америке, а вы стали её первым неамериканским председателем. Как по вашему мнению повлияет война в Украине на будущее славистики? Русскими исследованиями перестанут заниматься вообще, станут заниматься меньше, или — наоборот — будут исследовать больше, и в каком ключе будут исследовать? Как вы предполагаете?

К.К.: Один из уже заметных результатов — это то, что гораздо больше заинтересовались украинской куль-

турой. Я не говорю, что заинтересованность стала больше, чем заинтересованность русской культурой, но об украинской культуре в западных странах (может, за исключением Германии) знали гораздо меньше. Количество приезжих не сильно влияет на представление рядового населения, но сейчас и «простые люди» понимают, кто такой украинец. Я слышала, как вахтёр колледжа говорит: «Я плохо понимал ситуацию в Украине, но оказалось, что с нами работает коллега с Украины, и он всё мне объяснил». Это говорит о том, что люди интересуются тем, что происходит на востоке Европы. И та волна сочувствия Украине, которая поднялась в первое время (она уже немного прошла, потому что сейчас идут жуткие наводнения в Пакистане — следующий кризис). В Британию приехало почти 50 тысяч, и несмотря на все попытки сопротивления приезду этих людей нашего Министерства внутренних дел, они приехали и живут (некоторые в семьях). И в Ирландии почти столько же, хотя страна меньше. Они устраивают праздники, играют украинскую музыку, люди про них знают.

Но если говорить про профессиональную сферу, то, например, оксфордская кафедра переименовалась — это уже кафедра славистики, а не русистики. Просто, чтобы не ущемлять украинских коллег, которые отказываются выступать с докладом на кафедре русистики. Поняли, что это название неправильное. Такой же абсурд, как называть кафедру романистики кафедрой французского языка и литературы. Сейчас это меняется и, я думаю, что будет больше специалистов по Украине,

украинской литературе и истории. Это очень здорово. Но из этого не следует, что должно быть меньше специалистов по русской литературе. Скорее, приходит понимание, что не только Россия, но и другие (и не только европейские) регионы бывшего СССР сейчас представляют интерес. Растет, в частности, интерес к Молдове в том числе, потому что некоторые считают, что Молдова — следующая в списке возможных целей Путина. Всё-таки, будем надеяться, что нет. Славистика — это понятие XIX века, и которое само нуждается в анализе и рефлексии, но пока с ней можно работать в понятии расширения всего этого региона.

С. Э.: То есть, вы считаете, что интерес возрастет?

К. К.: Я думаю, что возрастет. По опыту, будет только лучше. Но я знаю, что в России на это смотрят по-другому. Для многих россиян вопрос Российской империи, российского империализма — это просто вопрос на засыпку (так прямо и пишут на Facebook: «Зачем нам этот отстой?»). Во-первых, я думаю, что нужно кончить с определением некоторых тем как «отстой». Понятно, что после распада Советского Союза, когда возможно было писать обо всём и в любом духе, очень быстро стало заметно влияние академической моды. Я помню, были русские знакомые, которые каждый раз, когда я приезжала, сажали (это слово в обоих смыслах нужно воспринимать) меня на диван и начинали расспрашивать про новые идеи в академическом мире. И я очень плохо отвечала на такого рода вопросы, потому что я могу только определить

идеи, интересные лично мне. Правда, в Америке, в отличие от Европы, более озабочены вопросами новизны. Но, на мой взгляд, не обязательно за ними внимательно следить.

Сейчас важно понять, как работают имперские механизмы. В России уже существует замечательный журнал *Ab Imperio*, годами занимающийся такого рода вопросами. Но такие исследования не являются мейнстримом ни в России, ни за границей. Нужны, не только журналы, но и какие-то выставки. Но в России это нереально сейчас — критические выставки, посвящённые этой тематике. Но сейчас можно организовать какие-то выставки и конференции на Западе и в восточноевропейских странах. Я думаю, наступит такое время. Всё это было и в Британии в 1970-х — ранняя стадия феминизма, и ранняя стадия имперских историй — писали только про эксплуатацию и массовые убийства. Сейчас, естественно, на фоне войны в Украине, всё сосредоточивается на такого рода вопросах. Но это всё временно.

Было имперское строительство (не в смысле того, что мы дарили индийцам замечательную железную дорогу, как это писали у нас в газетах про Индию), но были и местные лидеры, у которых была своя повестка дня, как и в Средней Азии, и на Кавказе тоже. Тем более, что в то время российская и украинская интеллигенция были близки. И не только они. Но эти связи между империями тоже интересны. Сейчас, естественно, не хочется помнить про это, но в будущем это будет. В Ирландии, например, была Школа националистиче-

ской истории, которая продолжалась долго. Позже появилось то, что называли ревизионизмом, более нюансированным вариантом местной истории, который начал просачиваться в 1980-х — 1990-х годах. Такие как Рой Фостер (Roy Foster), например.

Очень интересна книга, вышедшая недавно Теренса Дули (Terence Dooley), *Burning the Big House*, про ирландские усадьбы. Раньше бытовали два нарратива про эти усадьбы. Первый из них: «Ура! Мы их сожгли! Мы вытеснили всех рабовладельцев». А второй — это «Ирландцы сожгли своё наследство». Это как будто два противоположных нарратива. А у Дули совсем другое. Он подчёркивает имущественный элемент в этом конфликте, что была борьба за эту землю. Это, вроде бы, даже первый — не сжечь дом, но присвоить себе эти земли, которые зря принадлежат британской элите. И на фоне ирландских земельных реформ, которые тоже повлияли на российский вариант — столыпинские реформы, создание земельных комиссий, раскупивших эти земли. В Ирландии всё случилось гораздо толковее, потому что эти земли раскупило государство и потом продавало их на основе долгосрочной ипотеки крестьянам. Им всё-таки удалось создать это крепкое крестьянство, которое в России только начало создаваться. Ещё в этой книге Дули интересно то, что автор подчёркивает региональный вариант, где очень многое зависело от того, сколько могли зарабатывать местные крестьяне от определённой семьи владельцев усадьбы. Если у них были хорошие отношения и было рентабельно вести дела, то они, естественно, не

давали террористам сжечь усадьбу. А если наоборот — семья вообще там не живёт, или живёт скряга, который не доплачивает прислуге, — то тогда местное население всецело на стороне поджигателей.

С. Э.: И наш завершающий вопрос, традиционно, о ваших творческих планах.

К. К.: В прошлом году я дописала книгу «История киностудии «Ленфильм». *Soviet Art House: Lenfilm Studio under Brezhnev* (название — каламбур: советский артхаус плюс дом советского искусства). Я была очень захвачена этой работой и с любовью писала эту книгу. Это тоже книга о Петербурге, но они разные. Что касается книги о «Ленфильме», то там много архивных материалов. Когда я писала об архитектуре, то там самой главной задачей было вообще найти материалы, т.к. их немного, и они разбросаны по разным фондам. Я работала чуть ли не в четырнадцати архивах. А что касается «Ленфильма», то это 3–4 архива: РГАЛИ, ЦГАЛИ, ЦГАИПД, Архив киностудии «Ленфильм» — в них мне более чем хватало материала. Там примерно три тысячи листов в год только одного партийного архива. Естественно, я всё это не могла просматривать. Я смотрела только открытые собрания первичной партийной организации, партбюро и творческих работников. Там оказалось очень много интересного. Они очень мало обсуждают идеологию, а гораздо больше практические вопросы — как достать хорошую плёнку и т.д.

А то, чем я занимаюсь сейчас: первый большой проект будет

«Историческое кино с 1953 года до 1991 года». Там не только Россия, но и другие республики. Я хотела взять Украину и уже собрала какие-то материалы в Киеве три года назад, и есть надежда продвинуть эту часть работы. Ещё я была в Латвии, на следующей неделе еду в Вильнюс. Хорошо было бы вернуться в Москву, потому что Москва — это имперский центр, которого не избежишь.

Еще один проект: сейчас я заканчиваю небольшую книгу о русской пище «Империя за столом» — это и кулинария, и пищевая промышленность. Сначала «Введение», а потом про историю русской пищи XIX-XX и начала XXI века. И помимо введения в тему, каждая глава будет посвящена определённому продукту — зерно, молоко, мясомолочное производство и т. д. Это немного «иг-

ры духа». Я сама люблю готовить. Жизнь намного улучшилась после того, как я сама на своей питерской квартире начала готовить, хотя есть возможность покупать готовое. И время лок-дауна в Британии было тоже погружением в кухонную тему, как и у всех. Я впервые в жизни начала готовить ржаной хлеб, и теперь умею его печь. Не мастерски, конечно, не так, как литовцы или латыши, но всё-таки более-менее сносно.

С. Э.: У вас было восемь книг, теперь будет десять!

К. К.: Да, но одна — тоненькая.

С. Э.: Спасибо большое за прекрасное интервью! Желаю вам успехов, и чтобы побыстрее вышли эти прекрасные книги.

М. Е. Сорока

КАК ИСТОРИКИ СОТРУДНИЧАЛИ С ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ДОКУМЕНТАМИ

Известные серии дипломатических документов об истоках Первой мировой войны, опубликованные правительствами держав-участниц в межвоенный период, стали вехой в отношениях историков и чиновников. Цель публикаций была политическая, а не научная, и правительства с большим трудом пошли на то, чтобы предоставить историкам доступ к документам, относящимся к недавнему прошлому. Все, кроме США, пошли на публикацию только потому, что материалы, опубликованные другой стороной, грозили создать у историков и у общества в целом неблагоприятное впечатление об их действиях в условиях июльского кризиса. Сборник под редакцией покойного д-ра Кита Уилсона, профессора Лидского университета (Британия), дает представление о том, как готовились монументальные тома серий и на каких условиях сотрудничали министерства и историки в разных странах.

Ключевые слова. Версальский протокол, серии документов об истоках войны, «война документов», архивы МИД, «патриотическая самооценка», историки, правительства.

Сведения об авторе: Сорока Марина Евгеньевна, независимый исследователь, PhD (Канада).

Контактная информация: mevorobieva@gmail.com

M. E. Soroka

HISTORIANS COLLABORATING WITH GOVERNMENTS. THE CASE OF DIPLOMATIC DOCUMENTS

The well-known international series of documents on the origins of World War I, published in the interwar period, became a milestone in the tense relationship between historians and officialdom. Everywhere the purpose of the publications was

political, rather than academic, and the governments were uneasy about allowing historians access to recent documents. All the governments, except the USA, decided to publish their diplomatic documents only because another government's publication might create an unfavorable opinion of their role in the July crisis among historians and in society. Nine collected essays edited by the late Dr. Keith Wilson of the Leeds University tell the stories of how the series were prepared and how various foreign ministries collaborated with historians in the task.

Key words. Versailles treaty, series on the origins of war, «war of documents», foreign ministries, «patriotic self-censorship», historians, governments

About the author: Marina E. Soroka — independent researcher, PhD (Canada).

Contact information: mevorobieva@gmail.com

Вопреки иронической констатации французского дипломата Жюль Камбона, что солдаты, а не дипломаты ходят в любимчиках у историков (*Cambon* 1926: 37), дипломатическая предыстория Первой мировой войны, так называемый «июльский кризис 1914 года», не обделен вниманием историков: к двадцать первому веку было опубликовано за три тысячи книг о нем, хотя число достойных внимания среди них куда меньше. Правда, после еще более жестокой бойни 1939–1945 гг. к Первой мировой и ее предыстории историки возвращались уже больше по случаю годовщин, последняя из которых была в 2014 г. К этому времени все большие издательства набрали множество рукописей с заголовками, в которых прямо или метафорически упоминалось слово «война»¹.

В 2011–2015 гг. в книжных магазинах появились сотни новых и пересмотренных старых книг о «Большой войне». В книгах последнего урожая

стало гораздо меньше разборов военных действий, а философских размышлений разной глубины — больше. Историки, как бы откликаясь на мысли английского историка и философа Герберта Баттерфилда, начали больше говорить об истории как о «театре этических сюжетов» (*Bentley* 2005: 80). Анника Момбауэр отметила, что при обсуждении обстоятельств возникновения войны термин «вина» стал непопулярным, его заменила «ответственность». Устарели объяснения факторов войны, рассматривающие действия только одного из правительств-участников. На июльский кризис смотрят как на событие огромного международного значения, а на войну — как на трагическое следствие многосторонних взаимодействий. (*Mombauer* 2015: 562). Короче, вопрос потерял политическую актуальность и стал академическим.

Возлагать всю ответственность за давно прошедшую войну на одну

¹ В 2011 г., после двух неудач я отправила в третье издательство заявку на книгу о русско-английских отношениях, по совету научного руководителя поменяв название: вместо милого моему сердцу «The Last Imperial Ambassador in London. Count A. K. Benckendorff» [Последний посол Российской империи в Британии. Граф А.К.Бенкендорф] я напечатала: «Britain, Russia and the Road to the First World War» [Британия, Россия и путь к Первой мировой войне]. Книга была принята и издана в том же году.

из сторон уже не тянет после книг, вроде нашумевшей в свое время лекции Джеймса Джолла «1914. The Unspoken Assumptions», что неуклюже переведу как «1914. Неозвученные убеждения». Джолл говорил о бытующих в обществе мнениях, которые настолько широко распространены, что современники даже не считают нужным их упоминать. Он напомнил историкам, что решения и позиции государственных деятелей начала века были продиктованы не только их публично высказанными мнениями, но и убеждениями неосознанными, впитанными из атмосферы, в которой они выросли. Например, для английских политиков времен июльского кризиса естественным был взгляд на международное положение, продиктованный социальным дарвинизмом. Закон естественного отбора, сформулированный Дарвином, неправомерно прилагался к человеческим обществам и расам и из него вытекало, что жизнь в обществе — это тоже борьба за существование, а следовательно конфликты неизбежны и даже благотворны, т.к. ведут к постепенному улучшению жизни на земле, давая лучшим образчикам человеческого рода, а также сильным расам и народам естественное преимущество над отсталыми и слабыми. Для этих политиков также не подлежало сомнению, что война подогревает патриотизм населения, что она помогает понизить давление, созданное внутренними конфликтами, и что сильное влияние общественного мнения заставляет современные правительства уступать страстям толпы. Читатель может сам судить, только ли в Англии политики придерживались этих взглядов.

Авнер Оффер написал в 1980 х гг. необычную книгу — об аграрной подоплеке Первой мировой — в которой, среди прочих, отмечает, что политики и пресса перед войной были совершенно заиклены на понятиях «чести» и «обиженного государства», и с их точки зрения, «оскорбленная честь» — отдельного ли человека, государства ли — всегда требовала скорого и устрашающего отмщения. Мысль, что честь политика может состоять в том, чтобы не разыгрывать героя, избежать вооруженного конфликта и пощадить свой народ; в том, чтобы, не слушая разжигателей страстей, взвесить реальную необходимость вступления в войну, отсутствовала в умах той политической элиты.

Так что в последние полвека историков и экспертов по национальной безопасности разных стран интересует прежде всего «как это случилось», а не «кто виноват». Тем не менее, «старые песни о главном» не вовсе стихли: в 2021 г. одновременно в Белграде министерством обороны и в Москве издательством «Алгоритм» издана книга сербского историка Миле Белаяца об истоках Первой мировой под боевым названием «Кому нужны ревизии истории?» Очевидный ответ для историка: науке нужны. То, что сербскому министерству обороны кажется ересью, в науке называется взглядом с новой стороны, через новую призму, в свете ставших известными новых фактов. Иначе что же, историкам строго держаться Версальского протокола 1919 года?

Ревизии полезны, даже когда неудачны: перемелется — мука будет.

Например, в 2011 г., д-р Шон Мак-Микин, поработав в турецких архивах, удивил ученый мир монографией (*McMeekin, Sean* 2011), в которой через восемьдесят лет после А.М. Зайончковского и М.Н. Покровского вновь возложил ответственность за развязывание войны на Российскую империю. С ним мало кто из специалистов согласился, но по прошествии десяти лет стало ясно, что критика его тезиса привела к появлению более основательных и интересных работ, по-новому рассматривающих политику стран Антанты и Тройственного Союза в 1914–1918 гг.

История, собственно, пишется путем постоянных «ревизий». Если бы не вечные поиски новой информации, сомнения и пересмотры уже известного, то зачем плодить диссертации — не для того же, чтобы подтвердить мнение предыдущего оратора?

Оппоненты вольны опровергать или соглашаться с новыми мнениями, но не прибегая при этом к поддержке министерств обороны или других государственных органов. Собственно, это и есть тема книги конца 1990-х годов, привлечшей наше внимание: в ней речь о том, почему и как правительства великих держав после

Первой мировой войны издавали дипломатические документы за период, предшествовавший войне, с щекотливой под-темой о том, какого рода сотрудничества потребовали от историков правительства, пригласившие их редактировать соответствующие серии. Об этом подробно рассказывают статьи сборника с интересным названием: с одной стороны, у глагола *forge* есть значение «ковать», «формировать», а с другой — «подделывать, делать фальшивки».

Во введении редактор сборника, доктор Кит Уилсон, предлагает четыре вывода из статей². Он считает, что интересы правительств (чиновников) и историков несовместимы, т. к. правительства считают, что государственные документы являются их собственностью и хранятся отнюдь не в научных целях. Он цитирует слова Фридриха Тимме, редактора германской серии документов по предыстории Первой мировой войны, о том, что как политик он никак не может согласиться, что издание было предпринято ради изучения современной истории. А британский историк Герберт Баттерфилд, обращаясь к коллегам, напомнил: «мы никогда не должны забывать о разнице между интересами чиновничества и ученого историка, не должны до-

² Кит Уилсон «Правительства, историки и «историческая инженерия»» и «Неравновесие в Британских документах об истоках войны, 1898–1914 гг: Гуч, Темперли и Министерство по делам Индии»; Кит Хэмилтон, «Историческая дипломатия Третьей Республики» и «В погоне за «Просвещенным патриотизмом»: британский Форин Офис и историки-исследователи во время и после Великой Войны»; Дерек У. Спринг, «Незавершенная серия: русские документы о происхождении Первой мировой войны»; Хольгер Г. Гервиг, «Обманутая Клио: патриотическая самоцензура в Германии после Великой Войны»; Герман Виттгенс, «Сенатор Оуэн, Шульдредферат и дискуссия о виновнике войны в 1920-х гг.»; Эллен Л. Ивнс и Джозеф О. Бейлен, «История как пропаганда: германский МИД и «Ознакомление» американских историков с вопросом о виновниках войны, 1930–1933.»; Ульффрид Бурц, «Австрия и Великая война: официальные публикации в 1920–1930х гг.»; Ури Байалер, «Сказать народу правду: решение Британии опубликовать дипломатические документы межвоенного периода».

пускать, чтобы их противоречия заглушевывали, а конфликт интересов и напряженные отношения между сторонами конфликта превращали в мирное сосуществование». По мнению Уилсона, это значит, что правительства и чиновники, понимая, что от них зависит дать возможность историку разобраться в мотивах правительственной политики, стараются сделать архивы недоступными и поощряют ученых заниматься изучением как можно более отдаленных эпох.

Во-вторых, они прекрасно понимают, что предоставление историкам полного или частичного доступа к документам дает государству возможность для «исторической инженерии», манипулирования работой историка. Когда решается вопрос, дать ли обществу или отдельным лицам доступ к документам, то исходят не из полезности шага для понимания прошлого, а из того, как это повлияет на интересы правительства в настоящем и будущем.

В-третьих, правительства предпочитают патриотическую историю всем иным ее видам и стараются, чтобы человек, допущенный к работе с документами, «официальный историограф» или редактор официальных документов, был бы патриотически настроенным историком. И, в-четвертых, многие историки считают своим долгом писать или участвовать в публикациях в русле патриотической истории. Поэтому несмотря на серии государственных документов, опубликованные в 1920х и 1930х гг., которые сильно продвинули изучение международных отношений; несмотря на публикации после 1945 г.

документов, относящихся к межвоенной эпохе, и несмотря на то, что в Британии в 1960х гг. было принято Постановление о Тридцатилетнем Периоде (по истечении которого правительственные документы должны быть открыты для историков), по мнению д-ра Уилсона к 1990м годам ситуация мало изменилась и по-прежнему в формировании или обработке коллективной памяти роль правительств оставалась более значительной, чем роль историков. Этот вывод теперь, в 2022 году, кажется слишком мрачным, но ввиду традиционно непростых отношений между владельцами архивов (включая правительства) и историками, можно его понять. Недаром среди канадских историков бытует шуточная инструкция: приступая к биографии национального героя, первым делом убейте его вдову. (Как правило, от нее зависит дать биографу доступ к архиву и на этом основании она хочет иметь контроль над тем, как и что он пишет о ее муже.)

Статьи в указанном сборнике посвящены публикациям, предпринятым правительствами бывших воюющих стран в межвоенный период. Начав со спешной публикации документов за июль 1914 года, чтобы отвести от себя обвинения в агрессии, воюющие стороны уже в 1914–1915 гг. выпустили в свет: Германия — «Белую книгу», Австро-Венгрия — «Красно-белую книгу», Англия — «Синюю книгу», Бельгия — «Серую книгу», Россия — «Оранжевую книгу» и Франция — «Желтую книгу». Но после войны и активизации деятельности пацифистских объединений в Европе и США эти неполные и откровенно апологетические

публикации уже не отвечали ни цели правительств, ни запросу общества.

Целью новых публикаций с точки зрения правительств было, по большей части, не ознакомление обществ, а так сказать, ремонтно-восстановительные работы, укрепление собственного престижа, подорванного тяготами войны и выступлениями пацифистов. Правительства бывшей Антанты и Тройственного союза решили объяснить свою предвоенную политику, заглянув для этого даже в далекое прошлое.

Для Германии, признанной на Версальской конференции виновницей войны, этот вопрос имел самое большое значение, и потому она приложила самые большие усилия для выпуска своей серии, которая стала первой в этом роде. Германский МИД времен Веймарской республики нарочно провалил намерение разоблачить Германскую империю путем публикации документов. Карл Каутский по заказу правительства подготовил к изданию германские документы о начале войны в 1914 г., но при последующем правительстве был обвинен в предательстве и МИД всеми силами старался помешать его публикации. Вместо разоблачения германский МИД повел широкую кампанию по восстановлению престижа Вильгельма II и его правительства.

Уже в 1924 г. германский канцлер В. Маркс написал британскому премьер-министру и министру иностранных дел Р. Макдоналду, что по завершении публикации сорока томов «Die Grosse Politik» Германия потребует, чтобы державы-победи-

тельницы устроили международный арбитражный суд для рассмотрения причин войны и вынесения беспристрастного решения.

Серия вышла в 1922–1928 гг. С июня 1919 г. до 1945 г. продолжалась широкая германская кампания дезинформации, использовавшая разнообразные каналы: от создания центра по изучению причин войны до участия авторов, нанятых МИД, и добровольцев, которые переводили с иностранных языков прогерманские публикации о Первой мировой войне и распространяли официальную линию МИД о войне по немецким школам за рубежом и дипломатическим миссиям. Также специально заказывались одни мемуары, а текст других «смягчался» перед публикацией, чтобы их тон тоже подкреплял национал-консервативную версию прошлого.

Как пишет д-р Хольгер Гервиг, предвзятое редактирование и выбор документов, препятствия к опубликованию работ независимых историков, финансовая помощь псевдоисторикам, финансирование пропаганды и экспорт ее продуктов в Британию, Францию и США привели к тому, что общественное мнение в Германии и в меньшей степени за рубежом приняло на веру постулаты германского МИД. Они сводились к тому, чтобы на разные лады повторять слова государственного секретаря фон Ягова в 1915 году: Германия к 1914 г. оказалась в кольце врагов и ей оставалось только обороняться.

«Их трудами понимание исторических событий как в Германии, так и за рубежом, оставалось искаженным

и после 1945 г.... Значение кампании по официальному и полуофициальному сокрытию и искажению фактов выходит за пределы германской истории или истории первой мировой войны. Кампания поднимает существенные вопросы о роли историка в обществе, о совести ученого, о порядочности и общественной морали. Она иллюстрирует повсеместную проблему: как написать объективно о событиях, которые настолько значимы для национальных интересов, что могут стать темой официальной пропаганды».

Хольгер Гервиг пишет далее, что нацистский экспансионизм вырос на дрожжах патриотической самоцензуры 1920-х гг. Иными словами, по мнению канадского историка, агрессивный ревизионизм Адольфа Гитлера уходит корнями в общественное мнение и мировоззрение политической элиты Веймарской республики. Как он пишет, экспорт немецкой пропаганды в Британию, Францию и США сыграл некоторую роль сначала в моральном, а потом и стратегическом подрыве Версальского договора. Недаром Густав Штреземан говорил, что патриотическая самоцензура стала частью его курса на сближение с Западом. И уж точно, что почти полвека, до выхода книги Фрица Фишера в 1961 г., взгляд германского общества на причины войны 1914 г. в большой степени формировался теми, кого Джон Рель назвал «патриотические самоцензоры». Поэтому утверждение Фишера, что целью Германии в войне была вовсе не самозащита, а мировое господство, вызвало бурное негодование в Германии, хотя и он не назвал Германию единственной виновницей войны.

В ходе работы над серией редактор Ф. Тимме признавал, что не в интересах Германии подрывать репутацию собственных государственных деятелей или осложнять международные отношения Германии. Поэтому в подборке материалов и примечаниях редакторы, по его словам, были особенно деликатны при упоминаниях иностранных деятелей, которые еще могли сыграть роль в отношениях своих стран с Германией. Его соредактор, проф. Бартольди вообще написал в журнальной статье, что сборник документов призван служить будущему, а не прошлому, пишет Гервиг. Но эти слова можно истолковывать двояко: и как признание, что публикация должна показать Германию в выгодном свете, и как надежду, что она поможет достигнуть честного консенсуса. И некоторых историков работа Ф. Тимме даже восхитила. Американский историк Реймонд Зонтаг в 1962 г. умиленно вспоминал свое посещение германского МИД в 1923 г., когда он был допущен работать в архиве. Тимме, встретивший американца и познакомивший его с системой, показал ему множество молодых людей, работавших в большом зале министерства, и сказал, что все они заняты подготовкой собрания дипломатических документов.

Зонтаг настаивает, что Тимме старался найти компромисс между исторической точностью и интересами германской внешней политики: «Снова и снова приходишь к неизбежному выводу, что текст *Die Grosse Politik* настолько полный, насколько это возможно в издании, которое посвящено недавнему прошлому. Только сноски вводят в заблуждение». Он же в защиту германской публикации

цитирует Алана Тейлора, который хвалил работу немецких редакторов за быстроту, с которой они прочли материалы за 43 года и опубликовали 54 книги (41 том) (*Sontag* 1962: 64).

При этом редакторы не забывали об интересах Германии в настоящем. Когда в феврале 1925 г. итальянский МИД пожаловался германскому правительству на содержание опубликованных томов, ему ответили, что перед отправкой в типографию текст каждого тома проверяет отставной дипломат специально, чтобы не задеть никого из ныне живущих государственных деятелей и что в будущем будут с особым вниманием проверять всё относящееся к Италии.

Теми же принципами руководствовались и остальные правительства. Барон де Курсель, директор архива французского МИД, еще до войны говорил: «Наши архивы — и надо постоянно об этом напоминать — это нечто вроде пороха, который иногда может взорваться и принести много вреда, в то время как им нужно пользоваться только, чтобы защищаться от наших врагов».

В результате эти серии стали солдатами «войны документов», а не просто собраниями исторических свидетельств. Алан Дж. П. Тейлор указал, например, что германские документы, благодаря способу подборки и особенно последовательности, в которой они расположены в публикациях, создают ложное впечатление безобидности германской имперской политики и коварства ее врагов. Так, документы, относящиеся к марокканскому кризису 1905 г., собраны

в одном томе, а документы о несостоявшемся Бьоркском договоре 1905 г. — в другом, так что не сразу заметишь, что целью германской политики в Марокко было заставить Францию вступить в континентальную лигу под германским началом. Эта уловка редакторов была нейтрализована во французском переводном издании германских материалов, где все документы были рассортированы заново строго хронологически.

Французские «Documents diplomatiques français» были изданы в трех сериях. Издание было предпринято в ответ на германскую, русскую и австрийскую серии, о которых речь еще пойдет ниже. С помощью увесистых 54 книг (40 томов) своих документов Германия вела успешную борьбу против статьи 231 Версальского договора. Французские дипломаты требовали от своего правительства ответить на немецкую пропаганду.

Французы понимали, что не могут заставить германскую пропаганду замолчать и в то же время молчанием — традиционным приемом дипломатии перед лицом обвинений — тоже положения не исправят. Пришлось пойти на публикацию французских материалов о предыстории войны.

Был создан комитет из 56 человек для наблюдения за работой бюро и редакционного совета, которые отбирали документы определенного хронологического периода. С самого начала французский метод вызвал одобрение историков. Правда, как отметил американский специалист Сидни Фэй, историки составляли

меньшинство в комиссии из дипломатов, ученых нескольких отраслей и государственных чиновников, но секретарем комиссии был известный историк Пьер Ренувен, репутация которого была гарантией качества. В отличие от германских документов для публикации привлекались материалы не только МИД, но и военного, военно-морского и колониального ведомств, а также частная переписка дипломатов и государственных деятелей. Документы в каждом томе представлены хронологически, а не тематически, но к изданию прилагалось подробное оглавление с 23 темами и подзаголовками. Из них легко не только выбрать весь материал по нужному вопросу, но и увидеть все связи и влияния на ведомства. Кроме того, к каждому тому прилагался отличный индекс (Fay, 1930: 863). Но все-таки главная цель третьей серии, с которой началось французское издание, тоже была не научная, а политическая.

Решая, какие периоды сделать доступными для историков, комитет старался, прежде всего, не осложнять деятельность французской дипломатии ненужной открытостью. Вся французская дипломатическая переписка традиционно хранится в переплетенных книгах по странам, независимо от важности или чувствительности каждого документа. Это вызвало беспокойство, когда дело дошло до допусков — чтобы ненадежный человек не прочел того, что нельзя.

Работа затянулась. В результате, ко времени выхода первого тома в 1929 г. германская пропаганда уже сделала свое дело и появление фран-

цузских документов мало повлияло на общественное мнение. Публикация была прервана войной, во время оккупации пропало много документов, только часть которых потом была найдена в Германии. Другая часть материалов сгорела во время освобождения Парижа. Но в 1945 г. комиссия возобновила работу, которая была завершена только в 1960х годах. Рецензируя послевоенные тома первой серии (от 1871 до 1900 года), Алан Дж.П.Тейлор сказал, что ее можно упрекнуть только в том, что все основные документы уже давно опубликованы в других странах или в других сборниках. Также он с сожалением говорит, что ничто в изданных документах не объясняет, почему Александр III пошел на союз с Францией в конце 1893 года (Taylor 1952: 278). На этот упрек Пьер Ренувен косвенно ответил в пространной статье 1961 года, посвященной завершению работы над французскими дипломатическими документами. Он пояснил, что после 1945 г. оказалось, что исчезли фонды, относящиеся к франко-русским и франко-итальянским отношениям до 1900 года. Отсутствующие телеграммы историки смогли восстановить по сохранившимся журналам шифровального отдела, но донесения были по большей части утеряны безвозвратно. Ренувен подвел итог работе: всего были изданы 16 томов первой серии (1871–1900 гг.), 14 томов второй серии (1901–1911 гг.) и 11 томов третьей серии (ноябрь 1911- август 1914 г.).

В связи с высказываемыми сожалениями о том, что историки были в комиссии в меньшинстве, Ренувен заверил, что комиссия собралась

в полном составе только один раз, на торжественное открытие работы. Дальше работу вели группы историков с помощью директоров министерских архивов.

В результате получилось издание, которое вызвало общее восхищение точностью, полнотой и организованностью. Придирчивый Алан Тейлор назвал его «в некоторых отношениях самым ценным» из изданных серий: им было удобнее всего пользоваться, и даже то, что публикация затянулась на многие годы, оказалось выгодным, т. к. за это время в распоряжение историков поступили некоторые прежде закрытые архивные собрания. Минусами публикации он назвал невосполнимые утраты документов и последствия запоздания для науки. Он написал, что германская версия событий 1914 года, основанная на *Die Grosse Politik*, к моменту завершения французской публикации была в обращении уже 35 лет. Тейлор предсказывал, что пройдет еще столько же лет, прежде чем влияние французских документов скажется на исторической науке, а учебников истории оно, возможно, никогда и не коснется. В заключение он еще раз подчеркнул, что французские документы свидетельствуют о профессиональной компетентности кадров французского МИД: их объединяли общие нормы поведения и отношения к поставленным задачам, трудолюбие и верность министру, хотя в то же время они всегда помнили, что на своем посту он человек временный (*Taylor 1961*).

Однако, в 1938 г. известный американский историк Бернадотт Шмит подметил уязвимое место публика-

ций как средства укрепить престиж предвоенного французского правительства: он установил, что при сравнении французских документов с «*Livre jaune*», выпущенной правительством в 1914 г., в последней обнаруживаются искажения, дополнения или пропуски в документах — все это, чтобы представить Германию безусловным агрессором. И все это было сделано с ведома правительства. Таким образом, более недавняя публикация сделала очевидной нечестность правительства Пуанкаре. Далее Шмит указывал, что после публикации русских и французских документов за июль 1914 г. все существующие исторические монографии о кризисе должны быть в большей или меньшей степени переработаны. Однако, новые работы писать было рано, потому что еще не вышли сербские документы по июльскому кризису. Он упомянул, что по слухам такое издание уже готово к публикации или даже напечатано, но югославское правительство препятствует его распространению. «До тех пор, пока они не станут доступны, создать полную окончательную картину событий невозможно». Историки отчаялись дожидаться выхода итальянских документов, говорит Шмит, и поэтому так и будут описывать итальянскую политику в нелестных тонах, которые они черпают из донесений других европейских дипломатов не только за июль 1914 г., но и вообще с 1871 года (*Schmitt 1938*).

Отсутствующий всегда неправ. Именно, чтобы не оказаться в положении отсутствующего на этой «войне документов» (как итальянское правительство), британский Форин Офис решился на публикацию мате-

риалов своих дипломатических архивов. К. Хэмилтон, историк, много лет проработавший в Форин Офис, а потом в министерстве по делам Содружества наций, рассказывает, что чиновников Форин Офис традиционно было невозможно уговорить раскрыть любой секрет, проливающий свет на события современной истории, тем более на такие недавние, как июльский кризис 1914 г.

Когда они на это решились, то выбрали в редакторы двух довольно левых историков с независимым характером. (Один из них, Джордж П. Гуч, был первым авторитетным британским историком, который впоследствии раскритиковал Версальский договор.) Перед ними была поставлена цель воспитать британское общество в духе «просвещенного патриотизма». Известный дипломатический историк Ч.К. Уэбстер, однако, считал, что «просвещенного патриотизма» мало для современного человека и еще до выхода в свет серии заклеил тех, кто пишет историю «для воспевания националистических предубеждений», противопоставив им тех, кто воспитывает будущих членов сообщества наций (Hamilton 1996: 222–3).

После долгой дискуссии о рисках допуска посторонних к документам 1914 года заместитель министра Элистер Кроу решил, что министерству нечего терять. Он и его преемник были уверены, что когда правда выйдет наружу, то ни предвоенного министра иностранных дел сэра Эдварда Грея, ни его подчиненных не будут винить. Тем не менее, редакторам пришлось по требованию Форин офис в ответ на просьбы ино-

странных правительств целиком или частично выпустить из подборок некоторые документы. Гуч и Темперли были возмущены, что советник французского правительства по публикации документов, посылая письмо с претензиями своего правительства, высказал мнение, что британское министерство имеет право диктовать свою волю редакторам и запретить публикацию некоторых документов. Темперли написал своему начальнику:

«Историки в этом отношении отличаются от политиков. Никто не поверит, что историк добровольно выпустил абзац из документа, т.к. для историка правильный метод это тот, которым пользуется Grosse Politik, т.е. публикация полного документа. То, что мы согласились на некоторые пропуски, доказывает наше искреннее желание угодить министру, но в глазах историков это уступка политической необходимости» (Hamilton 1996: 242–3).

Гуч и Темперли настаивали, что должны объяснить эту свою позицию в предисловии к третьему тому. Они утверждали, что их пригласили редактировать серию по их усмотрению (Gooch 1939: 86), всего с двумя оговорками относительно того, какие документы они должны отобрать для публикации: 1. «официальные документы»; 2. документы, относящиеся к «общей европейской ситуации, из которой проистекла война». Они добавили, что решение, какие документы важны в соответствии с пунктом вторым, разумеется, должны принимать они сами. Вопрос был решен при встрече историков с министром, который рассудил, несмотря на их

протесты, что «протоколы заседаний и до некоторой степени междепартаментская переписка не являются официальными документами, подлежащими публикации» (Hamilton 1996: 242).

Читательский прием последнего, одиннадцатого тома, можно сказать, подтвердил убеждение верхушки Форин Офиса. Министра иностранных дел Чемберлена содержание последнего тома так захватило, что он читал до двух часов ночи, не в силах оторваться. Хотя рецензии вышли во всех газетах, тем не менее, не было писем в редакцию с опровержениями или призывов открыть дискуссию об июльском кризисе. Таким образом, дипломаты сочли, что общество в Англии теперь знает, что британское правительство действовало наилучшим доступным им образом, и в 1914 г. они не обманывали свой народ относительно причин вступления в войну.

Они также были пессимистически уверены, что британская публикация никак не повлияет на германское общественное мнение. Еще в 1927 г. директор исторического отдела Форин офиса предсказал, что позиция Германии, несмотря на зарубежные публикации, останется той же: «настоящей причиной войны [с немецкой точки зрения] стала русская мобилизация, которая была вовсе не нужна, а британское правительство, зная это, не сделало ничего, чтобы остановить ее».

Серия была завершена к общему удовлетворению МИД и публики. Но историков она устраивала не во всем. К 1954 г. Форин Офис открыл

для историков свои архивы до 1902 г. и стало возможно сравнить «Британские документы» с материалами архива. Английский историк Дж. Д. Харгривз тут же указал на слабые стороны работы Гуча и Темперли: ни британское, ни другие аналогичные издания не являются последним словом как «исторические свидетельства». Любой редактор, пусть даже с самой безупречной профессиональной репутацией, при выборе и организации материала для публикации отразит собственные предположения. Автор упрекает Гуча и Темперли, что они сгруппировали материалы под ими же выбранными заголовками, как было сделано в германской серии, и по-видимому отбирали для публикации документы, руководствуясь интересами не профессиональных историков, а любителей, которые хотели почитать о популярных в 1924 г. сюжетах, о «виновнике войны» и «ответственности за войну». Далее он говорит, что названия томов и глав запутывают читателя при поиске нужной информации и, видимо, запутали и редакторов, т. к. один и тот же документ иногда печатается дважды в разных разделах, один раз целиком, а другой — в сокращенном виде, причем не всегда указано, какие документы публикуются в сокращении. В целом, у Харгривза осталось впечатление, что избранный метод заставил Гуча и Темперли отбирать предпочтительно документы, которые легко было отнести к одной из выбранных ими тем и оставить за бортом много более важного. Он говорит укоризненно: «Документ становится свидетельством только, когда он помогает ответить на один из вопросов историка, а Гуч и Темперли выбрали только те,

которые отвечали на их собственные вопросы». Правда, он признает, что они не могли знать, какие вопросы хотели бы задать другие, и что в работе такого масштаба неизбежны упущения (*Hargreaves* 1954: 68–75). Но в целом, меньше всего упреков вызвала французская серия.

Германская «Die Grosse Politik» в 40 томах вышла в 1922–1927 гг., охватив период 1871–1914 гг. Летом 1926 г. началась работа над сборником австро-венгерских дипломатических документов. Британское издание было заявлено официально в 1924 г. и к 1927 г. вышли 3 тома. В январе 1928 г. французское правительство создало свою комиссию для публикации. Германская и британская инициативы заставили и советское правительство пойти на нелегкие для него расходы по публикации дипломатических документов царского МИД.

Начиная с 1917 г. в России было опубликовано немало документов царского МИД, мемуаров и дневников военных и сановников, монографии «Царская Россия в мировой войне» самого М. Н. Покровского, «Подготовка России к войне в международном отношении» А. М. Зайончковского, дневник А. Н. Куропаткина накануне русско-японской войны и многое другое. В 1922 г. трудами НКИД вышел том о русско-французских отношениях в 1910–1914 гг. Почти те же документы вышли в Париже в двухтомнике, благодаря архивным поискам французского коммуниста Рене Маршана при содействии Покровского. Он опубликовал, главным образом, донесения из российского посольства в Париже, но не

инструкции, которые получал посол А. П. Извольский из Петербурга, что, конечно, давало неполную картину целей царской внешней политики. Поток публикаций все-таки нельзя было приравнять к полной и систематической документальной серии.

Советскую сторону подгоняло и то, что она не могла контролировать все новые зарубежные публикации о временах последнего царствования, которые стремились — и нередко удачно — создать совершенно иное представление в мире о внешней политике царской России при Николае II. Так, вышли на французском и английском языках мемуары царских министров, А. П. Извольского и С. Д. Сазонова, а также нескольких ветеранов царской дипломатической службы, от уже покойного А. И. Нелидова (о Балканском кризисе 1875–1878 гг.) до А. В. Неклюдова, посланника в Швеции, и Н. В. Чарькова, товарища министра иностранных дел, а потом посла в Константинополе. Царские дипломаты, в основном, оставшиеся в эмиграции, не передали советским властям архивы посольств, которые оказались у них на руках. Британский историк-славист Р. У. Ситон-Уотсон в 1924 г. с разрешения неофициального главы русской колонии в Англии бывшего дипломата Е. В. Саблина снял копии с материалов посольского архива и опубликовал в «*Slavonic Review*» документы, относящиеся к Балканскому кризису 1875–1878 гг. В 1926 г. бывший дипломат А. Ф. Мейендорф таким же образом опубликовал два тома дипломатической переписки барона Е. Е. фон Стаала. За год до этого немецкий публицист Ф. Шттиве, в своих книгах целеустремленно

создававший покойному А.П. Извольскому репутацию главного поджигателя мировой войны, на средства и при содействии германского МИД издал 4 тома переписки Извольского в немецком переводе. Туда вошли часть советского издания о русско-французских отношениях и 2 тома маршановской «Livre Noir», а также несколько прежде неопубликованных документов, по-видимому, из русского посольства в Париже. Вероятно, чтобы защитить репутацию отца, несколько позже дочь Извольского опубликовала во Франции два тома его французской переписки с графом А.К. Бенкендорфом. (Оригиналы писем исчезли.) В 1920-х годах бывший атташе посольства в Лондоне (и по совместительству агент германской разведки) барон фон Зиберт в два захода опубликовал в Германии политическую переписку посла А.К. Бенкендорфа за 1907–1914 гг.

Все эти издания различались по качеству редакции, комментариев и переводов. Для Е.А. Извольской считывал текст и писал комментарии профессор Георгий Шклявер, а во вторых напечатанной книге публициста Штиве, например, в переводе писем были допущены ошибки, искажавшие смысл, части текста пропущены, а источники указаны только для прежде публиковавшихся документов. Но эта активность грозила подорвать влияние советского нарратива и ставила под вопрос громогласно заявленное советское первенство в деле раскрытия тайн Первой мировой войны, хотя Советы действительно первыми начали публиковать секретные договоры царского правительства.

Главным инициатором публикаций был М.Н. Покровский, единственный историк-марксист на видном правительственном посту (заместитель наркомпроса А.В. Луначарского). С 1918 г. он был членом комиссии по изучению причин войны по дипломатическим документам, а с 1921 г., став главой Центрархива, начал выпускать журнал «Красный архив», который в 106 номерах с 1922 по 1941 г. был основным местом публикации материалов по поздней Российской империи. Были опубликованы ценные материалы, но из-за неполноты и хаотичности они не давали полного представления о политике ни одного периода.

По мысли М.Н. Покровского, публикация материалов из царских архивов была необходима, чтобы выполнить обещание советского правительства, данное сразу после революции, разоблачить неприглядную изнанку тайной дипломатии.

Итак, 22 июня 1929 г. советское правительство признало необходимой публикацию по истории русской внешней политики в 1904–1917 гг. Советская серия получила название «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. III серия». Возглавил работу сам М.Н. Покровский. Таким образом, советское издание стало единственным, в котором редактор сочетал в одном лице историка и чиновника и никаких моральных дилемм перед ним стоять было не должно, т.к. он сам сформулировал задачу серии: разоблачить перед советским и международным обществом импе-

риалистическую хищническую сущность самодержавной России.

Еще до начала работы его коллега В. Максаков обещал, что серия, издаваемая Покровским, несомненно будет иметь мировое историческое значение не только для науки, но и для международных отношений. В отличие от других серий, советская сосредоточилась на документах периода войны, чтобы проиллюстрировать большевистский тезис, что империалисты затеяли войну не для защиты малых стран, а для передела добычи, и что Временное правительство не отказалось от этой цели. У Покровского не было ни достаточного числа квалифицированных сотрудников, ни денег, ни времени, чтобы охватить период, подобный охваченному германской серией. Поэтому первой была выпущена так называемая третья серия, с документами за июнь 1914 — ноябрь 1917 гг. Она не произвела ожидаемого впечатления, хотя и была единственной, в которой публиковались документы военного времени. Более длинная вторая серия (1900 — декабрь 1913) не была закончена и сохранилась только частично. Работа отличалась высоким профессиональным качеством. Документы были организованы строго хронологически, и каждый том был снабжен отличным полным индексом. Кроме того, использовались документы не только МИД, но и других ведомств, что давало более верное представление о процессе принятия решений и ролях решателей, чем, например, германская серия, опубликовавшая только документы дипломатического ведомства.

Изоляция Советского Союза и связь с Германией привели к двусторонне-

му сотрудничеству в издании серии. Германским историкам было известно отрицательное отношение Покровского к тезису о вине Германии, и они правильно предположили, что публикации, сделанные правительством, враждебным и царизму, и Антанте, подкрепят германскую кампанию против обвинений Германии в развязывании войны. В Германии уже издали переводы прежде изданных томов документов, а с 1927 г. началось сотрудничество между германской и советской сторонами в области обмена архивными материалами. Госиздат обещал сообщать германской стороне о готовящихся документальных публикациях и посылать печатные экземпляры. В 1928–1932 гг. больной раком Покровский часто бывал в Берлине для лечения и встречался с коллегами, в частности со специалистом по России Отто Гетшем. Он договорился о том, что для повышения международного резонанса подготовленные 11 томов (за январь 1914 — ноябрь 1915 гг.) будут выходить одновременно на русском и немецком языках. Немцам отдали авторские права на все публикации, кроме русскоязычных, — видимо, рассчитывая на переводы на английский и французский — и оба варианта, русский и немецкий, стали печатать в Германии. Главным редактором в Германии и переводчиком был Гетш. В 1935 г. вышли еще 6 томов в Ленинграде, а на немецком они были изданы в 1934–1936 гг. В конце 30х гг. советские историки работали над 24 томами, от 1900 до 1913 г. Несмотря на посмертную критику Покровского и его школы в СССР и на сталинские чистки среди тех, кто работал над серией, научный уровень публикаций

его детища остался очень высоким. Тома 18, 19 и 20 вышли в 1938–1940 г. Дерек Спринг предполагает, что они вышли без предисловий, потому что редакторы проявили максимальную осторожность в период разгрома «школы Покровского» и интенсивных репрессий.

Договор с Гетшем оставался в силе, хотя переводы запаздывали. С приходом к власти Гитлера немецкие власти потеряли интерес к этому проекту. После последнего визита Гетша в Москву в 1934 г. Геббельс решил все-таки не рвать культурные связи с СССР и до 1939 г. Гетш поддерживал связь с А.С. Ерусалимским (председателем комиссии и главным редактором). В начале 1941 г. советская сторона передала в Германию русский машинописный текст тома 21 часть 1 (октябрь — декабрь 1912 г.), но пока в СССР готовились к публикации, а в Берлине Гетш переводил, началась война. В СССР проект был остановлен. Гетш, уже отставленный от должности редактора, закончил перевод и в конце 1941 г. издал том 19. Немецкий перевод 20 тома вышел еще позже, в 1943 г. Отто Гетш подготовил и перевод 21 тома, но в 1943 г. его дом разбомбили, пока он лежал в больнице. Перевод сгорел вместе с его библиотекой в 30 тыс. томов, но русский текст уцелел, т.к. лежал в сейфе. После войны Гетш попытался заинтересовать в издании 21 тома советскую оккупационную администрацию, но он вскоре умер и дело осталось незавершенным. Серия Покровского-Ерусалимского тоже не была возобновлена после 1945 г. Когда в 1960-х годах МИД начал новую серию под эгидой А.А. Громько, то

в предисловии к первому тому старый проект даже не был упомянут.

Итак, вот каковы были, вкратце, результаты стараний правительств. Британские документы не смогли выполнить свою главную задачу: нейтрализовать германскую пропаганду невиновности Германской империи в войне. За них это сделала политика гитлеровской Германии в 1930х годах. Французские документы тоже не помогли убедить немцев, что Эльзас и Лотарингия были отобраны у них в 1918 году по справедливости, а кайзер Вильгельм и его генералы действительно хотели войны. Но документы до некоторой степени подкрепили аргументы французских политиков при обращении к собственным избирателям. При всем высоком качестве советской публикации, ее политический эффект (за рубежами СССР) был меньше, чем у германских документов, поддержанных на протяжении более, чем двух десятилетий всей мощью и талантами германского МИД и мобилизованного им аппарата помощников. Отчасти это было вызвано малочисленностью западных историков, знавших русский, но это обстоятельство было до некоторой степени компенсировано изданием немецких переводов. Зато в Советском Союзе они много лет были единственным доступным историкам авторитетным первоисточником по внешней политике поздней Российской империи.

Не все великие державы выказали одинаковое рвение при защите или оправданиях поведения своего правительства. Большевики, в частности, издали многотомное обвинение в адрес царизма и Временного пра-

вительства. Этим они хотели, прежде всего, укрепить собственные позиции, но при этом сильно помогли Германии, которая как раз собирала свидетельства, чтобы приуменьшить ее всеми признанную вину.

В отличие от большевиков Австрии нечего было ни ждать, ни бояться от разоблачений свергнутых Габсбургов. Австрийские документы о происхождении войны печатались на средства германского правительства, что уже говорит о том, кто был заинтересован в них больше, чем сами австрийские историки, которые даже не откликнулись на призывы ответить на обвинения Версальского протокола. Когда же они это сделали, то выбранные документы иллюстрировали тезис германской пропаганды: Германия и Австро-Венгрия были окружены врагами и в июле 1914 г. их действия были всего лишь самозащитой. Но к тому времени, как вышли австрийские документы об истоках войны, итальянские историки уже побывали в австрийском политическом архиве и скопировали и сделали выписки из большого количества фондов. На основе этих материалов итальянский ученый Луиджи Альбертини выпустил трехтомную историю, которая на двадцать лет опередила нашумевшую книгу Фрица Фишера о целях Германии в Первой мировой войне.

Любопытно, что на обложке упомянутой в начале статьи книги Миле Белаяца издатели обещают «серьезный анализ» западных публикаций на основе сербских источников. Это последнее напоминает, что во время «войны документов» межвоенной эпохи Сербия (то есть уже Югосла-

вия) воздержалась от публикации своих документов, относящихся к июльскому кризису (*Schmitt* 1938: 134), дав пищу догадкам о том, что же в них есть такого, что не терпит света дня.

Советская серия, как и австрийская, получила материальные выгоды от Германии, благодаря германской кампании, которая стремилась убедить свой народ и мировое сообщество, что вплоть до 1914 г. русская внешняя политика была агрессивной.

Учитывая, что, как правило, историков, особенно иностранных, не допускали в архивы министерств иностранных дел, содержание томов стало неоценимым сокровищем. Никогда прежде такое количество документов, относившихся к недавней эпохе, не становилось им доступно: к 1939 г. их насчитывалось около 100 томов. Те, кто за нехваткой денег или времени, или из-за невозможности путешествовать, не могли лично посетить архивы, смогли работать, благодаря выпущенным томам документов. Как написал Дж. Гуч,

«Вердикты [разных историков] об отдельных личностях, политических курсах и событиях будут различаться, поскольку абсолютного эталона политической мудрости и добродетели не существует. Но больше нет сомнений в том, что же случилось [в июле 1914 года]. Бисмарк говорил, что подлинную историю нельзя воссоздать по официальным документам, потому что историк не всегда знает, что было на уме у писавшего. Но равно нельзя писать историю и без них» (*Gooch* 1939: 102).

При всех своих недочетах публикации стали полезным инструментом в работе историков. Вот уже скоро век, как они широко используются и сильно повлияли на историографию Первой мировой и внешнеполитических отношений предшествующего периода. Именно это отягчает ответственность редакторов серий за тенденциозные пропуски и умышленные искажения, то есть за допущенные из патриотических или оппортунистических соображений отступления от профессиональной этики и чисто человеческой порядочности. Да, не согласись они уступить требованиям правительства, их заменил бы кто-то другой, более уступчивый, но это не снимает с них ответственности. При упоминании Фридриха Тимме и его коллег рядом с перечислением их заслуг перед германской исторической наукой всегда будет стоять постыдное упоминание об их участии в редактировании *Die Grosse Politik*. Ведь «патриотическая самоцензура» германских историков помогла правительству надолго сделать германское общество совершенно глухим к заявлениям о том, что Германия хоть в какой-то мере отвечает за войну.

Гервиг пошел далее и в своей статье связал «патриотическую самоцензуру» с популярной «аналогией с 1914 годом», которая часто упоминается политологами при рассуждениях о возможных причинах возникновения третьей мировой войны. Он говорит: «Я полагаю, что те исторические материалы, которые привели

к возникновению этой аналогии, были искажены. Нельзя по-прежнему считать, что Европа незаметно для самой себя “скатилась” в пропасть войны 1914 года³, что ни одна нация не имела агрессивных намерений во время июльского кризиса и что только злая судьба или провидение повинны в последующих трагических событиях» (*Herweg* 1996: 89).

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Bentley, Michael. “Herbert Butterfield and the Ethics in Historiography”, *History and Theory*, vol. 44, No 1 (Feb., 2005), pp. 55–71.

Cambon, Jules, *Le Diplomate*. Paris, 1926.

Fay, Sidney B. Review [untitled], *The American Historical Review*, vol. 35, No 4 (July, 1930), pp. 863–865.

Fischer, Fritz, *Griff nach der Weltmacht. Die Kriegszieldpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914/18*, Düsseldorf, 1961.

McMeekin, Sean, *The Russian Origins of the First World War*. Cambridge, MA, 2011.

Mombauer, Annika. “Guilt or Responsibility? The Hundred-Year Debate on the Origins of World War I”, *Central European History*, vol. 48, No 4 (Dec., 2015), pp. 541–564.

Offer, Avner. *The First World War. An Agrarian Interpretation*. Oxford, 1989.

Renouvin, Pierre, Paléologue. « Les documents diplomatiques français », *Revue Historique*, t.226, fasc. 1(1961), pp. 139–152.

Schmitt, Bernadotte E. Review [untitled], *The Journal of Modern History*, vol. 10, No 1 (Mar., 1938), 128–134.

Sontag, Raymond A., “The German Diplomatic Papers: Publication after Two World

³ Перефразированные слова британского премьер-министра Ллойда-Джорджа в 1915 г., отзвук которых слышится в названии книги Кристофера Кларка о тех же истоках Первой мировой войны, «*The Sleepwalkers*» [Лунатики], вышедшей в 2012 году.

Wars", *The American History Review*, vol. 68, No 1 (Oct., 1962), pp.57–68.

Taylor, A.J.P. Review [untitled] *The English Historical Review*, vol. 76, No 299 (Apr., 1961), pp. 339–341.

Taylor, A.J.P. Review [untitled], *The English Historical Review*, vol. 67, No 263 (Apr., 1952), pp. 276–278.

Hargreaves, J.D., "Some Critical Notes on 'Gooch and Temperley'", *History. New Series*, vol. 39, No 135/136 (February and June 1954), pp. 68–75.

Hamilton, Keith. «Pursuit of 'Enlightened Patriotism'», 222–3.

Wilson, Keith. «Imbalance in British Documents on the Origins of the War», pp. 242–3.

Gooch, G.P. "European Diplomacy Before the War in the Light of the Archives", *International Affairs*, vol. 18, No 1 (Jan.-Feb., 1939), pp. 77–102.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Albertini, Luigi, *Le origini della guerra del 1914*. Milan, 1942–1943.

Forging the Collective Memory. Government and International Historians through Two World Wars» (ed. Keith Wilson). Providence: Berghahn Books, 1996.

Gooch, G.P., Temperley, H. W. V. eds., *British Documents on the Origins of the War, 1898–1914* (11 vols., 1926–1938).

Iswolsky, Alexandre. *Au service de la Russie. Correspondance diplomatique*, 2 vols. Paris, 1937.

Joll, James. 1914: The Unspoken Assumptions; an Inaugural Lecture Delivered 25 April 1968, the London School of Economics and Political Science. London, 1968.

Lepsius, J., Mendelssohn-Bartholdy A., Thimme F. (eds) *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871–1914: Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Berlin, 1922–1928.

Marchand, René. *Un Livre noir: diplomatie d'avant-guerre d'après des documents des archives russes, nov. 1910- juillet 1914*, 2 vols. Paris, 1922–1923.

Meyendorff, Alexandre (ed.) *Correspondance diplomatique du Baron de Staal 1886–1900*. Paris, 1926.

Stieve, F. «Der diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911–1914». Berlin, 1925.

В. С. Стаф**ЧУКОТКА КАК МЕСТО ПАМЯТИ:
ОТ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ
ДО «ТЕРРИТОРИИ»**

В статье рассматривается мемориальная культура в Чукотском Автономном Округе. Автор выделяет три направления исторической памяти, которые наиболее ярко представлены на Чукотке — память о первопроходцах, осваивающих чукотские земли с XVII века, память о ГУЛАГе — в сталинское время Чукотка была частью треста «Дальстрой» и, хотя лагерей здесь было гораздо меньше, чем на Колыме, говорить о постсоветском ЧАО без памяти о ГУЛАГе едва ли представляется возможным. Наконец, третье направление — память о воздушной трассе Аляска — Сибирь, главный сюжет в контексте памяти о Великой Отечественной войне в регионе. Конечно, существуют и другие направления чукотской исторической памяти, однако именно эти направления наиболее наглядно показывают, как на Чукотке происходит осмысление прошлого региона.

Ключевые слова: Чукотка, ГУЛАГ, Алсиб, трасса Аляска — Сибирь, первопроходцы, мыс Дежнёва, памятники, историческая память

Сведения об авторе: историк, докторант университета Новая Сорбонна (Париж III), преподаватель Свободного университета в Москве (Москва)

Контактная информация: stafvlad@gmail.com

V. S. Staf

CHUKOTKA AS A PLACE OF MEMORY: FROM PIONEERS TO "TERRITORY"

The article deals with the memorial culture in the Chukotka Autonomous Okrug. The author identifies three areas of historical memory that are most clearly

represented in Chukotka. The first is about the memory of the pioneers who have explored Chukotka since the 17th century, the second is about the memory of the Gulag — in Stalin's time, Chukotka was part of the Dalstroy trust, and although there were much fewer camps here than in Kolyma, it is hardly possible to talk about the post-Soviet ChAO without the memory of the Gulag. Finally, the third direction is the memory of the Alaska-Siberia air route, the main plot in the context of the memory of the Great Patriotic War in the region. Of course, there are other areas of Chukchi historical memory, but these areas most clearly show how Chukotka is comprehending the region's past.

Keywords: Chukotka, Gulag, ALSib, Alaska-Siberia air road, pioneers, Cape Dezhnev, monuments, historical memory

About the author: Staf Vladislav Sergeevich, historian, PhD-student at Sorbonne-Nouvelle — Université Paris III, lecturer at Free University of Moscow (Moscow).

Contact information: stafvlad@gmail.com

*Белая тундра, холодное море,
Камни катаясь, стучат у воды.
За горизонтом появятся вскоре
Первые, нового солнца лучи*

Олег Сакович

В постсоветской России Чукотский Автономный Округ крайне часто употребляется с прилагательным «самый»: самый удаленный, самый холодный, самый дорогой, самый труднодоступный, самый малонаселённый; даже задержки рейсов здесь самые длинные из-за непогоды — по рассказам местных, рекорд задержки рейса из-за погоды был в сорок пять дней. При этом Чукотка является регионом крайне разнообразным, вопреки частому заблуждению, что это лишь сплошная тундра, горы и снега. В основном её описывали первопроходцы, географы и геологи, а вот места для гуманитарных и социальных исследований здесь пока нашлось не так много. Тяжело пережив падение СССР и 1990-е годы, когда население региона сократилось в три раза (со 150 тысяч до 50 тысяч человек) и закрытия целого ряда поселков, Чукотка оказалась в руках олигарха Романа Абрамовича, а после его ухода

с поста губернатора ЧАО в 2008 году снова погрузилась в некоторое информационное безвременье.

Что приходит на ум, когда речь заходит о Чукотке? Советский фильм «Начальник Чукотки» (1966) Виталия Мельникова, «Территория» Олега Куваева (1975), произведения Юрия Рытхэу. Из последних культурных поводов, вновь привлечших внимание к Чукотке, стали, пожалуй, новая экранизация романа «Территория» режиссером Александром Мельковым в 2014 году, а также документальный фильм «Великий Северный путь» (2019) Леонида Круглова по маршруту Семёна Дежнёва, показавшие широкому зрителю труднодоступную природу северного и восточного побережий Чукотки.

При этом, как и любой регион, Чукотка является и пространством памяти, о чем и пойдет речь в данном тексте. Конечно, чтобы описать все мемориальные особенности Чукотки не хватит и нескольких книг, поэтому я остановлюсь на трёх сюжетах, которые мне показались наиболее яркими и важными для чукотской культуры

памяти. Часть описанных мест из данных сюжетов автору посчастливилось посетить лично, иначе данный текст никогда бы и не был написан. Первый раздел условно называется «Первопроходцы» и посвящен тому, как в пространстве Чукотки отразились имена путешественников и геологов; второй называется «ГУЛАГ» и описывает наследие на Чукотке треста «Дальстрой» и самых удаленных сталинских лагерей на северо-востоке СССР; наконец, третий называется «Алсиб» и посвящен памяти легендарной авиационной трассе Аляска-Сибирь, по которой происходили поставки в рамках ленд-лиза из Аляски к Красноярску и далее на фронты Великой Отечественной войны. Все эти сюжеты охватывают разные части Чукотки, от границ с Якутией и Магаданской областью до Берингова пролива, однако, хочется надеяться, смогут наглядно показать неоднородность Чукотки как самого северо-восточного места памяти на планете.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Территория Чукотки всегда была связана с именами первопроходцев и путешественников. Кто-то из них искал через эти края новые торговые пути, кто-то исследовал и наносил на мировую карту территорию Чукотки, кто-то искал золото и другие полезные ископаемые. Пожалуй, самым известным первопроходцем, имя которого увековечено в самых разных местах Чукотки, от названий улиц в большинстве населенных пунктов до мыса — это Семен Иванович Дежнёв.

В российской истории Дежнёв известен не только в контексте Чукотки,

до этого он первым из русских первопроходцев достиг рек Алазеи и Колымы. В 1648 году три коча Семёна Дежнёва, Федота Попова и Герасима Анкудинова обогнули мыс «Большой Каменный Нос» (сегодня — мыс Дежнёва), доказав, что между Евразией и Америкой есть пролив. Впрочем, корабли Федота Попова и Герасима Анкудинова впоследствии вынесло к побережью Камчатки, где они умерли через несколько лет от цинги, а сам Дежнев лишь после нескольких зимовий в устье реки Анадырь смог вернуться в Якутск. Документы же об открытии Большого Каменного Носа хранились в Якутском остроге, поэтому только через восемьдесят лет, в 1728 году, другой великий первопроходец Витус Беринг открыл пролив вторично, на сей раз — он появился на мировой карте.

При том, что пролив между Евразией и Америкой получил имя Витуса Беринга, его имя стало гораздо популярнее на Камчатке, где даже местный университет назван в его честь. Память о Дежнёве на Чукотке начала культивироваться с конца XIX века, когда шведский географ Адольф Эрик Нордельшельд в 1879 году предложил назвать мыс в честь Семёна Дежнёва, а в 1898 году, к двухсот пятидесятилетию экспедиции, Русское Географическое Общество официально переименовало мыс (*Шокарев 2016: 100*). В 1910 году на мысе Дежнёва близ эскимосского поселения Наукан был установлен пятнадцатиметровый крест в память об экспедиции Семёна Дежнёва, который был уничтожен в 1928 году. Тем не менее, в 1943 году крест на мысе восстановил уэленский учитель Николай Иванович Максимум, который активно продвигал

идею постановки памятника на мысе (Ibid:103–104). В 1950-е годы памятник скульптора Зинаиды Васильевны Баженовой стал строиться и был закончен в 1956 году¹. Стоить отметить, что именно баженовский бюст Дежнёва на маяке стал прототипом всех последующих изображений Семёна Дежнёва так как о внешности первопроходца почти ничего не известно.

В советское время территория Чукотки стала покрываться именами других первопроходцев — геологов. Здесь, пожалуй, самой громкой фамилией здесь стоит назвать Юрия Билибина, который в 1928 году открыл золотые месторождения на Колыме и положил начало дальнейшему бурному развитию Колымы и Чукотки в советское время. Фамилию Билибина носит даже один из трех чукотских городов — Билибино, хотя геолог не был (и не мог быть) в этом месте. Само поселение было основано в 1955 году и год называлось Каральваам, но с 1956 года переименовано в честь советского геолога. Скорее всего переименование связано с тем, что сам Юрий Билибин умер в 1952 году и была потребность в мемориализации его имени в регионе, хотя поселение (а потом город) возникло уже после его смерти.

ГУЛАГ

В романе немецкого писателя Йозефа Мартина Бауэра «Побег из ГУЛАГа» (Bauer 1955) главный герой, немец Клеменс Форель, осужденный после

«Памятник-маяк землепроходцу и мореплавателю Семёну Ивановичу Дежнёву» 1956 (фото автора, 2022)

Второй мировой войны на двадцать пять лет, сбегает из лагеря ГУЛАГа, находящегося на мысе Дежнёва — самой восточной точки Евразии, после чего через три года странствий попадает в Иран. По роману в 2001 году вышел и одноименный фильм режиссера Харди Мартинса. Тем не менее, вопреки частым заблуждениям из-за данного романа и фильма, на мысе Дежнёва никогда не было лагерей ГУЛАГа, однако через Берингов пролив заключенных, и правда, возили на кораблях во времена «Дальстроя» в удаленные северные порты — прежде всего в Певек в Чаунской губе и Амбарчик, ныне заброшенный² порт рядом с впадением реки Колымы в Северный Ледовитый океан на границе Чукотки и Якутии.

¹ Более подробно о появлении крестов и памятников на мысе Дежнева см. Шокарев 2016: 96–115.

² Постоянного населения в Амбарчике нет, однако на метеостанции постоянно несут вахту несколько полятников.

В современной Чукотке можно выделить два места памяти, связанных с ГУЛАГом — это уже упомянутый город Певек, а также поселок Эгвекинот и его морской порт в заливе Креста, от которых к северу через всю Чукотку тянется Иультинская трасса до ныне заброшенного посёлка Иультин, где раньше находился крупнейший в СССР олово-вольфрамовый Иультинский горно-обогатительный комбинат (ГОК).

Первые заключенные появились на Чукотке в 1938 году, когда западная её часть была передана разрастающемуся на Колыме тресту «Дальстрой» НКВД. В Певек первых заключенных в количестве 1350 человек завезли в 1941 году (Романенко 2010: 391), однако основная лагерная деятельность развернулась на Чукотке уже после окончания Второй мировой войны. Так, в сентябре 1949 года был организован Чаун-Чукотский исправительно-трудовой лагерь, численность заключенных которого доходила к 1953 году до 12 тыс. человек (*Ibid*). Подробнее о лагпунктах и лаготделениях УСВИТЛА (Севвостлага), Чаун-Чукотского ИТЛ и Чаунского ИТЛ, лагерях Шеллагского хребта и побережья до порта Амбарчик написано в главе сборника «Враги народа за полярным кругом» Ф. Романенко «Острова уранового ГУЛАГа в Восточной Арктике» (Романенко 2010: 389–421). В 1990 году в восьмидесяти километрах от Певека между зонами Восточной и Северной был установлен памятный знак пермского скульптора Рудольфа Веденева жертвам урановых зон, надпись на котором гласит: «Здесь будет воздвигнут памятник узникам, погибшим в урановых рудниках ГУЛАГа в 40–50-

е годы. Июль 1990 г.». Данный мемориал был установлен по инициативе членом Московского клуба «Компьютер», а экспедиция по установке финансировалась московской фирмой «Спутник» (Сахаровский центр). Новый памятник так и не появился.

В самом Певеке ещё в 1980-е годы был установлен памятник Науму Пугачеву, секретарю Чаунского райкома ВКП(б), основателю Чаунского района, при котором началось развитие района, в том числе и руками заключенных. Несмотря на лагерную историю возникновения города, памятник жертвам политических репрессий появился в Певеке лишь в 2015 году. В Чаунском краеведческом музее (ул. Обручева, 17/1) также имеется экспозиция об истории ГУЛАГа, формирование которой началось ещё в 1991 году. Документов и материалов по этой теме оказалось не так много, поэтому «малое количество информации компенсируется построением условной реконструкции лагерного барака, включающей подлинные предметы, и «кабинета следователя», где экспонируются документы и фотографии» (*Ассоциация музеев памяти*).

История и память в Певеке невозможны и без упоминания романа «Территория» Олега Куваева, в котором существует много отсылок к этим местам. Так, под куваевским «Северстроем» подразумевается «Дальстрой», под «городом» — Магадан, а под «посёлком» — Певек. В июне 1987 года в городе появился памятник и самому Куваеву, прожившему в Певеке всего три года, но навсегда увековечившему этот самый северный город России в своем романе. В документальном фильме

Памятник строителям Иультинской трассы (Wikimapia.org)

Светланы Быченко «Территория Куваева» (2016) неоднократно звучит мнение респондентов, что в Певеке до сих пор чувствуется именно дальстроевская атмосфера. Не все местные разделяют это наблюдение, однако память об освоении Чаунской губы невозможна без упоминания ГУЛАГа, на что в «Территории» Куваев так и не обращает внимания.

Другое важное место памяти о ГУЛАГе на Чукотке — посёлок городского типа Эгвекинот. 1 марта 1946 года для строительства Иультинского горнорудного комбината на оловянно-вольфрамовом месторождении было создано управление «Чукотстрой». Также в его задачи входило строительство посёлка в Заливе Креста (ныне — Эгвекинота), Иультинской трассы, морского порта

и аэропорта (Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области. Часть 1 2010: 67). Несмотря на сложности из-за срыва поставок материалов и оборудования по вине Минморфлота, о чем писал начальник Чукотстроя Б. Ленков (*Широков* 2014: 439), с 1946 по 1951 год силами заключённых была построена Иультинская трасса, которая соединяла Иультин с Эгвекинотом и являлась самой восточной круглогодичной трассой в СССР. В 1990-е годы поселки на трассе, как и сам Иультин, были заброшены, а в 1995 году половодьем снесло мост через Амгуэму (*Давыдов, Давыдова* 2020: 98), окончательно остановив использование трассы — сегодня по заброшенной Иультинской трассе ездят лишь редкие краеведческие и туристические экспедиции. Главным местом притяжения тури-

Якорь Валентина Ефремова на мысе Дежнёва (фото автора, 2022)

стов на Иультинской трассе последние десятилетия стала позднесоветская арка «Полярный круг», которая возвышается над трассой на двадцать четвертом километре. Сразу за аркой видны заброшенные домики вооруженной охраны (ВОХРа) времён Чукотстройлага. Однако в 2014 году на нулевом километре трассы, недалеко от аэропорта «Залив Креста» открыли памятник, где на постаменте изображены двое заключенных в ватниках с кайлом и тачкой, подписанный «*Строителям автомобильной дороги Эгвекино-Иультин. 1946–1950.*» (Пустовой 2019). Как и в Певеке, тема Чукотстройлага представлена в одном из залов местного Краеведческого музея городского округа Эгвекино, а сам музей последние годы также входит в Ассоциацию музеев памяти (Ассоциация музеев памяти).

Завершая раздел о чукотской памяти о ГУЛАГе, стоит снова вернуться

к мысу Дежнёва, где в апреле 2017 года нижегородский православный путешественник Валентин Ефремов установил православный крест, колокол и якорь, которые он специально привез туда из Нижнего Новгорода. Хотя, как уже было сказано выше, лагерей на мысе Дежнёва никогда не было, названа эта композиция была «Мемориал в честь русских покорителей Чукотки и жертв политических и религиозных репрессий», а сама экспедиция Ефремова проходила под флагом «Союза казачьих войск России» и при информационной поддержке «Ассоциации жертв политических репрессий» (Малюгин 2018). Тем не менее, руководство национального парка «Берингия», к которому относится территория мыса Дежнёва, выступило резко против установки данного мемориала и предписало демонтировать его до 10 июля 2018 года, руководствуясь тем, что «действия православного путешественника незаконны, т. к. «крест был установлен в границе объекта культурного наследия “Многослойное поселение Наукан”», и это действие «может нанести вред памятникам археологии», причём как известным, так и «пока ещё не выявленным»» (Ibid). В июле 2022 года мемориал из креста, якоря и колокола по-прежнему находится в нескольких десятках метрах от маяка на мысе Дежнёва.

АЛСИБ

В 1942 году, когда был утвержден новый воздушный мост через Аляску в Сибирь для ленд-лиза, в кратчайшие сроки было построено несколько новых аэропортов на северо-востоке СССР: Уэлькаль, Марково, Сейм-

чан, Берелёх, Оймякон, Олёкминск и Керенск, а кроме этого готовились запасные аэродромы в Нижнеилимске, Бодайбо, Витиме, Усть-Мая, Хандыге, Оломоне, Зырянке и Анадыре (Горка, не в поселке Угольные Копи) (Слепцов 2019: 8). На территории современной Чукотки³ находится шесть аэропортов времен Алсиба — два основных: Уэлькаль и Марково, а также четыре запасных: Анадырь, Чаплино, Танюерер и Омомон. Алсиб называли и «Красноярской воздушной трассой», и «Сталинской трассой», однако знали о ней немногие, во время Холодной войны о ней старались не вспоминать, а окончательный гриф секретности сняли лишь в 1992 году. Конечно, местные жители знали о трассе, однако из-за удаленности всех населенных пунктов трассы, не только чукотской её части, информация о ней мало выходила на «материк».

Сегодня чукотские аэропорты времен Алсиба практически не используются. Аэропорт Уэлькаля был первым аэропортом СССР, построенным для трассы, но на данный момент аэродром не действует, «он перестал эксплуатироваться ещё в 1980-х гг. Сейчас снабжение посёлка Уэлькаль ведётся вертолётom. Была попытка построить ВПП в середине 2010-х гг., но работы были остановлены» (Филин 2021). Аэропорт Марково использовался военными до 1953 года, после чего он стал перевозить только гражданских; сегодня аэропорт используется, но крайне мало, а самолеты летают лишь в Анадырь и несколько других сёл. Русское Географическое Общество не раз проводило экспедиции по местам Алсиба,

Стенд «Алсиб — трасса мужества» в анадырском Свято-Троицком соборе (фото автора, 2022)

последняя началась к восьмидесятилетию трассы и стартовала 28 июня 2022 года, в задачи которой входит «найти места падений самолётов по маршруту воздушной трассы Аляска — Сибирь и установить памятные знаки на местах гибели разбившихся лёгчиков» (Готиус 2022).

Несмотря на то, что Алсиб стал главной темой памяти на Чукотке о Великой Отечественной войне, полноценных памятников Алсибу в Автономном округе почти нет, хотя они есть даже на соседней Аляске, самый известный из которых находится в городе Фэрбанкс — города, откуда и начинался долгий путь советских летчиков в сторону Красноярска. На Чукотке по сути памятник существует лишь один — в уже упомянутом

³ С 1934 году Чукотка находилась в составе Камчатской области, в 1951–1953 — в составе Хабаровского края, с 1953 по 1992 год — в составе Магаданской области.

Обелиск лётчикам трассы Аляска-Сибирь — Эгвекино́т (Russiatravel)

выше поселке Эгвекино́т. Он возник через сорок лет после окончания Второй мировой войны, а сам памятник был утвержден «по проекту художника Константина Добриева: два крыла рухнувшего самолета с пробоиной в виде звезды. В финансировании и строительстве памятника принимали участие все организации и предприятия Эгвекино́та» (Russia travel). Место легко объяснимо — первый аэропорт Уэлькаля находился недалеко от Эгвекино́та, а современный Уэлькаль получает оттуда продукты. Однако интересно, что несмотря на столь важное значение памяти об Алсибе, даже в столичном городе Анадыре подобного памятника нет — все мемориальные возложения цветов происходят около памятника Великой Отечественной войне в центре города, где нет никакой информации об Алсибе. Несмотря на это, в двух местах Анадыря сегодня можно найти информацию о данной воздушной трассе — в Музейном Центре «На-

следие Чукотки» 17 июля 2022 году, к восьмидесятилетию трассы, в экспозиции был открыт макет интерактивной карты всей трассы (Чукотка.рф). Второе место более неожиданно — стенд «Алсиб — трасса мужества» находится в анадырском Свято-Троицком соборе.

Наконец, на Чукотке есть ещё один маленький и труднодоступный памятник летчикам Алсиба. Находится он недалеко от метеостанции Таню́рер, на почти полностью заросшем военном кладбище, где похоронены летчики, погибшие во время перелетов 1942–1945 годов. На небольшом обелиске с красной звездой наверху написано «*При исполнении служебных обязанностей в суровых климатических условиях Чукотки погибли и похоронены здесь*» (далее список из пятнадцати фамилий) (Басов 2019). Как определила экспедиция РГО, «судя по шильде, установлена “силами 314 ПАРМ-1В/Ч 15424 25 июля

1953 г.»» (Филин 2021). За кладбищем практически не ухаживают, хотя оно является оригинальным местом памяти Алсиба на Чукотке, не менее знаковым, чем сами аэродромы.

В 2019 году сорока четырьмя аэропортами России были присвоены имена выдающихся людей, от правителей и ученых до писателей и музыкантов. Несмотря на спорность и неоднозначность многих наименований, на Чукотке это получилось достаточно органично: аэропорт Анадыря в посёлке Угольные Копи получил имя чукотского писателя Юрия Рытхэу. Данное событие важно тем, что это чуть ли первый случай, когда в мемориальной культуре Чукотки увековечили память не российских/советских путешественников, геологов, летчиков и т.д., а представителя коренного чукотского населения, пусть и уехавшего «на материк». Пожалуй, это самое неоднозначное наблюдение всей местной мемориальной культуры: являясь регионом с большим процентом коренного населения — чукчей, чуванцев, эскимосов, эвенов — память о коренных народах на Чукотке представлена крайне, крайне мало. Чукотское пространство, как и другие территории северо-востока страны, остаются крайне ориенталистскими и колониальными. Одним из ярких символов такого вытеснения памяти о местном населении может служить то, что сегодня представляет упоминавшийся ранее мыс Дежнёва.

На мысе Дежнёва, задолго до появления в тех краях русских первопроходцев и появления у него данного названия, ещё в XIV веке появился эскимосский посёлок Наукан, долгое время являвшийся самым восточ-

Обелиск недалеко от метеостанции Танюер (GoArctic.ru)

ным населенным пунктом России/СССР и всей Евразии. Он был одним из крупнейших поселков в регионе, население доходило до четырехсот человек — по чукотским меркам почти мегаполис. Само слово Наукан, по-эскимосски «Нувук'а'к» означает «дернистый» (Днепровский, Шокарев 2019: 2). Проживавшие в нём эскимосы часто плавали и на Аляску, где также находились эскимосские поселения. Однако в 1948 году, с началом Холодной войны, им было запрещено плавать через Берингов пролив, а через десять лет, в 1958, посёлок расселили. Формально это было связано с укрупнением поселков и трудностью снабжения Наукана (см. подробнее *Ibid:* 7), однако связи науканских эскимосов с эскимосами Аляски представлялись угрозой для

советских военных — так столетние контакты коренного населения двух сторон Берингова пролива прекратились. При этом параллельно с расселением Наукана на горе Ингегрук на окраине посёлка в 1956 году⁴ был открыт упомянутый ранее «Памятник-маяк землепроходцу и мореплавателю Семёну Ивановичу Дежнёву», ставший главным символом крайней точки России и Евразии в этом месте. Так и стоят они рядом, фундаменты заброшенных эскимосских яранг и советский маяк, у слияния двух океанов на берегу холодного Берингова пролива.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ассоциация музеев памяти. URL: <http://memorymuseums.ru/museum/chaunskij-kravedcheskij-muzej>

Басов Е. 2019 — Басов Е. Танюер. Рожденный ленд-лизом // Lifejournal.com. 3.10.2019 URL: <https://basov-chukotka.lifejournal.com/455100.html>

В Музейном Центре «Наследие Чукотки» обновлена выставка «АЛСИБ» // Чукотка.рф 16.06.2022 URL: <https://xn--80atarud1a.xn--p1ai/press-tsentr/aponsy/11948/>

Гопиус Ю. 2022 — Гопиус Ю. В объятиях вечной мерзлоты: стартовал чукотский этап экспедиции «Алсиб» // Русское Географическое общество, 30.06.2022. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/vobyatyah-vechnoy-merzloty-startoval-chukotskiy-etap-ekspedicii-alsib>

Давыдов В., Давыдова Е. 2020 — Давыдов В., Давыдова Е. Иультинская трасса: проект развития инфраструктуры в жизни чукотских национальных сел // Сибир-

ские исторические исследования. 2020. № 3. С. 89–102

Днепропровский К., Шокарев С. 2019 — Днепропровский К., Шокарев С. Легендарный эскимосский поселок Наукан в составе номинации в Список всемирного наследия ЮНЕСКО // Журнал Института наследия. Сетевое научное рецензируемое издание. 2019 №.2 (17)

Куваев О. 1975 — Куваев О. Территория. М.: Современник, 1975, 384 с.

Ларьков С., Романенко Ф. 2010 — Ларьков С., Романенко Ф. Враги народа за полярным кругом. Paulsen, 2010, 423 с.

Матюгин М. 2018 — Матюгин М. Власти Чукотки требуют снести поклонный крест на мысе Дежнёва // Православие.ру 5.07.2018 (дата обращения 20.07.2022)

Обелиск летчикам Аляска-Сибирь — Эгквекинот // Russia travel. URL: <https://russia.travel/objects/333538/>

Пустовой М. 2019 — Пустовой М. Эгвекинот — как живет чукотская идиллия? // Regnum, 2019. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2622353.html>

Сахаровский центр. Памятники жертвам политических репрессий на территории бывшего СССР. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/pam/?t=pam&id=389>

Слепцов С. 2019 — Слепцов С. Аэропорт Оймякон — история и судьбы. Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2019, 408 с.

Филин П. 2021 — Филин П. Экспедиция РГО и Минобороны по аэродромам трассы "Аляска — Сибирь" // GoArctic.ru. 28.12.2021 URL: <https://goarctic.ru/nauka-i-kultura/ekspeditsiya-rgo-i-minoborony-po-aerodromam-alsib/>

Хроника горнодобывающей промышленности Магаданской области. Часть 1. Горнодобывающая промышленность

⁴ На заднем фасаде памятнике-маяке указана дата 1955 год, однако, как следует из документов, годы его изготовления 1954–1956 гг., поэтому 1955 не может быть принят для датировки, а в тексте статьи указан 1956 год (см. подробнее Шокарев С. История мемориала Семёну Дежнёву на мысе Дежнёва / Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Москва-Анадырь: Государственный музей Востока, 2016, с. 106–107)

Дальстрой (1931–1957). Магадан: Kordis. 2002, 183 с.

Широков А. 2014 — Широков А. Дальстрой в социально-экономическом развитии Северо-Востока СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2014, 654 с.

Шокарев С. 2016 — Шокарев С. История мемориала Семёну Дежнёву на мысе Дежнёва / Спасти и сохранить. Культурное наследие Чукотки: проблемы и перспективы сохранения. Москва-Анадырь: Государственный музей Востока, 2016, с. 96–115

Bauer 1955 — Bauer J. So weit die Füße tragen. München: Ehrenwirth, 1955, 263 p.

REFERENCES

Assotsiatsiya muzeev pamyati. URL: <http://memorymuseums.ru/museum/chaunskij-kraevedcheskij-muzej>

Basov E. 2019 — Basov E. Tanyurer. Rozhdennyi lend-lizom // *Lifejournal.com*. 3.10.2019 URL: <https://basov-chukotka.livejournal.com/455100.html>

V Muzeinom Tsentre «Nasledie Chukotki» obnovlena vystavka «ALSIB» // Chukotka. rf 16.06.2022 URL: <https://xn--80atapu-d1a.xn--p1ai/press-tsentr/anonsy/11948/>

Gopius Yu. 2022 — Gopius Yu. V ob'yat'yakh vechnoi merzloty: startoval chukotskii etap ekspeditsii «Alsib» // *Russkoe Geograficheskoe obshchestvo*, 30.06.2022. URL: <https://www.rgo.ru/ru/article/v-obyat'yah-vechnoy-merzloty-startoval-chukotskiy-etap-ekspeditsii-alsib>

Davydov V., Davydova E. 2020 — Davydov V., Davydova E. Iul'tinskaya trassa: proekt razvitiya infrastruktury v zhizni chukotskikh natsional'nykh sel // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2020. № 3. С. 89–102

Dneprovskii K., Shokarev S. 2019 — Dneprovskii K., Shokarev S. Legendarnyi eskimoskii poselok Naukan v sostave nominatsii v Spisok vseмирного naslediya YuNESKO // *Zhurnal Instituta naslediya. Setevoe nauchnoe retsenziruemoje izdanie*. 2019 No.2 (17)

Kuvaev O. 1975 — Kuvaev O. *Territoriya*. М.: Sovremennik, 1975, 384 s.

Lar'kov S., Romanenko F. 2010 — Lar'kov S., Romanenko F. *Vragi naroda za polyarnym krugom*. Paulsen, 2010, 423 s.

Matyugin M. 2018 — Matyugin M. Vlasi Chukotki trebuyut snesti poklonnyi krest na myse Dezhneva // *Pravoslavie.ru* 5.07.2018 (data obrashcheniya 20.07.2022)

Obelisk letchikam Alyaska-Sibir' — Egvekinot // *Russia travel*. URL: <https://russia.travel/objects/333538/>

Pustovoi M. 2019 — Pustovoi M. Egvekinot — kak zhivet chukotskaya idilliya? // *Regnum*, 2019. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/2622353.html>

Sakharovskii tsentr. Pamyatniki zher-tvam politicheskikh repressii na territorii byvshego SSSR. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfd/pam/?t=pam&id=389>

Sleptsov S. 2019 — Sleptsov S. Aeroport Oimyakon — istoriya i sud'by. Yakutsk: Media-kholding Yakutiya, 2019, 408 s.

Filin P. 2021 — Filin P. Ekspeditsiya RGO i Minoborony po aerodromam trassy "Alyaska — Sibir'" // *GoArctic.ru*. 28.12.2021 URL: <https://goarctic.ru/nauka-i-kultura/ekspeditsiya-rgo-i-minoborony-po-aerodromam-alsib/>

Khronika gornodobyvayushchei promyshlennosti Magadanskoi oblasti. Chast' 1. Gornodobyvayushchaya promyshlennost' Dal'stroya (1931–1957). Магадан: Kordis. 2002, 183 s.

Shirokov A. 2014 — Shirokov A. Dal'stroi v sotsial'no-ekonomicheskom razvitii Severo-Vostoka SSSR (1930–1950-е гг.). М.: ROSSPEN, 2014, 654 s.

Shokarev S. 2016 — Shokarev S. Istoriya memoriala Semenu Dezhnevnu na myse Dezhneva / Spasti i sokhranit'. Kul'turnoe nasledie Chukotki: problemy i perspektivy sokhraneniya. Moskva-Anadyr': Gosudarstvennyi muzei Vostoka, 2016, s. 96–115

Bauer 1955 — Bauer J. So weit die Füße tragen. München: Ehrenwirth, 1955, 263 p.

И. Беляев

ДЕКОММУНИЗАЦИЯ МОНТЕ-КАССИНО? ИСТОРИЯ СПОРА ОБ ОДНОМ ПОЛЬСКОМ ПАМЯТНИКЕ

В Польше в 2022 году открылась новая глава декоммунизации городского пространства. Институт национальной памяти составил список из примерно 60 связанных с Красной Армией памятников, которые предстоит уничтожить. Кампания сноса пользуется значительной поддержкой и чаще всего памятники демонтируются довольно спокойно. Но некоторые из них прославляют не только Красную Армию и воевавших вместе с ней польских солдат, но и другие страницы польской военной истории, включая сражения на Западном фронте. Их снос воспринимается неоднозначно, и именно такой случай произошёл в конце августа в небольшом городе Бжег.

Ключевые слова: Польша, Институт национальной памяти, Вторая мировая война, памятники, политика памяти, войны памяти

Об авторе: Иван Беляев — социолог, журналист русской службы Радио Свобода, биограф и переводчик Вацлава Гавела

Контактная информация: beliaevliberty@gmail.com

I. Beliaev

DECOMMUNIZATION OF MONTE CASSINO? CASE OF AN ARGUMENT ABOUT ONE POLISH MONUMENT

In 2022 Poland opened another chapter of public space decommunization. Institute of National Remembrance compiled a list of app. 60 Red Army-related monuments, which should be removed. Demolition campaign enjoys significant support and usually these monuments are destroyed relatively calmly. However, some of them glorify not just Red Army and its Polish allies but also other pages of Polish military history including Western front battles. Their demolition could be controversial and one of such cases took place at the end of August in small town of Brzeg.

Key words: Poland, Institute of national remembrance, WW2, monuments, politics of memory, memory war

© И. Беляев, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-62-68

About the author: Ivan Beliaev — sociologist, Radio Free Europe/Radio Liberty Russian service journalist, biographer and translator of Vaclav Havel.

Contact information: beliaevliberty@gmail.com

«Памятник «вечной славы польским и советским солдатам» уже выполнил свою историческую роль промывания мозгов о нашей вечной дружбе, сердечном сотрудничестве и взаимной выгоде во всём. Теперь нам нужно строить Польшу на правде, которой мы были лишены после 1945 года. Потому «памятник сантехнику» необходимо убрать с нынешнего места: либо снести, либо переставить на менее видное», — написал в 2015 году в открытом письме к местным властям житель польского Бжега Эугениуш Крочак¹.

Бжег — относительно небольшой, около 35 тысяч жителей, город на юго-западе Польши, центр одноимённого повята в Опольском воеводстве (исторически это Нижняя Силезия). С XVII века под властью Габсбургов, со времён Фридриха Великого часть Пруссии, затем в составе уже объединённой Германии Бжег (нем. Brieg) оставался немецким до конца Второй мировой, затем был включён в состав обновлённой Польши с её усечёнными на востоке, но сдвинутыми на запад границами. Город сильно пострадал во время боёв за него в январе 1945 года, в руинах оказались 70% зданий. Затем немецкие жители этих мест были по преимуществу выселены и частично заменены переселенцами с востока.

В 1918 году немецкие власти установили в городе памятник героям франко-прусской войны — весьма выразительный и символичный жест для года поражения Германии в войне мировой. В 1945 году он был снесён, а 27 лет спустя на этом же месте был воздвигнут военный памятник, созданный местным скульптором Тадеушем Венцелем. Сейчас ему уже 96 лет, несколько его скульптур можно найти в Ополе, где он, среди прочего, ещё в начале пятидесятых работал над оформлением городского зоопарка²; в городе Гоголине ему принадлежит памятник героям популярной народной песни: Каролинке и Карличку³.

«Вечная слава польским и советским солдатам, героям победных битв с гитлеровским фашизмом. Ответственность города и повята. Бжег, декабрь 1972», — выбито на постаменте памятника⁴. В городе работу Венцеля в шутку прозвали «памятником сантехнику» — одним из элементов скульптуры стали беспорядочно нагромождённые трубы, символичность которых осталась многим горожанам непонятна (похоже, это художественное пристрастие Венцеля: в конце шестидесятых, например, он создал полуабстрактную скульптуру «Концерт», которая практически

¹ <https://brzeg24.pl/aktualnosci/40714-mieszko-i-zamiast-pomnika-hydraulicznej/>

² <https://opole.naszemiasto.pl/zagadka-betonowych-lwow-z-zoo-w-opolu-rozwiazana-opowiada-o/ar/c1-8393513>

³ <https://gogolin.pl/13638/pomnik-karolinki-i-karlika.html>

⁴ <http://www.miejscapamiecinarodowej.pl/index.php/opolskie/1191-brzeg-pomnik-zolnierzy-polskich-i-radzieckich>

целиком состоит из труб⁵. Её можно найти среди многочисленных металлических уличных скульптур в варшавском районе Воля⁶). На официальном же уровне во времена Польской народной республики говорилось или о «памятнике победы» или о «памятнике благодарности».

После краха социалистического режима «благодарности» у местных жителей заметно поубавилось, и уже в XXI веке в городе возникло сразу несколько инициатив по ликвидации памятника. В 2015 году процитированный нами Эугениуш Крочак разослал сразу в несколько инстанций письмо, в котором призывал снести памятник и поставить на его месте монумент первому исторически достоверному польскому князю Мешко I. По мнению Крочака, это стало бы достойной возможностью отпраздновать 1050-летие польской государственности и крещения Польши. Учитель истории и, в дальнейшем, депутат совета Бжегского повята Януш Якубув настаивал, что площадь должна гармонировать с находящимся рядом замком Пястов (его иногда называют «силезским Вавелем») и служить местом для государственных торжеств, которого в Бжеге, по его мнению, просто нет⁷. В 2021 году он же говорил, что

на этом месте должен появиться памятник жертвам воынской резни⁸. И Крочак, и Якубув утверждали, что решение о сносе может быть принято исключительно муниципальными властями, поскольку и памятник, и земля находятся в собственности города, а скульптуры такого рода не подпадают под действие российско-польского договора об охране военных мемориалов.

Якубув, в частности, ссылаясь на снос памятника Ивану Черняховскому, которого он правда почему-то называл «генералом НКВД»⁹, в городке Пененжно (именно там, в бывшем прусском Мельзаке, Черняховский погиб). Впрочем, в Польше генерал действительно оставил недобрую память «палача Армии Крайовой», и местные власти в 2015 году снесли памятник, несмотря на протесты России¹⁰. Их право на это решение поддержал, например, и тогдашний министр иностранных дел Гжегож Схетына.

Кстати, в 2017 году польский парламент принял поправки к закону «О пропаганде коммунизма и других тоталитарных режимов», где было сказано, что памятники «не могут прославлять людей, организации, события или даты, символически свя-

⁵ <https://wolskieregionalia.bpwola.waw.pl/items/show/421>

⁶ <http://cargocollective.com/powojennymodernizm/I-Biennale-Rzezby-w-Metalu-w-Warszawie-1968-r>

⁷ <https://radio.opole.pl/100,235247,chca-zburzyc-jeden-pomnik-i-wybudowac-drugi-co-d>

⁸ <https://brzeg24.pl/gmina-brzeg/202504-nie-burzmy-pomnika-glos-i-argumenty-brzezan-przeciwnych-wyburzeniu-tzw-pomnika-hydraulika/>

⁹ <https://nto.pl/pomnik-w-brzegu-to-wstyd-ale-nikt-go-nie-chce-ruszac/ar/8180582>

¹⁰ <http://www.wilnoteka.lt/artykul/czerniachowski-usuniety-z-pomnika-w-pienieznie>

занные с коммунизмом»¹¹. Исключение делалось лишь для памятников, находящихся на кладбищах, либо имеющих культурную или образовательную ценность.

Несложно догадаться, что памятник в Бжеге под эти исключения не попадал. Тем не менее, по-прежнему назывались два препятствия для его сноса. Во-первых, городской бюджет не предусматривал весьма внушительной суммы на сам демонтаж и последующее обновление площади — речь шла о полумиллионе злотых, это больше ста тысяч долларов то время как, даже если говорить об исторической политике, городские власти хотели потратиться на другой проект — музей восточных кресов (как уже было сказано, после войны в этих местах осели многие вынужденные переселенцы оттуда)

Во-вторых, Тадеуш Венцель, а также его ассистенты Богдан Ведемский и Винценты Машковский, ещё живы и, по мнению некоторых юристов, памятник защищало авторское право. Без согласия скульпторов, говорил бурмистр Ежи Врембьяк, снос невозможен¹². По этой же причине не воплотилась в жизнь идея частичного изменения облика памятника в 2009 году, авторы тогда отказались

её поддержать, согласившись лишь на ремонт части конструкций¹³.

Решающий импульс идея сноса получила после вторжения России в Украину. «В общественном пространстве нет места подобной глорификации Красной Армии», — заявил автор очередной петиции Михал Скорупа¹⁴. Наконец, городской совет Бжега принял решение о сносе, дал своё согласие и бурмистр Врембьяк. Вопрос авторских прав скульпторов был признан несущественным, а финансирование сноса взял на себя Институт национальной памяти, который с новой силой принялся за декоммунизацию городских пространств Польши.

Так, президент IPN Кароль Навроцкий весной говорил, что в институте составлен список из примерно 60 памятников под снос. «Это лучшее время наверстать упущенное», — заявил он, имея в виду войну в Украине¹⁵. А директор институтского Бюро увековечения борьбы и мученичества Адам Сивек отмечал, что речь идёт об объектах, утверждавших «доминирование России над Польшей под крайне фальшивыми лозунгами благодарности за освобождение, братства по оружию и дружбы»¹⁶.

¹¹ <https://sip.lex.pl/akty-prawne/dzu-dziennik-ustaw/zmiana-ustawy-o-zakazie-propagowania-komunizmu-lub-innego-ustroju-18619198>

¹² <https://nto.pl/pomnik-w-brzegu-to-wstyd-ale-nikt-go-nie-chce-ruszac/ar/8180582>

¹³ <https://nto.pl/miasto-odnawia-kontrowersyjny-pomnik-w-brzegu/ar/4116721>

¹⁴ <https://www.tvp.info/61999932/brzeg-rozebrano-pomnik-ku-czci-zolnierzy-armii-czerwonej-w-brzegu>

¹⁵ <https://polonia.tvp.pl/59717165/kolejny-etap-dekomunizacji-w-polsce-burzenie-pomnikow-upamietniajacych-armie-czerwona>

¹⁶ <https://dzieje.pl/wiadomosci/w-gminie-sobotka-zdemontowano-pomnik-poswiecony-armii-czerwonej>

Теперь городская администрация Бжега призывает жителей принять участие в обсуждении того, как должно быть переосмыслено это место и что там должно появиться¹⁷. Но остались и противники разрушения мемориала. Так, один из комментаторов страницы *Brzeg bez przewodnika* написал, что сторонники сноса должны сами взять лестницы, зубила, молотки и разобрать скульптуру собственными руками, а если нет — оплатить работы из своего кармана¹⁸.

«Такие памятники нужно оставить, лишь сопроводить соответствующей информацией. Памятник — это память о прошлом, каким бы оно ни было. Мы не можем притворяться, что этого периода в истории Польши не было», — приводит комментарий одной из местных жительниц сайт *Nasze Miasto*¹⁹. Два анонимных письма в защиту монумента публикует и местный портал *Brzeg24*. Автор одного из них считает, что решение о сносе стоило бы принимать при помощи городского референдума. «Мало кто знает, что на задней стороне памятника изображено лицо польского солдата в конфедератке Войска Польского. Это памятник, свидетельство боёв за независимость Польши солдат всего мира, а не только русских. Мы, поляки, имея хоть каплю уважения к героям, погибших в боях за нашу свободу, ни в коем

случае не должны допустить ликвидации этого исторического объекта», — добавляет он.

Возможно, здесь и начинается самое интересное. Стоит присмотреться к памятнику. Кроме уже процитированного выше посвящения на нём есть четыре доски. Прочитаем внимательно надписи на всех четырёх. На одной из них написано: «6 февраля 1945 года. Освобождение г.Бжега Советской Армией». Эта доска в контексте всего памятника и отношения к нему вызывает меньше всего вопросов.

На другой доске написано: «Вестерплатте. Сталинград. Берлин». Здесь очевидно, что на первом же месте упоминается событие, к которому Советский Союз и его армия не имели никакого отношения: героическая, хотя и безуспешная оборона польских солдат в самые первые дни Второй мировой.

На третьей доске написано «Партизанские бои. Яновские леса. Липские леса. Пуца Сольска». Речь здесь идёт о масштабных партизанских боях лета 1944 года. Да, с советской стороны фронта перекидывали для подкрепления партизан и бойцов НКВД, но всё же в первую очередь это война, которую вели поляки — солдаты и Армии Людовой, и Армии

¹⁷ <https://brzeg.naszemiasto.pl/trwa-rozbiorka-pomnika-zwyciestwa-w-brzegu-co-powstanie-w/ar/c1-8965563>

¹⁸ [https://www.facebook.com/BrzegBezPrzewodnika/posts/pfbid0ybeBNrxHf91u2xijJGiHpEurCEsvwBpQZoChShu4NEvzjDqAQeaTMqrkmEA5Cbl?__cft__\[0\]=AZWvRRqrH0EHZHZfesRH4k_owmQEB1thGVTfuMqPQw0r7Zi8xhdF3MZeIXqZigmWejCN0d9TBnKgedxHzBRf7pI-O7-soD5l_UVCY3c5yEkkCxm0OcyOHmWAv1keAf2-yLPLgVk_TFZACS09gNxJweLquigUgGMvHMNFg0TYThTDuLpzokjGSSt1BsunrbFgR0&__tn__=%2CO%2CP-R](https://www.facebook.com/BrzegBezPrzewodnika/posts/pfbid0ybeBNrxHf91u2xijJGiHpEurCEsvwBpQZoChShu4NEvzjDqAQeaTMqrkmEA5Cbl?__cft__[0]=AZWvRRqrH0EHZHZfesRH4k_owmQEB1thGVTfuMqPQw0r7Zi8xhdF3MZeIXqZigmWejCN0d9TBnKgedxHzBRf7pI-O7-soD5l_UVCY3c5yEkkCxm0OcyOHmWAv1keAf2-yLPLgVk_TFZACS09gNxJweLquigUgGMvHMNFg0TYThTDuLpzokjGSSt1BsunrbFgR0&__tn__=%2CO%2CP-R)

¹⁹ <https://brzeg.naszemiasto.pl/ostatnie-chwile-brzeskiego-pomnika-hydraulika-niedlugo/ar/c1-8960663>

Крайовой, и т. н. «крестьянских батальонов». Фактически это крупнейшее партизанское сражение Второй мировой на территории Польши. Уже после войны эти же леса стали местом жестоких боёв нового режима с оставшимися в подполье бойцами Армии Крайовой.

Четвёртая доска. Надпись на ней: «Ленино. Монте-Кассино. Варшава». Ленино находится в Могилёвской области Беларуси. В октябре 1943 года в сражении у этого села начался боевой путь тех поляков, которые остались воевать на Восточном фронте — Первой пехотной дивизии имени Тадеушка Косцюшко под командованием Зыгмунта Берлинга. Другими словами, речь идёт именно о сражении, принципиальном для Польши, в советской и российской историографии оно такого значения не имеет. Наконец, Монте-Кассино — место затяжного и кровопролитного сражения в Италии с января по май 1944 года, в котором важнейшую роль сыграли переведённые к западным союзниками части генерала Владислава Андерса. Можно сказать, что это одна из наиболее почитаемых в Польше страниц истории Второй мировой.

Фактически речь о том, что авторы памятника не воздвигали его как монумент, прославляющий и увековечивающий исключительно действия Красной Армии. Эта работа польских скульпторов предлагала широкую, достаточно инклюзивную, отнюдь не свободную от политических требований своего времени, но по-своему

компромиссную интерпретацию истории войны. И некоторые защитники памятника предлагают оценить в нём именно эту компромиссность.

Подобная же двойственность характерна и для некоторых других памятников эпохи. Например, снесённый в апреле монумент в деревне Мендзыблоче в Великопольском воеводстве был посвящён «99 бойцам I армии Войска Польского и 9 бойцам Советской Армии, погибшим 30–31 января 1945 года в боях за освобождение Злотова»²⁰, обратим внимание на соотношение польских и собственно советских потерь.

Причём так вышло, что, когда начали демонтировать памятник в Бжеге и заработала строительная техника, именно четвёртая доска чаще всего оказывалась в объективах видеокамер. Вид огромного отбойного молотка, крушащего плиту с надписью «Монте-Кассино», оказался довольно зловещим для многих поляков; в социальных сетях люди спрашивали, всё ли у них в порядке со зрением²¹.

«Стоит поставить вопрос: а откуда набирали польских солдат для боёв под Ленино или Монте-Кассино? Не из сибирской ли тайги, с Колымы и других уголков бесчеловечной земли (здесь нет кавычек, но очевидно, что автор использует название книги художника Юзефа Чапского «На бесчеловечной земле» — И. Б.)? А как оказались в Сибири эти будущие польские солдаты? Не после насильственных депортаций? Может,

²⁰ <https://www.rp.pl/historia/art36095181-ipn-zdemontuje-pomniki-armii-czerwonej>

²¹ <https://twitter.com/DanielDraganPL/status/1562777566704205824>

эти депортации были проявлением братства с поляками? Или это, скорее, было братство с немцами в уничтожении польской нации — одни с востока, другие с запада — отвечает на это Эугениуш Крочак²².

«Вестерплатте, Мокра (место сражения 1 сентября 1939 года, одна из небольших локальных побед польской армии в боях с немцами — И.Б.), Монте-Кассино, Ленино, битва за Англию... Всё это страницы истории, на которых мы показали, что у нас есть смелая армия, способная противостоять агрессору и побеждать в защиту наших ценностей, нашей нации. По-моему, это очень важно. Конечно, у памятника нет священной силы и его можно разрушить, это просто бетон и сталь», — грустно констатирует автор одного из писем в редакцию *Brzeg*²³, отмечая, что, скорее, стоило бы дополнить памятник новыми табличками, включая миссии польских солдат в Югославии и Афганистане или военную помощь Украине.

«Все элементы этого памятника, даже лживые, а может быть, в осо-

*бенности именно они, показывают характер тех лет, показывают коммунистическую пропаганду, отражают стиль и дух ПНР. Такой период в польской истории попросту был и нам стоит это принять. Уничтожение его последних, столь выразительных символов не изменит истории, а сохранение — покажет, что можно уверенно смотреть в прошлое во всей его целостности. Через 80 лет после окончания Второй мировой войны, когда среди нас уже почти нет её участников, не оцениваем ли мы эти события слишком поспешно? Не забываем ли мы, что героями были не только проклятые солдаты? Не забываем ли мы, что в силу разных судеб поляки проливали свою кровь и в Народном Войске Польском, и даже в рядах Красной Армии. Это всё не так просто и однозначно, как теперь может выглядеть с нашей перспективы. Речь идёт попросту о людях, и для нас не должно быть хороших или плохих битв — только пролитая польская кровь и память о ней», — резюмирует в Фейсбуке бжегский краевед, администратор страницы *Brzeg na starych fotografiach i pocztówkach* Марек Пызовский²⁴.*

²² <https://brzeg24.pl/aktualnosci/48715-48715/>

²³ <https://brzeg24.pl/gmina-brzeg/202504-nie-burzmy-pomnika-glos-i-argumenty-brzezan-przeciwnych-wyburzeniu-tzw-pomnika-hydraulika/>

²⁴ https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=pfbid02WoaeBBXU8VrR6tqTDVig6XJQkkdH2JrGSMHHFp1jTUY78dwemDPmbFy9vwYHj2l&id=591798554169460

«В 1922 Г. ВЛАСТИ СОЗДАЛИ ОСНОВЫ ТОГО, ЧТО МЫ ТРАДИЦИОННО ПОНИМАЕМ ПОД РЕПРЕССИВНОЙ СТАЛИНСКОЙ СИСТЕМОЙ»

Интервью с К. Н. Морозовым

В интервью редакции «Исторической Экспертизы» известный историк К. Н. Морозов размышляет о долгосрочном значении ряда событий отечественной истории, 100-летие которых отмечалось в уходящем 2022 г.

Ключевые слова: становление репрессивной системы в Советской России, процесс по делу социалистов-революционеров 1922 г., «философский пароход» 1922 года.

Сведения об авторе: Морозов Константин Николаевич, доктор исторических наук, приглашенный исследователь EHESS/CERCEC (Париж).

Контактная информация: morozov.socialist.memo@gmail.com

“IN 1922, THE AUTHORITIES CREATED THE FOUNDATIONS OF WHAT WE TRADITIONALLY UNDERSTAND AS THE REPRESSIVE STALINIST SYSTEM”. INTERVIEW WITH K. N. MOROZOV

A well-known historian reflects on the long-term significance of a number of events in Russian history, the 100th anniversary of which was celebrated in the outgoing 2022.

Key words: the formation of the repressive system in Soviet Russia, the trial of the Socialist-Revolutionaries in 1922, the “philosophical ship” of 1922.

About the author: Morozov Konstantin N., Doctor of historical sciences, visiting researcher EHESS/CERCEC (Paris).

Contact information: morozov.socialist.memo@gmail.com

ИЭ.: Константин Николаевич, на 1922 год пришлось немало событий, свидетельствующих об ужесточении большевистского режима, и это несмотря на некоторые экономические вольности, связанные с НЭПом. Что имеется в виду? Это не только удар по эсеровской оппозиции, нанесенный судебным процессом, и не только высылка большой когорты интеллектуалов. Можно вспомнить и об упразднении автономии вузов, прежде всего университетов, о начале классовой фильтрации студентов, об упразднении ряда общественных организаций, отстаивавших права некоторых категорий интеллигенции (например, врачей или, скажем, адвокатов), об изъятии церковных ценностей, подорвавшем материальную базу Православной церкви. При этом происходила реорганизация политической полиции в целях повышения ее эффективности (создание ГПУ вместо ВЧК в начале 1922 г.). Почему большевистские власти перешли в это время в наступление по всем фронтам? С чем была связана такая необходимость?

К. М.: Вынужденный переход к НЭПу, Кронштадтское восстание, Тамбовское крестьянское восстание, как и, может быть, чуть в меньшей степени Западно-Сибирское восстание, напугали большевиков своим накалом, ожесточенностью и опасностью распространения на другие районы страны. И совершенно не случайно, что власти пошли на применение самых драконовских способов борьбы с тамбовскими повстанцами, вплоть до применения боевых отравляющих веществ, создания концлагерей, взятия заложников и т. д.

Было много такого, что до сих пор ужасает. Есть сборник документов о Тамбовском восстании, изданный в начале 2000-х годов, я вспоминаю, например, о документе об отправке в спецлагеря детей повстанцев, причем речь шла о малолетних детях. Причем сторонами конфликта стали тогдашние структуры народного образования (типа более поздних РОНО), партийные структуры и органы ВЧК, которые требовали самых жестких мер. Не меньше напугало власти очень мощное Кронштадтское восстание, напугало и тем, что для его подавления трудно было найти части победившей Красной Армии. Гражданская война шла к завершению, а бросить воинские части на подавление этого восстания было очень рискованно, так как многие бойцы и целые подразделения тут же переходили на сторону восставших. Были и забастовки рабочих в Москве и Питере, которые большевики стыдливо называли «волынками». Они тоже вызывали опасения возможной детонацией и взрывом всей системы. Ведь в тот момент, когда большевистская власть победила и, казалось бы, должна была укрепляться, вдруг оказалось, что ею недовольны практически все. Причем, что самое страшное для этой власти, недовольны в том числе те слои и социальные группы, которые ее раньше поддерживали, включая рабочих. И собственно говоря, всё это заставило, с одной стороны, пойти на Новую экономическую политику, а с другой стороны В. И. Ленин и другие большевики сильно опасались того, на что надеялись их противники. А именно того, что вот эта экономическая либерализация приведет и к либерализации политической, и что НЭП по

самой своей логике заставит рано или поздно большевиков отступить. Эти надежды были распространены очень сильно, собственно, весь 1921 год прошел в поисках того, как жить дальше, и в конце 1921 г. начинается реализация этой ленинской установки: в экономике — НЭП, но при полном политическом господстве большевиков с переходом их на новые методы и средства управления и подавления инакомыслия и сопротивления, потому что прежние средства и методы гражданской войны и красного террора — они не годились для новых условий. Более того, вот Вы здесь упомянули о перестройке ВЧК в ГПУ. Это не было случайным, ибо в самой большевистской партии накопилось серьезное недовольство деятельностью ВЧК, которая фактически не контролировалась партией и вызывала раздражение даже в среде большевистской элиты, имевшей все основания опасаться, что эта сила рано или поздно может быть использована и против партии, против них самих. Эти опасения уже совершенно явно угадываются в 1919–1920 гг. В фонде Н-1789, который находится в Центральном архиве ФСБ, помимо документов, связанных с самим судебным процессом по делу с.-р. (следственных материалов, стенограмм судебного процесса и т.д.), хранится и большой (главным образом, изъятый при арестах) материал о деятельности самой эсеровской партии во время гражданской войны, он представляет гигантский интерес, тем более в силу своей уникальности, не повторяя те свидетельства, которые содержатся в амстердамском или американских архивах. Так вот туда попали и разного рода чекистские материалы,

которые позволяют сделать совершенно однозначный вывод о том, что эсеровский процесс стал такой своего рода точкой сборки, реагируя на все нужды, которые ставились перед ним и в оперативном, и в пропагандистском плане. Он был частью более широкой кампании. Мы привыкли считать, что скажем агитационно-пропагандистская деятельность лишь обслуживала процесс, но по моим впечатлениям, полученным на основании архивных документов, она, как это ни парадоксально, была главной, поскольку главной целью была дискредитация самой идеи демократического социализма как альтернативы большевизму, и все силы большевиками были брошены на то, чтобы дискредитировать наиболее опасных для себя противников — социалистов.

Вся эта работа по дискредитации велась уже с октября-ноября 1917 г. и даже тогда, когда в 1919 г. эсеры временно амнистировали, идейная борьба против них никогда не прекращалась. И процесс эсеров стал лишь такой удобной формой осуществления этой агитационно-пропагандистской кампании, направленной на дискредитацию противников режима.

И еще одно. 1921–1922 гг. — это точка бифуркации для режима, его самоопределения и перестройки репрессивных органов. Я нашел и опубликовал в выдержках в своей монографии 2005 г. (Морозов 2005) о судебном процессе с.-р. 1922 г. один очень важный документ руководителя Секретного отдела ВЧК Самсонова о «плане работы ВЧК на время с 1-го мая 21 г. по январь-февраль

1922 года», в «ответ на задание тов. Владимира Ильича от 21.04.21 г.» (адресован был Дзержинскому, Менжинскому, а в копии Ленину и Молотову, причем кроме грифа «Совершенно секретно» на этом плане были еще два грифа — «Перепечатке не подлежит» и «По использовании жечь»). Помимо ряда репрессивных мер в отношении оппозиционных партий и «развития до максимума своего агентурно-осведомительного аппарата по политпартиям» там содержались и предложения в адрес коммунистов. Во-первых, предполагалось, что «Цека издает секретный циркуляр местным парторганам о том, что всем членам партии безусловно воспрещается хлопотать об арестованных членах других партий, и это допускается не иначе, как только через парткомитет». Во-вторых, амбиции чекистов так разыгрались, что их план предполагал, что ВЧК совместно с ЦК РКП(б) составит из своих представителей специальную комиссию для наведения порядка в среде «нестойких коммунистов», вплоть до переброски коммунистов Самарской и Саратовской губерний в другие губернии и перевода их на казарменное положение для службы в частях отрядов Особого Назначения (по очереди на трехмесячный срок).

Но особенно ярко страсть к чрезвычайности проявилась в пункте, где предлагалось чекистской «специальной контрольной официальной и секретной агентуре», следящей за поведением «служилой советской братии в деревне по отношению к крестьянству» — «дать в некоторых случаях право немедленной кары и расправы над виновниками совсужающими».

Фактически, перефразировав слова Ленина о том, что «профсоюзы — это школа коммунизма», Самсонов дает понять Ленину, что настоящая школа коммунизма для «нестойких» и «расхлябанных» коммунистов — это Отряды ЧОН, а для некоторых совсужающих — немедленная «кара» со стороны чекистской секретной агентуры.

Безусловно, вовсе не случайно так узок круг рассылки партийным руководителям (только Ленин и Молотов). И если грифы о совсекретности и запрете перепечатки нередки на подобных документах партийной и чекистской верхушки, то гриф «По ознакомлению уничтожить», надо сказать, выглядит весьма непривычно для подобной переписки. Почему этот план, безусловно, имевший огромное значение, не послали ни Сталину, ни Троцкому, ни Каменеву, ни Зиновьеву, явно по своему статусу и весу имевшим на это право? Почему его снабдили таким грифом, как будто посылали не руководителям партии и тайной полиции, а резиденту заграничной разведывательной сети? Представляется, что чекисты явно не хотели, чтобы о том, что они собираются принять активное участие в чистке партийных рядов (пусть и по инициативе Ленина), узнал ряд видных партийных руководителей. Безусловно, перед нами открылся лишь крохотный фрагмент той огромной мозаики сложнейшей и запутанной подковерной борьбы в большевистской партии, где уже давно на разных уровнях зрело недовольство «чересчуркой». В этой борьбе «за место под солнцем» активнейшее участие принимало не только чекистское руководство. Ис-

пользовать ВЧК в своих интересах явно пытались и многие партийные лидеры. Представляется, что часть из них, понимая, что не в состоянии взять под контроль эту силу, и опасаясь использования ее против себя своими конкурентами, была склонна, опираясь на широкое недовольство в партийной среде всевластием ВЧК, хотя бы ограничить ее полномочия (реорганизация ВЧК в ГПУ в феврале 1922 г. отчасти явилась отражением этих процессов).

При принципиальном сохранении старого курса на подавление и на удержание всей политической власти фактически встал вопрос о том, что это надо делать более филигранно и более технично. Поэтому вместо ВЧК и создается Главное политическое управление, ГПУ. Решение было принято в конце 1921 г. Некоторых слишком прямолинейных исполнителей, таких, как например, Кожевников, отодвинули или убрали, потому что понадобились более тонкие, более изощренные методы. Само название ГПУ звучит довольно туманно и не напоминает ни о чем связанном с госбезопасностью и красным террором. С другой стороны, проводится целый комплекс мер, таких, как принятие нового уголовного кодекса РСФСР от 1 июня 1922 г., ставшего мощнейшим оружием по борьбе со всеми так называемыми «контрреволюционными преступлениями», которое существовало до самого конца советской власти. Я рекомендую всем прочитать связанное с принятием этого кодекса письмо Ленина наркому внутренних дел Д. Курскому в мае 1922 г. с предложением ввести особую статью о борьбе с контрре-

волюционной деятельностью. Это была в том кодексе статья 59, которая позже, в 1925 г., была преобразована в печально знаменитую статью 58. Основы этой системы репрессий были заложены, таким образом, задолго до сталинского террора. Ленин призывал не гнаться за точностью формулировок, а формулировать как можно более широко и всеохватно: «Суд должен не устранить террор; обещать это было бы самообманом или обманом, а обосновать и узаконить его принципиально, ясно, без фальши и без прикрас. Формулировать надо как можно шире, ибо только революционное правосознание и революционная совесть поставят условия применения на деле, более или менее широкого». Это крайне важно, ибо здесь мы видим преемственность того, что работает до сих пор. Я говорю о крайне широких формулировках этих псевдоюридических норм, под которые можно подвести что угодно, сюда подпадают любые преступления против власти. Так что всё это было заложено еще Лениным. Мы тут еще раз видим, что Ленин, хотя сегодняшние власти его очень не любят и от него хотят откеститься, вне всякого сомнения, остается отцом той советской системы «правосудия», которая во многом существует до сих пор, именно к нему восходят все ключевые элементы этой системы, включая абсолютное неприятие законности, насмешку над законом. Вообще надо сказать, что правовой нигилизм — это одна из родовых травм большевизма, характерная для всей советской системы и для постсоветской системы, которая все-таки, на мой взгляд, является этапом эволюции, загнивания, расчленения, гибели советской системы.

Несмотря на наличие олигархов и многое другое, чего ранее не было, совершенно очевидно, что на данном этапе происходит очень хитрое переплетение традиций и ценностей царской автократии и абсолютной монархии с ценностями советской имперскости, которые, конечно, в более законченном виде связываются с именем Сталина, но здесь мы не должны заблуждаться, ибо, по моему глубокому убеждению, Сталин все же вторичен, а первичен все-таки Ленин. Хотя фигура Сталина закрывает фигуру Ленина своими плечами, но у истоков всей этой конструкции и всей системы идей, безусловно, стоит Ленин. И как создатель советского государства образца военного коммунизма, и как инициатор этого поворота 1922 года, этой модификации большевистской диктатуры, для которой также характерен этот абсолютный правовой нигилизм, использование закона в качестве орудия репрессий, причем Ленин всегда считал, что можно не стесняться. Есть такое выражение 1923 г. знаменитого прокурора Н. Крыленко о том, что дубина не очень эффективное орудие, винтовка поэффективнее, но самое эффективное орудие — это судебный процесс. Это очень важно, ведь именно суд, политический судебный процесс стал использоваться в качестве формы для расправы. Дух этой системы, именно не буква, а дух, был воскрешен в этих знаменитых советских статьях об антисоветской деятельности и, собственно говоря, в новых условиях существует и сейчас, в наши дни. И самое главное, что никто не абсолютизировал эти статьи и эти законы, они легко могли быть изменены властями при необходимости. Для большевиков всегда

было свойственно нарушать и букву, и дух закона, когда это вызывалось некоей целесообразностью. Это крайне важно понимать, поскольку есть люди, которые до сих пор верят в эту оболочку закона.

А если говорить о том, что еще было сделано в 1922 г., надо вспомнить, что была возвращена система административной высылки. Была создана также система осведомительства, всё это стали создавать во время процесса эсеров. Я видел стенограмму совещания от 26 мая 1922 г. начальника 8-го Спецотделения Секретного отдела (СО) ГПУ Бреннера и секретаря Центрального Бюро комячеек г. Москвы Иоффе. В рамках обширной программы внутри студенчества ими было, в частности, решено: провести экстренное собрание ответственных секретарей ряда вузов, прочитать в вузах доклады о предстоящем процессе и Генуэзской конференции, провести накануне этого партдень, на котором «вменить в обязанность членам партии под предлогом необходимости вести неослабное наблюдение за дебоширами и ...особое внимание обратить на лиц, ведущих групповую агитацию, стараясь взять всю группу на учет». На время процесса «представить СО ГПУ список всех ВУЗов гор. Москвы и Республики, указать численность каждого ВУЗа в Москве по факультетам, отделениям, разбив эти цифры по курсам, численность комячеек в каждом ВУЗе и как они распределяются по факультетам, отделениям и курсам, список ответственных секретарей каждой комячейки, их телефоны и адреса, в порядке партийной дисциплины выделить 2-х надежных и серьезных коммунистов на каждом

курсе в каждом ВУЗе г. Москвы, для выполнения текущих заданий СО ГПУ на время процесса ПСР, поручить каждой двойке в секретном порядке составить список неблагонадежных студентов с указанием их адресов, курса и пр., а также дать характеристику каждого из них». Это дало возможность чекистам получить уже через несколько дней список, охватывающий все студенчество Москвы, список для дальнейшей разработки неблагонадежных студентов и, конечно же, для арестов эсеров-студентов, вряд ли молчавших во время суда над их партией. Далее предлагалось «особое внимание обратить на профессуру и научных сотрудников, дать характеристику о тех из них, кои используют кафедру или свое положение в политических целях, хотя бы самым осторожным подходом», «поручить каждой двойке дать общую характеристику своих сокурсников, отметив наличие среди их групп меньшевиков, эсеров и пр. антисоветских элементов». Отдельным пунктом было отмечено, что «двойки под своею личною ответственностью за разглашения могут добывать всякого рода сведения, как лично, так и через коммунистов и лояльных беспартийных, не посвящая последних в суть дела». «Двойкам» предписывалось «взять на учет всех студентов, высказывающихся с протестом против процесса правых с.р., встречи Вандервельде, и пр., на всех этих лиц заводится список с указанием их адресов, характеристики и пр.», «составить список всех кружков, союзов и пр. студенческих объединений, под каким бы флагом они не существовали. Указать руководителей, по возможности всех членов, а также не входят ли туда

коммунисты и кто именно (фамилии и адреса)», «в связи с предстоящим эсеровским процессом устроить секретное совещание всех двоек и обязать последних ежедневно подавать рапорта обо всем замеченном ими, в Университетах, институтах и пр., касающиеся прямо или косвенно эсеровского процесса. Рапорта через комячеек поступают в СО ГПУ». Особое внимание обращалось на то, что «по одному отношению к с.р. процессу представляется возможным выявить наилучшим образом полит. физиономию отдельных студентов. Процесс, таким образом, должен быть целиком использован в интересах вышеуказанного выявления противника».

Осведомителям было поручено доносить высказывания профессоров и преподавателей во время занятий, посещать разного рода вечеринки и собрания и потом докладывать о настроениях в студенческой среде, и замыкалось это всё на специальном представителе в каждом вузе, которому осведомители должны были обо всём докладывать. Было решено сделать нечто подобное в масштабах всей страны. Почему именно в мае 1922 г. взялись за вузы и создание всей этой системы? А потому что власти опасались реакции в студенческой среде на готовившийся эсеровский процесс, боялись, что это вызовет аллюзии с процессом 193-х или процессом «первомартовцев». Конечно, эта система не только пережила эсеровский процесс, но существовала в том или ином виде до самого конца советской власти.

В целом можно сказать, что в 1922 г. власти хотя и действовали во многом

реактивно, но создали основы того, что мы традиционно понимаем под репрессивной сталинской системой, задолго до того, как она стала восприниматься в качестве таковой. При подготовке эсеровского процесса задумались и о том, что делать с женами, с родственниками осужденных. Поскольку формальных законных оснований удалить их из Москвы и Петрограда не было, воскрешается система административной ссылки. Есть записки, где прямо говорилось о необходимости очистки Москвы и Петрограда от эсеровских элементов. Кстати, под действие этого закона об административной ссылке попадали и юристы, адвокаты, которые защищали обвиняемых первой группы. Это произошло после того, как 20 июня в зал суда привели людей из числа рабочих Москвы и Петрограда, которые потребовали вынесения смертных приговоров. Адвокаты увидели в этом разрушение всей конструкции процесса, заявляли о том, что происходит насмешка над законом и процесс надо немедленно закрывать. Слова адвоката Муравьева — «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону и смеются над людьми, этот закон защищающими», были встречены криками зала «подлец» и замечанием председателя суда — «за оскорбление русского народа». Это звучит, кстати говоря, очень современно и сегодня.

Адвокаты заявили об уходе с процесса, Пятаков и Крыленко стали им угрожать. Подсудимые 1-й группы поддержали адвокатов и заявили, что будут защищаться самостоятельно. Член ЦК ПСР Гендельман, юрист, заявил в заде суда: «гр-н обвинитель

всякое инакомыслие по отношению к нему со стороны защитников рассматривает как уголовное деяние...». Дальнейшая судьба адвокатов первой группы обвиняемых «блестяще» подтвердила печальную правоту слов Гендельмана. Своими высоко профессиональными действиями и мужественной гражданской позицией защитники, подкрепляя весьма сильные моральные и политические позиции обвиняемых эсеров грамотной юридической защитой, доставили немало хлопот сценаристам процесса. И власть «по достоинству оценила» их труды. 18 августа по приказу начальника СО ГПУ Самсонова адвокаты Жданов, Муравьев и Тагер были арестованы. С Муравьева и Тагера была взята подписка о прибытии к 8 декабря 1922 г. в Казань, куда они ссылались на три года. Гуревич, которого ГПУ уличило в передаче члену ЦБ ПСР Г.К. Покровскому стенограмм процесса, в августе 1922 г. был выслан в административном порядке в Нижний Новгород сроком на два года. За адвоката Карякина заступилась коммунистическая ячейка коллегии адвокатов, в своем письме обещавшая взять его на поруки и цензурировать все его публичные выступления, так что он не был отправлен в ссылку. Безусловно, отказ от участия в процессе сначала иностранных («социал-соглашательских», по терминологии Бухарина), а затем и русских («буржуазно-цензовых») защитников наносил серьезный удар по самому процессу, срывал с него последние остатки флера законности и объективности. Все эти детали и подробности очень кричаще показывают, что вопреки насаждавшимся с середины 1950-х годов представлениям о хорошем Ленине

и плохом Сталине система со всеми ее карательными функциями в основе своей сложилась еще при Ленине, а потом только усиливалась.

Тогда же, в 1922 г. была создана и система содержания так называемых «особо изолированных», т.е. государственных преступников. К ним относились поначалу приговоренные к смертной казни, а затем превращенные в заложников осужденные первой группы на эсеровском процессе. М.Я. Гендельман в своем заявлении в Верховный Трибунал в августе 1922 г. дал весьма колоритное описание тюремного режима, считая его «ни чем иным, как применявшимся лишь в виде наказания к заключенным карцерным режимом старого строя». По сути речь идет о воссоздании режима каторжных централов, возникает система политизоляторов, их было всего несколько на всю страну, вся система пребывания в заключении, надзора и ухода за заключенными в тюрьмах (включая питание) ощутимо меняется, что нашло отражение в соответствующих инструкциях.

В передовой статье эсеровской газеты «Голос России» от 6 сентября этот режим описывался так: «... постоянное грубое издевательство над осужденными, как во время процесса, так и после него со стороны низших агентов госполитуправления и тюремной администрации, новый тюремный режим по рецепту Уншлихта, когда осужденных подвергают ежедневному личному обыску, сопровождающемуся грубыми насмешками и издевательствами, лишение свиданий с родственниками, отмена передачи пищевых продуктов, запре-

щение двадцатиминутной прогулки на свежем воздухе, ночные проверки на смене караула, когда вновь открываются камеры и чекисты требуют от спящих осужденных встать с койки и производят поверхностный обыск в камере». Характерно, что им даже закрыли окна изнутри заподлицо к проемам деревянными щитами, оббитыми железом, что не допустить никаких сигналов из окон и использования «дорожек» тюремной почты.

Сотрудники Секретного отдела ГПУ определили весь круг социально-бытовых условий «особо изолированных», включая питание и количество выводов в уборную. Особенно странное впечатление производит то, что даже нормы питания для осужденных (что уж никак нельзя отнести к проблеме «изоляции») были определены не ВЦИКом, не Наркоматом юстиции, не Наркоматом внутренних дел, не — в крайнем случае — Коллегией Президиума ГПУ (ведь речь шла о ведомственной тюрьме), а руководством структурного подразделения ГПУ, которое и ловило этих эсеров. Думается, власти спасало от гнева общественного мнения Европы только то обстоятельство, что подобные «мелочи» прятали под грифом «совершенно секретно». 8 августа 1922 г. пом. нач. СО ГПУ Андреева представила начальнику СО ГПУ Самсонову «норму пайка для осужденных по делу ЦК ПСР», которую находила «вполне достаточной», и просила утвердить.

Но, сами по себе раскладки (хоть до-революционные, хоть советские) еще не гарантировали, что будет закуплено (в царское время) или получено (в советское время) соответствующее

количество продуктов подобающего качества, что продукты не будут разворованы тюремным персоналом (или втайне от администрации, или в сговоре с ней). В советское время тюремные повара, опасаясь наказания за прямое расхищение продуктов, порой находили достаточно хитроумные способы. Так, например, в одном из заявлений Ф. Ф. Федоровича, когда эсеры-чекисты находились еще в, можно сказать, элитной Внутренней тюрьме ГПУ, указывалось, что несмотря на наличие в супе волокон мяса, говорить о мясном бульоне не приходится. Проще говоря, повар долго вываривал мясо, оставляя его заключенным, а большую часть бульона забирал себе, разбавляя остатки кипятком. Таким образом, схватить повара за руку было непросто, так как внешне суп с плавающими в нем волокнами мяса выглядел вполне пристойно, а по сути все самое ценное из него было уже украдено. О степени калорийности такого бульона нетрудно догадаться.

А что касается создававшейся в это время системы агентурно-оперативного обслуживания, то можно вспомнить о применении камер для слежки в зале суда во время эсеровского процесса или в камерах для свидания с заключенными. Совершенствовалась не только система присмотра за всеми категориями заключенных. Устанавливалась система наружного и внутреннего (в Доме Союзов) наблюдения за посетителями судебного процесса над эсерами; чекисты, переодетые в красноармейцев, выявляли нелояльных, тех, кто выражал сочувствие, наблюдая за их поведением, репликами и т. д. И информировали потом об этом. Вся эта

система не очень работала в годы гражданской войны, когда ЧК делала упор на более лобовые методы устрашения в условиях красного террора, но сформировалась позже, в условиях подготовки и проведения эсеровского процесса.

Строго говоря, именно в это время Ленин дал ответ на все надежды относительно возможной будущей эволюции коммунистического режима в демократическом направлении. Было дано понять, что этой эволюции не будет никогда. И это оказалось правдой. Идею демократической эволюции режима впервые за многие десятилетия попытался осуществить только Горбачев в конце 80-х годов, но и это завершилось крахом, потому что весь комплекс идей, навыков и традиций большевистской советской системы абсолютно не подразумевал никакой демократии никогда. И Ленин несмотря на некоторые импровизации в экономике всегда делал ставку на сверхцентрализацию власти. На протяжении всего своего существования советская система вела к дальнейшей централизации власти и параллельно к удушению свободы.

ИЭ.: Почему большевики решили расправиться, прежде всего, с эсеровской партией, насколько именно эсеры представляли реальную угрозу для большевиков?

К.М.: Не только с эсерами хотели расправиться. Власти одновременно начали подготовку расправы не только над эсерами (я не пользуюсь советским определением — правые эсеры, потому что эсеры свою партию никогда, в том числе в эмиграции, не

называли так), но и над анархистами и меньшевиками. Но по итогам проведения эсеровского процесса власти решили отказаться от проведения другого такого процесса, потому что слишком неоднозначными были результаты. Часть поставленных задач власти сумели решить, я говорю о политико-пропагандистской кампании внутри страны. Прилагая суперусилия, большевики не жалели здесь средств, кстати и упомянутые церковные ценности пошли, в частности, на расходы по организации этой кампании.

«Всенародное осуждение» было важнейшим элементом антиэсеровской кампании (как и всех других последующих кампаний), и ее значение далеко выходит за рамки чисто контрпропагандистской кампании, развернутой властями, каковой она, безусловно, и являлась.

Член ЦБ ПСР Г.К. Покровский в письме из Москвы от 12 июня 1922 г., адресованном в Заграничную Делегацию ПСР, восклицал: «Процесс эсеров вытеснил собой остальную жизнь России. Кроме этого процесса у большевиков, кажется, нет никаких нужд, никаких забот. [...] Десятки тысяч газет центра и провинции, обслуживающих партийные большевистские губкомы, исполкомы и всякие отделы, от первой и до последней страницы заполняются "фактами" о предательствах и разбоях "бандитов" эсеров и все это помещается под заголовком "процесс эсеров"[...]. Резолюции... резолюции... без конца резолюции, выражающие оскорбленное чувство трудящихся и требующих одного: не расстреля эсеров, а самой мучительной казни»..

Как это видно из протоколов седьмого заседания «Агиткомиссии ЦК РКП(б)» от 7 июня 1922 г., сами коммунисты называли это действие «петиционной кампанией», хотя на традиционные петиционные кампании начала XX века, все, что развернулось в России в мае-июне 1922 г., походило мало. Форма «петиционной кампании» в качестве оружия в политической борьбе широко использовалась российским освободительным движением в борьбе с царским режимом. Широко известны либеральные банкетные кампании. Не менее широко известно крестьянское «приговорное движение», которое всеми силами в годы революции 1905–1907 гг. стимулировала эсеровская партия через сеть своих партийных «крестьянских братств». Вынесение резолюций на партийных собраниях весьма широко практиковалось и в условиях российской нелегальной работы, и в условиях эмигрантского существования, став неотъемлемой частью повседневной жизни революционной среды, и одновременно ее традицией и необходимой частью бытования. Усвоение этой новой традиции (собрания и резолюции) самыми разными слоями общества в годы революции 1905–1907 гг. произошло достаточно легко, вероятно, потому, что для крестьянской России эта новая традиция явилась всего лишь видоизменением многовековой традиции мирских сходов с их приговорами. С легкой руки партийных работников, собрания и резолюции стали приметой революционного времени: от банкетных кампаний до резолюций митингов взбунтовавшихся солдат. Впрочем, нечто подобное практиковалось и противостоящей сто-

роной. Так, например, монархически и черносотенно настроенные круги общества всячески выражали в это время поддержку власти, посылая по собственной инициативе в адрес царя бесчисленные коллективные приветственные телеграммы, адреса, депутации и т. д. и т. п. Эти формы, как и шествия черносотенцев с портретами царя были крайне важны власти и являлись для нее важным средством политической борьбы. Естественно, что это волеизъявление только отчасти было стихийно, сплошь и рядом получая импульс со стороны местных властей.

Но большевики придали этому совершенно иное качество. Ноу-хау большевиков заключалось в том, что они, став властью, такую форму борьбы, как резолюция, применявшуюся ранее оппозиционными силами против власти, использовали против самой оппозиции. Но самое важное, что, используя для этого все властные рычаги, вплоть до силового давления, арестов и увольнений, они включили в эту игру практически все категории населения. За годы гражданской войны и партаппаратом, и чекистами был накоплен подобный опыт, и в 1922 г. вопрос стоял во многом лишь о нахождении оптимальных и технологичных форм его применения. Впервые в истории режима были проведены столь всеохватные кампании — агитационная кампания власти и «всенародное волеизъявление и осуждение», которые, как волны, шли навстречу друг другу. «Всенародное волеизъявление и осуждение», конечно, было подготовлено, простимулировано и во многом даже осуществлено самой властью, бросившей на это и немалые финансовые средства,

и всю мощь своего партийного и пропагандистского аппарата, и даже репрессивный аппарат, следивший за «правильностью» волеизъявления.

Решение о проведении рабочих собраний, клеймящих эсеров, было принято 6 мая 1922 г. на очень высоком уровне — на втором заседании комиссии Политбюро («тройки Политбюро») РКП(б), на котором присутствовали Троцкий, Каменев, Дзержинский, Зиновьев, Бухарин, Луначарский.

Кроме того, организация подобных собраний проходила в тесном контакте партийных органов и ГПУ. Более того, как свидетельствуют документы «тройки» ГПУ, чекисты не являлись лишь проводниками воли «тройки» Политбюро, а сами в данном вопросе были инициаторами новых технологий и приемов, обращаясь в МК РКП(б) с рекомендациями по реализации того или иного замысла. МК РКП(б) и ГПУ предпринимали серьезные усилия для того, чтобы тщательно готовившееся ими изъятие «всенародного гнева» на преступления эсеров проходило без нежелательных эксцессов.

Важнейшей задачей чекистов стала организация совместно с МК РКП(б) дежурства чекистов на всех собраниях и митингах, где выносились резолюции, осуждавшие эсеров, с выявлением всех тех, кто выступал против (особо это касалось собраний на заводах и фабриках), а также организация постоянного дежурства у телефонов чекистов Московского Губотдела ГПУ (МГО) для оперативного реагирования на соответствующие сигналы.

Было решено просить МК РКП(б) извещать СО ГПУ «о всех собраниях, назначаемых на фабриках и заводах, а также о всех митингах», а СО ГПУ, МГО и МК РКП(б) выделить «по одному товарищу для несения дежурств»; провести собрание районных уполномоченных МГО; поручить МК РКП(б) выделить лучших коммунистов для участия в фабрично-заводских собраниях и митингах, сообщить им фамилии и номера телефонов тех чекистов, с кем они должны поддерживать связь; мобилизовать группу «разведчиков ГПУ и МГО не менее, как по 10 человек для несения постоянных дежурств на время процесса правых с.-р.» и восстановить «мобилизацию по отделам, с которыми должна поддерживаться телефонная связь»; уточнить «дислокацию московских фабрик и заводов, ячеек, фамилии ответственных секретарей ячеек и районных уполномоченных МГО»; представить сведения о настроении всех партийных группировок, также рабочих и служащих на транспорте.

Какими методами властям удавалось добиваться, как правило, «единодушных» резолюций рабочих собраний и митингов, клеймящих эсеров, показывает решение «технической тройки» ГПУ от 24 мая 1922 г. В нем говорилось: «Просить МК РКП дать соответствующие инструкции ячейкам, а тов. Савватьева — районным уполномоченным: всех выступающих на митингах и собраниях правых эсеров, а также выступающих в защиту их арестовывать. При невозможности производства ареста брать на учет». Заграничная и подпольная эсеровская и меньшевистская пресса в это время приводили

многочисленные примеры арестов всех, кто пытался на митингах усомниться в обоснованности обвинений против эсеров.

Крайне важен вопрос о том, насколько все эти резолюции, декларации и выступления отобранных делегатов отражали подлинное настроение рабочих, проявлявшееся на рабочих собраниях. Каковы же в реальности были реакции различных слоев на процесс эсеров? Как проходили митинги на заводах и в городских районах? Какие резолюции и каким образом на них выносились? Была ли заметна контрпропагандистская работа эсеров и меньшевиков? Как реагировали на нее рабочие, студенты, служащие и т. д.?

Отчасти на эти вопросы можно получить ответ из наблюдений свидетелей событий. Механизм проведения митингов и принятия резолюций великолепно описал в письме Э. Вандервельде анонимный корреспондент. В этом письме, посланном из Петрограда в Москву «Бельгийскому гражданину Э. Вандервельде», задержанном МГО ГПУ и переданном в 3 отделение СО ГПУ, в частности, говорилось: “[...]В резолюции на заводах и фабриках — относительно с.-ров — конечно Вы не верите. Ведь известно, как они принимаются: Большевик произносит длинную, скучную речь, а потом, прочитав приготовленную резолюцию, спрашивает: “кто против?” Никто рук не поднимает — действует террор, который обещает, при случае, повторить Ленин в одной из последних своих речей. Если большевик дурак, то он во время первого голосования спрашивает “кто за резолюцию”, рук так-

же никто не поднимает». Меншевик Б. Двинов так описывал в июне 1922 г. в «Социалистическом Вестнике» технологию проведения митингов и «петиционной кампании»: «Митинги. Конец работы. Собираются уходить. Вдруг шум. Ворота на запоре. Что такое? “Митинг против эсеров”, никого не пропускают. Стоят, слушают, пока оратор не кончит свою нудную канитель, никого не интересующую, и можно будет уйти домой.

— Кто “за”? — спрашивает председатель.

— Все, — отвечает директор завода.

“Единогласно” подтверждает первый, и назавтра в “Правде” появляется новая резолюция. Но уже посылалось больно много этих резолюций и большевики смекнули, что, пожалуй, Европа не поверит, что так уж необходима стала всем кровь эсеров!.. [...] Смекнули и решили — не поверят! Надо подкрепить. Чем? Подписями. Дан был лозунг: п е т и ц и и ! ”мы, мол, рабочие ...такого завода просим с.-ров расстрелять”. А на заводе спрашивали товарища рабочего: “не хочешь подписать? А вылететь с завода хочешь?”... Остальное ясно».

Мы имеем возможность посмотреть на эти митинги и настроения их участников и с помощью такого совершенно уникального источника, как секретные агентурные донесения чекистов, посещавших часть этих митингов (это называлось — «выслать разведки»). Они отложились в «Агентурном материале о ходе собраний на предприятиях г. Москвы,

по поводу процесса». Безусловно, картина настроений была весьма пестрой. Прежде всего, следует отметить, что в тех местах, где собрания трудящихся были по своему составу подобраны, как правило, все проходило для властей спокойно, и резолюции принимались «на ура!». Речь идет, прежде всего, о собраниях, которые проводились в летних садах в каждом из районов Москвы, куда пускали строго по билетам. Таким образом партийные и советские органы, организовывавшие эти собрания, с одной стороны, искусственно обеспечивали достаточно лояльный состав их участников, с другой стороны, из-за фактически пропускной системы, туда не могли проникнуть для выступления эсеры и меньшевики.

А вот в реальных коллективах, по месту работы такие собрания таили порой немало неприятных сюрпризов. И не только потому, что не было «организованного» энтузиазма у очень многих участников таких собраний, но еще и потому, что, несмотря на угрозы арестов, на них нередко выступали эсеры и меньшевики, а то и просто критически мыслящие рабочие, проваливавшие казенные резолюции.

Так, например, 1 июня 1922 г. в Москве аж на 8 собраниях чекисты зафиксировали несколько «единоличных контрвыступлений» или неблагоприятный оборот дела. В Краснопресненском районе на пленуме райсовета левый эсер Прокопович выступил в защиту эсеров и был исключен из членов районного Совета. На заводе Варц и Мак-Гиль в Сокольническом районе из 150 присут-

ствовавших на собрании рабочих за резолюцию докладчика-коммуниста проголосовало 40 человек, двое — против, остальные воздержались. На вопрос «о мотивах воздержания один из рабочих (личность установлена) ответил вопрос[ом]: почему сейчас “судят не тех, кто стрелял, бил и грабил” рабочих, когда те “ездили за картошкой и хлебом”, а тех, которые “не так виновны, как о них говорят”».

За прошедшее время с лета 1918 г., когда Ленин требовал развязывания «красного террора» за счет самодеятельности масс, власти многому научились и продолжали учиться в столь важном для них деле превращения «агрессивного “человека толпы” в соучастника собственной репрессивности». Это относилось и к «языку» власти, который оказался понятен массам в 1922 г. и вызвал сильный отклик масс, уже на «народном», полуграмотном и корявом языке петиций и резолюций, которые и по смыслу, и по стилистике превосходили самые смелые ожидания власти в своей ругательности и кровожадности. Даже та небольшая часть подобных процитированных нами резолюций и петиций позволяет сделать вывод, что агрессивный «человек толпы» и власть вновь благодарно нашли друг друга. Но самое главное, власти копили ценнейший опыт технологий манипулирования «человеком толпы» для превращения его не только «в соучастника собственной репрессивности», но и в инициатора этой репрессивности. Таким образом, власть извлекла выводы из урока, о котором говорил в 1918 г. Ленин. Так, обращает на себя внимание, что сначала в пропагандистской антиэсеровской кампании

1922 г. власти использовали форму с меньшей степенью личной включенности человека в инициирование репрессий массами — человек не ставил под этими резолюциями своей подписи и терялся в безликой массе, ощущая свою ответственность и значимость минимальной.

Но позже, в рамках петиционной кампании, ситуация кардинально меняется, т.к. инициатива жесткого репрессирования эсеров (причем не только подсудимых, а в целом эсеровской, а заодно почти всегда и меньшевистской партии) шла исключительно снизу из рабочих коллективов (нажим и давление извне оставались за скобками). Петиции, в отличие от резолюций, несли отпечаток личного участия конкретных людей, будучи снабжены десятками и сотнями подписей. То, что петиции присылались с сопроводительными письмами из укомов, райкомов, горкомов и губкомов РКП(б), уже оставалось за кадром, так как в тексте петиций, которые и публиковались в советских газетах, указаний на направляющую и руководящую роль РКП(б) уже не было. Человек, поставивший свое имя под петицией, требовавшей расстрела подсудимых, был в большей степени включен в механизм инициирования репрессий и больше чувствовал свою значимость и ответственность за «репрессивность», которая становилась уже и его собственной, и принятой по его инициативе. Власть фактически хитро спряталась за его спину (собственно, это и было одной из причин организации подобной кампании «волеизъявления народа» в целом). Ведь это рабочий просит власть применить репрессии к его

и ее врагам! Как она может отказать ему, ведь она власть рабочих?

Подводя итог, зададимся вопросом: насколько эффективным было такое организованное властью «волеизъявление народа»? Удавалось ли спрятать искусственный характер «митингов» и «петиционной кампании» и то принуждение (или во всяком случае манипуляцию), которое использовалось властью при ее проведении? Вводило ли кого-нибудь такое волеизъявление в заблуждение? Да, безусловно, вводило. И хотя искусственность и рука власти были слишком очевидны, никто ни в России, ни за границей не мог сказать, сколько людей искренни в своих чувствах, а сколько запуганы. Факт десятков тысяч резолюций собраний рабочих, красноармейцев, служащих, крестьянских сходо́в нельзя было просто так проигнорировать. И хотя то, что народом манипулируют, было достаточно очевидно для любого сколько-нибудь непредвзятого наблюдателя, сам гигантский масштаб этой манипуляции о многом говорил. Фактически он говорил о том, что народ, только что выступавший субъектом революций и гражданской войны, бывший демиургом истории, превращен в марионетку и поддался этой манипуляции власти (пусть широко использовавшей угрозу увольнения и репрессий). Это вселяло в противников большевистской власти самые дурные предчувствия и ожидания еще худших перспектив. Власть же, видя эффективность подобных манипуляций с общественным мнением, отчасти сама попадала под гипно́з инспирированного «народного волеизъявления». И власть, и рядовые

коммунисты испытывали, напротив, веру в свою непобедимость и в свою правоту, теша свой столь популярный в это время у большевиков комплекс — «победителей не судят!».

В целом, можно сказать, что, знакомясь с процедурой организации по всей стране принятия этих резолюций и петиций, а также с их кровожадными по содержанию и демагогически-разнузданными по тону текстами, понимаешь, что, хотя эта традиция запомнилась советским людям в основном начиная с процессов второй половины 30-х годов, появилась и окрепла она задолго до них.

Что касается агитационной кампании за границей, ее ждал полный провал. Об этом стоит поговорить отдельно.

ИЭ.: Ну да, ведь насколько я понимаю, международный резонанс эсеровского процесса был довольно велик, в том числе в левых кругах на Западе.

К.М.: «Если бы этого процесса не было, его следовало выдумать ради такого большого политического выступления против партии» — эти слова В. М. Чернова были услышаны секретным сотрудником берлинской резидентуры ИНО ГПУ и переданы в Москву. И в них нет преувеличения. Эсеровская эмиграция (при помощи меньшевиков) сумела развернуть грандиозную протестную кампанию в Западной Европе и высоко поднять престиж ПСР, которая немалой частью западных социалистов стала рассматриваться как авангард в борьбе с «коммунистической

угрозой» и экспансией Коминтерна, опасность которых они только-только начинали осознавать (в том числе, и благодаря процессу с.-р.).

Было бы ошибкой считать, что эсеровские организации в России безучастно взирали на вакханалию большевистской пропаганды. Напротив, как только стало известно о готовящемся процессе, все силы российских эсеров были брошены на контрпропаганду. Эсеры (а также и меньшевики) пытались вести как устную агитацию (например, на митингах, устраиваемых по этому поводу властями), так и печатную (в нелегальных партийных газетах и листовках). Естественно, подсудимым выражалась всяческая поддержка на страницах нелегальной эсеровской прессы в России и эмигрантской партийной печати.

Анализ эсеровских листовок, воззваний, газетных статей их нелегальной прессы свидетельствует о том, что, будучи написаны ярко и образно, они хлестко и зло били большевиков и по своему качеству явно превосходили пропагандистские утки своих противников. Впрочем, ясно, что масштабы контрпропаганды эсеров и меньшевиков были совершенно несопоставимы с масштабами официальной государственной пропагандистской машины. И если российские эсеры и меньшевики, чьи организации и типографии непрерывно громили чекисты, в лучшем случае могли влиять отдельными листовками и устной пропагандой на тысячи людей, то власть подвергла систематической и очень интенсивной пропагандистской обработке миллионы и десятки миллионов

(в силу понятных причин пропаганда менее интенсивно велась в деревенской глубинке).

Поставленные в слишком не равные условия, эсеры проиграли битву за умы людей в России, но одержали внушительную победу за ее пределами. Документы свидетельствуют о тех сверхусилиях, которые приложили заграничные эсеры, организовав антибольшевистскую кампанию. Она стала катализатором и детонатором мощного протестного движения, охватившего на Западе разные слои общества (прежде всего рабочее и социалистическое движение). Особо подчеркнем, что за годы революции и гражданской войны разногласия и взаимное неприятие разных эсеровских лидеров и эмигрантских групп заметно обострились. Так, например, «правые» эсеры устами Н. Д. Авксентьева обвиняли В. М. Чернова и его сторонников в том, что их «левизна» и пробольшевистские колебания сыграли роковую роль в судьбах партии и России. Чернов же обвинял «правых» и «правый центр» в навязывании в 1917 г. партии коалиционного соглашения с кадетами и повторении этого катастрофического опыта в годы гражданской войны. Но процесс 1922 г. временно сплотил все враждующие группы эсеровской эмиграции, и они выступили единым фронтом, хотя и не без трений. Представляется, что ни до, ни после эсеровская эмиграция не действовала с таким единодушием и такой самоотдачей, что и позволило им организовать грандиозную международную кампанию в защиту подсудимых эсеров, которая приобрела невероятный размах и стала ярчайшей страницей процесса и одновременно неприят-

нейшим сюрпризом для большевистского руководства.

Сразу отмечу, что участвовали в этой европейской кампании, прежде всего, социалистические партии, профсоюзы и ряд известных общественных деятелей, ученых, писателей, а не буржуазные круги и правительства, как это утверждала советская пропагандистская машина.

Заграничные эсеры, развернув кампанию протеста против судилища, устроенного коммунистами, пытались действовать во всех направлениях: от инициации резолюций и писем протеста со стороны видных общественных фигур и политических партий до попыток организации за границей протестных митингов.

Вот как описывал митинг в поддержку осужденных эсеров на Староместской площади в Праге в августе 1922 г. И. М. Брушвит в своем письме В. М. Зензинову: «...я давно не переживал таких минут: на исторической площади среди ночной тьмы стройное пение более чем десятитысячной толпы, сердечные, проникнутые сознанием момента, вызывающие слезы у собравшихся, речи — это картина, которую давно уже Прага не видела. Озлобление в массах против коммунистов было так велико, что часть по выходу из Острова бросилась к большевистской миссии и стоило большого труда их от этого шага удержать».

Причины такой грандиозной поддержки эсеров в Чехословакии со стороны обеих социалистических партий и рабочих очень хорошо вскрыл в одном из своих писем в ЗД

ЦК ПСР секретарь «Комиссии по процессу» и Межпартийного Организационного комитета Владимир Пшиходский: «В этой самой свободной и демократической стране в Европе пролетариат великолепно организован, вполне дифференцирован. ...Социалисты здесь готовы самым решительным образом пресечь всякие эксцессы со стороны “коммунистов”, но они не хотят сами подать повод последним стать на этот путь. Вот почему мы в нашей акции протеста против большевистской юстиции и предрешиленного приговора встречаем самый сердечный и дружный отклик в политических партиях, отношение к нам самое хорошее и манифестация протеста, вероятно, будет самой дружной и мощной».

Французские, английские и немецкие социалисты и профсоюзы оказались сильнее в других видах деятельности: они отличились организацией многочисленных резолюций протеста, посылкой писем и резолюций в Кремль, развертыванием кампании в собственной прессе, давлением через своих депутатов как на собственное правительство, так и на советских дипломатов, заинтересованных в признании Советской республики (эту тактику английские и французские социалисты успешно применяли и в 1924–25 гг. во время голодовок осужденных по процессу эсеров).

В каждой стране движение принимало свой особенный характер в силу специфики и традиций этой страны. Так, например, во Франции в поддержку эсеров выступило огромное количество всевозможных профсоюзов, федераций синдикатов, департаментских союзов и Бирж труда.

Меньшевик В.Войтинский по этому поводу констатировал: «В этой стране, где большая часть рабочего класса до сих пор хранит заветы Великой Революции, пролетариат боролся за жизнь и свободу русских социалстов-революционеров с тем же чувством, с каким 20 лет тому назад, под руководством Жореса, боролся он за торжество правды в деле Дрейфуса». По подсчетам эсера И.А. Рубановича, до 1 августа 1922 г. французские профсоюзы отправили «около 60 телеграмм и 30 писем» с протестами против процесса над эсерами. 40 таких писем и телеграмм было отправлено в Париж представителю советского правительства М.Скобелеву и было передано им в Москву, где они осели в делопроизводстве Политбюро ЦК РКП(б). А в брошюре В.Войтинского «Двенадцать смертников» одно перечисление французских профсоюзов заняло больше страницы.

Впрочем, протестовали социалисты, профсоюзы и общественные деятели отнюдь не только Франции, Великобритании, Германии, но почти всех европейских стран. Некоторая, весьма незначительная, часть всех посланий, обрушившихся на Кремль, но дающая тем не менее весьма яркое представление и о самом разном составе протестантов, и об их настроениях, осела в трех тематических делах фонда Политбюро, хранившихся сначала в Архиве Президента Российской Федерации, а сейчас в РГАСПИ. Свои протесты выразили крупнейшие социалистические партии Европы: французские социалисты (СФИО и ПСФ), германская социал-демократическая партия, германские независимые

социалисты, Британская рабочая партия, Английская независимая социалистическая партия, Британская социал-демократическая федерация, Бельгийская социалистическая партия, социалистическая и социал-демократическая партии Чехословакии, социал-демократическая партия Италии, социал-демократические партии Швеции и Голландии, социалистические партии Болгарии, Польши, Латвии, Литвы и даже объединенные социалистические партии Индии. С протестом также выступили социалисты Белоруссии, Украины, бундовцы, социалисты-сионисты и меньшевики. Протестовали также многочисленные небольшие социалистические организации, вроде анархистской группы Зейлера из Цюриха, или французских организаций типа социалистической группы в Пантэне, секции в Авэне, 14-й секции Сенского департамента, социалистических федераций Юры, Бувэ, Роны, Верхней Соны и т.п. Еще более пестрая картина была с протестами профсоюзов. Огромное значение имели протесты писателей — М. Горького, Анатоля Франса, Анри Барбюса, Ромена Роллана, Герберта Уэллса.

Протестной кампанией были охвачены многие видные фигуры научной и общественной жизни Франции и Германии, что отчасти было заслугой эсеров-эмигрантов, нашедших верную технологию сбора подписей под протестами. Об этом можно судить по немецким текстам типового содержания, с которыми обращались к намеченным заранее лицам. В Германии такие протесты подписали Альберт Эйнштейн, Г. фон Герлах, Гарри граф Кесслер, Эрнст Федер,

главный редактор «Парламентскореспондент» центра доктор Фортман, член рейхстага доктор Рудольф Гильфердинг, доктор Пауль Натан, бывший министр профессор Гуго Прейс, главный редактор «Форвертса» Фридрих Штамперер, редактор «Берлинер Фольскцайтунг» Карл Феттер, редактор «Франкфуртер Цайтунг» доктор Б.Гутман, Габриеле Рейтер, Бернгардт Кемлерман, Феликс Либерман, профессор Алоиз Риль, доктор Рудольф Брейтшейд, Г.Зудерман, Г.Штребель, И.Сассенбах и др. Во Франции протесты подписали многие профессора Сорбонны: А.Олар, Габриэль Сеайлль, Р.Шнейдер, Анри Озер, П.Леви-Брюль, Л.Брунвиг, Виктор Баги, Ш.Сеньобос, а кроме того Поль Пенлевэ, А.Мельэ, Эмиль Борель, Аллеман, Ксавье Леон, Шарль Жид, Эмель Терквям, Ж.Адамар, Анри Леви-Брюль, П.Альфандери, Жанна П. Альфандери, доктор Марсель Леви-Брюль, Ж.Бруншвиг и многие другие.

Слитный хор социалистических организаций и партий, а также Второго и Венского Интернационалов, профсоюзов и видных авторитетных общественных деятелей, писателей, ученых, безусловно, стал мощной силой, с которой были вынуждены считаться и советское руководство (от руководителей Коминтерна до дипломатов), и местные коммунистические и прокоммунистические организации, чувствовавшие себя в этой атмосфере весьма неуютно. В этой связи представляется неслучайным, что руководители Коминтерна и советского внешнеполитического ведомства и в эти, и в последующие годы были сторонниками более мяг-

ких мер в отношении преследуемых режимом российских социалистов, т.к. более суровые меры рикошетом били и по ним. Несомненно, мощная кампания поддержки подсудимых эсеров была неприятным сюрпризом для большевиков и имела для них весьма серьезные последствия: она ломала их имидж, разоблачая их как палачей (к тому же не стыдящихся своего палачества), наносила мощный удар по европейским коммунистам и всем просоветски настроенным элементам (многие из них были вынуждены даже присоединить свой голос к хору протестующих). Представляется, что это было одно из первых сокрушительных поражений большевиков в глазах европейского общественного мнения, поражение, имевшее серьезное значение. Именно тогда и начинает формироваться мнение о несовместимости коммунизма и демократии, неприятие практики подавления коммунистами инакомыслия, где бы оно ни проявлялось. В этом контексте становится понятным совершенно неожиданное переплетение в глазах французской общественности двух, казалось бы, совершенно разных карательных мероприятий большевистской власти — против эсеров и против церкви, о чем свидетельствует письмо В.О. Фабриканта пражским эсерам от 11 сентября 1922 г.

Да, такой резонанс, конечно, произошел и потому, что эсеры и меньшевики были частью международного социалистического движения и именно с этого момента в сознании многих социалистов и многих демократов происходит перелом в отношении к большевистскому правлению в России. До этого отношение

к большевистскому эксперименту, большевистскому режиму в левых кругах на Западе было в целом иным, к ним относились как к людям, применяющим насилие, не соблюдающим законы, но делающим это во имя интересов пролетариата, ради великих целей создания нового общества. Это были такие традиционные представления, достаточно распространенные среди социалистов и в международном рабочем движении, и которые большевики пытались поддерживать. Но на примере судебного процесса 1922 г. все убедились в подлинной физиономии большевизма, их правовом нигилизме, абсолютном цинизме, в том, что они попирают свободу и абсолютно антидемократичны просто по сути своей. И в них в это время многие левые на Западе впервые реально увидели врагов демократии, врагов свободы. Российские эсеры и меньшевики, особенно меньшевики, которые были тесно связаны с германской социал-демократией, оказали очень серьезную поддержку в разоблачении этой пропагандистской кампании. Но, конечно, самой крупной неприятной неожиданностью для большевиков стала реакция европейских демократических и социалистических кругов на процесс, имевшая весьма серьезные последствия для власти: взамен романтизированного представления о смелых социальных экспериментах «первого в мире государства рабочих и крестьян» утверждается более адекватное представление о недемократичности советского режима и правовом нигилизме его руководителей; европейские социалистические партии получили прекрасную возможность дать хороший бой как Коминтерну в целом, так и своим

собственным национальным компартиям; были осложнены отношения советского государства с европейскими; вместо желаемой дискредитации эсеров и меньшевиков (а также поддержавших их западных «социал-соглашательских» партий) большевики получили рост их известности и авторитета в некомунистических слоях рабочего класса, в демократических и социалистических кругах Европы; эсеры и меньшевики заняли вполне достойное место среди европейских социалистических партий, рассматривавших их отнюдь не как «бедных родственников», а как надежных и опытных союзников в борьбе с «коммунистической экспансией».

Впервые в 1922 г. пришло понимание в западной демократической среде, что это не некая случайность, а именно врожденный порок всей системы с ее абсолютной антидемократичностью и репрессивностью, а против кого она применяется, это уже второй вопрос, сегодня власти действуют против социалистов, завтра против церковников, послезавтра против спецов и т.д. Вот это понимание забрезжило уже в 1922 г. Это, собственно говоря, уже точка перелома. Демократическая общественность Европы впервые посмотрела на происходящее в России не как на какие-то частные нарушения, отклонения, эксцессы большевистского эксперимента, а увидела в этом абсолютный антидемократизм. И кстати тогда же на процессе с.-р. родились призывы подсудимых к суду: Граждане, соблюдайте свои собственные законы. Парафраз нам известен от более поздних диссидентов, которые призывали своих судей соблюдать

действующую конституцию. Т.е. уже на самом процессе тыкали судьям на многочисленные нарушения собственного уголовного кодекса от 1 июня 1922 г.

ИЭ.: Да, абсолютно прослеживается преемственность с более поздними явлениями.

К. М.: Именно так. Прослеживается полная преемственность. Я думаю, что уже здесь обозначилась некая родовая травма всей советской политической системы, травма, как выяснилось много позже — неизлечимая. Проявилась она как в антидемократизме системы и несменяемости власти, так и в преследовании инакомыслия. Это все в Европе понимали как раз с 1922 г., с этого момента и начинается поддержка борьбы политзаключенных в России за свои права, и реальная борьба заключенных в политизоляторах была в это время еще возможна благодаря этой поддержке.

Так что позиция социалистов и профсоюзов Запада, начиная с 1922 г., нанесла довольно сильный удар по всему коммунистическому движению, по Коминтерну. В Чехии, например, местные социалисты летом 1922 г. проводили митинги протеста на Староместской площади вместе с эмигрировавшими эсерами. И тем самым они очень эффективно боролись с собственной коммунистической партией, только что возникшей. От местных коммунистов требовали выразить свое отношение к процессу. Тревогу забили многие коммунисты — в Италии, во Франции, Германии, подвергаясь критике со стороны социалистов и рабочих.

Но это не закончилось в 1922 г., но продолжалось и дальше. Мне вспоминаются в этой связи донесения советских полпредов из Великобритании и Франции, это был 1925 г. Были выпущены из заключения и отправлены в ссылку видные эсеры Тимофеев и Абрам Гоц. Так вот когда их вновь взяли под стражу (а это случалось в те годы многократно), лейбористы, как доносил советский полпред, обещали торпедировать торговый договор с Великобританией, если не прекратятся преследования эсеров в Советском Союзе. Точно также и французские социалисты в парламенте надавили на свои власти. Этот вопрос неоднократно обсуждался на Политбюро и сохранились письма советских дипломатов: у нас торговый договор накрывается из-за того, что чекисты занимаются всякими глупостями, запрещая политзаключенным свидания с женами и прочее. Иногда власти приходилось идти на уступки. Причем была довольно показательная история 1924 г., когда сами чекисты выступили с инициативой высылки значительной части политзаключенных социалистов и анархистов из СССР. Но об этом, скажу позже, когда речь пойдет о «философском пароходе».

ИЭ.: Власти пошли все-таки на смягчение приговоров. Рассчитывали что ли, что часть эсеров пойдет на сотрудничество с большевиками? Может быть, были такие представления, что вот сейчас напугаем, но зато часть этого политического течения станет более лояльным, т. е. будет соблюдать некие правила игры?

К. М.: Тут всё значительно сложнее было. Многослойнее, я бы сказал.

И значительно интереснее. Надо смотреть сквозь призму самой большевистской партии и самой большевистской элиты. Там всё время шла борьба между, так сказать, «твердокаменными», т.е. сторонниками жёсткой линии, и мягкотелыми. Это ярко проявилось уже в октябре 1917 г., когда Зиновьев и Каменев, как мы знаем, выступили публично против вооруженного восстания. А в ноябре было два письма группы видных большевиков, в том числе членов ЦК и Совнаркома, где говорилось о том, что эта линия, которая осуществляется сейчас, приведет к государственному террору, красному террору. И предлагали идти по пути создания однородного социалистического правительства. Ленин просто эту комбинацию поломал и, собственно говоря, позже все вот эти противники генеральной линии были вынуждены вновь вернуться в лоно партии, и Ленин в принципе все время играл на повышение, старался создать ситуацию, когда колеблющимся будет некуда деваться. И в 1922 г. он вместе с Троцким эту историю повторил. Надо иметь в виду, что у части большевиков были контакты с меньшевиками — на личном и на семейном уровне. Вспоминается в этой связи статья в меньшевистском «Социалистическом вестнике» (весна-лето 1922 г.), где говорилось о том, что все те, кто сделал ставку на расстрел подсудимых, они выкопают такие рвы, залиют их настолько кровью, что уже повернуть назад будет невозможно. Т.е. это была со стороны Ленина, Троцкого, Сталина и др. попытка не дать возможность мягким коммунистам договориться (речь идет о Зиновьеве, Каменеве и прочих «мягких»)

в случае угрозы режиму с меньшевиками и эсерами. А Ленин фактически отсекал им пути назад. Т.е. у Ленина, насколько я понимаю, в голове это всё объединялось, с одной стороны, НЭП, а с другой стороны, ужесточение репрессивной системы и ее обновление, при усилении мощнейшей пропагандистской кампании. И в то же время внутри самой партии отношения с этими мягкими, которых снова делают заложниками ситуации. Мы видим нечто подобное и сегодня, когда первые лица делают заложниками своей позиции все остальные части элиты. Они просто тащат за собой всех остальных что-то делать или, скажем, подписывать вопреки своей воле. Здесь интересно, что Ленин, Троцкий, Сталин пытались подвинуть мягких большевиков на большее, чем те были готовы. Против процесса никто из них не возражал, но вот на последнем этапе встал вопрос о вынесении реальных смертных приговоров в отношении 4 человек, сохранился документ, отражающий итоги голосования, он показывает, что были разные мнения, в конце концов по инициативе Каменева вопрос перенесли на пленум ЦК, который нашел компромиссное решение, хотя и превратил при этом заключенных в заложники: если эсеровская партия вновь обратится к вооруженной борьбе, тогда приговор будет приведен в исполнение. А ведь поначалу реально строились планы расстрелять 4 человек. Зачем? А потому что после расстрела уже никто из эсеров или меньшевиков никогда не стал бы ни при каких обстоятельствах о чем-либо говорить с Зиновьевым или Каменевым. После этого все разговоры кончились бы. Собственно, это была одна из

таких хитрых многоходовок Ленина, во многом объясняющая одну из причин, а зачем вообще этот процесс затевался. И Ленин, и Сталин всегда боялись таких колеблющихся, неустойчивых элементов в партии, которые начнут искать компромисса или пытаться смягчать режим.

И еще. Ваш вопрос о мотивах «смягчения» приговора не учитывает также и то, как это «смягчение» издевательски и античеловечно было обставлено.

Смотрите. По приговору Верхтриба ВЦИК 7 августа 1922 г. к высшей мере наказания были приговорены 12 подсудимых 1-й группы: В. В. Агапов, А. И. Альтовский, М. Я. Гендельман, Л. Я. Герштейн, А. Р. Гоц, Д. Д. Донской, Н. Н. Иванов, Е. А. Иванова-Иранова, М. А. Лихач, С. В. Морозов, Е. М. Ратнер, Е. М. Тимофеев (исполнение приговора было отложено Президиумом ВЦИК и превратило «смертников» в заложников на случай активной, прежде всего террористической, деятельности эсеров). Остальные обвиняемые из этой группы получили различные сроки заключения: Н. И. Артемьев, М. А. Веденяпин, А. В. Либеров, Д. Ф. Раков, Ф. Ф. Федорович — по 10 лет строгой изоляции, Е. С. Берг, М. И. Львов, В. Л. Утгоф — по 5 лет строгой изоляции, Г. Л. Горьков — 3 года строгой изоляции, П. В. Злобин — 2 года строгой изоляции. Но зато из подсудимых-ренегатов 2-й группы Ю. В. Морачевский и Г. М. Ратнер были оправданы. Г. И. Семенов, В. И. Игнатьев и Л. В. Коноплева были приговорены к высшей мере наказания, а остальные — к различным срокам наказания (И. С. Дашевский — 3 го-

да, П. Т. Ефимов — 10 лет, Ф. В. Зубков, К. А. Усов, Ф. Ф. Федоров-Козлов — 5 лет, П. Н. Пелевин — 3 года, Ф. Е. Ставская — 2 года). Впрочем, по ходатайству Верхтриба все они были помилованы Президиумом ВЦИК и освобождены от наказания.

Особо подчеркнем это обстоятельство (ведь как заявлялось на процессе, глава эсеровской боевой группы Семенов, скрывавший от эсеровского ЦК свою подготовку покушения на Ленина в 1918 г., собственноручно отравлял пули, которыми был ранен В. И. Ленин, а после процесса поехал вместе с Коноплевой в санаторий; в 1921 г. он стал коммунистом), потому что у каждого из 22 осужденных 1-й группы была возможность купить себе свободу ценой предательства не только на предварительном следствии, но и после процесса. Подчеркнем, что любой из них вполне мог рассчитывать не только на относительные поблажки, но и на полную свободу. Более чем вероятно, что, если бы уставшие от заключения Морозов и Иванова вместо того, чтобы резать себе вены, обратились бы с покаянными письмами в ЦК РКП(б) или ВЦИК, они были бы освобождены, ибо слишком высоки были ставки в этой игре. А в готовности части большевистского руководства забыть о правовых нормах и приличиях и руководствоваться в своих действиях лишь «политической целесообразностью» сомневаться не приходится.

В этом контексте символична и показательна ситуация вокруг Горькова, которая является, пожалуй, самым ярким символом не только этого процесса, но и в целом всего проти-

востояния власти и социалистов, оставшихся верными своим идеалам. Горьков (под фамилией Добролюбов он был арестован и она «прилеплась» к нему) был приговорен к трем годам, но 18 сентября 1922 г. подал в Верховный Трибунал и председателю ГПУ Дзержинскому заявление, в котором протестовал против того, что в приговоре говорилось о его «... якобы принципиально отрицательном отношении к вооруженной борьбе». Дважды потребовав, но так и не получив стенограммы и протоколов всех своих показаний на следствии и на суде, Горьков писал, что «считает своим революционным долгом заявить Верховному трибуналу» о том, что в ходе процесса «ни разу и ни слова не говорил о своём принципиально-отрицательном отношении к вооруженной борьбе», и что «в вопросе о вооруженной борьбе, как и в других вопросах», у него с ЦК ПСР и с товарищами по процессу «никогда никаких расхождений не было, нет и теперь, и во всем была полная солидарность». Реакция Дзержинского была молниеносной и весьма показательной. Уже 23 сентября 1922 г. он переправил заявление Горькова-Добролюбова «помощнику прокурора РСФСР Н.В. Крыленко» с коротким сопроводительным письмом о том, что «считал бы полезным вопрос о мере наказания по отношению к нему повысить до 10 лет, создав для этого новое заседание Верхтриба». С одной стороны, предельный цинизм и незаконность подобных действий в очередной раз указывают на приоритетность политических целей и самого процесса и наказаний, с другой — они позволяют нам по-новому взглянуть на «рыцаря без страха и упрека» с «горячим

сердцем, холодной головой и чистыми руками» и на его весьма упрощенное представление о морали, праве и о принципах судопроизводства. Впрочем, следует отметить, что Крыленко на подобный скандальный шаг не пошел, не желая ещё раз себя высечь на глазах у европейских социалистических и демократических кругов (а пожелание председателя ГПУ в отличие от решения Политбюро можно было и проигнорировать). Наверное, свою роль сыграли и напряженные ведомственные отношения Крыленко с чекистами.

Приговор был прочитан каждому уже в тюрьме только в той его части, в которой он касался его лично. Об индивидуальном ознакомлении с приговором свидетельствует и рапорт коменданта Верхтриба ВЦИК Туманова «Председателю Трибунала по делу ПСР», в котором сообщалось, что постановление ВЦИК «обвиняемым объявлено в отдельности под расписку, т.е. приговоренным к высшей мере наказания, за исключением гр. Иванова, который от выслушивания такового отказался. Каждого подсудимого заставили подписать расписку о том, что он ознакомлен с приговором, причем сделано это было значительно позже той даты, которая было напечатана на документе — 8 августа.

Особо подчеркну, что Верхтриб ВЦИК тянул с извещением (под расписку) о Постановлении Президиума ВЦИК от 8 августа о приостановлении исполнения смертного приговора. В середине августа уже сами чекисты обращались к «коллегам» с просьбой ускорить извещение заключенных об этом. Нельзя

не обратить внимания, с каким удовольствием чекисты бросили очередную, но в данном случае вполне «законный» камень в огород Верхтриба. Нетерпимость ситуации только усиливается, если вспомнить, что подсудимые ожидали смертной казни. Нетрудно понять, какое нервное напряжение царило среди осужденных эсеров, которые спустя 10 дней не знали, что Президиум ВЦИК остановил исполнение 12 смертных приговоров. Это вряд ли устраивало чекистов, желавших отныне властвовать над ними безраздельно, т.к. в случае возможных эксцессов (голодовок, обструкций и т.п.) «расхлебывать» последствия за медлительность верхтрибовцев пришлось бы уже чекистам.

Почему же Верхтриб не спешил известить приговоренных к смерти о том, что расстреливать их в ближайшее время не будут? Возможна, конечно, и обычная российская бюрократическая волокита и неторопливость. Но не исключено, что волокита вовсе не была случайной — ведь возглавлял Верхтриб Крыленко, о котором даже Луначарский говорил, что он (вкуче с И.С. Уншлихтом) испытывает озлобление к подсудимым. Фактически эсерам была устроена настоящая моральная пытка — сначала они в течение полумесяца не знали, кому из них вынесен смертный приговор, а затем «смертники» ожидали приведения его в исполнение вплоть до 15 сентября, когда им, полностью изолированным от внешнего мира и лишенным свиданий с кем бы то ни было, объявили о Постановлении Президиума ВЦИК от 8 августа 1922 г. о приостановлении исполнения смертной казни. А до этого у тю-

ремных надзирателей (как видно из одной из жалоб родственников) в ходу была следующая формула обращения к заключенным (наверняка известно, что так обращались к Л.Я. Герштейну), сопровождающая то или иное приказание — «приговоренный к смертной казни».

ИЭ.: Вы хорошо показали преемственность между началом 1920-х годов и более поздними явлениями. Мы видим, что какие-то основы более поздней, сталинской политики были заложены уже в это время. Конечно, менялась технология, т.е. сталинские процессы 1930-х годов в чем-то отличались от процесса 1922 г. На больших московских процессах, как мы знаем, заранее прорабатывался сценарий, где они уже себя оговаривали, признавались в том, чего они не делали — этого еще не было на процессе 1922 г. Т.е. методы менялись, но какие-то основы были заложены уже в начале 1920-х.

К.М.: Процесс 1922 г. по делу социалистов-революционеров был действительно прологом других процессов. Большевики из этого процесса извлекли определенные уроки, они многому научились — и на своих победах, и на своих ошибках. Что они больше никогда не делали? Они перестали играть в попытки соблюдать какие-то приличия. Т.е. на основе этого опыта фактически перешли к постановочным процессам. Методы действительно менялись. В 1922 г. против подсудимых пытки не использовались. Было давление, запугивание, более или менее завуалированное, в том числе давление на родственников, но не фи-

зическое воздействие. Тем не менее им удалось расколоть подсудимых эсеров, те, кто согласился сотрудничать, составили особую группу и у нее были свои адвокаты из коммунистов. И это было еще одной дополнительной подпоркой со стороны обвинения. Вообще эта система обвинителей выступала какой-то сороконожкой. Как сказала в связи с этим одна из обвиняемых, член ЦК партии эсеров Евгения Ратнер, нам противостоит обвинение со стороны суда, обвинение со стороны другой группы обвиняемых, и обвинение со стороны зала. Этот зал на 2000 человек был почти полностью забит коммунистами, билеты на посещение суда выдавались в партийных комитетах. Соответственно и публика вела себя не так, как принято вести себя в суде, а так, как ведут себя на политических митингах: из зала суда в адрес подсудимых кричали «негодяи», «расстрелять», «долгой» и много чего кричали, оказывая очень мощное воздействие на всё происходящее. Представьте себе, что вы выступаете перед аудиторией в 2000 человек, которые вас ненавидят и призывают к расправе над вами. И вот с этой точки зрения организаторы процесса какие сделали выводы? Они взяли то, что у них хорошо работало. С этого момента аудитория всегда подбиралась, они были вынуждены допускать и родственников, билеты на которых ограничивались, насколько знаю, давались два билета на семью. Если читать письма родственников, видно, насколько они были недовольны этими жесткими ограничениями. Были журналисты, довольно мало, специально отобранные. Были адвокаты, хотя и с адвокатами тоже получились накладки.

Пришли к выводу о том, что подсудимых нераскаившихся выводить на процесс нельзя. Соответственно, на всех последующих процессах против подсудимых использовались мощное психологическое давление и пытки. Никогда больше на судебные процессы не выводили подсудимых, которые сохраняли свое человеческое достоинство, которые бы пытались защищаться, а тем более собирались обвинять. Для этого пришлось нарушать закон и применять пытки. На это пошли и сделали это общей практикой. И не случайно Шаламов после процесса Синявского и Даниэля 1965 г. записал: после легендарного эсеровского процесса 1922 г. это был первый процесс, откуда подсудимые выходили с гордо поднятой головой. Это первый вывод, который они сделали: никаких больше игр с соблюдением законов, даже намека, только применение пыток, выбивать признательные показания любыми способами. Чтобы только признавались во всем и раскаивались. Т.е. такая технология: подбираются лица, потом ломаются, обрабатываются, а те, кто не сломлен — их на процесс просто не выводят. Кроме того, они в последующем очень активно использовали опыт агитационно-пропагандистских кампаний и митингов. На первых порах собирались огромные митинги на всех предприятиях, учреждениях и т.д. по всей стране. Партийные комитеты сгоняли туда рабочих, служащих своего района. Там говорилось такое, на фоне чего даже самые одиозные из сегодняшних пропагандистов выглядели бы приличными людьми. Например, по поводу приезда на эсеровский процесс в качестве защитников зарубежных социалистов (Э. Вандервельде,

Теодора Либкнехта) говорилось примерно следующее: нам не надо чужого дерьма, у нас и своего хватает. И надо сказать, что тем не менее были пробуксовки в работе. В отдельных местах еще сохранялось меньшевистское влияние, на митингах были выступления против процесса, чекистам приходилось выявлять недовольных. Шло своего рода тестирование на нелояльность. Все высказывавшиеся на митингах вскоре арестовывались. Были попытки арестов и на самих митингах. Существовало также тестирование при помощи разного рода петиций — это когда в коллектив спускалась петиция, например, с предложением осудить и расстрелять подсудимых. Так, например в магазине «Мюр и Мерилиз», это ЦУМ сейчас — власти запустили бумагу. И вот я видел в архиве записи на такой бумаге с вполне нормальными рассуждениями, а за что вообще их судят и почему суд проходит в такой форме. И с отказом подписывать. Так вот эта функция всеобщего тестирования потом была Сталиным доведена до совершенства. Она была опробована в 1922 г., а позже такого рода собрания с требованиями осудить врагов народа проводились уже повсеместно, на всех предприятиях, во всех учебных заведениях и т.д. Были партийные, профсоюзные, комсомольские собрания, собрания трудовых коллективов, на которых каждый должен был высказаться и поднять руку. Это тоже была, с одной стороны, круговая порука, а с другой стороны, тестирование тех, кто против. И это, насколько я понимаю, было сделано и на уровне членов ЦК и Политбюро, так что Сталин поднял это до самого высшего уровня. И это стало

еще одним результатом процесса. Но главное, чего они испугались и что поняли — это то, что люди, сохраняющие свое лицо на скамье подсудимых и борющиеся с режимом, крайне опасны. Тем более, как мы уже говорили, процесс имел огромный международный отклик. Так что большевики все время пытались дискредитировать и облить грязью тех, кто выступал подсудимыми на процессе. И говоря об историческом значении этого процесса, надо сказать, что это была форма борьбы людей в условиях несвободы, на скамье подсудимых, т.е. это было в известном смысле продолжение старых, народнических, народовольческих традиций сопротивления власти, продолжалось оно и потом.

ИЭ.: Давайте вспомним еще о том ударе, который был нанесен в то время по интеллектуалам, я имею в виду так называемый «философский пароход», когда высылаются большое количество профессоров, ученых и т.д. Интересно вот что. Там же ведь не только гуманитарии были в списке высланных. Там были в некотором количестве и представители естественных наук, и инженеры, скажем, которые могли быть востребованы с началом индустриализации и пр. Вот по какому принципу отбирали тех, кого заставили покинуть страну, какую Вы тут наблюдаете закономерность? Конечно, прежде всего, отбирали людей, которых опасались в силу их политико-идеологического влияния. Но как вообще работал этот механизм?

К.М.: Истоки «философского парохода» восходят к маю 1922 г., всё делалось и решалось тогда в увяз-

ке. Я говорил о том, что в интересах борьбы с политическими партиями, с оппонентами использовались судебные процессы, пресса, митинги и разного рода оппозиционные кампании, создавался механизм агентурного, оперативного и прочего обслуживания. Целая система осведомительства, в том числе так называемое бюро содействия ГПУ, такого рода организации создавались на каждом предприятии, и коммунистов просто обязывали содействовать ГПУ, т. е. доносить на своих товарищей. Причем для этого пришлось ломать психологию коммунистов, особенно, старых, которым такая перспектива совершенно не улыбалась, но это делалось. Тогда же, в 1922–1923 гг. ломается система заступничества, существовавшая до этого. Что я имею в виду? Большевики до этого иногда заступались за тех эсеров и меньшевиков, которых знали по революционному движению, вместе сидели в тюрьмах и т. д. Н. Крыленко, например, заступился за хорошо ему знакомого эсера Б. Бабина — они когда-то 2–3 года вместе жили в студенческой комнате в Петербурге, и когда Бабина в 1922 г. арестовали, жена обратилась к Крыленко, который обещал добиться его освобождения, если тот даст честное слово, что не будет бороться с советской властью. И тот действительно был отпущен. Но чекистам это всё не нравилось, у них разваливались дела. Они писали жалобы в Политбюро, такие ходатайства отдавали самим чекистам, которые определяли, в какой мере опасен и тот, кто заступает за заключенных, я сам видел такого рода документы. В конце концов, всякого рода заступничество прекратилось. Политбюро его по-

просту запретило. Это был частный случай общей цепочки, было вообще непонятно, что делать с яркими, видными деятелями науки, литературы, искусства, которые занимали антисоветские позиции. Если бы они не были так известны, их можно было бы легко пустить по административной ссылке или просто уволить. Вы уже упомянули, что на это время пришлось наступление на университетскую автономию. Эта тема плохо изучена, но мы знаем, что в некоторых вузах, в Бауманском училище, в первом московском меде, тимиразевской сельхозакадемии и т. д. были мощные забастовки, в том числе и протесты преподавательского состава, профессоров высылали в разные города, пытались всё это дело поломать, но студенческое движение, которое поддерживала собственная профессура в борьбе за университетскую автономию, чуть теплилось еще и в 1923–1924 гг., а кое-где этот дух свободы теплился и позже. Это нашло отражение в воспоминаниях. С этим власти, конечно, разными способами боролись, создавались комсомольские организации в вузах, велась слежка за инакомыслящими студентами. А что касается профессуры, то Ленин столкнулся с проблемой, а что делать с яркими людьми типа Питирима Сорокина, целого ряда философов, которых уже в силу их антисоветских убеждений можно было посадить или по крайней мере в ссылку отправить, но их формально не за что было репрессировать, новый уголовный кодекс, принятый 1 июня 1922 г., оснований не давал, если они ничего не сделали. Не было повода и взять их в заложники. Но что-то надо было с ними делать. Они являлись консолидирующим

элементом в оппозиции, выступали примером, имели идейное влияние. Есть высказывание Троцкого о том, что расстрелять их мы не имеем основания, но и терпеть их дальше не можем, а потому высылаем. Для судьбы этих людей это оказалось счастьем, что их выслали в 1922 г. из России, они бы сгинули здесь. Вот можно вспомнить, например, Мякотина, это был историк и вместе с тем член руководства народно-социалистической партии, был арестован и приговорен к смертной казни в 1920 г., но приговор отменили, а в 1922 г. его выслали. Конечно, он не уцелел бы в России, как, впрочем, и многие другие. Они не пережили бы не только 1937 год, со многими расправились бы раньше, еще в конце 1920-х, так что это была удача, что они покинули страну, счастье для них и удача развития соответствующих областей культуры.

О «философском пароходе» все знают, а я хочу рассказать о малоизвестной попытке части большевистского руководства и чекистской верхушки летом 1924 года выслать за границу **«всех содержащихся в советских тюрьмах и концентрационных лагерях (всего около 1500 человек) меньшевиков, эсеров, анархистов и проч.»**

Причиной этого было вовсе не мягкое отношение коммунистов к своим бывшим товарищам по борьбе с царизмом, как порой до сих пор некоторые думают. Причина была в том, что во-первых, политзаключенные никогда не прекращали, а с лета-осени 1922 г. усилили борьбу за свои права и человеческое достоинство. Для осужденных по

процессу с.-р. 1922 г. чекистами был выработана «Инструкция по содержанию в местах заключения членов антисоветских партий „при особой изоляции“», которая, как я уже упоминал, по оценкам самих политзаключенных, равнялась карцерному содержанию в каторжных центрах царского времени. Ответом были голодовки 22 осужденных по этому процессу, за ходом которых было вынуждено следить Политбюро РКП(б) и не доводить их до смертных исходов. 19 декабря 1923 г. на Соловках был открыт огонь по группе политзаключенных в Савватьево. В эти же дни член ЦК ПСР и один из 22 заключенных по процессу с.-р. С. Морозов покончил жизнь самоубийством.

Во-вторых, начиная с процесса с.-р. лета 1922 г. международные социалистическое движение и анархические организации и европейское профсоюзное движение начали мощную борьбу за права политзаключенных социалистов в России, подвергая нападкам не только советские власти и советских дипломатов, но и собственные коммунистические партии, а также просоветские Коминтерн, Профинтерн и Крестинтерн.

Особо подчеркну, что без этой солидарности европейских социалистов и мощных европейских кампаний борьба политзаключенных за свои права была бы невозможна.

Давление на большевистское руководство и на чекистов было настолько мощное, что именно чекисты выступили в январе 1924 г. с инициативой заменить смертный приговор 12 заключенным на пятилетние сро-

ки, на что Политбюро дало согласие и оформило это через указ ВЦИКа.

Внутри чекистского ведомства было заметно колебание, они, с одной стороны, выступали за крайне жесткие меры, а с другой стороны — уступали под давлением Политбюро. С 1922 г. неоднократно за более мягкую линию к политзаключенным высказывались видные деятели из Коминтерна, Наркомата иностранных дел, Профинтерна.

1 июля 1924 г. Генеральный секретарь Профинтерна А. Лозовский сообщал в Политбюро ЦК РКП(б), что «за последние несколько месяцев» кампания за границей «за освобождение арестованных меньшевиков и эсеров» «крайне обострилась». Он констатировал: «Кампанию ведут Гамбургский Интернационал и Берлинский „Интернационал“ анархо-синдикалистов. По всем странам рассылаются циркуляры со списками арестованных. Наши товарищи из Германии, Франции и т.д. неоднократно запрашивали меня по этому вопросу. Коммунистическая пресса ничего не могла сказать, что произошло на Соловках. Это не могло не усилить борьбы против Коминтерна, Профинтерна и Сов. России... Я считаю, что нужно принять меры, иначе эта кампания, поддерживаемая всей желтой прессой, принесет нам неисчислимый вред».

3 июля 1924 г. Политбюро приняло предложение А. Лозовского об устройстве закрытого заседания представителей делегаций Коминтерна для противодействия антибольшевистской кампании, а также создало комиссию в составе Гене-

рального секретаря Профинтерна Лозовского, наркома иностранных дел Чичерина, первого заместителя председателя ОГПУ Менжинского и генерального секретаря Крестинтерна А. П. Смирнова для выработки «проекта информационного сообщения о мерах репрессий по отношению к меньшевикам и эсерам».

Через месяц, 4 августа 1924 г., А. Лозовский от имени этой комиссии предложил Политбюро ЦК РКП(б) следующее: «1. Предложить через Коминтерн и Профинтерн организаторам антисоветской пропаганды II-му и Амстердамскому Интернационалу забрать всех содержащихся в советских тюрьмах и концентрационных лагерях (всего около 1500 человек) меньшевиков, эсеров, анархистов и проч. 2. Советское правительство доводит до границы всех высылаемых вместе с семьями и сдает на руки представителям II-го и Амстердамского Интернационалов. 3. Визы, деньги на проезд от границы и вообще все то, что связано с пребыванием высылаемых за границей, не касается Советского правительства. 4. Коминтерн может попытаться получить взамен освобожденных, не ставя это обязательно в условие, заключенных революционеров в индусских, египетских, германских и т.д. тюрьмах».

Самым интригующим в этой ситуации было то, что инициатива такой радикальной высылки принадлежала ОГПУ, очевидно, решившего раз и навсегда избавиться себя от головной боли «общения» с заключенными и ссыльными социалистами (оставив себе только эсеров-чекистов и грузинских меньшевиков).

Именно об этом писал в своем письме от 4 августа 1922 г. в Политбюро ЦК РКП(б) зам. председателя ОГПУ В. Р. Менжинский: «Чтобы дать коммунистам запада оружие для агитации против растущего белого террора, мы предложили комиссии т. т. Лозовского и Чичерина выслать за границу находящихся в лагерях и ссылке меньшевиков, правых и левых эсеров, а также анархистов всех оттенков, за исключением лиц, причастных к уголовщине, шпионажу и проч.». По мнению ОГПУ, должно было быть точно оговорено, что эта мера не распространяется на Центральные Комитеты правых и левых эсеров, а также на грузинских меньшевиков как партию, прибегающую, по постановлению своих центров, к уголовщине всякого рода. Предложение должно было исходить от Коминтерна и Профинтерна, а не от Правительства, и направлено II-му Интернационалу, на который лягут все переговоры с правительствами, хлопоты по визам и проч. Приняты должны были быть все высылаемые, без права отводить тех или других лиц, а также их семьи. Деталей комиссия не решала до разрешения в Политбюро».

В этот же день нарком иностранных дел Чичерин отправил письмо в Политбюро, где заявлял: «Я к предложениям комиссии присоединяюсь, как и вообще все ее решения были приняты единогласно». Но на своем заседании 7 августа 1924 г. члены Политбюро приняли следующее решение: «3 а) Предложение комиссии т. Лозовского отвергнуть. б) Не возражать, если МОПР возьмет на себя инициативу возбуждения, от своего имени, вопроса об обмене меньшевиков и других

политических заключенных в СССР на коммунистов, заключенных в тюрьмах др. стран...». Почему члены Политбюро сначала разрешили создать такую комиссию из заинтересованных ведомств, а затем зарубили предложение самих же чекистов о высылке политзаключенных? По всей видимости, потому, что они исходили из политической нецелесообразности многократного усиления политической эмиграции закаленными и очень антисоветски настроенными кадрами социалистов и анархистов.

Да, Политбюро эту комбинацию, в конце концов, зарубило. Хотя очень интересная и важная вещь. Она, с одной стороны, коррелируется с «философским пароходом», а с другой — если бы высылка такого количества социалистов и анархистов стала реальностью, то это не только бы усилило социалистическую эмиграцию, но и увеличило бы шансы на сокращение фракционных процессов и на передачу идей следующему поколению эмигрантов. А это уже могло дать шанс на сохранение живой преемственности и традиций социалистических партий к моменту краха СССР, что имело бы кардинальные последствия для России.

И, кстати, тут можно провести параллели с сегодняшним днем, с тем, что можно назвать «философским самолетом» 2022 г. Речь идет об отъезде людей, которые не хотят прекратить своей научной, идеологической, публицистической деятельности из-за того, что вынуждены были бы в России наложить на себя самоцензуру. Мы не знаем, сколько будет длиться агония нынешнего существующего режима. Есть надежда, что режим

уже «падает» в головах в людей и его падение в реальности тоже может уложиться в те знаменитые «два-три дня» В. Розанова, сказанные им о Февральской революции 1917 г., или три дня августа 1991 г.

В худшем варианте агония затянется, но эти уехавшие люди будут сохранять те традиции, навыки, все то лучшее, что народилось в нашей стране за те два-три десятилетия свободы, а в последние годы уже полусвободы. Так что 1922 и 2022 год во многом сомкнулись...

Главный урок эсеровского процесса для властей — сильный, мужественный враг, способный умереть, но не отречься от своих идеалов, невольно вызывал уважение даже у недоброжелателей и становился примером для подражания у сочувствующих, тогда как унижающийся и молящий о пощаде — снисхождение и презрение. Совершенно не случайно четыре десятилетия спустя В.Т. Шаламов, сравнивая суд над писателями А. Синявским и Ю. Даниэлем с процессом над ПСР, скажет: «Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, неодумения...».

Правоту социалистов, еще в начале 20-х годов говоривших о скрытой логике развития диктаторских режимов, о возможности их перерождения и непредсказуемости их действий, на собственной шкуре испытало большинство «победителей» уже в середине 30-х годов. Многие из организаторов и дирижеров эсеровского процесса сами стали жертвами чекистской мясорубки (как, впрочем, и большинство «старых» чекистов)

и подсудимыми на многочисленных процессах, где они калялись в несовершенных ими грехах (настоящие их грехи остались во многом не оцененными и поныне).

Другой парадоксальный итог противостояния большевизма и демократического социализма. Отвечая на критику эсеров и меньшевиков, считавших режим большевиков антидемократическим, нежизнеспособным и таящим в себе угрозу бонапартистского перерождения, большевики (в том числе и на процессе) многократно отвечали им: вы считаете, что мы не правы, но победили-то мы, а вы в тюрьмах, на скамьях подсудимых и в эмиграции. Более того, победителей не судят, а как раз наоборот, победители вас судят (логика этого рода отлилась сегодня в емкую притказку «если ты такой умный, то почему такой бедный»).

Горчайший урок нашей истории: были уничтожены лучшие люди начала XX века — носители традиций честного поведения в политике, традиций, без которых политика так и останется «грязным делом» политиков, лишь говорящих правильные и умные слова.

Парадокс заключается и в том, что процесс, который рассматривался властью как осиновый кол, стал надгробным камнем для тысяч безвестно сгинувших в лагерях и тюрьмах социалистов, символом несломленной воли и верности идеалам.

Нам остается только помнить прошлое и выносить из него уроки из нашего прошлого, чтобы не допустить ошибок в будущем...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Морозов 2005 — Морозов К. Н. Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. М.: РОССПЭН, 2005. 736 с.

REFERENCES

Morozov K.N. *Sudebnyiy protsess sotsialistov-revoljucionerov i tyuremnoe protivostoyanie (1922–1926): etika i taktika protivoborstva*. M.: ROSSPEN, 2005. 736 s.

1922 ГОД: НАЧАЛО РЕПРЕССИВНОГО ЦИКЛА. Беседа с А. В. Шубиным

Известный историк и левый политический мыслитель Александр Шубин излагает в 100-летней исторической ретроспективе свой взгляд на ряд судьбоносных событий 1922 г. и прежде всего на эсеровский процесс и так называемый «философский пароход».

Ключевые слова: новая экономическая политика, внутривластная эволюция советского режима, преследования Русской Православной церкви в 1920-е годы, реорганизация репрессивной системы в Советской России, процесс по делу социалистов революционеров, высылка ученых-гуманитариев из Советской России в 1922 г.

Сведения об авторе: Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), профессор РГГУ и ГАУГН.

Контактная информация: historian905@gmail.com.

1922: THE BEGINNING OF THE REPRESSIVE CYCLE. Conversation with A. V. Shubin

The well-known historian and left-wing political thinker Alexander Shubin, in a 100-year historical retrospective, sets out his view on a number of fateful events of 1922 and, first of all, on the Trial of the activists of the Socialist Revolutionary Party and on the so-called “philosophical ship”.

Key words: New Economic Policy, internal political evolution of the Soviet regime, persecution of the Russian Orthodox Church in the 1920s, reorganization of the repressive system in Soviet Russia, trial of the Socialist Revolutionaries, expulsion of humanities scholars from Soviet Russia in 1922.

About the author: Shubin Aleksandr V., doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow), the professor of the Russian State University of Humanities and of the State Academic University of Humanities.

Contact information: historian905@gmail.com.

Беседовал А. С. Стыкалин

А.С.: 1922 год был годом НЭПа и связанных с ним экономических послаблений, но при этом большевики продолжали демонстрировать

жесткость в борьбе с оппонентами своего режима. Наверно было бы преувеличением говорить об их наступлении «по всем фронтам».

И все-таки: почему именно в это время наносятся удары по православной церкви (достаточно вспомнить об изъятии ценностей, подорвавшем материальную базу церкви) и по старой интеллигенции? Напомню в этой связи, что т. н. «философскому пароходу» (т. е. высылке большой когорты интеллектуалов) предшествовали упразднение автономии вузов, начало классовой фильтрации студентов, запрет деятельности ряда общественных организаций, отстаивавших права некоторых категорий интеллигенции (в том числе врачей). Чего опасалось большевистское правительство и что заставляло его идти на эти меры?

А. Ш.: Это было вполне логично: экономические уступки НЭП требовались ради удержания власти. Значит, в политической области была нужна жесткая политика. И начала партия коммунистов с себя — запретив фракции и группировки. Кронштадтское восстание, не на шутку напугавшее большевиков, убедило их и в том, что хватит играть в многопартийность с социалистами — последовали все более суровые и систематические репрессии. Нужно было ликвидировать угрозу того, что инакомыслящая интеллигенция возглавит возмущенные массы. В следующие несколько лет инакомыслие терпели постольку, поскольку оно не принимало политические формы. Удар по Церкви был направлен не на ее немедленное уничтожение, а на переход власти в ней от «тихоновцев» к обновленцам, так как «тихоновцы» считались антисоветчиками. Высылали тех гуманитариев, которые считались генераторами антимарксист-

ской позиции. Если плюрализм не проявлялся политически или политическая составляющая была мало заметна, он допускался — например, в литературе. То есть уровень плюрализма 20-х годов примерно соответствовал «оттепельному», но с гораздо большей, чем во второй половине XX века, суровостью наказания за политические преступления.

А. С.: В начале того же 1922 года происходит реорганизация политической полиции, ВЧК трансформируется в ГПУ. С чем это было связано? Была ли это чисто структурная реорганизация в целях повышения эффективности работы этой институции? Или в работу соответствующих органов пытались вложить несколько иное, чем ранее, политическое содержание?

А. Ш.: Революция заканчивалась, коммунистический режим демонстрировал переход к «нормальности», а значит — отказ от чрезвычайщины. ВЧК следовало переименовать и ввести в рамки «социалистической законности». Советская власть «всерьез и надолго» — зачем нам чрезвычайная комиссия. Пусть будет скромное управление, которое занимается политическими расследованиями. Разумеется, на словах, так как и спецслужбы стремятся получить всё большие полномочия вплоть до тотального контроля, и власть все сильнее закручивала политические гайки, а это требовало расширения возможностей ОГПУ.

А. С.: 1922 год вошел в историю как год эсеровского процесса. Почему это событие заняло столь видное место в политической жизни тогда-

шней России? Эсеры представляли собой политическую силу, с которой большевики связывали главную угрозу для себя?

А. Ш.: 1922 год был богат на судьбоносные события, но процесс эсеров, конечно, среди них. Он должен был продемонстрировать, что никакой даже левоцентристской многопартийности в России больше не будет (интересно, что в УССР отдельная от большевиков Украинская коммунистическая партия существовала до 1925 г.). Нужно было показать стране и миру, что небольшевистские партии вырождаются в банды террористов и иностранных агентов. Помимо этой общей задачи действительно существовали опасения, что в отчаянии эсеровская молодежь может вернуться к терроризму. В России традиции терроризма были глубоки, «Народная воля» продолжала восприниматься как пример героизма, и следовало дискредитировать этот метод борьбы по крайней мере в случаях, направленных против большевиков.

А. С.: Был ли шанс сохранения эсеровской партии, если бы она приняла некие правила игры, навязывавшиеся большевиками? Вспомним здесь и о том, что приговоры были намного более мягкими, нежели это происходило потом, не только в 1930-е годы, но даже в конце 1920-х. С чем это было связано? Тем самым власти рассчитывали, что часть эсеров пойдет на сотрудничество с большевиками? Или большевики не хотели слишком жёсткими приговорами будоражить западное общественное мнение на его левом фланге? И в той же связи: насколько

ко отразился этот процесс на отношении западных левых к большевикам и советскому эксперименту?

А. Ш.: При сохранении и укреплении коммунистического режима возможности сохранения эсеровской партии не было — политический плюрализм не предусматривался за пределами большевистской партии, а со второй половины 20-х гг. и в ней самой. Как известно, группа «Народ» пыталась в 1919–1920 гг. договориться с большевиками, но это дало лишь передышку для эсеров. А вот в условиях крушения коммунистического режима, которое в принципе могло произойти на границе 20–30-х, левонародническая партия легко могла восстановиться, потому что ее кадровая «почва», не говоря о социальной, сохранялась, и потом выкорчевывалась уже по делу Трудовой крестьянской партии и в ходе коллективизации. Приговоры были обычными для последующего десятилетия и весьма серьезными — 12 расстрельных приговоров членам ЦК партии, остальным реальным эсерам — заключение на несколько лет. По итогам процесса освободили лишь бывших эсеров, которые были уже перевербованы. Так что коммунисты не собирались сотрудничать с нераскаявшимися эсерами, а отошедшие от политики — пожалуй, могли работать в народном хозяйстве и даже ОГПУ. Отказ от приведения приговоров в исполнение был обусловлен апрельским соглашением трех Интернационалов в Берлине. В 1924 г. приговоры были пересмотрены тоже по понятным внешнеполитическим обстоятельствам: внешняя политика была направлена на улучшение отношений с Западной Европой, и расстрел эсеров мог

шокировать левоцентристскую общественность. Обстановка в России была такой, что эсеровские вожди казались безопасными. А в 30-е гг., когда почудилась опасность с их стороны, с ними легко расправились. В целом процесс 1922 г. произвел на западную левую общественность шокирующее впечатление — игнорированием правовых норм, жуткой демонстрацией 20 июня с требованиями смерти. Вандервельде и его товарищи постарались довести до западной общественности впечатление об этом правовом шабаше. Потом, в 30-е гг., опыт процесса эсеров будет учтен, подсудимые будут сотрудничать с обвинением, распознать шабаш за правовой формой будет сложнее даже западным интеллектуалам. Но в 1922 г. он был вполне очевиден, и мужественное сопротивление нераскаившихся лидеров эсеров вызывало уважение.

А. С.: Видите ли Вы какую-то преемственность между эсеровским процессом 1922 г. и судебными процессами сталинской эпохи? Имею в виду не только технологию, но и политическую составляющую.

А. Ш.: Процесс эсеров был «первым блином», который комом. Потом технология совершенствовалась. Объект преследования менялся. В 1922 г. это были откровенные политические противники. В 20-е гг. — недовольные люди, но не открытые противники. Чтобы представить инакомыслие преступлением, нужно было добавлять к выявленным фактам оппозиционных разговоров выдуманное вредительство, шпионаж и т. п. Это было и на процессе эсеров, но там играло второстепенную роль. На процессе

эсеров обсуждалась причастность подсудимых все-таки к реальным терактам, совершенным эсерами или бывшими эсерами в 1918 г., а на Шахтинском и Промпартийном процессах приходилось выдавать за теракты аварии на производстве. Союзное бюро меньшевиков и Трудовая крестьянская партия не дошли до процесса, потому что обвинения в терроризме тут выглядели еще более нелепо. Политически все процессы нужны были для дискредитации инакомыслия. В 1936–1938 гг. искусство такой дискредитации достигло вершины, но на последнем процессе уже заметен кризис жанра, когда Бухарин пытался интерпретировать свою позицию как политическую оппозицию, а не шпионаж и уголовщину. Это было завершение цикла, начатого в 1922 г.

А. С.: Коснемся теперь высылки интеллектуалов, т. н. «философского парохода». По какому принципу, на Ваш взгляд, отбирали тех, кто должен был покинуть Россию? Мы видим, что среди уехавших были не только гуманитарии, но даже инженеры, специалисты в области естественных наук, которые могли быть востребованы советской властью и в ком она, казалось бы, была заинтересована. Выслали тех, кого считали наиболее опасными в силу их идеологического влияния? Или в дело примешивались и какие-то иные факторы?

А. Ш.: Не все, кто уехал, был выслан. Продолжалась волна эмиграции из страны, в которой стало слишком тяжело жить интеллигенции. Например, раскритикованный Лениным историк Р. Виппер на «философские пароходы» не попал и выбирался

из России самостоятельно. Высылали людей с активной интеллектуальной позицией, противостоящей марксизму, которых не за что было расстрелять. В условиях создания «своей» советской интеллигенции из рабоче-крестьянской молодежи вся эта профессура не должна была мешать марксистскому воспитанию. Поэтому высылали от монархистов до анархистов. А кто был готов сотрудничать и относиться к марксизму уважительно и к советской власти лояльно, получали возможности для работы — будь он бывший эсер, меньшевик или даже кадет. Так продолжалось до конца 20-х гг.

А. С.: Была ли высылкой многочисленных интеллектуалов достигнута цель запугать потенциальную идейную оппозицию?

А. Ш.: Высылка — не самое страшное по сравнению с расстрелами и длительным заключением в лагере. В это время режим не хотел выглядеть излишне кровавым и решал прагматическую задачу — этих людей не должно было быть в нашей стране. А что они будут делать за рубежами — не важно, они — не носители секретов. Перед интеллигенцией встал выбор

между сотрудничеством либо несотрудничеством с новой властью. В дальнейшем за несотрудничество будут сажать и расстреливать, а не выпускать. Бегство за границу стало преступлением с 1929 г. А в 1922 г. советские лидеры хотели выглядеть более прилично, чем во время гражданской войны, и в то же время избавиться от назойливых критиков и помех на пути воспитания нового поколения интеллигенции. Для решения их задач было достаточно высылки.

А. С.: Чем поучителен для нас сегодня опыт событий столетней давности — эсеровского процесса и «философского парохода»? Какие уроки мы можем извлечь из тех событий?

А. Ш.: От авторитаризма до тоталитаризма — один шаг. Репрессии могут быть скромными, когда режим хочет выглядеть прилично в глазах мирового общественного мнения и успокоить интеллигенцию в своей стране, предотвратить ее бегство. Но если выстроены структуры репрессивного произвола, отработана его практика, то перейти к массовому террору не так уж и сложно.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС НА ПОСТИМПЕРСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РОССИИ И ОБРАЗОВАНИЕ СССР. Беседа с Б. И. Колоницким

Историк Б. И. Колоницкий высказывает свой взгляд на предпосылки образования СССР с учетом остроты национального вопроса на пространстве распавшейся Российской империи и степени зрелости национальных движений. Поскольку в большевистской партии существовали различные представления о путях решения национального вопроса, воплощенная модель явилась плодом компромисса между разными внутрипартийными группировками. При этом опыт гражданской войны свидетельствовал о необходимости договариваться прежде всего с национал-коммунистами в отдельных регионах постимперского пространства. Реализованный проект был неотделим от монополии коммунистов на власть, ликвидация же этой монополии предопределила судьбу СССР в начале 1990-х годов.

Ключевые слова: революция 1917 г. в России, распад Российской империи, межэтнические отношения на постимперском пространстве России, право наций на самоопределение, национальные движения народов России, гражданская война в России, большевики и национальный вопрос, образование СССР, распад СССР и его последствия.

Сведения об авторе: Колоницкий Борис Иванович — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Контактная информация: kolon@eu.spb.ru; boris_i_kol@mail.ru

THE NATIONAL QUESTION IN THE POST-IMPERIAL SPACE OF RUSSIA AND THE FORMATION OF THE USSR. Conversation with B. I. Kolonitskii.

Historian Boris Kolonitskii expresses his view on the prerequisites for the formation of the USSR, taking into account the acuteness of the national question in the space of the collapsed Russian Empire and the degree of maturity of national movements. Since the Bolshevik Party had different ideas about how to resolve the national question, the realized model was the fruit of a compromise between different intra-party groupings. At the same time, the experience of the Civil War testified to the need to negotiate primarily with the national communists in certain regions of the post-imperial space. The implemented project was inseparable from the Communist monopoly on power, and the elimination of this monopoly predetermined the fate of the USSR in the early 1990s.

Keywords: revolution of 1917 in Russia, collapse of Russian Empire, interethnic relations in the post-imperial space of Russia, the right of nations to self-determination, national movements of the peoples of Russia, the Civil War in Russia, the Bolsheviks and the national question, the formation of the USSR, the collapse of the USSR and its consequences.

About the author: Kolonitskii Boris Ivanovich — Dr. in History, Prof. (Institute of History of RAS in St. Petersburg, European University in St. Petersburg).

Contact information: kolon@eu.spb.ru; boris_i_kol@mail.ru

Беседовал В. В. Ведерников

В.В.: Борис Иванович, на Ваш взгляд, какую роль сыграл национальный вопрос в рамках того кризиса, который возник в Российской империи в годы Первой мировой войны?

Б.К.: На мой взгляд, значение национального вопроса недооценено. Конечно же, он переплетался с социальными, экономическими и политическими проблемами. В годы Первой мировой войны ситуация резко изменилась и различные силы: государственные структуры, структуры гражданского общества и отдельные люди пытаются использовать национальные проблемы для решения определенных политических задач.

С началом боевых действий был актуализирован польский вопрос,

потому что он затрагивал интересы ведущих воюющих стран, прежде всего Германии, Австро-Венгрии и России, участвовавших в разделах Польши, и, соответственно имевших большое польское население на своих территориях. Польша стала полем битв, в этой ситуации борьба за умы и сердца поляков была очень важна, хотя бы потому, что поляки сражались по разные стороны фронта и их надо было убедить в том, что только одна из противоборствующих сторон обеспечит национальные интересы и возрождение Польши. Россия, к примеру, обещала Польше автономию, хотя части российской элиты и эти обещания представлялись чрезмерными. Но одна проблема неизбежно тянула другую. Польский вопрос связан с вопросом украинским, поскольку на Волыни, в Галиции,

Холмщине население было смешанным, и одни и те же территории в представлении и польских, и украинских национальных активистов были частью исконного культурного наследия, разные проекты накладывались друг на друга. Проблема серьезно обострилась в 1917 году, когда Временное правительство согласилось признать независимость Польши. Казалось бы, это России ничего не стоило, так как польские территории и так были оккупированы Германией и Австро-Венгрией. Но сотни тысяч польских солдат сражались в составе российской армии, они мечтали о независимости Польши, а Временному правительству нужна была их лояльность. Независимость же Польши неизбежно ставила вопрос о ее границах, а это, в свою очередь, давало импульс для украинского национального движения.

Если же говорить о тех сторонах национального вопроса, которые непосредственно связаны с революционным кризисом, то тут можно вспомнить книгу британского историка Джонатана Смита, название которой звучит провокативно: «Российские гражданские войны, 1916–1926». Почему автор завершает повествование 1926 годом? Потому что именно в этом году прекратил свое существование Туркестанский фронт, последний фронт Гражданской войны, который был преобразован в Среднеазиатский военный округ. Почему 1916? Это также связано с регионом — в этом году началось восстание в Средней Азии и Казахстане. Поводом к восстанию послужила мобилизация для работ в тылу местного мусульманского населения, которое не подлежало призыву на военную

службу. Это было одно из самых глупых решений в истории Российской империи, да еще и необычайно плохо исполненное. Следствием стало восстание, сопровождавшееся резней европейского (русского по большей части) населения. Последовали карательные меры, и сотни тысяч бежавших казахов и киргизов были убиты или погибли в результате голода и тягот в пути (часть коренного населения бежала через горы в Китай). Эти трагические события значимы для формирования национальной памяти народов региона. В известном смысле здесь гражданская война начинается не в 1917 или 1918, а в 1916 году.

Первая мировая война была противостоянием империй, которое на эти империи влияло. Приходится встречаться с суждением, с таким, я бы сказал, расхожим выражением: националистические движения развалили империи. Но можно взглянуть на противостояние империй иначе. Я хотел бы сослаться на книгу Майкла Рейнольдса «Разрушающиеся империи» (Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires 1908–1918). Автор показывает, как Российская и Османская империи, исходя из необходимости собственного самосохранения, делали всё возможное, чтобы развалить противника, используя ситуацию на пористых и взаимосвязанных приграничных территориях, утилизируя в своих интересах этнические и религиозные конфликты. Одни используют армян против курдов, другие курдов против армян, разные акторы, разные чиновники используют то одних, то других. Так или иначе, но Младотурецкая

революция 1908 г., а ранее — первая персидская революция (началась в 1905 г.) влияли на Россию, а Россия влияла на них. Некоторые важные участники событий участвовали во всех трех революциях, кочуя внутри этого треугольника.

Словом, воздействие национального вопроса на ситуацию в Российской империи трудно переоценить.

В.В.: Борис Иванович, как мне кажется, события Первой мировой войны обострили и еврейский вопрос в России. Ведь с началом отступления русской армии в 1915 г. в центральные регионы России хлынул поток беженцев из Польши и Западного края. А в числе беженцев было немало евреев.

Б.К.: Влияние этих событий двойственно. С одной стороны, это обострило проблему, а с другой — заставило обратиться к ее решению, так как *de facto* черта оседлости была отменена, правительство вынуждено было открыть для евреев внутренние губернии, сохранив, конечно, какие-то закрытые для евреев зоны. Конечно, национальный вопрос обострили и высылки нежелательных — с точки зрения части российских военачальников — элементов. Цифры называются разные, по мнению некоторых историков, было выслано около 500 тыс. евреев, примерно столько же этнических немцев. На проблему влияет и беженство. Среди беженцев были поляки, литовцы, латыши. Беженство оказывало влияние на формирование национального самосознания. Так, например, для литовского или белорусского национального самосознания опыт этого

беженства был очень важен, создавались структуры гражданского общества для помощи беженцам определенной этнической принадлежности. Эта принадлежность к определенной национальной диаспоре могла быть подспорьем в тяжелые годы войны.

В.В.: На рубеже XIX и XX веков в России начинается процесс формирования политических партий. Формируются не только общероссийские партии, но и партии национальные. Как же они представляли варианты разрешения национального вопроса накануне революции 1917 года?

Б.К.: Начнем с конституционных демократов, которых часто относят к либеральному спектру. Кадеты выступали за свободное использование национальных языков в органах местного самоуправления и системе образования, за ликвидацию всяческих форм дискриминации. Если говорить об их представлениях о форме устройства империи, то они, в общем, были унитаристами, за двумя важными исключениями: признание автономии Польши в составе империи и восстановление конституционных прав Финляндии. Февральская революция все это сделала не очень актуальным: Польша, как мы уже говорили, получила от Временного правительства независимость. Финляндии же вернули старые желаемые права и вольности, но жителей Великого Княжества это уже не устраивало. Почти сразу же возник конфликт между Финляндией и Временным правительством.

Единственной крупной российской политической партией, которая

в своей программе содержала требование создания федерации, была Партия социалистов-революционеров. Но при этом реализовывать это требование партия не спешила, откладывая всё до Учредительного собрания. Руководство партии все же недооценивало значимость национальных проблем.

Социал-демократы выступали за право наций на самоопределение. Вопросы о федерации они не ставили, потому что, следуя К. Марксу, считали централизованное государство более прогрессивным и более эффективным в плане экономическом. Весной 1917 года Сталин пишет статью под характерным названием: «Против федерализма?». Все это показывает, что в условиях кризиса программы, может быть, не столь уж и важны и при определенных условиях тактика может разойтись со стратегией.

В.В.: До 1917 года большевики и меньшевики формально члены одной социал-демократической партии, объединенной общей программой. Были ли в это время у этих крупнейших фракций расхождения в подходе к национальному вопросу или их взгляды мало различались?

Б.К.: Принципиальных различий не было, хотя и среди меньшевиков, и среди большевиков были разногласия. Важным союзником меньшевиков был Бунд, у которого существовала собственная повестка по национальному вопросу. Но многие меньшевики были не согласны с претензией Бунда представлять интересы еврейского пролетариата вне зависимости от территории, т. е. пре-

тензией на какой-то отдельный статус Бунда внутри российского социал-демократического движения. Это все было не без влияния австрийских социал-демократов, которые особенно рефлексировали по поводу национального вопроса. Словом, до 1917 года разницы не было, а после Февральской революции она возникла, и разница довольно большая.

В.В.: И. В. Джугашвили (Сталин) стал наркомом по делам национальностей в первом большевистском правительстве. Почему именно он? Был ли этот пост значимым? Каковы были взгляды Сталина на национальный вопрос?

Б.К.: Во-первых, еще до революции Сталин отметился несколькими статьями по национальному вопросу, в которых он, с одной стороны, критиковал так называемых националистов внутри социалистического движения, с другой стороны, тех, кто вообще отрицал значение национального вопроса. Для социалистов, в особенности, для марксистов, статус теоретика был важным, от партийных вождей ждали текстов. Сталин имел репутацию эксперта по национальному вопросу. Он был довольно естественным кандидатом на пост народного комиссара по делам национальностей. Интереснее другое: почему большевики вообще создали такую структуру. Возможно, ответ кроется как раз в остроте национального вопроса. Уже Временное правительство внутри МВД создавало какой-то отдел, курирующий национальные проблемы.

Насколько важна роль Сталина? Впоследствии многие по разным при-

чинам преувеличивали его роль. Но полагаю, что его роль была велика. В разное время он совмещал одновременно несколько довольно важных политических и военно-политических должностей, что укрепляло и его статус наркома по делам национальностей. А некоторые его должности были напрямую связаны с вниманием большевиков к важнейшим регионам, так, например, Сталин некоторое время входил в ЦК компартии Украины как представитель от центра. Он одно время курировал проект создания мусульманской коммунистической партии, который обсуждали и большевики. Он был членом ЦК, членом СНК, членом Политбюро, потом секретарем ЦК. Занимая пост наркома по делам национальностей, он использовал и те ресурсы, которые давали ему другие должности и посты. И потом я бы не сбрасывал такую вещь: ему очень нравилось руководить этой сферой деятельности. Он считал себя большим экспертом, лично знал некоторых деятелей национального движения, в их числе был и Мамед Эмин Расулзаде, в начале своей политической деятельности социал-демократ, затем лидер партии Мусават. Они были знакомы по Баку. Он знал многих кавказских социал-демократов, кого-то по ссылке, кого-то по съездам.

Есть воспоминания лидера башкирского национального движения Ахмета-Заки Валидова, который вспоминает, как Сталин старался переманить его на сторону большевиков, оказывая ему всяческие знаки гостеприимства.

Взгляды Сталина, конечно, менялись. Но по моему впечатлению (до-

казать это не сложно), у него было обостренное имперское сознание. Он хорошо понимал сложность и жестокость конфликтов, которые создают империю, угрожают ее существованию и, в то же время, удерживают ее от распада. А его склонность к интригам, манипулированию — все это было созвучно той реальной политике, которую он проводил.

В. В.: То есть он не случайная фигура на этом посту?

Б. К.: Мне он не кажется случайным. Конечно, я не отношусь к поклонникам Сталина, но сказать, что он — посредственность, ничтожество, серая фигура, появившаяся ниоткуда, это было бы неправильно. В годы Гражданской войны он продемонстрировал свои основные качества. Это был ужасный человек, созданный для ужасного времени. Или иными словами, это был *the right man in the right place*.

В. В.: К разрешению национальной проблемы неоднократно обращались партийные съезды (VIII, X, XII). С чем это было связано? Вносили ли большевики под влиянием событий коррективы в свою программу по национальному вопросу?

Б. К.: Разные периоды выдвигали разные задачи. С 1917 и примерно до 1921 года политика большевиков определялась целью одержать победу в Гражданской войне любой ценой. А этого можно было достичь, изолируя своих главных врагов, вступая ради этого в различные союзы, порой в союзы со своими вчерашними противниками. Летом 1919 года армия Деникина одерживает значительные

победы, Деникин подписывает директиву, цель которой — овладение Москвой. Но на главном, московском направлении действует только треть его сил. Деникину приходится воевать с Махно, с украинским правительством Петлюры, с грузинским правительством, с горцами Кавказа, он борется и с разными группировками «зеленых», которые подпитываются дезертирством. Кроме того, в это время Деникин ссорится с кубанскими казаками, которые составляют треть его армии. А большевики внимательно следят за ситуацией, вбивая клинья в ряды своих противников, и пытаются сколотить максимально широкие коалиции из противников Деникина. Эти коалиции непрочные, временные, базирующиеся на сиюминутном расчете, не исключая предательства временных союзников, хотя и временные союзы могли серьезно влиять на процессы государственного строительства. То есть логика развития федерации и логика постановки национального вопроса определялись стремлением победить, создать максимально широкую коалицию, своеобразный «антибелый» фронт. И им это часто удавалось, несмотря на нередкие неудачи и измены. Кто-то боролся с белыми, и не входя в такую коалицию, например, Петлюра, продолжавший сражаться и с большевиками, а с кем-то заключали формальные соглашения.

А вот после окончания Гражданской войны ситуация меняется. Составляющей частью кризиса 1920–1921 годов был поиск ответа на вопрос: что делать дальше, потому что до этого ставилась одна задача: выжить. И белая угроза объединяла

на время совершенно непримиримых оппонентов и внутри партии большевиков, и некоторые силы вне ее. Как только эта внешняя и смертельная угроза уходит на задний план, тут же образуются многочисленные фракции внутри большевистской партии. В период дискуссии о профсоюзах формируется рабочая оппозиция, фракция демократического централизма, вступают в конфликт Троцкий с Лениным (или, точнее, Ленин с Троцким). И как же большевики выходят из этого кризиса? Очень по-разному. По отношению к крестьянству большевики идут на уступки, меняя экономическую политику, вводя НЭП, а вот внутривластный режим, по сравнению с Гражданской войной, сильно ужесточается. В области идеологии, с одной стороны, ослабляется цензура, а с другой, в 1922 году из страны высылают авторитетных мыслителей, поскольку в условиях расширения гласности они представляют большую опасность. Одновременно начинается наступление на церковь, значительно более жесткое, чем в годы Гражданской войны, потому что в условиях войны опасно было наживать нового врага, а вот в новой ситуации политика изменилась. Авторитетная церковь представляла реальную угрозу для большевиков. Происходит окончательное утверждение однопартийной системы, тогда как в годы Гражданской войны умеренные социалисты сохраняли некоторые позиции, например, в каких-то профсоюзных организациях.

Эти новые вызовы обуславливают и задачи создания Советского Союза. Внутри национальных компартий появляется множество «уклонов»

в разрешении национального вопроса, при этом «уклонисты» вовсе себя таковыми не считают. Только в Украине был целый букет разных национальных течений, некоторые группировки социалистов вступили в партию большевиков только в 1919–1920 годах, в условиях денкинской опасности. Одни хотели чуть ли не независимой Украины, другие выступали за формирование украинской коммунистической партии, независимой от центра, компартии, которая вступает в Коминтерн самостоятельно, третьи хотели украинизировать местный рабочий класс. У каждого из этих «уклонов» видение идеальной модели большевизма было своим, т.е. между ними существовали значительные различия. И в этих условиях образование СССР выступило как некоторый компромисс между этими разными группировками большевиков.

В.В.: Борис Иванович, хотел бы задать уточняющий вопрос. Как я понимаю, с точки зрения большевиков, Октябрь должен был стать прологом мировой революции. И одним из эшелонов этой мировой революции были страны Востока. И почти сразу же после Октябрьской революции делается ставка на союз с мусульманством. Создание автономий для народов, исповедующих мусульманство, не было ли связано с решением этой задачи — стимулировать развитие национально-освободительного движения на Востоке?

Б.К.: Здесь, как всегда, мы должны учитывать несколько перекрестных факторов. Конечно, нужна была витрина, вывеска, чтобы стимулиро-

вать антиколониальное движение (не только мусульманское). И визитеров из Турции и Ирана нередко возили в автономную Башкирию, чтобы показать: здесь есть независимое и процветающее мусульманское (или тюркское, в зависимости от того, для кого эта демонстрация предназначалась) государственное образование. Но, с другой стороны, это было связано и с тем, о чем я уже говорил: приоритетными были задачи войны. И формирование башкирской автономии, как и формирование некоторых других автономий, стало следствием создания военно-политических тактических союзов времен Гражданской войны.

В.В.: В программных партийных документах упоминается опыт Австро-Венгрии в разрешении национального вопроса, деятели партии вспоминали и опыт австрийских социал-демократов, своеобразной формой федерации была Германская империя, наконец, в ходе Первой мировой войны возникли полиэтнические государства, Югославия, Чехословакия, например. Учитывался ли большевиками международный опыт в решении национального вопроса или принципы образования СССР являются уникальными?

Б.К.: Конечно, большевики интересовались теорией (некоторые внутрипартийные форумы порой напоминают научные дискуссии), но все же прагматика для них была важнее, хотя она порой и носила теоретическое оформление. В программе большевиков по аграрному вопросу, например, не было ничего похожего на положения Декрета о земле. Но

без мобилизации крестьянства было нельзя удержать власти. Поэтому, вопреки своей теории, они заимствовали основные положения программы эсеров, которым симпатизировало крестьянство. Точно так же они действовали вопреки своей теории и по национальному вопросу. Для большевиков характерно прагматичное отношение ко всем вопросам, которое порой кажется циничным и беспринципным. Ставится главная задача — победа в Гражданской войне — и решению этой задачи подчиняются все иные проблемы. Но решения, которые сначала рассматриваются как тактические, временные, порой постепенно затвердевают, институционализируются, а потом получают теоретическое оформление. Поэтому я не думаю, чтобы они так уж изучали исторический опыт. Вряд ли Ленин, Сталин и Троцкий хорошо представляли, как работает Британская империя. Но на практике их техники очень похожи на то, что делали в современных империях.

В. В.: Может быть я неправ, но мне кажется, что созданная в 1871 году Германская империя, конфедерация по форме и централизованное государство по содержанию, очень напоминает будущий Советский Союз.

Б. К.: Да, конечно, в Германской империи Пруссия — «первая среди равных», есть особый статус у Баварии и Саксонии. Но все-таки все они немцы. Да, есть различные диалекты немецкого языка, думаю, что баварский диалект отличается от высокого немецкого не меньше, чем русский от украинского, хотя я в этом вопросе специалистом не являюсь.

Но все-таки есть самосознание единства нации, есть общенациональный литературный канон, а в XIX в. была проделана работа по формированию национального самосознания, прежде всего в сфере культуры. Конечно, были в Германии и национальные меньшинства, но они подвергались ассимиляции, поляков стало меньше. А вот Россия, в отличие от Германии, полиэтничная страна.

В. В.: Да, соглашусь с Вами, этим Россия действительно отличается от Германии. Готовясь к интервью, я посмотрел разные мнения об образовании СССР. Мне показалась заслуживающей внимания точка зрения известного философа А. Зиновьева, который в начале 1980-х годов писал: «Советский Союз есть многонациональное государство. В таких случаях две противоположные тенденции обычно имеют место — центробежная и центростремительная. От того, какая из них доминирует, зависит прочность объединений такого рода. В Советском Союзе эта проблема после революции была решена наилучшим образом с точки зрения интересов целостности страны. Советский Союз превратился в колониальную державу, но с обратным отношением колоний и метрополии: здесь основной народ империи, а именно — русский, и его территория стала объектом колонизации для других народов. Представители самых различных национальностей устремились в большие русские города с целью добиваться здесь успеха, делать карьеру, спекулировать и т. п. В результате русский народ оказался в этой империи в самом тяжелом положении. Русскому наро-

ду следовало бы в первую очередь бороться за равенство среди других народов и независимость от них». Утверждение парадоксальное, как и многое из того, что писал Зиновьев. Но ведь, с другой стороны, в 1920-е годы действительно главным противником в национальном вопросе объявлялся великорусский шовинизм, в республиках проводилась политика коренизации. Был взят курс на промышленное развитие окраин, на создание своего пролетариата. Значительную помощь окраинам оказывали прежде всего Российская Федерация и Украина. Согласны ли Вы с мнением А. Зиновьева?

Б.К.: С его утверждением вряд ли согласятся историки республик, входивших в состав СССР. Думаю, что проблемы взаимосвязи центра и периферии империи очень сложны, подвижны и не поддаются однозначной оценке. Можно ли сказать, что современная Великобритания колонизирована народами Британского содружества, поскольку главой правительства является сейчас индус с пенджабскими корнями? Ведь столетие тому назад этого и вообразить было нельзя. А сейчас большая часть коренных англичан не видит в этом проблемы. Если же говорить об элите Российской империи, то тут надо учитывать ее полиэтничность. Нельзя ее представить без потомков викингов и литовских князей, без князей татарских, без украинской шляхты и украинских епископов, без балтийских баронов ...

Можно сказать, что тезис Зиновьева был апробирован на практике, потому что подобные настроения (может

быть, с несколько иными формулировками) доминировали и в политическом дискурсе 80-х — 90-х годов. Говорилось о том, что пора России «сбросить балласт», перестать кормить Союз. Эти настроения, иногда носившие националистический оттенок, были характерны и для части ельцинского электората. Удивительно то, что многие из тех, кто воспроизводил эти лозунги, сейчас ностальгируют по поводу крушения СССР.

Думаю, что необходима терминологическая точность. Можно ли Украину назвать колонией в советское время, а если она и была таковой, то чьей? Даже многие современные украинские историки по разным причинам не готовы признать колониальный статус своей страны. Думаю, что Зиновьев использовал очень грубый методологический инструментарий для характеристики Советского Союза.

В.В.: В последнее время неоднократно поднимался вопрос, в том числе и на очень высоком уровне, о том, кто же заложил мину — право на добровольный выход из Союза, которая привела в конечном счете к распаду государства. В советских учебниках ленинский проект создания союза с сохранением права союзных республик на самоопределение как проект «правильный» противопоставлялся ошибочным взглядам И.В. Сталина, который был сторонником автономизации. Сейчас звучат другие оценки. Президент В.В. Путин, обращаясь к нации 21 февраля 2022 г., сказал: «С точки зрения исторических судеб России и её народов ленинские принципы государственного

строительства оказались не просто ошибкой, это было, как говорится, гораздо хуже, чем ошибка. После развала СССР в 1991 году это стало абсолютно очевидным».

Б. К.: Скажу, что в решении этого вопроса крайне важны детали, на которые не всегда обращают внимание. И главную борьбу против сталинского курса по национальному вопросу Ленин начал уже после того, как вопрос об образовании СССР был в принципе решен, потому что дело не в том, как образовать, а в том, каким смыслом наполнить, и впоследствии шла довольно большая дискуссия о содержании Конституции СССР, в 1922 году не все было решено. Но мне кажется, что есть два больших преувеличения, характерных для советской историографии и некоторых зарубежных историков, например, Р. Пайпса. Преувеличивается роль теории в большевистской практике и преувеличивается роль личного фактора.

В действительности, и Ленин, и Сталин были чистыми прагматиками. Но вместе с тем у них был коридор возможностей и некоторый консенсус по поводу того, как идти по этому коридору возможностей. И два железных принципа определяли все. Первый (и это было очень важно) — сохранение единства партии. Партия (и с этим оба вождя были согласны) должна строиться как жесткая централизованная организация, здесь принцип федерации отрицался. Второй принцип, где между Лениным и Сталиным сохранялось единство: опыт Гражданской войны свидетельствовал, что нужно договариваться с национал-коммунистами. И если

бы это не учитывалось, то могли бы быть очень серьезные последствия. Мы сейчас уверенно говорим, что к 1922 году Гражданская война закончилась (некоторые историки полагают, что это произошло уже раньше). Но современникам это не было очевидно. Да, Красная армия вошла в 1922 году во Владивосток, но в стране все еще идут крестьянские восстания, хотя и не такие масштабные, как в 1921 году. В 1924 году в Грузии происходит значительное вооруженное восстание с целью восстановления независимости страны. Если бы большевики «пережали» в сторону централизма, то восстание было бы еще более опасным. То есть они, большевики, понимали, с кем и как нужно расплачиваться за политические союзы. Важная проблема, возникшая еще в ходе Гражданской войны — экономическое стимулирование национальных союзников. Давайте посмотрим это на примере Башкирии. Башкирские войска сражались на стороне противников большевиков. Пока был Комуч, все обстояло неплохо, когда же произошел колчаковский переворот, отношения обострились. Колчак был противником автономии, к тому же красные стали добиваться успехов, занимая новые территории. И башкирские лидеры не без помощи местных коммунистов после долгих и тяжелых переговоров, сопровождавшихся торгом о характере автономии, перешли на сторону красных.

Что делают дальше большевики? Они мгновенно перебрасывают башкирские войска в другой регион. Башкирские войска сражаются на Украине, под Петроградом, на польском фронте. Это традиционная им-

перская практика. Так же поступали англичане в Британской Индии. Задача — оторвать местные войска от их родной территории. Но в то же время советская власть идет на экономические уступки в Башкирии. Есть любопытное исследование Рустема Хазиева, которое посвящено экономике Башкирии этого времени (Хазиев 2021). Автор (я немного упрощу его концепцию) рисует следующую картину: в стране царит военный коммунизм, а Башкирия в это время представляет собой такой островок протоНЭПа. И именно туда со всей России едут деловые люди, чтобы заняться коммерцией: продавать, покупать. И многие соседние районы, татарские, русские, просят: «и мы хотим в Башкирию, возьмите нас, пожалуйста!»

Чтобы понять, была ли ситуация в Башкирии уникальной или нет, нужно изучать другие регионы. Можно предположить, что и с украинцами был некоторый торг. В начале 20-х годов часть сельского населения Воронежской губернии тяготела к Украине лишь потому, что там лучше относились к крестьянству. На Украине было получше с рынками, с налогами. Считалось, что в России власть ориентируется на рабочих, а власти Украины в большей степени учитывают интересы селян. При этом те же самые люди, которые были не прочь войти в состав Украины по экономическим причинам, считали изучение украинского языка пустой тратой времени. Вспоминая вышеупомянутый тезис Зиновьева, я хочу на этом примере показать, что за политические решения приходилось платить какой-то экономической ценой. Поэтому (а мы это знаем

и по собственному опыту) то, к чему терпимее относились в национальных республиках, давно не позволялось на российских территориях.

В.В.: Получается, что большевики пытались найти некую равнодействующую между интересами центра и окраин. На XII партийном съезде критике подвергается как великорусский шовинизм, так и «буржуазный национализм» национальных республик. При этом главной опасностью объявляется именно великорусский шовинизм. Но вскоре после окончания съезда возникает «дело» татарского национал-коммуниста Султан-Галиева. Верным ли будет утверждение, что «дело» Султан-Галиева перенесло акцент на борьбу с «национализмом» малых народов?

Б.К.: Сразу сделаю несколько важных замечаний. Во-первых, сильные обобщения вообще, и в особенности для 1920-х годов, а тем более для первой половины 1920-х годов плохо работают. Нельзя говорить о большевиках как о чем-то едином и цельном, единых общих взглядов на национальный вопрос у них не было. И личные контакты, прежние знакомства, единство происхождения — все это влияло на подход к решению конкретных проблем. Второй момент. Я бы не стал утверждать, что главной опасностью стал в глазах большевиков национал-уклонизм. Ведь именно в это время принимается решение о коренизации, о выдвигании и продвижении национальных кадров, которое проводится достаточно жестко. Акценты национальной политики зависят и от особенностей того или иного региона,

и эта противоречивость, непоследовательность характерна не только для 1920-х, но отчасти и для 1930-х годов.

Третий фактор. Есть многие вещи, которые плохо задокументированы, поэтому их сложно изучить. К примеру, вспомним историю Н. В. Устрялова и «устряловщины», «сменовеховства». Историки знают, что возникновение этого движения не обошлось без чекистской операции и финансовой поддержки сменовеховцев со стороны советских спецслужб. Но вместе с этим только к шпионским забавам эту историю свести нельзя. Движение сменовеховцев имело довольно значительный общественный резонанс. Напомню, что Устрялов входил в правительство адмирала Колчака, но, по его собственным словам, уже в конце 1919 года он понял, что белое движение обречено, и в 1920 году он начинает формулировать новую позицию. А она сводится к тому, что история диалектична. Белые проиграли, но в чем-то они и победили, потому что большевики, которые воспринимались как анархисты, разрушавшие российскую державу, в итоге создали мощную государственность; начав как интернационалисты, они заканчивают как патриоты России, де факто восстанавливая империю; выступив вначале как противники постоянной армии, они формируют мощную армию, основанную на жесткой дисциплине, и т. д. То есть вопреки своей воле и несмотря на свою идеологию большевики исполняют историческую задачу восстановления великой российской Державы. Значит, патриотически настроенная российская интеллигенция, где

бы она ни находилась — в России или за рубежом — должна, сохраняя критическую дистанцию по отношению к большевикам, сотрудничать с советской властью, сотрудничать честно и добросовестно не только за паек, но за идею. Движение было очень влиятельно и в России, и за ее пределами. Насколько это было созвучно идеям большевиков или какой-то их части? В исторической перспективе некоторые идеи Устрялова были реализованы, а некоторые его прогнозы сбылись. Но никто из большевиков к моменту формирования идеологии сменовеховства не признался бы, что у Устрялова есть нечто дельное, напротив, это течение было подвергнуто публичной критике. Но мне кажется, что сам подобный резонанс был как индикатором некоторого влияния, так и отражением определенных великорусских тенденций внутри партии. Но трудно изучать процессы, которые происходят где-то глубоко и которые плохо обеспечены источниками.

В. В.: Мы являемся свидетелями тревожного процесса борьбы за передел административных границ между республиками, которые после распада СССР стали государственными. Тут и карабахский конфликт, и нынешние боевые действия между РФ и Украиной. Верным ли будет утверждение, что причины конфликтов были заложены при образовании СССР?

Б. К.: Да, мы снова приходим к важной для историков проблеме истоков. Некоторые, к примеру, утверждают, что нынешние национальные конфликты восходят к завоеванию Казанского ханства — именно тогда,

по мнению некоторых авторов, Московское государство стало превращаться в империю.

Образование СССР было попыткой выйти из кризисной ситуации, достичь некоторого консенсуса. До определенного момента эта система работала. Кроме того, можно сказать, что СССР распался относительно безболезненно — если сравнивать его с распадом других империй. Да, конечно, были карабахский конфликт, грузино-осетинский и грузино-абхазские конфликты, кровавая война в Таджикистане, конфликт в Приднестровье, война в Чечне. Но если мы сравним распад СССР с крушением иных империй в XX веке, то размах негативных последствий был много меньше. Последствия развала Османской империи мы ощущаем по сей день (Ближневосточный конфликт, войны в Ираке и Сирии, курдский вопрос). Последствия распада Австро-Венгерской империи вызвали в конечном итоге Вторую мировую войну. Сравнительно недавно удалось отрегулировать затяжной конфликт в Ольстере. Три индо-пакистанские войны принесли к многочисленным жертвам, и нельзя сказать, что отношения между этими двумя ядерными державами к настоящему времени урегулированы. Распад Французской колониальной империи сопровождался войнами в Индокитае и Алжире. В алжирской войне было убито, по некоторым данным, более миллиона алжирцев.

Империи не просто создаются и не просто распадаются. Советский Союз сумел создать форму, в рамках которой развились некоторые национальные проекты. Но страны были

разные, с разным уровнем развития и разным опытом, разным характером национального самосознания своего населения. Для современной Украины, например, это был важный опыт. С 1917 года на Украине возникло мощное национальное движение. Еще до Первой мировой войны, конечно, начала формироваться местная национальная элита из писателей, кооператоров, историков, других национальных активистов, возглавивших во время революции массовое национальное движение. Но из писателей, кооператоров и историков, из национальной интеллигенции политическую элиту просто так не создашь, нужно время для преобразования ее в политический класс. К 1991 году такой политический класс был создан, налицо были не только члены украинских отделений союзов советских писателей и кинематографистов, но и секретари обкомов, директора заводов, генералы КГБ, которые на каком-то этапе решили, что им лучше стать украинской национальной независимой элитой. Они обладали ресурсами и социальной спайкой, они владели навыками управления в различных областях. Качество разработки национального проекта и ресурс, необходимый для его реализации, были к этому времени совсем другими. Советский период, несмотря на свой ужасный опыт, был важен и в этом отношении.

Но вернемся к вопросу о границах между советскими республиками. Здесь важны несколько факторов, влиявших на создание этих границ. Немалую роль тут играли картографы и этнографы — эти специалисты привлекались для уточнения карт

регионов. Свое значение имел и фактор экономического районирования и экономической рациональности. Все эти факторы накладывались друг на друга. К тому же для марксистов, считавших пролетариат исторически прогрессивным классом, было важным наличие в регионе рабочего класса и / или перспективы его создания и роста.

К тому же в Москве не могли не учитывать национальные проекты, сложившиеся в головах местных большевиков, которые нередко хотели выглядеть защитниками местных национальных интересов. Разумеется, одни такие проекты противоречили другим, а то и вовсе исключали их, тут многое зависело от баланса разных сил, у кого было больше козырей. На национально-государственное развитие влияло и стратегическое значение тех или иных регионов.

Мне кажется, что Сталин хорошо понимал особый статус Украины. За время Гражданской войны он видел много проявлений свирепой украинской вольницы и понимал, что с украинской революционной элитой надо налаживать отношения. Это проявлялось и в бытовых вещах. В журнале «Родина», например, недавно появилась статья о том, в какие санатории ездила советская элита. Номенклатурные санатории самого высшего уровня были для элиты Москвы и для Харькова, тогдашней столицы Украины.

В. В.: Борис Иванович, состав республик менялся, их количество росло. В 1940–1956 гг. их было целых 16. Мне, честно говоря, непонятно, зачем в 1936 году был повышен ста-

тус ряда автономий до уровня республик и проведено разукрупнение ЗСФСР? Каковы последствия этих решений?

Б. К.: Давайте начнем с Закавказья. У Закавказской федерации в разное время были разные противники. Среди них — грузинские большевики, при этом такие большевики, которые всю жизнь боролись с местным национал-уклонизмом, например, Филипп Махарадзе. Появление трех новых советских республик, конечно, сразу повышало статус национальных большевистских элит. Они получали право напрямую выходить на связь с Москвой. Кроме того, союзный статус республики давал больше возможностей для реализации национального проекта.

Если говорить о Средней Азии и отчасти об Азербайджане, то там ставилась задача формирования новых наций. Здесь роль научного экспертного знания была очень важна для большевиков (*Хири* 2022). Большевики связывали с социально-экономическим развитием исторические стадии развития этнических групп (народность, потом нация). И те народы, которые еще не совершили подобную эволюцию, нуждались в поддержке и некотором революционном и форсированном формировании национального самосознания. Выравнивание республик требовало для некоторых из них прохождения определенных стадий развития. Эта идеология была актуальна для республик Средней Азии.

Я также думаю, что здесь была важна не только теория, но и политика, и политическая безопасность. Какие

политические проекты, например, предлагались для Средней Азии? Был проект Великого Турана, был пантюркистский проект. Такого рода проекты первоначально не исключало и большевистское руководство — какое-то время существовал план создания единого алфавита и единого языка для всех тюрков. Но с точки зрения Москвы было выгоднее создать несколько отдельных республик (что соответствовало и планам части местных элит), чем создавать большое и плохо управляемое пантюркистское формирование.

В.В.: В год 50-летия СССР Л.И. Брежнев заявил о формировании новой межэтнической общности — советских людей, советского народа. Сейчас это утверждение переосмыслено. Эту общность принято пренебрежительно называть «совками». Возникли ли какие-то общие черты, объединявшие жителей СССР? Если да, то какие?

Б.К.: Да, думаю, такие черты были, но они были связаны с людьми, имевшими общий советский опыт, который, по-видимому, с уходом последнего советского поколения, людей, социализированных в СССР, тоже уйдет в прошлое. Ведь советский опыт закреплялся в едином жизненном цикле. Все были октябрятами, пионерами и комсомольцами, многие служили в армии, смотрели одни и те же телевизионные программы, учились в советских школах. И не будем сбрасывать со счета роль русского языка, который называли тогда языком межнационального общения. Но все это постепенно уходит. Все больше и больше тех, у кого нет опыта жизни в Советском Союзе. И не-

которые современные кризисы в отношениях стран на постсоветском пространстве, они уже не советские, а постсоветские. И новая поросль политической элиты в ряде стран институционализировалась уже в постсоветское время. Но «советскость» как объединяющее начало вовсе не носит уникального характера. В социалистической Югославии появились люди, считавшие себя не хорватами, сербами, словенцами, а называвшие себя югославами. Очень часто это были представители смешанных в этническом отношении семей. И в нынешней Чехии (не знаю, насколько это явление характерно для Словакии) есть люди, считающие себя чехословаками. Государства, порожденные империями, оставляют после себя и такой след.

В.В.: Хочу уточнить: положительный след. Ведь общий исторический опыт, общий язык сближают народы, способствуют росту взаимопонимания?

Б.К.: С одной стороны, да. Но в ряде национальных нарративов советский опыт воспринимается как опыт исключительно трагический, травматический, нуждающийся в преодолении.

В.В.: На Ваш взгляд, распад СССР был закономерен или это стечение ряда случайных обстоятельств? М.С. Горбачев до конца жизни был уверен, что Союз (правда, без Прибалтийских стран) можно было бы сохранить.

Б.К.: Думаю, что ликвидация монополии коммунистической партии на власть предопределила судьбу

СССР. Нужны были очень большая креативность и очень большие усилия политических игроков разного уровня, очень большая слаженность политических команд, чтобы предотвратить распад огромной страны. Этого не было. И распад СССР связан не только с Прибалтикой, хотя национальные движения эстонцев, литовцев и латышей играли роль своего рода гегемона, задавая образцы действий для других республик. С ослаблением власти КПСС выйдут наружу давно тлевшие конфликты: карабахский, грузино-осетинский, конфликты в Средней Азии. Конечно, сами конфликты могут работать не только на развал, но и на сплочение, когда империя представляется наименьшим злом. Но тогда все конфликтующие стороны обвиняли прежде всего политику центра. Не представляла исключения и новая политическая элита Российской Федерации, считавшая главным злом «имперский центр».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Хазиев 2021 — Хазиев Р.А. Зигзаги альтернативной экономики на Урале в годы командного администрирования и НЭПа: Черный рынок — легальная коммерция «красных нуворишей». — Уфа: РИЦ БашГУ, 2021.

Хирш 2022 — Хирш Франсин. Империя наций: Этнографическое знание и формирование Советского Союза / Пер. с англ. Р. Ибатуллина. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 472 с.

REFERENCES

Haziev R. A. *Zigzagi alternativnoy ekonomiki na Urale v godyi komandnogo administrirovaniya i NEPa: Chernyyiy ryinok — legalnaya kommertsiya «krasnyih nuvorishey»*. — Ufa: RITs BashGU, 2021.

Hirsh Fransin. *Imperiya natsiy: Etnograficheskoe znanie i formirovanie Sovetskogo Soyuz* / Per. s angl. R. Ibatullina. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022. — 472 s.

«СССР — КОНСТРУКЦИЯ, ЭФФЕКТИВНАЯ ДЛЯ СВОЕГО ВРЕМЕНИ» Беседа с А. В. Шубиным

Известный историк и политический мыслитель Александр Шубин делится своими рефлексиями в связи со 100-летием образования СССР. По его мнению, в 1922 г. была создана модель, которая эффективно подморозила существовавшие на пространстве распавшейся Российской империи острые межнациональные конфликты, перенаправив векторы национальных стремлений на общую модернизацию и обеспечив вовлечение в нее широких масс нерусского населения.

Ключевые слова: межэтнические конфликты на постимперском пространстве Российской империи, большевики и национальный вопрос, образование СССР, модернизация постимперского пространства России.

Сведения об авторе: Шубин Александр Владленович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва), профессор РГГУ и ГАУГН.

Контактная информация: historian905@gmail.com.

«USSR — A DESIGN EFFECTIVE FOR ITS TIME». Conversation with A. V. Shubin

The well-known historian and left-wing political thinker Alexander Shubin shares his reflections in connection with the 100th anniversary of the formation of the USSR. In his opinion, in 1922 a model was created that effectively froze the acute interethnic conflicts that existed in the space of the collapsed Russian Empire, redirecting the vectors of national aspirations to general modernization and ensuring the involvement of the broad masses of the non-Russian population in it.

Key words: interethnic conflicts in the post-imperial space of the Russian Empire, the Bolsheviks and the national question, the formation of the USSR, the modernization of the post-imperial space of Russia.

About the author: Shubin Aleksandr V., doctor of historical sciences, chief researcher of the Institute of General history, RAS (Moscow), the professor of the Russian State University of Humanities and of the State Academic University of Humanities.

Contact information: historian905@gmail.com.

Беседовал А. С. Стыкалин

А. С.: В условиях гражданской войны на национальных окраинах бывшей Российской империи претендовали на власть не только большевики и не только монархисты, выступавшие под флагом восстановления единой и неделимой России, но и национальные движения. Мы знаем о том, сколь сложна была обстановка в Украине и сколько раз сменилась власть в том же Киеве в 1917–1920 гг. В Грузии пришли к власти меньшевики, в Армении дашнаки, в Азербайджане, уже после падения Бакинской коммуны, мусаватисты. Почему большевикам все-таки удалось овладеть властью и в Украине, и в Закавказье, и в Средней Азии? Какую роль сыграли здесь военное превосходство и победы Красной Армии, а какую восприимчивость широких масс разных национальностей к большевистским лозунгам (при несомненном умении большевиков разыгрывать в своих интересах национальную карту)?

А. Ш.: Начнем с того, что за единую и неделимую Россию в белом движении выступали не только монархисты, но и республиканцы. А стремление к восстановлению российского пространства при признании известной автономии национальных территорий, было характерно и для значительной части их жителей. Распад хозяйственных и культурных связей болезненно бил не только по центру, но и по «окраинам». Большевики нашли наиболее удачный синтез центристских и автономистских стремлений — единая экономика и силовые структуры, но полная поддержка развитию национальных культур, если у тех, кто этим зани-

мается, нет политической оппозиционности. Конечно, и сила РККА имела значение, но она опиралась на высокий мобилизационный потенциал. В ней сражались и украинцы, и армяне, и тюрки, и латыши, и сторонники советской власти других национальностей. Они верили, что Советская власть противостоит шовинизму и в то же время предоставит все блага от жизни в большом справедливо устроенном экономическом пространстве, защищенном сильной армией. Разумеется, эти стремления можно было уравновесить там, где антисоветские силы сумели успешно противопоставить советскому проекту прозападный (с эффективной помощью Запада), как в Прибалтике. А в Закавказье и Украине преимущества ориентации на прежний центр государственного пространства в 20-е гг. были очевиднее.

А. С.: Среди самих большевиков существовали, как известно, разногласия в вопросе о том, какую степень самостоятельности предоставить союзным республикам. Почему реализовался именно такой вариант — союз квазисамостоятельных государственных образований, а не автономии в составе России?

А. Ш.: Да, при формировании советских республик взаимодействовали и национал-коммунисты, серьезно относившиеся к задачам распространения национальной культуры на территории своей республики, и равнодушные к этой теме политики, для которых создание национальных «буферов» диктовалось конъюнктурой, как правило внешнеполитической. Свою роль мог играть и ведомственный взгляд на вещи. Так,

Чичерин то защищал формальную независимость республик, то предлагал автономизацию в связи с поездкой в Геную, где было бы проще защищать интересы всех республик, если бы они вошли в состав России. Сталину как наркомацу и генсеку было важно упорядочить государственные формы на доставшейся коммунистам территории. Раковский учитывал, что в возглавляемой им Украине национальные настроения сильны даже среди коммунистов. Ленин как ведущий стратег большевизма был обеспокоен задачами мировой революции и думал, как предотвратить подозрения, что большевики возрождают великорусский шовинизм. Эти разногласия и колебания должны были стихнуть после завершения революционной борьбы за власть, потому что победа большевиков определилась, революционная лава застывала и должна была вылиться в конкретные государственные формы. Сталин занял компромиссную позицию между конфедералистами и унитаристами — он любил оставаться в центре. Но Ленин добавил аргументов в пользу создания «еще одного этажа» над Россией, и Сталин не стал активно противодействовать этой модели, понимая объективные основания позиции Ильича — состоявшееся международное признание Украины и государств Закавказья, невозможность включения в Россию новых просоветских государств, если они образуются за пределами бывшей Российской империи, массовость неприятия российского великодержавия как на национальных «окраинах», так и на зарубежном Востоке, куда коммунисты намеревались нести антиимпериалистиче-

ские лозунги. Сталин быстро согласился с идеей Союза, в дальнейшем его волновало, как упорядочить его структуру, которая в 1922 г. создавалась торопливо, ситуативно.

А. С.: Каков был отклик в очень неоднородной русской политэмигрантской среде на трансформацию пространства бывшей Российской империи к концу 1922 г. в такой проект, как СССР? Какие шли дискуссии и как расценивались в русском зарубежье перспективы этого федеративного государственного образования?

А. Ш.: Для одних большевизм с самого начала был антироссией, так что смена названия только добавила им аргументов. Для национальных лидеров создание СССР было новым этапом поглощения независимости, которое началось раньше, с приходом Красной армии. У тех эмигрантов, которые хорошо относились к федерализму и советской идее, к большевикам давно не было доверия. Так что образование СССР не стало сенсацией, не всполошило эмиграцию.

А. С.: Как образование СССР было воспринято в европейских столицах, в том числе в Германии, уже заключившей с Советской Россией Рапальский договор, и в Польше, где и после заключенного в 1921 г. Рижского мира в политических кругах, очевидно, не отбросили надежды на реализацию своего собственного восточноевропейского проекта, предполагавшего существование в Украине и Белоруссии подконтрольных Польше правительств? И повлияло ли как-то

образование СССР на ход переговоров, которые вела в это время Советская Россия по тем или иным вопросам с другими государствами, а также на дипломатическое признание советского государства?

А. Ш.: Для зарубежных лидеров большевики вообще были странными деятелями с непонятной логикой. Так что в основном на Западе просто приняли к сведению переименование России и продолжили относиться к СССР как к бывшей России. Так что на процесс признания это повлияло мало.

А. С.: Какие имеются сегодня в исторической науке белые пятна в изучении конкретно-исторических обстоятельств образования СССР? Продолжаются ли дискуссии между историками и какие вопросы следует считать дискуссионными?

А. Ш.: В основном картина ясна, хотя возможны и различные интерпретации, и уточнение деталей. В своих последних работах я поднимаю вопрос о том, что думали большевистские лидеры по поводу «асимметричности» конструкции СССР, когда огромная Россия была соединена с разнородными и гораздо меньшими образованиями — республиками и федерациями. Такая асимметрия стала результатом конъюнктуры 1922 г., но в 1923 г. Сталин в закрытой переписке поставил вопрос о нелогичности и неудобстве такого объединения столь разнообразных субъектов. Он предлагал подумать об унификации системы. Можно было поднять автономии до уровня союзных республик, увеличивая количество союзных республик, можно

было создавать федерацию федераций, то есть федерировать Украину и Белоруссию. Этот второй вариант Сталин не называет, зато обсуждает тему «русской республики», склоняясь, что не нужно ее создавать. В дальнейшем Сталин пошел по первому пути — урезания России и увеличения количества республик. Но мы не знаем пока, насколько это был результат долгосрочной стратегии или ситуативных решений.

А. С.: Иногда можно услышать мнение о том, что образование СССР на просторах распавшейся Российской империи в конце 1922 г. стало своего рода миной замедленного действия, и последствия этой реорганизации постимперского пространства проявились и в 1991 г. при распаде СССР, проявляются и в наши дни. Как Вы относитесь к такой постановке вопроса с учетом реально имевшихся в 1922 г. альтернатив?

А. Ш.: Такой подход неисторичен. В 1922 г. была создана модель, которая эффективно подморозила возникшие до этого острые межнациональные конфликты. Сами эти конфликты были неизбежным результатом перехода от традиционного аграрного общества к индустриальному городскому. Этот переход, известный как модернизация, с неизбежностью ведет к нацистроительству на территориях со смешанным населением, а значит — к столкновениям национальных проектов. Модель СССР не только заморозила это столкновение, но и перенаправила векторы национальных стремлений на общую модернизацию, обеспечила вовлечение в нее широких масс русского населения, помогла сплоче-

нию советских граждан перед лицом внешних вызовов, включая Великую Отечественную войну. Постепенно происходило формирование наднациональной общности «советский народ», «советского человека», аналогичного понятию «американец». Модель СССР оказалась оптимальной для задач индустриальной модернизации. В этом секрет ее успехов и ее краха. Когда задача индустриально-урбанистического перехода была решена, большинство советских людей стало горожанами, при чем в значительной массе — горожанами во втором поколении — изменились запросы населения, их представления о должных отношениях между народами, между человеком и государством, центром и регионами. Такая смена социально-культурной ситуации и задач общества требовала пересмотра и национально-государственных форм. Поиск новых

форм сосуществования народов на пространстве плюс-минус бывшей Российской империи был неизбежен, происходил и закончился неудачей. Это касается не только распада СССР, к которому можно относиться по-разному, но и дальнейшей истории новых независимых государств, не сумевших избежать возвращения к кровавым территориальным конфликтам в эпоху, когда возникли новые возможности для сосуществования на одной территории представителей самых разных культур. Общение людей становится все более глобальным и экстерриториальным. В этом отношении неудача трансформации СССР в новый союз привела к сползанию наших народов в прошлое, предшествующее образованию СССР. Разворот истории к будущему — процесс непростой и вероятно требующий поиска новых наднациональных форм, адекватных XXI веку.

А. В. Шубин

ГОРБАЧЕВ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В кратком эссе, написанном сразу после смерти М. С. Горбачева, автор рассматривает перспективы исторических исследований и трактовок, посвященных этой личности.

Ключевые слова: Горбачев, Перестройка, биография.

Сведения об авторе: Шубин Александр Владленович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор РГГУ и ГАУГН.

Контактная информация: historian905@gmail.com.

A. V. Shubin

GORBACHEV AS A HISTORIOGRAPHIC PROBLEM

In a short essay written immediately after the death of Mikhail Gorbachev, the author examines the prospects of historical research and interpretations devoted to this personality.

Keywords: Gorbachev, Perestroika, biography.

About the author: Alexander Vladlenovich Shubin — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences.

Contact information: historian905@gmail.com.

Ну вот теперь можно будет написать его полную биографию.

Материал в основном готов, но полная биография предполагает дату смерти. Теперь она есть. О нем уже написаны тысячи страниц в академических трудах, в том числе и мной. Но в большинстве случаев Горба-

чев — повод поговорить об идеологии того, кто о нем пишет. Горбачев — «неправильный» либерал, слабый царь, злодей-разрушитель, трепливый Манилов, недоделанный социал-демократ... Классические образы, которые уже давно существовали до него и придут вовеки в историко-идеологическом спектре. Сегодня

© А. В. Шубин, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-130-000

востребованы простые штампованные ответы на сложные вопросы. Но только спокойная и рациональная биография Горбачева позволит извлечь из его истории действительно полезный для будущего опыт.

Я не против того, чтобы помещать Горбачева в тот или иной идеологический контекст. Но это должна быть личность Горбачева, а не светлый (темный) образ его. Важно понять, каково его место в эпохе Перестройки, которая часто с ним отождествляется, но которая гораздо больше его. И каково место самой эпохи в развитии страны и мира. То, что кончилось катастрофой и откатом назад, может трактоваться и как вершина, с которой мы скатились.

При этом роль Горбачева, на мой взгляд, часто преувеличивается. Он не творец всего, что произошло после 1985 г., а один из участников этой драмы. Он — «в главных ролях», но этих ролей много.

Пока он был у власти, я был его политическим противником. Как историк, я чаще выступаю в роли его адвоката, но от некоторых его соратников слышал упреки за излишнюю критику в его адрес. В конечном итоге в науке все определяет полнота и рациональность анализа источников. Суд истории — не трибунал, который вершится с целью осуждения или оправдания подсудимого. Историк должен выяснять, как было дело, его задача — реконструкция реального опыта людей, а не раздача оценок.

Людям, ругающим Горбачев почему-то, я обычно предлагаю рассказать, что бы они делали на его месте.

Обычно ответы являются шаблонными — от Горбачева требуют либо того, что он и так делал (люди уже забыли и в деталях политики Перестройки), либо требуют так завинтить гайки, что это вызвало бы на мой взгляд катастрофу с голодом и гражданской войной. То, что сделал и не сделал Горбачев, нужно расценивать с учетом сложности задачи, и всякий другой подход характеризует скорее говорящего, чем самого Михаила Сергеевича. В то же время идеализация Горбачева ведет к предательству его дела. Ведь если он сделал все, что возможно — и результат такой печальный, то больше не следует прорываться к обществу, сочетающему справедливость и свободу. А судя по тому, что мы видим вокруг — еще как следует. Но новую Перестройку нужно делать с учетом и ошибок, и богатого опыта Перестройки — опыта не только Горбачева, а всего общества. Первая Перестройка напоминает мне первые самолеты — хрупкие этажерки без опыта посадки. Да, они разбивались. Но сегодня мы летаем на куда более надежных самолетах.

Я встречался с ним раза три, и мои впечатления не перевернули представление об этой фигуре, а стали кусочками мозаики, которые легли в общую картину. Какие-то сюжеты его жизни я знал лучше, чем он сам — ведь человек в преклонном возрасте уже не помнит много из того, что отложилось в архивах.

В этом году у моих знакомых появилась возможность взять у него интервью. Было понятно, что это будет последнее интервью, и я попросил задать ему среди прочих еще один

развернутый вопрос: «После отставки Вы неоднократно выражали уверенность в том, что эпоха Горбачева только начинается, что развертывание конструктивного потенциала Перестройки продолжается. Можно ли сказать, что за прошедшие 30 лет мир и постсоветское пространство продвинулось вперед по этому пути Перестройки? И если да, то в чем это выразилось? На что бы Вы еще обратили внимание политиков мира, чтобы продвинуть вперед дело мира, социального и гуманитарного прогресса?» Мне хотелось услышать ответ, с которым я вероятно не буду согласен, но который характеризует его представление об итогах. Интервью не состоялось. Может быть и хорошо. На пороге вечности человеку может быть не до умствований. На

вопросы о значении Горбачева, эпохи Перестройки и ее участников, о ее долгосрочных последствиях и смысле прогресса — остаются следующим поколениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Шубин 2005 — Шубин А. В. Парадоксы Перестройки: упущенный шанс СССР. М.: Вече, 2005.

Шубин 2006 — Шубин А. В. Преданная демократия. Неформалы и Перестройка. 1986–1989. М.: Европа, 2006.

REFERENCES

Shubin A. V. *Paradoksy Perestrojki: upushchennyj shans SSSR*. M.: Veche, 2005.

Shubin A. V. *Predannaya demokratiya. Neformaly i Perestrojka*. 1986–1989. M.: Evropa, 2006.

А. С. Стыкалин

ИСПОВЕДЬ ЧЕЛОВЕКА СВОЕГО ПОКОЛЕНИЯ. КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИИ XX ВЕКА В ВОСПОМИНАНИЯХ ЧЕШСКОГО ИСТОРИКА МИЛОША ГАЕКА

Рец.: Гаек Милош. Воспоминания о чешских левых. М.–СПб, Нестор-История, 2019. 488 стр.
Отв. редактор и автор послесловия д.и.н. Г. П. Мурашко, перевод с чешского д.филол.н.
Г. П. Нецименко

Чешский историк Милош Гаек прожил долгую жизнь, став непосредственным свидетелем и участником многих значительных событий XX века. Как участник антифашистского сопротивления, он был узником пражской тюрьмы в период немецкой оккупации. Став после войны активным сторонником компартии, он относился в 1960-е годы к кругу коммунистов-реформаторов, много сделавших для идейной подготовки Пражской весны 1968 г. Выгнанный из научной и общественной жизни в 1970-е годы, он примкнул к правозащитному движению. В его мемуарах находят отражение все ключевые события чешской истории новейшего времени, начиная от Мюнхенского соглашения 1938 г., приведшего к распаду Чехословакии, и кончая «бархатной революцией» ноября 1989 г.

Ключевые слова: Чехословакия, Мюнхенское соглашение 1938 г., Вторая мировая война, антинацистское сопротивление, коммунистический режим в Чехословакии, Пражская весна 1968 г., вторжение в Чехословакию в августе 1968 г., правозащитное движение в социалистических странах, бархатная революция 1989 г.

Сведения об авторе: Стыкалин Александр Сергеевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

Контактная информация: zhurslav@gmail.com

A. S. Stykalin

CONFESSION OF A MAN OF HIS GENERATION. KEY EVENTS OF THE CZECHOSLOVAK HISTORY OF THE 20TH CENTURY IN THE MEMOIRS OF THE CZECH HISTORIAN MILOŠ HÁJEK.

Rev.: Gaek Milosh. Vospominaniya o cheshskikh levykh. M.-SPb, Nestor-Istoriya, 2019. 488 str. Otv. redaktor i avtor poslesloviya d.i.n. G. P. Murashko, perevod s cheshskogo d.filol.n. G. P. Neshchimenko

The Czech historian Miloš Hájek lived a long life, he was a direct witness and participant in many significant events of the 20th century. As a member of the anti-Nazi resistance, he was a prisoner in a Prague prison during the German occupation. Becoming an active supporter of the Communist Party after the War, in the 1960s he belonged to the circle of communist reformers who did a lot for the ideological preparation of the Prague Spring of 1968. Forced out of academic and public life in the 1970s, he joined the human rights movement. His memoirs reflect all the key events of modern Czech history, starting from the Munich Agreement of 1938, which led to the collapse of Czechoslovakia, and ending with the Velvet Revolution of November 1989.

Key words: Czechoslovakia, Munich Agreement 1938, World War II, anti-Nazi resistance, communist regime in Czechoslovakia, Prague Spring 1968, invasion of Czechoslovakia in August 1968, human rights movement in socialist countries, velvet revolution 1989.

About the author: Stykalin Alexandr, Cand.in History, Coordinating researcher, Institute of Slavic Studies, RAS

Contact information: zhurslav@gmail.com

Чешский историк Милош Гаек (1921–2016), специалист по истории Коминтерна и мирового коммунистического движения, издал в год своего 90-летия книгу мемуаров, которая со временем стала достоянием и русскоязычного читателя, представив перипетии жизненного пути человека, ставшего свидетелем и непосредственным участником многих ключевых событий в истории своей нации в XX веке. Участник подпольного антифашистского сопротивления, он 8 месяцев пробыл в пражских застенках гестапо, последние полтора из которых в ожидании приведения в исполнение вынесенного смертного приговора, и оказался на свободе в начале мая

1945 г., в дни освобождения Праги. Активист компартии, участник февральских событий 1948 г. (коммунистического путча, в конечном счете приведшего к установлению жёсткой сталинистской диктатуры), он приходит к определенному переосмыслению своих идеалов под влиянием XX съезда КПСС и разоблачения политической практики Сталина. Будучи преподавателем высшей партийной школы, затем сотрудником и недолгое время (уже на самом излете событий Пражской весны) директором академического института, он включился в 1960-е годы в движение за реформы, в 1968 г. был близок к команде А. Дубчека, входил в круг авторов программной речи, с кото-

рой тот в качестве первого секретаря ЦК КПЧ должен был выступить на созываемом чрезвычайном съезде партии. Съезд, как известно, состоялся уже после интервенции 21 августа, в полулегальных условиях на одном из крупных пражских заводов — при полной поддержке рабочих, но без Дубчека, силой депортированного в Москву. М. Гаек принимал самое непосредственное и активное участие в подготовке этого так называемого «высочанского» съезда.

Разделив судьбу многих своих единомышленников-реформаторов, деятелей Пражской весны, он был исключен из партии с началом «нормализации». Живя на пенсию участника антифашистского сопротивления и узника концлагеря, он продолжал работать как историк, публикуя свои работы на Западе. А во второй половине 1970-х годов включился в правозащитное диссидентское движение, активизировавшееся после Хельсинкского совещания 1975 г., был в числе подписантов знаменитой Хартии-77, а в конце 1980-х годов ее спикером (т.е. лицом, публично выступающим от имени этого диссидентского сообщества). Будучи довольно видной фигурой оппозиционного движения, неоднократно арестовывался. Причем, и став в период «нормализации» оппозиционером и изгоем официальной политической жизни, М. Гаек не изменил своим довольно левым, реформ-коммунистическим убеждениям, а в 1989 г. явился одним из инициаторов и лидеров движения «Возрождение», в идейном плане близкого левой социал-демократии. Активное, хотя и не слишком успешное участие во внутривнутриполитической жизни первых

месяцев после «бархатной революции» ноября 1989 г. стало заключительным аккордом в его политической деятельности. Чешское общество жило уже отнюдь не идеалами Пражской весны, столь дорогими сердцу Милоша Гаека, и рассчитывать на продолжение политической карьеры, тем более в столь зрелом возрасте, ему было затруднительно.

Со страниц книги предстают подпольное движение чешского сопротивления, пребывание Гаека в тюрьме в ожидании смертного приговора, даются яркие картины мая 1945 и февраля 1948 года, описываются реакция в Чехословакии на смерть Сталина и XX съезд КПСС, деятельность комиссии по реабилитации. Сквозь призму восприятия непосредственного участника пропущены события, предшествовавшие 21 августа 1968 г., как и последовавшие за подавлением Пражской весны. В последних главах работы дается подробная хроника «бархатной революции» ноября 1989 г.

Созданный мемуаристом образ мариариковской Чехословакии, зачехленную идеализируемой в литературе, включает описание социальных контрастов в этой относительно благополучной по меркам межвоенной Европы стране, хотя и получившей сильный удар по экономике вследствие кризиса начала 1930-х годов. Это делает понятнее тяготение значительной части интеллигенции к левым идеям. Но и преувеличивать влияние компартии применительно к середине 1930-х годов не стоит. По свидетельству М. Гаека, позиционирование себя коммунистом в среде гимназистов старших классов

выглядело настолько одиозным, как всё равно что называть себя мусульманином — настолько инородным телом они воспринимались в этой среде. Ситуация лишь до некоторой степени изменилась с установлением в 1935 г. союзнических отношений между СССР и Чехословакией — в Советском Союзе в это время стали видеть определенный противовес наступавшему гитлеризму и волна антибольшевистских настроений стала ослабевать. Немалый интерес в среде интеллигенции проявлялся к советской культуре. Но сообщения о состоявшихся в последующие годы открытых судебных процессах над видными деятелями компартии многих шокировали, вызывали сомнения в правоте советского пути и ставили много вопросов, на которые не находилось ответов. С одной стороны, троцкизм воспринимался в тех условиях как одно из проявлений вредного левачества, препятствующего созданию единого фронта антифашистских сил, с другой — потрясали сами методы борьбы с политическими оппонентами, практиковавшиеся в СССР, использование их в масариковской Чехословакии не могло присниться в самом страшном сне (должны были пройти долгие, полные испытаний годы, чтобы собственный, чехословацкий процесс по делу Сланского не вызвал у Гаека большого шока).

Между тем, в самой Чехословакии с середины 1930-х годов усилились внутренние вызовы. Детство и юность М. Гаека, сына директора школы, прошли в атмосфере толерантности — до мюнхенского кризиса осени 1938 г. он никогда и не слышал в своем окружении о том, что немцев надо прогнать

или ассимилировать. Однако успехи фольксдойче, партии К. Генлейна на выборах 1935 г. были настолько масштабны, что многих потрясли еще и в силу своей неожиданности.

Культ Тамаша Масарика в межвоенной Чехословакии не знал границ: в школе, вспоминает Гаек, все учителя настолько почитали первого президента республики, что разница между ними в чем-то другом не очень-то и улавливалась. Портреты Масарика висели во многих домах, заменяя иконы, и это не казалось противоестественным в обществе, где церковь играла весьма скромную роль — католицизм (а к католическому исповеданию принадлежало большинство чехов) связывался с Веной, Габсбургами и традиционно воспринимался как антинациональная сила. Вера в прочность масариковского госпроекта сочеталась с верой в помощь союзников. Летом 1938 г., хотя воздух уже был полон предчувствий войны, «никому и в голову не приходило, что мы можем в этой войне проиграть. Мы были уверены в том, что наши оборонительные сооружения превосходны и что даже мышь не прошмыгнет через них незамеченной» (с. 30). Мало было сомнений и в том, что Франция, да и СССР смогут оказать Чехословакии необходимую помощь. Так что война, которая могла начаться в любую минуту, ожидалась как непременно победоносная: «Мы были убеждены в том, что Гитлер сломает о нас зубы» (с. 34), тем более что и в самой Германии предвиделись антинацистские выступления.

Так что в роковой сентябрь 1938 г. Гаек вступал полный оптимизма,

а известие о предательстве Франции казалось очень сомнительным — ведь Франция воспринималась как гарант Версальской системы, легитимировавшей чехословацкую государственность, а великие достижения французской культуры служили ориентиром для чешской интеллигенции в ее стремлении преодолеть односторонность немецкого культурного влияния. Однако пришлось принять к сведению горькую правду: в день св. Вацлава 28 сентября, проронив одну слезинку у радиоприемника, зачитавшего мюнхенское соглашение, Гаек воскликнул: «Когда немецкие бомбы буду падать на Париж, жалеть французов я не буду» (с. 38–40). У тех из его молодых соотечественников, кто придерживался социал-демократических убеждений, разрушилась и вера во Второй Интернационал. Когда-то существовало убеждение, что «он представляет собой подлинную силу». Позиция же французских и не только французских социалистов в связи с Мюнхеном показала, что это совсем не так (с. 42). Утрата веры в благородство Франции сопровождалась разочарованием в современной западной демократии как таковой, что со временем усилило восприимчивость М. Гаека (как и многих чехов его поколения) к коммунистической доктрине и советской модели. Впрочем, осенью 1938 г. надеждам на советскую помощь также не суждено было сбыться. «Что же делать, если и Россия нас предала» — воспроизводит Гаек настроения людей своего окружения (с. 39). «Мюнхен» стал шоком не только из-за предательства западных демократий. Был нанесен сильнейший удар по вере в возможность самого сохранения чехословацкой

независимости: «перспектива войны, в которой ось Берлин-Рим будет уничтожена англо-франко-советской коалицией, меня мало привлекала. Я опасался, что для Чехословакии это рано или поздно снова обернется чем-то подобным Мюнхену» (с. 44). Вообще развитие событий после Мюнхена с резким сдвигом вправо воспринималось как «погружение в трясину» на непредсказуемую глубину — одним из явных свидетельств перемен стало быстрое исчезновение портретов Э. Бенеша со стен госучреждений. Полный крах чехословацкой государственности стал делом считанных месяцев. Пытаясь найти объяснения происходившему и ответы на мучившие вопросы, чехословацкая молодежь обращалась и к официозным советским трактовкам. Причем, по признанию Гаека, определенное объяснение предательства Франции, причем в то время его удовлетворившее, он почерпнул в «Вопросах ленинизма» Сталина (с. 92).

После Мюнхена, вспоминает Гаек, пришлось окунуться в такую мерзость, на фоне которой уже и сталинские процессы не казались чем-то злободневным и экстраординарным. Заметно полевеяв в своих настроениях, он все же пока еще не стал коммунистом по убеждению. Не привлекало сектантство: в этих кругах, с которыми он все чаще соприкасался через знакомых молодых людей, любой человек, который выражал сомнения в правоте советской политики, становился изгоем. Когда Гаек послал в редакцию молодежного коммунистического издания письмо, в котором выразил сомнение по поводу целесообразности публикации

только не критических материалов об СССР, — там долго пытались определить, дурак он или все же идейный троцкист (с. 36). Не нравилось и то, что в коммунистической прессе по сути ставили на одну доску германский и британский империализм. Разочарованию в СССР способствовала и зимняя советско-финская война: было очевидно, что страна Советов выступила в роли агрессора.

Лично Милоша Гаека, еще отнюдь не прикипевшего к коммунистическому движению, сообщение о заключении 23 августа 1939 г. германо-советского пакта не слишком травмировало, хотя многие люди из его окружения были сильно разочарованы. Его недоверие к Британии и Франции было настолько велико, что он с некоторым пониманием воспринял настороженное отношение СССР к этим странам и даже сам пакт о ненападении с Германией. Вообще, когда стало очевидным, что Польша перестала идти на уступки Гитлеру, в обществе усилились ожидания новой большой войны. Не сомневаясь в военном превосходстве Германии, общественное мнение все же рассчитывало на способность Польши к более длительному сопротивлению. О секретных протоколах не знали, но уже само продвижение Красной Армии на Запад в условиях сентября 1939 г. было воспринято многими чехами как свинство при всей нелюбви к соседней Польше, поживившейся осенью 1938 г. за счет Чехословакии. Правда, в некоторых левых кругах, издавна симпатизировавших стране Советов, сдвиг границ СССР на Запад вызвал робкие надежды. Если бы в результате нового сговора и передела Средней

Европы немцы отдали бы вдруг Чехию русским, получив взамен что-то другое — это воспринималось как не худший вариант в сравнении с германской оккупацией.

Осенью 1939 г. Прагу охватили студенческие волнения. Гаек не только участвовал в демонстрациях, но и впервые занимался распространением антигитлеровских листовок. Пронацистские власти протектората Богемии и Моравии приостановили деятельность всех высших учебных заведений — на три года, но никто не хотел верить, что придется ждать три года: «мы твердо верили в то, что война закончится через год-два, причем, разумеется, поражением Германии. Затишье на фронте нас особенно не беспокоило — ведь линия Мажино была неприступной» (с. 47). Даже вторжение «Третьего рейха» в Голландию и Бельгию было воспринято с некоторым оптимизмом: ход событий ускоряется и победа будет за нами (с. 48). Однако быстро пришлось разочароваться. Одним из худших в своей жизни М. Гаек называет тот день, когда он увидел в июне 1940 г. в центре Праги газету с информацией на всю полосу: «Франция капитулирует». «Вплоть до падения Франции я был убежден в том, что война не продлится более двух лет» (с. 55), однако теперь в эти ожидания приходилось вносить существенные коррективы.

Однако надежда умирает последней. Вскоре после капитуляции Франции Э. Бенеш выступил по радио из Лондона с речью, вдохнувшей искорку надежды, которую люди возлагали теперь на Англию: «Известие о каждом сбитом немецком самолете

те встречалось с восторгом» (с. 50). Между тем, вслед за капитуляцией Франции последовали события в Восточной Европе. «Присоединение Бессарабии, Северной Буковины и прибалтийских республик к Советскому Союзу воспринималось либо с симпатией (это направлено против Германии), либо с безразличием» (с.50).

Начались гонения на евреев. С другой стороны, одним из совершенно неожиданных прозрений, заставивших всерьез задуматься над тем, сколь нелегко бороться с нацизмом, явились сообщения о мерах, принятых гитлеровскими властями в целях повышения уровня жизни рабочих в Судетах. «Ранее мне казалось, что при фашистском режиме положение рабочих непременно должно быть хуже, чем при демократии», но получалось, что это не всегда так — при всей мерзопакостности фашизма (с.42). И тут уже вступал в действие фактор патриотизма, решающим оказывалось стремление к сохранению национальной идентичности, языка, культуры перед лицом угрожающего самим основам национального бытия мощнейшего германского вызова. В мемуарах М. Гаека нашли отражение описания ярких событий чешской культурной жизни конца 1930-х годов — попытки театральных режиссеров, художников, музыкантов поддержать в тяжелых условиях национальную культуру. Причем по мере полевения общественных настроений это получало все больший отклик. С другой стороны, довольно велик был, по его свидетельству, и интерес к советской культуре, причем иногда попадали в руки произведения репрессирован-

ных в СССР писателей, например, «Конармия» Бабеля. Споры о сути советской системы не прекращались в среде интеллигентной молодежи. Нашумевшая книга Андре Жида о поездке в СССР живо обсуждалась, вспоминает Гаек, даже летом 1942 г., под оккупацией (с. 92).

Между тем, развитие событий вносило свои коррективы в восприятие происходившего. То, что именно коммунистов нацисты считали своими главными врагами, было очевидно с самого начала, даже сам военно-политический блок, создаваемый Гитлером, получил название Антикоммунистический пакт. Но со временем становилось все более очевидным и то, что КПЧ «оказалась единственной политической партией, которая не прекратила своего существования, невзирая на оккупацию, на многочисленные жертвы. Неприятие некоторых положений в статьях “Руде право” не могло уменьшить чувство огромного уважения к людям, которые не боялись издавать нелегальную прессу» (с. 58). Именно тот факт, что КПЧ продолжала функционировать, даже находясь на нелегальном положении, производил сильное впечатление, притягивал, способствовал сближению Гаека и некоторых людей из его окружения с компартией как силой, способной проявить активность на деле. Даже тех, кто раньше боялся большевиков, именно Гитлер научил их больше не бояться, замечает мемуарист (с. 95–96). С лета же 1941 г., продолжает Гаек, «меня привлекал к коммунизму своими действиями Советский Союз. Жертвенность и героизм красноармейцев и партизан удивляли весь мир» (с. 434). Это производило тем более

сильное впечатление, что в отношении возможностей Красной Армии были основания испытывать определенный скептицизм: «после опыта успешной молниеносной войны Германии на Западе я уже не верил в то, что Красная армия сможет ее одолеть» (с.64). Советско-финляндская война тоже не была демонстрацией мощи Красной армии. И все-таки оказались правы те, кто «верил в то, что уж на этот-то раз Гитлер получит по зубам». Уже отступление вермахта от Москвы дало повод для более оптимистических ожиданий. Интересно, что на фоне усиления симпатий к СССР меняется отношение и к масариковскому госпроекту — межвоенной чехословацкой республике. Мемуарист приводит в качестве примера случай, когда на подпольном собрании, посвященном 25-летию октябрьской революции в России, собравшиеся отказались петь чехословацкий гимн. Огромная жажда информации о положении дел на восточном фронте заставляла пристрастно прислушиваться к радиоприемникам в поисках вещания из Москвы, и это удавалось при всем низком качестве звука. Многие принимались на веру. Так, большинство людей в его окружении были уверены в том, что преступление в Катыни, о котором они узнали из заявления главы польского эмигрантского правительства В. Сикорского, совершили немцы. Причем звучали и высказывания типа: «после Тешина (т.е. оккупации осенью 1938 г. Тешинской Силезии — А.С.) поляков совсем не жалко» (с. 106). Принимались на веру и легенды о существовании в Германии сильного коммунистического подполья, его масштабы явно преувеличивались. Но даже тогда, когда

возникали сомнения в верности тех или иных утверждений пропаганды, шедшей из СССР, сама идеология советского режима привлекала уже тем, что казалась резко контрастирующей с ненавистной нацистской, и должны были пройти многие, насыщенные новым историческим опытом десятилетия, пока Гаек, по его собственному признанию, не сумел разглядеть за вывеской интернационализма националистический характер «русской политики» (с.434). Описывая настроения в чешском обществе времен оккупации, Гаек замечает, что заниматься антинацистской пропагандой было делом вообще бессмысленным: люди и так бешено ненавидят фашистов, лучше дайте в руки оружие (!) или предложите иной эффективный способ действия против оккупационной власти (многие понимали, что при чешских природных условиях было невозможно организовать партизанское движение как в Югославии, на некоторых землях СССР или даже у ближайших соседей, в горах Словакии, а потому более эффективной мерой казался саботаж). О методах борьбы и тактике можно было спорить, однако за все последующие десятилетия Гаек не встречал участников антинацистского подполья, которые позже считали бессмысленной свою деятельность времен войны и сожалели бы о ней, при всем осознании реального масштаба угроз (с. 143).

Арестованный в 1944 году, М. Гаек находился в заключении вплоть до мая 1945 г., встретив в ожидании казни последние дни «Третьего рейха» и оккупации Чехии и избежав ее только благодаря освобождению Праги Красной армией. Описание

этих месяцев относится к самым ярким страницам книги. «Ужас казни все время висел в воздухе. Он достиг своего апогея в пятницу, к двум часам, когда наше ожидание зашкаливало. Наступала такая тишина, что можно было бы услышать падающую иголку. С боем часов хлопала дверь, раздавалось “Хайль Гитлер!” Это означало, что пришел государственный обвинитель. Если после этого наступала пятиминутная тишина, мы могли вздохнуть спокойнее: пережит еще один день. Однако чаще всего слышен был скрежет дверного замка. Дверь камеры распахивалась, и это значило: пришли за одним из нас, и через час начнутся казни» (с. 151). Особенно трудно было смириться с тем, что придется умереть за считанные дни до окончания войны. Имея в камере клочки бумаги и карандаш, Гаек записал, что даже нынешнее положение не сделало из него врага немецкого народа и шовиниста (с. 154; с этим перекликаются и его последующие упоминания о случаях кровавого самосуда над мирным немецким населением в начале лета 1945 г.). Резюмируя свои описания этого периода жизни, он пишет: «Я узнал на собственной шкуре, что такое бесчеловечность нацизма. Узнал я и то, насколько убогими и ничтожными могут оказаться маленькие людишки, попавшие в трудное положение. Но вместе с тем я имел счастье познать и тепло солидарности людей, которые в подобной ситуации не дрогнули, проявили волю и характер» (с. 162).

День полного освобождения Чехии от нацизма будущий историк воспринял не только как общую победу мирового сообщества над нацизмом,

но и как один из самых счастливых дней собственной жизни. Описания его общения в Праге 1945 г. с русскими солдатами контрастируют с позднейшими впечатлениями — от прихода в Прагу в 1968 г. теперь уже непрошенных «освободителей».

М. Гаек описывает то ощущение радости, которое в мае 1945 г. охватывало его и друзей-единомышленников при чтении Кошицкой программы далеко идущих социальных реформ, а также левых газет. Пафос денацификации был настолько силен, вспоминает он, что иногда в те дни возникало ощущение, что вся Европа вскоре станет социалистической. Но различие между привычной атмосферой, характерной для подпольной группы, с одной стороны, и массовой партией, с другой, «было поистине огромным и очевидным. Нам нужно было к этому постепенно привыкать» (с. 176).

На левом фланге с первых недель ощущалась потребность в новой элите, способной управлять страной с учетом опыта Мюнхена и 6-летней войны. А этот опыт, пишет Гаек, наглядно показывал, сколько образованных и прогрессивных, демократичных людей не оправдало возлагавшихся на них надежд, но с другой стороны, люди, часто не обладавшие теми же видимыми качествами, выдержали испытание на прочность. Компартия, куда сразу вступил и М. Гаек, с каждым месяцем численно росла, но в узком кругу его единомышленников, бывших подпольщиков (особенно испытывавших заключение), настоящими коммунистами и антифашистами считали не всех, а только тех, кто доказал

в реальности свою готовность к самопожертвованию. Впрочем, и подпольное коммунистическое движение привлекало к себе очень разных людей. Так, Антонин Новотный провел 4 года в Маутхаузене, что само по себе вызывало уважение. Держался будущий генеральный секретарь ЦК КПЧ в первые послевоенные годы довольно скромно, но при этом «весь был какой-то невыразительный», уже тогда было ясно, что его способностей не хватало для выполнения лидерских функций (с. 187). Несравнимо более яркой фигурой был Франтишек Кригель, в будущем один из духовных вождей Пражской весны. Он выделялся твердым характером, демократизмом в общении и прежде всего очень высоким интеллектом. Высококвалифицированный врач, участвовавший в этом качестве в гражданской войне в Испании, войне Китая с Японией, а позже, в начале 1960-гг. выступавший советником Фиделя Кастро в области здравоохранения, Кригель менее других цеплялся за самоцельную, профессиональную политику, когда не находил в ней себе места.

Силой, которой поклонялись, был победоносный сталинский Советский Союз, и идейно-политическое воспитание той генерации чешских и словацких коммунистов, к которой принадлежал Гаек, проходило в духе не просто коммунистической, но именно сталинской идеологии. «Мы все были сталинистами до мозга костей» (с. 193), замечает историк, однако в рамках этого застывшего шаблона многие люди сумели сохранить свое лицо, даже лицо политическое. Ведь это была генерация, выросшая в масариковской Чехосло-

вакии и что-то сохранившая в себе от тех демократических традиций, что иногда давало о себе знать. Сам Гаек был последовательным приверженцем традиций единого Народного фронта с участием социал-демократов и других левых сил. Впрочем, по его собственному признанию, идея «народного фронта» была всего лишь тактическим инструментом, который легко можно было отбросить в сторону под влиянием новых событий во внутренней и внешней политике. Мирный переход к социализму отождествлялся отнюдь не с сохранением политического плюрализма, а только с менее болезненным захватом коммунистами всей полноты власти в стране (как это, собственно говоря, и произошло в Чехословакии в феврале 1948 г.). Соответственно, когда социал-демократы делали прозападный выбор, это в его глазах подрывало почву под идеей межпартийного союза.

В мемуарах М. Гаека передана неповторимая атмосфера февраля 1948 г., не просто прокоммунистического путча, но такого, за которым реально стояла широкая общественная поддержка. В своем стремлении легитимировать сделанный политический выбор не в последнюю очередь в собственных глазах, молодые коммунисты, как это принято, не просто апеллировали к традиции, но пытались рядиться в «одежды» прежних революций, проводили параллели с Россией 1917 года. Радость от одержанной победы внушала оптимизм. Но было и иное чувство: «победу мы одержали, теперь нас ждут будни пятилеток». Известно, что почти все коммунисты-реформаторы 1968 года, активисты Пражской весны с ее

идеалами более гуманного социализма, в феврале 1948 г. безоговорочно поддержали коммунистический путч и лишь со временем пришли к переоценке тех событий. Причем многие из них и далее сохраняли убеждение в том, что пражский Февраль был не просто силовым захватом власти, а широким общественным движением, позволившем обойтись без внешнего вмешательства именно потому, что в нем самом был заложен мощный демократический потенциал. И показательно, как во время юбилейных торжеств в феврале 1968 г., куда съехались и главы «братских партий», возникла острота, связанная с различиями в трактовке тех событий. Для того чтобы избежать скандала в отношениях с Л. Брежневым, А. Дубчеку пришлось вносить коррективы в свой доклад, о предполагаемом содержании которого генсеку КПСС заблаговременно доложило советское посольство (с. 277). И еще через 20 лет, в конце 1980-х гг., Февраль 1948 г. продолжал оставаться «яблоком раздора» — прежде всего на левом фланге тех сил, которые выступали за коренные перемены. В начале 1988 г. при обсуждении в среде оппозиционеров социалистического толка проекта документа, приуроченного к 40-летию Февраля, возникли настолько глубокие разногласия, что в конце концов было решено обойти эту годовщину молчанием (с. 352).

Создание в феврале 1947 г. Коминформбюро было встречено молодыми коммунистами в окружении М. Гаека с оптимизмом. «Встречаясь в товарищеском кругу, мы критиковали Готвальда с левых позиций. Для нас образцом были Югославия

и Болгария. Если бы это зависело от нас, то мы бы провели “февраль” раньше. Период оккупации и фашизма и особенно потери многих близких людей девальвировали в нашем сознании ценность человеческой жизни» (с. 435). А отсюда был всего лишь шаг к формированию атмосферы кануна гражданской войны, проявившейся весной 1948 г. Между тем вскоре Гаеку пришлось напрямую столкнуться на практике с теми нечистоплотными методами, которые он, считая их в принципе неприемлемыми для коммунистического движения, ранее, до Февраля, мог списывать на тактику, неизбежную в условиях межпартийной борьбы, когда все партии в сущности применяют те же методы. Речь идет о масштабных фальсификациях, примененных на первых же парламентских выборах. «Я считал себя солдатом партии, готовым подчиниться ее любому, даже самому жесткому, решению, лишь бы завоевать и сохранить власть, которую считал народной. Но меня возмутило то, что нас самих, оказывается, обманывали на предвыборных собраниях, когда говорили о тайне выборов, и что мы не получали правдивую информацию», «я непрестанно задавал самому себе вопрос: какой будет судьба партии, если она действует такими методами?»; «я очень хотел, чтобы подобные “выборы” больше не повторялись. Я верил в светлое будущее, где не будет места для такого шутловства. Думаю, что и многие из моих коллег думали так же» (с. 194).

Впрочем, эти майские выборы были вскоре заслонены советско-югославским конфликтом. Сначала не хотелось верить в необратимость

конфликта, происходящее воспринимали как досадное недоразумение, ждали, что югославы примут критику и все уладится. Но вскоре любые сомнения были отброшены в пользу официально навязанной версии — о предательстве Тито и его команды. В качестве одного из важнейших аргументов, в соответствии с установками советской пропаганды, выдвигался тезис о преследованиях титовцами своих оппонентов, приверженцев линии Коминформа: «троцкизм, который до того момента являлся для меня более-менее академическим понятием, приобрел в моих глазах новый смысл: политика Тито — преследование коммунистов — троцкизм у власти» (с. 195). Мы стояли левее Готвальда, вспоминает М. Гаек, поскольку не соглашались с его публичными высказываниями времен нашумевшего осенью 1949 г. венгерского процесса по делу Райка. Готвальд заверял тогда, что в Чехословакии подобное невозможно: ведь партия с самого начала действовала легально, что уберегало ее от проникновения агентов полиции. Радикально настроенная партийная молодежь с этим спорила и когда осенью 1951 г. в самой Чехословакии началась раскрутка дела Сланского, это было воспринято как подтверждение собственной правоты. Более того, снизу стали звучать призывы к наказанию еще до того, как были даны команды сверху.

Поведение диктовалось безоглядой верой в то, что компартия — гарант необратимости преобразований, и что воплощенный социализм способен устранить любое зло. Всех выступавших против компартии, вспоминает М. Гаек, мы однозначно

воспринимали как врагов, а титовцы в наших глазах постепенно стали ассоциироваться с фашистами. Мы не скрывали своей радости, продолжает он, при наблюдении над судебными процессами в других странах Восточной Европы, когда удавалось «обезвредить» тех, кого мы считали титовской агентурой. «В период, когда сталинизм достиг своей кульминации, я стал глубоко убежденным, фанатичным солдатом армии добровольцев, солдатом, который хочет бороться как можно лучше. Такой солдат внимательно следит за вражескими позициями и испытывает радость, если может уничтожить врага. Непорядки в рядах собственной армии только усиливали жажду победы, которая, по нашему убеждению, должна была решить все проблемы» (с. 435). При этом его работа партаппаратчика и оторванность от происходившего в реальной жизни лишь усиливали сектантство.

В период подготовки процесса по делу Сланского М. Гаек и его единомышленники стали свидетелями политических преследований в самой Чехословакии. Конечно, судебные процессы с вынесением на них смертных приговоров не доставляли радости, но приходилось убеждать себя в том, что это печальная неизбежность. Грань между ошибками и вредительством в их искаженном восприятии к этому времени совершенно стерлась. «Все смертные приговоры и убийства я воспринимал как трагедию гражданской войны. Мое понимание права и законности было в это время якобинским»: в конце концов, «если я бескомпромиссен с самим собой, то почему я должен идти на компромиссы

с другими» (с. 198–199). Причем по мере выявления новых и новых внутренних врагов усиливалась вера в партию, которая воспринималась как некая священная инстанция. Конечно, иногда закрадывались сомнения. Но в таких случаях вступала в действие элементарная логика: «Если преступником не был Сланский или, скажем, Тито, то тогда преступниками должны были оказаться Сталин и Готвальд. Такая правда коммунистам, убежденным в правоте своих идей, не могла привидеться и в страшном сне» (с.203).

Размышляя через более чем полувека, на склоне лет, над атмосферой тех лет, М. Гаек обращает внимание как на самое страшное веяние времени на то, что все средства пропаганды воспитывали в народе жажду крови. Процесс Сланского взвинтил подозрительность до ранее невиданной степени: как в СССР 1937 года, «многие изнемогали от нетерпения в ожидании следующих арестов» (с. 204). Среди слушателей партшколы, где Гаек преподавал, зачастую публично выражалось возмущение: почему некоторые из «предателей» все же избежали петли. Сам он воспринимал казни, по его словам, всегда болезненно и каждый раз, читая сообщения в газетах, надеялся, что новых не будет. Показателен еще один момент. Обилие евреев в числе осужденных по делу Сланского, как и антисоциалистическая направленность концепции суда демонстрировали присутствие сильной антисемитской составляющей. Сам Гаек старался отогнать от себя мысли об антисемитской подоплеке происходившего. Однако он не мог не видеть, что многие партийцы старались как раз, напротив, сделать

акцент на антисемитском содержании процесса и не скрывали радости от того, что был нанесен удар по «еврейскому засилью».

Смерть Сталина и Готвальда, почти одновременная, вызвала, как вспоминает М. Гаек, потрясение. Доминировало ощущение утраты стабильности. Его усилили июньские события в Восточной Германии: официальная пропагандистская версия о фашистском мятеже принималась за чистую монету. Посещение ГДР и общение с тамошними коммунистами лишь укрепили представление о том, что «товарищи из ГДР» находятся на переднем крае в борьбе с империализмом и западногерманским милитаризмом. А в 1954 г. М. Гаек впервые посетил в составе делегации СССР. Конфликт между ожиданиями и реальностью, возникший в сознании молодых чехов при первом посещении страны Советов, уже описывался и анализировался З. Млынаржем в известных мемуарах «Мороз ударил из Кремля». Гаеку тоже пришлось испытать своего рода культурный шок: первая страна социализма оказалась гораздо беднее, чем он ожидал. Приходилось убеждать себя в том, что отношение к СССР основывалось не на уровне жизни его граждан (откуда, в конце концов, он мог быть высоким в стране с тяжелым наследием царизма и испытывавшей к тому же столь масштабные военные разрушения?), а на благодарности за миллионы павших в борьбе с нацизмом. Все-таки члены делегации, побывавшей в СССР, обсуждая между собой впечатления, сошлись на том, сколь тупой и ограниченной была пропаганда преимуществ советской системы, создававшая образ далекий

от реальности, а значит способный вступить с этой реальностью в острый конфликт (с. 212).

Следующий, 1955 год прошел под знаком нормализации отношений стран формирующегося советского блока с титовской Югославией. Продолжая по инерции называть ее в своих лекциях в партшколе фашистским государством, М. Гаек вдруг на определенном этапе заметил, что уже со второй половины осени 1954 г. ее перестали ругать в пропаганде: очевидно, сказывались некие новые веяния, идущие из Москвы. Тогда это пока еще не восприняли как знак необратимых перемен. Но прозвучавшие из уст Н. С. Хрущева по приезду в Белград в конце мая 1955 г. слова «Дорогой товарищ Тито» ударили обухом по голове (с. 214). Возникли пока еще смутные ощущения, что началось преодоление какой-то аномалии в развитии и что разрыв должен быть устранен. Процесс этот воспринимался как встречное движение, ждали самокритики и со стороны югославов. Так в сознании Гаека началась духовная эволюция, которую через год ускорил XX съезд КПСС.

Ознакомление с содержанием закрытого доклада Хрущева, которое излагалось на партактивах Чехословакии довольно выборочно, создавало впечатление, что Сталин был не духовным лидером коммунистического движения, а восточным деспотом, и при всех попытках зацепиться за любую неясность, чтобы смягчить восприятие происходившего, потрясение было огромным. Ничуть не меньшим было потрясение, испытанное в момент, когда стало очевидным, что устранение Р. Сланско-

го было в сущности политическим убийством, санкционированным К. Готвальдом. И хотя реабилитации Сланского в 1956 г. еще не последовало, с этим делом было все настолько ясно, что М. Гаек снял портрет Готвальда со стены своего домашнего кабинета. Конечно, все устоявшиеся за долгие годы представления было невозможно отбросить одним махом. И при том, что правоверным сталинистом он быть перестал, процесс формирования новой системы взглядов происходил постепенно. Прежде всего изменилось отношение к партии: после XX съезда я стал антисталинистом, но оставался коммунистом. Однако мое отношение к партии изменилось: «она перестала быть для меня непогрешимой, не допускавшей ошибок, перестала сама по себе быть смыслом жизни. Она стала оружием, за которое нужно бороться. В эту борьбу я вступил незамедлительно и вел ее до тех пор, пока партия сама себя окончательно не похоронила» (с. 436).

М. Гаек воссоздает в мемуарах атмосферу весны 1956 г., вспоминает первое партийное собрание в высшей партшколе КПЧ, состоявшееся после XX съезда КПСС. Оно проходило бурно, высок был критический настрой: отстаивая свои позиции, люди набирались нового политического опыта. XX съезд КПСС поставил точку и на монолитном единстве КПЧ. Стали меняться взаимоотношения между людьми, почувствовавшими некоторый «вкус свободы». Хотя сверху была спущена установка продолжать хвалить на лекциях Сталина, доминировало ощущение того, что после раскрытых Хрущевым фактов теперь уже просто невозмож-

но вести идеологическую, пропагандистскую работу по-старому. Сам Гаек при всем критическом отношении к прежней политике, по собственному признанию, еще не утратил доверия к лидерам своей страны, считал их как бы «пленниками» Сталина, а в определенном смысле его жертвами. Предметом споров стало предложение о созыве чрезвычайного съезда партии. Пришлось столкнуться с сильным давлением. «Если нам не удастся вас переубедить, переведем на другое место работы» (с. 220), угрожал посетивший ВПШ главный идеолог режима И. Гендрих. Ледяным дыханием сталинизма веяло от выступлений другого члена политбюро, В. Копецкого, открыто разжигавшего неприязнь к интеллигенции.

Не менее взвинченной была атмосфера на партсобраниях в середине октября. Обсуждались ситуация в соседней Польше, возвращение к руководству партией В. Гомулки и противодействие этому Москвы, оказавшей массивное давление на польскую коммунистическую элиту. А начавшиеся через несколько дней венгерские события заставили вспомнить фразу, уже за полгода до этого, в марте, звучавшую на партсобраниях: «нам нужна революция сверху, поскольку снизу может быть только контрреволюция». Хотя возвращение И. Надя на пост главы правительства приветствовалось в среде реформаторски настроенных чешских партийцев, последующий ход событий, полная утрата контроля парт- и госаппарата над происходившими процессами привели к тому, что силовое решение, принятое в Москве, восприняли как неизбежное и закономерное.

Венгерское восстание было в полной мере использовано как фактор консолидации власти в Чехословакии: с высоких трибун провозглашалось единство КПЧ на основе поддержки ее руководства.

Впрочем, ощущения возвращения к сталинизму не было и после подавления венгерского восстания. Уже тот факт, что в Польше В. Гомулка удержался у власти, а в Венгрии не вернулся Ракоши, был воспринят как знак необратимости перемен. Вызывала вопросы позиция Тито — его ноябрьское выступление на партактиве в Пуле с оценкой событий в Венгрии было воспринято как что-то не очень чистое: темнит, ведет свою игру, предав Хрущева — и это вопреки совсем недавно прозвучавшим фанфарам о нерушимой советско-югославской дружбе. Тем не менее, поскольку советский опыт казался проблематичным, тем больше интереса проявлялось как к югославскому, так и к китайскому опыту. Правда, поведение китайцев на большом московском совещании компартий осенью 1957 г., их агрессивные филиппики на грани пропаганды новой мировой войны сильно остудили эти надежды. Не разочаровали Гаека, пожалуй, только лишь итальянские коммунисты, их последовательно реформаторская позиция по самым актуальным проблемам мирового коммунистического движения стала для него на много десятилетий, по его собственному признанию, надежным компасом и путеводной звездой. В 1960-е годы, когда Гаек становится ведущим в Чехословакии специалистом по истории Коминтерна, у него завязываются тесные и продуктивные связи с итальянскими коллегами

из институций, близких ИКП, связи, продолжавшие сохраняться и в эпоху «нормализации» 1970-х годов, когда он оказался изгнан из КПЧ.

Провал попытки отстранения Хрущева летом 1957 г. был воспринят М. Гаеком и его единомышленниками позитивно, как новый знак необратимости перемен. По-иному они отреагировали на развернувшуюся весной 1958 г. кампанию критики новой программы Союза коммунистов Югославии, которая, будучи внимательно изученной, им в целом понравилась, однако в СССР была объявлена ревизионистской. Многие чешские партийцы застыли в напряженном ожидании; были те, кто ожидал повторения событий 1948 г. и уже загодя готовил тексты с обвинениями югославов в желании выступить против СССР на стороне империалистов. Однако этих людей охладил Хрущев, направивший Тито поздравительную телеграмму в связи с днем рождения, перепечатанную и в «Руде право». За позицией Москвы следили все независимо от занимаемой ими позиции.

Хотя нормальные межгосударственные отношения с Югославией сохранились, масштабная антиревизионистская кампания не только не затихла, но продемонстрировала свои новые грани. Процесс по делу Имре Надя в июне 1958 г. показал, что любой «ревизионистский» уклон при желании можно раздуть до масштабов уголовного преступления, караемого смертной казнью, и что методы устранения политических конкурентов, вошедшие в норму при Сталине, не ушли в прошлое, они могут быть применены и теми, кто публично

отрекся от мертвого вождя. Узнав о казни И. Надя, Гаек буквально лишился дара речи (с.233). Уже в ноябре 1956 г., когда И. Надю не позволили выехать в Югославию, стало понятно, что ему не простят позиции, занятой в условиях восстания. Но суда с вынесением смертного приговора не ожидали. Однако сколь бы сильно это не контрастировало с духом XX съезда и связанными с ним ожиданиями, на московском политическом небосклоне не виделось никого лучше Хрущева. Люди, жаждавшие реальных позитивных перемен, боялись ослабления его позиций. При этом отношение к советской внешней политике становилось все более обдуманым и критическим. Так, во время Берлинского кризиса 1961 г. перед лицом конфронтационной линии Москвы Гаек не раз ловил себя на том, что его симпатии скорее на стороне президента Дж. Кеннеди.

В Чехословакии в рамках борьбы с ревизионизмом происходили гонения на тех, кто в 1956 г. выступал с острыми речами. Гаек же стал мишенью нападок за то, что слишком сдержанно критиковал программу СКЮ в тезисах, написанных по поручению ученого совета ВПШ. Партия была расколота. Хотя ВПШ, где преподавал Гаек, и воспринималась правоверными сталинистами как чуть ли не гнездо ревизионизма, в ее стенах также хватало преподавателей и слушателей, которые старались ни на йоту не уклониться от официальной линии. М. Гаек продолжал заниматься историей Коминтерна и его тексты того времени смогли выйти в свет с завершением антиревизионистской кампании. Не успев получить законченное университет-

ское образование до оккупации, Гаек и после войны, став партаппаратчиком, а затем и преподавателем ВПШ, не вернулся в университет, его уделом стало самообразование и уже к 1960-м годам своими первыми научными публикациями он снискал уважение коллег-профессионалов — специалистов по новейшей истории.

В 1960 г. М. Гаеку был разрешен краткосрочный выезд в страну западного мира — в составе делегации чехословацких историков в Стокгольм на очередной международный конгресс исторических наук. При виде шведского «социал-демократического рая» воспринимались как полный абсурд любые идеологемы о переходе к социализму через вооруженное восстание. Бросился в глаза низкий уровень выступлений многих представителей СССР и социалистических стран на конгрессе. Аналогичное разочарование вызвали и программные доклады советской делегации пятью годами позже, на конгрессе историков в Вене, и все же было видно, что дух плюрализма и творческие подходы постепенно берут свое даже в рамках советского блока.

В 1961 г. в аппарате КПЧ готовилась провокация, которая должна была положить начало новому витку в борьбе с ревизионизмом. Но из Москвы пришел иной сигнал — состоявшийся XXII съезд ознаменовал собой вторую волну десталинизации. Борьбу со сталинизмом облегчало развитие советско-китайских отношений. Ведь под видом критики ультрасектантского курса КПК можно было с меньшим риском выступать против сталинизма, включая его конкретные проявления. Тем не менее

даже в условиях нового сигнала из Москвы руководство во главе с А. Новотным всячески тормозило перемены. Несмотря на либеральные веяния в прессе, съезд КПЧ, состоявшийся в декабре 1962 г., вызвал разочарование как упущенный шанс более глубокой десталинизации.

Переломным годом стал следующий, 1963. Когда были обнародованы материалы комиссии по реабилитации, выводы потрясли. Даже сравнение с гестапо оказывалось зачастую не в пользу того, что делалось в тюрьмах при сталинистских режимах: гестаповцы хотели вытрясти из человека правду, госбезопасность — ложь (с. 247). Это событие возымело столь же этапное значение для духовной эволюции реформаторов Пражской весны, как за 7 лет до этого XX съезд КПСС. Люди, в юности под влиянием Мюнхена разочаровавшиеся в идеалах западной демократии, в 1948 г. поддержавшие коммунистический путч, переосмыслили пережитой опыт — личный и национальный. Реформизм Пражской весны 1968 года явился серьезным актом самокритики и расчета с прошлым для того поколения чешской демократически настроенной интеллигенции, которое, разочаровавшись в прежних попытках воплощения социалистических доктрин, предприняло свою собственную (и возымевшую международный резонанс) попытку «обвенчать» идею социализма с демократическими ценностями и институтами.

Если бы итоги работы комиссии по реабилитации объявили недействительными, это вызвало бы настоящие волнения в Словакии, где задача пе-

решения дела «словацких националистов» 1954 г. воспринималась как не только насущная, но и перезревшая, а популярный среди словаков Г. Гусак, последовательно позиционировавший себя защитником национальных интересов, не только ждал полного восстановления справедливости, но со всей очевидностью снова рвался в политику, опираясь в то время и на поддержку либеральной части чешской партократии. Положение в Словакии, где титульная нация все более решительно требовала пересмотра своего статуса в едином государстве, привлекало внимание и в Праге, становилось «ахиллесовой пятой» всей правящей верхушки. Реабилитация 1963 г. дала толчок переменам и в других сферах общественной жизни, приход Ч. Цисаржа к руководству идеологией и культурной политикой оказал благотворное влияние на оживление художественной культуры. Чем дольше и медленнее, с преодолением множества препон, происходило накопление творческого потенциала, тем ярче оказывались плоды (появление целой плеяды ярких, всеевропейского значения имен в кино, театре, музыке, изобразительном искусстве).

Всё это не исключало, разумеется, попятных движений, антиреформаторски настроенная партократия оказывала сопротивление процессу перемен. В 1964 г. удалось нанести удар по «либералам» в ВПШ, покинувший это учебное заведение М. Гаек переходит в академический институт истории.

Неоднозначную реакцию вызвала отставка Хрущева. С одной стороны, существовали некоторые опасения

попыток рестаилизации (М. Гаек признает, что после ухода Хрущева доверие к действующему руководству КПСС стало слабее). С другой стороны, было очевидно, что А. Новотный, тормозивший перемены, лишился своего всемогущего покровителя. Под знаком некоторой консолидации реформаторских сил прошел в 1966 г. XIII съезд КПЧ, особый резонанс (в том числе за пределами страны) вызвали выступления О. Шика и др. с изложением программы экономических реформ. Все больше вопросов вызывало безоговорочное следование ЧССР в фарватере советской внешней политики. Позиция СССР в ходе «шестидневной войны» на Ближнем Востоке (июнь 1967 г.) воспринималась как односторонняя, ведь арабы, которым покровительствовала Москва, действительно стремились уничтожить Израиль.

После острых выступлений на съезде писателей 1967 г. в партаппарате проявились разногласия, когда встал вопрос об исключении ряда литераторов из КПЧ. Прежде казавшийся незыблемым партийный монолит давал все более очевидную трещину. М. Гаек описывает обстоятельства подготовки смещения Новотного в канун нового 1968 года. Далеко не все знали, что Л. Брежнев, посетивший Прагу в декабре, устранился от поддержки Новотного, решил не препятствовать формированию блока против него. Некоторые из партийцев, включившихся в заговор, не исключая провала задуманной операции, были готовы к арестам или переходу на нелегальное положение.

С приходом к руководству партией А. Дубчека и связанной с ним рефор-

маторской команды М. Гаек входит в рабочую группу, разрабатывавшую Программу действий КПЧ. Члены этой группы, по его воспоминаниям, воспринимали себя как некий мозговой центр, призванный способствовать реформам, а не просто лоббировать частные интересы. Гаек описывает политические игры, свидетелем которых он стал, включившись в новый для себя вид деятельности. При этом он отмечает, что и в реформаторской среде проявляли себя трения и взаимное недоверие. Дубчек нередко критиковался за промахи в кадровых назначениях, а иногда и за терпимость к разным коррупционным схемам. Определенный водораздел проходил между чешскими и словацкими партийцами. Многие словацкие партократы типа В. Биляка, всецело поддержав уход Новотного, тормозившего решение вопроса о федерализации, в то же время уже весной 1968 г. зарекомендовали себя противниками системных реформ в экономике и идеологической сфере.

Уже весной встает вопрос о политическом плюрализме и перспективах восстановления реальной, а не номинальной многопартийности. Как человек, увлеченный идейным наследием П. Тольятти, Гаек не только не фетишизировал однопартийности при социализме, но воспринимал ее как нечто вроде смирительной рубашки. Но возрождение других партий (в том числе национальных социалистов, продолжающих традиции Масарика) сразу поставило бы КПЧ в состояние острой конкуренции с ними. Санкционировать появление на политическом горизонте новой сколько-нибудь серьезной партии с высокой долей вероятности

означало передать ей власть. Гаек откровенно признается, что «не считал целесообразным содействовать тому, чтобы партия, только что сделавшая первый серьезный шаг к демократии и обладающая к тому же интеллектуальным потенциалом, необходимым для осуществления политического и экономического реформирования... отдала власть каким-то неизвестным силам» (с. 278). Вообще, оставаясь на позиции реализма, надо было признать, что никакого отказа от однопартийной системы Москва не потерпит и первые шаги к реальной демократии придется делать в условиях однопартийной системы. К тому же размежевание между разными силами внутри КПЧ было настолько велико, что в 1968 г. речь шла о сосуществовании разных партий под одной крышей. Так что разумной альтернативой гипотетической многопартийности представлялся набор правильных кадровых решений. Требования более радикальных перемен получали хождение в среде молодой интеллигенции, студенчества. Но люди, умудренные опытом, предостерегали от авантюр. На фоне мартовских студенческих волнений в соседней Польше популярные профессора-гуманитарии Карлова университета типа Э. Гольдштюкера (впоследствии объявленные самыми злостными ревизионистами) подчас пытались образумить студентов.

Когда майский пленум ЦК КПЧ принял решение о созыве чрезвычайного съезда партии, М. Гаек вошел в рабочую группу, готовившую доклад Дубчека для съезда, ему поручили писать исторический раздел. Он вспоминает осторожность Дубчека, пытавшегося избежать конфликтов

с Москвой. В частности, он был против самой идеи принятия нового устава КПЧ, зная, что это вызовет острый спор с Брежневым. По свидетельству Гаека, опасения силового вмешательства Москвы возникают еще в апреле — тогда просочилась информация об апрельском пленуме ЦК КПСС, высказываниях некоторых функционерах о готовности оказать интернациональную помощь. Верить в возможность интервенции не хотели. Гаек, как и другие, не имел четких представлений о границах терпимости Москвы: в конце концов, если румынам сходила с рук столь вызывающая внешняя политика, то почему следовало ожидать слишком жесткой реакции на далеко не радикальные пражские эксперименты с демократическим социализмом при условии полного сохранения внешнеполитической лояльности (с. 284). Он признает, что негативную роль сыграли некоторые проявления нарастающего безответственного радикализма, отражавшего настроения интеллигенции. Известный программный документ «2000 слов» своей необычностью напугал и «либералов» в партийном руководстве. Но идти против общественного мнения было нелегко, это сказывалось на репутации. После встреч в Чиерне-над-Тисой и Братиславе (конец июля — начало августа) многим на короткое время показалось, что страсти улеглись, но это было обманчивое впечатление, поскольку с точки зрения официальной Москвы ничего не менялось (неконтролируемая активность прессы и общественных движений, продолжавшаяся подготовка чрезвычайного съезда, на котором ожидалось принятие принципиальных кадровых решений, га-

рантирующих необратимость — по крайней мере во внутреннем плане — процесса перемен). Процесс регенерации имевшихся в Чехии традиций гражданского общества, придавленных в конце 1940-х годов коммунистической диктатурой, но не уничтоженных, набрал летом 1968 г. собственную, независимую от партийного руководства динамику, а лидеры КПЧ во главе с А. Дубчек, опьяненные своей популярностью, невиданной в этой стране для коммунистических политиков, не хотели идти против течения даже под сильным давлением Кремля. Однако при сколько-нибудь трезвом взгляде на вещи становилась очевидна реальная угроза вторжения. В самый канун агрессии панические настроения в обществе усилились.

По свидетельству М. Гаека, Дубчек, не исключая вторжения, дал указание Цисаржу готовить на этот случай массовый митинг на Староместской площади, но военная операция по овладению центром Праги была проведена настолько быстро, что проведение митингов оказалось невозможным. После того как Дубчек и ряд других реформаторов из высшего руководства были задержаны советскими спецслужбами, лишь усиливается значимость проведения партсъезда, который мог бы заявить о незаконности силового вмешательства.

Поскольку все раздумья были о готовящемся съезде, утром 21 августа первым побуждением было вести себя как ни в чем не бывало, продолжая готовить съезд, вспоминает Гаек. Некоторые высказывали идею уйти в подполье и оттуда руководить

сопротивлением. Но никакое сопротивление не могло быть эффективным без мобилизации мирового общественного мнения. Гаек занимался написанием деклараций к компартиям мира, их удавалось зачитать по радио и передать работавшим в Праге иностранным коммунистам. Что же касается съезда, то многим тысячам людей стало очевидным, что провести его можно только нелегально, опираясь на поддержку промышленного пролетариата. Съезд прошел в рабочем районе Высочаны на территории крупного завода и стал единственным за всю историю КПЧ съездом, проведенным в подполье. На нем была принята резолюция с осуждением интервенции, требованием вывода войск и немедленного освобождения депортированных членов руководства, избран ЦК из людей с незапятнанной репутацией, объявлено об исключении из партии функционеров, причастных к приглашению оккупантов. Процессы обновления к этому времени охватили компартию в полной мере. Она, конечно, не поспевала за все более радикализирующимся обществом, но, дав толчок к размыванию тоталитарных основ системы, все же и сама медленно трансформировалась под давлением снизу в партию парламентского типа, готовую бороться за мандат избирателей в честной конкуренции с другими политическими силами (что в корне противоречило традиционным большевистским представлениям об авангардной роли партии).

М. Гаек описывает свои впечатления от атмосферы высочанского съезда, в котором участвовал. Поступавшая информация о передвижениях совет-

ских войск вносила в работу съезда постоянную нервность. Вместе с тем советские военные, пришедшие подавлять организованную Западом «контрреволюцию», не были готовы к столь массовым протестным акциям со стороны чешских рабочих, т. е. именно тех, кому на помощь были призваны. И, соответственно, не знали, как на эти акции следует реагировать, ибо разгоны заводских рабочих, столкновения с ними на предприятиях стали бы явным саморазоблачением интервентов. Был избран иной путь — надо было найти весомые основания объявить высочанский съезд нелегитимным. И они были найдены. Если большинство чешских делегатов сумело-таки добраться до Праги, то связь со Словакией была затруднена, словацкие делегаты были остановлены оккупационными войсками и не пропущены. Именно отсутствие словаков на съезде позволило провозгласить его незаконным.

Предстоящая со страниц мемуаров М. Гаека Прага первых дней оккупации вызывает в памяти описание Вацлава Гавела в серии интервью, вошедших в книгу «Заочный допрос». По оценке Гавела, развитие гражданского общества с характерным для него плюрализмом объединения людей снизу как фиксации многообразных общественных интересов (совсем не обязательно на политическом уровне) не только подталкивало власть к реформам, но на определенном этапе могло стать гарантом необратимости перемен. «Именно потому, — писал он, — что процессу обновления не хватило времени для того, чтобы это поле возникло в такой широкой, а значит, и неуправляемой

пестроте, которая бы соответствовала реальному потенциалу общества, могло быть все так быстро и так сурово подавлено» (Гавел 1991: 28). М. Гаек делает акцент на проявившемся в чешском обществе стремлении показать моральное банкротство оккупантов, выявив возможности нравственного ненасильственного сопротивления противостоящей грубой силе. Многие люди его окружения готовились в случае угрозы ареста перейти на нелегальное положение, возрождая в памяти собственный опыт времен войны. Вопрос об оптимальности тактики не подлежал, однако, однозначному решению. С одной стороны, осознавалось, что идти на уступки оккупантам — это путь к утрате доверия. С другой стороны, при дефиците информации была с некоторым облегчением воспринята весть о том, что Дубчек участвует в переговорах в Москве. Возвращение чехословацкой делегации домой вызвало у многих чувство облегчения. Однако результаты переговоров оказались гораздо хуже, чем те, что ожидались и казались приемлемыми (делегация дала согласие на временное пребывание иностранных войск, отказалась признать решения высочанского съезда, подписалась под требованиями о снятии чехословацкого вопроса с повестки дня ООН, о запрете политических клубов и возникновении новых партий). Нарастало возмущение капитулянтством Дубчека, явно расхопившимся с общественными настроениями. В. Гавел и некоторые люди его окружения призывали студенчество к радикализму. Большинство интеллектуалов, связанных с компартией, также не хотели слышать о компромиссах. 27 августа Дубчек выступил

по телевидению, сообщил о введении «временных мер» по ограничению гражданских свобод вплоть до восстановления в стране «нормальной» обстановки. Многие чехи в этот момент плакали перед телевизорами. Когда на следующий день, 28 августа, на одном из заводов собрался избранный на высочанском съезде состав ЦК, Дубчек туда не приехал, ибо признание съезда противоречило букве московских протоколов. Впрочем, М. Гаек и в этой обстановке был решительно против разрыва с Дубчеком: стремление что-то сохранить из завоеваний Пражской весны требовало максимального единства реформаторских сил и возможный уход Дубчека только ослабил бы их потенциал. Иллюзии, что можно что-то спасти, сохранялись в обществе на протяжении многих недель, и наиболее явные коллаборационисты из числа контрреформаторов спрятались по норам, осознавая невозможность идти против течения. 31 августа вновь собрался высочанский ЦК, подтвердив осуждение интервенции. Нервозность, однако, нарастала, трудно было предвидеть, какие новые требования придут из Москвы завтра.

Некоторые из знакомых Гаека отдыхали в августе за границей, прежде всего на Адриатике, в Югославии, и известие о военном вторжении подвигло их сделать выбор в пользу эмиграции, откуда они предпочли в обозримом будущем не возвращаться по сути уже в другую страну. Гаек не помышлял уехать, полагая, что при сохранявшейся еще в течение многих месяцев относительной свободе прессы и собраний удастся сохранить прежнее поле профес-

сиональной деятельности. Именно в это время, осенью 1968 г., М. Гаек становится директором одного из пражских исторических институтов, в стенах которого в наэлектризованной атмосфере тех дней занимались больше политикой, чем наукой.

События 1969 г. всецело подтвердили, что при всем недовольстве капитулянтством Дубчека его уход с первых ролей на вторые лишь ухудшит расклад сил на политической сцене. Вместе с тем Г. Гусак, возглавивший КПЧ, поначалу воспринимался как не худшая альтернатива. Теплилась надежда, что, пойдя на некоторые уступки, он все же найдет в себе силы противостоять давлению явных контрреформаторов во главе с В. Биляком. Кроме того, было очевидно, что без Гусака трудно договориться о распределении полномочий между Прагой и Братиславой — эту точку зрения разделяли тогда многие сторонники реформ. Гусак часто публично говорил, что линия январского пленума 1968 г. остается в силе, надо только «навести порядок», устранив угрозу «контрреволюции». Это зачастую воспринималось за чистую монету. Исключение из партии Кригеля, демонстративно отказавшегося поставить подпись под августовскими московскими протоколами, было воспринято как вынужденная дань Москве. Но очень скоро стало ясно, что за каждой новой такой данью последуют и другие.

Люди реформаторского круга, как правило, не хотели сдаваться без боя, стремились по возможности сохранить за собой и своими единомышленниками позиции в общественной жизни. Сама правящая

КПЧ оставалась полем боя, которое не хотелось покидать добровольно. М. Гаек к тому же надеялся спасти возглавляемый им институт. Но ситуация ухудшалась. На одном из идеологических активов Гусак публично назвал М. Гаека в числе главных оппортунистов. После критики из уст генсека некоторые ожидали от Гаека самокритики или «правильных» публичных заявлений, но он, как и большинство его друзей, не склонен был идти на компромисс. Вообще же представители партийной интеллигенции делали в сложившейся ситуации различный выбор. Недавние единомышленники (как, например, М. Гаек и философ Р. Рихта) теперь оказывались по разные стороны в своих взаимоотношениях с властью. 1970 год прошел под знаком масштабных проверок и массовых исключений из партии. Гаек был исключен из партии осенью, что явилось вполне ожидаемым завершением одного из этапов его жизни. Соответственно, он перестает быть и директором института.

Живя в 1970-е годы на положении пенсионера (бывшего узника нацистского концлагеря), М. Гаек продолжал заниматься исследованиями по истории Коминтерна. Некоторые его работы публиковались за границей, в том числе в изданиях итальянской компартии. Историк описывает огромные трудности, возникавшие у людей, отлученных от профессии, даже с получением литературы из чешских библиотек, не говоря уже о поддержании международных связей. В полную силу сохранялась задача выживания профессионального сообщества, не склонного подчинять поиск истины задачам партийной

пропаганды. Налаживается исторический самиздат — при этом использовался конспиративный опыт времен гитлеровской оккупации. В деморализованном обществе так называемой «гусаковской нормализации» инициативы по налаживанию и распространению самиздата не находили большого отклика, нещадно пресекаясь спецслужбами. Прорвать атмосферу тотального страха помогали акции солидарности (помощи семьям политзаключенных и т. д.). Ситуация в Чехословакии, как и в других странах советского блока, меняется после Хельсинкского совещания 1975 г. С подписанием социалистическими странами Итогового документа Хельсинки его правозащитные положения, ратифицированные парламентами соответствующих государств, стали неотъемлемой составной частью действующих правовых систем. Это открывает новые возможности как для правозащитной, так и для независимой информационной деятельности, активизируется самиздат. М. Гаек с самого начала участвовал в работе Хартии-77, наиболее значительного чехословацкого оппозиционного движения, как активист вызывался на допросы, подвергался обыскам, а позже и арестам. Сделав личный выбор в пользу общественной активности, он, однако, всегда был чужд всякого сектантства и не смотрел свысока на тех, кто сторонился Хартии из соображений личной безопасности.

Положение независимой исторической науки в Чехословакии привлекало внимание научной общественности всего мира. К международному конгрессу исторических наук в Сан-Франциско (1975) историк В. Пречан составил и распространил

на съезде биобиблиографический справочник, посвященный чешским и словацким историкам, подвергнутым гонениям, в дополненном виде он распространялся и в кулуарах следующего, бухарестского съезда историков (1980). Преследованиям режима подвергались историки разных идейных убеждений — и коммунисты-реформаторы Пражской весны, и те, кто всегда был далек от принятия идей социализма. Но даже на левом фланге при обсуждении опыта 1968 г. и оптимальности/неоптимальности послеавгустовской тактики Дубчека проявлялись разногласия, а потому 10-летний юбилей событий 1968 г. так толком и не был отмечен. Единства перед лицом наступательной пропаганды властей так и не было — в ущерб самому профессиональному сообществу.

Сильно напугали власть события, связанные с польской Солидарностью. В Чехословакии особенно много шума наделала история с присылкой в Прагу в 1981 г. французскими троцкистами фургона с запрещенной литературой. Некоторых арестованных молодежных активистов выпустили лишь после западного вмешательства. Даже левые итальянские издания зачастую конфисковывались спецслужбами, поскольку на их страницах содержалась неприемлемая для властей трактовка событий 1968 года. Много головной боли вызывали оппозиционные акции, приуроченные к очередным партсъездам — во избежание шумных скандалов их организаторов временно вывозили из столицы.

Как и многие его единомышленники, М. Гаек ждал внутривластных

изменений в СССР, считая, что современный неосталинизм, заведший державу в «афганский тупик», может быть преодолен только с помощью разумной политики, проводимой сверху. Но полного банкротства коммунизма и последующего распада СССР эти люди не ожидали, вплоть до осени 1989 г. питая надежды на консолидацию европейских левых на реформаторской платформе и, соответственно, сохранение за ними возможностей влиять на ситуацию.

В мемуарах дается своеобразная хроника восприятия чешскими левыми реформаторами Горбачева и его политики. Поначалу от молодого советского лидера ждали даже большего — чего-то вроде нового «20 съезда». Но XXVII съезд отразил неготовность Москвы предложить слишком далеко идущие новые подходы, в том числе в восточноевропейской политике. Было очевидно, что Чехословакия пока остается в сфере влияния СССР. Причем если до сих пор реформаторский национализм центральноевропейских народов мог играть позитивную роль как орудие сдерживания гегемонистских устремлений Москвы, то с появлением в самом центре мирового коммунистического движения импульсов к переменам ситуация изменилась. Чехи обратили особое внимание на поездку М. Горбачева по Дальнему Востоку и его выступление в Хабаровске — от него веяло Пражской весной, звучало даже слово «демократизация», которое ранее находилось вне допустимого в СССР политического лексикона. И в дальнейшем в устах Горбачева продолжали звучать заявления, в которых чехословацкая обществен-

ность находила параллели с идеями реформаторов 1968 г. В г. Кладно создается даже неформальный «клуб друзей Горбачева», ставивший целью доносить до общества идеи советской перестройки. Это был один из первых шагов на пути к созданию левореформаторской политической организации «Возрождение» при активном участии М. Гаека как одного из организаторов.

Осенью 1986 г. в ЧССР обратили внимание на интервью советского политолога Е. Амбарцумова итальянской газете «Rinascita», в котором было упомянуто об августовской интервенции в Чехословакии. После этого возникает идея подготовить коллективное письмо Горбачеву с просьбой пролить свет на сегодняшние советские оценки. Дубчек не поставил своей подписи под этим письмом, но одобрил его, попросил лишь инициаторов ослабить критику позиции чехословацкого руководства в послеавгустовском урегулировании. Письмо так и не дошло до Москвы, скорее всего оно было перехвачено чехословацкими спецслужбами.

Летом 1988 г. М. Гаек, будучи спикером Хартии-77, принимает участие в подготовке программного документа с оценкой событий 20-летней давности. В процессе обсуждения проявились разногласия. В итоге документ получился довольно умеренным и беззубым, было сочтено тактически несвоевременным включать в него даже требование о выводе советских войск. В более радикальных кругах проявилось разочарование от того, что лидеры Хартии не призывали людей выходить на демонстрации

из опасений провокаций и превентивных арестов. Потенциальных активистов все равно арестовывали, что, однако, не помешало проведению мощной стихийной демонстрации с участием до 50 тыс. человек. Размах действия говорил о том, что общество выходит из спячки. Это заставило власти пойти на корректировку исторической политики, ведь продолжающееся игнорирование базовых национальных ценностей еще сильнее подрывало в глазах граждан легитимность коммунистического правления. 28 октября (день провозглашения Чехословацкой республики в 1918 г.) был объявлен, наконец, национальным праздником. Люди, вышедшие на городские площади по случаю 70-летия Чехословакии, скандировали в одном ряду фамилии и Масарика, и Дубчека, тем самым признавая за Пражской весной исторический феномен, способный органично вписаться в демократические национальные традиции чешского народа. Все более широкий размах оппозиционного движения и более открытая поддержка Западом чехословацких оппозиционеров меняли расклад сил на политической сцене. М. Гаек, который уже в годы Перестройки в СССР неоднократно задерживался и арестовывался в бытность спикером Хартии, замечал изменение к себе и своим соратникам отношения многих сотрудников спецслужб, в них видели теперь не столько смутьянов и антигосударственных элементов, сколько представителей будущей власти.

Развитие событий в СССР превосходило самые оптимистические ожидания. Это наводило на резкость проблему выбора оптимальной тактики,

в частности, во взаимоотношениях с той частью партийного истеблишмента, от которой можно было ожидать большей гибкости. Представления о том, что все это долго продолжаться не может, были к осени 1989 г. доминантой общественного сознания. М. Гаек подробно описывает споры 1989 г. среди чешских реформаторски настроенных левых, «людей 1968 года», стремившихся конституироваться как самостоятельная политическая сила со своей программой насущных преобразований и ставивших наследие Пражской весны в контекст более давних национальных демократических и социал-демократических традиций чешского народа. К его сожалению, любые левые, социалистические идеи были настолько сильно скомпрометированы предшествующими этапами чешской истории, что их приверженцы были заведомо обречены на маргинальность после падения диктатуры КПЧ.

Подводя итог своей духовной эволюции, М. Гаек констатировал, что после длительных идейных блужданий он по сути вернулся на склоне лет к исходной точке своего развития. «От демократического социализма я перешел к коммунизму и, в конце концов, возвратился в “родную гавань”. Это был болезненный процесс. Я должен был признать, что армия, в которую я добровольно вступил, начала на определенном этапе вести несправедливую войну. Гордое сознание того, что я всегда находился “на правильной стороне баррикады”, должно было уступить место пониманию, что так было далеко не всегда. Должно было прийти и болезненное чувство ответственности за то зло, которое творилось у нас

во имя прогресса. Могу и должен еще добавить: ко времени, когда я это понял, я уже несколько лет по мере своих возможностей активно боролся против носителей старого и нового зла» (с. 439–440).

Исповедь сына XX века, испытавшего на себе многие его катаклизмы, представляется вполне поучительной, если смотреть на нее глазами людей XXI века, сосредоточенных на поисках продуктивных традиций,

позволяющих примирить идеалы социального прогресса и социальной справедливости с национальными ценностями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гавел 1991 — *Гавел* Вацлав. Заочный допрос. Разговор с К. Гвиждялой. М., 1991.

REFERENCES

Gavel Vaclav. *Zaочnyj dopros. Razgovor s K. Gvizhdyalaj*. М., 1991.

Л. М. Беженару

РУМЫНИЯ 1980-Х ГОДОВ ГЛАЗАМИ КОМАНДИРОВАННЫХ АМЕРИКАНСКИХ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ

Инициированная Уильямом Фулбрайтом программа культурного сотрудничества стала важным инструментом продвижения западных ценностей в странах с коммунистическими режимами. Начиная с 1960-х годов, она вела свою деятельность в коммунистической Румынии. Обеспокоенный усилением западного влияния, режим Чаушеску принимает комплекс мер не только по ограничению этого влияния, но и по дезинформации западной общественности о реальном положении в Румынии.

В центре внимания статьи реалии Румынии последних лет правления Николае Чаушеску глазами американских преподавателей, работавших в Румынии эссе, так и в изъятых Секуритате дневниках и письмах ярко описаны безнадежность повседневной жизни, растущая бедность населения, дефицит товаров, тотальный полицейский контроль. Как заметил в частном письме один из американских наблюдателей, жизнь в коммунистической Румынии означает рабство — политическое и экономическое.

Ключевые слова. Программа Фулбрайта, культурный обмен, западные ценности, индоктринация, контрпропаганда, коммунистическая Румыния, режим Чаушеску, дефицит, тотальный полицейский контроль, социальные аспекты сексуальной жизни.

Сведения об авторе: Ливиу Мариус Беженару, научный сотрудник Национального совета по изучению архивов Секуритате (Румыния).

Контактная информация: bejenaruliviu@yahoo.com

L. M. Bejenaru

ROMANIA FOR 1980S VIEWED BY THE EYES OF AMERICAN VISITING PROFESSORS

The program for cultural exchange, initiated by William Fulbright, has become an important tool for promoting Western values in countries with communist regimes. Since the 1960s, it has been active in communist Romania. Concerned about the strengthening of Western influence, the Ceaușescu regime took a set

© Л. М. Беженару, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-160-177

of measures not only to limit this influence, but also to misinform the Western public about the real situation in Romania.

The article focuses on the realities of Romania in the last years of the reign of Nicolae Ceaușescu viewed by the eyes of American university lecturers who visited the country for some months. In the essays published in the Western press following the results of the trips to Romania, as well as in diaries and letters seized by Securitate, the hopelessness of everyday life, the growing poverty of the population, the shortage of goods, and total police control are clearly described. As one American observer noted in a private letter, life in communist Romania means slavery – political and economic.

Keywords. Fulbright program, cultural exchange, Western values, indoctrination, counter-propaganda, communist Romania, Ceaușescu regime, lack of goods, total police control, social aspects of sex life.

About the author: Liviu Marius Bejenaru, research fellow (National Counsel on the researches of the Security Archives, Romania).

Contact information: bejenaruliviu@yahoo.com

«В унылый послеполуденный час, в не отопленном помещении, только усиливавшим чувство подавленности, гости с благодарностью внимали при рассеянном свете короткого дня персоне как нельзя более экзотической – оказавшемуся там американскому интеллигенту; его слово вызывало не просто интерес и было не просто утешением, оно внушало всем веру в то, что диктатура не может длиться вечно»

Сол Беллоу, лауреат Нобелевской премии, из романа «Декабрь декана»

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОГРАММЫ ФУЛБРАЙТА В КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РУМЫНИИ

Поздно ночью, в ходе одной из домашних вечеринок, «пока все танцевали, красивый румынский парень поцеловал меня на балконе квартиры в Яссах, всего в 20 км от советской границы». Молодые люди собрались

в помещении, где темноту нарушал только отблеск бокалов с вином и кассет с музыкой Вилли Нельсона, а за окном «затемненные городские улицы не внушали ничего другого, кроме чувства подавленности, какое может быть во время войны...» (ACNSAS: vol. 16, f. 179).

Приведенный выше пассаж — это отнюдь не сцена из банального любовного романа, а одно из описаний горьких реалий Румынии 1980-х, сделанных молодой американкой Линдой Мизежевски, в 1984–1985 гг. в рамках программы Фулбрайта преподававшей на кафедре английского языка в яссском университете имени Александру Иоанна Кузы. Именно этому была посвящена ее статья в журнале «Harper's Magazine», опубликованная в марте 1987 г. под броским заголовком «Sex and Marx. Birth control is banned, passion is forbidden»¹.

¹ Впоследствии, уже в XXI веке, Линда Мизежевски, автор многих книг, стала довольно видным в американской университетской среде специалистом в области гендерных исследований в контексте современной культуры (Прим. переводчика).

Уильям Фулбрайт (1905–1995) был одним из известных американских политиков, который на протяжении многих лет в качестве члена Конгресса и председателя внешнеполитической комиссии Сената оказывал влияние на внешнюю политику США. Созданная по его инициативе и носящая его имя государственная программа предоставления стипендий была официально утверждена еще в августе 1946 г., при президентстве Г. Трумэна, и сыграла важную роль в поддержании культурного обмена между США и другими странами. В период, когда Линда Мизежевски преподавала яским студентам американскую литературу, эта программа вовлекла в свою орбиту 121 страну, а количество стипендиатов превысило 150 тысяч человек. В финансировании программы кроме США участвовали еще 27 государств, где вполне осознавали ее роль в международных культурных связях, обмене идеями и духовными ценностями.

Установление контроля над информацией, ее подачей на широкую аудиторию, зачастую искаженной и тенденциозной, не гнушавшейся и дезинформации, с самого начала стало огромным по своей значимости инструментом во внутренней политике коммунистических режимов (и в том числе в Румынии) в их стремлении монополизировать политико-идеологическое влияние на общество. С началом Холодной войны усиливается биполярность мира, происходит его разделение на проти-

востоящие друг другу лагеря. На рубеже 1940-х-1950-х годов в странах формирующегося советского блока (так называемых странах «народной демократии») в целях консолидации коммунистической власти был принят комплекс мер по установлению монополии на информацию. Наряду с расширением масштабов пропаганды он включал в себя создание целой системы табу и жестких ограничений: вводится строгая цензура, резко ограничиваются контакты с гражданами иностранных государств, как и приходящая с Запада информация. Культурные центры западных стран, функционировавшие в Румынии, рассматривались как механизмы вербовки шпионов и очаги враждебной деятельности, источники провокаций против СССР, Румынии и других «народных демократий». Указания на этот счет приходили из Москвы, где были заинтересованы в изоляции восточноевропейских обществ от западной цивилизации и в индоктринации граждан этих стран идеями марксизма-ленинизма². Со своей стороны, Запад, опасаясь дальнейшего проникновения коммунистических идей, расширения советской экспансии, стремился к сохранению каналов своего влияния на Восточную Европу. В результате принимает довольно острые формы борьба двух сторон за идеологическое воздействие на население, за доступ к средствам массовой информации.

В последние годы существования режима Георгиу-Дежа (первая поло-

² См.: Покивайлова Т. А. Москва и установление монополии компартий на информацию на рубеже 40–50-х годов // Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф., Покивайлова Т. А. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа. 1949–1953. Очерки истории. М., РССПЭН, 2002. С. 305–425 (Примечание переводчика).

вина 1960-х годов) Румыния в большей мере открывается Западу, что явилось следствием политики мирного сосуществования, проводимой Москвой на международной арене. После подписания в 1958 г. Советским Союзом соглашения о культурном сотрудничестве с США Румыния первой из стран советской сферы влияния заключает аналогичное соглашение в декабре 1960 г. (*Barbu 2006: 206*)³. Программа предоставления стипендий для загранпоездки в рамках культурного обмена между США и Румынией реализуется, начиная с 1963 г. Первыми в ее рамках в Румынию прибыли американские лекторы Дж. Оджеро (James E. Augerot) и А. Джэффе (Adrian Jaffe), которые преподавали историю американской литературы в университетах Бухареста и Клужа (*Barbu 2006: 234*). В соответствии с подписанным соглашением ежегодно в американских университетах могли стажироваться в рамках программы Фулбрайта 10 румынских студентов и 10 преподавателей, 6 научных работников также могли провести по нескольку месяцев в США, занимаясь своими исследованиями. В соответствии с договоренностью об эквивалентном обмене такое же количество американцев (студентов, преподавателей, научных сотрудников) могло посещать ежегодно Румынию. Подписание этого соглашения, впрочем, не стало таким уж мощным прорывом в развитии американско-румынских двусторонних отношений — в силу того, что стороны по-разному

смотрели на сотрудничество. Один из американских преподавателей, работавших в Румынии в 1980-е годы, отметил, что интерес румынских властей к культурному обмену с США падает — кроме тех сфер, где он может работать в их пользу (ACNSAS: vol. 19, f. 104). Такой подход был обусловлен представлениями румынской коммунистической элиты о том, что и в период разрядки международной напряженности не затухает острое противоборство двух идеологий. Что же касается американской стороны, то в основе ее деятельности лежали идеи конвергенции двух систем, согласно которым государства, лежащие за «железным занавесом», становятся «более западными» по мере распространения по другую сторону занавеса не только материальных, но и духовных ценностей западной культуры и свободного мира. Сама эта установка трактовалась в странах с коммунистическими режимами как ведение разными, в том числе и более тонкими методами психологической войны против сил социального прогресса.

Приобретенный в своей стране опыт повседневности, влияние господствующей идеологии, существующие на родине социальные отношения и т. д. — все это оказывало несомненное влияние на восприятие людьми, оказавшимися в чужой стране, ценностей другой культуры⁴. Как отметил в начале 1980-х годов один из американских лекторов, побывавших в Румынии, румыны, приезжающие

³ В планы сотрудничества вошли обмен стипендиатами в рамках программы Фулбрайта, художественные выставки, театральные гастроли, кинопоказы, переводы и издания книг и т. д. Действие соглашения в последующем продлевалось.

⁴ О социально-психологических аспектах этого см.: (*Neculau 2004: 88*).

в США в рамках программы культурного обмена, выступают в качестве официальных представителей своего государства; как правило, «это карьеристы, в высшей степени политически индоктринированные, а не студенты даже в широком смысле этого слова. Они напрямую привязаны к политической идеологии своего государства. У них должно быть в этом плане всё в порядке, чтобы они могли участвовать в такой программе. И следовательно, они проходят инструкцию перед своей поездкой, находятся под постоянным контролем во время пребывания за рубежом и им приходится также отвечать на вопросы по возвращении». Американцы же, находясь в Румынии, продолжает он, не подвергаются со стороны официальных институций своего государства никаким ограничениям, они сами решают, на что тратить время в принимающей их стране, какие методы применять в исследованиях, и только от них самих зависят выводы их исследований. От них не требуется выступать в качестве прямых носителей государственной идеологии, на них возложена лишь одна ответственность — информировать своих собеседников в других странах (и в том числе румын, оказавшихся вопреки своей воле в лагере, где властями отрицались западные ценности) о мире, в котором они живут (ACNSAS: vol. 19, f. 101). Иными словами, они обязаны были заботиться лишь о презентации за пределами США американских ценностей и национально-государственной символики, при этом стипендиатам программы «Фулбрайт» давалось указание не вмешиваться во внутренние дела коммунистических режимов стран

пребывания и, в частности, Румынии. И кроме того, до сведения стипендиатов, выезжавших на длительный срок за рубеж, доводилось, что «американские граждане, которые выступают с политическими декларациями за границей или проявляют какую-либо политическую активность, могут тем самым оказаться вовлеченными во внутренние политические процессы принимающих их стран даже тогда, когда они всего лишь только выражают согласие или несогласие с политикой американского правительства». Они должны вполне осознавать, говорилось далее, что всё это несовместимо с целями программы и может повлечь негативные последствия (ACNSAS: vol. 10, f. 244). В информационном пособии посольства США в Бухаресте для стипендиатов программы Фулбрайта им советовали не призывать друзей и родственников нарушать румынские законы, включая те, которые касаются поездок за границу и пребывания там. В то же время внимание стипендиатов-американцев обращалось и на угрозы, которые могли повлечь за собой предложения к румынам о передаче писем, обещания захватить эти письма с собой. Ведь при выезде из Румынии эти письма могли быть обнаружены и конфискованы, что влекло за собой наказания и для тех, кто их писал, и для тех, кто пытался их вывезти (ACNSAS: vol. 11, f. 234).

Поскольку коммунистический режим всегда уделял приоритетное внимание контролю над информацией, деятельность западных лекторов, прибывавших в Румынию, с самого начала участия страны в программе Фулбрайта постоянно находилась в поле зрения

Секуритате. Так, уже в отчете Секуритате от 11 июня 1966 г. в вышестоящие инстанции отмечалось, что, согласно полученным данным, акции, проводимые в рамках этой программы, направлены против социалистической Румынии: шпионские организации западных стран через командированных в страну специально подготовленных людей используют культурные и научные связи в целях установления более тесных контактов с деятелями культуры, интеллигенцией, студенчеством (ACNSAS 12395: vol. 2, f. 181). Со ссылкой на продолжающееся присутствие американских и французских лекторов в университетах Ясс и Клужа в документе подчеркивалось, что сведения, полученные по линии МВД, рельефнее показывали, что иностранные посольства уделяли особое внимание работе в провинции, координируемой атташе по культуре и выходившей за рамки прямых профессиональных обязанностей командированных специалистов. Все это квалифицировалось как попытки вмешательства, через румынские культурные институты, в политическую жизнь страны (ACNSAS 12395: vol. 2, f. 181). По мере углубления кризиса коммунистического режима возвращаются представления 1950-х годов, заставлявшие видеть в любом иностранце, приехавшем в Румынию, возможного шпиона, изыскивающего базу для своей деятельности (*Troncotă* 2003: 64).

АМЕРИКАНСКИЕ ЛЕКТОРЫ И РЕАЛИИ КОММУНИСТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Возвращаясь же к упомянутому эссе Линды Мизежевски в журнале «*Napreg's Magazine*», надо заметить,

что американская преподавательница находилась в Румынии в течение 8 месяцев, причем в этот отрезок времени входила и ужасная зима 1984–1985 гг., самая суровая за весь послевоенный период и лишь ужесточавшая лишения, которые испытывали румыны в условиях режима Николае Чаушеску. Линда пыталась схватить и описать отдельными штрихами свои первые впечатления, сохранившиеся в памяти от приезда в Бухарест осенью 1984 г.: кислый запах на рынке от ящиков с яблоками, подвергшихся слишком сильному воздействию солнца, резкий аромат кофе в задымленных помещениях гостиниц... Из Бухареста дорога лежала в Яссы. Молодой американке запомнились монотонные сельские пейзажи, дома «земельного цвета», однообразные бетонные постройки в городах, темные улицы с редким мерцанием света в окнах. В этой всепоглощающей бедности, замечает она, нет ничего «трогательно-пасторального», ничего ностальгического, «нет никакого очарования уходящим миром, нет ничего кроме неестественного состояния упадка и разрухи», и нельзя было отделаться от мысли, что оказалась в мире, где люди подвергаются материальным лишениям совершенно намеренно (ACNSAS: vol. 16, f. 181). Попавшей в этот мир 32-летней интеллектуалке из США, читавшей по-английски курс американской литературы в университете, предстояло органично вписаться в этот серо-пепельный пейзаж суровой румынской повседневности со скученностью новых городских блочных построек, сконструированных без всякой мысли о функциональности и элементарных удобствах — ведь именно так

режиму было проще решить поставленные задачи гомогенизации населения. Из описаний Линды Мизежевски перед читателем предстает странный мир предоставленного ей жилища, вокруг которого всё перемешалось в каком-то хаотическом месиве: крысы, снующие около переполненных мусорных контейнеров, крики цыган, собачий лай, плач грудных детей. Температура в комнате не превышала 10 градусов тепла, и абсолютно непредсказуемо обстояло дело с электричеством и канализацией (ACNSAS: vol. 16, f. 180).

Комментатор радиостанции «Свободная Европа» Эмиль Хурезяну, реагируя в апреле 1987 г. на выступление Л. Мизежевски в «Harper's Magazine», заметил, что опубликованный ей опус — не репортаж, а скорее эссе, основанное на реальных впечатлениях. Все 8 месяцев пребывания в Яссах ей пришлось пользоваться многолюдным общественным транспортом, жить в блочном доме, не лучше и не хуже, чем те, в которых жили миллионы простых румын (ACNSAS: vol. 16, f. 193). После целого дня, проведенного в аудитории, где было слишком холодно, чтобы студенты могли снять перчатки, в здании, где не было чистых туалетов и гигиенической бумаги в них, Линда долго ехала домой в переполненном трамвае со спертым воздухом и единственным ее желанием по прибытии в свое скромное жилище оставалось побыстрее забиться в постель, иногда приняв перед этим бокал вина и взяв в руки перед сном не слишком серьезную книгу (ACNSAS: vol. 16, f. 181).

Американской преподавательнице пришлось столкнуться в повседнев-

ности со многими из тех лишений, что испытывали в те же годы простые румыны, и среди других феноменов этой жизни ей запомнились длинные очереди («хвосты»), ставшие самой неотъемлемой частью образа жизни (Neculau 2004: 97). Размышления над этим не обходились у нее без некоторых марксистских коннотаций: ведь согласно учению Маркса, любые истоки духовного начала следует искать в начале материальном, чья первичность в данном случае проступает особенно зримо, замечает она (ACNSAS: vol. 16, f. 181). Благодаря своим хорошим отношениям с посольством США Линда Мизежевски и прибывший к ней из Америки муж, Джордж Бауман, проводили чуть меньше времени в очередях, нежели большинство знакомых им румын. Но и они постоянно испытывали заботы материальные: приходилось думать о ценах, местах покупок предметов первой необходимости, заранее планировать обеды, приспосабливаться к частым отключениям воды и электричества. Предшественники Л. Мизежевски и Дж. Баумана по пребыванию в Румынии супружеская пара Кэтрин и Генри Итон (Eaton) также оставили свои наблюдения над румынской повседневностью 1980-х с присущими ей нищетой и дефицитом. Вот к магазину подъезжает грузовик, заполненный ящиками с луком, — отмечает Г. Итон в дневнике, конфискованном секуристами во время выезда супругов из Румынии. Но еще задолго до его появления у дверей магазина образуется «хвост». А по мере того, как машина разгружается и ящики вносятся в здание, «хвост» удлиняется. Г. Итон продолжал оставаться все-го лишь пассивным наблюдателем

сцены до тех пор, пока не вспомнил о том, что уже много недель не видел свежего лука. А вспомнив, присоединился к «хвосту», оказавшись в ряду тех, кто думал только о том, чтобы ящики не опустели к моменту, когда можно будет переступить порог магазина (ACNSAS: vol. 12, f. 247). На основе своего румынского опыта, для него нового, американский исследователь написал два эссе — «Парадоксы коммунизма» и «Душевные терзания того, кто стоит в очереди за луком». Они были сочтены в органах Секуритате как «явно враждебные по своему содержанию по отношению к внутренней и внешней политике нашего государства» и также конфискованы при отъезде Итона из Румынии (ACNSAS: vol. 12, f. 203). Как и дневник его жены, из которого явствует, что даже наблюдения над очередями в продовольственные магазины могли иногда возыметь последствия для заезжих американцев. Кэтрин приводит эпизод, о котором ей рассказал муж. Сфотографировав очередь в магазин за хлебом, он был задержан полицейским, толкнувшим его и велевшим следовать за ним. Они проследовали в районное отделение Секуритате, где Итона долго мурыжили, проверяя документы, но в конце концов отпустили (ACNSAS: vol. 12, f. 245).

В эссе Л. Мизежевски читаем горькие размышления о пассивности, фатализме, осознании невозможности повлиять на жизнь, течение которой подчинено действию внешних сил, причем на индивидуальные свойства людей накладывает отпечаток их принадлежность к определенной общности, группе, члены которой на протяжении длительного време-

ни были лишены возможности удовлетворять свои физиологические потребности. «Мне приходилось и раньше, — пишет она, — вместе со своим мужем посещать неразвитые страны. И приходилось испытывать на себе жадные взоры тех, кто разглядывал мои туфли или одежду. Но нигде не приходилось видеть бедности и отсталости такого рода, какие я видела в Румынии — манипулируемой, искусственной, идеологизируемой. Ведь все-таки никто не умирает с голода в Румынии. И никакое чувство милосердия не подсказывает нам, американцам, каким образом надо жалеть и сочувствовать тем, кто просто не нуждается в хлебе и молоке, а не то что в апельсинах зимой, настоящем кофе и настоящем шоколаде. Мы не знаем, как можно понять ту историческую и культурную традицию, которая не позволяет сопротивляться и бунтовать. Мы не готовы понимать это отсутствие возмущения, эти жесты смирения перед всеми этими новыми мерами, заставляющими еще более экономить, ограничивать себя в жизни» (ACNSAS: vol. 16, ff. 181–182). Ее коллега Кэтрин Итон по итогам собственных наблюдений над румынской повседневностью сформулировала свой вывод еще жёстче: «Жить в Румынии означает рабство, политическое и экономическое» (ACNSAS: vol. 12, f. 248).

Эти горькие наблюдения над трудностями, которые приходилось испытывать румынам ради удовлетворения насущных потребностей, легли в основу анализа Линдой Мизежевски демографической политики коммунистического режима в Румынии. Исследовательница

осуждает проводимую властями демографическую политику, направленную на повышение рождаемости населения, при отсутствии необходимых для этого мер: материальных, образовательных, санитарных: «Для того, чтобы даже малочисленная семья могла прокормиться, требуется время и энергия для стояния в длинных очередях за молоком и маслом, которые формируются еще с ночи. Зимой на рынке невозможно найти свежих овощей и фруктов, а в обмен на продуктовые карточки если можно иногда и получить мясо, то только самые жирные куски свинины или кости. В то же время мать румынского семейства (в идеале с 4 детьми, как это ей рекомендует и навязывает государство) должна рисковать, и возможно, 4 раза в течение жизни, рожая в условиях, когда в роддомах зачастую отсутствует даже сменное постельное белье, а доктора и санитары обслуживают пациентов в зависимости от полученных от них денег или подарков» (ACNSAS: vol. 16, f. 180).

С проведением этой демографической политики Л. Мизежевски связывает и изменения в сексуальной жизни — любая эротика и чувственность становятся совершенно лишними, когда мужчины и женщины оказываются в полной зависимости от патерналистского режима, ставящего перед обществом определенные задачи в интересах румынской «социалистической нации», и когда в любой женщине призывают видеть только и исключительно мать: сам женский идеал всецело отождествляется с материнством. «За 8 месяцев пребывания в Румынии, — отмечает Мизежевски, — я смогла убедиться,

что здесь любые сентиментальные приключения и романтические интермеццо воспринимаются скорее, как своего рода проявления западного образа жизни, в официальном плане столь же неприемлемые как панк-рок или голубые джинсы. Никакая сексуальность внешне не проявляет себя в Румынии или проявляет в такой же мере, как это было на пуританских программах первых лет существования американского телевидения. Единственный образ, допущенный на черно-белые экраны румынского телевидения и на черно-белые страницы румынских журналов — это образ, так сказать, иконоподобной жены, скромно одетой и добропорядочной настолько, насколько это вообще возможно», причем его прототипом выступают образы гордых румынок в национальных костюмах, по воскресным утрам исполняющих народные песни по телевидению. «Своей прической, жестами, одеждой эти женщины должны прежде всего внушать добродетели молодой румынской маме. Это строгие мадонны в стране, где материнство есть обязанность, налагаемая на мадонн государством» (ACNSAS: vol. 16, f. 179).

Конечно, продолжает автор, в повседневной жизни румын присутствует и интимность, проявляющаяся на микросоциальном и макросоциальном уровне посредством определенных норм поведения, навязанных и принятых обществом: «встречи румынских студентов ограничиваются дискотеками, чаепитиями с танцами, длинными прогулками в парке и, если сосед по комнате в общежитии проявит понимание, возможен час или чуть больше интимной близости»

сти. Отношения между мужчинами и женщинами в Румынии сильно маркированы ограничениями демографической политики. Мои студенты, приходящие в ужас от одной только мысли, что дело может закончиться беременностью, рассказывают обо всех таких встречах как об абсолютно рискованных предприятиях. Они же рассказывали мне, как несколько лет назад, с приездом иностранных студентов, в Румынии произошел взрыв сексуальности. К тому же иностранцы привезли с собой в Румынию иностранные сигареты, западную музыку, кассетофоны. Проникают и автомобили западных марок — этот мощнейший символ индивидуализма. Импортные “мерседесы” без труда обгоняли едва ковылявшие “дачи”, наводя при этом страх на пешеходов», еще и потому, что «ни один румынский студент и во сне не мог грезить о личном автомобиле». Эти новые импортные машины, замечает Мизежевски, усиливали среди румынской молодежи представления о том, что мужское начало тождественно скорости и мощи (ACNSAS: vol. 16, f. 181).

Приехав из страны, где в молодежной среде не прекращались дискуссии о сексе и описания сексуального опыта, Линда Мизежевски могла констатировать влияние на повседневную жизнь румын эффектов подавленной сексуальности. Она описывает эпизод, свидетелем которого стала в яском кинотеатре. Крутили фильм Кристофера Рива «Где-то во времени». «Вне всякого сомнения, — полагает Мизежевски, — он был допущен на экран только потому, что слишком мало отражает современную американскую жизнь. Но ближе

к концу в фильме присутствует эротическая сцена, надо сказать, довольно безобидная. Я была удивлена, что ей удалось избежать вмешательства бдительных цензоров. Однако еще больше меня удивила реакция зрителей, тот настоящий взрыв восторга со свистом и улюлюканьем, исходивший от тех, кто в детстве на утренних кинопоказах если и видел поцелуи, то только — как ковбой целует свою лошадь». По оценке Мизежевски, этот неожиданный взрыв эмоций показывал, что в том мире, где «любые нормальные проявления сексуального поведения подавляются, отрицаются или камуфлируются, любая сексуальность как таковая превращается в фетиш. Причем любое ее проявление сводится к сугубо механическим актам и жестам» (ACNSAS: vol. 16, f. 181). Это отсутствие у молодежи самых базовых знаний из области сексуального воспитания обнаруживалось Линдой (о чем она пишет довольно детально) и в ходе семинаров при обсуждении произведений литературы, причем любое обращение к теме заведомо ограничивалось муссированием биологических аспектов (подчас со ссылками на учебные курсы биологии), однако и в этом студенты не всегда хорошо ориентировались. Любые сексуальные отношения представлялись не иначе как в привязке к конкретному моменту осуществления определенных физических действий. Что же касается случаев непринужденного сентиментального общения с молодыми румынами в неформальной обстановке, замечала Л. Мизежевски, иногда поистине с изумлением наблюдаешь, как за всем этим грязно-серым бытом, под глубиной бетонных конструкций где-то еще может

сохраниться простое человеческое желание (ACNSAS: vol. 16, f. 181).

Э. Хурезяну, комментируя на «Свободной Европе» статью Л. Мизежевски, обратил внимание и на следующую момент. Хотя кризисное положение современной Румынии драматическим образом воздействует на поведение людей и в тех областях, которые касаются наиболее интимных сторон жизни, именно эскалация материальных трудностей и связанных с ними ограничений, налагаемых на общество режимом Чаушеску, предопределяет усиление братских отношений в узких сообществах людей, оказавшихся в тесном пространстве (ACNSAS: vol. 16, f. 191). Что же касается Л. Мизежевски, то она с горечью описывает ту удручающую атмосферу, в которой вынуждены были жить румыны. В Румынии, по ее наблюдению, «отсутствие должного интереса к цвету, свету, к внешним проявлениям жизни есть только составная часть той восторжествовавшей концепции подавления чувственного начала, которая исходит из представлений о бесполезности красоты, прекрасного. На Западе красивое, прекрасное если даже и подчиняется иногда унижительным образом задачам потребления, однако отсутствие всего этого создает ощущение пустоты в самой сути вещей» (ACNSAS: vol. 16, f. 181).

Другой аспект жизни в коммунистической Румынии, с которым Линда Мизежевски, впрочем, не столкнулась, заключался в использовании режимом против американских преподавателей шантажа, и в том числе связанного с гендерными особенностями. Это имело целью заставить их

отказаться от работы в Румынии. Как явствует из одного источника, 20 января 1988 г. ректор яского университета принял американского преподавателя Дэвида Хадаллера (Hadaller). Поинтересовавшись тем, как американец провел отпуск, ректор сразу перешел к делу. Довольно суровым тоном он сообщил о дошедших до него сведениях о том, что Хадаллер в выделенной ему квартире принимал группу студентов-четверокурсников английской специализации, показывая по видео фильмы и угощая при этом спиртными напитками. Более того, поступила информация о том, что он приглашал к себе домой и студентку с явной целью вступить с ней в «непозволительные» отношения в интимной обстановке. Источником информации могли стать разговоры студенток общежития, комментировавших эту действительную или мнимую историю из ревности или зависти (ACNSAS: vol. 25, ff. 263–264).

В свою очередь Л. Мизежевски как замужняя женщина была защищена своим статусом от слишком настойчивых атак молодых мужчин, проявлявших интерес в том числе и к ее американскому паспорту. По ее свидетельству, посольство США предупреждало граждан страны, и в первую очередь холостых, о некоторых «угрозах», связанных среди прочего и с особенностями демографической политики, и о том, какие последствия могли ожидать потенциальных жертв соблазна. Любые связи румын с иностранцами, замечает Л. Мизежевски, приводили людей в растерянность, не вызвали хороших воспоминаний (ACNSAS: vol. 16, f. 180). В случае с Д. Хадаллером причиной

особого внимания к нему руководства университета были показанные им студентам фильмы, расходившиеся с официальной идеологией. Вдобавок, он выражал и на кафедре, и перед американским атташе по культуре неудовольствие по поводу того, что студентов снимали с занятий и отправляли обслуживать столовую или на сельхозработы: «если дела так пойдут и дальше, мне нечего здесь делать и надо паковать багаж» (ACNSAS: vol. 25, f. 244).

Ко всем испытывавшимся в Румынии лишениям добавлялось и вмешательство полицейского государства в деятельность преподавателей. Как признавалась Л. Мизежевски, она не осмеливалась ничего обсуждать даже с теми румынами, которым доверяла, у себя дома, там, где могли быть спрятаны подслушивающие устройства. И вообще, где гарантия того, что наш письменный стол не контролируется точно также, как и наша корреспонденция? — задается она вопросом. Конечно, пересекая границу Румынии, продолжает она, мы вполне осознавали, что здесь, как и в любой другой стране, есть свои секреты. А во время пребывания в Румынии пришлось принять к сведению, что граждане страны в соответствии с законом обязаны в течение 24 часов информировать Секуритате о встречах с иностранными гражданами. Более того, в 1985 г. был принят и другой закон. В соответствии с ним, спецслужбы надо было предварительно уведомить о запланированных встречах с иностранцами (*Pinca, Bejenaru* 2007). С другой стороны, некоторые граждане извлекали пользу, предоставляя органам информацию, которую те не получа-

ли из других источников. Так, своевременное выявление сведений об иностранце могло помочь получить разрешение на поездку за границу. Но кроме университетских людей, официальным путем получавших разрешение на посещение иностранцев, были и те, кто брал на себя риск, присоединяясь к компании. Эти люди, пишет Линда, постоянно просили нас не произносить их имена в квартире. «Один американский дипломат предупредил нас, что Секуритате может проникнуть даже в нашу спальню. У нас создалось впечатление, что страна, которая не может держать в порядке систему канализации, не в состоянии создать и эффективную систему наблюдения». И все-таки в этой стране, где всё пряталось или камуфлировалось, будь то сексуальный акт или приятельские отношения, продолжает Мизежевски, мы постепенно стали отдавать себе отчет: при системе такого типа, где самоцельным становится всепроникающее недоверие, возникают в любом случае и формы конспирации (ACNSAS: vol. 16, f. 180). Она отметила и еще один фактор, постоянно вызывающий стрессы у всех: на работе никогда невозможно отделаться от страха перед доносами, постоянного ощущения, что рядом с тобой может находиться информатор органов: «как сказал мне один дипломат, из каждых трех румын один является осведомителем Секуритате, и хотя я этому не поверила, все же поймала себя на мысли: в конце концов не столь уже важно, правда это или нет. Уже то, что про это говорят, уже сам слух как таковой силен и эффективен, вызывая в нас столь же сильное подозрение, что нас постоянно подслушивают, за нами наблюдают... Не

знаем и никогда не узнаем, под каким контролем нами был прожит целый год нашей жизни. Однажды, когда мы были на балконе, предположительно вне досягаемости подслушивающих устройств, один румынский друг прошептал мне: «Вы, американцы, не знаете и половины того, что происходит вокруг вас, и было бы лучше, чтобы и не узнали» (ACNSAS: vol. 16, f. 180).

Вмешательство Секуритате наблюдал и другой американский лектор, предшественник Л. Мизежевски Генри Итон, который писал своему другу в США о постоянных слежках за студентами и профессорами, приехавшими из Америки, об обысках и мелочных изъятиях, прослушивании телефонов: в этой стране «полиция превыше всего» (ACNSAS: vol. 12, ff. 247–248). Другой пример вмешательства Секуритате в деятельность американских лекторов (так и не нашедший отражение в эссе Л. Мизежевски) касается их библиотеки. Как отмечалось в одном из донесений Секуритате, после завершения пребывания в Румынии К. и Г. Итонов в 1984 г. библиотека американского лектората была передана в исключительное пользование румынской стороны, перейдя в ведение кафедры английского языка. Мотивом послужило то, что супруги Итон без одобрения руководства университета включили в состав библиотеки немало американских книг и журналов, в которых, как отмечалось, содержалась «крайне ядовитая критика» в адрес общественных порядков, существующих в Румынии (как и в других социалистических странах), а также некоторых конкретных персоналий, участ-

вующих в социально-политической жизни Социалистической республики Румынии. В их числе переводное издание «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына, «Зима декана» Сола Беллоу, многие номера журналов «Newsweek», «New York Review of Books», «Time», в которых среди прочего были опубликованы статьи о ситуации начала 1980-х годов в Польше, о Ю. Андропове, о советских евреях и т. д. (ACNSAS: vol. 4, ff. 202, 212)

Попытки лекторов снова заполучить библиотеку в американское ведение оказались безуспешными. Как признал в одном из писем в январе 1987 г. Джерри Мак Гуире (Jerry Mc Guire), библиотека, столь нужная американским преподавателям, стала предметом какой-то нечистой политической игры с участием сверхдержав, «и от преподавателей требуют не только сотрудничества с закамуфлированным гестапо, их хотят вовлечь и в эту политическую игру» (ACNSAS: vol. 4, f. 210). Довольно пессимистический тон его письма был связан и с тем, что даже приезд в Яссы в марте 1986 г. американского посла Роджера Кирка не привел к возвращению библиотеки в американскую собственность, правда, руководство университета пошло на компромисс, обещав дать разрешение на то, чтобы американский лектор мог пользоваться книгами библиотеки наряду с румынскими преподавателями (ACNSAS: vol. 4, f. 213).

Пытаясь восстановить в памяти минуты непринужденного приятельского общения с молодыми румынами в неформальной обстановке, Л. Мизежевски заметила, что вос-

принимала себя в положении тако-го же узника как они, разве что более привилегированного (ACNSAS: vol. 16, f. 182). Публикация в марте 1987 г. ее эссе в американском журнале «Harper's Magazine» не осталась без последствий, румынские власти готовили ответные меры с тем, чтобы, насколько это было возможно, ограничить ее влияние на западное общественное мнение. Такого рода задачи ставились перед службой D в структуре Секуритате, которая ведала «дезинформацией западных шпионских служб» (основана в апреле 1968 г.). Как отмечалось в ведомственных документах, она должна была с целью защиты и продвижения интересов социалистической Румынии заниматься дезинформацией не только шпионских служб, но всех иностранных структур (политических, военных, экономических, культурных), которые вели враждебную деятельность против румынского государства. При этом ей следовало координировать свои акции со всеми государственными органами, которым в силу их компетенции приходилось контактировать с дипломатическими миссиями других стран, аккредитованными в СРР, и другими зарубежными организациями (в том числе в сфере культуры и туризма) (Pîncă, Bejenaru 2009: 250–273). В понимании соответствующих ведомств, техника дезинформации предполагала не столько подмену правдивой информации ложной, сколько определенное истолкование реальных фактов с целью пропаганды и индоктринации.

Из информации ясских уездных органов Секуритате (июнь 1987 г.) выясняется, что о статье Л. Мизежев-

ски, опубликованной в США, стало известно в Яссах, встал вопрос о реакции на это выступление. Возникла идея публикации ответной реплики в журнале «Romanian Review», который распространялся в дипломатических представительствах иностранных государств в Бухаресте. Предлагалось также отправить статью с опровержениями в «Harper's Magazine» или даже в «Newsweek», имеющий еще больший тираж (ACNSAS: vol. 16, ff. 175–176).

О предполагаемом содержании ответной реплики узнаем из документов, относящихся к июлю 1987 г. (ACNSAS: vol. 16, ff. 167–170). В органах одобрили идею сосредоточиться на критике «фрейдистского» подхода, делающего акцент на сексуальной, плотской природе человеческого счастья: согласно его логике, поскольку жизнь в Румынии якобы тяжела, вся сексуальная энергия подавляется, изгоняется, и нет потребностей в красоте, в самом чувстве прекрасного. Автор этой ответной реплики предлагал, не вступая в дискуссию с тенденциозными, как полагалось считать, положениями Л. Мизежевски о материальных лишениях, горьких сторонах повседневности и ограничениях, налагаемых на общество политикой поощрения рождаемости, разоблачить претензии статьи на то, чтобы дать глубокий и объективный научный анализ румынской ситуации.

Незванный автор этой задуманной ответной реплики, как выясняется из его донесения в Секуритате, обратился и к своему личному опыту: в 1984–1985 гг., примерно в то же время, когда Л. Мизежевски работала

в Яссах, он находился в качестве стипендиата Фулбрайта в США и опубликовал в румынском издании «Кроника» серию эссе на основании своих американских впечатлений. Не без иронии он замечает, что в отличие от Линды он за все время своего пребывания в чужой стране (конечно, в сопровождении жены, но и она находилась в Румынии с мужем) ни разу не оказывался в ситуации, когда у него в ходе неких неформальных контактов возникло бы побуждение целоваться с молодой американкой на балконе или веранде — ни в Огайо, ни в Техасе, ни в Северной Каролине, ни в Теннесси, ни в Небраске, ни в Иллинойсе, ни в Нью-Йорке. При том, что он общался в Америке со многими людьми, касаясь в беседах — за бокалом вина или за чашкой хорошего кофе — очень многих тем. В отличие от нее он также не испытывал и каких-либо описанных Фрейдом состояний при посещении торговых комплексов в американских городах. Автор записки готовил для публикации в яском издательстве книгу эссе под условным названием «Американский дневник». Но при этом ему, по собственному признанию, и в голову не пришло претендовать на построение некоей системы теоретических обобщений о современной Америке, ее людях, их образе жизни, возможно в силу того, что круг его общения все-таки ограничивался университетской средой — студенты, профессора, научные симпозиумы. Т.е. все его общение протекало в рамках условий программы Фулбрайт, которые вовсе не предусматривали вступления с американскими коллегами в какие-либо более близкие и неформальные, чем это было предписано правилами, от-

ношения. Все эти правила в полной мере касались и стажировавшихся в Румынии американских профессоров. «Однако всё в конце концов зависит от личности», резюмирует неназванный эксперт (ACNSAS: vol. 16, f. 170).

Пока так и не удалось установить, в каком издании увидела свет эта ответная реплика. В любом случае надо признать: по мере того, как режим Чаушеску оказывался во все большей международной изоляции, любые акции по дезинформации западной общественности становились всё менее эффективными, все больше посещавших Румынию иностранных гостей могло констатировать экономический крах режима, равно как и полицейский характер государственной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Программы, координируемые Соединенными Штатами, использовали благоприятный политический климат 1960-х годов для того, чтобы продвигать в Восточной Европе представления об американском образе жизни и западные ценности. Политика госдепартамента, проводившая различия между «хорошими» и «плохими» коммунистами, вознаграждавшая первых из них, но не вторых, оставалась в силе, но подвергалась все более активной критике (Funderburk 1994). При этом, следуя логике долгосрочной конфронтации с коммунистическими режимами, американские программы были призваны воздействовать прежде всего на молодежь, завтрашних «decision-maker»-ов (Barbu 2006: 316). В этом

заключается и ключ к лучшему пониманию тех рамок, в которых вынуждены были вести свою деятельность американские преподаватели, командированные в румынские университеты в рамках программы Фулбрайта. Диктат государства над всей общественной жизнью, постоянный контроль над ней, стирание различий между деятельностью органов безопасности внутри страны и на зарубеж, персонализация власти в коммунистической Румынии, всё это, наряду с навязчивой идеей сохранения независимости страны в условиях якобы существующих внешних угроз и, в частности, гипотетической опасности советского вторжения, вело к тому, что сохранение государственных секретов было провозглашено долгом всех «трудящихся социалистического государства». Гражданам вменялось в обязанность докладывать о своих контактах с иностранцами, и это становится не только важным инструментом давления на общество, но и средством продления существующей власти. Согласно концепции, принятой режимом Чаушеску, деятельность по предотвращению правонарушений, угрожающих безопасности государства, превратилась, по оценке некоторых юристов, в признание презумпции виновности, что по мере углубления кризиса режима вело к тому, что недоверие властей к населению становится тотальным (*Sătreanu: 2002: 259*). В результате многие иностранцы, посещавшие Румынию, были поражены сдержанностью румын, когда их пытались втянуть в разговоры, причем это касалось и тех, кто довольно бегло говорил на одном или двух иностранных языках. Американский писатель Сол Беллоу,

лауреат Нобелевской премии 1976 г., посетил Румынию в декабре 1977 г. По итогам поездки он попытался осмыслить, в чем заключалось различие между ним, профессором из Чикаго, и его румынскими собеседниками: «я мог свободно говорить. Но для них это было невозможно. Ведь о каждой беседе с иностранцем следовало докладывать». По возвращении домой он написал и опубликовал роман «Декабрь декана» («Dean's December»). Одним из «великих достижений коммунизма» Беллоу назвал способность загнать в изоляцию от внешнего мира миллионы людей: нам приходится принять к сведению, что в наши дни техника цензуры может оказаться равнозначной технике коммуникации (*Bellow 1992: 65*).

Именно нарушение нормальной коммуникации составляло на протяжении всей Холодной войны суть отношений между Востоком и Западом, нормальные, естественные контакты подменяются пропагандой, манипуляцией, дезинформацией, организацией слежки. Навязывание коммунистическим режимом собственным гражданам определенного образа мысли привело к тому, что за попытки некоторых из них оставаться самими собой эти люди были наказаны утратой свободы и даже жизни. А приехавшие в Румынию по программе Фулбрайта западные лекторы, заподозренные в причастности к американским спецслужбам и сборе информации о социальной и политической жизни страны в целях осуществления разных идеологических диверсий, вопреки своей воле оказывались вовлечены в систему отношений между правящим коммунистическим режимом и его

гражданами. При этом американские преподаватели в своих контактах с румынскими коллегами и — шире — гражданами старались избежать слишком явного выражения эмоций, чтобы не дать повода для обвинений в вовлеченности во внутреннюю политику. Но как заметил в начале 1980-х годов американский лектор Чарльз Шоенгрунд (Schoengrund), попадая в эту страну с существующим в ней мощнейшим «византийско-ленинистским» контролем, каждый компетентный исследователь, чем бы он ни занимался, не обходился без политического анализа.

Супруг Л. Мизежевски Джордж Бауман в письме, адресованном другу в США, отметил: при всем нашем несогласии с их методами управления не наше дело — вторгаться в обсуждение некоторых слишком чувствительных для румын вопросов, а вместе с тем, сталкиваясь на практике с коммунизмом в таких его проявлениях, мы больше ценим нашу собственную систему (ACNSAS: vol. 16, f. 218). Нарушения режимом Чаушеску в 1980-е годы прав человека коснулись и представителей аккредитованного в стране дипломатического корпуса, причем иногда это принимало довольно абсурдные формы. Всё это возымело последствия и для румынско-американских отношений. Все-таки, как заметил тот же Дж. Бауман, «лекторы Фулбрайта не исчезают и не кончают свою жизнь в заключении. Единственное, что может с ними случаться, так это быть объявленными коммунистическим режимом нежелательными персонами» (ACNSAS: vol. 16, f. 217). Действительно, 4 июня 1985 г. Секуритате предложила включить

граждан США Л. Мизежевски и Дж. Баумана в список иностранных лиц, кому запрещен въезд в СРР сроком на 5 лет (ACNSAS: vol. 16, f. 200). За два года до этого, 14 июня 1983 г. в этот список попали и супруги Итон (ACNSAS: vol. 12, f. 201), а 10 апреля 1988 г. Д. Хадаллеру было отказано в продлении права пребывания в Румынии (ACNSAS: vol. 25, f. 277). Независимо от изменений международной обстановки режим Чаушеску сохранял прежний характер в стремлении продлить свою власть.

Реальный социализм мог быть создан и утвердиться с помощью не только политической полиции, но и лингвистических, пропагандистских средств, причем эти последние, эта, выражаясь словами Б. Пастернака, «магия мёртвой буквы», могла представлять собой и еще более жёсткую форму тирании. Ведь система коммунистического воспитания стремилась не только убедить людей принять социализм как абстракцию, но и создать для них его видимый образ. Вот почему прорыв информационной блокады, навязанной румынскому обществу, занимал приоритетное место в программах культурного обмена, инициированных американской администрацией. Интересам такого прорыва были призваны в конце концов служить и подаренные румынским библиотекам книжные собрания, и организованные подписки на специальные периодические издания, и дававшиеся всем гражданам США, выезжавшим в Румынию, советы активнее распространять среди румын американские печатные издания, которые, несомненно, вызовут интерес и будут прочитаны (ACNSAS 12395: vol. 2, f. 186). Более

тесные межчеловеческие связи американских преподавателей с румынскими коллегами формировались вопреки претензиям коммунистического режима установить контроль над умами и душами тех, кто не принимал его базовые принципы. Как читаем в документе Секуритате, одной из мотивировок для зачисления Мизежевски и Баумана в список персон нон-грата явилось их нескрываемое желание поддерживать и далее тесные связи с людьми, с которыми они познакомились в Румынии, и использовать любую возможность для нового приезда в страну (ACNSAS: vol. 16, f. 200).

При всей революционности теории, лежавшей в ее основе, идеология коммунистических режимов оставалась на деле консервативной и охранительской, что проявилось и в установлении ими информационной блокады, прорыв которой сыграл важную роль в падении самих режимов.

*Перевод с румынского яз.
Александра Стыкалина
Статья публикуется
с незначительными сокращениями*

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

ACNSAS — Arhivă Consiliului Național pentru Studierea Arhivelor Securității, fond Documentar, dosar nr. 12618.

ACNSAS 12395 — Arhivă Consiliului Național pentru Studierea Arhivelor Securității, fond Documentar, dosar nr. 12395.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

Barbu 2006 — *Barbu B.* Vin americanii! Prezența simbolică a Statelor Unite în România Războiului Rece 1945–1971. București: Humanitas, 2006. 336 p.

Bellow 1992 — *Bellow Saul.* Iarna decanului. București, 1992. 320 p.

Câmpeanu 2002 — *Câmpeanu P.* Ceaușescu, anii numărătorii inverse. Iași, Polirom, 2002. 309 p.

Funderburk 1994 — *Funderburk D.B.* Un ambasador American între Departamentul de Stat și dictatura comunistă din România, 1981–1985. Constanța, Editura Dacon, 1994. 251 p.

Ilinca, Bejenaru 2007 — *Ilinca A., Bejenaru L.M.* Controlul informațiilor în România comunistă, 1965–1989 (II) // Arhivele totalitarismului, 2007. № 3–4. 85–98 p.

Ilinca, Bejenaru 2009 — *Ilinca A., Bejenaru L.M.* Război psihologic împotriva Occidentului. Acțiunile de dezinformare ale Securității în timpul regimului comunist // Nistor I., Nistor P. (coord.). Relații internaționale: lumea diplomației — lumea conflictului. Iași, Editura PIM, 2009

Neculau 2004 — *Neculau A.* (coord.). Viața cotidiană în communism. Iași: Polirom, 2004. 367 p.

Troncotă 2003 — *Troncotă Cr.* Duplicitarii. O istorie a serviciilor de informații și securitate ale regimului comunist din România. București, Editura Elion, 2003. 243 p.

К. Ю. Ерусалимский

О БОЛЕЕ ЧЕМ НЕУДАЧНОМ ПРОЕКТЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ УРОКИ ТРУДА И ОБОРОНЫ ВАЖНЕЕ УРОКОВ ИСТОРИИ?

Концепция преподавания истории России, подготовленная Российским историческим обществом и провластными историками в 2022 г., выражает далекий от исторической науки, ее перспектив и задач взгляд на прошлое, построенный на смеси resentment, irredenta, neocolonialism and dictatorship.

Ключевые слова: концепция истории России, Путинская Россия, историческое образование, учебник истории

Сведения об авторе: Ерусалимский Константин Юрьевич — доктор исторических наук, профессор СПбГУ.

Контактная информация: kerusalimski@mail.ru

К. Yu. Erusalimskii

ON MORE THAN FAILED PROJECT OF HISTORICAL EDUCATION, OR WHY THE LABOR AND DEFENSE LESSONS OVERLAP THE LESSONS OF HISTORY?

The conception of historical education, published by the Russian Historical Society and pro-regime historians in 2022, promotes the idea of Russian past, which being far from the academic history, its perspectives and aims succumb to resentment, irredenta, neocolonialism and dictatorship.

Key words: conception of Russian history, Putin's Russia, historical education, textbook on history

About the author: Erusalimskii Konstantin Yu., Doctor of historical sciences, professor of European University in St.Petersburg

Contact information: kerusalimski@mail.ru

«Папа, объясни мне, зачем нужна история?»

Марк Блок

Подготовленный Российским историческим обществом проект «Концепции преподавания истории России для неисторических специальностей и направлений подготовки, реализуемых в образовательных организациях высшего образования» — 92-страничный проспект, пышущий здоровьем и гордостью за Родину, не оставляющий сомнений, что все у нас удалось, все у нас более или менее и все у нас еще впереди¹. Чего хотят от молодых людей авторы, сказать решительно невозможно. И тем лучше. В преамбуле звучат слова, слова, слова. Они отзовутся многократным эхом, 92 раза: «...для воплощения идей гражданственности, патриотизма и общероссийского единства» (с. 2). Как нередко в курсе по Истории России XX века и до наших дней, главная проблема проекта — в «воплощении идей», в том, что сказать о современности своим чадам ни учителю, ни исследователям, ни методистам абсолютно нечего. А следовательно, куда клонить учителю? Куда-то. Или никуда.

Опасливый язык подкрадывается к острым углам и тут же отступает, запрещая себе интерпретации и дискуссии. На их месте вечные «но надо

отдать должное» или «но тем не менее». Из риторики последних дней это набившее оскомину: «Отход от односторонней ориентации на страны Запада, ставка на многовекторную внешнюю политику» (с. 91). Неловко за канун современности. Там жили полные идиоты. Они не знали, что такое «многовекторность», отличались «односторонней ориентацией», жили в непреодолимом «кризисе» то одного, то другого, то третьего. Все у них валилось из рук, а если и наблюдался «бурный рост», то только — разного непотребства. Разве это шаг к уважению и пониманию российского прошлого? Кто остановил расширение НАТО в последние месяцы? До бесконечности невыносимо: «Особенную опасность для России представляло расширение НАТО и его военной инфраструктуры на восток» (с. 88). При помощи этой мантры невозможно ничего интерпретировать, она не прибавляет осмысленности и не исправляет ничего ни в прошлом, ни в настоящем, ее невозможно наполнить ни сопроводительными материалами, ни аргументами. Ее можно просто и тупо повторять. Это не требование к думающему человеку, начинающему гражданину своей страны, а заколачивание ей и ему в голову готовой матрицы мышления.

Концепция непрозрачна в выборе субъектов истории. Если «отход

¹ <https://historyrussia.org/sobytiya/v-tobolske-zavershilsya-pervyj-natsionalnyj-forum-prepodavatelej-istorii.html> (посещение — 17.10.2022). Здесь же текст проекта, ссылки на страницы которого приводим в основном тексте.

от ориентации на страны Запада» это победа разума над идиотизмом неведомых ученику «наших древних», то кому именно НАТО несет опасность — и почему, с какого момента, — можно лишь догадываться. В этом «мы» современной «России в XXI в.» нет ни противостояния мировоззрений, ни политической борьбы, ни конкуренции доктрин. Нет ничего, кроме волевых скул и сжатых кулаков. В России XXI века не осталось ни многопартийности, ни конкуренции программ развития. Весь ответ гражданина историка на испытующие вопросы преподавателя должен состоять из заклинаний и воплей. Россию окружили враги. Расскажи, дочь, как они это сделали. Рассказываю, папа. Россия спасает мир от смертельной пандемии. Об этом говорится в программе дважды — предполагается, видимо, что помощь странам в борьбе с коронавирусной инфекцией должна упоминаться при любом удобном случае в ответ на сомнения в целительной пользе российских преобразований. Ну, нет, сын, не только она, хотя безусловны «успехи в разработке вакцины»! Россия перевооружает свою армию, наращивает устойчивость своей политической системы, повышает свою рождаемость, строит метрополитен в Москве и олимпийские объекты в Сочи! Перед тем, нетрудно догадаться, препод-историк / историчка втюхивает своим чадам об «активизации культурных контактов с Западом» и «засилье иностранной литературы и кинопродукции» (с. 86). Со всем этим реформы последних лет успешно справились.

Сложнее оказалось с «системой независимых СМИ» (с. 85). Она же сло-

жилась? Детский вопрос: папа, а куда делись независимые СМИ? — и огнеликий папа вещает про «бурный рост числа теле- и радио-каналов», мычит про «рост числа», «рост числа» ... Папа, а это все независимые СМИ или уже какие-то другие? Тут, понимаешь, возможна дискуссия (студенты должны дискутировать на протяжении курса истории в общей сложности раз 16, но только не об этом). Пойми, сын, нельзя чтобы все время происходил «бурный рост шоу-бизнеса и индустрии развлечений», нужно же направлять СМИ на мировое благо — спасение мира от НАТО, США, ИГИЛ, «оранжевой революции на Украине» и однополярности. Пойми, дочь, вместо индустрии развлечений у нас теперь свои книги и фильмы, в том числе «высокобюджетные» (а это, ты понимаешь, показатель качества). А СМИ как были, так и остались независимыми. Стали даже еще более независимыми, чем были! Тем более что ты же помнишь: независимость СМИ была весьма условна, потому что их в 1990-е гг. контролировала «группа богатых олигархов» (с. 83). Так и что толку в такой независимости? Папа, а зачем тогда рассказывать о независимости СМИ, если они подчинялись коммунистической идеологии и партийной диктатуре при советской власти, а сразу после этого были захвачены олигархами? Папа, а может быть, «независимость СМИ» и придумали олигархи, чтобы их захватить? А правда, что нынешние фильмы лучше даже, чем «Экипаж» и «Пираты XX века»? Молодец, дочка, первый вопрос правильный, а второй и не задавай!

Вот те на, единственный раз в русской истории новейшего времени

что-то от чего-то освободилось — и его тут же сцапали олигархи. И повернется же язык договорить: а у них отнял Путин и отдал народу. История XX века — калейдоскоп бессмысленных жестов и их исправлений. Российскому гражданину навязчиво прописано знание о том, что распад СССР — это зло, потому что он «не остановил сепаратистских устремлений в самой России» (с. 83). Может быть, хорошо, что он ускорил сепаратистские устремления «в самой» Чечне? Или Грузии, Молдавии, Украине? Вряд ли, но вариант. Можно же подискутировать на семинаре, тем более что навязывать оценки по дискуссионным вопросам программа вроде бы не должна, а распад — для авторов программы вопрос немного, видимо, спорный: «Дискуссия о причинах распада СССР и о соотношении в данном случае внешнего и внутреннего факторов» (с. 82). В распаде виноваты, конечно, отнюдь не те, что весь XX век мелькают на страницах программы: там и титанический «Хрущев» сражается за «потепление международных отношений» (с. 78), и многоликое «советское руководство» берет курс на создание «советского народа» (с. 77). Полная белиберда: и кто за что и почему борется, и в какой связи упоминается! Например, в одном абзаце оказываются: «принятие Конституции СССР 1977 г.», «рост влияния КПСС», «увеличение привилегий номенклатуры», «общественные настроения» и, видимо, как-то связанная с ними «критика власти», «шестидесятничество» (в кавычках), диссиденты (без кавычек) и «уход молодежи в неформальные движения» (с. 77)? Путь от принятия Конституции до ухода молодежи учитель должен преодолеть

одним духом. Как? В чьей голове это уместилось? Как рассказать о «росте влияния КПСС», если за пару уроков до того учитель разглагольствовал о господствующем в советском обществе «догматизме и формализме» и скромно добавлял: «В стране все решала партия и номенклатура, а реальная роль Советов и их депутатов, вопреки Конституции, сводилась к минимуму» (с. 75)? Уже в послевоенном СССР партия «решала все», а в Конституции 1977 г. она решала еще больше. Или так: «уход молодежи» — ясно же любому российскому гражданину, что это беда брежневского «развитого социализма». Но нам это не грозит, ты же понимаешь, дочь. Береги себя, сын, не уходи в неформальные движения, они уже не те, лучше вступай в комсомол, в партию и в прочие ряды. Они без тебя пустуют.

Любить советский период необязательно, но в нем удобно нести кафкианский бред и придумывать заклинания, для которых ныне открыты невиданные просторы. Впрочем, в этом «подходе» намечен хоть какой-то подход. Потому что в предшествующий период истории все лучшее в истории России — это ее войны. Ощущение от программы, как будто историческая миссия нашей страны в том, чтобы спасти мир от вооруженного до зубов зла, а заказчик курсов по истории в наши дни — Министерство обороны и лично Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин. Целый абзац о значении Великой Отечественной войны в программе слеплен из высказываний Путина: «Великая Отечественная война — ключевая составляющая всей Второй мировой

войны (1 сентября 1939–2 сентября 1945 г.), в которой СССР был в составе Антигитлеровской коалиции. Однако в первую очередь именно от событий на советско-германском фронте зависел исход Второй мировой войны. Здесь были разбиты основные силы вермахта (две трети военного потенциала), а боевые действия носили наиболее ожесточенный характер. Во время войны СССР потерял 27 млн человек, больше половины этих жертв — гражданское население. Для сравнения: суммарные военные потери США и Великобритании во Второй мировой войне не превысили 1 млн чел., потери мирного населения в этих странах были несопоставимы с аналогичными потерями СССР» (с. 70).

Надо сказать, историки будущего, как известно историкам, не любят предыдущих президентов. Поэтому в любом случае историческое значение Великой Отечественной войны в великой России будущего ждут великие потрясения. Но в нынешнем виде этот абзац звучит просто нелепо. Его можно наполнить ритуальными словами и жестами, панегириком и проклятиями, но невозможно дополнить ничем еще — только повторить прямо на уроке прямо в том виде, как он озвучен в программе РИО, заставить детей выучить его наизусть, сочинить на эти слова стих и сложить музыку, после чего отпустить их с урока единым строем с песней, каждый выходя поет свою.

Пойдем далее, в глубины прошлого. Советскую власть межвоенного периода от советской власти послевоенного СССР отличает упорная и героическая борьба за выход из

«кризиса» (причем не только своего, но и на «Западе», в Китае или Испании), преодоление «вызовов» и «разрухи» (с. 61–69). Рациональное зерно — при всем тезисном характере программы — здесь главным образом в отрицании тех интерпретаций, которые еще лет 30 назад навязали революционеры первого поколения исторической науке. На смену их мессианскому пафосу в оценках таких ныне полностью забытых фактов российской истории, как «Контрреволюционные устремления правительственных кругов», «Великий перелом», «Триумфальное шествие советской власти». Раньше еще были «Великая Октябрьская революция» или «Империалистическая война». Октябрьской революции и след простыл, зато слово «империя» повторяется в программе, как заклинание, 56 раз, из него одного можно было бы сделать полстраницы программы. И оно ни разу не образует производных монстров «великой эпохи». Быть империей отныне неплохо, а ругаться словом «империалистический» неприлично. Но не все так просто с колониями: они в программах ожидаемо делятся на наши и, не побоюсь этого слова, империалистические. Поэтому колонизация — это позитивный процесс, вроде как освоение. А вот колониальные страны — это зло, если не считать России, которая накануне войны с Японией имела свой «колониальный проект». Скорее всего препод истории убьется, прежде чем назовет его частью мировой колониальной системы. Для такого суждения в программе нет никаких предпосылок.

Перед нами те же останки революционных дискурсов, но в старательно

закавыченном виде, как будто наполнение школьной программы словами в кавычках позволит учителю произносить их с некоторой, отличающей умных и интеллигентных людей, легкой иронией. А в качестве интерпретации можно расставлять эти же слова в таких смехотворных сочетаниях, чтобы у мальчиков и девочек потекли сопли со смеху:

Великий перелом триумфального шествия.

Великая колониальная революция.

Триумфальное шествие правительственных кругов.

Преамбула к истории XX века не оставляет сомнений, что занявшие львиную долю века большевики с их большевизмом были убогим, хоть и «неизбежным» «порождением той эпохи» (с. 57). Подобные формулировки не оставляют сомнений, что антонимов к словам «неизбежный» и «неумолимый» у истории нет, но «та эпоха» хвала всем богам, бесследно прошла. Так и рассказывать! Дети, не думайте, что большевизм в нашу эпоху неизбежен. Почему? Потому что он неизбежен в ту.

В отличие от второй половины программы, первая посвящена всем остальным векам в русской истории, насыщенным калейдоскопическим множеством событий. Она производит впечатление огромного нелепого тезауруса, который не является никакой программой, потому что не содержит ничего программно, не сообщает ученикам ни о существующих в исторической науке дискуссиях, ни о том, как вообще что-то

понимать в истории, как связывать события в интерпретации, как из них создавать образы и рассказы. О русской-японской войне сказано: «Русско-японская война». Ей предшествуют какие-то взаимоотношения между двумя странами (кстати, между Россией и Японией), которые привели к войне, и о них говорится так: «Взаимоотношения России и Японии» (с. 52). Прочтение всего абзаца заставляет думать, что по мнению авторов программы, вопрос о возникновении русско-японской войны неотделим от «колониального проекта России на Дальнем Востоке», однако и сам этот «колониальный проект» нельзя же так просто считать частью мирового колониализма, учитывая, что ему предшествуют: «Столкновение интересов «великих держав» в Африке и Азии» и «Боксерское восстание в Китае». У меня большие сомнения, что рассказать о нашем Дальнем Востоке преподу истории удастся, избегая злобных кавычек в отношении «великих держав» и скромного обаяния нашего Дальнего Востока. Великая Россия могла же себе позволить один маленький колониальный проект, в то время как державы, посмевавшиеся считать себя великими, то и дело урывали кому что перепало.

Но что если дочь спросит у меня: папа, а что, нашим войнам всегда предшествовали несправедливые поступки многих стран, а мы всегда защищали униженных и оскорбленных, спасали мир от колониализма, от «больного человека» Европы (триумфально шествующего), от бонапартизма с его прусским милитаризмом, от опасностей на «южных» и «юго-западных границах». Мы что, папа, всегда так

и бились в неведомо кем построенную непробиваемую стену с Европой и почему-то пробивали ее в таком неудобном месте, на Балтике? Мда. Думаю, в ответ я проямлю что-то лишь бы что и все же гляну в первые страницы программы.

С удивлением для себя я открою там множество странных разделов, которые говорят о глубоких познаниях составителей в мировой истории, причем в весьма специфических ее сюжетах, от которых веет «великой эпохой». Например, в разделе, прямо предшествующем рассказу об Иване Грозном и его страстном нежелании торговать по Белому морю и мечтах торговать все же по Балтийскому, — предполагается (это целая страница программы) рассказ о формировании «национальных государств в Европе», «расширении горизонтов европейской цивилизации», «проникновении португальцев» в разные страны и о «Реформации и контрреформации в Европе», после которых (католикам не должно быть обидно за их Контрреформацию) предполагается даже рассказ на тему: «Религиозные войны во Франции» (с. 22). Это поражает воображение. Позднее препода ошарашит детей еще и рассказом о разразившейся в XVII в. «войне в Нидерландах против испанского владычества», «гражданской войне в Англии» и т.д. вплоть до «начала колонизации европейскими государствами территорий Северной Америки» (с. 27–28). Все это не укладывается ни в каком шаблонном курсе русской истории.

И как отвечать девушкам и юношам по такому предмету? Почему бы и не схлопотать двойку за плохое знание

статей Вестфальского мирного договора (с. 28), европейского романского стиля и готики (с. 18) или темы «Итальянские морские республики (Венеция, Генуя), ганзейские города» (с. 16)? Как будто у препода знание будет сильно лучше. И почему бы тогда не рассказать студентам в начальном курсе о политическом устройстве древней Спарты, а ближе к нашему времени — о революционных преобразованиях Сухарто и Пол Пота, кейнсианстве, АТЭС, АСЕАН и роли России во Второй англо-бурской войне?

Я бы объяснил детям, понимаете дети, авторы программы хотели сказать, что роль России в мире постепенно менялась. Сначала все самое интересное, включая Геную, собор Парижской Богоматери и засевавших в нем Екатерину Медичи и Генриха Наварского, было отдельно от нашей страны, и поэтому приходится подробно учить, какой ужасной была история Венеции, как страдал король Филипп IV, подписывая Мюнстерское соглашение со своими Соединенными Провинциями, так и не дождавшись интернациональной помощи из далекой России. Мир оказался несправедливо огромным и сиротливым без нашей страны, но его незадолго до вступления Ивана Грозного в справедливую войну за Балтику и вхождения Петра Великого в его императорском чине во «всемирный исторический процесс» — этот несчастный истстрадавшийся мир еще до ковида просто-таки растерзали носители капиталистической заразы, к началу XX в. переоблачившиеся в свою подлинную захватническую, колониальную сущность. И нам пришлось, не забывая про «окно в Евро-

пу», свои «юго-западные границы» и проект на Дальнем Востоке, вести многовековую борьбу за многополярный мир, в котором ни одна религиозная война и контрреформация никогда не должны происходить без нашего благотворного участия. Авторы программы замирают перед международными вызовами на всех этапах существования России, и поэтому на месте русской интернациональной миссии еще до Христофора Колумба и жадных до открытий португальцев отдельным абзацем выступают такие лаконичные темы, без предыстории, без минимального содержания: «Внешняя политика русских земель» (с. 14) или «Расширение международных связей Московского государства» (с. 17). Всех земель? А политика одних русских земель по отношению к другим русским землям — внешняя? А расширение связей Московского государства — это по мере сужения дружеских отношений? В какой момент «связи расширились» до Персии, Англии, Франции, Китая или Индии? Что об этом говорить? Препад знает этот предмет на пять? Хотя бы на три-то знает?

Читать подобные проекты — тоска и печаль. Историю преподавать давно, уже с советских времен весьма пустое занятие, причем конкурс «кто лучше обидит историю» выигрывают то литераторы с их язвительными нападками на кондовость языка историков, то злые и практичные математики и физики, которые всегда знают, что пятерка по истории — хорошо, но зачем. Но лучшую победу над историей, думаю, одержит курс физкультуры или труда и обороны. Там научат с пользой для ума упражнять тело и как-никак работать руками. Да и лучше научиться варить себе кофе и держать на турнике уголок, чем варить себе мозг и держать в курсе истории такую математическую физику: «Усиление вектора на «вестернизацию» России» (с. 27). Но главное, преподавание истории будет отрывать студентов от освоения военной техники и стрелкового оружия, которое пригодилось бы в будущем гораздо больше, чем пустопорожние рассуждения о пользе «остального мира» для счастливой России будущего и «многовекторной внешней политики» для одновекторной внутренней.

«ЭТО БЫЛА ПОПЫТКА ПО-ДРУГОМУ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОС И О СОДЕРЖАНИИ ОБРАЗОВАНИЯ — ЧЕМУ УЧИТЬ?»

Интервью с Р. И. Курбатовым

Известный педагог-новатор, историк, автор книг по преподаванию в школе Р. И. Курбатов рассказывает о принципах успешного обучения детей в частной школе, а также о реализованных им проектах — «Ковчег-XXI», «Ковчег без границ», «Открытый Ковчег».

Ключевые слова: «Ковчег-XXI», история в школе, частная школа, «Ковчег без границ», «Открытый Ковчег»

Сведения об авторе: Курбатов Рустам Иванович — историк, педагог. Автор книг: «Школа в стиле экшн: дневник директора частной школы», «Самый ненужный предмет», «Школа, где дети могут ходить на уроках», «Попытка другой школы», «Танки директора школы».

Контактная информация: arche@mail.ru

“IT WAS AN ATTEMPT TO GIVE A DIFFERENT ANSWER TO THE QUESTION ABOUT THE CONTENT OF EDUCATION — WHAT TO TEACH?” Interview with R. I. Kurbatov

A well-known innovative teacher, historian, author of books on teaching at school R. I. Kurbatov talks about the principles of successful education of children in a private school, as well as about the projects he implemented — Kovcheg-XXI, Kovcheg without borders, Open Kovcheg.

Key words: Kovcheg-XXI, school history, private school, Kovcheg without borders, Open Kovcheg

About the author: Kurbatov Rustam, historian, school teacher. Author of books: “Action School: Diary of a Private School Principal”, “The Most Useless Subject”, “A School Where Children Can Go to Classes”, “Trying Another School”, “Principal’s Tanks”.

Contact information: arche@mail.ru

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: Наш журнал занимается вопросами исторической науки, исторического сообщества и его про-

блем. Нас всегда интересуют негосударственные проекты, связанные с историей и образованием. Когда

я увидел у Алексея Каменских информацию о выступлении на «Ковчеге без границ», я сразу заинтересовался и попросил его рассказать об этом, но он ответил, что об этом лучше можете рассказать вы. Этот проект долго развивался по времени и менял свои названия. Первое название «Лицей “Ковчег-XXI”».

Р.К.: Да, вначале это была школа, которая существует до сих пор. Это одна из крупных альтернативных школ России, ориентированных на европейское образование, гуманитарное образование. Эта школа создана в 1992 году, в ней 450 учеников. Школа существует до сих пор, несмотря на нынешний натиск.

С.Э.: Школа «Лицей “Ковчег-XXI”» существует, но сейчас у вас открылся новый проект. А «Ковчег без границ» — это третья школа, или новое ответвление?

Р.К.: Это третья. Во время пандемии COVID-19 случился «Открытый ковчег» — это онлайн-школа. Я всегда скептически относился к онлайн-образованию, но COVID заставил за неделю сделать ту школу. И нам так понравилось, что потом мы уже не смогли её закрыть. Этот проект получился, сейчас у нас там четыреста учеников со всего мира: сорок преподавателей, сто сорок курсов. Есть курсы по школьной программе, есть не по школьной программе. Это, действительно, получилась свободная школа.

А что касается «Ковчег без границ», то формально и организационно это никак с «Ковчегом» не связано. Я живу сейчас не в России, а в Черно-

гории. И сейчас мы сделали «Ковчег без границ» — юридически это другая организация (я должен дистанцироваться от московской школы). Меня, конечно, очень вдохновил «Свободный университет». Я считаю, что это революция в образовании, что это дерзкий и смелый вызов — учить без аттестации, без государственного чиновничества просто тому, чему следует учить, не думая о том, куда впишешься и какие институции признают. Мне кажется, что это очень круто, по-современному. Это, действительно, свободный университет. Я, конечно, вдохновлён и пытался сделать это по образу и подобию. Так что, это три разные организации.

С.Э.: Но они связаны одним человеком. Это этапы вашей педагогической карьеры.

Р.К.: Да, а третья — это «Ковчег без границ».

С.Э.: Перейдём к нашему традиционному первому вопросу: **расскажите о глубине вашей семейной памяти, сколько поколений предков вы помните?**

Р.К.: У меня это одно поколение с хвостиком. Но одно серьёзное поколение. Моя мама 1926 года рождения. Мама пережила на Урале коллективизацию, голод, войну и всё, что было потом. Её отец — мой дед — руководил коллективизацией, а её мама — моя бабушка — была из зажиточной семьи, так что гражданская война была в каком-то смысле внутри семьи. Глубина моей семейной памяти с начала XX века. Трудно считать в поколениях, но фактически — это весь XX век.

С.Э.: Если про дедушку и бабушку вы помните, то это уже три поколения.

Р.К.: Но не больше. Это уральская крестьянская семья и понятно, что нет никаких архивов, ни дневников, ни воспоминаний. А дальше всё перевернуто и потеряно, кто-то исчезал, кого-то забирали. Моя мама долго, практически до последних десятилетий, об этом ничего не рассказывала. И только когда моя дочь в старших классах школы писала работу по устной истории, моя мама ей подробно обо всём рассказала. Эту работу потом опубликовали, она вышла брошюрой. Мама рассказала дочке то, что даже мне никогда не рассказывала. И я понимаю почему — было страшно. Двух дядёв с Урала забрали, что называется «из Сибири в Сибирь». Дед воевал ещё в Гражданскую войну, а после руководил коллективизацией, а на бабушку за то, что она вышла замуж за коммуниста, напали односельчане и проломили ей голову обухом топора.

С.Э.: В общем, типичная для советского человека травматическая память, которая была просто прервана и не передавалась.

Р.К.: Наверное да, потому что могила бабушки была уничтожена, на этом месте построили завод.

С.Э.: А что на вас повлияло в выборе профессии историка?

Р.К.: Я закончил исторический факультет Московского государственного университета. Это было время Перестройки, и эта волна выбросила меня в школу. В то время сильно

чувствовалось это противоречие, что есть какая-то «живая» настоящая честная история, и другая — школьная, которую рассказывают детям. И после четвёртого курса, ещё будучи студентом, я пошёл преподавать историю в свою родную школу, в которой когда-то учился. Это был 1987 год, самый подъём Перестройки, когда действительно казалось, что всё возможно, что Россия станет другой страной — демократической, свободной, европейской. Каждую неделю по средам читали журнал «Огонёк», где были новые разоблачения. Это было время обновления и большой надежды. Хотелось детям говорить правду — я и пришёл в школу.

С.Э.: А как из школьного учителя вы решили стать организатором Лицея «Ковчег-XXI»?

Р.К.: Хотелось создать хорошую школу — это было время, когда всё дышало свободой. Внутри системы это было сделать невозможно. И когда в 1992 году вышел закон о возможности негосударственного образования, то уже через полгода я с друзьями сделал Лицей «Ковчег», тридцатилетие которого неделю назад грустно праздновали.

С.Э.: Расскажите, как устроен «Ковчег», какие принципы?

Р.К.: Хотелось сделать школу для человека. Не для внешних показателей, а для человека. Превратить учебу из скучной повинности в азартное дело, чтобы горели глаза, чтобы это задевало душу ребёнка. Понятно, что десять лет жизни — это и есть жизнь, полная удивления, новых чувств и открытий. А обычная госу-

дарственная школа учила лишь повторять и ходить строем. Это была попытка по-другому ответить на вопрос и о содержании образования — чему учить?

Что-то получилось, мне кажется.

С.Э.: Если школа существует тридцать лет, то можно уже сказать, что она получилась. А название «Ковчег» — это отсылка к библейскому Потопу?

Р.К.: Оно как-то само собой получилось. Это не религиозный ветхозаветный пафос, что всех будем там спасать. А из понимания, что мы делаем сами для себя что-то. Если мы не можем изменить весь мир сразу (так думалось в 1992 году), то мы просто сделаем школу для нескольких десятков детей. И там уже не было никакой альтернативы. Название «Ковчег» так уже прижилось, что и девать его некуда.

С.Э.: Вас было несколько преподавателей, начавших строить лицей?

Р.К.: Да, нас было несколько человек. Это совершенно частная инициатива. И что интересно: те частные школы, что есть сейчас, во многих случаях это такие олигархические структуры, созданные разными корпорациями. Но вместе с тем, с 1990-х годов существуют (да и сейчас возникают) маленькие семейные инициативы. И вот эти семейные инициативы — настоящие и самые правильные, потому что именно там что-то происходит, именно там есть какие-то попытки изменения школы, изменения содержания образования, другого отношения к ребён-

ку. А в этих корпорациях школ из стекла и бетона только много блеска и люкса, а по сути мало что меняется. Была попытка сделать европейскую, свободную школу — можно разными словами сказать. В своё время называли это «нескучная школа», потому что скука — это то, что губит всех в школе: дети ничего не хотят, учителя ничего не хотят, да и родителям ничего не надо. Так что делали европейски ориентированную школу тридцать лет.

С.Э.: Для того, чтобы создать школу, нужно арендовать помещение и т. д. Как вы находили финансирование?

Р.К.: Вообще ни с чего. Я, конечно, могу рассказывать сказки, но вначале был просто подвал в общежитии на тридцать метров. Я же был простым советским учителем. И так постепенно, без дотаций со стороны, без спонсоров и меценатов начали создавать. Первые пять лет мы каждый год меняли помещение. Мы арендовали помещение на вторую смену, нас нигде не пускали. Но потом уже нашли постоянное помещение, но это случилось, повторюсь, лишь через пять лет. Но это была юность и время, когда всё было возможно.

С.Э.: Но всё-таки необходимо держать высокие цены на обучение, чтобы и платить зарплату учителям, и помещение, и т. д. Как вы решали этот вопрос? Сколько у вас стоит учиться?

Р.К.: Со стороны это достаточно дорого; но для Москвы — не очень. Сейчас это шестьдесят тысяч рублей в месяц, но при этом — «Ковчег» —

это школа полного дня с полным набором уроков и дополнительными курсами, с небольшими классами. В округе таких школ нет. Я понимаю, что тысяча евро — это дорого. Для Черногории, для Молдавии — это дорого. И если люди там прочитают, то скажут: «Всё понятно»... Но что я могу сказать, если все частные школы в округе — это двести — двести двадцать тысяч. Почему так? Я не знаю. Я могу сказать, что школа всегда сама себя окупала.

С.Э.: То есть при сегодняшней стоимости в шестьдесят тысяч рублей, этого достаточно для того, чтобы окупать школу?

Р.К.: У нас работают сто учителей и учатся четыреста учеников. Классы у нас от двенадцати до пятнадцати человек.

С.Э.: Каков, как говорили в советское время, социальный состав учеников, это дети интеллигенции, предпринимателей?

Р.К.: Сейчас очень разный состав. Ведь сейчас уже нет такой границы между интеллигенцией и предпринимателями. Например, работники IT-сферы и креативные менеджеры — это интеллигенция или предприниматели?

С.Э.: Если человек на кого-то работает посредством мозгов, то он интеллигенция, если имеет свой бизнес — то предприниматель.

Р.К.: Да, если он на кого-то работает, то он интеллигенция. Но если он человек интеллектуального труда? Я не знаю, это сложный вопрос. На-

верное, в основном это бизнес, самый разный. Это не очень важно для меня сейчас. Есть разный бизнес, есть разные люди, и я могу ответить здесь, что это средний класс и немножко выше.

С.Э.: Скажем так — с более-менее просвещёнными взглядами.

Р.К.: Мне кажется, да. Во всяком случае, это критически думающие люди.

С.Э.: То есть, у вас учатся не дети миллионеров, потому что для них есть ещё более дорогие школы?

Р.К.: Это сложный вопрос. Как я могу сказать — кто учится? Я работаю с детьми, я встречаюсь с родителями. В большинстве случаев я не знаю, кто эти родители, меня это не так уж волнует. Меня волнует, насколько эти люди интеллигентные, можно ли с ними иметь дело, насколько они разделяют наш подход и общие ценности, понимают, о чём идёт речь. Мы не просим родителей писать анкеты и не требуем налоговых деклараций. Я даже могу не знать, кто есть кто.

С.Э.: Из частных школ у вас самые низкие цены?

Р.К.: Частные школы бывают очень разные. Под этим понятием очень много чего объединено. Есть мега-школы достаточно крупные, созданные крупными компаниями, где цена двести — двести двадцать тысяч. А есть хорошие семейные инициативы, где цена может быть сорок — пятьдесят тысяч — это маленькие школы на несколько десятков детей, они малоизвестные, не очень о себе

рассказывают, но это хорошие школы. Так что цена у нас средняя.

С.Э.: **Второй этап возник во время COVID-19 — это школа «Открытый ковчег». Расскажите про него.**

Р.К.: «Открытый ковчег» — это онлайн-школа с двумя направлениями. Первый — для тех детей, которые вообще не ходят ни в какую школу, для так называемых анскулеров (англ. unschooller). Это совершенно замечательные дети. Раньше я думал, что это немного чудачество родителей — не отдавать детей в школу. Нет, на самом деле — это родители, которые взяли на себя этот крест самим учить своих детей.

С.Э.: **Они сами потом сдают экзамены?**

Р.К.: Они проходят аттестацию либо у нас, либо в какой-то другой школе. Я как учитель веду уроки для них, сейчас у меня пять уроков в неделю. Это дети, которым всё интересно, которые на всё готовы, которые готовы учиться без оценок просто так, для себя. То есть, это образование в чистой дистиллированной форме, абсолютно свободное образование. Я преклоняюсь перед этими родителями и восхищаюсь ими, люблю этих детей. Да, это дети со всей России, а сейчас уже со всего мира. Это ведь сложно для родителей — учить детей самим. Но поэтому и дети ходят сюда не на «отработку», а действительно чем-то интересуются.

И вторая ветвь этой школы — для тех ребят, кто ходит в школу, но хочет чего-то большего. У нас есть сто сорок курсов: от астрономии и ар-

хеологии до японского языка — всё что угодно. Это стоит достаточно недорого, стоимость одного часа занятий двести пятьдесят рублей. Это значительно дешевле, чем в известных мне онлайн-школах. Для нас это очень важно, потому что есть дети не только из Москвы, но и из разных городов России. Мы это делаем сознательно. Я очень дорожу этим сообществом родителей, отношениями с ними, потому что я вижу, что это за люди, вижу их поддержку. И учителя чувствуют это. И несмотря на то, что работать онлайн значительно труднее психологически, учителя работают, потому что это значительный источник энергии. Я за эти три года совершенно изменил своё отношение к онлайн-занятиям. Раньше я думал, что нельзя так учить детей. Оказалось, можно! Хотя я никогда этих детей в жизни не увижу, я не знаю их фамилий, только имена (фамилии специально не спрашиваю из конфиденциальности). Но я знаю, что это лучшие ученики. Это просто идеальные, настоящие ученики, которые учатся просто так для себя, не для кого-то. Это чистая форма школы, и «Открытый ковчег» — это полный восторг по этому поводу.

С.Э.: **Дети, которые учатся дома и сдают потом экзамены, — насколько велика их доля в Москве?**

Р.К.: Это очень сложный хороший вопрос. Я всё время сам пытаюсь выяснить и спросить. Но я не знаю. Я спрашивал это у организаторов всех альтернативных движений, но нет чёткой статистики. Но таких детей в крупных городах становится достаточно много, что лишь демонстрирует кризис государственной школьной

системы образования. Эта система, к сожалению, просто уныние и конец всему. Поэтому я считаю, что родители, решающиеся на это — интеллигентные просвещённые родители.

А теперь ещё и второй фактор — родители забирают из школ детей из-за идеологической обработки, уезжают из страны. И поэтому сейчас где-то четверть моих учеников — это Израиль, Латвия, Литва, Франция, Германия, многие другие страны. А что делать? Но это хорошо и тоже меня обнадеживает.

С.Э.: А аттестат зрелости они могут получить?

Р.К.: Это сложный вопрос. Есть аттестация по итогам года и аттестация за 9 и 11 классы. По итогам года получить просто, это можно сделать онлайн. Так делается во многих московских школах и с этим нет никакой проблемы. А вот за 9 и 11 классы необходимо очное присутствие в России. Но я думаю, что в каждой семье этот вопрос решается по-своему. Есть дети (их немного), которые учатся, не имея в виду российского аттестата, они просто учатся. Это тоже правильно, это один из путей. Есть дети, которые понимают, что приедут в Россию и сдадут экзамены ОГЭ в 9 классе и ЕГЭ в 11 классе. Но если дети живут в России, то они просто прикреплены к какой-то государственной школе, где они и сдают экзамены. Это не так трудно. Я тоже думал, что это сложно. Но сдача экзаменов и аттестация — это не такая сложная проблема, многие школы этим занимаются. Очень важно, что даже для интеллигенции, даже для гуманитарной интеллигенции и для ваших читателей школа —

это прежде всего вопрос аттестата. На втором месте — вопрос, до которого часа ребёнок находится в школе. Это два главных интереса даже просвещённых родителей. Так это же нелепо, потому что важнее, что происходит внутри школы, есть ли там настоящая жизнь или нет. Если нас интересует только то, что будет после одиннадцати классов и как долго ребёнок в школе, то как-то даже неприлично, что хорошие люди задают такие вопросы. Главное — что происходит внутри, какие люди работают, хорошо ли детям, учатся ли они думать, развиваются ли их способности. Всегда найдётся организация, которая сможет выдать аттестат.

С.Э.: Это хорошо, что есть такая возможность. Но, с другой стороны, выходит, что люди, которые реально любят своих детей, не отдают их в школу. Это говорит о кризисе образовательной системы?

Р.К.: Тут уж, когда всё повалилось — кризис всякой системы. Конечно. Одна моя прежняя ученица (я сорок лет в школе работаю) живёт в небольшом провинциальном российском городке, она регулярно ходит и высказывает свою точку зрения, но три недели назад она написала, что ребёнку такое сказали на уроках, что она просто забрала детей, потому что ребёнок не должен этого слушать.

С.Э.: А как происходит социализация тех детей, которые не ходят в школу? Нет ли у них проблем?

Р.К.: Социализация, это имеется в виду: «Как они общаются, играют, дружат?» На это я могу спросить: «А как происходит социализация

в школе? Какая социализация в армии, и т.д.?» Ну какая социализация в школе, если ребёнок сидит сорок минут на уроке и просто спит. Социализация происходит на перемене и на школьном крыльце. А для анскулеров что делают умные сильные родители? Дети сидят два-три часа дома и занимаются онлайн по школьной программе, а потом начинаются музыка, рисунок, спорт и т.д. Родители водят их везде. На мой взгляд это и есть настоящая социализация, потому что там, в этих кружках, дети и учатся дружить и жить.

С.Э.: Есть еще одна проблема домашнего образования. Ребёнка нельзя оставить одного, чтобы он занимался, потому что понятно, как он не будет заниматься. А водить его на кружки и школы — это или кто-то из родителей должен не работать, или должны быть для этого бодрые бабушки и дедушки.

Р.К.: Всё зависит от семьи. В начальной школе: 1–3 класс, конечно, дети не могут сидеть сами за компьютером. И, конечно же, кто-то из родителей должен быть. В средней школе, где я веду уроки и у меня дети 10–11 лет, родителей рядом нет. Они лучше родителей справляются с техникой. Ещё один огромный плюс того, что дети учатся самостоятельно — это то, что дети очень заинтересованы. Главная проблема школы в том, что никто ничего не хочет. А здесь — дети, которые ХОТЯТ. В этом разница. И я могу только преклоняться перед этими родителями. Повторюсь — это очень умные и сильные люди.

С.Э.: Они приносят огромную жертву ради своих детей.

Второе направление, о котором вы говорили — это курсы для детей, которые ходят в школу или живут за границей. А те, кто живут за границей, учатся там в местных школах?

Р.К.: Да, они, как правило, учатся в местных школах. У меня есть дети из Дании, Латвии, Литвы, Германии. Они ходят в местные школы. И на мой взгляд это абсолютно правильно. Конечно, если дети живут где-то в европейской стране, я уверен, что они должны учиться на местном языке. Но если они хотят что-то получать по-русски — это тоже нормально. Дети могут всё, а знанием нескольких языков уже никого не удивишь.

С.Э.: То есть, люди, проживающие за границей, хотят, чтобы их дети сохранили русскую идентичность?

Р.К.: Я не знаю насчёт идентичности, это сложный вопрос. И не могу спросить у детей, хотят ли они сохранить русскую идентичность. Не знаю. При этом, они чего-то хотят, и это главное.

С.Э.: Расскажите, пожалуйста, про третий этап «Ковчег без границ»?

Р.К.: Это попытка дать современное гуманитарное образование — cultural & social studies — гуманитарное образование для старшеклассников. Это то, чего, с одной стороны, нет в российских школах по понятным причинам. Потому что история, обществознание и литература не совсем вписываются в общеевропейские представления, как это можно преподавать. А с другой стороны, я убеждён, что сейчас, действительно, это самое важное, что есть — это говорить именно о гуманитарных обще-

ственных науках, потому что именно здесь больше всего говорится разной неправды и надо, чтобы подростки слышали язык умных и честных людей. Очень важно, что это проект для подростков, для старшеклассников, а не для студентов. И в этом смысле проект очень амбициозный. Ведь старшеклассников и студентов сложнее вовлечь в это дело, потому что всех больше интересует вопрос о едином госэкзамене, чем проект о хорошем образовании. Но мне верится, что это возможно, в то, что есть где-то подростки, которые готовы учиться бескорыстно. Не в смысле денег бескорыстно, а в смысле приобретения знаний, которые в прагматическом смысле не будут полезны для сдачи экзаменов. Я не могу сказать, что в этом спасение, что это как-то улучшает мир. Но это единственное, что сейчас мы реально можем делать. Потому что с гуманитарными знаниями полный провал. Поэтому, если и начинать, то начинать надо с этого. Сейчас я пригласил восемнадцать преподавателей. Это, как правило, преподаватели российских университетов, часто — Высшей школы экономики (ВШЭ). Каждый из них сейчас вначале читает по пробной лекции, и потом эта лекция взрывается и превращается в полный курс. Этот проект абсолютно бесплатный для наших слушателей, старшеклассников, почти студентов, потому что хочется, чтобы люди приходили, не думая о каких-то материальных вещах. Мы начали, у нас прошло пять лекций, ходит примерно по сорок человек. Это очень радует, потому что я понимаю, какое состояние сейчас в России — людям не до того, чтобы ходить и слушать что-то по вечерам. Настоящее образование — это ненужная и бесполезная

вещь в привычном смысле слова. Это вещь, которая не всегда утилитарна и прагматична, она не нужна ни для сдачи экзамена, ни для карьеры. Для карьеры нужны навыки, а это настоящее образование — здесь надо выйти за пределы утилитарности.

С.Э.: Как это можно охарактеризовать? Это курс университетского уровня, но простым языком?

Р.К.: Да, можно так. Один из смыслов этих слов — «без границ» — это разрушение границ между университетом и старшей школой. То есть, пришли преподаватели университета, причём люди, которые в первую очередь мне интересны, на которых я сам бы подписался и хотел бы на них ходить и слушать. Они для старшеклассников, потому что это очень круто. Для старшеклассников говорить сложнее, чем для студентов, здесь другой язык. А среди старшеклассников есть ребята и по тринадцать — четырнадцать лет. Сегодня Алексей Каменских говорил по поводу того, как мы конструируем историю, о том, почему история становится полем битвы, почему политические лидеры начинают свои политические заявления как учителя истории — с лекции по истории. Конечно, может быть, это где-то кому-то будет полезно. Сейчас в России сотни тысяч старшеклассников ходят и слушают уроки обществознания, но хочется дать и другое видение. Видение современное, свободное, европейское. Для того, чтобы ребята понимали, что такое гуманитарное знание, что это в каком-то смысле знание более точное и более сложное, чем точные науки, чем высшая математика, потому что

требуется ещё большее напряжение ума и интеллектуальных сил.

С.Э.: А какие курсы у вас намечаются?

Р.К.: Сегодня был Алексей Каменских, на следующей неделе замечательный Игорь Саламатин из Харькова, он читал вводный курс по истории Украины. До этого Юлия Горбатова, известная всем по Вышке, а потом по Свободному университету, — читала специфический курс для подростков «Общение и техника безопасности». Виктор Горбатов, тоже известный по Свободному университету, будет читать курс «Логика на пальцах», Гасан Гуссейнов — «Современная античность». Вот такие имена и ещё много других.

С.Э.: Вы только начали этот проект?

Р.К.: Да, мы только начали, прошёл месяц. Сейчас у нас идут «пробные лекции» — прошло шесть лекций из восемнадцати.

С.Э.: Но это будут не одноразовые лекции?

Р.К.: Сейчас они читают по одной лекции, после этого — если они хотят, если они видят, что курс может получиться, — они предлагают уже курс на восемь лекций, на два месяца. А это уже около ста сорока пяти часов. И это абсолютно бесплатно для наших слушателей.

С.Э.: А дети записываются на несколько курсов?

Р.К.: Как правило, на несколько курсов, мы так договорились. Это не совсем школа и не совсем университет. Я не знаю, что это. Это такая свободная школа для старшеклассников, свободный лицей. С другой стороны — это почти университет. Это что-то пограничное. Понятно, что это то самое образование, которое не заканчивается никакой корочкой, никаким дипломом. Но может быть это и не страшно, потому что существуют всякие организации, которые мало чему учат, но выписывают дипломы. Пускай будут такие организации, которые чему-то учат, но ничего не выписывают. Мы просто учим.

С.Э.: Последнее время я наблюдаю, что диплом спрашивают всё меньше при приёме на работу, а спрашивают, что человек может делать.

Р.К.: Совершенно верно. Меня вдохновляет подвиг Свободного университета. Они решили просто учить, не думая о дипломе. Мы делаем так же — мы не даем дипломов, просто учим, и наиболее серьёзным нашим слушателям преподаватели напишут рекомендательные письма. Я не знаю, будет ли их кто-то читать или нет, но мы их напишем. Возможно мы сможем сделать эту школу такого уровня, что эти рекомендательные письма будут где-то читать. Я думаю, что сейчас такая ситуация, что надо делать школу. Как тридцать лет назад надо было делать школу, так и сейчас.

С.Э.: Спасибо за интервью!

Р. И. Курбатов

РЕМЕСЛО ИСТОРИКА: КАК УЧИТЬ ИСТОРИИ В ШКОЛЕ

Текст представляет собой рассуждение о том, как можно иначе преподавать историю в школе. Основной акцент сделан на том, как изменив преподавание можно сделать акцент на истории повседневности, изучении устной истории и разбираться, почему даже у свидетелей одних и тех же событий часто бывают разные интерпретации и взгляды на них.

Ключевые слова: «Ковчег-XXI», история в школе, частная школа, «Ковчег без границ», «Открытый Ковчег»

Сведения об авторе: Курбатов Рустам Иванович, историк, педагог. Автор книг: «Школа в стиле экшн: дневник директора частной школы», «Самый ненужный предмет», «Школа, где дети могут ходить на уроках», «Попытка другой школы», «Танки директора школы».

Контактная информация: arche@mail.ru

R. I. Kurbatov

THE HISTORIAN'S CRAFT: HOW TO TEACH HISTORY AT SCHOOL?

The text is a discussion of the author about how history can be taught differently at school. The main emphasis is on how, by changing teaching, one can focus on the history of everyday life, the study of oral history and analyze with schoolchildren why even witnesses of the same events often have different interpretations and views on them.

Key words: Kovcheg-XXI, school history, private school, Kovcheg without borders, Open Kovcheg

About the author: Kurbatov Rustam, historian, school teacher. Author of books: "Action School: Diary of a Private School Principal", "The Most Useless Subject", "A School Where Children Can Go to Classes", "Trying Another School", "Principal's Tanks".

Contact information: arche@mail.ru

Данный текст — это попытка порассуждать, как можно преподавать

историю в школе. Этот вопрос был сложным всегда, но в последнее вре-

© Р. И. Курбатов, 2022
DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-196-201

мя в России стоит особенно остро. Не знаю, насколько этот небольшой текст сможет претендовать на решение этого глобального вопроса, но постараюсь высказать несколько своих соображений о методологии, вопросах для обсуждения и взглядах на школьную историю. Я постараюсь показать, как можно учить детей истории прежде всего через историю *устную*, историю *повседневности* (как стали в первой половине XX века работать историки школы Анналов), а также приведу примеры вопросов для обсуждения с детьми на уроках.

Прежде чем говорить с детьми о прошлом, важно ответить на вопрос, *что* изучать на уроках истории. Не просто фактам, не пропаганде, а именно истории. Раньше я думал, что, если переписать советский учебник истории и написать правдивый — всё будет хорошо. Однако это будет тоже готовый рассказ — готовое историческое знание. Довольно быстро мне пришла в голову идея, что если убрать из учебника все выводы и обобщения, оставив только факты, то получится правильный и правдивый учебник истории, а ученик все поймет сам. Это было время перестройки, когда разбрасывались идеологические штампы, поэтому эта идея казалась вполне возможной. Тридцать лет спустя идея об учебнике без выводов (*неучебнике*) меня не оставляет. Там может быть всё: от счетов таверны, как писал Марк Блок, до фрагментов советского учебника. И разбирать с учениками и заниматься дешифровкой этих текстов через внимательное чтение, постановку правильных вопросов авторам и попытку ответа от лица тех

же авторов, опираясь на контекст. И, последний этап, — попытка собственного взгляда (интерпретации) событий — взгляда историка, который может далеко выходить за рамки мнений и взглядов участников событий. Я даже сомневаюсь, что задача историка — это понять, как «было на самом деле». В этой формулировке «на самом деле» слышится призыв к объективности точных наук: как оно было само по себе, без искажений и интерпретаций. Как будто история возможна сама по себе, без участников и свидетелей. Можно дать ученику несколько текстов, несколько взглядов, версий, исторических нарративов, чтобы он мог сравнивать, сомневаться, обдумывать. Ни один учебник или даже текст летописи — это не рассказ как «было на самом деле», и лишь сопоставляя, анализируя разные рассказы, ученик может найти ответ на этот вопрос. Именно этому и нужно учить — «ремеслу историка».

Дело же историка — задавать вопросы. В обычной истории ответы на них получить трудно, участников уже нет. На мой взгляд, крайне важная составляющая школьного курса истории — это устная история, где можно задавать любые вопросы, слушать ответы и опять спрашивать. Давать подобные исследовательские задания детям может быть крайне интересным и эффективным методом: во-первых, под рукой не сравнимый ни с чем источник — человек (родители, бабушки/дедушки); во-вторых, исследований по истории тридцати-, сорокалетней давности не так много; в-третьих, даже первоклассник сможет справиться с таким исследованием, что позволяет прививать «ремесло

историка» даже до появления в школе истории как отдельного предмета. Конечно, просто записать рассказ, это еще не написать историю. Здесь сразу и возникает вопрос, а можем ли мы по рассказу очевидца и участника понять, как «оно было на самом деле» даже вчера, не говоря уже о событиях, произошедших десять или сто лет назад? Искать другого рассказчика, другой источник. Сравнивать, сопоставлять, находить противоречия, несовпадения и пытаться понять, откуда они: автор забыл, не знал, не придал значения, пытался ввести в заблуждение? Искать совпадения, но сильно радовать им, совпадения не означают, что именно так и было, они могут быть вполне риторическим приемом, принятым способом рассказывания истории, не более. Скорее всего в итоге получится пятнадцать разных точек зрения, в прямом смысле слова «точек зрения», потому что каждый рассказчик стоял на своей точке и оттуда смотрел на происходящее. И именно этот факт наиболее полно покажет ученикам, как трудно (но интересно!) работать историком.

Устная история — настоящий практикум для маленького историка. Это видно и по фильмам. Здесь ученики понимают, что, во-первых, сами интерпретации (точки зрения, нарративы, способы рассказывания) — такая же реальность и такой же предмет изучения, как и «как было на самом деле». Во-вторых, художественные фильмы в каком-то смысле правдивее и «объективнее» документальных: в художественных нет претензий на объективность, всем понятно, что это вымысел, в то время как в документальных нас хотят уверить, что всё это — правда, «как было на самом деле».

Когда-то начав читать тексты о повседневной жизни Франции XIX века, мне стало понятно, насколько важно и интересно подобные темы разбирать вместе с детьми. В обычном школьном курсе истории обычно выделяют параграфы по экономической истории, техническому прогрессу и в конце (обычно, самый нелюбимый учениками) параграф о культуре. Все остальное время идет рассказ о правителях, реформах, войнах и других вещах. До сих пор многие историки слегка свысока смотрят на историю повседневности, как будто не понимая, что может быть интересного в приемах пищи, браках и разводах и других «обычных» вещах. А ведь это огромный пласт, который также стоит обсуждать. Когда-то прочитав книги Веры Мильчиной, меня поразило, что в Париже в начале XIX века на Сите была харчевня, где хозяйка варила из кусочков мяса наваристый бульон, а это мясо было остатками со столов аристократии. Разговор о хозяйке харчевни заставил меня подумать об остатках пищи в нашей школьной столовой: что делать с ними? Не выбрасывать же еду? Разрешать поварам уносить домой? Почему в городе Париже в середине XIX века стали столь модны и популярны рестораны *a la carte*, где готовили пищу по индивидуальному заказу? Почему эти *a la carte* сменили архаичные табльдоты, когда хозяйка готовила одну кастрюлю на всех и кто сидел ближе к ней, тот и вылавливал лучшие кусочки мяса?

Эти, казалось бы, незначительные вещи хорошо впитываются учениками, так как это не просто какие-то абстрактные события прошлого, а практики, которые им всем вроде бы хорошо знакомы. А историческая

дистанция все же есть, что придает интереса. Поэтому разбирая на уроках повседневную жизнь, всегда нужно через обсуждения делать акцент на трансформациях практик поведения. У меня получилось создать нечто вроде анкеты исследователя, какие вопросы надо разбирать с учениками во время обсуждения истории повседневности. Темы могут быть и шире, это примеры из наиболее удачных и продуктивных уроков.

Место действия. Где обычно это происходит? Дома, на улице, в общественных местах? Состав участников. Кто собирается? Маленькая семья, большая, с друзьями, сослуживцами? Или в одиночку кто-то?

Подарки: кто, кому, за сколько, когда, какие?

Появление первого лица в телевизоре, произносящего разного рода заклинания.

Праздничная еда. Что на столе: шампанское, заливная рыба, и закончим с того, чего начала — салат оливье.

Интересно сравнить этот праздник с другими: восьмое марта, День ВДВ. Сравнить.

Как праздновали Новый Год родители тридцать лет назад и мы сегодня. В Москве и в провинции — одинаково ли? В других республиках бывшего СССР: какие фильмы смотрят, пьют ли шампанское, салат оливье опять же?

Новогодняя елка! Искусственная или настоящая, какие игрушки, кто наряжает?

Интересно, если по вопросу об елке, месте встречи, слушать или не слушать речь президента, о рецепте салата оливье есть разные точки зрения у разных участников ритуала, какая аргументация побеждает и почему?

Какой смысл во всем этом? Со стороны немного посмотреть на привычные действия, задуматься о том, насколько традиционна традиция, в силу чего меняется наше обычное поведение, как в новогоднем ритуале преломляются социальные, экономические и даже политические реалии. Посмотреть на себя со стороны — и удивиться. А с удивления и постановки хороших вопросов, как известно, всё начинается.

Это к тому, что первой темой школьного курса истории может быть тема: что такое история? Или как представляли себе историю в разные исторические эпохи? Чему учили детей, что писали в учебниках?

Наконец, двадцать лет назад я подумал о том, что возможно не обязательно в школе историю преподавать исторически. Я ничего не утверждаю, но предполагаю возможность. Литературу не преподают исторически от Гомера до современности, а скорее от Чуковского до Пушкина. Философию преподают, где она есть как отдельный предмет, не как историю философии, а по мировоззренческим темам. Искусство тоже можно проходить не линейно. Линейность истории или история в нынешнем ее понимании вызвана двумя обстоятельствами: христианским, впоследствии — гегельянским и марксистским представлением о прогрессе

и понимании истории как череды событий, политических по преимуществу, поскольку мы имеем историю как историю власти, написанной властью.

Кроме событийной истории, «истории, рассказывающей истории», как писал Марк Блок, есть и другие грани человеческой жизни, такие как: история семьи, история детства, экономическая история, социальная история, история повседневной жизни, история идей, искусства. Есть собственно и политическая история — шире, чем событийная, это история власти, политических систем и политических идей. Семь лет школьной истории могли бы быть семью разными историями. Можно начать с истории детства, потом — история повседневности, хозяйства, искусства, завершить круг историей идей или собственно философией истории.

История как линейная череда событий лишь один из вариантов представления, вариант очень исторический. Может быть нам будет интересно не просто проходить прошлое, а искать собеседников в нем, ставя разные вопросы. Конечно, это будет курс изучения скорее современности и самого себя через диалоги с людьми других культур. Любой рассказ (текст учебника, труд историка, художественное или документальное кино, рассказ бабушки и даже «исторический источник») — это рассказ, и не так важно, это советский учебник или Повесть временных лет — мы имеем дело с некоторой историей, рассказанной нам кем-либо. Это определенный нарратив, и к нему надо относиться как к рассказу:

смотреть со стороны, задавать вопросы, удивляться, видеть странности, общие места, определять позицию автора — подвергать нарратив деконструкции.

Когда ученик приходит в школу, на уроках истории в следующие годы у него будет много работы: перед ним тысяча исторических документов, текстов, источников, которые надо разложить, подвергнуть критике и понять. Вот примерный список вопросов, с которых стоит начинать: Кто автор? Когда жил? Сколько времени отделяет его от события, о котором он рассказывает? Что мы знаем еще о жизни автора? Род его деятельности: политик, монах-летописец, профессиональный историк; обычный человек, рассказывающий историю? Школьный учитель? Был ли заказчик у этого рассказа — человек, по просьбе или приказу которого писалась история? Откуда автор знает о событии? Видел своими глазами, друзья рассказали, в книге прочитал, работал в архивах? Кому и зачем он рассказывает это? Каков жанр этих записок? Что это: летопись, дневниковые записи, художественный фильм, роман, юридический документ, рассказ внукам, учебник истории для средней школы? Можем ли в рассказе выделить фактическую сторону и отличить ее от всяких выводов и обобщений? Факты от мнений? Есть ли какие-то странности в рассказе? Противоречия? Умолчания? Явные шероховатости текста, которые бросаются в глаза и вызывают вопросы?

А потом берется еще один рассказ о том же событии и происходит сопоставление источников: о чем не

захотел говорить автор и почему? Не знал, не считал важным, по какой-то другой причине? О чем рассказал детально и подробно и почему? Даже если в тексте нет оценок и личных

мнений, только факты, почему из миллиона фактов, действий, событий, слов автор выбрал именно эти «факты»? Вот этому, кажется, и надо учить на уроках истории.

Ю. А. Щербакова

СПОР ЕВРОПЕЙСКИХ ГОСУДАРСТВ О КОНФИСКОВАННОМ ИМУЩЕСТВЕ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ СПОРОВ. К ИСТОРИИ КОНФЛИКТА МЕЖДУ ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И КНЯЖЕСТВОМ ЛИХТЕНШТЕЙН

В статье рассматриваются обстоятельства возникшего между двумя государствами Европы, Чешской Республикой и Княжеством Лихтенштейн конфликта вокруг принадлежавшего княжеству имущества, конфискованного Чехословакией в соответствии с декретами Э. Бенеша. Речь идет о двух замках, находящихся в настоящее время на территории Чешской Республики — Валтицком и Ледницком, а также о значительной территории в районе Ржичан. Чешская Республика считает претензии Лихтенштейна обосновательными и отказывается их удовлетворять. Анализируются причины, лежащие в основе чешского отказа, и возможные перспективы решения конфликта. Рассматриваются позиции российских историков в отношении этих перспектив.

Ключевые слова: Чешская Республика, Княжество Лихтенштейн, имущество, конфискация.

Сведения об авторе: Щербакова Юлия Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки Института научной информации по общественным наукам РАН.

Контактная информация: juli.bak@mail.ru

Y. A. Shcherbakova

THE DISPUTE OF EUROPEAN STATES ON CONFISCATED PROPERTY AS A KIND OF HISTORICAL DISPUTES. TO THE HISTORY OF THE CONFLICT BETWEEN CZECH REPUBLIC AND PRINCIPALITY OF LIECHTENSTEIN

The article deals with the circumstances of the conflict between two European states — the Czech Republic and the Principality of Liechtenstein over the property belonging to the principality, confiscated by Czechoslovakia in accordance with the decrees of Edvard Beneš. We are talking about two castles currently located on the territory of the Czech Republic — Valtic and Lednice, as well as a significant territory in the Ržičany district. The Czech Republic considers Liechtenstein's claims groundless and refuses to satisfy them. The reasons underlying the Czech refusal and possible prospects for resolving the conflict are analyzed. The positions of Russian historians regarding these prospects are considered.

Key words: Czech Republic, Principality of Liechtenstein, property, confiscation.

About the author: Shcherbakova Yulia Alexandrovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of Europe and America of the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Contact information: juli.bak@mail.ru

Послевоенная конфискация имущества княжества Лихтенштейн долгое время остается предметом разногласий между ним и Чехословакией, а затем Чешской Республикой. Споры по этому делу длятся и не решаются много лет. Именно поэтому дипломатические отношения между двумя государствами были установлены только в 2009 году.

Княжество Лихтенштейн¹ — одно из самых маленьких в мире государств. Его площадь составляет всего 160 квадратных километров (размеры — 20x8 км). В Лихтенштейне самый высокий в мире доход на душу населения. Официальный язык Лихтенштейна — немецкий. В Лихтенштейне нет собственной национальной валюты, её функцию здесь выполняет швейцарский франк. Страна не является членом НАТО и не входит

в Евросоюз, но участвует в Шенгенском соглашении. Население страны 38 тыс. человек. Приблизительно треть проживающих в стране людей — иностранцы.

В исторических хрониках первые из князей Лихтенштейнов появляются в XII веке. Основателем династии считается Хуго фон Лихтенштейн. Он же построил замок Лихтенштайн под Веной. Замок был сложен из светлого камня, отсюда произошло и его название. Сегодня согласно «Всемирной книге фактов», которую издает ЦРУ, Лихтенштейн самая богатая страна в мире по номинальному валовому внутреннему продукту на душу населения.

Современный Лихтенштейн продолжает придерживаться традиционной монархической формы правления.

¹ Или же Лихтенштайн (по-немецки: Liechtenstein – «Светлый камень»).

В Конституции Лихтенштейна указано, что Княжество является «конституционной наследной монархией на парламентско-демократической основе». Князь обладает широкими полномочиями, осуществляет управление государством, визирует принимаемые ландтагом (парламентом) законодательные акты, представляет Лихтенштейн во взаимоотношениях с другими государствами, назначает государственных служащих, обладает правом помилования, абсолютно вето на любой закон, принимаемый парламентом, и на результаты референдумов, имеет право роспуска правительства и парламента Лихтенштейна, единолично принимать особо важные законы и назначать судей. На данный момент полномочия князя Лихтенштейна являются самыми широкими среди европейских монархий (за исключением Ватикана) и приближаются к полномочиям абсолютных монархов. Во времена кризиса Князь может объявить о чрезвычайном положении (Конституция, ст. 10) и фактически расширить свои и без того значительные полномочия (Княжество Лихтенштейн 2022).

Войны и революции обходили Лихтенштейн стороной, и к началу XX века княжество превратилось пусть и в карликовое, но с политической точки зрения полноправное независимое государство.

Вплоть до окончания Первой мировой войны Лихтенштейн был тесно привязан к Австро-Венгрии, но после ее поражения и распада главным партнером княжества стала Швейцария. Валютой Лихтенштейна стал швейцарский франк. Вместе с тем до аншлюса 1938 года представители кня-

жеского рода Лихтенштейнов жили в Вене и лишь после присоединения Австрии к Третьему рейху перебрались непосредственно в княжество.

Как и Швейцария, Лихтенштейн с началом Второй мировой войны провозгласил нейтралитет. Княжество оккупации не подверглось: по одной версии, из-за немецкого этнического происхождения подавляющего большинства жителей, по другой — из-за лояльности княжеской семьи по отношению к нацистам.

Сегодня об этом в княжестве не любят вспоминать, но около сотни его граждан в годы войны воевали в рядах формирований Третьего рейха. Если учесть, что все население Лихтенштейна в ту пору составляло чуть более 11 000 человек, число не такое уж и маленькое (Семейное дело 2020).

Первого июля 2012 года в княжестве Лихтенштейн состоялся референдум, на котором рассматривалось сокращение полномочий князя. Его инициаторами стали местные левые, которые объединились в движение «Ваш голос имеет значение». Главной идеей было лишение права монарха абсолютного вето, которое он может накладывать не только на решения парламента, но и на результаты общенационального референдума. Левым противостояло общественное движение «Мы — Лихтенштейн», которое объединило в своих рядах правую патриотическую общественность страны. Противостояние завершилось блестящей победой правых: более 76% лихтенштейнцев поддержали своего князя (Полная победа 2012).

Связь Чехии с этим княжеским родом имеет глубокие исторические корни. В течение многих столетий Лихтенштейны относились к числу богатейшей аристократии, чьи обширные владения простирались в Чехии и Моравии. К фамильному имуществу принадлежали, помимо прочего, замки Вальтице и Леднице с крупнейшим в Европе парковым комплексом, внесенными в настоящее время в список культурного наследия ЮНЕСКО. Площадь паркового комплекса составляет 283 кв. км, тем самым значительно превосходя площадь самого княжества. Вообще надо сказать, что из двадцати двух замков в Чехии потомки известных аристократических фамилий претендуют на шесть (На что надеется Лихтенштейн 2022). «Претензии касаются только тех объектов, где в качестве владельца в кадастре указано государство», — говорится в заявлении княжеского фонда Лихтенштейна. По словам его представителей, семья не претендует на объекты, находящиеся сегодня в собственности или аренде у частных владельцев, образовательных учреждений, отдельных населенных пунктов или церкви (На что надеется Лихтенштейн 2022). «Фонд князя Лихтенштейн, правящего князя Ханса-Адама II и другие истцы — лихтенштейнцы приняли решение поступить великодушно. Именно государство, а не населенные пункты, университеты или частные лица злоупотребили Декретами Бенеша для получения имущества Лихтенштейнов. Так называемые третьи стороны не могут и не должны нести ответственность за действия государства», — подчеркивает пресс-секретарь Фонда Михал Ружичка (*Aйзтурвит* 2019). Часть своего чеш-

ского имущества семья потеряла еще после Первой мировой войны, в ходе земельных реформ, но львиная доля собственности была конфискована в 1946 году на основании Декретов президента Чехословакии Эдварда Бенеша.

В настоящее время чешское государство ведет две имущественные тяжбы с княжеским семейством, в том числе о праве собственности на 600 гектаров леса неподалеку от поселка Ржичаны в предместье Праги. В декабре 2018 года Фонд князя Лихтенштейн подал в двадцать шесть районных судов Чехии иски на возврат недвижимости.

Истоки конфликта восходят, таким образом, к событиям первых послевоенных месяцев. 25 октября 1945 г. Э. Бенеш издает декрет "О конфискации вражеского имущества и фондах национальной реставрации", в котором говорилось о конфискации в пользу Чехословакии (без компенсации) имущества, находившегося в собственности Рейха, Венгрии и лиц немецкой и венгерской национальности. В соответствии с декретами Бенеша князь Лихтенштейн объявлялись коллаборантами. Однако для этого не было весомых оснований. Историки напоминают, что, в отличие, например, от Швейцарии и СССР, Лихтенштейн не признал учреждение нацистами протектората Богемия и Моравия и не прервал дипломатические связи с чехословацким правительством. Князь Франц Иосиф посылал пожертвования эмигрировавшему президенту Эдварду Бенешу. В 1939 году подданные княжества выступили против попытки нацистского переворота и за

независимость своей страны от рейха. С 1933 по 1944 год Лихтенштейн дал убежище примерно 400 беженцам, 125 из которых были евреями (Княжество Лихтенштейн 2022).

Таким образом, обвинения лихтенштейнских князей основываются на достаточно спорных доказательствах, поскольку члены семьи не поддерживали нацистов и защищали евреев. Кроме того, супруга 13-го князя Франца I Эльза фон Гутманн происходила из еврейской семьи, будучи дочерью венского коммерсанта родом из Моравии. Конфискация имущества в послевоенной Чехословакии была основана на решении суда, в котором указывалось, что 14-й князь Лихтенштейна Франц Иосиф II (1906–1989) признал себя гражданином нацистской Германии. Фонд Лихтенштейна на это возражает, указывая, что князь оставался главой независимой страны, и такое утверждение «является грубым искажением исторических фактов и международного и чешского права с целью конфискации его имущества» (Айзнурвит 2020). Как бы то ни было, и конституционный суд посткоммунистической Чехии встал на сторону чешского государства, отказавшегося признать за князьями Лихтенштейн право собственности на 600 гектаров леса неподалеку от Праги.

Помимо Вальтицкого комплекса и неоготического замка Леднице среди имущества, на которое претендует семья, — целый ряд других исторических объектов, например, замок Штернберг в районе Оломуца, который являлся семейной собственностью Лихтенштейнов

с конца XVII века. В иске также указано около 70 тысяч гектаров сельскохозяйственных земель. «Наряду со Шварценбергами, это была семья с самыми обширными владениями на чешской территории. Их центр находился в Моравии, однако Лихтенштейнам принадлежала собственность также в Силезии и в Чехии. Однако, по сути, это было моравское аристократическое семейство», — поясняет чешский историк Вацлав Горчичка (Horčíčka ... 2011; Айзнурвит 2020).

Правительство княжества Лихтенштейн подало на Чехию государственную жалобу в Европейский суд по правам человека. Так оно отреагировало на решение конституционного суда Чехии, который признал правомерным национализацию владений княжеского дома Лихтенштейнов, основываясь на декретах Бенеша. Общеизвестно, что декреты чехословацкого президента Эдварда Бенеша стали после Второй мировой войны основанием для выселения немецкого меньшинства из страны. А в наше время чешский суд подтвердил, что считает лихтенштейнцев немцами. С этим утверждением не согласилось княжество. Конституционный суд Чехии подчеркнул, что иск о признании права собственности не может рассматриваться в отрыве от смысла и целей законодательства о реституции. «С учетом исторических обстоятельств и судебной практики Конституционного суда считать законным судебное решение, постановившее, что переход права собственности на основании Декретов произошел ex lege», — указано в резолюции. Конституционный суд, занимавшийся делом с 2017 го-

да, не удовлетворил прошение Фонда на приостановку рассмотрения дела в связи с продолжением дипломатических переговоров между Княжеством Лихтенштейн и Чешской Республикой (*Айзпурвит* 2020).

Последнее решение Конституционного суда Чешской Республики фонд характеризует как «очередное попрание прав по защите имущества» и заявляет, что вердикт «ставит под угрозу суверенитет княжества Лихтенштейн с точки зрения международного права». Ранее юридические представители семейства заявляли, что готовы передать рассмотрение дела в Европейский суд по правам человека (*Айзпурвит* 2019).

Требую вернуть земли, отнятые у княжеской семьи после Второй мировой войны, в столице Лихтенштейна Вадуце вероятно и не надеются получить обратно владения, отстоящие от границ княжества более чем на 400 км по прямой и отделенные от него территорией Австрии, а вот выторговать у чехов денежную компенсацию вполне реально, пусть и не сразу. Об этих целях недвусмысленно заявила министр иностранных дел Княжества Лихтенштейн Катрин Эггенбергер: *"Чем меньше страна, тем важнее для нее отстоять свои права, а конфискация без компенсации категорически неприемлема"* (*На что надеется Лихтенштейн* 2022).

Заместитель министра иностранных дел Чехии Мартин Смолек, комментируя жалобу, отметил, что, согласно предварительной позиции страны, дело не должно рассматриваться в ЕСПЧ. По словам Смолека, ранее суд не занимался вопросами, воз-

никшими до принятия Европейской конвенции по правам человека.

Рассматривая перспективы удовлетворения претензий Лихтенштейна к Чешской Республике, российский историк германист Сергей Кудряшов в беседе с РБК заявил, что разные страны время от времени поднимают подобные вопросы, однако документы, устанавливающие границы в Европе, не позволят им добиться положительного для себя результата. «Как вы знаете, после Второй мировой войны менялась территория Польши, Советского Союза, Германии, Венгрии. Долго шли споры, акции. В 70-х годах было подписано Хельсинкское мирное соглашение, которое окончательно установило границы в Европе. Его подписали все европейские страны. Это было большое достижение [лидера СССР Леонида] Брежнева. Если к этому возвращаться, мы столкнемся с таким клубком противоречий, что этот вопрос сложно будет отрегулировать». Он убежден, что Лихтенштейну, вероятнее всего, не пойдут навстречу. «У каждой страны свои вопросы. Если туда углубляться, будет вечный конфликт. После 1991 года образовались новые государства, но территориальные вопросы уже решались между этими государствами: Украиной, Россией, Белоруссией и так далее. В европейских странах все осталось, как было. Потому что, если возвращаться назад, полякам захочется Западную Украину и Белоруссию, Львов [вернуть] назад. Как быть с Калининградской областью? Я думаю, что [обращение Лихтенштейна в ЕСПЧ] несет исключительно политические и рекламные цели. Тем более это предложение не поддержат в Евросоюзе» (Семейное

дело 2020). Аналогичного мнения придерживается и член Ассоциации историков Второй мировой войны им. профессора О.А. Ржешевского Дмитрий Суржик, который заявил, что, по его мнению, «претензии Лихтенштейна не приведут к каким-либо территориальным изменениям» (Семейное дело 2020).

Не желая полностью лишиться сокровищ из коллекции князей и стремясь частично восстановить историческое убранство принадлежавших этому семейству замков, Чешская Республика предприняла определенные шаги по возврату ее части. На проходившем в Амстердаме аукционе представители чешского Национального центра по охране памятников культуры стали крупнейшими покупателями этих артефактов. Ими были приобретены 28 предметов. На их приобретение Чешская Республика первоначально выделила 10 млн крон (примерно 230 тысяч евро), а потом добавила еще 3 млн крон. В ее покупательской корзине оказались три гобелена за 30,5 тыс. евро, ранее украшавших замок графа Штернберк, а также натюрморт с цветами Яна Брейгеля XVII в. за 50 тыс. евро и другие картины фламандских и итальянских живописцев (Часть коллекции 2022).

В заключении отметим, что рассматриваемые в статье проблемы не вызывают слишком большого интереса ни в чешском обществе, ни среди чешских ученых.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Айзпурвит 2019 — *Айзпурвит* К. Князя Лихтенштейн продолжают добиваться от Чехии возвращения фамильной

собственности. — 05.02. 2019. -Режим доступа: <https://ruski.radio.cz/knyazy-lihtenshteyn-prodolzhayut-dobivatsya-ot-chehii-vozvrashcheniya-familnoy-8139387> 05.02.2019 (Дата обращения 17.05.2022)

Айзпурвит 2020 — *Айзпурвит* К. Чехия вновь отказалась вернуть князьям Лихтенштейн фамильные угодья.-25.02.2020. — Режим доступа:<https://ruski.radio.cz/chehiya-vnov-otkazalas-vernut-knyazyam-lihtenshteyn-familnye-ugodya-8107143> (Дата обращения 28.05.2022)

Княжество Лихтенштейн 2022 — Княжество Лихтенштейн. — Режим доступа: <https://business-swiss.ch/lihtenshtejn/> (Дата обращения 05.05.2022)

На что надеется Лихтенштейн 2022 — На что надеется Лихтенштейн, требуя от Чехии вернуть земли, отнятые у княжеской семьи после Второй мировой войны?- Режим доступа: <http://narpolit.com/istoriya-sovremennosti/na-chto-nadeetsya-likhtenshtejn-trebuya-ot-chekhii-vernute-zemli-otnyaty-u-chlenov-knyazheskoj-sem-i-posle-vtoroj-mirovoj-vojn> (Дата обращения 04. 05.2022)

Полная победа 2012 — Полная победа монархии Лихтенштейна!!!- 12.08. 2012. — Режим доступа: <https://serg-slavorum.livejournal.com/190381.html> (Дата обращения 10.05.2022)

Семейное дело 2020 — Семейное дело: какие земли хочет забрать у Чехии Лихтенштейн и при чем здесь Россия. — 01.09.2020. — Режим доступа: <https://ruposters.ru/news//semeinoe-delo-lihtenshtein-zemli> (Дата обращения 01.06.2022)

Часть коллекции 2022 — Часть коллекции рода Лихтенштейн вернется в чешские замки. — Режим доступа: <https://ruski.radio.cz/chast-kollekcii-roda-lihtenshteyn-vernetsya-v-cheshskie-zamki-8597545> (Дата обращения 22. 05.2022)

Horčička 2011 — *Horčička V., Suchánek D., Županič J. Dějiny Lichtenštejnska Pr.*, — 2011. 234 s.

М. А. Артемьев

ЧИТАЛ ЛИ ГЮГО ЛЕРМОНТОВА? («БОРОДИНО» И «КЛАДБИЩЕ В ЭЙЛАУ» КАК СОЛДАТСКИЙ НАРРАТИВ О НАПОЛЕОНОВСКИХ ВОЙНАХ)

Текст посвящен сравнительному анализу поэм Михаила Лермонтова «Бородино» и Виктора Гюго «Кладбище в Эйлау». Сопоставляются сюжет, повествование, сходство и различие обоих произведений.

Ключевые слова: Михаил Лермонтов, Виктор Гюго, наполеоновская эпоха, Бородинское сражение.

Об авторе: Артемьев Максим Анатольевич. Кандидат психологических наук, доцент. Журналист, писатель, литературный критик. Автор книг «Путеводитель по мировой литературе», «Гюго» (в серии ЖЗЛ).

Контактная информация: art-maksim@yandex.ru

M. A. Artemyev

DID HUGO READ THE POEMS OF LERMONTOV? ("BORODINO" AND "CEMETERY IN EYLAU" AS A SOLDIER'S NARRATIVE ABOUT THE NAPOLEONIC WARS)

The text is devoted to a comparative analysis of the poems "Borodino" by Mikhail Lermontov and "Cemetery in Eylau" by Victor Hugo. The plot, narration, similarities and differences of both works are compared.

Key words: Mikhail Lermontov, Victor Hugo, Napoleonic era, Battle of Borodino.

About the author: Artemyev Maxim Anatolyevich. PhD in Psychology, Associate Professor. Journalist, writer, literary critic. Author of the books "Guide to World Literature", "Hugo" (in the series The life of remarkable people).

Contact information: art-maksim@yandex.ru

Самые знаменитые стихотворения о битвах наполеоновской эпохи в национальных литературах России и Франции (двух противников) — это «Бородино» М. Ю. Лермонтова (1837) и «Кладбище в Эйлау» В. Гюго (*Le Cimetière d'Euylau*, из второго тома «Легенды веков», вышедшего в 1877, и написанное в 1874).

Бородинская битва состоялась 26 августа по старому стилю/7 сентября по новому 1812 года. Битва при Прейсиш-Эйлау (за границей ее называют просто при Эйлау) была одной из самых кровавых в карьере Наполеона и произошла на территории Восточной Пруссии 7–8 февраля 1807 года. В ней приняли участие 67 тысяч русских и 9 тысяч прусских солдат против 75 тысяч французских. Ключевым пунктом сражения стала оборона французами кладбища Эйлау.

Оба стихотворения написаны от лица участников сражений — реального у Гюго (он передает рассказ своего дяди, полковника империи Луи-Жозефа Гюго, 1777–1853), условного и безымянного ветерана-рядового у Лермонтова, и повествуют последовательно о ходе битв. Заметим, что к воспоминаниям своих отца-генерала и дяди о наполеоновских войнах французский поэт обращается в «Легенде веков» еще дважды, в стихотворении «Слова моего дяди» (*Les Paroles de mon oncle*) и «После битвы» (*Après la bataille*). Лермонтов не застал войны 1812 года, Гюго в момент битвы при Эйлау был пятилетним ребенком, так что для обоих описываемое — далекое прошлое, вне личного опыта.

Рассказ ведется не для абстрактного читателя, а для конкретных слушате-

лей. В случае Лермонтова — для молодого солдата, в случае Гюго дядя рассказывает своим двум старшим племянникам (сам Виктор считается еще слишком маленьким, чтобы понять). В стихотворении Лермонтова — 98 строк, у Гюго — 294.

Начинаются и «Бородино» и «Кладбище в Эйлау» одинаково — с предыстории сражения, описываются приготовления к бою. Важное место у обоих поэтов занимает рассказ о том, как были проведены вечер и ночь накануне битвы.

Прилег вздремнуть я у лафета...

*Nous dormions bien. Dormir, c'est
essayer la mort. À la guerre c'est bon
(Мы спали крепко. Спать — это
испробовать смерть.
На войне это полезно)*

Солдаты обсуждают планы начальства:

*Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют, что ли, командиры...*

*Napoléon passa, sa lorgnette à la main.
Les grenadiers disaient : Ce sera pour
demain.
(Наполеон проехал, с подзорной
трубой в руке.
Гренадеры сказали: «Это будет
завтра»)*

И у Гюго, и у Лермонтова возникает фигура полковника, который обращается к солдатам:

*Полковник наш рожден был хватом...
И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте же под Москвой,
Как наши братья умирали!»*

Точно также у Гюго, полковник, пришедший отдать приказ оборонять кладбище, не менее брав и речист:

*Prenez avec vous la compagnie entière,
Et faites-vous tuer...
(Возьмите с собой всю роту и умрите)*

*Il dit : — La mort n'est pas loin. Capitaine,
J'aime la vie, et vivre est la chose certaine,
Mais rien ne sait mourir comme les bons
vivants.*

*(Он сказал: «смерть недалеко.
Капитан,
Я люблю жизнь, жить — это
стоящая штука,
Но никто не умеет умирать так, как
те, кто умеет жить»)*

*Moi, je donne mon cœur, mais ma peau,
je la vends.*

*Gloire aux belles ! Trinquons. Votre
poste est le pire. —
Car notre colonel avait le mot pour rire.
(«Я готов отдать свое сердце,
но свою шкуру я продам дорого.
Слава красавицам! Вытъем. Ваша
позиция — самая худшая»
Наш полковник умел пошутить)*

Полковник у Гюго выражается вполне по-суворовски («пуля — дура, штгык — молодец»):

*Le sabre est un vaillant, la bombe une
traîtresse
(Сабля — герой, бомба —
предательница)*

У Гюго полковник остается в живых, у Лермонтова — погибает.

Перед началом сражения и русские, и французы говорят одними и теми же словами:

*Повсюду стали слышны речи: «Пора
добраться до картечи!»*

*La bataille, Reprit le colonel, sera toute
à mitraille
(«Битва, — продолжил полковник, —
сведется к картечи»)*

Описание собственно битвы занимает у Лермонтова только две строфы — четырнадцать строк. У Гюго — около ста пятидесяти строк. Однако и при таком количественном различии встречаются пересечения:

*И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...*

*Six cents canons faisaient la basse
continue
(Шестьсот пушек издавали
непрерывный бас)*

Рука бойцов колоть устала

*Soudain mon bras pendit, mon bras
droit, et je vis
Mon épée à mes pieds, qui m'était
échappée
(Внезапно моя рука повисла, моя
правая рука,
И я увидел выпавшую шпагу у моих ног)*

*В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала*

*La mitraille voyait fort clair dans cette
brume...*

*La mitraille, c'est fort gênant...
(Картечь была отчетливо видна
в этой дымке...
Картечь сильно досаждала...)*

*Je levais mon épée...tant avec rage
Les coups de foudre étaient par d'autres
coups suivis*

*(Я поднял свою шпагу... с яростью
за ударами молнии следовали другие
удары)*

После битвы наступает кульминаци-
онный момент:

*Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.*

Этот же подсчет является ключевым
у Гюго, в начале стихотворения в ро-
те наличествует сто двадцать чело-
век, а заканчивается оно так:

*J'ajoutai : — Debout, tous ! Et je
comptai mes hommes.
— Présent ! dit le sergent. — Présent !
dit le gamin.*

*(Я добавил: «Всем встать!»
И я посчитал своих людей
«Я»! — сказал сержант. «Я»! сказал
барабанщик.)*

Подошедший полковник обращается
к рассказчику:

*C'est bien vous, Hugo ? c'est votre voix ?
— Oui. — Combien de vivants êtes-vous
ici ? — Trois.*

*(Это вы, Гюго? Это ваш голос?
— Да. — Сколько вас здесь живых? —
Трое.)*

В «Бородино» также отмечаются
громадные потери:

*Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.*

Этим подчеркиванием количества
жертв завершаются оба произведе-
ния.

Но при всем внешнем отмеченном
сходстве двух стихотворений, име-

ются и существенные различия.
У Гюго важнее роль личных впечат-
лений, битва, все-таки, видится
глазами одного человека. Сражение
сводится к конкретному эпизоду,
к единственному месту — кладбищу.
У Лермонтова больше эпичности,
и битва рисуется в целом, преоблада-
ет общее внеличностное восприятие.

Различие в объемах стихотворений
(а у Лермонтова еще одна строфа —
из семи строк — повторяется два-
жды) говорит и о языке. У русского
поэта он лапидарный, максимально
сжатый, минимум подробностей,
только самые необходимые. У Гюго,
с его пристрастием к большим фор-
мам, изобилие слов, дотошные опи-
сания. Отметим такую деталь фран-
цузского военного быта, выделяемую
русскими солдатами:

*Вот затрещали барабаны —
И отступили басурманы.*

В «Кладбище в Эйлау» барабаны
и барабанщики (все — французские)
упоминаются семь раз, а юный бара-
банщик из роты Гюго — один из глав-
ных персонажей:

*...les tambours Redoublaient leur
musique horrible
(барабаны удвоили их ужасную
музыку)*

У Гюго, битва при Эйлау, скорее, эпи-
зод семейной хроники. У Лермонто-
ва — эпизод национальной истории.
У Гюго углубление в психологию
личности, у Лермонтова предстает
психология народа. У Гюго — обри-
сованы отдельные личности, поми-
мо полковника и героя-рассказчика,
это мальчик-барабанщик, сержант,

лейтенант — выпускник Сен-Сира. У Лермонтова — общая солдатская масса, без выделения кого-либо, за исключением упомянутого полковника.

В обоих стихотворениях подчеркивается верность солдатскому долгу, беззаветное мужество при его исполнении. Однако если у Лермонтова оно увязывается с конкретной патриотической целью:

*Уж стоим мы головою
За родину свою!*

— то у Гюго такой мотивации нет. Его герои безропотно умирают, не спасая Францию, а просто из воинской чести. Не случайно у Гюго ни разу не упоминаются русские — противник анонимен, лишь единожды названа фамилия Беннигсена. У Лермонтова Бородинская битва имеет сверхзначение — спасение России от конкретного врага, это не просто столкновение. В «Бородино», при объеме стихотворения в три раза меньше, французы названы четырежды, плюс «брат мусью». Соответственно, его рассказчик подчеркивает свою национальную принадлежность:

*Чужие изорвать мундиры
О русские штъки?..
Что значит русский бой удалый...*

Сражение в «Бородино» — столкновение двух миров. Битва в «Кладбище в Эйлау» — один из бесчисленных эпизодов в военной хронике человечества.

Возникает закономерный вопрос — как может объясняться такой ряд

поразительных совпадений, отмеченных выше? Является ли он результатом влияния одного поэта на другого, или чистым совпадением? Поскольку «Кладбище в Эйлау» было написано спустя тридцать семь лет после «Бородино», то, разумеется, вопрос может быть поставлен только о возможном воздействии Лермонтова на Гюго.

Виктор Гюго слабо знал русскую литературу, можно сказать, совсем ее не знал, как, впрочем, и другие современные ему европейские литературы. Наверное, он мог слышать имя Лермонтова, так же как и имя Пушкина, но не более того. Из русских писателей он общался с Иваном Тургеневым, начиная с 1874 года, но формально, кратко и, в целом, случайно, как на Международном литературном конгрессе в 1878 году. При этом Тургенев относился к творчеству Гюго резко отрицательно. Так что можно исключить его знакомство со стихотворением «Бородино», которое к тому времени на французский не переводилось.

Любопытно, что Т.М. Николаева в своей публикации 2012 года («Взятие редута: Мериме и Лермонтов»¹) обратила внимание на совпадения в «Бородино» и новелле Проспера Мериме «Взятие редута» (о той же Бородинской битве) и сделала вывод, что стихотворение было переписано (оно выросло из раннего лермонтовского «Поле Бородина» 1830 года) под воздействием французского автора. Но даже если это воздействие и было, то первооснова стихотворения Лермонтова совершенно само-

¹ https://www.persee.fr/doc/slave_0080-2557_2012_num_83_2_8235

стоятельна, о чем и свидетельствует его раннее, еще подростковое, обращение к данной теме.

С наблюдениями же Николаевой можно поспорить. Например, ее 2-й пункт — «*французы поднялись для сражения очень рано*». Но у Мериме нет такого, у него обычная побудка — *quand on battit la diane j'étais tout à fait endormi* («когда били зорю, я еще спал» — а перед тем рассказчик долго не мог уснуть). 3-й пункт — «*зловещее молчание в русских рядах*». Однако у Лермонтова в русском стане тишина длится всю ночь, до начала битвы, а у Мериме — тишина устанавливается в разгар сражения. 4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й пункты просто перечисляют последовательность боя, описывают типичные его следствия и не являются чем-то оригинальным, например, «*кругом были раненые и убитые*», «*началась рукопашная схватка*». Вряд ли подобное можно считать авторской находкой Мериме.

Более того, некоторых военных тонкостей Николаева явно не поняла. Используемое ею выражение «*ядерная перестрелка*» вместо правильного «*перестрелка ядрами*», а еще точнее «*пушечная*», свидетельствует об этом («ядерным» в русском языке может быть атомное оружие). Например, она пишет — «треск барабанов изменил настроение французов». Но барабанные сигналы не меняют настроение, а выражают команды и отражают изменение ситуации на поле боя. И если у Лермонтова треск французских барабанов выражает сигнал к отступлению, то у Мериме барабанная дробь раздается с еще не захваченного *русского* редута. Но основное наблюдение Николаевой —

о возможном влиянии Мериме на Лермонтова — заслуживает внимания.

Соответственно, можно поставить вопрос о влиянии новеллы Мериме на стихотворение Гюго. Однако последний относился к Мериме также отрицательно как Тургенев к нему самому, есть известная строка Гюго — *Le paysage étant plat comme Mérimée* («пейзаж убогий как Мериме»). После общения в молодости, писатели разошлись и вражались в разных *milieu*. После бонапартистского переворота 1851 года они вообще оказались на крайних позициях, Мериме поддержал Наполеона III, стал сенатором, а Гюго резко выступил против, и на двадцать лет оказался в изгнании.

Главное же, что было указано выше, «Кладбище в Эйлау» входит в наполеоновский цикл в «Легенде веков», написанный по воспоминаниям отца и дяди, и в этом смысле совершенно оригинально. Совпадения же у Лермонтова, Гюго, а также Мериме объясняются, на наш взгляд, сходством материала, послужившего основой для их произведений. В ту эпоху «сценарий» больших сражений развертывался примерно одинаково, начиная от барабанных сигналов и завершая подсчетом потерь после боя. Фигура рассказчика также не являлась чем-то исключительным, большая часть информации передавалась именно устно. Семейная или народная история преобладала, вспомним рассказ рядового солдата о Наполеоне из романа Бальзака «Сельский врач» — там тоже есть и Бородинская битва, и взятие редута, и гибель множества офицеров, и залпы семисот

орудий вызывают кровь из ушей. Но никто же не утверждает, что Бальзак взял это у Мериме.

У Мериме главный герой — позер, уверенный что он познал рок. Как и в «Кармен» рассказчик смотрит на ситуацию свысока, для него важна поза, эффектный жест, он бравивирует. Собственно, все рассказы Мериме об этом — и «Маттео Фальконе», и «Таманго» и т.д. Писатель слишком испорчен литературой, чтобы смотреть на жизнь без снобизма и без

эстетского любования героическими одиночками, он всегда пресыщенный парижанин, даже изображая народные типы, начиная с «Гузлы». У Лермонтова и Гюго повествователи лишены позы напрочь, простой солдат и доблестный служака разделяют иные ценности, у них нет выпячивания рефлексий, нет напускного цинизма, романтической загадочности, веления судьбы и т.п. Их нарративы — это незамысловатые рассказы с целью передачи потомкам памяти о героических делах предков.

А. А. Тесля

БЕЗВРЕМЬЕ: НЕСКОЛЬКО СЛОВ О «ГЛУХОЙ ПОРЕ ЛИСТОПАДА» ЮРИЯ ДАВЫДОВА

Эссе посвящено одному из наиболее значимых советских романов 1970-х — «Глухая пора листопада» Юрия Давыдова. Этот роман, посвященный последним годам «Народной Воли», далеко выходит за пределы исторической беллетристики — являясь формой художественного осмысления прошлого. Долговечность романа связана с тем обстоятельством, что Давыдов не пытается в косвенной форме говорить о современности посредством материала прошлого, а прошлое бросает разнообразные аллюзии на меняющуюся современность.

Ключевые слова: «Народная Воля», народничество, политическая реакция, провокация, террор.

Сведения об авторе: Андрей Тесля, к.филол.н., с.н.с. ИГН БФУ им. И. Канта, научный руководитель Центра исследований русской мысли ИГН БФУ им. И. Канта

Контактная информация: mestr81@gmail.com

A. A. Teslya

WITHOUT TIME: A FEW WORDS ABOUT "THE DEAF TIME OF THE LEAF FALL"
BY YURI DAVYDOV

The essay is dedicated to one of the most significant Soviet novels of the 1970s — "The Deaf Time of Falling Leaves" by Yuri Davydov. This novel, dedicated to the last years of Narodnaya Volya, goes far beyond the bounds of historical fiction — as a form of artistic comprehension of the past. The longevity of the novel is associated with the fact that Davydov does not try to talk indirectly about modernity through the material of the past, but the past throws various allusions to the changing modernity.

Keywords: "Narodnaya Volya", populism (narodnichestvo), political reaction, provocation, terror.

About the author: Andrey Teslya, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Research Fellow, Scientific Director of the Research Center for Russian Thought, Institute for Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University.

Contact information: mestr81@gmail.com

Недавно довелось медленно прочесть, в промежутке дел, одну из главных книг 1970-х — «Глухая пора листопада» Давыдова, о 1883–1885 гг., последних днях «Народной Воли».

«Глухая пора листопада» — книга о закончившемся. Длинный эпилог эпохе. Когда вроде бы прошедшее время — ушло только что, всё и почти все еще здесь, по крайней мере так кажется. И вместе с тем все уже — нет, не осознают, но — ощущают, переживают, что время успело радикально измениться.

Осознание — вообще очень сложная тема, оно слоисто, не только постепенно — и не окончательно ни в один момент. Другое дело, что окончательно — для «современников», потом уже речь идет о тех, кто осознает нечто, чему не был современником по крайней мере в астрономическом смысле современности.

Осознание идет вслед за ощущением — переживанием, чувством, что реальность изменилась — там даже, где сознание говорит, что вроде бы все неизменно — и нет никаких оснований, но вопреки этому переживание говорит другое — и тогда уже остается попытаться осознать, что же именно переменилось.

И не только об эпилоге, а о тупике.

Стандартная характеристика гласит, что книга — о конце «Народной Во-

ли», о трагедии и грязи провокаторства и двойного шпионства, о том, как подпольное общество и тайная полиция пронизывают друг друга.

Все прееет, как палые листья поздней сырой осенью.

Книга о Дегаеве и Судейкине, о Плеве, вроде бы не противящемся покушению на своего шефа, графа Толстого, и рассчитывающем на удачный для террористов исход и т. д.

Но вообще-то об этом, даже говоря лишь формально — лишь первая часть книги, меньше половины.

А вся вторая часть — бросающая отсвет на первую, объясняющая ее — это история «после конца», в тупике.

При этом тупике для всех — для революционеров — явном, когда они пытаются еще действовать так, как действовали ранее — но то, что удавалось парой лет ранее, теперь ведет лишь от провала к провалу. Ощущения и переживания тупика в смысле невозможности опереться, найти источник силы.

Но и тупика власти — у которой нет будущего, в которую не верят ее собственные слуги — не верят в ее принцип, не верят в справедливость, в оправданность своих дел — каждый служит в первую очередь себе самому. И на того, кто бескорыстно верует в эту власть — смотрят с недоумением и подозрением,

испытывая самое простое и понятное чувство — непонимание и от этого тревогу, от невозможности определить подлинный мотив — ведь не может же человек на полном серьезе верить в те истины, которые ею возглашаются, это ведь просто набор слов, о котором договорились, к которому привыкли — или за который держатся, страшась худшего будущего.

В книге — поразительный Л. Тихомиров, написанный не только любовно — но и намного лучше, глубже, чем предстает по документам. Впрочем, дневников Тихомирова Давыдов не знал и знать не мог, судил по мемуарам и публицистике — не очень многочисленным — что помогало ему вложить в своего героя то, что он сам хотел — и, кажется, многое от себя.

И в итоге Тихомиров оказывается — нет, разумеется, далеким от всякого идеального, но именно близким и понятным героем — принимающим существующий порядок вещей, отрекающийся от своего прошлого — но не предающий своих товарищей, выполняющий всю меру должного — а дальше действующий за себя, так, как считает верным. Верным себе, а не прошлому — тем более прошлому общему, тому, образ которого он сам создавал ранее.

«Глухая пора...» — об остановившемся времени, когда нет надежды — той, которая имеет измерение в конкретной жизни, которая может вылиться в действие здесь и сейчас. Благие намерения ни к чему не ведут. Тихомирову готовы в любую минуту поверить, что он предал или готов пре-

дать — но не могут поверить, что он действительно убежден в том, что говорит — даруют прощение и определяют под надзор. Честный и умный подполковник охраны сознает, что он едва ли не единственный в своей среде, кому на самом деле важно дело — кто предан монарху, честно служит и пытается как-то учитывать рабочий вопрос еще до того, как он стал проблемой, надеется на «социальную монархию». Лопатин ничего не может с собой поделаться, не может жить с самим собой — и кидается в авантюру, чтобы в конце концов погубить вместе с собой множество тех, кто доверился ему. Умный профессор бормочет в итоге благоглупости о единении царя и свободного народа, избавленных от средостения бюрократии.

Один переходит от революции к служению престолу, другой — пытается принести благо на своем месте, третий — стремится вернуть революции ее былую чистоту и веру, выздороветь от дегаевщины, четвертый — рисует утопические картины, убеждая в их реальности от обратного, от несостоятельности или неприемлемости альтернатив.

Все они бессильны — независимо от того, кто из них прав.

Как бессилён и вроде бы единственный герой, вынутый из марксистской схемы, за которым будущее — механик, фабричный рабочий Нил Сизов. Ведь у него самого — не только бессилие, но и стремление сбегать из всего радикального кипения, забыть свое прошлое, зажить тихой жизнью — на обочине истории. Но и у него это не выходит — его заты-

гивает вновь в водоворот общей гибели, он буквально — физически, торопясь, ускоряя ход в толпе — пытается вывернуться, сбежать от истории, которой уже ранее коснулся, теперь — разминуться с ней, но судьба вталкивает его обратно.

У «Нила Сизова» есть будущее — как велит сказать марксистский взгляд — как у рабочего класса, но Давыдова интересует конкретный Нил — и у этого Нила нет никакого будущего, нет своего места даже на каторге, где ему некуда примкнуть, ни одна группа арестантов — не его.

В безвременье не оказывается не только времени, но и места — ведь оно предполагает обживание, освоение — то есть дление и движение во времени. Там нет возможности уповать на будущее не «вообще», а имеющее свое, конкретно-человеческое измерение — то, которое включено в твою жизнь, как часть ее.

И остается выход только в частное — тот побег, который почти удался Нилу, к его Саше и старику-тестю, обходчику жд-путей, в шестидесяти верстах от Москвы, с прочным домом, на каменном основании.

С. С. Беляков

КНИГА МАРКА БАССИНА О ЛЬВЕ ГУМИЛЕВЕ

Рец.: Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism)*, Cornell University Press, 2016

Статья посвящена анализу монографии американского географа Марка Бассина о российском историке и географе Льве Гумилеве. Бассин рассматривает научное наследие Гумилева в единстве, не разделяя евразийства и пассионарную теорию этногенеза. Важное место Бассин уделяет интеллектуально-историческому контексту возникновения идей Гумилева, а именно — эссенциализму, господствовавшему в советской науке и в национальной политике со времен сталинизма. Автор статьи считает многие выводы Бассина ошибочными. Это связано с приверженностью американского ученого конструктивистским представлениям на этническую/национальную идентичность, которые не позволяют достаточно объективно оценить взгляды убежденного примордиалиста Гумилева. Нельзя говорить и об «исключительной озабоченности» Гумилева проблемой контакта еврейского этноса с другими народами, на чем настаивает автор. В этом вопросе не следует смешивать личные стереотипы и предубеждения самого Гумилева с содержанием и логикой его теории.

Ключевые слова. Лев Гумилев, этнос, нация, национальная политика, межнациональные отношения, история науки.

Сведения об авторе: Сергей Станиславович Беляков — кандидат исторических наук, доцент Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина; заместитель главного редактора журнала «Урал».

Контактная информация: sbeljakov@mail.ru

S. S. Beliaikov

MARK BASSIN'S BOOK ABOUT LEV GUMILEV.

Rev.: Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism)*, Cornell University Press, 2016

The article is devoted to the analysis of the monograph of the American geographer Mark Bassin about the Russian historian and geographer Lev Gumilev. Bassin considers Gumilev's scientific heritage in unity, without separating Eurasianism and the passionate theory of ethnogenesis. Bassin pays an important place to the intellectual and historical context of the emergence of Gumilev's ideas, namely, essentialism, which has dominated Soviet science and national politics since the time of Stalinism. The author of the article considers, that many of Bassin's conclusions are erroneous. This is due to the commitment of the American scientist to constructivist views on ethnic/national identity, which do not allow a sufficiently objective assessment of the views of the convinced primordialist Gumilev. It is also impossible to talk about Gumilev's "exceptional concern" with the problem of the contact of the Jewish ethnic group with other ethnic groups, which the author insists on. In this matter, one should not confuse Gumilev's own personal stereotypes and prejudices with the content and logic of his theory.

Keywords. Lev Gumilev, ethnos, nation, national politics, interethnic relations, history of science.

About the author: Beliaikov Sergei S., candidate of History, Associate Professor at the Ural Federal University named after B. N. Yeltsin; Deputy Chief Editor of the magazine «Ural»

Contact information: sbeljakov@mail.ru

Книга Марка Бассина вышла еще в 2016 году, но, кажется, была мало замечена российскими исследователями. Немногочисленные рецензенты восприняли в самом деле незаурядную работу американского ученого не критически (*Большакова 2016, Томилин б/д*), хотя она достойна более глубокого, но при всем при том и нелицеприятно осмысления.

О Льве Гумилеве существует достаточно большая литература, но серьезных трудов, где взгляды Гумилева

(в первую очередь, его теория этногенеза) исследовались бы глубоко и всесторонне, не так много. В отечественной историографии вспоминается в первую очередь монография Константина Фрумкина (*Фрумкин 2008*). На Западе работы Гумилева практически не имели никакого отклика, хотя английское издание «Этногенеза и биосферы Земли»,opus magnum Гумилева, появилось всего лишь год спустя после русского издания¹. Поэтому появление, наверное, крупнейшего на сегодняшний день

¹ Среди немногих авторов, так или иначе касавшихся идейного наследия Гумилева в своих работах, Джамилль Браунсон. Лорен Грэхэм, Марлен Ларюэль (*Brownson 1988, Грэхэм 1991, Ларюэль 2001, Ларюэль 2009*).

монографического исследования научных взглядов Л. Н. Гумилева следует признать событием, мимо которого нельзя пройти, пусть даже наш отклик и запоздал на несколько лет.

Слабый интерес к теме и фактическое отсутствие критики этой заведомо спорной работы связаны с самим предметом. В последние годы жизни Л. Гумилева его книги пользовались широким успехом у читателей. Коллеги-историки редко соглашались с Гумилевым, но не уходили от спора с ним. Много лет продолжалась вполне академическая дискуссия между Л. Гумилевым и Ю. Бромлеем, в то время директором Института этнографии АН СССР. Историки-русисты Я. Лурье и А. Кузьмин критиковали «евразийские» работы Гумилева, историк Л. Клейн и этнограф В. Козлов — его теорию этногенеза. Теория Гумилева не была принята, но она была замечена и много лет служила предметом дискуссий.

Американский географ Марк Бассин работал над монографией о Льве Гумилеве много лет. Он начал ее еще во времена славы Гумилева, которая выходила далеко за рамки академического сообщества. Поэтому Бассин еще имел некоторые основания написать о своем герое: «Его статус и репутация сегодня в самом деле огромны не только в России, но также и в бывшем Советском Союзе. Его легко сравнивают с Геродотом и Карлом Марксом, Освальдом Шпенглером и Альбертом Эйнштейном и его труды разошлись буквально в миллионах экземпляров» (Bassin 2016: 2).

Такая характеристика давно устарела. В наши дни взгляды Гумилева

подзабыты и даже два его юбилея (100 и 110 лет в 2012 и 2022 гг.) не вернули ученого в центр внимания современных исследователей. О Гумилеве принято говорить снисходительно, в лучшем случае, как об ученом-«путанике», в худшем — как о лжеученом. Ни в первом, ни во втором случае он как будто недостойн внимания, что, конечно же, глубоко неверно.

Взгляд Марка Бассина на Гумилева, как мне представляется, далек от объективности. Собственно, история этой книги в определенном смысле началась со знакомства Бассина с Гумилевым еще в далеком 1980 году. Марк Бассин, в то время начинающий ученый-географ, приехал на стажировку в Советский Союз и в Ленинграде встретился с Гумилевым, в то время очень популярным лектором. Оба, кажется, не понравились друг другу чуть ни с первого взгляда. Гумилев, тем не менее, потратил немало времени и сил, пытаясь разъяснить основы своей теории. «Нервно покуривая папиросу, говоря взволнованно и не всегда ясно», он прочел «совершенно странную лекцию, полную диковинных понятий и используя термины, которые, несмотря на мое хорошее знание русского, я никогда не слышал» (Bassin 2016: 2), — вспоминает Марк Бассин.

Марк Бассин с первых страниц обозначает в высшей степени критическое отношение к взглядам и научному наследию Гумилева. При этом Бассин, в отличие от многих как противников, так и сторонников Гумилева, весьма добросовестно изучил его сочинения, хотя, вероятно, далеко не все.

Бассин верно отмечает, что ряд идей, высказанных в главном труде Гумилева «Этногенез и биосфера Земли», появились еще прежде в серии статей «Ландшафт и этнос», вышедшей с 1964 по 1973 г. Открытую Гумилевым пассионарность Бассин трактует как «физиологическую характеристику человека, которая играла ключевую роль в создании и историческом существовании всех этнических групп» (Bassin 2016: 124). Это, в принципе, соответствует определению пассионарности у самого Гумилева. Вроде бы не великое достижение — правильно понять и пересказать взгляды автора, но применительно к исследованию творчества Гумилева это далеко не заурядный случай. Мне доводилось не раз сталкиваться с людьми, что прочитали книги Гумилева невнимательно и потому приписали ему взгляды, совершенно чуждые самому Гумилеву. Например, воспринимают пассионариев как людей, воодушевленных некоей идеей, хотя пассионарность, по Гумилеву, свойство именно психофизиологическое, а все идеи вторичны по отношению к природе.

Обширная библиография книги Бассина включает в себя как все или почти все значимые работы Л. Н. Гумилева, так и широкий пласт литературы, созданной за годы существования гумилевской теории этногенеза. Нельзя не отметить высокий уровень исследовательской культуры, что совсем не типично для нашего времени. Не скрою, мне было приятно увидеть и многочисленные ссылки на работы исследователя по имени Sergei Beliakov, так в английской транслитерации переданы мои имя и фамилия.

Книга Бассина сравнительно редкий случай, когда исследователь внимательно и добросовестно изучил труды Гумилева и постарался их не перевернуть. Это, впрочем, не убергло Марка Бассина от неверных интерпретаций, фактических ошибок и глубоко ошибочных выводов.

Бассин допустил ошибку, распространяемую как среди критиков Гумилева, так и среди его сторонников. Он представил весьма разнородное научное наследие Гумилева в единстве, как целостную систему, где теория этногенеза тесно переплетена с пресловутым «евразийством». Научные воззрения Гумилева, изложенные им в 1960–1970-е, Бассин рассматривает в одном ряду с высказываниями из поздних (рубежа 1980–1990-х) газетных интервью ученого, хотя сопоставлять их, конечно же, невозможно. Прозрения ученого, находившегося в расцвете творческих сил, поставлены рядом с высказываниями очень немолодого человека, записанными журналистами в смутные времена Перестройки.

Такой подход очень выгоден для критиков Гумилева. «Стрелы», направленные в Гумилева как автора «евразийских» (точнее, тюрко-монголофильских) сочинений, попадают в Гумилева как в создателя теории этногенеза. Автор яркой, но очень спорной книги «Древняя Русь и Великая степь» и еще более спорных (если не сказать резче) статей «С точки зрения Клио», «Черная легенда», поздней научно-популярной книги «От Руси до России» крайне уязвим для исторической критики. Но эта критика не имеет прямого отношения к собственно теории Гумилева,

которая впервые изложена им в совсем других работах.

Критики Гумилева, такие, как Владимир Чивилихин, Аполлон Кузьмин, Яков Лурье, Борис Рыбаков находили у него ошибки, передержки и утверждения, что базировались не на анализе источников, но лишь на богатом воображении художника слова. Так, Лурье ехидно замечал, что «источники богатого подробностями повествования Гумилева о событиях вокруг Куликовской битвы остаются неизвестными» (Лурье 1994: 175). Показательна опечатка, вкравшаяся в книгу Владимира Полушина «Гумилевы. 1720–2000». Только что упомянутая статья Лурье «Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилева» названа так: «Древняя Русь в воспоминаниях Льва Гумилева» (Полушин 2004: 402). Пожалуй, лучше и не скажешь.

Но Марк Бассин упрекает Гумилева совсем в другом. Гумилев — примордиалист или, как пишет Бассин, «эссенциалист». Эссенциализм (примордиализм) признает этнос и/или нацию объективно существующим феноменом. Бассин относится к эссенциализму с явным предубеждением. По всей видимости, приверженность эссенциализму сама по себе выводит Гумилева за пределы науки: «...для Гумилева этничность (ethnic being) была абсолютным и объективным реально существующим качеством, обязательным свойством человека» (Bassin 2016: 164). Бассин знает, что эссенциальный подход доминировал в советской этнографии и «хотя эссенциализм советской теории этноса критиковался в 1990-е профессиональными этнографами,

которые симпатизировали конструктивистскому подходу, получившему международное признание, совсем иначе обстояло дело со многими из их коллег и с непрофессиональной аудиторией» (Bassin 2016: 244). Марк Бассин с сожалением констатирует, что в России «сегодня этнос считают важнейшей составляющей социальной организации, более фундаментальной, чем индивидуум, семья или государство» (Bassin 2016: 244).

Марк Бассин выходит далеко за пределы научной биографии Гумилева, когда пытается вписать его взгляды на этнос в историю не только советской науки, но и советской национальной политики. Бассин противопоставляет сталинскую национальную политику хрущевской. Эссенциализм он связывает именно со Сталиным и пишет про «этнический эссенциализм сталинизма», «принципы сталинского этнического эссенциализма» (Bassin 2016: 149, 150). Советские этнографы именно в это время разрабатывают понятия «прародина», «автохтонность» (Bassin 2016: 152–153). Советские «национальности быстро ухватились за сталинистские принципы этнического примордиализма и «автохтонности», и направили свою энергию на формирование своих собственных мифов об этногенезе» (Bassin 2016: 153). Сталинская конституция 1936 г. «представила в окончательном виде список наций и территорий, формирующих политико-географический корпус Советского Союза» (Bassin 2016: 153). Таким образом, созданием советских республик, границы которых были закреплены сталинской конституцией, этнические группы были признаны «подлинно

«историческими народами», чьи территориальные наделы в советской федеральной структуре соответствовали этническим отечествам (homelands), которые они занимали с незапамятных времен» (Bassin 2016: 153).

При этом Хрущев, по мнению Бассина, «не симпатизировал принципам этно-национального эссенциализма и национальной консолидации советских народов» (Bassin 2016: 157). Таким образом, сталинская национальная политика ориентировалась на сосуществование многих народов в Советском Союзе, при сохранении и развитии ими национального своеобразия. А при Хрущеве, якобы, взяли курс на преодоление этих национальных различий и слияние всех в едином советском народе.

При таком подходе Лев Гумилев, разумеется, оказывался своеобразным «неосталинистом», ведь он всегда настаивал на сохранении этнического своеобразия. При этом исследователь указывает на парадоксальность ситуации. Работу Гумилева, узника сталинских лагерей, Марк Бассин характеризует как «крестовый поход против большевизма и советской власти» (Bassin 2016: 112). И в то же время он считает Гумилева сторонником советской идеи «дружбы народов». Дружбы, но не слияния.

Согласиться с автором просто невозможно. Начнем с того, что пресловутый эссенциализм или примордиализм был практически общепринятым не только при Сталине, но и при Ленине. Национальный нигилизм был характерен лишь для немногих левых большевиков, таких, как Ге-

оргий Пятаков и Евгения Бош. Эти «леваки» в самом деле считали, что в новом социалистическом обществе нации отомрут сами собой. Ленин с ними ожесточенно спорил. Основы советской национальной политики были заложены Лениным. Сталин в этом был преемником и продолжателем его дела. Хрущев также никогда не подвергал сомнению пресловутую «эссенциальность» (пусть и не слышал он о таком мудрёном понятии) народа (этнуса, нации). Ни Хрущев, ни Сталин, ни кто-либо из их окружения не могли вообразить, будто на белом свете нет ни русских, ни украинцев, ни грузин, ни армян, а существуют они-де только в сознании людей. Точнее, «воображаются», но не существуют.

Советская национальная политика в хрущевское время принципиально не изменилась. Национальные республики никто и не думал превращать в общероссийские области или губернии. Посты первых секретарей, как правило, резервировались для «национальных кадров». Между прочим, именно при Хрущеве компартию Украины возглавил Петр Шелест, а компартию Казахстана — Динмухамед Кунаев. Шелеста не без оснований обвиняли в симпатиях к украинскому национализму, а замена Кунаева (казаха из старшего жуза) на Геннадия Колбина (русского, не знавшего казахского языка) вызовет один из первых межнациональных конфликтов времен Перестройки. О формировании советского народа как «новой исторической общности» объявил Брежнев, а не Хрущев, однако и Леонид Ильич не подвергал сомнению реальность «социалистических наций». Таким

образом, противостояние этих двух подходов к национальной политике и попытки вписать в рамки этого противостояния Гумилева выглядят высосанными из пальца.

Одна из центральных тем книги Марка Бассина — идеи Гумилева о межэтнических контактах и этнических химерах. Это вполне справедливо. «Я только узнал, что люди разные, и хотел рассказать, почему между народами были и будут кровавые скандалы», — говорил Лев Гумилев своему собеседнику Айдеру Куркчи (Живя в чужих словах 2006: 514).

Однако подход исследователя к столь важной теме мне представляется односторонним. Бассин обращает в первую очередь внимание на «еврейский вопрос» и, фактически, сводит идеи Гумилева о межэтнических контактах именно к взаимоотношениям евреев с другими народами: «Исключительная озабоченность Гумилева этой конкретной проблемой проходит красной нитью через всю его работу, и действительно можно утверждать, что все его теории и исторические реконструкции в значительной степени основаны на ней» (Bassin 2016: 75), — пишет Марк Бассин. Он считает, что предубежденность Гумилева по отношению к евреям повлияла даже на религиозные взгляды Гумилева, что заметно в его оценках ветхозаветного образа Яхве (Bassin 2016: 77). Изучение взглядов Гумилева на межэтнические контакты Бассин сводит к анализу скандально известного очерка Гумилева «Зигзаг истории». Эта работа была написана Гумилевым в конце 1970-х гг. по заказу альманаха «Прометей»,

однако к печати не была принята. При жизни Гумилева она выйдет только в 1989 г. в составе книги «Древняя Русь и Великая степь». В 1993 г., то есть уже после смерти Гумилева, «Зигзаг истории» напечатали в сборнике статей «Этносфера: история людей и история природы».

«Зигзаг истории» рассказывает о том, как евреи захватили власть в Хазарском каганате, кагана обратили в иудаизм, местную тюркскую знать частью истребили, частью выгнали, и создали химерное государство, где немногочисленная еврейская община господствовала над многочисленным, но бесправным хазарским населением. Еврейское правительство Хазарии вело успешные завоевательные войны. Победенные народы — буртасы, аланы, болгары, славянские племена северян и радимичей, вынуждены были платить дань, а иногда и воевать во имя интересов иудейской общины. Конец этому «хазарскому игу» положил князь Святослав, который разрушил столицу каганата Итиль, древнюю столицу и резиденцию хазарского наместника — Семендер и донскую крепость Саркел (Гумилев 1993: 366–479). «Хазарские евреи, уцелевшие в 965 г., рассеялись по окраинам своей бывшей державы. Некоторые из них осели в Дагестане (горские евреи), другие — в Крыму (караимы). Потеряв связь с ведущей общиной, эти маленькие этносы превратились в реликты, уживавшиеся с многочисленными соседями. Распад иудео-хазарской химеры принес им, как и хазарам, покой» (Гумилев 1993: 451). Более того, вариант «Зигзага истории», опубликованный в сборнике «Этносфера», включает

в себя и несколько глав, посвященных так называемым антисистемам: «Поклонники плененного света», «Наследники тайного знания», «Поборники антимира», «Губительный фантом» (Гумилев 1993: 452–476). Звучит красиво и зловеще. Антисистемы — вероучения, признающие окружающий мир злом. В глазах Гумилева это очень плохо, ведь мир, жизнь созданы Богом. Казалось бы, какая связь с евреями? Причислить иудаизм к антисистемам, пожалуй, сложнее, чем даже христианство. Но Лев Николаевич пишет, что якобы в Хазарию эмигрировали из Ирана евреи-маздакиты, представители жизнеотрицающего (в терминологии Гумилева) учения. Правда, они затем порвали с маздакизмом (Гумилев 1993: 391), восстановив иудаизм сначала в форме караимизма, а затем — раввинизма (Гумилев 1993: 390, 397–398). Так где же тут антисистема?

«Зигзаг истории» — работа в самом деле более чем спорная, основанная на реконструкциях и весьма смелых (если не сказать резче) интерпретациях крайне немногочисленных источников. Но она оказала исключительное влияние на общественно-политическую мысль. Хазария из предмета академических исследований, интересных только кружку археологов и востоковедов, превратилась в политический вопрос. В девяностые годы на страницах газеты «Завтра» одна за другой выходили статьи о «новой Хазарии» (России, ограбленной евреями-олигархами), «электронной Хазарии» (медиа-империи олигарха Владимира Гусинского). Редактор «Завтра» Александр Проханов включил «новую Хазарию» в свой бестселлер «Гос-

подин Гексоген». Хотя вряд ли автора «Зигзага истории» стоит в этом упрекать.

«Нам не дано предугадать,
Как наше слово отзовется...»

Отношение Льва Гумилева к еврейскому народу — тема сложная и болезненная. Она тем более болезненна для Марка Бассина, этнического еврея, который уже во время личного знакомства с Гумилевым составил себе далеко не самое выгодное представление о нем. И здесь нельзя не обратить внимание вот на какое обстоятельство. Гумилев выдвинул гипотезу о так называемой комплиментарности. Это иррациональная симпатия (положительная комплиментарность) или антипатия (отрицательная комплиментарность), которая может проявляться как на персональном уровне, так и на уровне контакта целых этносов. К своим комплиментарность положительная, к чужакам — отрицательная. Сам Л. Н. Гумилев служил отличной иллюстрацией к собственной гипотезе. Я не уверен, что у него была отрицательная комплиментарность к евреям, ведь среди его друзей и подруг было немало евреев: Осип и Надежда Мандельштам, Эмма Герштейн, Марьяна Гордон, Даниил Альшиц и еще многие. А известные предубеждения Гумилева и сложившаяся репутация «черносотенца» (Герштейн 2002: 208, 746; Чуковская 2007: 527; Живя в чужих словах 2006: 441) могут быть связаны не с комплиментарностью, а с другими обстоятельствами (Беляков 2019: 574–584). Но зато не вызывает сомнений положительная комплиментарность Гумилева к народам Центральной

Азии: тюркским, монгольским, персоязычным (таджики). В 1932 г. он оказался в научной экспедиции в Таджикистане и провел там почти целый год. Он выучил фарси, ходил в тюрбане и халате. Средняя Азия тогда еще кишела басмачами, так что контакт ленинградского мальчика с жителями долины Вахша и предгорий Памира мог кончиться трагически. Однако, как вспоминал позднее Гумилев, его там «никто не обижал» и с тех пор интерес и симпатия к народам Центральной Азии не пропадали у него до конца жизни. Народы Центральной Азии станут основным предметом его исследований. Попытки дать тюркам и, особенно, монголам новое, более высокое место в истории, привели Гумилева к тем ошибкам и передержкам, которые, как мы помним, и повредили его научному авторитету.

Да простит меня Марк Бассин, но читая его книгу, я невольно думал: а не мешала ли автору все та же комплиментарность? Стрелка компаса, как ни поверни прибор, указывает на север. Вот так же и Марк Бассин в книге о Гумилеве неизменно возвращается к евреям, к теме «Гумилев и евреи».

Бассин очень много пишет о «хазарских» работах Гумилева и о его отношении к евреям, но как будто не замечает того, что большая часть исследований Гумилева, посвященных межэтническим конфликтам, с евреями вообще никак не связаны. Пожалуй, основная работа на эту тему — монография «Хунны в Китае», выпущенная издательством «Наука» в 1974 г. Эта книга посвящена взаимоотношениям Китая и китайцев

с народами Великой степи и Тибета. Когда Гумилев писал и говорил о комплиментарности, он чаще всего вспоминал вовсе не евреев, а китайцев и хуннов, китайцев и тюрков, китайцев и тангутов, тибетцев и еще многие этносы Центральной Азии.

В трактате «Этногенез и биосфера Земли» он упоминает немецких меченосцев и народы Прибалтики, болгар и греков, греков и персов (Гумилев 2004: 328, 505). Евреи тоже упомянуты, но лишь как один из многих примеров: «Иудеи изучили Платона и Аристотеля, элины — Библию в переводе на греческий язык. Оба этноса были талантливы и пассионарны, но из контакта их мироощущений возник гностицизм...» (Гумилев 2004: 505). Гностицизм, с точки зрения Гумилева, жизнеотрицающее учение, но этот пассаж к антисемитским никак не отнесешь. В 1977 г. Гумилев прочитал курс лекций по этнологии в Ленинградском университете. Межэтническим контактам там посвящена особая лекция. Как всегда, у Гумилева, она изобилует фактическим материалом. Он рассказывает там о русских и чукчах, об испанцах и народах Центральной и Южной Америки, об индейцах, англичанах и французах. Колоритнее всего, пожалуй, о немцах и чехах во времена Яна Гуса и Яна Жижки: «...чехи видеть не могли немцев, их тошнило от немцев и в университете, и на площадях, и в торговой жизни, и на охоте, когда они встречались. Вот идет немец — противно чеху!» (Гумилев 2008а: 390). Как видим, «исключительная озабоченность» Гумилева еврейским вопросом — это большое преувеличение. И если говорить о пресловутой «красной нити», то

в первую очередь надо назвать отношения китайцев с тюрками и монголами, а «еврейский вопрос» отодвинуть на второй план. Показательно, что Марк Бассин, просвещенный и трудолюбивый исследователь, практически не обращает внимания на «Хуннов в Китае», его интересуют отнюдь не хунны.

Бассин ошибочно приписывает Гумилеву и руссоцентризм, которого у Гумилева нет и в помине: «Несмотря на свое собственное утверждение о строгой всеобщности и незыблемости процесса этногенеза оказалось, что русский народ, в совершенно исключительном порядке, прошел не один, а два последовательных цикла этногенеза» (Bassin 2016: 90), — пишет он. Если Бассин всерьез полагает, что «поймал за руку» Гумилева, то он глубоко ошибается. Гумилев вовсе не делал в своей теории исключения «для своих». На самом деле, в работах Гумилева мы встречаем несколько подобных примеров. Три или четыре цикла этногенеза пережили китайцы. А еврейский народ пережил четыре таких цикла. Правда, для Гумилева древние китайцы и средневековые китайцы, евреи времен Авраама, времен Моисея, времен Иудейских войн и современные евреи (суперэтнос из ашкенази, сефардов и др.) — это все разные народы, мало похожие на своих предков. Но он считает разными народами и древних русичей и их потомков, переживающих с XIV в. новый цикл этногенеза (русских, украинцев и белорусов). Так что никаких исключений!

Эта ошибка связана с чрезмерным вниманием, которое Бассин уделяет

поздним беседам и интервью Гумилева. Последние годы жизни Льва Николаевича пришлось на время Перестройки. Обстановка тогда была тревожная, страна начинала распадаться, и журналисты, и простые читатели очень хотели узнать, что думает знаменитый ученый о будущем России. И Гумилев старался по мере сил успокаивать своих собеседников и рассказывать им, что все будет хорошо. Бассин пришел к заключению, будто Гумилев в последние годы жизни несколько изменил свои взгляды. «Как мы уже видели, Гумилев всегда утверждал, что население Советского Союза разделено между семью отдельными суперэтносомами» (Bassin 2016: 215), — пишет Бассин. Добавлю от себя, что это означало бы неустойчивость государства, так как комплиментарность между суперэтносомами отрицательная. Но в конце 1980-х точка зрения Гумилева, по мнению исследователя, радикально меняется. Бассин ссылается на телевизионную лекцию Гумилева, записанную в 1988 г. В этой лекции Гумилев очень широко очерчивает границы «нашего суперэтноса», «евразийского суперэтноса», включая в него весь Советский Союз (даже Прибалтику как пограничный регион) и Монголию (Bassin 2016: 216). Бассин цитирует и статью Гумилева, написанную совместно с его учеником Вячеславом Ермолаевым: «Наш суперэтнос <...> формально назван Российской империей, а затем Советским Союзом» (Bassin 2016: 215–216; Гумилев и Ермолаев 1993: 183). Все бы хорошо, но слова про семь суперэтносов взяты тоже из довольно поздней работы Гумилева, подготовленной им опять-таки в соавторстве уже с другим учеником — Константином Ивановым. Там мы

читаем даже такое категоричное заявление: «Утверждать, что на территории нашей страны складывается или уже сложился один суперэтнос <...> значит вводить в заблуждение и научное сообщество, и тех ответственных лиц, от которых зависит принятие решений в национальной политике» (Гумилев и Иванов 1993: 168). Обе статьи опубликованы в 1992 году. «Этнические процессы...» в первом номере журнала «Социологические исследования». «Горе от иллюзий» в 7–9 номере «Вестника высшей школы». Обе написаны еще до декабря 1991 г². Напомню, что умер Лев Николаевич в июне 1992-го, в последние месяцы жизни он тяжело болел. Можно долго спорить о том, чем вызваны столь резкие противоречия в работах одного и того же автора. Я предположил бы, что причина — расплывчатость самого понятия суперэтнос, которое, как выясняется, и сам Гумилев продолжал переосмысливать. Делать скоропалительные выводы об «эволюции» его взглядов во времена Перестройки я бы не стал.

В последние годы Гумилев обычно говорил, что надо уважать чужие обычаи и нравы, не навязывать своих, не обижать национальные меньшинства, тогда все как-нибудь устроится. Не нужно быть Львом Гумилевым, чтобы повторять такие банальности. При этом Гумилев предсказал распад СССР еще в 1972 г. (Беляков 2019: 672–673), что не слишком согласуется с интервью последних лет.

В любом случае, о теории судят не по беседам с журналистами, а по

научным статьям, докладам и монографиям. Гумилев знал, что благих пожеланий, толерантности и даже справедливости недостаточно, чтобы предотвратить межэтническую войну и распад государства. Вот что Гумилев писал в начале 1970-х: «...гуманная политика была непонятна хуннам и не могла примирить с ними китайцев. Начатая война неизбежно принимала жестокие формы в соответствии с нравами и темпераментом обоих этносов. <...> Поэтому ответственность за разорение Северного Китая и гибель южных хуннов следует возложить на Лю Юаня, который, увлекшись гуманистическими иллюзиями, не ведал, что творил» (Гумилев 2008b: 373, 429).

На фоне хронического недопонимания Бассином взглядов Гумилева теряются из внимания мелкие ошибки, которые тоже есть в этой монографии. Он пишет, будто Л. Н. Гумилев и знаменитый биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский «происходили из бывшей аристократии» (Bassin 2016: 51). Если в числе предков Тимофеева-Ресовского в самом деле были Всеволожские, то происхождение Гумилева никак не аристократическое. Он всю жизнь указывал в анкетах, будто происходит «из дворян», но вряд ли был прав. Дворянами были его бабушка, Анна Ивановна Гумилева (урожд. Львова) и дед, Степан Яковлевич, но его дворянство было личным, а не потомственным. Николай Гумилев был не дворянином, а только сыном дворянина. А Лев — только внуком. Аристократическое происхождение Ахматовой (будто

² В «Горе от иллюзий» упоминается Союз суверенных государств, это понятие существовало осенью 1991-го.

бы от Чингизидов) не более чем легенда. Впрочем, ошибки такого рода немногочисленны и не влияют на качество текста, чего нельзя сказать о принципиальных ошибках, на которые я попытался обратить внимание читателя этой статьи.

Марк Бассин, желая показать влияние Гумилева на политическую жизнь России и постсоветского пространства, несколько преувеличил его политическое значение, но при этом заметно преуменьшил значение Гумилева как ученого, сведя его едва ли не к нулю. Бассин тем более ошибся потому, что не сумел в должной степени абстрагироваться от собственного я, остался в плену своих эмоций, включая, вполне возможно, оскорбленное чувство национального достоинства. Он, на мой взгляд, не сумел преодолеть авторскую субъективность. Помешала Марку Бассину и приверженность общераспространенным конструктивистским представлениям на этническую/национальную идентичность. Эта «оптика» мешает всем, кто так или иначе пытается анализировать межнациональные отношения и конфликты. Гумилев был свободен от этих цепей и нам тоже надо стремиться от них избавиться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Беляков 2019 — *Беляков* С.С. Гумилев сын Гумилева. М., 2019.

Большакова 2016 — *Большакова* О.В. Бассин М. Загадка Гумилёва: биополитика, евразийство и конструирование общности в современной России // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Информационно-аналитический журнал. С. 131–135.

Герштейн 2002 — *Герштейн* Э. Мемуары. М., 2002.

Грэхэм 1991 — *Грэхэм* Л. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе. М., 1991.

Гумилев 2008a — *Гумилев* Л.Н. Струна истории. Лекции по этнологии. М., 2008.

Гумилев 2008b — *Гумилев* Л.Н. Хунну. Хунны в Китае. М., 2008.

Гумилев 2004 — *Гумилев* Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 2004.

Гумилев 1993 — *Гумилев* Л.Н. Этносфера: История людей и история природы. М., 1993.

Гумилев и Ермолаев 1993 — *Гумилев* Л.Н., *Ермолаев* В.Ю. Горе от иллюзий // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 174–187.

Гумилев и Иванов 1993 — *Гумилев* Л.Н., *Иванов* К.П. Этнические процессы: два подхода к изучению // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 161–173.

Живя в чужих словах 2006 — «Живя в чужих словах чужого дня»: воспоминания [о Л.Н. Гумилеве]. — СПб., 2006.

Ларюэль 2001 — *Ларюэль* М. Когда присваивается интеллектуальная собственность, или О противоположности Л.Н. Гумилева и П.Н. Савицкого // Вестник Евразии. 2001. № 4 (15). С. 5–19.

Ларюэль 2009 — *Ларюэль* М. Опыт сравнительного анализа теории этноса Льва Гумилева и западных новых правых доктрин // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2009. № 1. С. 189–200.

Лурье 1994 — *Лурье* Я.С. Древняя Русь в сочинениях Льва Гумилёва // Звезда. 1994. № 10.

Полушин 2004 — *Полушин* В.Л. Гумилевы. 1720–2000: Семейная хроника. Летопись жизни и творчества Н.С. Гумилева: XX столетие. Родословное древо. М., 2004.

Томили б/д — *Томили* А. Лев Гумилев, геополитика, евразийство

и национализм. URL: <https://regnum.ru/news/2518628.html> (дата обращения: 05.09.2022)

Фрумкин 2008 — Фрумкин К.Г. Пассионарность: Приключения одной идеи. М., 2008.

Чуковская 2007 — Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. — М., 2007. Т. 3.

Bassin 2016 — Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism)*, Cornell University Press, 2016.

Brownson 1988 — Brownson J. *Landscape and Ethnos: An assessment of L.N. Gumilev's theory of Historical Geography and Implications on Russian Geopolitical Policies*. PhD thesis, Simon Fraser University. Vancouver, 1988.

REFERENCES

Bassin M. *The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia (Culture and Society after Socialism)*, Cornell University Press, 2016.

Beliakov S.S. *Gumilev syn Gumileva*. Moscow, 2019.

Bol'shakova O.V. Bassin M. Zagadka Gumileva: biopolitika, evrazijstvo i konstruirovaniye obshchnosti v sovremennoi Rossii. Social'nii i gumanitarnii nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Ser. 5, Istorija: Informacionno-analitichesky zhurnal. p. 131–135.

Brownson J. *Landscape and Ethnos: An assessment of L.N. Gumilev's theory of Historical Geography and Implications on Russian Geopolitical Policies*. PhD thesis, Simon Fraser University. Vancouver, 1988.

Gershtein E. *Memuary*. St. Petersburg, 2002.

Graham L. *Estesvoznanie, filosofia i nauki o chelovecheskom povedenii v Sovetskov Soyuze*. Moscow, 1991.

Gumilev L.N. *Struna istorii: Leksii po etnologii*. Moscow, 2008.

Gumilev L.N. *Khunny. Khunny v Kitae*. Moscow, 2008.

Gumilev L.N. *Etnogenez i biosfera Zemli*. Moscow, 2004.

Gumilev L.N. *Etnosfera: istoria ludej i istoria prirody*. Moscow, 1993.

Gumilev L.N., and V.Iu. Ermolaev. *Gore ot illuzij*. In *Gumilev, Ritmy Evrazii*. Moscow, 1993. p. 174–187.

Gumilev L.N., and K.P. Ivanov. *Etnicheskie protsessy: Dva podkhoda k izucheniiu*. In *Gumilev, Ritmy Evrazii*. Moscow, 1993. p. 161–173.

“*Zhivja v chuzhikh slovakh chuzogo dnja*”: *vospominania [o L.N. Gumileve]*. St. Petersburg, 2006.

Luriel' M. Kogda prisvaivaetsia intellektual'naia sobstvennost', ili o protivopolozhnosti L.N. Gumileva i P.N. Savitskogo. *Vestnik Evrazii*. 2001. no. 4 (15). p. 5–19.

Luriel' M. Opyt sravnitel'nogo analiza teorii ethnosa Lva Gumileva i zapadnikh pravyykh doktrin. *Forum noveishei vostochnoevropeskoj istorii i kultury*. 2009. no 1. p. 189–200.

Lurie Ja. Drevniaia Rus' v sochineniakh Lva Gumileva. *Zvezda*. 1994. No 10.

Polushin V.L. *Gumilevy. 1720–2000: Seimeinaia khronika. Letopis' zhizni i tvorchestva N.S. Gumileva: XX stoletie. Rodosloznoe drevo*. Moscow, 2004.

Tomilin A. Lev Gumilev, geopolitika, evrazijstvo i naciolalizm. URL: <https://regnum.ru/news/2518628.html>

Frumkin K.G. *Passionarnost': Prikluchenia odnoi idei*. Moscow, 2008.

Chukovskaia L.K. *Zapiski ob Anne Akhmatovoy: v 3 t. T. 3*.

Н. Н. Подосокорский**О «КРАТКОЙ ИСТОРИИ ФРАНЦИИ»
ДЖОНА НОРВИЧА**

Рец.: Норвич Дж. Краткая история Франции / Пер. с англ. О. В. Строгановой. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.: ил.

Рецензируемая книга британского историка Джона Норвича (1929–2018) написана в жанре научно-популярной «краткой истории», рассчитанной на самого массового читателя. В небольшой книге Норвич пытается изложить «всю историю» Франции от Битвы при Алезии (52 г. до н.э.) до завершения Второй мировой войны. Главным образом, речь в книге идет о политической истории страны, а точнее — о достижениях и провалах правителей Франции и основных военных конфликтах.

Ключевые слова: Джон Норвич, Франция, национальная история, политическая история, Карл Великий, французская монархия, Людовик XI, Людовик XIV, Людовик XVI, Максимилиен Робеспьер, Наполеон I, Шарль де Голль.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород);

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT JOHN NORWICH'S «A BRIEF HISTORY OF FRANCE»

Rev.: Norwich J. Kratkaya istoriya Francii / Per. s angl. O. V. Stroganovoj. M.: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2020. 480 p.

The reviewed book by the British historian John Norwich (1929–2018) is written in the genre of popular science "short history", designed for the most

popular reader. In a small book, Norwich tries to outline the "whole history" of France from the Battle of Alesia (52 BC) to the end of the Second World War. The book is mainly about the political history of the country, or rather about the achievements and failures of the rulers of France and the main military conflicts.

Keywords: John Norwich, France, national history, political history, Charlemagne, French monarchy, Louis XI, Louis XIV, Louis XVI, Maximilien Robespierre, Napoleon I, Charles de Gaulle.

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Жанр краткой научно-популярной национальной истории сегодня весьма востребован массовым читателем, который хочет получить по прочтении одной книги общее представление о крупной эпохе или целой стране. Такие труды важны и для сверки общей оценки больших событий и продолжительных процессов профессиональными историками. За последние годы на русском языке было выпущено более десятка подобных обзорных книг, посвященных одной только Франции (большинство из них новые, но часть являются переизданиями или переводами старых работ): «История Франции» М. Ц. Арзаканян, А. В. Ревякина, П. Ю. Уварова (Дрофа 2005); «История Франции для юных» Г. Гизо (Б. С. Г.-Пресс 2006); «История Франции» Й. Литтлвуда (АСТ: Астрель 2008); «История Франции» М. Ферро (Весь Мир 2015); «История Франции» А. Трануа, Э. Карпантье, Ф. Лебрена, Ж. Карпантье и Ж.-М. Майера (Евразия 2017); «История Франции с древнейших времен до Версальского договора» У. С. Дэвиса (Центрополиграф 2018); «Первые лица Франции: от Генриха IV до Эмманюэля Макрона» П. П. Черкасова

(КМК 2019); «Социально-экономическая история Франции» А. Г. Худокормова (ИНФРА-М 2020); «Франция. Полная история страны» С. Нонтэ (АСТ 2020); «История Франции» А. Моруа (КоЛибри 2021); «История Франции. Города, события, люди» Т. Богоявленской (Грифон 2022) и др.

В этом ряду стоит и работа Джона Джулиуса Купера, 2-го виконта Норвича (1929–2018), члена Палаты лордов британского парламента, сына первого лорда Адмиралтейства (1937–1938) и посла Великобритании во Франции (1944–1948) Даффа Купера. Его однотомная история Франции впервые вышла в 2018 году, став своего рода итогом его продолжительной научной и просветительской деятельности. В ней отражены и его более специальные научные исследования по отдельным периодам, и личный опыт посещения им Франции в разные годы. Как признается автор: «Я завершаю эту книгу окончанием Второй мировой войны, потому что, если описываю факты, которые помню по собственной жизни, уже не ощущаю, что пишу историю» (Norwich 2020: 474).

Книга написана весьма увлекательно и дает самое общее представление об основных перипетиях политической истории Франции, хотя автор в духе старой традиции больше внимания уделяет жизни правителей — королей, императоров, вождей революции и президентов. Соотношение объема текста двадцать одной главы, расположенных в строгом хронологическом порядке, хорошо демонстрирует предпочтения автора. Так, Карлу Великому посвящено всего 5 страниц, королю Франциску I — 24 страницы, а Наполеону III — 30 страниц. В прологе Норвич делится воспоминанием о том, как 6 июня 1947 года он познакомился на фуршетте с легендарным генералом Шарлем де Голлем и съел яблочный пирог с тарелки последнего, усыпанной пеплом от сигареты: сын британского посла опоздал на прием, и это была единственная оставшаяся еда, а он был жутко голоден. «Для меня будет честью съесть генеральский пепел», — сказал голодный юноша к веселью окружающих (Норвич 2020: 15).

Норвич старается сделать свое повествование нетривиальным, личным и эмоционально окрашенным, и у него это получается. Вот как он описывает венчание Карла Великого императорской короной в Риме в 800 году: «Историки давно обсуждают, была ли императорская коронация совместно спланирована Львом и Карлом или явилась для короля франков неожиданностью. Из этих двух вариантов второй представляется значительно более вероятным. Карл никогда не выказывал стремления утверждать свой статус и всю оставшуюся жизнь продол-

жал величать себя королем франков и лангобардов. А еще больше он не хотел иметь никаких обязательств перед папой, поэтому есть основания верить, что Карл действительно пришел в ярость, когда оказалось, что его сделали ответственным и за церковь. Лев же, напротив, создавал ключевой прецедент. Коронував Карла, он акцентировал, что и империя, и император Карл являются его созданием. Мир не мог ошибиться: именно папе, и только папе, император обязан своим титулом» (Норвич 2020: 36–37).

Ряд проходных замечаний в книге раскрывают и своеобразное представление об отношении автора к возрасту в Средние века. Так, он называет 32-летнего Карла Великого «молодым человеком» (Норвич 2020: 35), при этом далее подчеркивает, что император Священной Римской империи Максимилиан I, которому «перевалило за пятьдесят» — это «старый человек по тем временам» (Норвич 2020: 172). Как видим, между молодостью и старостью «по тем временам» проходило совсем немного лет.

Взгляд Норвича на историю сложно назвать гуманистическим, для него не стоит вопроса: что важнее — укрепление мощи государства или «слезинка ребенка» (по Достоевскому). Главу «Всемогущий паук. 1453–1483», посвященную Людовику XI (король Франции в 1461–1483 годах), он завершает характерными словами: «Он не был, по любым меркам, хорошим человеком; однако он сделал Францию более сильной, более безопасной и лучше управляемой, чем когда-либо в ее истории»

(Норвич 2020: 151). Здесь можно увидеть торжество принципа «цель оправдывает средства», тем более что автор нисколько не пытается обелять Людовика XI и используемые им методы для укрепления королевской власти: «Он не делал ни малейших усилий, чтобы вызвать любовь своих подданных. Он обкладывал их немилосердными налогами и нередко проявлял ужасающую жестокость. Филипп де Коммин описывал деревянные клетки площадью всего восемь квадратных футов [0,74 м²], в которых он держал своих врагов, иногда годами» (Норвич 2020: 151). Можно ли при помощи ужасающей жестокости построить мир всеобщего счастья? Последующая история Франции с новыми кровопролитными войнами и разнообразными мятежами является лучшим ответом на этот вопрос.

Неприятно поражает в книге смакование автором физических «недостатков» своих героев — по большей части, это касается женщин, ставших волею обстоятельств женами и любовницами французских королей. Так, о жене Карла VIII — Анне Бретонской — сообщается, что «она не отличалась красотой, к тому же сильно хромала» (Норвич 2020: 154). Жена Франциска I — Элеонора Австрийская — описана куда подробнее: «Высокая и нездоровая, с тяжелой выступающей челюстью, характерной для Габсбургов, и полным отсутствием индивидуальности. Одна ее фрейлина впоследствии сообщила, что “в раздетом виде сверху она выглядит великаншей, настолько длинный и крупный у нее торс, а снизу — карликом, настолько короткие ее бедра и ноги”. Говорили, что

еще за три года до бракосочетания с Франциском она растолстела, лицо расплылось и покрылось красными пятнами» (Норвич 2020: 170). О жене Генриха IV — Марии Медичи — также читаем: «В свои двадцать восемь лет дородная бедняжка Мария выглядела, как персонаж с полотен Рубенса (он и на самом деле ее рисовал). К этому возрасту она уже имела значительный лишний вес, и при дворе ее звали “толстой банкиршей”» (Норвич 2020: 206). О супруге Людовика XIV — Марии Терезии — узнаем из приводимой автором цитаты Нэнси Митфорд: «Ее нельзя назвать привлекательной, у нее были короткие ноги и черные зубы, потому что она ела слишком много шоколада и чеснока» (Норвич 2020: 226). Досталось и первой официальной фаворитке Короля-Солнце — Луизе де Лавальер: «Одна нога у нее была короче другой, но специально изготовленная обувь скрывала этот недостаток» (Норвич 2020: 227). Про супругу Людовика XV — Марию Лещинскую — на этапе подготовки их брака говорится немногим лучше: «одна из самых бедных (и, как уверяют, уродливых) кандидаток» (Норвич 2020: 244).

Многочисленные указания на физическое несовершенство королев компенсируется в книге подробным описанием чревоугодия королей. Например, Людовик XIV съедал «четыре тарелки разного супа, целого фазана, зафаршированную трюфелями куропатку (или утку, или цыпленка), много салата, кусок баранины, два хороших ломтя ветчины, блюдо разнообразной выпечки, свежие фрукты, компоты и варенья» (Норвич 2020: 235). А Людовик XVI

однажды утром, перед тем как спуститься в конюшню, съел «четыре отбивных котлеты, цыпленка, полную тарелку ветчины, полдюжины яиц и выпил полторы бутылки шампанского» (Норвич 2020: 255). Последний, по замечанию Норвича, «относился к тем людям, на которых одежда, несмотря на все усилия лучших портных, всегда плохо сидит; говорят, что, ковляя по дворцу, он выглядел скорее как крестьянин, а не как король» (Норвич 2020: 255).

Все эти сугубо внешние подробности вряд ли помогают нам понять подлинный ход сложных исторических процессов и не столько очеловечивают, сколько расчеловечивают повествование, но зато, несомненно, содействуют массовому интересу к книге (Норвич имел большой опыт в части работы на телевидении и хорошо понимал, как можно привлечь и удержать внимание массовой аудитории за счет обилия пикантных «фактов» такого рода).

Любопытно ироничное наблюдение автора о «негативной роли» тенниса в истории Франции. «Теннис — в своем первом варианте *jeu de raquette* — всегда был опасной игрой для французской монархии. Людовик X умер после игры в мяч; Карл VIII скончался, посмотрев игру, и старший сын Франциска дофин Людовик оставил сей мир в августе 1536 г., освежившись холодной водой в конце матча» (Норвич 2020: 192). Даже начало Французской революции в 1789 году было ознаменовано тем, что члены распущенного королем Национального собрания не захотели подчиниться и перебрались «в *jeu de raquette*, большой зал для иг-

ры в мяч, который находился рядом, где принесли клятву “не распускаться и собираться в любом месте, которое могут определить обстоятельства, пока не будет разработана конституция”» (Норвич 2020: 267).

В целом Норвич более подробно останавливается на войнах и интимной жизни монархов, тогда как о создании Французской академии кардиналом Ришелье (Норвич 2020: 215) или об утверждении Гражданского кодекса при Наполеоне I (Норвич 2020: 334) он отделяется лишь несколькими дежурными фразами. И всё же порой британский виконт даже через войны выходит в подлинное человеческое измерение. Особенно это прослеживается в описании им битвы при Сольферино — крупнейшем сражении Австро-итало-французской войны 1859 года: «Бои, в основном рукопашные, начались рано утром и продолжались почти весь день. Только к вечеру, потеряв около 20 000 солдат из-за проливного дождя, Франц Иосиф приказал отступать за реку Минчо. Но это опять была одна из пирровых побед: французы и пьемонтцы потеряли в боях немногим меньше, чем австрийцы, а после сражения в войсках произошла вспышка лихорадки (по всей видимости, эпидемия сыпного тифа), унесшая еще тысячи жизней с обеих сторон. Картины кровавой бойни произвели глубочайшее впечатление на молодого швейцарца по имени Анри Дюнан, который участвовал в оказании помощи раненым. Через пять лет этот страшный опыт приведет его к созданию международной медицинской организации Красный Крест» (Норвич 2020: 388).

Не пытается автор и оправдывать террор времен Французской революции политической целесообразностью, показывая абсурдность захлестнувшего страну насилия: «Всю осень и зиму продолжался террор. В Париже казнили 3000 человек, в провинциях — 14 000. Многие обвинения граничили с абсурдом. Например, в Общем списке осужденных читаем: “Генриетта Франсуаза де Марбёф... осуждена за надежды на приход австрийских и прусских войск”, “Франсуа Бертран... осужден за поставку защитникам страны кислого вина, вредного для здоровья”, “Мари Анжелика Плезан, швея из Дуэ, осуждена за крики, что она аристократка и “ее не волнует народ”». Все они были “приговорены к смертной казни в Париже, приговор приведен в исполнение в тот же день”» (Норвич 2020: 298). Более того, Норвич вскрывает лицемерие революционных вождей: «Постоянная работа гильотины продолжалась до конца июля со скоростью примерно тридцать ударов в день. К этому времени уже менее 10% жертв составляли аристократы, оставшиеся (примерно 85%) были членами так называемого третьего сословия. Сам Робеспьер ни разу не присутствовал на казни. Станным образом он по-прежнему заявлял, что осуждает эту практику, потому что она делает людей более жестокими. Однако замедлить набранный темп было невозможно. “Если мы остановимся слишком скоро, — утверждал Робеспьер, — то умрем. Если сейчас ликвидировать революционное правление, завтра будет ликвидирована свобода”» (с. 301). Согласно приводимым автором данным, «общее количество казненных на гильотине в тот пери-

од — 16 594 человека, 2639 из них были казнены в Париже. Еще 25 000 человек погибли в других французских городах, 96% в ноябре и после ноября 1793 г.» (Норвич 2020: 301).

Странно, но Норвич при этом считает Максимилиана Робеспьера «самым честным» из всех вождей революции (с. 305), хотя это больше говорит не о его честности, а о нечестности других. В целом портрет Робеспьера вызывает, скорее, отвращение: «Хотя в целом его уважали и даже рассматривали с восхищением, он никогда не был популярной личностью; а теперь его откровенно боялись. При нем Франция превратилась в полицейское государство. 10 июня по его настоянию приняли новый ужасающий законодательный акт — Закон от 22 прерияля II года Республики, разрешивший казнить на основании одних подозрений. Адвокаты защиты и свидетели отменялись, как и допросы обвиняемых, которые “просто сбивали с толку судей”. Стало небезопасно обсуждать политические вопросы в общественных местах. И люди начали задаваться вопросом: насколько действительно необходимо все происходящее?» (Норвич 2020: 302).

Удивительно, но к фигуре Наполеона Норвич остался относительно равнодушен: посвященную эпохе Консульства и Первой империи главу трудно назвать хорошо проработанной (с гораздо большим вкусом и более подробно Норвичем описана Вторая империя Наполеона III). Как английский патриот, автор более-менее проникновенно рассказывает о поражении Франции в битве при Ватерлоо — этому сражению посвя-

щены две страницы, тогда как всему Московскому походу 1812 года отведено менее одной. Авторские примечания в книге нередко бывают интереснее основного текста. Так, рассказывая об удивительном возвращении Наполеона с острова Эльба в Париж, историк отмечает, что «мы до сих пор можем повторить каждый шаг его маршрута. Дома, в которых император останавливался на ночь, по-прежнему стоят на своих местах, и каждый отмечен мемориальной доской» (Норвич 2020: 328). Эта, казалось бы, мало значительная ремарка, на мой взгляд, как нельзя лучше характеризует отношение французов к своей исторической памяти.

Одна из самых ярких и с большой любовью написанных глав (она же и самая большая в книге!) — «Сфинкс без загадки. 1852–1870», посвященная Второй империи Наполеона III. Из нее можно узнать, что одной из причин, почему великие державы допустили объединение Германии канцлером Бисмарком, было сильное неудобство для путешественников, вынужденных пересекать множество государственных границ. «Германия нуждалась в объединении даже больше, чем Италия. — пишет Норвич. — В начале XIX в. путешествующий из Брауншвейга в Париж должен был пересекать двадцать две границы — шести герцогств, четырех самостоятельных епископств и одного вольного города. Количество этих крошечных государств менялось, в максимуме оно доходило до 348. Наполеон I сократил их до пары дюжин, но Венский конгресс восстановил несколько упраздненных им династий. Когда к власти пришел Бисмарк, их было около сорока» (Норвич 2020: 394).

Характерным образчиком авторского стиля является сюрреалистическое описание голода во время осады Парижа прусскими войсками в сентябре 1870 — январе 1871 года. Джон Норвич в красках, достойных Франсуа Рабле, описывает ужасные страдания парижан:

«Генри Лабушер, корреспондент лондонской газеты Daily News, в середине декабря написал, что “недавно съел ломтик спаниеля”, а через неделю рассказал, что встретил человека, который откармливал громадного кота в надежде подать его в Рождество, “обложив мышами, как колбасками”. <...> Затем, с течением мрачных дней, наступила очередь животных из зоопарка. Львов и тигров пощадили: никто не ел хищников, если мог этого не делать. В живых остались и гиппопотамы, просто потому, что не нашлось мясника, способного их забить. А вот двум слонам этого зоопарка, Кастору и Поллуксу, повезло меньше.

Сохранилось несколько меню избрательных ресторанов. В одном меню на Рождество предлагали фаршированную голову осла, консоме из мяса слона, жаркое из верблюжатины, тушеную кенгурятину, паштет из антилопы, медвежьего ребра, кошку с крысой и вырезку волка под оленьим соусом. Другое меню, еще более претенциозное, включало brochettes de foie de chien maître d’hôtel, civet de chat aux champignons, salamis de rats, sauce Robert и gigots de chien flanqués de ratons [шашлыки из печени собаки метрподель, рагу из кошки с грибами, салями из крысы, соус Роберта и задние лапы собаки в крысятках].

Томми Боулз из газеты *Morning Post* отметил в начале января: «Я уже обедал верблюдом, антилопой, собакой, ослом, мулом и слоном, которых я оцениваю в том порядке, как записал... конина, по правде говоря, отвратительна, ее специфический вкус забыть невозможно». В последние дни осады правительство ввело новый сорт хлеба, названного *rain Ferry* в честь министра, который его придумал. Этот хлеб готовили из пшеничной и рисовой муки, но с добавлением соломы. Как сказал один смелый парижанин, казалось, что «его делали из старых панамских шляп, которые собирали по канавам» (Норвич 2020: 412–413).

Поразительно, но даже в таких условиях «национальная гордость» (как это, увы, нередко бывает в мировой истории), вступала в борьбу со здравым смыслом. Как отмечает Норвич, после капитуляции Парижа в январе 1871 года «положение не улучшалось, а ухудшалось, и кайзер Вильгельм приказал послать почти голодающим парижанам 6 миллионов армейских пайков. Продовольствие прибывало и из Британии: в Детфорде двадцать четыре огромные печи день и ночь выпекали хлеб, а фонд помощи лорд-мэра едва успевал принимать пожертвования. Также быстро откликнулись Соединенные Штаты, отправив в Париж продовольствие на два миллиона долларов. Однако эти щедрые жесты не всегда встречались с благодарностью. Появление первых британских фургонов с едой на рынке Ле-Аль вызвало бунт с ужасными последствиями: было растоптано ногами множество кур, яиц и сливочного масла. А когда корабли с американской помощью

пришли в Гавр, то понадобилось несколько дней на то, чтобы найти желающих их разгружать» (Норвич 2020: 416).

Из глав об истории Франции XX века выделю только два впечатливших меня трагических курьеза. Первый касается 7-го президента Третьей республики Феликса Фора, занимавшего пост главы государства в 1895–1899 годах. Как пишет Норвич: «Его избрали в январе 1895 г., в основном потому, что он был единственным кандидатом, который никого не обидел. Фор оставался в Елисейском дворце до своей неожиданной и довольно скандальной смерти 16 января 1899 г. Он умер от апоплексического удара в Голубом салоне Елисейского дворца во время встречи с одной из своих любовниц, мадам Маргерит Стенель. Секретари президента, находившиеся в соседней комнате, прекрасно знали, что происходит, но пронзительные крики женщины их встревожили, и они бросились в Голубой салон. Находящаяся в истерике мадам Стенель не могла освободиться — сведенные руки президента надежно застряли в ее волосах (как отмечает автор, они занимались оральным сексом — Н. П.).

Секретарям пришлось отрезать ей волосы, чтобы она смогла одеться. Затем ее поспешно удалили из дворца и только потом проинформировали вдову президента. (Говорят, что мадам Фор сразу послала за священником на случай, что муж еще жив и его успеют соборовать. Когда священник прибыл, дверь ему открыл дворецкий. Священник, запыхавшись, спросил: «*Monsieur le Président, a-t-il encore sa connaissance?*» «*Non,*

monsieur, — ответил дворецкий. — *On l'a fait sortir par la porte du jardin*) («Монсеньор президент еще в сознании [еще со знакомой]?» — «Нет, монсеньор. Мы вытащили ее через дверь в сад». Здесь непереводаемая игра слов, поскольку французское слово *connaissance* может означать и «знакомый(ая)», и «сознание») (Норвич 2020: 430–431).

Второй курьез связан с 11-м президентом Третьей республики (в феврале-сентябре 1920 года) Полем Дешанелем, который «начал свой президентский срок вполне rispetабельно, но уже через несколько недель его помощники несколько обеспокоились, когда, получив от делегации школьниц букет, он стал бросать в них обратно цветок за цветком. В другой раз, говорят, он вышел к британскому послу голым, надев на себя только официальные знаки отличия. В ночь с 24 на 25 мая вообще произошел чрезвычайный инцидент: он выпал из окна президентского поезда в районе Монтаржи. Путьеовой рабочий нашел его блуждающим в пижаме и отвел в дом стрелочника на ближайшем железнодорожном переезде, откуда позже президента и забрали помощники. В конце лета он с заседания прошествовал в озеро прямо в одежде. Дешанель подал в отставку 21 сентября и стал единственным президентом Франции, который из Елисейского дворца отправился в психиатрическую лечебницу» (Норвич 2020: 442).

К сожалению, есть в книге и фактические неточности. Например, в главе «Благословение или проклятие? 1795–1815» Норвич пишет: «Наполеон оставался в Москве пять

недель — еще одна роковая ошибка. Только в начале ноября Великая армия начала отступление, и в это время наступила зима» (Норвич 2020: 326). На самом деле, французская оккупация Москвы продолжалась лишь до октября 1812 года: 7 (19) октября из Москвы выступил сам Наполеон с главными силами своей армии, 10 (22) октября город покинул последний остававшийся там французский корпус маршала Э. А. Мортье, и уже 11 (23) октября летучий отряд генерал-майора И. Д. Иловайского 4-го занял Москву, оставленную противником (Подмазо 2003: 55–56).

В этой же главе можно прочесть, что «в битве при Ауэрштедте в 1806 г. прусские силы под командованием короля Фридриха Вильгельма III по численности больше чем вдвое превышали французские, но, услышав, что император лично командует войсками, прусский король призвал к немедленному отступлению, которое быстро превратилось в беспорядочное бегство. Позже обнаружилось, что его дезинформировали: император там даже не появлялся» (Норвич 2020: 333). На самом деле прусскими войсками в битве при Ауэрштедте командовал генерал-фельдмаршал Карл Вильгельм Фердинанд Брауншвейгский (1735–1806), а вовсе не король Фридрих Вильгельм III. Как пишет историк Д. Чандлер, в пылу этой битвы герцог Брауншвейгский «был смертельно ранен — ему прострелило оба глаза, когда он вел вперед на штурм полк гренадер, и Шметтау (генерал-лейтенант, граф Фридрих Вильгельм Карл фон Шметтау, командующий прусским авангардом — Н. П.) был тоже выведен из строя. Именно это

явилось основной причиной замешательства среди пруссаков, так как Фридрих-Вильгельм III не назначил нового главнокомандующего и сам не встал во главе войск» (Чандлер 1999: 305).

Наконец, несколько комично читать о «великане» Шарле де Голле, рост которого указан как «шесть футов [1 м 83 см]» (Норвич 2020: 455). В действительности рост де Голля составлял никак не менее 1 м 90 см (Арзаканян 2007: 17). А. Ландау указывает его рост — 1 м 93 см (Ландау 2016: 14). Встречаются и оценки в 1 м 96 см.

В целом книга Норвича выполняет свою задачу — рассказать максимально кратко, но при этом живо, связно и на строгой научной основе, всю основную французскую историю. Решить эту задачу идеально, так, чтобы угодить всем критикам, и при этом осветить все необходимое в правильном соотношении — абсолютно невозможно. Но тем и ценны подобные авторские труды, что они побуждают к более глубоким размышлениям и дискуссиям на исторические темы как специалистов, так и широкую читательскую аудиторию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Арзаканян 2007 — Арзаканян М.Ц. Де Голль. М., 2007.

Ландау 2016 — Ландау А. Де Голль, история Франции 1940–1969. М., 2016.

Норвич 2020 — Норвич Дж. Краткая история Франции / Пер. с англ. О. В. Строгановой. М., 2020.

Подмазо 2003 — Подмазо А. А. Большая европейская война 1812–1815 годов. Хроника событий. М., 2003.

Чандлер 1999 — Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя: Монография / Пер. с англ. Н. Б. Черных-Кедровой. М., 1999.

REFERENCES

Arzakanyan M. Ts. *De Goll*. Moscow, 2007.

Landau A. *De Goll. Istoriya Frantsii 1940–1969*. Moscow, 2016.

Norvich Dzh. *Kratkaya istoriya Frantsii*. Moscow, 2020.

Podmazo A. A. *Bolshaya evropeyskaya vojna 1812–1815 godov. Khronika sobytiy*. Moscow, 2003.

Chandler D. *Voyennyye kampanii Napoleona. Triumf i tragediya zavoyevatelya*. Moscow, 1999.

Н. Н. Подосокорский

О НОВОЙ БИОГРАФИИ НАПОЛЕОНА М. М. КУРИЕВА

Рец.: Куриев М. М. Это N. Москва: У Никитских ворот, 2020. 592 с.

Рецензируемая книга представляет собой оригинальную научно-популярную биографию императора Франции Наполеона I Бонапарта (1769–1821), написанную кандидатом исторических наук, специалистом по эпохе Наполеона М. М. Куриевым.

Ключевые слова: Наполеон, Первая империя, история Франции, наполеоновские войны, Уильям Питт — младший, Жан Тюлар, Бурьенн, наполеоновский миф.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород);

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT THE NEW BIOGRAPHY OF NAPOLEON BY M. M. KURIEV

Rev.: Kuriev M. M. Eto N. Moskva: U Nikitskih vorot, 2020. 592 p.

The reviewed book is an original popular science biography of the Emperor of France Napoleon I Bonaparte (1769–1821), written by M. M. Kuriev, candidate of Historical Sciences, an expert on the era of Napoleon.

Keywords: Napoleon, the First Empire, the history of France, the Napoleonic Wars, William Pitt Jr., Jean Tulard, Bourrienne, the Napoleonic myth

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Автор книги Мурат Магомедович Куриев — историк, журналист, писатель, кандидат исторических наук, педагог, полтора десятилетия преподававший на историческом факультете МГПИ имени В. И. Ленина; признанный специалист по эпохе наполеоновских войн. Помимо этой книги из-под его пера вышли еще четыре монографии: «Герцог Веллингтон» (1994), «Век Наполеона: люди и судьбы» (1997; в соавторстве с М. В. Пономарёвым), «Ватерлоо. Битва ошибок» (2019), «Железный герцог» (2021). Свою книгу «Это N» (название отсылает к распространенному символу императорской власти Наполеона), посвященную французскому императору Наполеону I (1769–1821), Куриев скромно называет «попыткой биографии». Действительно, задача написать новую цельную, интересную и оригинальную биографию Наполеона — задача не из легких, ибо это одна из наиболее популярных среди исследователей фигур мировой истории (считается, что Наполеону посвящено более 400 тысяч книг (Куриев 2020: 6), хотя его научных биографий, разумеется, гораздо меньше).

Из трудов о Наполеоне на русском языке недостижимой вершиной считается давно ставший классическим труд академика Е. В. Тарле «Наполеон», впервые опубликованный в 1936 году. Куриев относится к нему с максимальным почтением, но даже не пытается подражать Тарле, а пишет в собственной оригинальной манере. Его книга о Наполеоне, как и труд Тарле, написана в научно-популярных целях, и поэтому также лишена ссылочного аппарата, характерного для строго научных моногра-

фий. Однако все приводимые цитаты закавычены, а рассказ основан на изучении большого числа исторических источников (см. внушительную библиографию, приведенную в конце книги). Из свидетельств современников историк чаще всего цитирует многотомные мемуары герцогини д'Абрантес (1831–1835), из фильмов о Наполеоне — наиболее ценит кинокартину Саша Гитри «Наполеон» (1955), к сценам из которой обращается неоднократно. Особенность стиля Куриева состоит в том, что он не столько пишет, сколько рассказывает историю Наполеона. Его книга больше похожа на записи лекций, и в ней сполна отражена симпатичная и умная личность автора. Именно с этим связаны многочисленные повторы и различные замечания, более свойственные для устной речи (например: «Опять таки выскажу собственное мнение» (Куриев 2020: 320) и т. п.). Без учета этого фактора книга может быть воспринята не так, как она того заслуживает.

Куриев пишет очень увлекательно, афористично, умеет создавать напряжение в тексте. Особенно хорошо ему удаются описания сражений. Вообще с этой книги Куриева вполне могут начать знакомство с личностью Наполеона любознательные школьники и студенты. Но и специалисты найдут в ней немало интересного и нового. Последнее касается и авторских оценок фигур из окружения императора, его противников, различных исторических явлений и событий конца XVIII — первых десятилетий XIX века.

Рецензируемая монография состоит из тринадцати частей, в которых

излагается основная канва всей биографии Наполеона — от его рождения на Корсике и до самой смерти на острове Святой Елены; хотя повествование и не всегда придерживается строгих хронологических рамок. Автор очень тщательно и умело подобрал эпиграфы к каждой части из высказываний героя своей книги. Они сами по себе настраивают читателя на историософский лад. Приведу наиболее понравившиеся из них: «Воображение правит миром»; «Никто, кроме меня самого, не наносил мне вреда; я был, можно так сказать, сам себе врагом: мои собственные планы, эта экспедиция в Москву и та катастрофа, которая случилась там, были причиной моего падения. Однако я могу сказать, что те, кто не противостояли мне, не противоречили мне, кто с готовностью во всем соглашался со мной, полностью поддерживали мое мнение и создавали мне во всем благоприятные условия, и были моими злейшими врагами...»; «Успех — лучший оратор в мире»; «Я повернулся бы спиной к Европе, и старая цивилизация континента застыла бы в своем развитии»; «Первые пятна революции мы смыли потоками славы»; «Лидер — это торговец надеждой»; «Невозможность — слово из словаря глупцов» и др. Автор книги по этому поводу замечает: «У Наполеона цитаты — на все случаи жизни, прямо как у Ленина» (Куриев 2020: 371).

Из книги можно узнать, что Наполеон был не первым ребенком с таким именем в семье Карло и Летиции Буонапарте. Поначалу именем Наполеоне был наречен их первенец, скончавшийся в младенчестве за четыре года до появления *второго* На-

полеона, ставшего в итоге Наполеоном *первым* — и в собственной семье, и в истории Франции. Этот удивительный факт почему-то до Куриева не упоминался большинством биографов, хотя он весьма примечателен. Также автор знакомит с мнением, согласно которому наполеоновский маршал Бернадот «вдохновил Александра Дюма на создание образа д'Артаньяна в романе “Три мушкетера”» (Куриев 2020: 131). Немногие знают, что британский флотоводец Горацио Нельсон повредил свой правый глаз в 1794 году именно на Корсике, родине Наполеона (Куриев 2020: 138).

Интересна полемика Куриева с другими исследователями при объяснении тех или иных событий. Приведу характерный пример его несогласия с крупным французским наполеоноведом Жаном Тюларом (его книга «Наполеон, или Миф о спасителе» впервые вышла в переводе на русский язык в серии «Жизнь замечательных людей» в 1996 году, и с тех пор неоднократно переиздавалась): «По мнению Тюлара, пиарился Наполеон в основном с помощью газет. Ладно, представим себе подобное. Конец XVIII века. Какие тиражи могли быть у таких газет? Кто и когда их читал? Ничтожное количество людей! Я даже боюсь предположить, что с ними делали солдаты. Генерал Бонапарт издавал их для поднятия боевого духа? Так молодец, плохо, что раньше никто не додумался. Приврал? А для чего газеты тогда вообще существуют? Вам, людям, которые включают телевизор, не смешно? Вы понимаете, о каких масштабах идет речь? Но Тюлар написал, а многие — подхватили» (Куриев 2020: 116–117).

А вот как генерал Бонапарт переиграл аббата Сийеса при голосовании за первого консула республики: «В зале заседаний на стол поставили какую-то бутылку, все по очереди бросали в нее заполненные бюллетени. <...> Секретарь уже высыпал бюллетени из бутылки на стол, когда Бонапарт вдруг остановил его со словами: “Вместо того, чтобы заниматься подсчетами, дадим еще одно доказательство нашего признания гражданину Сийесу. Пусть он сам назовет имя первого консула!” ... Сийес сумел выжить при всех режимах. Считалось, что провести хитроумного аббата просто невозможно. А он попал в детскую ловушку! Просто не мог предложить самого себя! Сийес поблудил и назвал имя. “Бонапарт...”» (Куриев 2020: 197).

В целом труд Мурата Куриева можно назвать апологией Наполеона. И, хотя исследователь вовсе не закрывает глаза на ошибки, некрасивые поступки и преступления своего героя, он все же каждый раз пытается изложить *правоту* Бонапарта так, как ее понимает. Такой подход вполне возможен, ибо, на самом деле, без настоящей любви к герою книги невозможно написать сколь-либо хорошую его биографию.

По наблюдению автора, «самая отвратительная привычка Наполеона — дергать людей за уши. Своеобразное поощрение, хотя ушам от этого лучше не было. Дергал Наполеон преобильно, и его нисколько не смущало, какие ощущения испытывает “поощряемый”. За уши он дергал и солдат, и маршалов, и почти всех своих сановников. Привычка, которую *вынуждены* были терпеть те, кто его окружал» (Куриев 2020: 218).

Куриев также развенчивает и некоторые устойчивые заблуждения о Наполеоне: про «малый» рост императора или про его крайне непродолжительный сон. «Бурьенн, Меневаль, камердинер Констан говорят о том, что спал Наполеон обычно часов семь. Иногда Бурьенну с трудом удавалось его разбудить, но все, конечно, зависело от обстоятельств» (Куриев 2020: 223).

В связи с Бурьенном в книге приводится один забавный диалог, произошедший между ним и Бонапартом в Египте:

«— Бурьенн, ты станешь знаменитым!
— Почему же, мой генерал?
— Как, ведь ты мой секретарь!
— А как звали секретаря Александра Македонского?
— Хм... Неплохо, Бурьенн!» (Куриев 2020: 249).

Описания врагов Наполеона также заслуживают внимания. Все знают об особом пристрастии к спиртным напиткам британского премьер-министра Уинстона Черчилля, но его предшественник, глава британского правительства в эпоху Наполеона — Уильям Питт — младший (1759–1806) — оказывается, тоже был «тяжким пьяницей». Как пишет Куриев, «специально изучавшие эту “тему” историки посчитали, что как-то за год Питт выпил 574 бутылки кларета, 854 — мадеры и 2410 — портвейна. Не поленились уточнить размеры бутылок, крепость напитков и получили результат. В среднем Питт выпивал не менее трех бутылок крепкого вина в день» (Куриев 2020: 286).

Кстати, когда говорят о беспрецедентно молодом возрасте, в котором

генерал Бонапарт возглавил Францию в 1799 году (ему тогда было 30 лет), как-то упускают из виду, что современные ему руководители европейских держав пришли к власти и того моложе. Император Всероссийский Александр I — в 23 года, император Священной Римской империи Франц I — в 24 года, король Пруссии Фридрих Вильгельм III — в 27 лет. Но это все наследственные монархи, зато уже упомянутый выше Уильям Питт — младший впервые возглавил британское правительство в возрасте 24 лет! (абсолютный рекорд в истории Великобритании). Так что Наполеон вовсе не выглядел более юным, чем другие правители той эпохи, что наследственные, что избираемые.

Очень проникновенно Куриев пишет о возвышении Наполеона: «Италия сделала его “знаменитым Бонапартом”, Египет и Сирия — человеком, готовым к любым приключениям. Италия превратила его в генерала, который очень осторожно относился к политике, а заглянув в глаза Сфинкса, он вдруг понял — славу на века получают только тогда, когда сильно рискуют. И не только жизнью. Но и репутацией, и появлением “черного пятна в биографии”. Египет — совсем не то место, где он мог обрести славу, но это именно то место, где он осознал — слава требует жертв, приносить их нужно вовремя и без колебаний» (Куриев 2020: 145).

Что касается Первой Империи, то сам Наполеон сформулировал свою цель следующим образом: «Мое желание состоит в том, чтобы звание француза было лучшим и наиболее

желанным на свете, чтобы француз, путешествующий в любой части Европы, мог думать и считать, что он находится дома» (Куриев 2020: 417). Что же помешало этим планам? Мурат Куриев полагает, что, помимо безрассудного вторжения в Испанию, в конечном счете Наполеона «погубил» его брак с дочерью австрийского императора Марией-Луизой (Куриев 2020: 444).

Конечно, далеко не со всеми тезисами автора можно согласиться. Например, с тем, что «в мифе — все выдумка», а «в легенде — много правды» (Куриев 2020: 59). Такое отношение к мифу, даже и наполеоновскому, является серьезным упрощением. Трудно принять и другое безапелляционное заявление историка, что в корсиканском детстве Наполеона «не было ничего особенного» (Куриев 2020: 25). Куриев полагает, что если бы что-то особенное в детстве Наполеона и было, то «Наполеон сам бы об этом рассказал». Скажу банальность, но вообще-то именно на период детства приходится формирование любой личности, и уж если Наполеон стал тем, кем он стал, то, конечно, к его детству стоило бы отнестись более внимательно. Проблема состоит в том, что мы крайне мало знаем о его детстве и той внутренней жизни, которая сформировала его великую душу. Например, мы ничего не знаем о его детских снах, мечтах, прозрениях.

Тут будет не лишним процитировать слова Бурьенна (товарища Наполеона по Бриеннской школе, впоследствии секретаря первого консула Французской республики) о нашем герое: «Он часто рассматривал как

событие то, что было одной только его мыслью» (Куриев 2020: 30). Сказано это было с целью принизить Наполеона, но эти слова могут быть интерпретированы и в том смысле, что сама по себе воля Наполеона была способна формировать историческую реальность. Впрочем, не будем забывать, что политики — люди очень практичные, и они вовсе не готовы рассказывать о самом интимном и глубоком в их внутренних переживаниях на публику, если это заведомо будет не понято, отвергнуто, извращено массовой аудиторией, всегда требующей простых и понятных каждому ответов и решений. Другое дело, что, не имея соответствующего материала для изучения внутренней жизни Наполеона-ребенка, вряд ли стоит слишком уж фантазировать на эту тему. Куриев этого и не делает.

Зато автор высказывает собственную гипотезу о причине гениальности Наполеона: «Он мечтал или просто — думал. Он разговаривал сам с собой, а такие люди становятся либо сумасшедшими, либо гениями. Беру на себя смелость утверждать, что *гением* его во многом сделала именно эта способность. Наполеон будто впал в ступор, но видел то, что другие не замечали. Он мечтал — и приходил к озарению. Он думал — и рождалась идея. Он любил математику, но цифры кружились в голове отчаянного фантазера. И да, в тот самый момент, когда он начал советоваться *только с самим собой*, он и стал Наполеоном» (Куриев 2020: 31).

Не могу не откликнуться и на утверждение автора, что Наполеон «до Тулона не воевал ни дня, про Корсику

даже вспоминать не надо» (Куриев 2020: 62). Почему же не надо? Тут, как и в случае с детством императора, происходит совершенно необоснованное игнорирование очень важного жизненного опыта героя книги. Конечно, его участие в боевых действиях на Корсике несопоставимо по значимости с его же деятельностью при осаде Тулона, но именно там происходила его реальная начальная подготовка как военного офицера. Н. А. Троицкий так описал корсиканский военный опыт Бонапарта: «24 февраля 1793 г. батальоны Наполеона и Квенца атакой с ходу захватили островок Сан-Стефано, разместили там две свои батареи и оттуда повели артиллерийский огонь по фортам Маддалены, причем Наполеон лично наводил орудия и стрелял очень метко. Скоро два главных крепостных форта были выведены из строя. Наполеон предложил брать Маддалену штурмом. Чезаре принял его предложение. Но тут случилось непредвиденное. Команда головного судна, корвета “Ла Фоветт”, взбунтовалась, заявив, что воевать больше не хочет, и потребовала немедленно вернуться домой, во Францию. Все попытки Чезаре уговорить бунтовщиков, пригрозив при этом даже взорвать их корабль, ни к чему не привели. Пришлось свернуть так удачно начатую операцию и возвращаться ни с чем, а точнее с позором» (Троицкий 2020: 78–79).

Тем не менее, в том числе из этой «позорной» неудачи впоследствии и вырос военный талант Наполеона. То, что не удалось сделать с сардинским портом Маддаленой, удалось с другим портом — Тулоном — менее чем год спустя.

Отмечу также, что это одна из немногих книг, изданных в последние годы, в которой я не встретил грамматических ошибок. К сожалению, это не касается собственно *исторической* части труда. В этом отношении книге явно не хватило научного редактора. Перечислю некоторые из допущенных автором ошибок (опечаток), которые нисколько не влияют на восприятие труда в целом, но требуют исправления при возможном переиздании книги. Так, в первой части «Второй Наполеоне» Куриев пишет: «Восемь лет Наполеоне Буонапарте не был на родине. Юный офицер приезжает в отпуск осенью 1796-го, некоторых из своих братьев и сестер он еще не видел ни разу в жизни, они родились уже после его отъезда» (Куриев 2020: 40). Здесь явная опечатка, поскольку осенью 1796 года Наполеон был уже не «юным офицером», а дивизионным генералом и главнокомандующим французской армией в Италии. Вероятно, имеется в виду осень 1789 года, но вообще «с сентября 1789 по июнь 1793 г. Наполеон трижды приезжал на Корсику и подолгу оставался там» (Троицкий 2020: 68).

Во второй части «Генерал от Революции» автор, рассказывая о посещении Наполеоном Мальмезона 12 апреля 1815 года, дважды называет падчерицу Наполеона Гортензию его «сестрой» (Куриев 2020: 80).

В шестой части «Солнце Аустерлица» читаем, что «высшее воинское звание Наполеон восстановил на следующий день после коронации. 19 мая 1804 года был опубликован первый список маршалов» (Куриев 2020: 282). На самом деле, это про-

изошло на следующий день после провозглашения пожизненного консула императором, тогда как знаменитая коронация Наполеона как императора французов состоялась лишь в декабре того же 1804 года.

В восьмой части «Бог войны» маршал Франции Юзеф Понятовский (1763–1813) ошибочно назван «родным братом последнего короля Польши» (Куриев 2020: 385) Станислава II Августа Понятовского (1732–1798), тогда как он приходил к нему племянником.

В девятой части «Отступление» перепутан год конгресса в Эрфурте: он, конечно, состоялся в 1808 году, а не в 1809-м, как сообщает автор (Куриев 2020: 424).

В заключение еще раз отмечу, что в целом монография М. М. Куриева о Наполеоне — очень интересная, хорошо продуманная и оригинальная, побуждающая посмотреть на общеизвестные события под новым углом. Хочется надеяться, что исследователь напишет об этой эпохе еще одну замечательную книгу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Куриев 2020 — Куриев М. М. Это Н. М.: У Никитских ворот, 2020.

Троицкий 2020 — Троицкий Н. А. Наполеон Великий: в 2 т. / Подгот. к публ., вступ. ст. М. В. Ковалева, Ю. Г. Степанова. М., 2020. Т. 1: Гражданин Бонапарт.

REFERENCES

Kuriyev M. M. *Eto N. Moscow, 2020.*

Troitskiy N. A. *Napoleon Velikiy: v 2 t. Moscow, 2020. T. 1: Grazhdanin Bonapart.*

И. Н. Селиванов

ДВИЖЕНИЕ НЕПРИСОЕДИНЕНИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: ВЗГЛЯД ИЗ БЕЛГРАДА И НЕ ТОЛЬКО

Рец: The 60th anniversary of the Non-Aligned Movement / edit by Duško Dimitrijević and Jovan Čavoški. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2021. 509 s.

Аннотация. Рецензия на вышедший в Республике Сербия сборник научных работ, посвященных 60-летию Движения неприсоединения — 60-летие движения неприсоединения / под ред. Душко Димитриевича и Йована Чавошки. Белград: Институт международной политики и экономики, 2021. 509 с. В его составлении приняли участие специалисты из 16 стран, включая Российскую Федерацию.

Сборник состоит из трех основных разделов, каждый из которых освещает наиболее важные проблемы истории и современного состояния Движения неприсоединения.

Ключевые слова: Движение неприсоединения, история «холодной войны», роль Югославии в Движении неприсоединения, оценки Движения неприсоединения в современной историографии, сегодняшнее состояние Движения неприсоединения.

Сведения об авторе. Селиванов Игорь Николаевич. Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Курского государственного университета.

Контактная информация: ivan13117@yandex.ru.

I. N. Selivanov

THE NON-ALIGNED MOVEMENT YESTERDAY AND TODAY.

Rev: The 60th anniversary of the Non-Aligned Movement / edit by Duško Dimitrijević and Jovan Čavoški. Belgrade: Institute of International Politics and Economics, 2021. 509 s.

A review of a collection of scientific papers published in the Republic of Serbia dedicated to the 60th anniversary of the Non-Aligned Movement is presented.

© И. Н. Селиванов, 2022
DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-250-257

Experts from 16 countries, including the Russian Federation, took part in its compilation.

The collection consists of three main sections, each of which highlights the most important problems in the history and current state of the Non-Aligned Movement.

Keywords: Non-Aligned Movement, history of the Cold War, the role of Yugoslavia in the Non-Aligned Movement, assessments of the Non-Aligned Movement in modern historiography, the current state of the Non-Aligned Movement.

About the author: Selivanov Igor N. Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History, Kursk State University.

Contact information: ivan13117@yandex.ru.

Движение неприсоединения выступало как довольно важный инструмент осуществления внешнеполитической ориентации значительного количества государств в эпоху «холодной войны». Оно на определенном этапе своего развития даже позиционировалось лидерами некоторых стран как альтернатива политике биполярного мира. В Российской Федерации его история и современное состояние не занимают в исследованиях специалистов-международников столь значимого места, как это было в период существования Советского Союза. И на это есть достаточно веские причины.

Практически незамеченным прошло в России в 2021 году шестидесятилетие с момента официального образования данного движения, которое сегодня объединяет 120 государств с постоянным статусом полноправного участника, а также 17 наблюдателей. Объяснений можно назвать несколько, но, как нам представляется, главное из них — Движение неприсоединения в новых координатах российской внешней политики перестало играть сколько-нибудь важную роль в силу ослабления своей идеологической составляющей,

являвшейся весьма важной в советский период. Тогда сам фактор «неприсоединения» во многом рассматривался партийными идеологами и связанными с ними обществоведами как объективно игравший на руку СССР и его тогдашним союзникам.

В несколько ином контексте на все это смотрят специалисты-историки, а также политологи-международники за пределами России. Наглядный тому пример — выход из печати в Белграде под эгидой белградского Института международной политики и экономики специального тематического сборника, посвященного этой юбилейной дате. Он является частью научно-исследовательского проекта «Сербия и вызовы в международных отношениях в 2021 году», осуществленного при финансовой поддержке Министерства образования, науки и технологического развития Республики Сербия.

Для сербского исторического и политологического научного сообщества эта дата, несомненно, знаковое напоминание о том, сколь значимое место занимала Югославия (прежде всего в годы нахождения у власти И. Броза Тито) в системе международных

отношений через формат Движения неприсоединения. Именно в Белграде проводились две последние юбилейные встречи участников Движения, посвященные его 50-летию (5–6 сентября 2011 г.) и 60-летию (11–12 октября 2021 г.).

Рецензируемый сборник, объемом чуть более 500 страниц, включает три основных раздела, каждый из которых освещает наиболее важные, по мнению редакторов-составителей, проблемы этого движения. Всего в подготовке включенных в него 29 статей приняло участие 34 автора из 16 стран (Сербии, Словении, Венгрии, России, США, Великобритании, Канады, Германии, Индонезии, Бразилии, Египта, Южно-Африканской Республики, Кубы, Ганы, Китая и Индии). Наибольшее количество публикаций приходится на сербских авторов. Представлены также специалисты, являющиеся признанными в мире авторитетами по рассматриваемой проблематике, что придает рецензируемому сборнику дополнительную научную значимость.

В этой связи необходимо особо сказать о несомненно большой организационной работе, которую проделали главные координаторы данного проекта — Д. Дмитриевич (Институт международной политики и экономики в Белграде) и Й. Чавошки (Институт новейшей истории Сербии), сумевшие из достаточно разнородных публикаций сделать вполне логичный по форме и содержанию сборник, который вполне может претендовать, исходя из его общего замысла, и на статус коллективной монографии.

Конечно, в ограниченном масштабе рецензии невозможно даже кратко охватить весь перечень проблем и высказанных авторами мнений по заданной теме, поэтому остановимся лишь на их кратком обзоре.

В Предисловии, написанном Д. Дмитриевичем, отмечается, что Движение неприсоединения стало важной частью взаимоотношений государств в годы «холодной войны», которое и сегодня призвано сыграть важную роль в решении многих проблем мирового сообщества. Политика неприсоединения с самого начала учитывала основные тенденции развития современного мира, формулируя цели, совпадающие с направлениями необходимых изменений в международном сообществе. Несмотря на кризисы, через которые Движение неприсоединения прошло на протяжении всего своего развития, в том числе во время и после холодной войны, его реальная роль в реализации политики неприсоединения, несомненно, доказывала, что у него оставалась долгосрочная перспектива (с.14).

Первый раздел книги озаглавлен «Происхождение и развитие движение неприсоединения», состоит из 11 статей. Открывается он статьей Й. Чавошки, посвященной ретроспективному анализу роли Движения неприсоединения в мировых делах периода «холодной войны». Стоит отметить, что он уже давно является авторитетным исследователем в этой области, автором недавно вышедшей в Лондоне публикации «Саммиты Движения неприсоединения: история» и ряда других научных работ. Чавошки рассмотрел эволюцию

движения неприсоединения в годы «холодной войны», когда оно достигло апогея своего влияния. Оно принималось как великими державами, так и «малыми» странами. Движение стало постоянно действующей международной организацией и к середине 1970-х гг. играло роль своеобразного «третьего полюса» в международной политике, находясь между двух враждебных блоков. На этом трудном пути Движение неприсоединения испытало немало взлетов и падений, приобретая более позитивное и прочное наследие.

Один из самых известных из ныне здравствующих сербских историков, член Сербской академии наук и искусств Л. Димич остановился в своей статье на роли выдающегося политического лидера коммунистической Югославии И. Броза Тито в становлении этого движения на его начальном этапе. Следует отметить, что им в соавторстве с другим крупным сербским историком-международником, Д. Богетичем, был подготовлен и издан в 2013 г. фундаментальный труд «Белградская конференция неприсоединившихся стран. 1–6 сентября 1961 г. Пролог истории третьего мира», до сих пор являющийся по данной тематике одним из самых значимых в историко-историографическом и историко-историографическом планах. Статья Димича написана с использованием большого корпуса документов, в том числе из фондов Архива Югославии. Автор рассмотрел эволюцию внешнеполитических приоритетов социалистической Югославии на момент создания Движения неприсоединения. Он отмечает, что внешнеполитическая позиция страны во времена Иосипа Броз Тито

имела четкую идеологическую основу для ответа на ключевые проблемы тогдашнего мира. В то же время Югославия обладала политической волей, чтобы взять на себя роль лидера в Движении, чьи очертания были только обозначены в самом общем виде во время Белградского саммита неприсоединившихся стран.

Профессор Белградского университета А. Животич, хорошо известный отечественному историческому сообществу по большому количеству самых разнообразных по тематике русскоязычных публикаций, проанализировал весьма важную тему, связанную с ролью титовской Югославии в привлечении стран Ближнего Востока в Движение неприсоединения. Ближневосточной проблематикой, в том числе связанной с ролью Югославии в данном регионе, автор занимается уже продолжительное время и новая публикация в какой-то степени уточняет и дополняет его работы прошлых лет, из которых выделяется вышедшая в 2010 г. книга «Югославия и арабо-израильская война 1967 г.», подготовленная им совместно с Д. Богетичем.

Американский исследователь Р. Раков (автор изданной в США в 2012 г. монографии «Кеннеди, Джонсон и Неприсоединившийся мир») осветил основные подходы в США в отношении Движения неприсоединения в годы «холодной войны». В этом же разделе помещены публикации А. Д. Гупты о вхождении Индии в движение неприсоединения в качестве государства-учредителя, а также совместная статья авторов из Санкт-Петербурга Р. В. Костюка и Е. П. Катковой об отношении

в СССР, который, по понятным причинам, не являлся его участником, к этому Движению. Китайские авторы Ван Хонвей и Лю Хиньяо продолжили эту тему на примере КНР. Немецкий исследователь А. Трюльцш, взяв в качестве примера Югославию, остановился на роли ООН в функционировании Движения неприсоединения и его влиянии на развитие международного права. Профессор Университета Макгилла (Монреаль, Канада) Л. Лютти рассмотрел контакты в период «холодной войны» Движения неприсоединения с региональными движениями и организациями. В статье научного сотрудника Института международной политики и экономики С. Елисавац Тросич определено место Движения неприсоединения в борьбе за новый международный экономический порядок. Сербский дипломат Д. Лопандич и Научный сотрудник института современной истории Р. Милкич рассмотрели влияние политики неприсоединения на статус Югославии в процессах европейской интеграции.

Второй раздел книги озаглавлен «Отражения Движения неприсоединения — 60 лет после Белградского саммита» и состоит из 10 публикаций. В статье бывшего Министра иностранных дел СРЮ Ж. Ивановича рассмотрено Движение неприсоединения как формат «приглашения к разуму, диалогу и сосуществованию» (с. 227).

Уже упомянутый нами выше Д. Богетич, с позиции сегодняшнего восприятия Движения неприсоединения в сербском историческом и политологическом сообществе,

высказал свое видение исторической роли в нем Югославии. Он проанализировал процесс формирования политики неприсоединения, с первых его проявлений в формате внешнеполитической ориентации отдельных государств к созданию более широкого движения, позволившего организовать совместные организованные и непрерывные действия этих неприсоединившихся государств, в частности, в ООН. Особое место в этом анализе отведено социалистической Югославии, сыгравшей ключевую роль в становлении и дальнейшем развитии Движения неприсоединения, в его постоянном противостоянии серьезным вызовам в тогдашней мировой политике. Статья основана на изучении большого количества архивных материалов. На основе проведенного анализа автор пришел к выводу, что Движение никогда не достигло бы в годы «холодной войны» того позитивного места в мировой политике, если бы в нем не присутствовала «искусно спроектированная и наступательная» дипломатия И. Броза Тито. К слову сказать, еще в 2006 г. вышла обобщающая монография Богетича «Новая стратегия югославской внешней политики (1956–1961)», в которой он детально проанализировал пятилетие, предшествовавшее Белградскому саммиту. С другой стороны, считает Богетич, социалистическая Югославия никогда не смогла бы сыграть столь значительную роль в разделенном на блоки мире без этого постоянного, хорошо организованного и действенного широкого Движения (с.239).

Представители Латинской Америки, сотрудники Высшего Институ-

та международных отношений им. Р.Р. Гарсия Л.Е. Родригес Фернандес, Д. Фернандес Перес, а также бразильский автор Б. Биссио раскрыли в своих публикациях роль Кубы и Бразилии в Движении неприсоединения. Э. Саад (Египет), Т. Прехи Бочвай, А.К. Амояко-Гьямпан (Гана), С. Онслов (Великобритания), а также К. Сондерс (ЮАР) рассмотрели значение Движения неприсоединения в исторических судьбах государств и народов африканского континента. Индонезийский исследователь М.Ф. Аминуддин проанализировал роль, которую играло Движение для его страны на протяжении последних шести десятилетий. Обществовед азербайджанского происхождения К. Акили-Алиев, работающий в Институте бундесвера в Мюнхене, остановился на роли своей исторической родины в Движении неприсоединения в контексте международного права и безопасности.

Заключительный раздел озаглавлен «Возрождение роли Движения неприсоединения в современных международных отношениях», он является самым компактным по количеству авторов и состоит из 7 статей.

Венгерский исследователь И. Таррози рассмотрел в своей публикации некоторые геополитические аспекты Движения неприсоединения в «новых многополярных условиях». Бывший посол Сербии в Египте Д. Бизенич предложил рассматривать это Движение как своеобразный выход из системы тех противоречий, которые сложились после окончания «холодной войны». Посол Египта в Сербии Амр Альджовейли остановился

на вопросе о возможной адаптации Движения неприсоединения применительно к новым глобальным реалиям современного мира. В статье представлены личные наблюдения за историческим развитием Движения неприсоединения и обозначены перспективы его трансформации. Автор опирается не только на исторические источники, но и на собственный тридцатилетний дипломатический опыт. Он попытался предсказать в своей публикации возможные направления развития и адаптации Движения в современном мире.

Д. Дмитриевич охарактеризовал роль Движения в контексте реформ в Организации Объединенных Наций. По его оценкам, именно США, стоявшие у истоков ООН, своей политикой стимулировали появление Движения неприсоединения. Благодаря ООН члены Движения смогли успешно развивать свою деятельность в ее рамках. Политические идентичности только что освободившихся и принятых в ООН стран привели к слиянию их идентичностей с идентичностями неприсоединившихся государств первой волны. В этом отношении ООН сыграла свою положительную роль. Действующие под ее эгидой неприсоединившиеся страны принимали активное участие в решении ключевых мировых политических, экономических и социальных проблем. Несмотря на то, что имеются некоторые разногласия среди неприсоединившихся государств по поводу реформы ООН, эта организация для всех ее членов остается важным фактором международных отношений и местом, где их потребности и отношения артикулируются от имени

большинства членов международного сообщества, которое как раз и олицетворяет Движение неприсоединения (с.456).

Индонезийский дипломат и исследователь Мульяна Хаят Ганда Яян попытался показать роль движения в сегодняшних непростых реалиях мировой политики, прежде всего в качестве хранителя традиций и как потенциального гаранта будущего миропорядка. Словенский исследователь Ж. Кунич представил взгляд из своей страны (которая, к слову сказать, не является его участником, в 2004 г. вступив в НАТО) на роль Движения неприсоединения в современных международных отношениях. Индийские исследователи Центра науки и технологий неприсоединившихся и других развивающихся стран (Нью-Дели) М. и А. Бандьопадхья посвятили свою статью роли Научно-технического центра Движения Неприсоединения в качестве успешного механизма наращивания потенциала в области науки, технологий и инноваций и достижения целей устойчивого развития на Глобальном Юге.

Конечно, можно долго дискутировать на тему, насколько перспективно и эффективно Движение неприсоединения в сегодняшних существенно изменившихся «постбиполярных» мировых реалиях, не всегда можно согласиться с теми или иными выводами авторов, но сама постановка проблемы именно в таком формате заслуживает внимательного и беспристрастного отношения.

Конечно, не стоит также и забывать о том, что после начала последних

событий на территории Украины ситуация в мире изменилась еще более радикально и авторы из 2021 г. это обстоятельство, в силу объективных причин, не могли учитывать. Таким образом, у сотрудников белградского Института международной политики и экономики и Института новейшей истории Сербии появляется существенный повод продолжить, а также скорректировать начатый авторами сборника анализ перспектив Движения неприсоединения в новых мировых реалиях.

Вызывает также большое сожаление, что так ограниченно представлены в данном знаковом сборнике историки-международники и политологи из России и стран Ближнего зарубежья.

Подводя общий итог, стоит отметить, что даже краткий обзор представленных в рецензируемой книге материалов позволяет говорить о том, что и сегодня для представителей мирового научного сообщества данная тема не потеряла своей политической и научной актуальности. И стоит только приветствовать усилия сербских коллег, которые выступили инициаторами и координаторами столь интересного проекта. Вряд ли сегодня можно найти другое подобное рода издание, в котором столь широко были бы представлены взгляды на Движение неприсоединения представителей общественной мысли разных стран и регионов.

Большим плюсом является и то обстоятельство, что рецензируемая книга издана на английском языке, что весьма значительно расширяет ее читательскую аудиторию. Переведенное на русский язык, оно с большой долей

вероятности могло бы стать еще более востребованным для широкого круга российских читателей и русскоязычных специалистов-обществоведов за пределами России, в частности, в странах ближнего зарубежья.

Как нам представляется, данный коллективный труд имеет немалое практическое значение, прежде всего для преподавателей исторических и политико-правовых дисциплин в высших учебных заведениях, книга может быть использована студентами при написании выпускных квалификационных и курсовых работ,

а также и при организации с ними различных самостоятельных видов деятельности (практикумы, коллоквиумы, практические занятия и т.д.).

Также отметим, что рецензируемый сборник размещен издателями в открытом доступе в сети Интернет, с ним можно более подробно ознакомиться на сайте или скачать по прямой ссылке:

<https://www.diplomacy.bg.ac.rs/wp-content/uploads/2021/08/The-60th-Anniversary.pdf>

И. М. Беляев

КНИГА ДЛЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ

Рец.: Шарый А. В. Чешское время: большая история маленькой страны: от святого Вацлава до Вацлава Гавела. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 592 с.

Рецензируемая книга представляет собой цикл эссе об истории и культуре Чехии, написанных Андреем Шарым — журналистом и писателем, директором русской службы Радио Свобода, автором нескольких книг о Центральной и Восточной Европе.

Ключевые слова: Чехословакия, Чехия, Центральная Европа, Восточная Европа, Австро-Венгрия

Сведения об авторе: Иван Беляев — социолог, журналист русской службы Радио Свобода, биограф и переводчик Вацлава Гавела

Контактная информация: beliaevliberty@gmail.com

I. M. Beliaev

A BOOK FOR THE EXTRA READING

Review: Шарый А. В. Чешское время: большая история маленькой страны: от святого Вацлава до Вацлава Гавела. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. 592 с.

The reviewed book is a collection of essays on Czech history and culture written by Andrey Shary, journalist and writer, Radio Liberty Russian service director, author of several books about Central and Eastern Europe.

Keywords: Czechia, Czechoslovakia, Austro-Hungary, Eastern Europe, Central Europe

About the author: Ivan Beliaev — sociologist, Radio Free Europe/Radio Liberty Russian service journalist, biographer and translator of Vaclav Havel

Contact information: beliaevliberty@gmail.com

Предупреждение о конфликте интересов: автор книги является директором русской службы Радио Свобода, в которой работает автор рецензии.

© И. М. Беляев, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-258-260

Книга Андрея Шарого «Чешское время» («КоЛибри», 2022) — не академическая работа. Сам автор определяет её как «попытку воспринять чешскую жизнь как образ, как серию живых, протяжённых во времени картин». Описать коротко сам жанр вряд ли получится: это цикл то серьёзных, то ироничных путевых заметок, щедро снабжённых экскурсами и лирическими отступлениями, пересыпанных историческими фактами и приправленных личными воспоминаниями. Наверное, в первую очередь это всё же травелог, и не зря автор пишет о Мирославе Зикмунде и Иржи Ганзелке как о своих «безальтернативных кумирах». С другой стороны, стиль и манера «Чешского времени» далеки от книг знаменитых чешских путешественников, а в послесловии сказано, что его «литературное измерение» заимствовано у Павла Муратова (русский писатель и искусствовед первой половины XX века, среди прочего — автор книги очерков «Образы Италии») и «нашего старшего товарища Петра Вайля» (обратите внимание на множественное число — вынесенным в том числе и на обложку соавтором является фотограф Ольга Баженова, в книге много её снимков).

Действительно, в «Чешском времени» довольно много от Вайля, особенно от классического «Гения места». Как правило, в каждом месте автор выбирает себе несколько опорных точек из числа примечательных архитектурных сооружений, ярких скульптурных памятников, заметных природных объектов и строит своё повествование вокруг них, нанизывая впечатления и культурные ассоциации, перебрасывая ниточки этих ассоциаций от одних людей и эпох к дру-

гим. Часто эти ниточки оказываются остроумными и оригинальными, порой кажутся своеобразными и неочевидными. Города и местечки, становящиеся «героями» книги не равнозначны и не равновелики: конечно, автор несколько раз возвращается в Прагу, конечно, не обходит крупнейшие города, будь то Брно, Пльзень, Острава или Оломоуц, но после главы про Брно идёт отдельная глава про Славков-у-Брна, больше известный нам под старым немецким названием Аустерлиц. Своя глава достаётся крепости Терезиенштадт, в годы нацистского протектората ставшей концлагерем Терезин, а иногда наоборот — всего одна глава на целый край (например, Среднечешский).

«Чешское время» это уже третья вещь Андрея Шарого примерно в этом же сложном жанре, до неё выходили «Дунай. Река империй» (2015) и «Балканы: Окраины империй» (2018). Здесь же стоит упомянуть и «Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: Судьба империи», она отчасти похожа на предыдущие упомянутые, но во многом — возможно, благодаря соавторству журналиста и историка Ярослава Шимова — написана строже. Есть ощущение, что из всего своеобразного цикла наиболее удачно выбранная тема и авторский стиль совпали в книге про Дунай, повествование там выстраивается по течению реки и его организация становится понятнее. В оглавлении новой книги Шарый предлагает читателям метафору циферблата, но, кажется, слишком сложную: почему тот либо иной город или уголок Чехии соответствует тому либо иному времени, понять трудно, логика перехода теряется.

Легко заметить, что в предыдущих книгах Шарый фокусируется на крупных европейских макрорегионах, его повествование никогда не замыкается границами одного государства. Здесь он работает почти целиком в границах современной Чешской республики, но не изменяет себе: чешские земли веками были «перекрёстком культур» и автор сохраняет свою макрорегиональную оптику, показывая столкновение, взаимодействие или переплав чешской культуры с немецкой, еврейской, польской, словацкой.

Книга заканчивается списком из «240 личностей, важных для чешского прошлого и настоящего», первым в списке идёт маркоманский вождь Маробод, живший в первых веках до и после Р.Х., это первый упомянутый в летописях человек, живший на территории современной Чехии; последней — 35-летняя конькобежка, трёхкратная олимпийская чемпионка Мартина Сабликова. Если открыть список ровно посередине, на 13-ой странице из 25-ти, то там будут прославленный предприниматель, создатель «обувной империи» Томаш Батя, оперная певица Эмма Дестинова (её портрет можно найти на банкноте в 2000 крон), первый чешский призёр Олимпийских игр, дискбол Франтишек Янда-Сук и борец Густав Фриштенски (впрочем, важность второго очевидна куда меньше), расстрелянный нацистами за укрывательство убийц Гейдриха председатель Чешской православной церкви Горазд Пражский, один из фактических основателей Чехословакии, словацкий учёный, военный и политик Милан Растислав Штефаник и целых три писателя: два классика немецкоязычной «пражской школы», Лео Перуц и Франц Кафка, и безоговороч-

ный лидер чешского культурного пространства в глазах русского читателя, Ярослав Гашек. Словом, список и широк, и инклюзивен, но и он идиоматичен, он тоже несёт отчётливую печать авторских вкусов.

Сложившийся в итоге жанр и формат книги фактически сливает воедино её достоинства и недостатки. Строгий специалист может отложить «Чешское время» как несерьёзное чтение; человек несведущий может просто устать от скольжения по героям и историческим эпохам. Но и наоборот, для новичка книга может стать хорошим входным билетом в чешскую культуру, а осведомлённый читатель может как освежить свои знания, так и листать с карандашом в руках, делая себе пометки: это проверить, это уточнить, об этом прочесть подробнее, к этому вернуться позже. Даже свободная структура книги не столько её недостаток, сколько послабление для читателя: «Чешское время» можно спокойно читать не с начала до конца, а отдельными кусками — под настроение или, например, под поездку в конкретный город (конечно, когда и если туристические поездки по Чехии снова станут для русскоязычных читателей сколько-нибудь массовым занятием).

«Чешское время» это отнюдь не учебник истории Чехии, но это неплохое приложение к учебнику; совсем не энциклопедия, хотя в каком-то смысле и «энциклопедия чешской жизни»; не путеводитель в классическом понимании этого слова, но хорошее дополнение к путеводителю. Эта книга едва ли из обязательной программы, но точно займёт своё законное место в списке «внеклассного чтения».

Д. В. Глухов

БЛИЖЕ ВСЕХ К ЦАРЮ

Рец.: Козляков В. Н. «Ближние люди» первых Романовых. М.: Молодая гвардия, 2022. 343 с.

Рецензируется монография известного специалиста по истории России XVII в. В. Н. Козлякова, в которой на примере биографии трёх государственных деятелей этого периода — И. Б. Черкасского, Б. И. Морозова, А. С. Матвеева, — изучается институт «ближних людей», его место в системе государственного управления Московского царства. Автор делает вывод об устойчивости и жизнеспособности этого института.

Ключевые слова: И. Б. Черкасский, Б. И. Морозов, А. С. Матвеев, «ближние люди», боярская Дума, местничество

Сведения об авторе: Глухов Дмитрий Владимирович, выпускник исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, кафедра «история России XIX века — начала XX века».

Контактная информация: gluhoff91@mail.ru

D. V. Glukhov

CLOSEST TO THE TSAR

Rev.: Kozlyakov V. N. "Blizhnie lyudi" pervykh Romanovykh. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2022. 343 p.

The monograph of V. N. Kozlyakov, a well-known expert on the history of Russia of the 17th century, is reviewed. The author explores the institution of "close people" and its place in the system of state administration of the Tsardom of Moscow on the example of the biography of three statesmen: Ivan Cherkasskiy, Boris Morozov and Artamon Matveev. He concludes on the sustainability and viability of this institution.

Key words: I. B. Cherkasskiy, B. I. Morozov, A. S. Matveev, "close people", the Boyar Duma, mestnichestvo

About the author: Dmitriy Vladimirovich Glukhov, graduate of the History Department of Lomonosov Moscow State University, Department of Russian History of the 19th century – early 20th century

Contact information: gluhoff91@mail.ru

Книжная серия «ЖЗЛ» не нуждается в представлениях. В последние годы в рамках этой серии стал популярен жанр «коллективной биографии» или серии очерков о людях, которые интересны нам как часть некоей общности, оставившей след в истории: «Поэты 1812 года» (2014), «Декабристы» (2015), «Легендарные разведчики» (2015), «Следователи Петра Великого» (2018) и т.д. Эту тенденцию развил В. Н. Козляков, известный специалист по истории Смутного времени и, в целом истории России XVII века, в своей новой книге, посвящённой «ближним людям» первых Романовых.

Кто такие «ближние люди»? Автор определяет этот термин следующим образом: «немногие представители аристократической элиты, участвовавшие в управлении государством наряду с московскими царями. Они имели право совета царю, доклада и объявления царских указов» (Козляков 2022: 6). Свои «ближние люди» были чуть ли не у каждого московского князя, начиная с Ивана III, то есть, это явление возникает практически одновременно с началом формирования той системы государственного управления, которая будет функционировать в России в XVI–XVII вв. С воцарением на российском престоле династии Романовых «ближние люди» никуда не делись и, более того, их влияние возросло. Такие особо приближённые к царю фигуры выделялись, как правило, происхождением и положением

в Думе, зачастую они состояли в родстве с монархом. «Ближний человек» получал в управление важнейшие приказы, в том числе те, которые давали доступ в личные покои царя, что являлось признаком большого доверия. Особенно важным был Аптекарский приказ — от действий его главы зависело здоровье монарха. К «ближним людям» было приковано внимание и простого люда. Как пишет В. Н. Козляков, «через них реализовывались общие ожидания справедливости и надежды на достижение правды» (Там же). Изучение их места и роли в политической системе страны, где, с одной стороны, есть претендующий на полновластие царь, а с другой стороны — бояре, чьё право участвовать в государственных делах освящено традицией, помогает нам лучше понять сущность московского «самодержавия», которое всё же значительно отличается от петровского абсолютизма.

Особенности, присущие институту «ближних людей», и связанные с ним проблемы государственного управления и политической борьбы в Московском царстве XVII в. автор рассматривает через биографии трёх крупных государственных деятелей: Ивана Борисовича Черкасского, Бориса Ивановича Морозова и Артамона Сергеевича Матвеева. Возвышение всех этих личностей не было бы возможно без доверия со стороны монархов — Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Однако их путь к вершинам власти и ресурсы,

которыми они на этом пути пользовались, были разными.

Князь Иван Борисович Черкасский из этой троицы, пожалуй, наименее известен широкой публике. Между тем, он с полным основанием занимал важнейшее место при дворе Михаила Фёдоровича и фактически возглавлял правительство. Его отец, кабардинский князь Хорошай-мурза, перешедший в православие как Борис Канбулатович Черкасский, был двоюродным братом царицы Марии Темрюковны, жены Ивана Грозного, и мужем Марфы Никитичны Романовой, сестры Фёдора Никитича Романова, впоследствии — патриарха Филарета. Таким образом, И. Б. Черкасский приходился царю Михаилу Фёдоровичу двоюродным братом. В годы правления Бориса Годунова он вместе с Романовыми переносил тяготы ссылки. Возвышение князя Черкасского началось после возвращения патриарха Филарета из польского плена. Уже в 1622 году он сосредоточил в своих руках управление Стрелецким, Иноземским и Аптекарским приказами, а также Приказом Большой казны. Ему поручались и важнейшие дипломатические задания. И. Б. Черкасский вёл переговоры с персидским шахом Аббасом I, шведским посланником Жаком Руселем, участвовал в подтверждении Поляновского мирного договора с Речью Посполитой. И вот парадокс, отмеченный и автором книги о «ближних людях»: благодаря разрядным книгам, мы можем проследить жизненный и карьерный путь влиятельного боярина, но узнать его личные взгляды на внешнюю и внутреннюю политику, как и то, какие именно советы он давал царю, край-

не сложно. «К сожалению, очень редко можно точно выделить роль судьбы приказа в разных делах» (Там же: 66), — констатирует В. Н. Козляков. Это, во-первых. Во-вторых, беседы царя с «ближними людьми» не записывались. Это значительно ограничивает возможности историка в определении роли того или иного «ближнего человека» в различных делах. Справедливости ради, заметим, что В. Н. Козляков прекрасно это осознаёт и не позволяет себе встать на путь художественных фантазий, в ряде случаев ограничиваясь лишь предположением. Однако, в случае с И. Б. Черкасским эти лакуны особенно заметны — до нас не дошло практически никаких отзывов современников о его личных и профессиональных качествах. В. Н. Козляков, как и до него С. В. Бахрушин, истолковывает это молчание положительно для героя книги: видимо, он не давал повода для сплетен и не был замешан в громких скандалах. Определяя «секрет успеха» князя Черкасского, автор ссылается на другого исследователя, А. П. Павлова, который обращает внимание на ценное (и, наверное, редкое) умение Ивана Борисовича поддерживать хорошие отношения с разными игроками на политической арене и объединять различные придворные группировки. В конечном счёте вырисовывается довольно неординарный образ мягкого, тактичного, справедливого, склонного к компромиссам и учёту разных мнений деятеля, пользовавшегося авторитетом не только в Думе, но и среди служилых людей и простонародья.

Судя по всему, далеко не все из этих положительных качеств были

присущи другому герою книги — боярину Борису Ивановичу Морозову. Этот представитель старомосковского боярского рода сумел возвыситься благодаря тому, что с 1633 г. являлся воспитателем царевича Алексея Михайловича. Когда 16-летний царевич занял престол, Морозов был самой влиятельной фигурой в его окружении. Это помогло ему сосредоточить в своих руках огромную власть: с 1646 по 1648 г. Морозов руководил Аптекарским, Стрелецким и Иноземским приказами, приказом Большой казны и Новой четью, также он добился назначения близких и обязанных ему людей в другие приказные учреждения, формально ему неподконтрольные.

Именно в 1646–1648 гг. сложилась дурная репутация Б. И. Морозова. К социальному взрыву 1648 г., Соляному бунту, привела не только хорошо известная неудачная налоговая реформа, но и другие непопулярные меры (например, как глава Стрелецкого приказа, Морозов в целях экономии урезал жалование стрельцов и задерживал его выдачу), а также повальное мздоимство приказных людей, за которым, по всеобщему подозрению, также стояла воля царского «ближнего человека» Б. И. Морозова. Удивительно, но в книге нет ссылки на «челобитную мира»¹ 1648 г. — документ, в котором содержались основные требования участников Соляного бунта, в том числе их обвинения в адрес Морозова. Хотя саму челобитную автор упоминает и, несомненно, обращается к её тексту. В. Н. Козляков не склонен оправдывать царского «ближнего человека»,

но пишет и о более удачных примерах его управления страной. К такому он относит проведение подворной переписи в 1646 г., позволившей пресечь попытки уклонения от уплаты повышенного налога в зависимости от качества земли и учесть «интересы служилых людей в годах не решавшемся вопросе о сыске беглых людей» (Там же: 116). Правда, говоря об этих преобразованиях, автор, как и в случае с князем Черкасским, отмечает: «У нас слишком мало сведений о его личном участии в проведённых реформах» (Там же: 112).

Нехватка источников особенно ярко проявляется, когда нужно говорить о деятельности Б. И. Морозова после 1648 года. Все помнят, что он вернулся в Москву вскоре после своего вынужденного удаления и принимал участие в составлении Соборного уложения. Но до самой смерти в 1661 году он продолжал сохранять силу и влияние, хоть его положение и стало несколько двусмысленным. С одной стороны, с 1651 года имя Б. И. Морозова стали писать первым в боярских книгах, что означало его первенствующее положение в Думе, а с другой — ему пришлось «уйти в тень»; всеобщее недовольство Морозовым давало о себе знать. В. Н. Козляков отмечает, что даже дворцовые разряды составлялись с оглядкой на т. н. «удаление» Морозова из царского окружения в 1648 г. (Там же: 127). При этом боярин неизменно сопровождал царя в военных походах, являлся первым гостем на разных придворных церемониях, играл важную дипломатическую роль в том числе в малороссийских делах:

¹ Наиболее полная и аутентичная публикация: *Шахматов* 1934.

именно Б. И. Морозову, как наиболее влиятельному человеку в окружении царя Алексея Михайловича, адресовал ряд писем гетман Войска Запорожского Богдан Хмельницкий. Об исключительном влиянии «ближнего человека» Морозова даже в последний год его жизни, когда он из-за болезни начал отходить от дел, сообщали и иностранные дипломаты.

Отдельная глава посвящена обширным владениям Б. И. Морозова и тому, как он ими управлял. Хозяйственный архив Б. И. Морозова хорошо известен в историографии, на его материале ещё в советское время было написано немало работ, имевших целью доказательство «нещадной эксплуатации крестьян». Впрочем, и по мнению В. Н. Козлякова, богатства Морозова, его промыслы основывались на возможности «неограниченной эксплуатации природных ресурсов, находившихся в распоряжении «ближнего человека» царя», и его самовластных и жестоких методах управления своим хозяйством. (Там же: 154)

Фигура следующего «ближнего человека», о котором идёт речь в книге, Артамона Сергеевича Матвеева, стоит несколько особняком. Во-первых, обстоятельства его жизни способствовали формированию более обширного и насыщенного массива источников, позволяющих судить о его жизни. В первую очередь это относится к «Истории о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева...», впервые изданной Н. И. Новиковым в 1776 г. В основу этого текста легли многочисленные челобитные и письма А. С. Матвеева, написан-

ные им в ссылке. Благодаря обилию источников, перед нами наконец-то раскрывается живой человек: деятельный, энергичный, темпераментный, иной раз несдержанный в словах и поступках. Во многом именно поэтому часть книги, посвящённая А. С. Матвееву, получилась не только самой объёмной, но и наиболее удачной.

Второй важный момент — происхождение А. С. Матвеева. В отличие от И. Б. Черкасского и Б. И. Морозова, выходцев из знатных родов, Матвеев — сын дьяка, и своим возвышением он обязан прежде всего своей службе. В этом отношении он стоит ближе к другим крупным фигурам, сделавшим себе имя во 2-й пол. XVII в. — А. Л. Ордину-Нащокину и Б. М. Хитрову, чем к И. Б. Черкасскому и Б. И. Морозову. Назначенный в 1642 г. стрелецким головой Матвеев участвовал во многих военных кампаниях и мероприятиях по охране царской особы, в том числе в подавлении Медного бунта 1662 г. С определённого момента ему всё чаще доверяют дипломатические поручения. На этом поприще Матвееву оказывал протекцию его отчим, дьяк Алмаз Иванович Иванов, в 1653–1667 гг. глава Посольского приказа. Ключевой проблемой внешней политики этого периода была малороссийская. В книге подробно рассматривается столкновение двух внешнеполитических концепций: союза с Речью Посполитой ради утверждения на Балтике, где России противостояла Швеция (эту идею отстаивал Ордин-Нащокин) и дальнейшей борьбы за вхождение в состав России не только левобережной, но и правобережной Украины

(к этому стремились Иванов и Матвеев). С ростом влияния А. С. Матвеева связывается его назначение судьёй Малороссийского приказа в 1669 г.

Окончательное возвышение А. С. Матвеева, его пожалование в бояре и назначение судьёй Посольского приказа происходит после женитьбы царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. В стрелецком полку Матвеева служили её отец, Кирилл Полиевктович, и старший брат Фёдор Кириллович. Связям Матвеева и Нарышкиных уделено много внимания в литературе.

В историографии закрепилось мнение о том, что Н. К. Нарышкина воспитывалась в доме А. С. Матвеева. Однако Пол Бушкович назвал это впервые появившееся в «Гистории» А. А. Матвеева утверждение «романтической чепухой» и переносом обычаев XVIII в. в XVII в. (*Бушкович* 2008: 64). По его мнению, Н. Нарышкина с 1668 г. жила в Смоленске, где служил её отец, а в доме Матвеева могла оказаться разве что после смотрин (Там же: 65–66). Также он поставил под сомнение дружбу Алексея Михайловича с А. С. Матвеевым, сославшись на Е. В. Шмурло, считавшего, что до того, как Матвеев в 1669 г. возглавил Малороссийский приказ, царь был с ним едва знаком (Там же: 63–64). П. В. Седов постарался опровергнуть своего коллегу, сославшись на сделанные царицей Натальей Кирилловной пожалования «бывшему духовнику» «церкви Николы чудотворца, что у столпа попу, Алексею Яковлеву» (дело в том, что эта церковь находилась рядом с двором А. С. Матвеева). «Следова-

тельно, по приезде в Москву Наталья действительно поселилась в доме А. С. Матвеева», — делает вывод П. В. Седов (*Седов* 2008: 115). На наш взгляд, опровержение получилось не очень убедительным и не доказывает ничего кроме того, что Нарышкина действительно какое-то время жила у Матвеева после смотрин. При этом и в статье об А. С. Матвееве в «Большой российской энциклопедии» (*Рогожин* 2011: 333) и в некоторых новейших изданиях (*Талина* 2022: 199) Н. К. Нарышкина называется воспитанницей Матвеева без каких-либо оговорок.

В. Н. Козляков склонен более критично относиться к этой информации и называет Наталью Кирилловну «так называемой “воспитанницей”», также он предполагает, что поначалу в выборе царской невесты Матвеев делал ставку не на неё, а на дочерей своего сводного брата Анну и Анастасию, первыми записанных в списке невест (*Козляков* 2022: 229). В то же время он пишет о сложившихся дружеских отношениях царя и Артамона Матвеева применительно к 1654 году, а это было задолго до того, как Матвеев возглавил Малороссийский приказ! (Там же: 171).

Автор обращает внимание на то, что А. С. Матвеев, в отличие от И. Б. Черкасского и Б. И. Морозова, так и не смог возглавить весь административный круг приказов, который позволил бы сосредоточить в своих руках руководство войском, царской охраной, дворцом, казной и внешней политикой. Он связывает это с нехваткой «родословного» веса (Там же: 242). Значительной частью приказов руководил Б. М. Хитро-

во, выглядевший «противовесом» Матвееву. Возвышение Матвеева часто приходилось уравнивать различными назначениями и пожалованиями представителям старых боярских родов: Голицыных, Одоевских, Мирославских. Местничество, хоть и неоднократно ограничивалось ещё в 1-й половине XVII в. (в 1621 г. «безместие» введено в посольской службе, в 1622 — при «сказывании» думского чина, в 1649 — в приказной службе (Эскин 2012: 64–65)), всё ещё оставалось действующим институтом, и в глазах родовитого боярства Матвеев казался выскочкой. К тому же, в борьбе за власть и влияние он наживал немало врагов. В. Н. Козляков описывает, как Матвеев участвовал в редактировании разрядных книг, вписывая туда любой «компромат» на своих противников (Там же: 264). Могущество «ближнего человека» А. С. Матвеева и его успехи в политической борьбе в очень большой степени зависели от расположения к нему Алексея Михайловича, и поэтому его падение после смерти царя получилось таким стремительным.

В заключении книги В. Н. Козляков делает вывод о чрезвычайной устойчивости и жизнеспособности института «ближних людей». «Священный характер царской власти, делавший царя судьёю во всех делах, уравнивался боярским советом», (Там же: 308) — пишет автор. Заметим, что точно так же институт «ближних людей» позволял царю преодолеть сложившиеся местнические традиции и практики и приближать к себе не наиболее родовитых, а наиболее способных людей. И просуществовал этот институт вплоть до разрыва с этими традициями, кото-

рый ознаменовала отмена местничества в 1682 году.

Изучение биографий государственных деятелей существенно обогащает историческое знание, «оживляет» его, позволяет не сводить историю государства к рутинной истории государственных учреждений и институтов. Но часто на пути историка встаёт ограниченность источниковой базы или преобладание в ней сухих «официальных» источников. Это характерно и для истории России XVII века. Историки вынуждены восстанавливать биографию героя по материалам, отражающим сложившиеся традиции государственной и придворной службы, основанные прежде всего на принципе местничества. И вот какой вывод делается после прочтения книги В. Н. Козлякова: чем больше жизненный и карьерный путь государственного деятеля соответствовали этим традициям, тем сложнее увидеть в нём какие-то характерные проявления живой яркой личности, а не человека-функции. Возможно, именно поэтому мы мало что можем сказать о деятельности И. Б. Черкасского, а исследование его биографии приходится подменять рассмотрением важных событий в истории государства и предполагать, какую роль он мог в них играть согласно его статусу. В нестандартных ситуациях, будь то Соляной бунт 1648 года, благодаря которому в стране заговорили о многочисленных злоупотреблениях Б. И. Морозова и его «правительства», или же зигзаги судьбы А. С. Матвеева, наоборот, ярче проявляются и фиксируются в источниках уникальные черты исторических деятелей. И стоит надеяться, что

книга В. Н. Козлякова, это исследование «ближних людей» во власти, проложит дорогу тем работам, что, помогают, говоря словами её автора, «увидеть действие глубоких сил, связывающих в одно целое жизнь частного человека и историю страны» (Там же: 309).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бушкович 2008 — *Бушкович, П.* Пётр Великий: Борьба за власть (1671–1725). СПб., 2008.

Козляков 2022 — *Козляков В. Н.* «Ближние люди» первых Романовых. М., 2022.

Рогожин 2011 — *Рогожин Н. М.* МАТВЕЕВ // Большая российская энциклопедия. Т. 19. М., 2011.

Седов 2008 — *Седов П. В.* Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.

Талина 2022 — *Талина Г. В.* Государь, государство, государственная служба алексеевской России. М., 2022.

Шахматов 1934 — *Шахматов М. В.* Челобитная «мира» московскому царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г. //

Vestnik Kralovske ceske spolecnosti Nauk Trida filosoficko-historicka. Rocnik 1933, Praha, 1934.

Эскин 2012 — *Эскин Ю. М.* МЕСТНИЧЕСТВО // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М., 2012.

REFERENCES

Bushkovitch P. Pyotr Velikiy: Bor'ba za vlast' (1671–1725). St. Petersburg, 2008.

Eskin Y. M. MESTNICHESTVO // Bolshaya russiyskaya entsiklopediya. Vol. 20. Moscow, 2012.

Kozlyakov V. N. "Blizhnie lyudi" pervykh Romanovykh. Moscow, 2022.

Rogozhin N. M. MATVEEV // Bolshaya russiyskaya entsiklopediya. Vol. 19. Moscow, 2011.

Sedov P. V. Zakat Moskovskogo tsarstva: Tsarskiy dvor kontsa XVII veka. St. Petersburg, 2008.

Talina G. V. Gosudar', gosudarstvo, gosudarstvennaya sluzhba alekseevskoy Rossii. Moscow, 2022.

Shahmatov M. V. CHelobitnaya «mira» moskovskomu caryu Alekseyu Mihajlovichu 10 iyunya 1648 g. // Vestnik Kralovske ceske spolecnosti Nauk Trida filosoficko-historicka. Rocnik 1933, Praha, 1934.

Д. В. Сень

ИГРА ВСЕРЬЕЗ...

Рец.: Ляпин Д. А. Игра в царя: социально-политическая борьба в России во второй половине XVII века. М.; СПб.: Центр гуманитарных дисциплин, 2022. — 284 с.

Рецензия посвящена анализу новой монографии Д. А. Ляпина, многие теоретические построения которой основаны на концепции «игры в царя» — комплексе архаичных представлений о высшей власти. В центре внимания автора рецензируемой книги — объяснительные модели поведения участников крупных народных движений в России второй половины XVII в. В рецензии выделены новаторские и, вместе с тем, дискуссионные трактовки истории указанных движений, эвристический потенциал которых может оказать известное влияние на сохраняющиеся в науке историографические стереотипы.

Ключевые слова: бунты, дискуссия, историография, народные движения, повстанцы, Россия, царь.

Сведения об авторе: Сень Дмитрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, Институт истории и международных отношений Южного федерального университета (Ростов-на-Дону)

Контактная информация: dsen1974@mail.ru

D. V. Sen'

GAME SERIOUSLY...

Rev.: Lyapin D. A. Igra v tsarya: social'no-politicheskaya bor'ba v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh disciplin, 2022. — 284 c.

The review is devoted to the analysis of the new monograph by D. A. Lyapin, many of whose theoretical constructions are based on the concept of "playing the king" — a complex of archaic ideas about supreme power. The author of the book under review focuses on explanatory models of behavior of participants in major popular movements in Russia in the second half of the 17th century. The review highlights innovative and, at the same time, debatable interpretations of the history of these movements, the heuristic potential of which can have a certain influence on the historiographic stereotypes that remain in science.

Key words: riots, discussion, historiography, popular movements, rebels, Russia, tsar.

About the author: Sen' Dmitry Vladimirovich — Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University (Rostov-on-Don).

Contact information: dsen1974@mail.ru.

Научные труды Д. А. Ляпина (д.и.н., профессора Елецкого госуниверситета им. И. А. Бунина) хорошо известны специалистам, занимающимся актуальными проблемами социально-политической истории России XVII в. (государственная идеология, история повседневности, народные движения и пр. (напр.: *Ляпин* 2018; *Ляпин* 2020)). Д. А. Ляпин уделяет самое пристальное внимание социальной психологии народных кругов, эволюция которой тщательно рассматривается на фоне их отношения к реформам в России, к эволюции царской власти, наконец, на фоне их собственных монархических чувств (монархизма), пространство которых привлекает сегодня все большее число специалистов. Одна из ключевых исследовательских тем в научном творчестве Д. А. Ляпина — взаимоотношения царя и его подданных (включая требования и ожидания со стороны «мира» по отношению к монарху), активных участников народных движений (бунтов) в России постсмутного времени. Автор последовательно и кропотливо выявляет в течение многих лет общее и отличительное в психологии социальной борьбы (на примере истории разных волнений), умело формирует репрезентативную пространственную выборку, точнее, соотносит наблюдаемые явления, происходящие «в центре», с тем, что происходило на *окраинах* Московского царства... Подобная исследовательская оптика не-

часто встречается на страницах современных заметных трудов по истории народных движений в России середины-второй половины XVII в. Заслуга Д. А. Ляпина состоит также в том, что наряду с другими известными историками (В. Я. Маулем, Е. Н. Трефиловым, О. Г. Усенко и др.) он системно, в историко-компаративистском ключе, изучает формы протестного поведения в России XVII–XVIII вв., проявления т.н. народного монархизма и, наконец, активно участвует в перспективном для современной исторической науки переосмыслении феномена русского бунта (обоснование отказа от устоявшихся в советской науке наименований ряда народных движений, поиск новых аргументов для использования такого понятия, как «бунт» и пр.).

Новая монография Д. А. Ляпина, по моему мнению, является логическим продолжением его других крупных работ, посвященных социально-политическому развитию Российского государства XVII в. На этот раз — в отличие от предыдущих авторских монографий — верхняя граница исследования последовательно «протянулась» уже в начало 1680-х гг. (Стрелецкий бунт 1682 г.). Заметно, что в рецензируемой книге немало внимания, как и во многих других трудах того же автора, уделено социально-психологическим аспектам «русского бунта»¹. Здесь Д. А. Ляпин

¹ Ср., впрочем, со словами Д. А. Ляпина в другой книге: «...наше исследование связано главным образом с описанием социально-политической составляющей народных волнений. Для того, чтобы понять социально-психологический аспект "русского бунта"... (на этом вопросе мы

сосредоточился на установлении взаимосвязи между народным монархизмом и поведением участников бунтов в России, их целями и формами/методами выражения. Многие построения рецензируемого исследования опираются на концепцию «игры в царя», т.е. на комплекс архаичных представлений о верховной власти. Свою объяснительную модель автор презентует в первой главе книги («Объяснение игры в царя», с.17–54). Так, он рассматривает образ царя (правителя) на примере интересной категории русского фольклора — сказок, а также истории народных игр, выявляя сущностные характеристики царя как обладателя особой (счастливой) Доли. На основании подобной системы рассуждений автор оригинально интерпретирует несколько случаев XVII в. «игры в царя» (в т.ч. яркий пример «выборов» царя тверскими крестьянами в 1666 г., аналогичные практики князей Шаховских) с «типичной имитативной магией, связанной с подражанием желаемым событиям», с тем, что «везение и удача московского монарха — вот что нужно для счастья и благополучия его подданных» (Ляпин 2022: 46, 47). При этом Д. А. Ляпин убедительно, на мой взгляд, возражает Б. А. Успенскому, интерпретировавшему те же культурные ситуации в связи с историей антиповедения и самозванчества (Успенский 1995: 151–152 и др.).

Однако многочисленные исторические контексты, связанные с *изменением* в XVII в. народного отношения к обладателям царского титула эпохи Смуты и постсмутного времени

(напр., к практикам словоупотребления такого ключевого понятия как «царь», к конкретным царям (Ингерфлом 2021: 113–118, 126, 127–131; Усенко 1999: 70–93), к новой династии Романовых («трудности» ее легитимации среди широких социальных кругов) только фрагментарно учитываются автором рецензируемой книги. Наконец, проблематично утверждать, ссылаясь на данные *сказочного фольклора*, что «в народной логике царем может стать каждый, подобно тому, как сказочный герой из низов цепью случайных событий занимает высокий трон» (Ляпин 2022: 48). Автор аргументирует свое мнение тем, что «якобы наглядным примером этому могут быть самозванцы Смутного времени». Однако, реализуя системный анализ *амбивалентной* сакрализации монаршей власти в России, необходимо учитывать многие другие, более «тонкие» контексты: а) уже в XVII в. царские подданные умело различали царей «истинных» и «ложных», «праведных» и «неправедных»; б) в понимании русских людей того времени какие-либо «претензии на права, привилегии, особый статус могли быть оправданными лишь на основе соотнесения себя с царем, а подчас и самоотождествления с носителем высшей власти в государстве» (Лукин 2000: 254). Самозванчество же, как органичная форма такого культурного понимания современниками царской власти, выступала только *частью* подобных участвовавших социальных практик.

Вместе с тем, соответствующие интерпретации выводят Д. А. Ляпина

останавливаться почти не будем)... рекомендуем... обратиться к... работам В. Я. Мауля и О. Г. Усенко...» (Ляпин 2018: 30).

на более широкое, чем у некоторых других авторов, понимание «игры» (причем не только «игры в царя») современников описываемых событий как ритуала в пространстве власти, богатства, удачи и жребия. Они, по мнению автора — «части единого восприятия окружающего мира как игры, в пространственном поле которой действуют люди с их страстями, чаяниями, желаниями и надеждами...» (Ляпин 2022: 55). Автор утверждает, что «...поведение мятежников... может быть понято только с учетом выводов, сделанных в этой главе, объясняющих поступки людей в своеобразном "игровом поле"» (Ляпин 2022: 55).

Вторая глава («Бунт не для всех») повествует о предыстории и событиях т.н. Медного бунта 1662 г.: историк активно исследует конкретные историографические стереотипы об истории этого выступления — начиная от его названия/причин, и заканчивая суждениями о его характере (Ляпин 2022: 55–95). Здесь заслуживает внимания мысль автора о том, что в представлениях «мира», желавшего наказать «изменников», было вполне естественно видеть в царе «естественного союзника как человека, которому жребием судьбы уготована счастливая Доля» (Ляпин 2022: 93). Собственно, этот тезис усиливает мысль Д. А. Ляпина в его другой книге о том, что бунты XVII в. являлись признаками «появления новой социально активной личности, готовой бороться за свое земное благополучие, а не жить надеждами на "Высший суд"» (Ляпин 2018: 249).

Третья и четвертая главы книги («Игра в доброго царя» и «Человек играющий», с.96–187) посвящены истории

Разинского выступления (бунта), представленной на широком фоне политической истории России 1660-х — начала 1670-х гг. Автор старается изучить психологию повстанцев, опираясь на пересмотр самого понятия «русский бунт», приносящий свои плоды на современном этапе развития науки (Сень 2021: 236 и др.). Автор старается по-новому взглянуть на причины несомненной массовой поддержки С. Т. Разина соратниками, видевшими в нем обладателя особой «Доли», способной изменить судьбу каждого. Впрочем, здесь учтены не все новейшие историографические достижения, в которых указанный концепт (соотносимого с «мерой») рассмотрен как раз на казачьем (шире — восточнославянском) материале (Рыблова 2006: 463–482). При этом Д. А. Ляпин определенно упрощает характеристики мятежного атамана и его замыслов («авантюра Степана Разина», «рискованная выходка», «движение Разина было разбойным мятежом» (Ляпин 2022: 160, 165, 181), именуя С. Т. Разина «известным», «легендарным» разбойником, «главарем мятежников» (Ляпин 2022: 113, 139, 230). Не кроется ли в этом упрощении (см. мою оценку однотипно категоричных высказываний П. Карабущенко (Сень 2021: 243)) «методическая опасность» расширительного толкования понятия «бунт» как стихийного/мало организованного пространства? Стоит ли транслировать инвективы «времен» дореволюционной историографии, казалось, творчески перенимая у нее действительно продуктивное для сегодняшней науки понятие «бунт»? Соглашусь с автором в том, что объяснение поведения повстанцев необходимо также искать в массовой психологии дон-

цов, среди элементов которой (Ляпин 2022: 160–165) обнаруживаются такие «неприглядные» (жестокость/агрессивность, жажда обладания материальными благами), на которые часть историков-казаковедов *намеренно* не обращает исследовательское внимание... Исключительно ценными являются наблюдения автора о характеристике казачьих *тиров* как о карнавальном аспекте Разинского мятежа. Достаточно скептически отнёсся автор книги к тезису о присутствии самозванца в рядах разинцев, также солидаризируясь с учеными, критикующими построения К. Ингерфлома о царевиче Алексее как абстрактной идее мятежников (Ляпин 2022: 125; Сень 2021: 245). Весьма перспективны в исследовательском отношении рассуждения Д. А. Ляпина о роли хитрости и обмана со стороны С. Т. Разина как о факторах укрепления собственного положения и т. п.

Другое дело, что не стоит маргинализировать (как это настойчиво и, полагаю, напрасно пытается делать автор рецензируемой книги) военно-политическую культуру донского казачества XVII в.! На самом деле Войско Донское, обладавшее стратегическим видением международной обстановки, оказалось способным к системному осуществлению долгосрочных замыслов, в т. ч. в сфере организованной совместно с запорожцами «морской войны», «дипломатического» искусства, договорных отношений с разными пограничными сообществами и даже с государствами Европы (помимо Московского царства) и Востока! Авторский ответ на вопрос о том, «чего же хотели разинцы?», оправданно представлен в формате отдельного параграфа

(Ляпин 2022: 176–181); полагаю, что его полемичность вызовет самостоятельную научную дискуссию среди казаковедов. Так, заочный спор автора со сторонниками концепта «крестьянской войны» привел его к шаткому выводу о том, что «движение Разина было разбойным мятежом, где политические лозунги являлись прикрытием для авантюры, такой же, как поход в Персию или взятие Азова в 1637 г.» (Ляпин 2022: 181).

Наконец, в заключительной, пятой главе («Игра в слабого царя», с. 188–228) автор рассказывает о том, каким образом народные представления о счастливой царской Доле, тесно связанные с благополучием всего царства, еще раз нашли свое отражение в Стрелецком бунте 1682 г. Д. А. Ляпин последовательно деконструирует историографические представления о причастности к стрелецкому мятежу видных представителей русской знати, включая царевну Софью. Исходя из главного концепта книги, он обращается к анализу психологии стрельцов, которые искренне действовали в интересах не только царевичей Ивана и Петра, но и «мира». По мнению автора, т. н. Стрелецкий бунт приобрел характер заступничества — недаром стрельцы гордились истреблением царских «изменников», якобы задумавших «извести царский корень» (Ляпин 2022: 223).

Как всякое крупное исследование, насыщенное историческими фактами и их различными объяснительными моделями (в т. ч. идущими вразрез распространённым в историографии оценкам), книга Д. А. Ляпина порождает определенные вопросы и некоторые творческие сомнения.

Вероятно, преждевременно было давать авторскую трактовку т.н. игры в царя *уже* в «Предисловии» (напр., с.14–15); тем более, что в ряде случаев автор избегает скрупулезного анализа аргументов своих коллег, работающих в близком ему исследовательском пространстве. Собственно, здесь нет развернутой *авторской классификации ключевых ситуаций* (а не отдельных кейсов), описывающих и (или) интерпретирующих т.н. игру в царя. Анализ историографии носит далеко не исчерпывающий характер (по отношению к истории явления XVII–XVIII вв. — иначе зачем *выборочно* характеризовать историографию вопроса применительно к петровской и постпетровской эпохам?). Но в историографии сложилась прочная традиция, согласно которой «игра в царя» — явление, присущее не только XVII в., и не только по отношению к «ряженью» тверских крестьян в 1666 г. и т.п. кейсам, описанным в книге Д.А. Ляпина (Ляпин 2022: 5–10), связанным с *искренним и культурно укорененным* желанием подданных приобщиться к царской Доле.

Вероятно, нельзя было обойти верификацию главного концепта, представленного в названии книги, без обращения к игровым (карнавальным, ритуализированным) аспектам такого важного явления как самозванчество (помимо кейса т.н. лже-Алексея). Полагаю, что в ряде случаев автор напрасно отдает приоритет не историческому (с ожидаемым *обилием* фактов, описывающих и объясняющих *разные* ситуации организованного современниками «игрового пространства»), а историографическому описанию крупных тем (Ляпин 2022: 84–92, 145–158) *по истории* народных

движений, *но не по проблематике и не по сути* концептуального замысла книги, связанного с объяснением «игры в царя». К слову, здесь имеется некое противоречие, т.к. в одном месте книги находим, что главная тема — это «изучение причин, хода и последствий массовых народных волнений» (Ляпин 2022: 54; и это не оговорка: с.145). В книге содержатся досадные технические погрешности (ошибочные формы написания фамилий, неверные сокращения отчеств историков — Д. Свака, О. Ю. Куца, Н. В. Поньрко, Е. А. Швецово*й* (Ляпин 2022: 11, 126, 238, 239, 262, 276 и др.). Князь С. И. Львов, конечно, ни при каких обстоятельствах не мог стать (быть) крестным отцом С. Т. Разина, как утверждает автор (Ляпин 2022: 141). Послесловие (Ляпин 2022: 229–233) лишь отчасти отражает аналитические итоги проведенного исследования в контексте *именно* истории социально-политической борьбы в России второй половины XVII в. Непонятно, для чего автору понадобились обобщения и сравнения (применительно к понятию «игры») *именно в этой части книги*, соотнесенные с разными историко-культурными традициями, начиная с глубокой древности?

Полагаю, что книга Д. А. Ляпина вызовет неподдельный и живой интерес широкого круга специалистов, в т.ч. изучающих роль и место XVII века как самостоятельного периода российской истории, с его своеобразным началом европеизации России! Системное решение указанной проблемы невозможно без обращения к истории формирования *именно* в указанное время т.н. *hoto pogis*, активная жизненная позиция и новая культурная ориентация которо-

го (*Черная* 1999) распространилась, конечно, на сферу народных представлений о царе/царской власти. Поэтому новаторское исследование Д. А. Ляпина представляется здесь совершенно необходимым, вскрывая пласты народного сознания, остававшегося (при несомненной *культурной рационализации*) по своей сути монархическим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ингерфлом 2021 — *Ингерфлом К.* Аз есмь царь. История самозванства в России. М.: Новое литературное обозрение. 2021.

Лукин 2000 — *Лукин П. В.* Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 294 с.

Ляпин 2018 — *Ляпин Д. А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.

Ляпин 2020 — *Ляпин Д. А.* На окраине царства: повседневная жизнь населения Юга России в XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.

Рыблова 2006 — *Рыблова М. А.* Донское братство: казацкие сообщества на Дону в XVI–первой трети XIX века. Волгоград: ВолГУ, 2006. 544 с.

Сень 2021 — *Сень Д. В.* Народное движение под предводительством С. Т. Разина в историографии 1990-х — 2000-х гг. (новый этап изучения или «тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 232–263.

Усенко 1999 — *Усенко О. Г.* Об отношении народных масс к царю Алексею Михайловичу // Царь и царство в русском общественном сознании (Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 2). М.: Изд-во ИРИ РАН, 1999. С. 70–93.

Успенский 1995 — *Успенский Б. А.* Царь и самозванец // В кн.: Успенский Б. А. Из-

бранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Школа «Языки русской культуры». 1996. С. 142–183.

Черная 1999 — *Черная Л. А.* Русская культура переходного периода от средневековья к Новому времени. М.: Языки русской культуры, 288 с.

REFERENCES

Chernaya L. A. *Russkaya kul'tura perekhnodnogo perioda ot srednevekov'ya k Novomu vremeni*. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 288 p.

Ingerflom K. *Az esm' tsar'. Istoriya samozvanstva v Rossii*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2021. 448 p.

Lukin P. V. *Narodnye predstavleniya o gosudarstvennoy vlasti v Rossii XVII veka*. Moscow: Nauka Publ., 2000. 294 p.

Lyapin D. A. *Tsarskiy mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII veka*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2018. 336 p.

Lyapin D. A. *Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya Yuga Rossii v XVII veka*. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2020. 416 p.

Ryblova M. A. *Donskoe bratstvo: kazach'i sobshchestva na Donu v XVI — pervoj treti XIX veka*. Volgograd: VolGU Publ., 2006. 544 p.

Sen' D. V. *Narodnoe dvizhenie pod predvoditel'stvom S. T. Razina v istoriografii 1990-kh — 2000-kh gg. (novyy etap izucheniya ili «tema zakryta»?)*. *Istoricheskaya ekspertiza*, 2021, no. 3, pp. 232–263.

Usenko O. G. *Ob otnoshenii narodnykh mass k tsaryu Alekseyu Mikhaylovichu. Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii (Mirovospriyatie i samosoznanie russkogo obshchestva. Vyp. 2)*. Moscow: IRI RAN Publ., 1999. pp. 70–93.

Uspenskiy B. A. *Tsar' i samozvanets*. V kn.: *Uspenskiy B. A. Izbrannyye trudy. Tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury*. Moscow: Shkola «Yazyki russkoy kul'tury» Publ., 1996, pp. 142–183.

М. В. Батшев

ПАМЯТНИК ДОБРОЙ ВОЛИ И УСЕРДИЯ

Рец.: Князь П. А. Вяземский и Н. П. Барсуков. Переписка. Составление, публикация, вступительная статья, комментарий и указатель имён Д. П. Ивинского. М.: Р. Валент. 2021. 620 с.

Рецензируемое издание переписки князя П. А. Вяземского с Н. П. Барсуковым представляет собой ценный источник, раскрывающий круг его общения в последнее десятилетие жизни.

Ключевые слова: Князь П. А. Вяземский, Н. П. Барсуков, П. И. Баргенов, «Остафьевский архив», журнал «Русский архив».

Сведения об авторе: Батшев Максим Владимирович — старший научный сотрудник Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва (Москва)

Контактная информация: bmv@list.ru

M. V. Batshev

MONUMENT OF GOOD WILL AND DILIGENCE

Rev.: Knyaz' P. A. Vyazemskij i N. P. Barsukov. Perepiska. Sostavlenie, publikaciya, vstupitel'naya stat'ya, kommentarij i ukazatel' imyon D. P. Ivinskogo. M.: R. Valent. 2021. 620 s.

The reviewed edition of the correspondence between Duke Piotr A. Vyazemsky and N. P. Barsukov is a valuable source that reveals the circle of his contacts in the last decade of his life.

Key words: Piotr A. Vyazemsky, N. P. Barsukov, P. I. Bartenev, The Archive from Ostaphievo, "Russkii Arhiv" Magazine.

About the author: Batshev Maksim V. — senior researcher, Russian D.S. Likhachev State Research Institute of Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Contact information: bmv@list.ru

Письма издавать тяжело, особенно такого мастера эпистолярного жанра, как П. А. Вяземский. Д. П. Ивинский и издательство «Р.Валент» проделали большую работу по предоставлению читателю очередной части из колоссального «Остафьевского Архива» — писем Петра Андреевича Вяземского к Николаю Платоновичу Барсукову, а также ответных писем историка и археографа к поэту.

Знакомство Николая Платоновича с Петром Андреевичем произошло в начале весны 1872 года. Их познакомил дядя Барсукова, издатель и редактор «Русского Архива» Пётр Иванович Бартенев, который давно был знаком с поэтом. Племянник Бартенева произвёл хорошее впечатление на князя Вяземского. Вскоре после знакомства он писал Бартеневу: «Ваш Барсуков купается в моих бумагах. Боюсь, что захлебнётся. Впрочем, я очень доволен его усердием и умением вести дело в порядке. Когда всё будет приведено в известность, <Русский> архив получит свою подачку» (С.12).

Рассматривая во вступительной статье особенности отношений Вяземского и Барсукова, публикатор уделяет внимание не только важности Остафьевского архива, как драгоценного памятника русской культуры, дающего её сложный и насыщенный образ, но и поднимает вопрос о целостности архива князей Вяземских, которая «после Барсукова <...> не обсуждалась» (С.12). Но дальше простой постановки вопроса автор вступительной статьи не идёт, вероятно предполагая раскрыть этот сюжет в следующих своих публика-

циях, либо предлагая коллегам заняться исследованием этого сюжета.

По наблюдению Ивинского, Барсуков пытался в переписке с Вяземским выступить в качестве равноправного участника «обсуждения сложных вопросов истории русской литературы» (С.13). Но не встретил в этом понимания со стороны Вяземского.

Все письма в данном издании публикуются впервые.

Представленные в книге письма позволяют не только воссоздать процесс тяжелой и длительной работы по подготовке к печати Полного Собрания Сочинений князя Вяземского, но и раскрывают картину его интеллектуальной и социальной жизни в 1870-х годах. Ценность данного издания заключается ещё и в том, что по ней можно проследить историю подготовки к публикации не только собрания сочинений Вяземского, но и целого ряда других документальных памятников, в частности дневника секретаря императрицы Екатерины II Храповицкого (Барсуков и Вяземский обсуждают это в своей переписке за 1872 год). Инициатором этого издания был Вяземский, а непосредственным исполнителем Барсуков. Передав Барсукову рукопись, Вяземский выступал редактором подготовленного к печати текста и помогал различными советами в прочтении тех мест, которые вызывали затруднения: «Дневник Храповицкого стран<ица> 300 Вы оставили не объяснёнными слова последних двух строк. От того ли, что не разобрали, или из осторожности? Во всяком случае вот как я разобрал:

«Захаров сказывал, что с двумя Zubo-выми, Анной Никитишной, играли в жмурки вечером». Но эти *жмурки* не иносказание ли?» (С.180). Достоинством издания, на наш взгляд, является обширное цитирование Ивинским в комментариях перекрёстной переписки Барсукова и Вяземского с Бартевым, что позволяет представить различные нюансы их отношений.

Пётр Андреевич Вяземский любил и умел писать письма. И понимал, что благодаря своему владению эпистолярным жанром он мог поддерживать связи со своими друзьями. Наиболее обширна его переписка с Александром Ивановичем Тургеневым — она занимает несколько томов большого формата. Велика также корреспонденция Вяземского с В.А. Жуковским и А.Я. Булгаковым.

Опубликованные письма позволяют лучше представить отношение П.А. Вяземского к П.И. Бартеву и его редакционной политике, как издателя «Русского Архива». В письме от 1 (13) октября 1872 года Вяземский пишет: «Не подумайте однако же, что я хочу рассориться с Бартевым. Нисколько. Рад я остаться с ним в хороших отношениях и уважаю его многие хорошие качества» (С.43).

В переписке часто встречается тема публикаторской этики. Вяземский не считал издателя главного русского исторического журнала тех лет Бартева абсолютно безупречным в этом отношении и потому далеко не всегда охотно предоставлял ему для публикации документы из своего обширного документального собрания.

Соглашаясь на публикацию в «Русском Архиве» писем А.С. Пушкина к нему, он пишет Барсукову, который распоряжался оставленным в Санкт-Петербурге его документальным собранием: «Так и быть, дайте их ему счётом, но только тогда, когда он будет входить в дорожный вагон, как осторожные отцы дают деньги на дорогу блудным сыновьям своим, когда они садятся в карету» (С.80).

В письмах затрагиваются вопросы не только чисто научные, но и академической жизни того времени. Так, Барсуков рассказывает Вяземскому о своём бедственном материальном положении, упоминает об одном из академических учреждений, из-за произвола начальника которого он был лишён жалованья: «Археографическая комиссия есть действительно допотопное учреждение; и не по одной только скудности средств, но и по нравам» (С.88).

В одном из писем за 1874 год Барсуков впервые высказывает мысли о необходимости издания Архива князя Вяземского в виде отдельных сборников, в которых эпистолярные коллекции публиковались бы в хронологическом порядке. Таким образом видно, что от времени возникновения замысла до издания первого тома знаменитого «Остафьевского Архива» прошла четверть века. Тема сохранности и перевозки архива князя Вяземского фигурирует в переписке часто. «Считаю долгом довести до сведения Вашего Сиятельства, что Архив Ваш перед самым отъездом моим из Петербурга я перевёз в Свящённый Синод, и Начальник Синодального Архива Н.И. Григорович гостеприимно отвёл для него

целый шкаф в библиотеке, ключи же от шкафа находятся у меня неотлучно. Смею уверить Ваше Сиятельство, что ни один листок из Вашего Архива без приказа Вашего не попадёт ни в чьи руки» (С.39).

В другом письме Барсуков формулирует своё отношение к Вяземскому, видя в нём не профессионального писателя, а напротив, писателя по призванию, и находя в этом его ценность и уникальность для истории русской литературы: «Вы никогда не были писателем, что называется цеховым, т.е. никогда Ваши мысли не сосредотачивались главным и серьёзным образом на количестве строчек, короче сказать Вы никогда не писали из-за денег и ради денег и брались за перо только в крайнем случае; а потому всё написанное Вами (даже в мелких статьях) имеет ценность не преходящую и заслуживает быть сохранённым как факт истории литературы и нашего общежития» (С.154).

Сам Вяземский вполне разделял оценку, данную ему Барсуковым, и в свою очередь советовал ему: «Бога ради, не приписывайтесь никогда к литераторному <так!> цеху. Оставайтесь лучше во веки веков титулярным советником и археологическим членом» (С.179).

Результатом знакомства Барсукова с материалами «Остафьевского Архива» стало в дальнейшем насыщение его главного труда, биографии М.П. Погодина большим количеством материалов, связанных с П.А. Вяземским.

В издании представлена не только переписка Вяземского с Барсуковым, но и письма к последнему секретаря Вяземского Чаплина, помощь которого в последние годы жизни много значила для часто болевшего Петра Андреевича.

Ивинский видит подготовленное им издание только первым шагом на пути к полному воссозданию картины личных и литературных взаимоотношений Вяземского с Барсуковым. В изучении всего массива писем он видит дальнейшее направление исследований: «Она [картина] может сложиться только в случае полной публикации “пересекающейся” части их эпистоляриев; прежде всего речь идёт об их переписке с П.П. Вяземским и М.А. Вяземскими, Шереметьевым, В.П. Титовым, М.П. Погодиным, П.И. Бартневым, Ю.В. Толстым; к этому нужно прибавить переписку Барсукова с братьями, прежде всего с Александром Платоновичем (не говоря уже о том, что вся переписка Барсукова имеет несомненное значение как для истории литературной жизни, так и для истории науки)» (С.29).

Составитель тома обращает внимание на такой важный момент эпистолярной культуры XIX века, как конверты. В данном издании обозначены все пометки, которые он встретил на конвертах обоих корреспондентов.

Хочется надеяться, что данное издание — не последняя публикация материалов из сокровищницы «Остафьевского Архива», и что нас ждёт ещё множество интересных публикаций.

В. И. Голдин

РОССИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОВОГО ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ

В статье характеризуется новая энциклопедия о Гражданской войне в России, анализируется ее замысел, оценивается авторский коллектив, раскрыты ее достоинства и недостатки в сопоставлении с предшествующими энциклопедическими изданиями по этой теме.

Ключевые слова: энциклопедия, Гражданская война в России, иностранная интервенция, история, исторический опыт и уроки.

Сведения об авторе: Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск).

Контактная информация: v.i.goldin@yandex.ru

V. I. Goldin

RUSSIA IN THE CIVIL WAR: CRITICAL ANALYSIS OF THE NEW ENCYCLOPEDIA EDITION

Article characterizes the new encyclopedia about the Civil War in Russia, analyses its design, evaluates its collective of authors and discovers advantages and disadvantages of its edition in comparison with previous encyclopedic publications.

Keywords: encyclopedia, Civil War in Russia, foreign intervention, history, historical experience and lessons.

About the author: Goldin Vladislav I., Dr. Hab. (History), professor of Regional Studies, International Relations and Political Science Department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk);

Contact information: v.i.goldin@yandex.ru

© В. И. Голдин, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-280-292

В 2021 году в Москве вышла в свет трехтомная энциклопедия «Россия в Гражданской войне. 1918–1922» (Россия 2021). Целью этой статьи является анализ этого издания, выявление его достоинств и недостатков.

Начнем с того, что это далеко не первая попытка представить обобщающую картину российской Гражданской войны и жизни страны в этот период. Автору этой статьи уже приходилось ранее писать о наиболее крупных проектах, реализованных в нашей стране и за рубежом с выпуском изданий объемом от двух до пяти томов (Голдин 2019: 6–15). Рецензируемая энциклопедия является третьей по счету энциклопедией о Гражданской войне в России, изданной в нашей стране. Начнем с краткой характеристики предшествующих энциклопедических изданий, чтобы в дальнейшем сравнить с ними новую энциклопедию.

Первая энциклопедия под названием «Гражданская война и военная интервенция в СССР» была опубликована в Москве первым изданием в 1983 году, а вторым изданием вышла в свет в 1987 году. К ее подготовке были привлечены многие ведущие советские специалисты той поры, занимавшиеся Гражданской войной. Большинство статей было написано столичными историками. Энциклопедия готовилась к печати высококвалифицированным коллективом издательства «Советская энциклопедия», с которым автору доводилось работать. Запомнилось, как ответственно и взыскательно его редакторы работали с авторами статей, уточняя и проверяя каждую деталь,

чтобы не допустить каких-то ошибок и неточностей, и в итоге вышел в свет высококачественный научный продукт.

Энциклопедия 80-х годов была опубликована огромными тиражами и легла на книжные полки специалистов и всех заинтересованных читателей, интересующихся историей Гражданской войны в России.

Разумеется, что это издание надо оценивать, учитывая принцип историзма, имея в виду возможности того времени, ограниченность источниковой базы, необходимость следования жестким политическим канонам и требованиям той эпохи. Основное внимание в энциклопедии уделялось советскому лагерю и в гораздо меньшей мере были представлены их противники, антибольшевистское и Белое движение, хотя в ней и были помещены большие статьи, посвященные истории интервенции стран Антанты и Четверного союза в основных регионах страны.

В 2008 году в московском издательстве «Терра» была опубликована 4-томная энциклопедия «Революция и гражданская война в России: 1917–1923» общим объемом 2300 страниц. Она вышла в свет в серии и под рубрикой «Большая энциклопедия». Во вступлении от редакционной коллегии указывалось, что опубликованные в энциклопедии статьи полностью деидеологизированы, носят исключительно фактологический характер, не содержат политических, этических, а также любых положительных или отрицательных оценок персоналий и исторических фактов. В энциклопедии

была значительно расширена представленность антибольшевистского движения.

Вместе с тем, по своему качеству это издание не отвечало достигнутому в тот период времени уровню исследований по истории Гражданской войны. Новая для научной литературы дата окончания Гражданской войны в России — 1923 год — не была сколько-нибудь серьезно обоснована. Перечень литературы к статьям был узким, не включая в себя современные издания, что отражалось и на качестве публикаций. Многие статьи были фактически перепечатаны из ранее изданной энциклопедии. Статьи публиковались без указания авторов, не был опубликован и общий список авторского коллектива, а также состав редколлегии этого издания. Был указан лишь некий перечень научных консультантов, среди которых не было ни одного историка. Главный редактор энциклопедии — доктор исторических наук С. А. Кондратов неизвестен своими публикациями в области истории революционного процесса и Гражданской войны в России. Не удивительно, что это издание не удовлетворило специалистов и вызвало немало критических рецензий.

Поэтому заинтересованная читательская аудитория с интересом ожидала выход в свет современной энциклопедии о Гражданской войне в России. Заметим, что новая трехтомная энциклопедия стала продолжением предшествующей серии энциклопедических изданий и вышла в свет вслед за энциклопедиями «Россия в Первой мировой войне» и «Россия в 1917 году».

Вскоре после публикации энциклопедии «Россия в Гражданской войне» была опубликована статья одного из ее авторов и членов редколлегии, в которой высоко оценивалось это издание (Кондрашин 2021: 154–159). В заключении статьи резюмировалось, что выход его в свет — «несомненный успех авторского коллектива и российской исторической науки в целом» (Кондрашин 2021: 158).

Первый том энциклопедии был снабжен предисловием председателя Российского исторического общества С. Е. Нарышкина. В нем утверждалось, что энциклопедия «суммирует все накопленные на сегодняшний день сведения об основных этапах и событиях этого конфликта, его основных действующих лицах, их политических и экономических программах, национальных движениях на окраинах бывшей империи и иностранной интервенции». «Убежден, что этот фундаментальный труд, — указывал далее С. Е. Нарышкин, — будет полезен как профессиональным исследователям, которые смогут использовать его в качестве справочного издания, так и всем любителям отечественной истории, желающим расширить свою эрудицию» (Россия 2021, т.1: 5).

Представленный анализ покажет, в какой степени эти утверждения соответствуют истине. Но начнем с того, что дает автору этих строк право на оценку этого издания. Занимаясь проблемами истории и историографии Гражданской войны и интервенции в России около 40 лет, автор опубликовал по этой теме более 250 научных работ, в том числе 14 книг, включая две историографические

монографии (Голдин 2000; Голдин 2012). Если же учесть книги по истории российской военной эмиграции, являющейся, по существу, продолжением этой научной тематики, то количество изданных книг по указанной тематике составит более двадцати.

С 1989 года автор входил в состав всех научных советов АН СССР и РАН, занимавшихся проблематикой Гражданской войны в России, в том числе был членом бюро Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций, который прекратил работу в 2019 году. Учитывая отсутствие ныне научных советов РАН, связанных с этой проблематикой, разработкой и координацией научных исследований занимается сегодня Ассоциация исследователей Гражданской войны в России (АИГВР), созданная в 2012 году, президентом которой (и главным редактором Альманаха АИГВР) является автор. Кроме того, будучи с начала XXI века членом экспертных советов по истории ВАК (по 2013 г.), Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), а после его закрытия — Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), автор имел возможность знакомиться практически со всеми значимыми исследованиями по проблематике российской Гражданской войны. Сегодня автор является ответственным редактором (вместе с профессором В.В. Кондрашиным, Институт российской истории РАН) подготовленного к изданию XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» и членом ее Главной редколлегии.

Начнем с характеристики достоинств нового энциклопедического издания. Впечатляет его солидный объем — три тома, 319,5 усл. п.л., 2548 стр., более 2900 статей. В энциклопедии более 2000 различных иллюстраций. Среди авторов немало имен известных специалистов по теме.

Первый том предваряет Введение, призванное, с одной стороны, представить некое обзорное видение жизни страны в годы Гражданской войны, а, с другой, — объяснить логику конструирования энциклопедии. Это сделано посредством выделения во Введении 6 разделов, с отсылками внутри них на основные статьи по данной проблематике на страницах издания. Эти разделы выглядят примерно следующим образом: 1) период с 25 октября 1917 года до заключения Брестского мира; 2) формирование советской государственности; 3) политические партии; 4) военные вопросы; 5) экономика с упором на экономическую политику советской власти и процессы, происходившие в Советской России, а также история крестьянства и крестьянского повстанчества; 6) культура военного периода, включая и «религиозный вопрос», с преимущественным освещением процессов, происходивших на территории Советской России.

Если анализировать содержание энциклопедии через описание, представленное во Введении, то неясно, как представлены в нем социальная проблематика, иностранная интервенция, вопросы внешней политики и дипломатии, а, говоря шире, международный ракурс российской Гражданской войны. Непонятно как на страницах энциклопедии

раскрываются процессы, происшедшие в основных регионах страны, а также на национальных территориях, а ведь без этого национально-регионального измерения полноценно раскрыть заданную тему — Россия в Гражданской войне невозможно.

Из Введения можно сделать вывод о том, что в энциклопедии уделено значительное внимание биографиям активных участников событий рассматриваемого периода из противоборствующих лагерей. Личностное, человеческое измерение истории представляется действительно важным, но какова доля этих биографических материалов в энциклопедии, и по какому принципу отбирались персоналии неясно. Забегая вперед, отметим, что непонятным это остается и после знакомства с энциклопедией. Это касается как политиков, так и военных, деятелей культуры и др.

Обнадеживающим звучит заверение заключительной части Введения к энциклопедии, что авторские статьи писались с привлечением ранее не введенных в оборот архивных источников и снабжены ссылками на архивы (а также на источники и литературу), но знакомство с этими текстами убеждает в обратном. Ссылки на архивы в статьях встречаются не часто. Впрочем, для энциклопедии они вряд ли являются обязательными.

В связи с использованием архивов сразу возникает вопрос, почему при их перечислении в заключительной части Введения не указывается Российский государственный военный архив (РГВА), не говоря уже о Рос-

сийском государственном архиве Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), а, тем более, об архивах МИД. Но ведь прежде всего материалы РГВА (наряду с ГА РФ и РГАСПИ), а не РГВИА (откуда могли браться только материалы из послужных списков офицеров) и РГИА, призваны были стать основными для использования при подготовке статей по истории Гражданской войны.

Содержание энциклопедии во многом зависит от качества словника, определения перечня ключевых тем, проблем и вопросов, соотношения в нем общероссийской, международной и региональной проблематики, выбора персоналий, заслуживающих описания на страницах энциклопедии, и др. Важно было объяснить, какими принципами руководствовалась редколлегия при комплектовании этого издания, составлении словника, отборе проблем и персоналий к включению в него, ибо вопросов здесь возникает немало. Несмотря на существующую систему отсылок, найти требуемые статьи и материалы в энциклопедии нелегко.

К сожалению, во вступительной статье в первом томе энциклопедии нельзя обнаружить ни концепции издания, ни его методологии, что отличает этот проект в худшую сторону от энциклопедии 80-х годов. Во Введении указывается лишь, что авторский коллектив ставил главной задачей не решение спорных историографических вопросов, а прежде всего систематизацию и обобщение выявленных фактов, анализ выводов и оценок учёных по широкому комплексу проблем (Россия, т.1.: 20). Впрочем, последнее, т.е. заявка на

анализ выводов и оценок ученых, да еще и по широкому кругу проблем, — ответственное обязательство, и автор оценит в дальнейшем, в какой степени это удалось сделать.

Ключевым понятием в энциклопедии является российская Гражданская война. Поэтому уже во Введении, а затем, вероятно, и в специальной статье следовало, ориентируясь на обещанный «анализ выводов и оценок учёных» дать определение уникального феномена Гражданской войны в России, ее составных частей и характеристик, объяснить, чем она отличается от известных человечеству сотен, если не тысяч гражданских войн, или, по крайней мере, крупнейших в истории Европы и мира в XX веке. Но этого в рецензируемой энциклопедии не делается, что резко снижает ее ценность и полезность для специалистов и заинтересованных читателей. И в этом отношении она уступает предшествующим энциклопедиям, где попытки дать определение характера и природы российской Гражданской войны делались, разумеется, по меркам своего времени и уровня концептуальной разработки.

Замечу, что вопрос о том, что такое гражданская война вообще и российская Гражданская война, в частности, встал на повестку дня уже при первом обсуждении упомянутого XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» на Главной редколлегии 20-томного издания, и в текст Введения были внесены необходимые пояснения.

В данном же случае редколлегия и авторский коллектив энциклопе-

дии предпочли просто замолчать этот ключевой вопрос, что, по крайней мере, странно и вряд ли приемлемо. Из вышесказанного вытекает второй традиционный вопрос всех дискуссий о Гражданской войне — ее хронология и периодизация. В частности, энциклопедия начинается с 1918 года, хотя во многих современных исследованиях ее начало связывается с разными событиями 1917 года. По крайней мере, можно было упомянуть в энциклопедии о давно сложившейся в научной литературе трактовке Гражданской войны в России в широком и узком смысле, раскрывая это понимание, но этого не было сделано.

Органичной составной частью энциклопедии призван был стать анализ изученности истории Гражданской войны в России в отечественной и зарубежной научной литературе. Это, по сути, должно было усилить и концептуально-теоретическую часть издания. Но этого не сделано, хотя в энциклопедии 80-х годов сохранились статьи по отечественной и зарубежной историографии. Таким образом, и в этом отношении рецензируемая энциклопедия уступает изданию более чем тридцатилетней давности.

Качество энциклопедии зависит от состава редколлегии и авторского коллектива. В состав редколлегии вошли 9 докторов исторических наук и 3 кандидата исторических наук, в числе последних — и ответственный редактор А.К. Сорокин. По строгим меркам, лишь 6 или 7 членов редколлегии могут быть отнесены к специалистам по тем или иным проблемам российской Гражданской войны.

Если сравнивать ее с редколлегией энциклопедии 80-х годов, то состав последней был, безусловно, сильнее, ибо в него входила группа ведущих специалистов, авторов книг по истории Гражданской войны в России: Ю. И. Кораблев, заместитель председателя Научного совета АН СССР, курировавший в нем разработку ее проблем, Н. Н. Азовцев, Е. Г. Гимпельсон, П. А. Голуб, А. И. Разгон и Л. М. Спирын.

В состав авторского коллектива современной энциклопедии вошло более 150 человек, представляющих Россию, Белоруссию и Украину, в то время как энциклопедия 80-х годов, хотя по объему почти в 4 раза уступала нынешней, но делалась значительно большими научными силами и по количеству авторов (260 чел.), и по уровню их научной квалификации (кандидатов наук в числе авторов было немного), и по географии — были представлены почти все союзные республики СССР.

Главная проблема рецензируемой энциклопедии видится в том, что статьи для нее распределялись не специалистами и не среди специалистов по той или иной проблематике. От ряда ведущих исследователей Гражданской войны, участников этого проекта приходилось слышать, что как такового обсуждения словника не было, а многие тексты включались явочным порядком, если автор хотел написать о чем-то.

В энциклопедии 80-х годов единым списком был указан весь авторский коллектив, что позволяло оценить его, но плохо было то, что не указывались авторы конкретных статей. По-

ложительным в рецензируемой энциклопедии является то, что у каждой ее статьи указан автор. Но при этом общий список авторов отсутствует, и здесь сталкиваемся с интересным и парадоксальным явлением. Даже при беглом просмотре становится очевидным, что большинство статей написаны небольшой группой авторов, которые, к тому же, чаще всего не являются специалистами по данной проблематике. Компьютерная обработка издания подтвердила это предположение. Более половины статей написаны группой в шесть человек, а более 60% статей принадлежат авторству десяти человек. Причем среди них есть своеобразный рекордсмен — доктор исторических наук В. Л. Телицын из Института всеобщей истории РАН, написавший 639 текстов для энциклопедии, или более 20% от общего количества. Он известен как специалист по истории крестьянства в Гражданской войне, являясь автором монографии по крестьянскому бунтарству (Телицын 2002). Но в данном случае он писал статьи по широкой проблематике российской Гражданской войны, где не является специалистом. Поэтому указанный «рекорд» очень сомнительного свойства для энциклопедии.

Последующие места в «призовой авторской тройке» заняли кандидаты наук, никогда специально не занимавшиеся тематикой Гражданской войны, — С. Е. Лазарев (252 статьи) и О. В. Чистяков (236 статей). Заметим, что последний написал ряд статей по истории Гражданской войны на Севере России, изобилующих недостоверными фактами, о чем автор этих строк подробно написал в другой статье, находящейся сейчас в печати.

Четвертое место по количеству статей в энциклопедии занимает (со 199 статьями) доктор исторических наук А. В. Олейников, именуемый в справочных данных в интернете специалистом по Русскому (Восточному) фронту Первой мировой войны, но взявшийся писать статьи и по широкому спектру проблем Гражданской войны в России. Правда перу этого автора принадлежит странная книга, написанная без сносок на литературу и источники, под названием «Неизвестные страницы Гражданской войны. Фронты. Крепости. Вооружение» (М.: Вече, 2016). В ней к числу подобных неизвестных страниц отнесены, например, Гражданская война в Финляндии, Шенкурская операция 1919 года, Крымская операция и Варшавская операция 1920 года, Каховский плацдарм, деятельность речных флотилий и др., хорошо известные и подробно описанные ранее специалистами. Неудивительно, что этот автор выполнил ряд статей для энциклопедии поверхностно, некачественно, а в ряде случаев с изложением недостоверных данных (например, о вооруженных силах антибольшевистской Северной области, о деятельности генерала Н. И. Звегинцова в Мурманском крае и др.) или с фактическими ошибками.

Нелучшее впечатление оставляет написанная А. В. Олейниковым статья о Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА), и уж совсем поражает список источников и литературы к ней, отсутствие в нем основополагающих и классических монографий по этой теме ведущих исследователей разных лет (С. М. Кляцкина, Ю. И. Кораблева, А. Г. Кавтарадзе, М. А. Молодцыгина и др.). Но, с другой стороны, указанный автор не забыл упомянуть

в этом списке литературы свою сомнительной ценности книгу «Элитные части РККА в огне гражданской войны», выполненную в жанре научно-популярного издания, без сносок на источники и литературу (М.: Вече, 2016).

А. В. Олейникову принадлежит и статья под странным для специалистов названием «Белая гвардия» с наличием ошибок и содержащая список литературы, не отражающий современный научный уровень осмысления темы.

В первую десятку авторов-рекордсменов по количеству статей в энциклопедии входит и еще один кандидат наук — С. В. Куликов из Санкт-Петербурга. Он тоже никогда ранее не занимался тематикой Гражданской войны, но написал для этого издания 89 статей, в том числе по такой сложной и дискуссионной теме, как «Белое движение». И это при наличии в стране авторитетных исследователей этой проблематики. О поверхностном характере ряда статей С. В. Куликова о Гражданской войны на Севере России и допущенных в них ошибках, слабом знании лучшей современной научной литературы автор этих строк написал в статье, которая сегодня находится в печати.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос к ответственному редактору и редколлегии энциклопедии: по какому принципу отбирались авторы для нее, и что можно ожидать от людей, никогда не занимавшихся этой тематикой всерьез.

Впрочем, истины ради, отметим, что в этой первой десятке «рекордсменов» есть два историка, хорошо

знающих исследуемую ими проблематику и готовившие статьи в рамках ее: это доктора исторических наук В. В. Кондрашин и А. В. Ганин. Первый, являясь руководителем Центра экономической истории Института российской истории РАН, вместе с другими авторами достаточно широко и обстоятельно, в сравнении с предшествующими энциклопедическими изданиями, представил в рецензируемой энциклопедии экономическую тематику и историю крестьянства. А. В. Ганин опубликовал в этом издании комплекс статей по различным аспектам военной проблематики.

Вместе с тем, что касается экономических проблем на страницах энциклопедии, то основное внимание уделено Советской России, и выводы об экономическом состоянии страны к концу войны связываются главным образом с проводимой большевиками политикой. При этом лишь кратко и обзорно на страницах издания представлена экономическая политика антибольшевистских режимов и ее результаты. А ведь тяжелое состояние российской экономики стало и результатом политики последних, которые контролировали на протяжении полутора лет большую часть территории страны, а часть регионов в ходе войны неоднократно переходила из рук в руки.

Практически не находит отражения в энциклопедии влияние на экономику и внешнюю торговлю действий интервентов, которые во многом контролировали в течение войны эти сферы на Дальнем Востоке и Севере России.

Касаясь истории крестьянства в Гражданской войне, которая широко представлена на страницах энциклопедии, заметим, вместе с тем, фрагментарное освещение его поведения и действий в различных регионах страны в зависимости от своеобразия аграрно-крестьянского вопроса в них. Непонятен отбор статей о крестьянских восстаниях в годы Гражданской войны, учитывая то, что их количество разного характера и направленности измерялось в совокупности тысячами. Впечатление такое, что на страницы энциклопедии попали главным образом антибольшевистские крестьянские выступления.

В качестве положительных моментов следует отметить, что неизмеримо шире, в сравнении с предшествующими энциклопедическими изданиями, на страницах этой энциклопедии представлены проблемы культуры, социальная, национальная и национально-государственная проблематика, религиозный вопрос, вероисповедная политика, персоналии многих видных деятелей культуры и религии, представителей различных религиозных конфессий.

Гораздо полнее в сопоставлении с более ранними энциклопедиями в этом издании представлен лагерь противников и оппонентов большевиков в различных его составляющих (политические партии, антибольшевистские правительства, вооруженные формирования, биографические материалы и т. д.), хотя качество статей кардинально различается.

Важным аспектом осмысления России в Гражданской войне является характеристика процессов, происхо-

дивших в ее регионах, иначе говоря, региональное измерение ее истории. Первый просмотр материалов энциклопедии оставляет впечатление, что основные регионы представлены большими обзорными статьями, но более внимательное знакомство убеждает, что это не так. В энциклопедии отсутствуют, например, специальные статьи, посвященные Северу и Северо-Западу страны. Разрозненные публикуемые материалы, освещающие отдельные аспекты протекавших здесь процессов, не создают общей картины. Оценивая качество опубликованных в энциклопедии материалов, касающихся Северной России, приходим к выводу, что это некий набор поверхностных, фрагментарных, во многом недостоверных сведений, легковесных и нередко ошибочных суждений. Подробный критический разбор этих материалов представлен в статьях автора, готовящихся к печати.

Добавим, что измерение Гражданской войны в России сквозь призму ее протекания в конкретных регионах станет, несомненно, предметом внимательного чтения и взыскательной оценки специалистами, занимающимися этой тематикой на местах.

Следующий вопрос, возникающий при знакомстве с энциклопедией, заключается в том, почему в ней практически не представлена история международной интервенции в России. Ведь иностранное вмешательство в различных формах (военной, политической, финансово-экономической и др.) — это важнейшая составная часть уникального феномена Гражданской войны в стране.

Поэтому с первых шагов изучения ее истории в Советской России /СССР и за рубежом диалектике внутренних и внешних процессов ее протекания закономерно уделялось особое внимание.

Во Введении энциклопедии есть лишь фраза, что «Гражданская война в России была сопряжена с военной интервенцией со стороны целого ряда государств, принадлежавших к различным военным блокам Антанты и Четверного союза», а далее следует цитата Ленина и фраза о том, что «угроза иностранного вторжения для большевистского руководства надолго стала одной из доминант политического сознания и поведения, во многом определявших важнейшие политические решения» (Россия, т.1: 11). Об интервенции стран Четверного союза, Антанты и отдельных государств, не являвшихся участниками этих блоков, нет никаких целостных аналитических статей в энциклопедии, за исключением фрагментарных региональных материалов или упоминаний.

Помещенная в энциклопедии статья под названием «Антанта» посвящена истории этого блока, но, отнюдь не содержательному анализу интервенции стран этой коалиции в России с подробной характеристикой причин, масштабов, характера действий в различных регионах и выяснением ее итогов и ущерба, нанесенного стране. Об интервенции стран Четверного союза и ее анализе речи в энциклопедии вообще не идет.

Подобный подход еще можно было бы понять (но не принять) в 90-е годы, когда политический лейтмотив

и надежда, что «Запад нам поможет», доминировали над сознанием многих историков, которые стыдливо молчали и избегали писать о сложных страницах отношений России со странами Запада, и особенно об иностранной интервенции в период Гражданской войны, которая, добавим, была не только вооруженной, но в многообразии в и иных форм и видов вмешательства, включая экономическую блокаду, и обернулась огромным ущербом и потерями для страны.

Заметим, что через российское постимперское пространство на протяжении нескольких лет прошли войска почти 20 стран, общей численностью более 1,5 млн солдат. Не все из них воевали на передовой, но последовательно проводили в жизнь оккупационную политику на обширных российских территориях, выполняли охранные и репрессивно-карательные функции, подавляли народные восстания и партизанское движение. Памятники жертвам интервенции во многих российских городах напоминают о той масштабной интервенционистской эпопее и сегодня.

Замалчивание этих страниц истории в постсоветский период было связано и с увлечением многих авторов темой антибольшевистского движения, идеализацией и апологетикой его. Интервенты же не критически воспринимались как его союзники, поэтому писать об их действиях в России было не принято. Но подобных авторов хотелось бы, во-первых, обратиться к признаниям многих видных политиков и военачальников из антибольшевистского лагеря, к их прозрению, которое чаще всего

происходило у них уже в эмиграции, о том, что иностранцы шли в Россию, в том числе с оружием в руках, не столько ради помощи им, сколько во имя реализации собственных интересов — военно-стратегических, политических, экономических и др. Во-вторых, анализ всего многообразия доступных сегодня документов убеждает в попытках лидеров стран Запада договориться не просто о разделе сфер влияния в России, но и о создании на месте ее зависимых прозападных государственных образований в национальных регионах, в Сибири, на Дальнем Востоке и Севере. Руководители Белого движения, провозглашавшие своей целью создание «единой, великой и неделимой России», ошибались, надеясь на помощь стран Антанты в реализации этой цели. В складывавшейся по итогам Первой мировой войны системе международных отношений России была отведена роль изгоя.

Поэтому отсутствие на страницах рецензируемой энциклопедии глубоких аналитических статей об иностранной интервенции и вытекающих из этого уроках истории, диалектике внутренних и международных процессов в осмыслении российской Гражданской войны вряд ли приемлемо и является даже не недостатком, а пороком этого издания. И в этом отношении она на порядок уступает предшествующим энциклопедиям.

Все вышеизложенное приводит к выводу, что вряд ли правомерно именовать эту энциклопедию «фундаментальным трудом» и «успехом исторической науки». Не соглашусь и с утверждением, что она отражает

уровень современной научной историографии по теме. Автор, просматривая статьи энциклопедии, оценивал как профессиональный историкограф и списки литературы к ним. Во многих статьях отсутствуют указания на новейшую литературу, а в ряде случаев в списки включались работы, явно того не заслуживавшие по своему качеству.

Таким образом, рецензируемая энциклопедия, — это некий объемный свод сведений и материалов разной ценности. В ней, с одной стороны, присутствует немало интересных и содержательных статей, налицо расширение и систематизация знаний по ряду проблем. Но, с другой стороны, имеются и серьезные отступления по некоторым важным направлениям познания Гражданской войны в России, содержится немало упрощенных утверждений и, наконец, присутствуют искусственно созданные лакуны знаний. В результате вряд ли можно согласиться с тем, что эта энциклопедия во всем соответствует современным достижениям исторической науки и глубине концептуального и содержательного понимания ею ключевых проблем истории Гражданской войны в России.

Энциклопедии считаются завершенным и тщательно выверенным продуктом научного творчества лучших специалистов по данной теме. В отношении рецензируемой энциклопедии в целом так, к сожалению, сказать нельзя. Поэтому читателям, обращающимся к этому изданию в поисках ответа на интересующие их вопросы, следует прежде всего выяснить, что представляет собой

автор той или иной статьи, является ли он в действительности специалистом по данной проблеме и можно ли верить фактам и утверждениям, содержащимся в ней. Хочется выразить сожаление, что к работе над этим энциклопедическим изданием не были привлечены многие современные ведущие специалисты по этой проблематике.

Завершая анализ указанной энциклопедии, остается лишь заметить, что, исходя из вышеизложенного, перед авторским коллективом XII тома «Гражданская война в России. 1917–1922» 20-томной академической «Истории России» встает и новая задача — работы над ошибками, допущенными рядом авторов рецензируемой энциклопедии, выявления и указания их, и представления соответствующих исторической истине материалов, оценок и суждений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Голдин 2000 — Голдин В.И. Россия в гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы). Архангельск, 2000.

Голдин 2012 — Голдин В.И. Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы. Мурманск, 2012.

Голдин 2019 — Голдин В.И. Попытки написания обобщающей истории Гражданской войны в России: анализ проектов и изданий XX — начала XXI в. и уроки для современности // Гражданская война на востоке России (ноябрь 1917 — декабрь 1922 г.). Новосибирск, 2019. С.6–15.

Кондрашин 2021 — Кондрашин В.В. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А.К. Соколин. М.: Политическая энциклопедия,

2021. Т.1–3 // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С.154–159.

Россия 2021 — Россия в Гражданской войне. 1918–1922: Энциклопедия. В 3 т. / отв. ред. А. К. Сорокин. М., 2021.

Телицын 2002 — Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный»?.. Феномен крестьянского бунтарства. 1917–1921. М., 2002.

REFERENCES

Goldin V.I. *Rossia v grazhdanskoj voine. Oчерki noveishei istoriografii (vtoraia polovina 1980-kh — 90-e gody)*. Arkhangelsk, 2000.

Goldin V.I. *Grazhdanskaia voina v Rossii skvoz' prizmu let: istoriograficheskie protsessy*. Murmansk, 2012.

Goldin V.I. Popytki napisaniia obobschajuschei istorii Grazhdanskoj voiny v Rossii: analiz proektov i izdaniy XX — nachala XXI v. i uroki dlia sovremennosti. *Grazhdanskaia voina na vostoке Rossii (noiabr'1917 — dekabr' 1922 g.)*. Novosibirsk, 2019, p. 6–15.

Kondrashin V.V. Rossiia v Grazhdanskoj voine. 1918–1922: Entsiklopediya / Ed. A. K. Sorokin. Moscow: Politicheskaja entsiklopediya, 2021. V.1–3. *Vestnik Rossiiskogo fonda fundamental'nykh issledovanii. Gumanitarnye i obschestvennye nauki*. 2021, no. 3, p. 154–159.

Rossiia v Grazhdanskoj voine. 1918–1922: Entsiklopediya / Ed. A.K. Sorokin. In 3 vols. Moscow, 2021.

Telitsyn V.L. “Bessmyslennyi i besposhadnyj”?... *Fenomen krest'ianskogo buntarstva. 1917–1921*. Moscow, 2002.

А. Ю. Вовк

РЕСПУБЛИКА ХОЛОДНЫЙ ЯР

Рец.: Ю. Ю. Горлис-Горский. Холодный Яр / пер. с укр. и коммент. С. И. Лунина. СПб.: Алетея, 2022. 236 с., илл.

В рецензии рассматривается издание на русском языке важной работы — воспоминаний Горлиса-Горского о Гражданской войне в Украине в начале XX века.

Ключевые слова: Украина, Гражданская война, повстанцы, национализм.

Сведения об авторе: Вовк Алексей Юрьевич, канд. ист. наук, ст. преподаватель РГГУ.
Контактная информация lewa84@mail.ru

A. Yu. Vovk

REPUBLIC KHOLODNY YAR

Rev.: Yu.Yu. Gorlis-Gorsky. Kholodny Yar / trans. from ukr. and comment. S. I. Lunin.
St. Petersburg: Aleteya, 2022. Pp. 236.

The review examines the publication in Russian of an important work — the memoirs of Gorlis-Gorsky about the Civil War in Ukraine at the beginning of the twentieth century.

Key words: Ukraine, Civil War, rebels, nationalism.

About the author: Vovk Alexey Yu. — candidate of historical sciences, Russian State University for the Humanities (Moscow).

Contact information: lewa84@mail.ru

*Знайте: в светлый день над вами
Разразится кара,
Снова запылет пламя
Холодного Яра*

Т. Г. Шевченко «Холодный Яр»
(пер. А. И. Дейча)

В середине XIX в. классик украинской поэзии написал стихотворение «Холодный Яр», отрывок из которого я выбрал в качестве эпитафии. Сделал это потому, что на русский язык переведены одноименные воспоминания Юрия Горлиса-Горского.

Я решил обратить внимание на их издание по ряду соображений. Так, в России изучение темы украинского повстанчества в целом ограничено, и эпопея Холодноярской республики малоизвестна. Например, А.В. Посадский в своей масштабной работе «Зеленое движение», останавливаясь на изучении атамана Терпило-Зеленого, как бы отсекает остальных украинских повстанцев. «Украинские атаманы не были зелеными. Махновцы понимали себя как махновцы, григорьевцы — как григорьевцы» (Посадский 2018: 230), — резюмирует автор. Прочие российские историки, отдавая должное махновскому движению, так же обходят стороной украинские атаманские республики, несмотря на многочисленность последних. Иллюстрацией служит обобщающая статья журнала «Исторический вестник», номер которого был посвящен Украине (Ланской 2021). Такой подход удивителен, тем более что Холодный Яр стал частью украинского национального мифа. Вспоминаются действия повстанцев не только в 1919–1922 гг., но и в 1768 г. — во времена знаменитой Колиивщины. Отмечу, что, несмотря на ряд исследований (Героїзм і трагедія 1996, Коваль 2006, Ковальчук 2012), до недавнего времени в украинской печати существовал только искаженный текст «Холодного Яра». Лишь в 2017 г. усилиями харьковского историка С.И. Лунина свет увидело академическое издание мемуаров (Горліс-Горський 2017).

Юрий Юрьевич Горлис-Горский (настоящая фамилия Городянин-Лисовский, 1898–1946) родился на стыке веков. Как и многие сверстники, в молодом возрасте Юрий испытал

на себе тяготы Мировой и Гражданской войн, допросов, тюрем и побегов. Написанные в эмиграции воспоминания сделали Горлиса-Горского значимой фигурой украинского национализма. Однако не уберегли от конфликта с бандеровцами и последующей гибели при невыясненных обстоятельствах.

Итак, в мемуарах «Холодный Яр» автор вспоминает о годе своей жизни среди повстанцев Чигиринщины, особенностях их боевой организации, о взаимоотношениях с местным населением и, конечно, о борьбе против белых и красных. Мы неоднократно убеждались, что война — отвратительное, жестокое явление. Горлис-Горский лишь подтверждает это знание. В его воспоминаниях читатель ожидаемо узнает о красном терроре. О том, что делали враги повстанцев — чекисты и ЧОНовцы — грабежи, изнасилования, реквизиции и расстрелы (с. 215). На собственном примере Горлис-Горский испытал «прелести» советской тюрьмы (с. 142–170). Словом, мемуары полны свидетельств о «борьбе с бандитизмом». Но при этом автор приводит примеры жестокости повстанцев. Так, пойманных при реквизиции продовольствия пленных ждала страшная смерть — утопление в болоте (с. 183). Раненых красноармейцев хлебоборобы добивают «кто штыком, кто пулей» (с. 215). Нельзя сказать, что проявление агрессии не беспокоит Горлиса-Горского. Он мрачно констатирует, что крестьяне «лишь усвоили урок жестокости, который убедительно преподали им захватчики» (с. 215).

Как в этой связи не вспомнить описанную молодым белогвардейцем

поймку дезертиров и, видимо, последовавшую за ним экзекуцию? «В открытую калитку сада входили, ведя пойманных дезертиров, взводы офицерской роты.

– Десятого, господин капитан, аль пятого? — услышал я за собою», — вспоминал вчерашний студент (*Венус* 2017: 17). К сожалению, жестокость — обыденность войны, характерная для всех сторон конфликта.

Конечно, рецензия на «Холодный Яр» была бы неполной, если бы в ней не зашла речь о значимости книги для украинского национального движения. Так, мемуарист нередко передает слова лидеров повстанцев о необходимости противостоять Москве, «соседям», зарящимся на чужие богатства (с. 65, 66), о способах борьбы — «Драться с большевиками честными средствами невозможно. Мы их будем бить их же оружием, которое прекрасно изучили в прошлом году» (с. 91). Неоднократно Горлис-Горский транслирует призывы — «Вперед в последний поход! Готовьте оружие! Зажигайте огнем борьбы сердца односельчан!» (с. 128).

Сильной стороной мемуаров является безусловный литературный талант их автора. Позволю себе процитировать описание ночи перед боем. «Окрестные дебри шумят по-весеннему, над головой плывет звездное небо — и это настраивает едущих позади на лирический лад. Одна унылая, тягучая песня сменяет другую. Наша троица молчит — обдумываем завтрашний набег» (с. 129). Или изображение праздника Спаса в Матронинском монастыре: «Возле обоих храмов стоят те, кому не нашлось

места внутри. Выставив на дорогах караулы, смешиваемся с толпой, здороваемся, обсуждаем новости. Приближается время крестного хода, и люди встают широким кругом у новой церкви. Трава пестрит корзинами и мисками с медом, фруктами, венками, букетами из колосьев и цветов» (с. 209–210). Привлечет читателя описание трагической любовной связи с девушкой Галиной, поневоле ставшей предательницей. По законам войны она была казнена. Позднее автор признался, что привел приговор в исполнение сам.

Кроме перечисленных достоинств воспоминаний остановимся на заслугах издателей. Так, книга снабжена научным комментарием Сергея Лунина. Он буквально на каждой странице разъясняет тот или иной эпизод, раскрывает псевдонимы, приводит исторические справки. Масштабная работа Лунина, на мой взгляд, украшает издание. При этом научный комментарий позволяет сделать вывод о высокой достоверности мемуаров. Добавлю, что усилиями С. И. Лунина книга снабжена фотографиями Горлиса-Горского (из следственного дела) и других атаманов, протоколом допроса, протоколом о побеге и прочими документами.

Еще одна сильная сторона книги — предисловие А. В. Шубина. Известный специалист рассказал о сложной и переменчивой ситуации в Украине, описал основные события Гражданской войны в этом регионе. На мой взгляд, Шубин делает важное замечание, что в 1917–1922 гг. «открылись возможности для разнообразных идейно-политических

альтернатив и стремлений, вызревших, но придавленных в Российской империи» (с. 8). Также нельзя не согласиться с мнением, что одной из причин поражения белых были повстанцы Украины, Сибири, Дальнего Востока и неумение белых договариваться с национальными окраинами (с. 13, 14).

Конечно, издание «Холодного Яра» несвободно от недостатков. Так, отсутствие полноценной биографии Горлиса-Горского обедняет работу — Юрий Юрьевич прожил яркую жизнь.

Несмотря на это, российская публикация «Холодного Яра» будет полезна и тем, кто изучает повстанческое движение, и тем, кто интересуется идеологией украинского национализма, и тем, кто изучает процессы формирования украинской политической нации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Венус 2017 — Венус Г. Зяблики в летах. М.: Вече, 2017. 288 с.

Героїзм і трагедія 1996 — Героїзм і трагедія Холодного Яру: 36 матеріалів і спогадів. Київ: Б.в., 1996. 3123 с.

Горліс-Горський 2017 — Горліс-Горський Ю. Холодний Яр: академічне видання. Харків: КСД, 2017. 400 с.

Коваль 2006 — Коваль Р.М. Коли кулі співали. Київ; Вінниця: ДП «Державна картографічна фабрика», 2006. 624 с.

Ковальчук 2012 — Ковальчук М. Без переможців: Повстанський рух в Україні проти білогвардійських військ генерала А. Денікіна (червень 1919 р. — лютий 1920 р.). Київ: Видвничий дім «Стило», 2012. 352 с.

Ланскої 2021 — Ланскої Г.Н. Гражданская война на Украине: сущность, развитие, акторы // Исторический вестник. 2021. Т. 37. С. 90–133.

Посадский 2018 — Посадский А.В. Зеленое движение в Гражданской войне в России. Крестьянский фронт между красными и белыми. 1918–1922 гг. М.: Центрполиграф, 2018. 318 с.

REFERENCES

Geroizm i tragediya Holodnogo Yaru: 36 materialiv i spogadiv. Київ, without a publisher, 1996, 3123 p. (In Ukr.)

Gorlis-Gors'kij Y. U. *Holodnij Yar: akademichne vidannya*. Harkiv, KSD Publ., 2017, 400 p. (In Ukr.)

Koval' R. M. *Koli kuli spivali*. Київ, Vinnicya: DP «Derzhavna kartografichna fabrika» Publ., 2006, 624 p. (In Ukr.)

Koval'chuk M. *Bez peremozhciv: Povstans'kij ruh v Ukraїni proti bilogvardijs'kih vijs'k generala A. Denikina (cherven' 1919 r. — lyutij 1920 r.)*. Київ, Vidvnychii dim «Stilos», 2012. 352 p. (In Ukr.)

Lanskoj G. N. *Grazhdanskaya vojna na Ukraine: sushchnost', razvitie, aktyory. Istoricheskij vestnik*, t. 37, 2021, pp. 90–133.

Posadskij A. V. *Zelenoe dvizhenie v Grazhdanskoj vojne v Rossii. Krest'yanskij front mezhdu krasnymi i belymi. 1918–1922 gg.* Moscow, Centrpoligraf Publ., 2018, 318 p. (In Russ.)

Venus G. *Zyabliki v latah*. Moscow, Veche Publ., 2017, 288 p. (In Russ.).

Н. Н. Подосокорский**О РАННЕЙ СТАЛИНСКОЙ ПРОПАГАНДЕ
В ЖУРНАЛЕ «КРОКОДИЛ»**

Рец.: Юрганов А. Л. В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х — начале 30-х годов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 496 с.

Рецензируемая книга представляет собой научную монографию, посвященную становлению сталинизма в СССР. Автор — доктор исторических наук, профессор РГГУ, заведующий кафедрой истории России средневековья и нового времени Историко-архивного института РГГУ А. Л. Юрганов — взял за основу своего исследования иллюстрации популярного сатирического журнала «Крокодил» середины 1920 — начала 1930-х годов, в которых в причудливой манере нашла отражение ожесточенная борьба за власть между Сталиным и другими видными руководителями партии большевиков.

Ключевые слова: СССР, ВКП(б), Сталин, сталинизм, Троцкий, Зиновьев, Бухарин, пропаганда, журнал «Крокодил», левый уклон, правый уклон, тоталитаризм.

Сведения об авторе: Подосокорский Николай Николаевич — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф. М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН, первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН (Великий Новгород);

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

N. N. Podosokorsky

ABOUT THE EARLY STALINIST PROPAGANDA IN THE MAGAZINE «CROCODILE»

Rev.: Yurganov A. L. V krivom zerkale satiry. Kul't vozhdya partii bol'shevikov i oficial'naya satira v seredine 20-h — nachale 30-h godov. M.; SPb.: Centr gumanitarnyh iniciativ, 2022. 496 p.

The reviewed book is a scientific monograph devoted to the formation of Stalinism in the USSR. The author – Doctor of Historical Sciences, Professor of RSUH, head of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modern Times of the Historical and Archival Institute of RSUH A. L. Yurganov – took as the basis of his research illustrations of the popular satirical magazine "Crocodile" of the mid 1920s – early 1930s, in which the fierce power struggle between Stalin was reflected in a bizarre manner and other prominent leaders of the Bolshevik Party.

Keywords: USSR, UCP(b), Stalin, Stalinism, Trotsky, Zinoviev, Bukharin, propaganda, Crocodile magazine, left bias, right bias, totalitarianism.

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Научная монография выдающегося российского историка, профессора РГГУ Андрея Львовича Юрганова «В кривом зеркале сатиры. Культ вождя партии большевиков и официальная сатира в середине 20-х – начале 30-х годов» (Центр гуманитарных инициатив, 2022) основана на изучении текстов дискуссий участников внутрипартийной борьбы руководителей ВКП(б) середины 1920-х – начала 1930-х годов и пропагандистских иллюстраций популярного сатирического журнала «Крокодил», в которых эта борьба изображалась, главным образом, глазами архитектора советского тоталитаризма, генерального секретаря партии большевиков И. В. Сталина.

Несмотря на строгую документальную основу, книга построена таким образом, что она читается как увлекательный литературный текст, персонажи которого (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Сталин, Бухарин, Рыков, Томский и др.) выглядят героями высокохудожественной остросюжетной драмы. Благодаря подробному, но живому описанию значимых из-

менений атмосферы внутри ВКП(б), автором создается эффект глубокого и очень реалистичного погружения в эпоху построения тоталитарного государства в СССР.

Главное достоинство труда как раз и состоит в том, что исследователь мастерски и предельно корректно вскрывает тоталитарные практики и конкретные механизмы расчеловечивания методами пропаганды того времени, но делает это, как бы «предоставляя слово» самим изобразительным источникам. Эффективность сталинской пропаганды, как это видно из книги, заключалась вовсе не в более привлекательной для масс трудящихся идеологии или особой убедительности приводимых рациональных доводов, а в культивировании непрерывной общественной паранойи, обусловленной постоянным поиском внутреннего врага (антипартийного элемента, левого и правого уклониста, кулака, контрреволюционера, оппортуниста и проч.).

Сталинская пропаганда суперуспешно работала исключительно пото-

му, что опиралась на безотказный репрессивный аппарат и полную монополию в СМИ. Как заметил в 1926 году Лев Троцкий: «Особый вес в сталинской фракции получают специалисты по возведению беспринципности в систему» (с. 123). Любопытен и политический язык самого Сталина, который жонглировал терминами (многие из которых являлись искусственно сконструированными ярлыками, навешиваемыми на оппонентов и служащими сигналом к их травле большинством и к последующей расправе над ними) как бы не всерьез, отмечая со ссылками на Ленина «ироничность» (с. 203) тех или иных словоупотреблений, которые вполне реально, а вовсе не в шутку ломали людям их карьеры и жизни.

На протяжении почти пятисот страниц автор проводит очень яркую и захватывающую экскурсию по кругам пропагандистского ада, которая поразительно интересна и, вместе с тем, ужасающа картинками демонстративного попрания элементарных человеческих прав и свобод. Историк убедительно показывает, как за внешне смеховыми сценками из общественной жизни тех лет скрывался невообразимый страх лишиться в одночасье работы, собственности, свободы и самой жизни. Герой того времени — «человек-ветошка», который зачастую становится крушителем чужих судеб именно в силу своей интеллектуальной, профессиональной и нравственной никчемности, но и его собственная жизнь целиком зависит от малейшей прихоти другого, столь же безликого и несвободного начальника, вынужденного включаться в очередную репрессивную

кампанию в качестве палача, чтобы только самому не стать ее жертвой, отринутой умозрительным «большинством» и исключенной из советского общества и даже из числа людей (чего стоит один только термин тех лет «бывшие люди»!).

Как пишет А.Л. Юрганов: «В сатирических обличениях «Крокодила», выходявшего миллионными тиражами, мы видим кривое зеркало идеологии, желавшей убедить обычного человека в правдивости любой галлюцинации, которую Сталин считал полноценной истиной. Сила такого оружия в самом деле велика. Она зомбировавала массовое сознание таким образом, что при отсутствии других источников информации внушенная “правда” становилась единственной и во всех отношениях убедительной. Журнал “Крокодил” — один из основных источников по истории сталинизма, в таком качестве не привлекая к себе внимание. Обычно карикатуры журнала используются как иллюстрации к чему-то, что уже произошло, не хватает лишь изображений тех или иных событий. На самом деле сатирические материалы в своей совокупности были не столько иллюстрациями, сколько адаптациями принимаемых партией и лично Сталиным решений, и таким образом внедрение идеологии осуществлялось через партийные указания в презентациях всяких видов пропаганды и официальной сатиры в том числе» (с. 7).

Исследование замечательно еще и тем, что оно обладает большим гуманистическим потенциалом. Юрганов больше интересуется мотивами, переживаниями и борьбой

конкретных людей, а не голыми статистическими данными, которые сами по себе вряд ли могут что-то объяснить. Он начинает свою книгу с анализа любопытной картины художника Климента Редько «Восстание» (1925), на котором изображены советские вожди тех лет. Сталин на этой картине выглядит неказисто и вовсе не является центральной фигурой (его более «героический» портрет художник создал гораздо позже), но характерно, что уже здесь он был поставлен в один ряд с видными чекистами.

Особенностью пропаганды раннего сталинизма являлось то, что «общественному осмеянию подвергались не реальные мысли оппозиционных лидеров, а их воображаемые личные сущности. При такой идеологической проработке общественного сознания человек мог не принимать оппозицию не потому, что она мыслит ошибочно, а потому лишь, что ее уже представили в унижительных образах — в сатирическом глумлении» (с. 93). Иначе говоря, главной задачей политической сатиры была не борьба с «неправильными» идеями, а общая дегуманизация тех, кто в данный, конкретный момент мешал решать политические задачи. Это расчеловечивание в конечном счете как бы оправдывало любое проявление ненависти и физического насилия по отношению к враждебному элементу, низведенному до уровня карикатуры.

Нередко были и случаи, когда оппозиции приписывались выдуманные тезисы, которые затем высмеивались в официальной печати (использовать же свои типографии и неподцензур-

ные издания оппозиции запрещалось, поскольку это воспринималось как проявление внутривластного раскола и нелегальная, подрывная деятельность), как это, к примеру, произошло с тезисом о «мирном вращении кулака в социализм», ложно приписанном Н. И. Бухарину (с. 354). Особая пикантность ситуации состояла в том, что большинство ярлыков (вроде пресловутого «кулака») также толковались весьма расширительно и применялись в политических инвективах произвольным образом. Бухарин лишь разводил руками по этому поводу: «Нас тянут к примитивным постановкам вопроса, годным для пионеров, а не для руководителей хозяйственной политики» (с. 355).

Очень подробно в книге рассмотрена борьба с партийными «уклонами» — при помощи этих хитрых идеологических конструкций Сталин смог одержать верх над другими партийными лидерами и утвердить собственное мнение как выражение генеральной линии партии. Сам этот термин «генеральная линия», как отмечает автор, «стал принадлежать генеральному секретарю» с апреля 1929 года, когда Сталин «начал большой поход против правых» (с. 248).

Суть сталинского подхода состояла в том, что от членов партии не просто требовалось полное согласие с этой «генеральной линией», но публичный энтузиазм в ее поддержке и одновременно неистовая, беспощадная критика любого, кто имеет личное мнение даже по отдельным, второстепенным профессиональным вопросам или просто соглашательски молчит. «Помимо

двух уклонов, левого и правого, был еще один уклон — примиренчество. Борьба с этим явлением шла с размахом. Сталин культивировал это понятие, чтобы заставить подчиняться генеральной линии партии беспрекословно, не раздумывая. Если человек говорил, что он нейтрален, то это означало, что он скрывает от партии правду и не готов бороться, например, с правым уклоном, не говоря уже о троцкизме» (с. 212).

В 1929 году, в разгар кампании против «правого уклона» в партии наметилась еще одна тоталитарная тенденция: отныне преступным считалось говорить «в неуважительном тоне о членах Политбюро и о генеральной линии партии в частных беседах» (с. 359). Стиранием ощутимых границ между частным и общественным, в том числе, занималась и «крокодилская» пропаганда.

Еще один выверт тоталитарного сознания, обнаруживший себя в период т.н. кампании «самокритики»: «Одна из самых удивительных метаморфоз состояла в том, что понятие “критика” довольно часто, хотя и не всегда, означало критику себя, а самокритика относилась к критике мыслей и действий других людей» (с. 282–283). Как поясняет историк: «В мире криво зеркальных отражений идеологических постулатов рождалась какая-то своя субкультура, ее можно даже условно назвать народным сталинизмом» (с. 283).

Примечательно, как по мере роста реального влияния Сталина в партии и госаппарате менялись его изображения и упоминания в «Крокодиле». На рисунке «Одним работа —

другим дискуссия», опубликованном в 38-м номере за 1927 год, Сталин изображен почти великаном, а стоящий рядом с ним Бухарин — коротышкой, «хотя в действительности Сталин и Бухарин были примерно одного, небольшого роста, чуть более 160 см» (с. 157). В очерке, появившемся на страницах 36-го номера в 1928 году содержится уже характерная фраза, которая одновременно и комическая, и предостерегающая: «Ах ты!.. — говорю. — Да как же ты смеешь про товарища Сталина слова рассуждать: разве это твоего дурацкого ума дело?!» (с. 291).

Собственно многие сатиры тех лет имели двойное дно: пропаганда пыталась адаптировать и обосновать для массового сознания те или иные актуальные политические тезисы, но за самыми разными «забавными» шаржами и вымышленными диалогами сквозил общий страх и ощущение полного бесправия отдельного человека перед системой. Любые мещанские радости советского гражданина (новый костюм, покупка мебели, хорошая еда, отдых на море и т.п.) подавались как нечто постыдное и едва ли не преступное на фоне выполнения великих задач, стоящих перед страной и партией.

Пропаганда методично вдалбливала в массовое сознание ощущение тотальной вины из-за несоответствия некоему иллюзорному идеалу партийца (причем этому психозу были подвержены отнюдь не только большевики). Как замечает Юрганов, через невозможность «реализации себя в полном обезличивании рождается страх от того, что всякий человек, не потерявший свое лицо и личные

интересы, всегда виноват, всегда не достоин партийного идеала» (с. 412).

Однако самобичевание из-за недосягаемости идеала постоянно подпитывалось суровыми наказаниями за малейшие оплошности на работе или в общественной жизни. В докладе Ем. Ярославского 1929 года прослеживается мысль, что «за одно и то же состояние человека может следовать как прощение, так и наказание». Юрганов отмечает, что «пафос партийных текстов по проведению чистки [то есть по сути репрессий — Н.П.] можно уподобить духу кафкианского процесса, который неумолимо заставлял человека думать о своей вине, не зная ее в точности, о наказании, не зная будет ли оно, об ответственности, не ведая, какова она...» (с. 393–394). Нет никакой возможности описать всю чудовищность проводимого террора, но приведу для наглядности один поразивший меня в книге пример *распространенного* отношения к людям.

В вышедшем в 1929 году сборнике директивных статей и материалов под редакцией Ем. Ярославского «Как проводить чистку партии» была опубликована статья А. Сольца «К чистке», в которой он, как один из руководителей репрессивной кампании, рассказал об отдельных «перекосах» в деятельности проверочных комиссий: «В Белорусском военном округе партийная организация по непроверенным слухам о недостойном поведении и антисоветских настроениях жены командира взвода Калько заставила его развестись с ней. Как т. Калько ни упирался, как ни доказывал, что обвинения ничем не подтверждаются, организация настаивала на

своем. А т. Калько был выдержанным партийцем и отличным командиром; он 2 года провел на фронте пулеметчиком и с 1918 г. по сие время в Красной армии; он был и секретарем эскадронной ячейки до 1928 г. тов. Калько подчинился решениям организации и развелся с женой. В результате жена выстрелами из револьвера убила его и себя. Когда стали более тщательно разбирать дело, все обвинения против жены Калько оказались вздорными» (с. 396–397).

Атмосферу общей паранойи существенно дополняют сатирические изображения «мыслепреступлений» советских граждан: осмеянию и осуждению подвергались те, кто формально не нарушал ни законы, ни устав, ни дисциплину, но при этом все равно воспринимался как чужой. В «Крокодиле» в связи с этим регулярно публиковался т.н. «альбом нечистых», разоблачающий тех, «кто допускает всякие сомнения в отношении самой очистительной процедуры» (с. 416–417).

Книга богато иллюстрирована, но, к сожалению, в ряде приведенных иллюстраций из «Крокодила» текст расплывается, и его невозможно прочесть. Наверное, эту проблему можно было бы решить, если бы книга вышла не в обычном, а в увеличенном формате, или если бы микроскопический текст уменьшенных копий рисунков журнала был распознан и дополнительно воспроизведен в качестве подписи к изображениям. Ряд же иллюстраций в книге зачем-то дублируются (например, иллюстрация на 130-й и 243-й страницах или другая — на 384-й и 441-й страницах).

Чего не хватает в этом труде? Несмотря на то, что исследование посвящено специальной проблеме, иногда создается ощущение, что препарируемые пропаганда и внутрипартийная борьба как бы оторваны от общественно-политической жизни в стране в целом. То есть может показаться, что все эти репрессии развивались исключительно по собственной логике борьбы за власть и практически никак не соотносились с обстановкой в государстве и мире. Иначе говоря, книга больше адресована читателям, уже имеющим общее представление о том, чем реально жили люди в то время, и потому автор сосредоточился на изучении сатирической пропаганды как инструмента установления власти Сталина над партией и на попытках его оппонентов этому противостоять.

Хотя в ряде мест книги автор как раз пытается (и успешно!) избежать такого рода спрямления и умело показывает связь ситуации в ЦК и Политбюро с тем, что происходило в СССР с точки зрения не только партийных функционеров, но и рядовых граждан. Например, отдельного внимания заслуживает вот этот фрагмент: «Переход от сложной экономики нэпа к примитивной экономике военно-коммунистического типа, о чем с беспокойством говорил Н.И. Бухарин на пленумах ЦК ВКП(б), требовал примитивных исполнителей, тех, кто готов был выполнить любой приказ без рассуждений. Всего было три категории вычищаемых. Первая категория предполагала лишение всех прав на пособие, работу; людей, причисленных к этой категории, выселяли из квартир. Фактически их делали врагами советской власти — превращали в «бывших людей».

Вторая категория вычищаемых позволяла трудоустройство в другом месте, в другом учреждении, но изменить меру пресечения уже нельзя — это клеймо; третья категория вычищаемых означала чаще всего снижение в должности. Персональной чистке предшествовала деятельность «рабочих следователей» по сбору компромата на тех, кто вызывал подозрение. Подозревали прежде всего тех, кто был выходцем из привилегированных слоев общества, кто был когда-то враждебен по отношению к советской власти, кого подозревали во вредительстве и т. д.» (с. 423–424).

Приведенный выше текст сопровождается в книге наглядной иллюстрацией из «Крокодила», на которой изображена супружеская пара с маленьким ребенком, спрашивающим отца: «Папа, скажи, почему тебя и маму называют “бывшими людьми”?, — ведь вы же и сейчас живы!» (с. 424). Заголовок этого поучительного текста соответствующий: «Ребенку не понять...»

В предисловии к монографии было бы также не лишним дать краткую общую характеристику журнала «Крокодил» рассматриваемого периода (кто его возглавлял, что из себя представляли в личном плане авторы рассказов и рисунков, как менялся тираж издания в эти годы и т. п.) — это кстати позволило бы избежать многочисленных повторов в тексте, что журнал выходил большим, огромным, громадным, миллионным тиражом (с. 134, 160, 242, 493 и т. п.).

Книга А.Л. Юрганова не просто умна и интересна, но и очень актуальна,

поскольку невозможно не увидеть усиления тоталитарных тенденций и в современном мире (как в России, так и на Западе), и они, как и тогда, вбиваются в массовое сознание во многом через средства пропагандистского искусства и аппарат принуждения, репрессирующий тех, кто не желает соответствовать «генеральной линии» по тем или иным вопросам. Историк показывает, что тоталита-

ризм не возникает одновременно (везде и сразу), что он разворачивается постепенно, затрагивая все новые и новые сферы жизни, и что в его построении и насаждении сперва участвуют политики и пропагандисты, а затем (вынужденно или добровольно) и все общество, верящее, что оно вовсе не нападает на невинных, но лишь защищает высокие идеалы от унижения и осквернения.

Л. Р. Хут

САМОСТОЯНИЕ, ИЛИ «ЧЕЛОВЕК СТОИТ СТОЛЬКО, СКОЛЬКО СТОИТ ЕГО СЛОВО»

Размышления о книге: Ефросиния Керсновская. Сколько стоит человек. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2021. 800 с.

В хрониках ГУЛАГа воспоминания Е. А. Керсновской, урожденной дворянки, занимают особое место. Это подробная, хорошо иллюстрированная авторскими рисунками, беспощадно откровенная и жесткая до жестокости история о практиках выживания в невыносимых условиях, когда самостояние становится осознанным и единственно возможным выбором. Это история, пережитая и рассказанная женщиной.

Ключевые слова: Е. А. Керсновская, хроники ГУЛАГа, историческая память, гендерная история, эго-история.

Сведения об авторе: Хут Людмила Рашидовна, доктор исторических наук, независимый исследователь (Маикоп).

Контактная информация: ludmila1302@mail.ru

L. R. Khut

SELF-STANDING, OR «A PERSON IS WORTH AS MUCH AS HIS WORD IS WORTH»

Reflections on the book: Euphrosinia Kersnovskaya. How much does a person cost. M.: Ko-Libri, Azbuka-Atticus, 2021. 800 p.

In the chronicles of the Gulag, the memories of E. A. Kersnovskaya, a born noblewoman, occupy a special place. This is the detailed, well-illustrated by the author's drawings, mercilessly frank and cruel to the point of cruelty, a story about the practices of survival in unbearable conditions, when self-reliance becomes a conscious and the only possible choice. This is a story lived and told by the woman.

Key words: E. A. Kersnovskaya, Gulag chronicles, historical memory, gender history, ego history.

About the author: Khut Ludmila Rashidovna, Doctor of Historical Sciences, independent researcher (Maikop)

Contact information: ludmila1302@mail.ru

© Л. Р. Хут, 2022

DOI 10.31754/2410-1419-2022-4-305-315

Ефросиния Антоновна Керсновская (1908–1994) прожила долгую жизнь, почти столько, сколько мой отец (он ушел на 90-м году). Эта жизнь, с одной стороны, вместила в себя невозможное количество боли, страданий, несправедливости, а с другой — такое же невозможное количество мужества и беспримерной стойкости.

Сейчас кажется невероятным, но история автора книги воспоминаний, о которой пойдет речь, в свое время прошла мимо меня, хотя о ней много писали и говорили. В 1990-е гг. популярнейший журнал «Огонек» опубликовал статью В. Вигилянского «Житие Ефросинии Керсновской» (*Вигилянский* 1990: 14–16) и ее рисунки, а журнал «Знамя» — большие фрагменты авторского текста. Для меня же все началось несколько месяцев назад, т.е. с большим временным лагом, когда, прислушавшись к доброму совету, я посмотрела документальный фильм Алексея Пивоварова «Комикс из Гулага. История Евфросинии Керсновской, автора уникальной тюремной хроники» (*Пивоваров* 2022) о жизни и судьбе дворянки и многолетней узницы ГУЛАГа. Только за первые три месяца после появления в YouTube он набрал более 2 млн просмотров. Это поразительное неигровое кино, основанное на мемуарах самой героини, смотрится на одном дыхании.

А теперь вот у меня в руках — объемистый том воспоминаний Керсновской (*Керсновская* 2021; далее — сноски на текст воспоминаний в круглых скобках без упоминания фамилии автора). Кажется, то, что она пережила, не под силу никому — ни мужчине, ни женщине, а она и пе-

режила, и выжила. А еще «нарисовала» свою жизнь — и словами, и в буквальном смысле.

Лейтмотив книги, написанной в память о самом близком человеке — Александре Алексеевне Керсновской (Каравасили) (1878–1964), маме героини, преподавательнице иностранных языков, — «Ne me quitte pas!» («Не покидай меня!»), наверное, потому, что одного за другим автор теряла самых близких своих людей — членов родительской семьи (а своей у нее никогда не было): сначала отца, юриста-криминолога Антона Керсновского, потом, в период Второй мировой войны, старшего брата Антона Керсновского-младшего (1905–1944), выдающегося военного историка русского зарубежья. Керсновская напишет свои воспоминания ради мамы, с которой воссоединится через много лет, но мама не успеет их прочитать, а она не расскажет самому дорогому в ее жизни человеку, чем были наполнены те годы, которые они провели вдали друг от друга.

Как уже было отмечено, это не первая публикация мемуаров Е. А. Керсновской. Работа над текстом данного издания осуществлялась в сотрудничестве с создателями интернет-проекта «Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек» (О проекте «Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек», 2022), на котором находится полная версия воспоминаний и все авторские рисунки.

Сразу скажу, что читала текст не «по диагонали», а вчитываясь в каждое слово. Долго. Правильнее сказать, я его медленно «пила», раз за разом не переставая поражаться тому, что

моя жизнь, успевшая пересечься (по времени, только, к сожалению, по времени!) с жизнью моей героини, так отличалась, так не похожа была на ее жизнь, даже когда мы функционировали в одном времени и пространстве.

Книгу, о которой идет речь, подготовили к публикации хранители наследия Е.А. Керсновской — Игорь Моисеевич Чапковский и Галина Васильевна Атмашкина. Это 800-страничный текст, набранный мелким шрифтом, состоящий из Пролога, 12 частей, или «тетрадей», а также сведений об авторе. На обложке книги — черно-белое фото героини, много говорящее о ее характере. Отдельно следует сказать о двух дополняющих текст больших вкладках — принадлежащих автору цветных рисунках с подписями, выполненными каллиграфическим почерком. Сама героиня предстает на этих рисунках в образе угловатой девушки-подростка, больше похожей на мальчика, в разных, чаще драматических, обстоятельствах. Из семи сотен таких рисунков из авторского архива в книгу вошли 32.

Нельзя не обратить внимания на дробность текста: каждая из его 12 частей («тетрадей») разбита на небольшие сюжеты, и все они имеют заглавия, раскрывающие не только смысловое содержание конкретного фрагмента, но часто и авторское отношение к нему: «Роковой год...», «...И — роковой день...Начало “новой эры”?», «Мама и я...помещики?», «Всё “слава ли Богу?”», «Проекты, расчеты — наивные до слез!», «О tempo, o mores!», «Верный пес», «Вандалы еще не перевелись», «Ни-

чего не понимаю!», «Где правда?», «Лгать и молчать», «Мой компас размagnetился», «Тюремные будни», «Одна из отвратительнейших процедур — шмон», «Первые политические женщины на моем пути», «Враг номер один — честный труженик», «Судебная комедия», «Круги ада», «Сифилитики и лагерная философия», «Я начинаю присматриваться к советским людям» и др.

Керсновская легко оперирует сведениями из разных областей знания: истории, лингвистики, литературоведения, агрономической науки, медицины, шахтерского дела. Текст полон цитат и аллюзий. Автор легко переходит с одного языка на другой (французский, немецкий, румынский, английский, испанский, итальянский, латинский), от исторических к литературным и мифологическим персонажам. Пророчица Кассандра, библейский царь Соломон, Тиль Уленшпигель, Жанна д'Арк, Александр Радищев, Шамиль, князь Андрей Курбский, Зевс-громовержец, бог Гермес, доктор Фауст, декабристы очень органично присутствуют в авторском повествовании.

Ефросиния Антоновна родилась в Одессе 24 декабря 1907 г. (по новому стилю 6 января 1908 г.). В ее жилах смешались польская, австрийская, греческая кровь. Во время Гражданской войны, в 1919 г., семья бежала в Бессарабию, где прежде жили ее предки по отцовской и материнской линии. Керсновские поселилась в родовом имении, в деревне Цепилово, близ города Сороки.

Тетрадь 1 «В Бессарабии» (С. 10–105) начинается со слов: «Прежде

я никогда не плакала» (С. 10). Это о тяжело пережитой смерти отца (1936), об обременениях, упавших на плечи его дочери в связи с необходимостью заботиться о хозяйстве и выплачивать все семейные долги, о том, как невольной Ефросиния стала главой ее с мамой маленькой семьи. Своим трудом она поднимала пришедшее в упадок хозяйство.

Повествование соткано из самых разных сюжетов. Его основную канву составляет жизнь героини, рассказанная от первого лица, но параллельно много сведений об истории тех мест, куда в разные периоды жизни ее забрасывала судьба, людях, на этом пути встреченных. Так, например, в первой тетради, помимо прочего, рассказывается о географии, этнографии, языковых практиках Бессарабии (С. 25–26).

Когда все только начало налаживаться, в июне 1940 г., в соответствии с секретным протоколом к советско-германскому договору о ненападении от 23 августа 1939 г., на территорию Бессарабии были введены части Красной Армии, после чего была образована Молдавская ССР. «Помню только, что я с душой тянулась навстречу этим людям: ведь это были свои, русские. Не осточертевшие румыны» (С. 14).

Советские войска были встречены хлебом–солью, как освободители. Формально Керсновская была помещицей («барыней»), но фактически ее можно назвать «крепким хозяином». Она наравне трудилась вместе со своими наемными работниками. А потом, после прихода советских войск, потеряла все и стала батра-

чить на чужих людей. «Даже будучи батраком, я оставалась в душе хозяином. Пассивная роль не для меня. Долгие годы, дальние края, голод и неволя не смогли изменить того, что всегда было моим лозунгом: если что-либо делать, то делать хорошо» (С. 51).

Постепенно Керсновская начинает присматриваться к советским людям, прежде всего, к русским солдатам, и собственные открытия обескураживают ее: «...это не те русские солдаты, которые своим бравым видом всегда и всем импонировали» (С. 64). А еще ей совершенно непонятны истории про голод на Украине: «Хотя мы жили у самой границы, но не имели ни малейшего представления ни о голоде начала 1920-х годов, ни о катастрофическом голоде 1933-го. Вот я, например, читала об этом в газетах, но до сознания не доходило, что на Украине, бывшей всегда русской житницей, мог быть голод!» (С. 64–65).

Вскоре семья Керсновских попала под полную конфискацию имущества в статусе лишенцев. Дочери удалось отправить мать к родственникам в Бухарест, прежде чем сама она, вместе с большой группой бессарабцев, была выслана в Сибирь (13 июня 1941 г.). С этого момента почти два десятка лет в ее жизни была одна лишь борьба за выживание.

В тетради 2 «Исход, или Пытка стыдом» (С. 106–132), в которой речь идет об обстоятельствах высылки, основное внимание уделено достаточно щекотливому вопросу — практикам женской телесности, о которых сегодня много говорят и пишут,

но которые в период работы Керсновской над мемуарами были табуированы, особенно практики женской телесности в ситуации несвободы. Об этом, как правило, неохотно писали и говорили в своих мемуарах и участницы Великой Отечественной войны, и узницы ГУЛАГа. Удивительно, но Керсновская не только не обходит эту тему стороной, но и посвящает ей отдельную тетрадь, полную шокирующих подробностей: «...в телячьем вагоне...в стене прорезано отверстие со вделанной в него деревянной трубкой, которая будет нашей первой пыткой — хуже голода и жажды, так как мучительно стыдно будет пользоваться на глазах у всех такого рода нужником» (С. 106). Потом она еще не раз вернется к телесности по ходу своего повествования, живо напоминая мне полные драматизма страницы художественных текстов национальных писателей современной России, в частности, чеченца Канты Ибрагимова («Прошедшие войны», «Маршал») и татарки Гюзели Яхиной («Эшелон на Самарканд»).

Как «курьезный факт самозащиты организма», Керсновская упоминает прекращение у нее менструаций на последующие четыре года (С. 138). Она не утаивает отвратительные детали, рассказывая о проституции среди малолеток, не старается смягчать углы (С. 298–301). Говоря про однополую лагерную любовь «с ревностью, поножовщиной и убийством» (С. 409), Керсновская уточняет: «В женском лагере «супружеских пар» куда больше, чем в мужском. Хотя в мужских лагерях гомосексуализм — явление куда более обычное, чем лесбиянство у женщин,

но пары — явление редкое» (С. 566). Невероятная вспышка венерических заболеваний, порожденных войной, в ситуации, когда «у всех были любовницы» (С. 631) — всего лишь одна из граней этого драматического контекста.

Автор не скрывает, что в ее жизни не было отношений, которые можно было бы назвать любовными, а потом вообще признается: «Я *virgo*...» (С. 636). Только один раз на страницах воспоминаний прорывается фраза: «Первая, последняя...единственная ласка за все долгие годы, вплоть до того дня, когда меня поцеловала моя старушка» (С. 548). Это когда доктор лагерной больницы поцеловал ее в лоб.

Одна из самых тяжелых для чтения — тетрадь 3 «Вотчина Хохрина» (С. 133–182), внешне беспристрастный рассказ о том, как началась для Керсновской жизнь в Сибири, в Нарымском крае, на валке леса. Один за другим перед глазами встают образы жертв системы — людей разного чина, звания, политических взглядов или их полного отсутствия, этнической принадлежности — с одной стороны, и их палачей — с другой. Ужас ситуации состоял в том, что для многих сосланных из «добровольно присоединенных» перед войной территорий СССР был вымечтанным раем на земле. Раем, который вдруг оказался адом. Революционеры и советофилы, интеллигенты, верившие в непоколебимость нравственного выбора между добром и злом, в одночасье превратились в запутавшихся и испуганных детей, не понимавших, что происходит. Сибирский быт сосланных описан кратко, но емко:

«темно, грязно, воняет, все копошится и шуршит» (С.146); «жизненные советы» от «бывалых» («философия старика Лихачева») — тоже: «...никогда и ничем не делись!» (С. 149). Впрочем, она никогда им не следовала. Контрасты лесоповального бытия представлены сценой, случайно увиденной глазами Керсновской. Это картинка из жизни маленького местного начальника, в которой, в противовес жизни на грани выживания, за тазом [именно тазом. — Л.Х.] собралась вся семья: «...отец, здоровенный рыжий толстяк, весь лоснящийся от жира, и пять или шесть карапузов — налитых крепышей... Мать также крепкая, толстая и мордастая». И апофеозом: «В тазу лапша с бараниной, вся плавающая в жире» (С. 139).

Керсновская много размышляет о том, в какой степени советское общество можно назвать «бесклассовым». Она приходит к выводу, что в СССР «не только существуют резко разграниченные классы, но и между этими классами, верней, кастами глухая стена враждебности и недоверия». Социальная лестница, по Керсновской, выглядит следующим образом: «господствующий класс», или «класс угнетателей» (те, кто руководил «великим переселением народов» в телячьих вагонах из Бессарабии в Сибирь, а еще из Литвы, Латвии, Эстонии); «вольные» (потомки преступников, женившиеся на татарках и представительницах северных таежных народностей); «ссылные 30-х годов» (большинство — с Украины). В отдельную группу («"класс", оставшийся для меня загадкой») она выделяет молодежь 17–18 лет, в которой чув-

ствовала «порода» — в чертах лица, посадке головы, тонких руках с длинными пальцами или умении петь романсы, речи с книжными оборотами и неожиданными для тайги словами, что, впрочем, не мешало «породистым» развратничать на глазах у всех. Керсновская задается вопросом, были ли это выросшие дети ссыльных, разлученные в детстве с родителями? На него у нее нет ответа (С. 125–126, 141–143).

Суйгинский леспромхоз с его начальником Хохриным — это на самом деле микросрез советской действительности: «Для нас “царь и бог” был Хохрин, и мы, совсем беспомощные, были отданы на его милость» (С. 153). Это «садист, к тому же помешанный...» (С. 153), человек с «трупными глазами» (С. 166), написавший на Керсновскую 111 (!) доносов (С. 158). В сюжете «Я не убийца» (С. 181–182) автор пытается объяснить с читателем, почему свое намерение лишить жизни учителя она, в конечном счете, не осуществила. Невыносимые условия жизни на лесозаготовительных пунктах Нарыма, на грани физического истощения и голодной смерти, заставили Керсновскую совершить побег.

Тетрадь 4 «Сквозь Большую Гарь» (С. 183–270) повествует о скитаниях после бегства из вотчины Хохрина, начавшихся с мыслью о самоубийстве и завершившихся попаданием в руки властей. Один из самых сильных эпизодов этой части — о том, что может и чего не может съесть голодный человек. Впервые я услышала его из уст российской актрисы Юлии Ауг в упомянутом документальном фильме: «Если кто-нибудь желает

знать, чего не может съесть голодный человек, то могу сказать: я не могла съесть клюв, когти и маховые перья. Кости я раздробила, изгрызла и съела. Осколки ранили мне рот, я глотала их вместе со своей собственной кровью» (С. 234). Полгода Керсновская скиталась по Западной Сибири, прошла путь в 1500 км и была арестована.

Самая объемная часть воспоминаний — тетрадь 5 «Архив иллюзий» (С.271–386). Мы погружаемся в размышления автора о правах личности, о том, что она называет «академической свободой» каждого — праве «думать, говорить, писать и читать то, что он считает правдой, и имеет право убеждать каждого в том, что он считает разумным и справедливым» (С. 312). Здесь же речь идет такой базовой человеческой эмоции, как страх: «Кто боится, тот пресмыкается. А кто пресмыкается, тот ненавидит. Но из ненависти не рождается ничего, кроме зла и лжи» (С. 313). К страху автор не раз будет возвращаться в своих мемуарах: «...меня не удалось превратить в полураздавленного червяка, извивающегося в смертельном страхе» (С. 431); «храбр не тот, кто не боится, а тот, кто умеет побороть страх» (С. 433). Страшны страницы воспоминаний о том, насколько измученный голодом человек теряет остатки человеческого в себе: «...на скудной вытоптанной траве стоит на четвереньках профессор Колчанов; все тело его сотрясается — его рвет... Когда рвотные спазмы прекращаются, он сгребает с земли то, чем его вырвало. И вновь отправляет все это в рот...» (С. 363). Керсновскую приговорят — совершенно оруэлловская формулиров-

ка — «...к высшей мере социальной защиты — расстрелу» (С. 320), впоследствии замененному на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и 5-летнее поражение в гражданских правах.

В 1943–1944 гг. будущая мемуаристка каторжно трудится то в бондарном цеху, то на строительстве авиационного завода, то на свиноферме, пока ей не предъявляют новое обвинение, в соответствии с которым отбытые ею 2 года лагерей не засчитываются. О работе на свиноферме Керсновская рассказывает в тетради 6 «Строптивый ветеринар» (С. 387–436). Из особенно запомнившегося: «...если в нашей стране кого-нибудь ненавидят и презирают всей душой, то это честного, добросовестного труженика. Это враг номер один» (С. 399). А еще про т.н. судебные власти, которым «надо как-то оправдать свое присутствие в тылу, вернее, свое отсутствие на фронте. Для этого и нужна их судебная деятельность, это и есть их фронт в глубоком тылу» (С. 409). Именно в этот период лагерной жизни, как много позже узнает Керсновская, в Париже, «от последствий ранения в грудь, осложненного туберкулезом» (С. 434), умер ее единственный брат.

Потом Керсновская работала в норильском Горстрое, где из-за травмы ноги получила общее заражение крови и после выздоровления осталась медсестрой в лагерной больнице. Этому периоду ее жизни посвящена тетрадь 7 «Оазис в аду» (С. 437–512). Она так называется потому, что работа в больнице, при всей ее изнурительности, стала для Керсновской спасением. По крайней

мере, она находилась в окружении врачей, которые могли, при необходимости, оказать ей хоть какую-то медицинскую помощь. И опять самообразование — стремление постичь азы профессии медика и идти дальше, скрупулезное внимание к врачебным практикам, с которыми она соприкасается в жизни. Однако и в тюремной больнице — свои подводные течения и камни. Волею обстоятельств Керсновскую переводят на работу в морг. В тетради 8 «Иногородное тело» (С. 513–556) — новые ужасающие подробности лагерной жизни, уже из перспективы последнего земного пристанища умершего человека.

Встретив в неволе начало Великой Отечественной войны, Керсновская в неволе же, как и другие узники, узнала о ее окончании. С 1947 г. ее, по собственному желанию, перевели работать в шахту, где она в разные годы трудилась навалотбойщиком, канатчиком, скреперистом-проходчиком. В тетради 9 «Черная роба или белый халат?» (С. 557–654) она объяснит свой выбор следующим образом: «Под землей мы все равны» — это было как бальзам на мою израненную душу. Я этому верила, потому что хотела верить» (С. 571). На практике все оказалось далеко не так радужно, как представлялось. Тем не менее, Керсновской удалось освободиться на 2 года раньше, в 1952-м, но, имея поражение в правах на 5 лет, она осталась в Норильске, в шахте. В этой части воспоминаний запомнился рассказ про т.н. «бандеровок» — украинских женщин, обвиненных в пособничестве националистам: «Настоящей бандеровкой, боровшейся с оружием в руках, была

одна Галя Галай, остальные — самые обыкновенные деревенские девчонки. Их целыми семьями судили за то, что кто-то из них «знал и не донес» на брата, отца, жениха-самостийника. Или хлеба дали, крынку молока, или рану перевязали какому-то бандеровцу, скрывавшемуся в лесу» (С. 607).

В тетради 10 «Под “крылышком” шахты» (С. 655–676), продолжая рассказ о шахтерских буднях, Керсновская упомянет о 5 марта 1953 г. — дне смерти Сталина, о том, как по команде «все превратились в “убитых горем” идолопоклонников» (С. 658). Пронзительный сюжет о надежде заключенных на пересмотр их дел после смерти Сталина, подготовке петиции, подписанной генералами, адмиралами, политработниками и чудом уцелевшими защитниками Брестской крепости, о последовавшем массовом расстреле «подписантов», в числе которых были десять из двенадцати героев Брестской крепости, завершает горькая авторская констатация: «Весна была жестока и неосторожна к ласточкам» (С. 663).

Только через несколько лет, в 1957-м, взяв отпуск и поехав в Цепилово, Керсновская узнала о том, что ее мама, возможно, жива и находится в Румынии. Первая встреча с матерью произошла в 1958 г., но лишь через два года они окончательно воссоединились и, поселившись в Эссендуках, прожили вместе до маминой смерти в 1964 г. Этому периоду жизни посвящены тетради 11 «На вершине» (С. 677–716) и 12 «Возвращение» (С. 717–793). В общей сложности в Эссендуках Ефросиния Антоновна прожила 33 года. После

того, как у нее случился инсульт, уходом за ней занимались члены семьи И. М. Чапковского.

История Ефросинии Антоновны Керсновской, рассказанная ею самой, — это история про параллельную реальность, которая была и которую многие мои соотечественники, включая меня, не знали или знали лишь по каким-то текстам или понаслышке. А эта реальность была не просто пугающей, а страшной, потому что в ней мог выжить и не сломаться только очень сильный человек. Когда все надежды растаяли как дым, у Керсновской осталась только вера в себя как одного в поле воина. «Странностью покажется ее беспредельная честность» (Зорин 2012), — напишет о ней поэт А. Зорин. Да, честность, граничащая с гордыней. Железобетонная твердость. Этим Керсновская напоминает мне еще одну великую нашу современницу — Валерию Ильиничну Новодворскую. Всем нам — и тем, кто был далеко от нее, и тем, кто стоял совсем близко, действительно казались странными и ее несгибаемость, и ее девство — в буквальном и переносном смысле слова.

Из поразившего в воспоминаниях Керсновской. Во-первых, какая-то болезненная вера автора в справедливое устройство жизни и — до определенного момента — в советский строй (С. 71) и «страну победившего социализма» (С. 473). Вот это вот расхожее клише про «страну победившего социализма», которое у Керсновской в кавычках, я, помнится, произносила и писала во второй половине 1960-х, будучи ученицей начальных классов и пере-

писываясь со своими сверстниками из-за рубежа, из сателлитов СССР — ГДР и НРБ. И я верила, что «страна победившего социализма» реально существует, и эта страна — моя Родина. Во-вторых, как бы мимоходом оброненные фразы, звучащие пугающе злободневно, например: «В каждой стране свои законы. Они в каждой стране разные, как и сами страны разные. Но всюду живут люди. Сами живут и другим не мешают жить в своем доме, в своей семье, где дети слушают родителей и верят им. Те, в свою очередь, учились у дедов своих. А вот в одной стране все наоборот: хотят, чтобы люди на головах ходили и чтобы яйца курицу учили...» (С. 78). Или в другом месте: «...интересуешься ли ты политикой или нет, но если ею руководит клика жестоких, бездушных и вдобавок глупых людей, то перед их жестокостью, порожденной страхом, ты бессилен. И тогда — горе тебе!» (С. 96). И совсем болезненное: «Люди не боятся быть доносчиками — они боятся оказаться недоносителями» (С. 659).

Еще о важном. Рефлексия нашего сегодня во многом строится вокруг принятия или непринятия категории «надежда». Надо ли нам на что-то надеяться? Можем ли мы надеяться? Надеяться — это действовать или сидеть и ждать, когда все каким-то образом, без нашего участия, само образуется? Керсновская тоже ищет ответы на эти вопросы, и первый ее вывод суров: «Человек надеется на лучшее, исходя из того, что хуже быть не может! [...] «Надежда — вольности сестра»... Нет, сестра глупости, равно как и доверчивость» (С. 110). Не могу не вспомнить, как недавно, на вручении премии имени Анны

Политковской, известная российская журналистка Катерина Гордеева произнесет практически те же слова о том, что она больше никогда не унизит себя надеждой («Я верю, что нельзя убивать людей» — 2022). Но в другой части мемуаров Керсновская смягчает свою позицию: «Говорят, что самая ужасная из моральных пыток — это пытка надеждой; с другой стороны, без надежды нет и жизни. Мне же кажется, я считала: надеяться не на что, но попытаться можно» (С. 186).

Что меня царапнуло в тексте? Пожалуй, авторские уничижительно-пренебрежительные проговорки в сюжетах о евреях: «...глупого еврея в природе найти так же сложно, как и медленного зайца!» (С. 65); «еврейчик» (С.92); «паршивый жиденок» (С.92); «прокурор-еврейчик» (С. 317). Не знаю и не могу судить, с чем это у героини связано.

Что заставило поискать дополнительную информацию благодаря мемуарам Керсновской? Несколько раз в них встречаются вкрапления, сопряженные с этнонимом «черкес». Непонятный город Черкесск в Нарымском крае (С.131, 137). Как я ни старалась, никакого Черкесска обнаружить в этом историко-географическом регионе на территории нынешней Томской области РФ мне не удалось. Зато нашлась деревня Черкасск (ранее — Черкасов) в Тюхтетском районе соседнего Красноярского края с населением 22 чел. (по переписи 2010 г.). Торгаевский балаган, якобы когда-то построенный «черкесским охотником Тор-

гаевым» (С. 144) вызывает в памяти черкеса Ибрагима-оглы из романа В. Я. Шишкова «Угрюм-река». В тексте еще появляется уголовник Жуко Байтоков — «не то чеченец, не то кабардинец», сидевший якобы за неумышленное убийство и работавший при морге (С. 517, 547).

Керсновская — это, конечно, высота. На уровне святости. Вот это вот всё и обозначается сильнейшим русским словом САМОСТОЯНИЕ. Не я одна сегодня ищу опоры в подобного рода смотрени и чтении, чтобы каким-то образом соотносить проживание–переживание собственной судьбы с траекториями жизни тех, на чью долю выпали гораздо более тяжелые испытания, и кто все это выдержал, не сломался, перемог. Это текст–лекарство с двойным действием. Он сначала подавляет и парализует, а потом, наоборот, дает силы жить. Керсновская не просто была узницей ГУЛАГа, она его победила. На вопрос, сколько стоит человек, на страницах своих мемуаров автор отвечает трижды, практически одними и теми же словами: «...столько, сколько стоит его слово» (С. 320, 511, 654). По прочтении текста я бы эту мысль продолжила так: «...столько, скольким другим человекам он в этой жизни помог — словом, делом, фактом своего существования».

В конце своих воспоминаний Евросиния Антоновна Керсновская формулирует возможный ответ на вопрос, зачем она их написала: ««Все может повториться. И лучше видеть опасность, чем идти с завязанными глазами» (С. 793).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вигилянский 1990 — *Вигилянский В.* Житие Ефросинии Керсновской // *Огонек*. 1990. №3. С. 14–16. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13262&ysclid=lanrtp9gjlw590518132> (дата обращения: 22.11.2022)

Зорин 2012 — *Зорин А.* Угол зрения Ефросинии Керсновской // *Дружба народов*. 2012. №8. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2012/8/ugol-zreniya-efrosinii-kersnovskoj.html?ysclid=las51zthrf866675661> (дата обращения: 22.11.2022)

Керсновская 2021 — *Керсновская Е.* Сколько стоит человек. М.: Ко-Либри, Азбука-Аттикус, 2021. 800 с.

О проекте «Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек» 2022 — О проекте «Евфросиния Керсновская. Сколько стоит человек». URL: <https://www.gulag.su/index.php> (дата обращения: 22.11.2022)

Пивоваров 2022 — *Пивоваров А.* Комикс из ГУЛАГа. История Евфросинии Керсновской, автора уникальной тюремной хроники: документальный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mVdDmm0qsYk&t=4037s> (дата обращения: 22.11.2022)

«Я верю в то, что нельзя убивать людей» 2022 — «Я верю в то, что нельзя убивать людей». Речь Катерины Гордеевой на премии имени Анны Политковской. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JAlIx80ulle> (дата обращения: 22.11.2022)

[watch?v=JAlIx80ulle](https://www.youtube.com/watch?v=JAlIx80ulle) (дата обращения: 22.11.2022)

REFERENCES

Vigilyanskij V. Zhitie Efrosinii Kersnovskoj // *Ogonek*. 1990. №3. S. 14–16. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13262&ysclid=lanrtp9gjlw590518132> (data obrashheniya: 22.11.2022)

Zorin A. Ugol zreniya Efrosinii Kersnovskoj // *Druzhba narodov*. 2012. №8. URL: <https://magazines.gorky.media/druzhba/2012/8/ugol-zreniya-efrosinii-kersnovskoj.html?ysclid=las51zthrf866675661> (data ob-rashheniya: 22.11.2022)

Kersnovskaya E. *Skol'ko stoit chelovek*. M.: Ko-Libri, Azbuka-Attikus, 2021. 800 s.

O proekte «Efrosiniya Kersnovskaya. Skol'ko stoit chelovek». URL: <https://www.gulag.su/index.php> (data obrashheniya: 22.11.2022)

Pivovarov A. *Komiks iz GULAGA. Istoriya Efrosinii Kersnovskoj, avtora unikal'noj tyuremnoj xroniki: doku-mental'nyj fil'm*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mVdDmm0qsYk&t=4037s> (data obrashheniya: 22.11.2022)

«*Ya veryu v to, chto nel'zya ubivat' lyudej*». *Rech` Kateriny` Gordeevoy na premii imeni Anny` Politkovskoj*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=JAlIx80ulle> (data obrashheniya: 22.11.2022)

М. М. Сафонов, Ф. К. Ярмолич

Рец.: Карасюк Д. Как мы любили «Битлз». История битломании в СССР. Екатеринбург: М., 2022.

В рецензии представлен критический обзор монографии Д. Ю. Карасюка, которая посвящена истории битломании в СССР. Однако в рецензии предлагается не просто разбор книги с указанием положительных и негативных характеристик. Авторы, рецензируя научный труд, стремились продемонстрировать историческую связь западно-европейской музыки XX века с российской культурной традицией. Обращая особое внимание на интерес, который существовал у советского человека к творчеству «Битлз», рецензенты отмечают попытку советских и российских специалистов изучить этот феномен — популярность «буржуазной» музыки в социалистическом обществе. Однако, несмотря на существующую значительную российскую библиографию, в российском научном пространстве все еще остаются неизвестные сюжеты из истории битломании в СССР. Именно им и посвящена монография Д. Ю. Карасюка.

Ключевые слова: «Битлз», битломания, Советский Союз, Российская империя, советский человек.

Сведения об авторах:

Михаил Михайлович Сафонов — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН;

Контактная информация: m.safonov@list.ru

Федор Кузьмич Ярмолич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Контактная информация: f.k.1985@mail.ru

М. М. Safonov, F. K. Yarmolich

Rev.: Karasyuk D. Kak my lyubili «Bitlz». Istoriya bitlomanii v SSSR. Ekaterinburg: M., 2022.

The review presents a critical review of the monograph paper by D.Yu. Karasyuk, which is dedicated to the history of Beatlemania in the USSR. However, the review offers not just an analysis of the book with an indication of positive and negative characteristics. The authors, reviewing the work, sought to demonstrate the historical connection between Western European music of the 20th century and the Russian cultural tradition. Paying special attention to the interest of a Soviet person to the work of the Beatles, the review notes an attempt by Soviet and Russian specialists to study this phenomenon — the popularity of "bourgeois" music in a socialist society. However, despite the existing significant Russian bibliography, there are still unknown plots from the

history of Beatlemania in the USSR in the Russian research space. The author tries to fill the gap.

Key words: Beatles, Beatlemania, Soviet Union, Russian Empire, Soviet people.

Information about authors:

Mikhail Mikhailovich Safonov — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences;

Contact information: m.safonov@list.ru

Fedor Kuzmich Yarmolich — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

Contact information: f.k.1985@mail.ru

*And in the End
ORus
O Русь!*

О деревня! Гораций. (лат)¹

Полтора века назад в России академик А. Н. Пыпин занимался вопросами российской истории и русской литературы. Его трудолюбие и продуктивность оказались настолько велики, что породили в отношении исследователя шутку: если все его книги положить одна на другую, то получится столб выше роста академика. Однако превзойти высоту архитектурного сооружения, к которому приложил руку А. Н. Пыпин, с течением времени удалось «Битлз». Если сегодня сложить все книги о них, то получится столп, в сравнении с которым колонна Нельсона, национального героя Англии, воздвигнутая в Лондоне на главной площади Великобритании — Трафальгарской, покажется крохотной статуэткой. Битлы сегодня точно популярнее адмирала Горацио Нельсона. Можно предположить, что если в наше время в центральной части африканского континента остановить прохожего, показав ему изображение Трафальгарской площади, и спросить его: «Что это, где это?», мы не увере-

ны, что большая часть опрошенных даст правильный ответ. Но, если им продемонстрировать изображение «Abbey Road», то с большой долей вероятности можно будет услышать правильный ответ — «Битлз». Аналогичная ситуация будет в Азии, Латинской Америке, в Австралии с Океанией, не говоря уже о Европе и Америке. И в бывшем СССР — тоже. Такая узнаваемость объясняется тем, что эта лондонская улица стала материализованным символом рока.

Не желая этого, «Битлз» воздвигли себе памятник «металлов тверже» и «выше пирамид». Сегодня благодаря им считается более престижным в своем фотоальбоме обладать фотографией переходящего Эбби Роад, чем снимком на фоне Букингемского дворца, Биг-Бена или Тауэра. Нерукотворный памятник Abbey Road можно охарактеризовать крылатой фразой нашего поэта: «Вознесся выше он главою непокорной Александрийского столпа»!

О легендарном английском квартете существует много интересных книг, но среди них есть уникальные, к которым относится монография Дмитрия Карасюка «Как мы любили

¹ Эпиграф ко второй главе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

«Битлз». История битломании в СССР». Несмотря на название труда, книга не о «Битлз» и не о СССР. Скорее всего, она об «особенностях национальной битломании», которая органически соединяла два противоположных чувства: неприятие и любовь. Первое было характерно для власти в СССР, второе для советского человека, который, несмотря на все сложности и запреты, всегда находил возможность прослушать новый музыкальный шедевр любимых «битлов». Книга Дмитрия Карасюка, конечно, об этом, но не только. В ней автор осмысляет тридцатилетнюю историю СССР, предшествующую его гибели.

«Умом Россию не понять, аршином общим не измерить», но можно попытаться это сделать английский ярдом, а точнее сказать, музыкальным английским ярдом. Что и делает Д. Ю. Карасюк, изучая восприятие «Битлз» человеком в СССР. Книга Карасюка начинается с вопроса: «Что знали Битлз о СССР?». Оказывается — ничего. Но что бы они узнали о нашей стране, если бы сочинение екатеринбургского журналиста оказалось в их руках? Всё! Скрупулезно исследуя узкоспециальную тему «Восприятие Битлз в СССР», автор сумел рассказать о нашей стране очень много и, самое главное, сделал это достоверно и объективно, что удастся не каждому историку. Профессиональные навыки журналиста заставляют Д. Ю. Карасюка сомневаться не только в том, что сомнительно, но ставить часто под сомнение и то, что выглядит несомненным. При этом его критика всегда доброжелательна, а юмор, которого много в книге, очень мягкий и тонкий. Все

это дополняется изящным изложением, умением автора несколькими фразами выразить всю суть проблемы и в полной мере описать объект исследования. Сюжетные линии книги построены таким образом, чтобы у читателя складывалось впечатление, что автор был не просто очевидцем, а участником событий. Более того, он смог настолько выразительно описать события, что у читателя создается ощущение непосредственного участия в исторических сценах.

«Magical Mistery Tour» «Битлз» по планете Земля оказался настолько феноменальным, что никто еще не дал исчерпывающего объяснения того, в чем же заключатся секрет их успеха, в чем феномен «The Beatles»? Первый наиболее вероятный ответ — это талант. Но талантливых людей на нашей планете много. В этой связи вспоминаются слова Тараса Бульбы: «Добрый козак, но не Остап». Почему же «Битлз» стали лучшими среди талантливых? И ответ прост — они ни в чем не знали границ, для них не существовало никаких пределов, но в то же время они очень тонко чувствовали, где надо остановиться, чтобы не перейти черту, при этом оставаясь непредсказуемыми всегда и во всем.

Их музыкальный образ и путь к успеху можно передать графически картинками из разных эпох. На одной из них Битлы демонстрируют свои награды на фоне «Медного всадника». Сотрудникам правопорядка с трудом удается сдерживать толпу тинейджеров с красными галстуками на шее и комсомольскими значками на груди. Продемонстрированные кар-

тины раскрывают еще одну причину уникальности «Битлз» — им удалось соединить несоединимое, сочетать несочетаемое: «I say hello». «You say goodbye». «You say stop». «I say go», — в этих фразах «I» и «You» в одном лице. Благодаря этому создается невообразимый напиток, в котором в одном фужере соединились, но не смешались, возбудитель и транквилизатор, активатор и депрессант. Стоило его пригубить — и полюбить что-нибудь еще уже было невозможно.

Противоречивость была характерна не только для музыки, но и для внешнего вида и поведения на сцене. Прическа питекантрапов, как писала советская пресса, соседствовала с костюмом с иголки и исключительно корректным поведением на сцене, которое было подчеркнуто уважительным и тактичным к своим слушателям и почитателям.

Если молодой человек задавался вопросом: «Они такие же как мы?», «Есть ли такие же, как и они среди нас? А я буду». Вот в двух словах происхождение битломании, которая подобно эпидемии захватила мир. Только на Западе такому подrostку власть и общество говорило «Go», а в нашей стране «Stop». На Западе быть битломаном не означало вступить в конфликт с властью и обществом, в СССР ровно наоборот! В этом заключалось принципиальное отличие советской битломании от западной. Русскому человеку, как подметил еще Н.В. Гоголь, свойственно однажды сказать: «А черт поberi все!». Российская битломания и представляла собой некую разновидность такого чертыхания. Россия — страна противоположно-

стей. В ней совместимое самым невообразимым образом сочетается с несовместимым, представляя органическое целое. Возможно, именно поэтому «Битлз», сердцевиной которых всегда был его величество Парадокс, стали для русских неким сакральным символом. Не Ролинги, не Цеппелины, а именно Битлы! Они являлись как бы маркером Несоознанного, Подспудного, Подсознательного протеста против морали и устоев общества.

Как это ни покажется странным на первый взгляд, но Битлы помогли нам лучше понять Россию. Задуматься над тем, кто мы, в какой стране живем, куда идем. Ведь не было на нашей планете другого такого государства, где бы любовь людей к «Битлз» сопровождалась таким цинично-презрительным отношением власти к тому, кого они любили, и к тем, кто любил их.

Илья Эренбург вспоминал о времени СССР: «Как-то Пабло Пикассо разговаривался с молодым советским художником. Пикассо спросил у него:

— У вас продаются краски?

Художник ответил:

— Конечно, сколько угодно...

— А в каком виде?

— В тубиках...

— А что на тубике написано?

Художник с недоумением (ну что за дурацкие вопросы задает великий художник!) начал перечислять:

— Название краски “охра”, “жженая съена”, “ультрамарин”, “хром”...

Тогда Пикассо с серьезным видом начал советовать:

— Вам нужно рационализировать производство картин. На фабрике должны изготавливать смеси, а на тюбиках ставить “для лица”, “для волос”, “для мундира”. Это будет куда разумнее».

Сарказм мэтра понятен. Пикассо (он, кстати сказать, какое-то время тоже был коммунистом) Советский Союз, строивший коммунизм, представлялся страной, где все должно быть регламентировано: одежда, прически, вкусы, а главное — творчество. СССР, конечно, не казарма с униформой, а скорее воспитательное учреждение со строгими правилами внутреннего распорядка и обязательным дресс-кодом: «Для лица», «Для волос», «Для мундира».

Книга Д. Ю. Карасюка воспроизводит это противостояние, а в заключительной части ее дано исчерпывающее описание «Rockshow» на Красной площади, — концерта Пола Маккартни — как закономерного итога почти полувековой «любви-неприятия» к Битлам в Советском Союзе. Рискнем предположить, что в обозримом будущем едва ли появится еще одна подобного рода работа, которую можно будет поставить в один ряд с сочинением Карасюка. Возможно, будут обнаружены новые сведения в архивах, будут опубликованы воспоминания, наконец, кто-то вспомнит то, что прежде запечатывал. Но даже все эти «новинки», вместе взятые не смогут дать

более яркой и отчетливой картины, нежели той, которая сегодня создана пером екатеринбургского журналиста.

В этой почти полувековой борьбе были свои герои и «жертвы», к счастью, без летальных исходов. Имена и тех, и других мы бы вписали прописными буквами в культурную историю последних тридцати лет существования советской власти. Собственно говоря, это и делает автор книги. Только без пафоса, с редкой целеустремленностью и с удивительной достоверностью. Можно утверждать наверняка, что в его «списке» нет ни одной личности, попавшей в него «по недоразумению» или из-за тщедушных попыток украсить себя контактами с Самими ... Битлами, прослыть истинным битломаном. Здесь есть только люди, отдавшие по зову сердца часть своей жизни или даже всю свою жизнь чуду по имени «Битлз». Наверное, многие из них подписались бы под словами В. Р. Цоя: «Но если есть в кармане пачка сигарет, значит все не так уж плохо на сегодняшний день».

Свобода — великая вещь, но обоюдоострая. В этой связи вспоминается один эпизод из российской истории начала XIX века. После убийства Павла I в Петербурге царила эйфория. По Невскому проспекту во весь опор прямо по тротуару среди мирно расхаживающих прохожих мчался всадник и что было мочи кричал: «Теперь можно делать все, что захочешь». Молодому императору Александру I доложили, что военные ведут себя непозволительно: вместо мундиров носят гражданскую одежду. В этой связи императора спро-

силы: «Прикажете запретить?», — на что последовал ответ: «Да пускай они ходят, в чем хотят. Так еще легче будет отличить порядочного человека от дряни!».

Не мог наш автор обойти вниманием и противоречивую фигуру Коли Васина. Как никак, «главного битломана страны», хотя мы не знаем точно, «журналиги» ли наградили Васина таким титулом, либо Коля присвоил его себе сам. Но книга о битломании в СССР и без Коли Васина? Это возможно. Однако если хочешь представить предмет в его полноте, то без этой фигуры не обойтись. Но о покойном, как говорится, «либо хорошо, либо никак». Карасюк поступил благородно. Он рассказал без утайки все, что он по этому поводу думает, честно и откровенно, без экивоков и намеков. Назвав главу, посвященную Коле, «Храм Николая Блаженного», Дмитрий уже этим обрисовал психологический портрет своего персонажа и тем самым задал камертон своему рассказу о нем.

Коля прославился тем, что поздравил телеграммой Джона Леннона с днем рождением и в ответ получил от него по почте диск с автографом «главного» битла на бумажном конверте, внутреннем и внешнем. Эта история рассказывалась и пересказывалась много раз по радио, в газетах, на телевидении. Дмитрий Карасюк, насколько можно судить, первый поставил вопрос о ее достоверности. Может и не следовало бы сомневаться, да вот только Колины рассказы о майке Леннона, полученной от Жоан Базз и переданной ему БГ, или об автографе Дж. Харрисона, презентованном «главному» женой

английского музыканта Оливией. Не напоминает ли это одного персонажа «Ревизора», перед которым даже весь Государственный совет дрожит... «Я сам, сам, я везде, везде...». Впрочем, не будем слишком строгими. Детская влюбленность иногда порождает такие фантазии, которые нам и не снились.

Поблагодарим автора за то, что из всего описанного на страницах его чрезвычайно содержательной книги он ничего не принимал на веру, а проверял и перепроверял тот или иной факт несколько раз. Добавим к этому еще и эрудицию автора. Без нее, понятно, в работе такого рода никак. Обращаясь к многолетнему труду Карасюка как источнику фактических сведений, проверять их, конечно же, можно и нужно, но не обязательно. Принципы, которых он придерживался, когда писал свой труд, могут служить нам порукой, что у нас в руках достоверная информация, проверенная и перепроверенная не один раз. Впрочем, как знать, но мы бы не стали перепроверять. Д. Ю. Карасюк, не жалея сил и времени, собрал материал о «Битлз» в СССР буквально по крупичкам, всё, или почти всё, что на сегодняшний день известно об «эсесеровской битломании».

Не обделил вниманием он и фигуру московского «битломана» и «исследователя» (наверное, без кавычек тут не обойтись) Владимира Бокарева. С его соавтором Юрием Митрофановым. Так как в этом замечательном тендеме Юрий, очевидно, был ведомым. Сосредоточимся на личности Владимира, который защитил диссертацию о жизни и творчестве

Джона Леннона, которую в большей степени можно рассматривать как явление историографической мысли, ничего общего не имеющей с исторической реальностью. Доказательством такой оценки работы В. Бокарева может послужить его утверждение, что музыка «Битлз» в СССР не только не преследовалась, но якобы поощрялась и популяризовалась советской властью.

Знакома читателя с творчеством В. Бокарева, Карасюк делает это как всегда с тонким, наверное, только ему присущим юмором. Критически осмысливая работу В. Бокарева, он находит возможность продолжить знакомить читателя с тем, как творчество «Битлз» воспринималось в СССР. Он делает это так мастерски, что даже человек, не знающий творчество «Битлз», поймет все правильно.

Вместе с этим, Карасюк по-доброму рассказывает читателю, как Бокарев и его соавтор высчитывают количество секунд, которые мелодии английского квартета звучали в СССР, или приводят названия советских фильмов, где песни Битлов становились музыкальным фоном киноленты. Далее все эти секунды складываются и сравниваются. Зачем все это? Мудрено! Карасюк улыбается и заставляет читателя сделать то же самое.

Но оставим Бокарева наедине с его «открытиями». В шестидесятые годы советскому битломану приходилось прикладывать много усилий, чтобы соответствовать определенной «битломанской моде». Им приходилось преодолевать в буквальном смысле

слова нечеловеческие трудности, поскольку «чего не хватишься, ничего нет!». Достаточно просто пробежать глазами перечень глав книги Д. Ю. Карасюка, чтобы понять, какую изобретательность, смекалку, находчивость проявлял советский человек, чтобы его «гардероб» соответствовал стилю его кумиров. Читая страницы труда Карасюка, ловишь себя на мысли, что тебя переполняет чувство восхищения тем, как советский человек «must break his back», но не для того, чтобы «to earn his day of leasure», как на Западе, а для того, чтобы быть в своей стране тем, кем ему хотелось стать. Иностранцу такое не приснилось бы даже в страшном сне. В известном смысле сочинение Карасюка это — гимн силе человеческого духа!

Наш соотечественник Николай Тургенев, живший в XIX столетии, ставший эмигрантом не по своей воле, за границей написал книгу «Россия и русские». Ее он написал по-французски: «La Russie et Les Russes». Этой книгой зачитывалась вся Европа. Русский эмигрант представил взгляд на Россию глазами европейца. Карасюк не задавался такой же целью, когда брался за перо, но в итоге получилась книга, которую тоже можно было бы назвать «Россия и русские». Или, точнее говоря, «СССР и советские люди». Н. И. Тургенев немного приврал в своем сочинении. Дмитрий Карасюк абсолютно честен. Он не писал «Философических писем» и вовсе не претендовал на то, чтобы в специфическом ракурсе осмыслить проблему «Россия и Запад», но будущие чадаевы, а они точно не переведутся в нашей стране доколе эта проблема

существует, найдут в его сочинении неисчерпаемый кладезь парадоксальных фактов и поразительных наблюдений над советской жизнью, которые просто вопиют, чтобы их обобщили, или, по меньшей мере, чтобы высказались о них вслух.

«Себя как в зеркале я вижу, но это зеркало мне льстит», — писал поэт. В сочинении Д. Ю. Карасюка нет лести — одна правда. А «правда всегда одна». (И. Кормильцев). Возможно, найдутся люди, которым картина, нарисованная Карасюком, придется не по вкусу. Найдутся и такие, которых она даже возмутит. Впрочем, не возможно, а наверняка. Таким людям можно ответить словами Стендаля (Мари-Анри Бейль), переложенными на российский быт и нравы Н. В. Гоголем: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива!». Но при всем том Д. Ю. Карасюк охотно подпишется под пушкинскими словами: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя...но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал». Это и есть любовь к Родине. Не квасной патриотизм! А самый, что ни на есть настоящий.

Ю. Ю. Шевчук передал эту мысль Пушкина так:

Родина.
Еду я на родину,
Пусть кричат — уродина,
А она нам нравится,
Хоть и не красавица...

Нравится, не нравится, а автор книги представил нам абсолютно точ-

ную гипсовую маску нашей страны. Хорошо, что не посмертную. Читая труд Карасюка, вспоминались слова Н. А. Некрасова:

«Вынесет все — и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе».

И при этом вздыхал:

«Жаль только — жить в эту пору
прекрасную
Уже не придется — ни мне, ни тебе».

В том, что, размышляя о «The Beatles», вспомнили и Н. В. Гоголя, и А. С. Пушкина, и Н. А. Некрасова, нет ничего странного. Ведь речь идет о культурных феноменах своего времени. У каждого столетия свое лицо. У каждого века — свои феномены.

Каждому, кто погрузился в культуру «Битлз», они помогли раскрепоститься, расправить плечи, раздвинуть границы своей личности, заново осмыслить и более глубоко понять себя. Если бы мы могли сказать об этом самим «Битлз», они бы, наверное, просто рассмеялись нам в лицо. В лучшем случае иронически улыбнулись. Но, тем не менее, это так! Каждый человек, проникшийся духом «Битлз», положила руку на сердце, может сказать: «Не будь их, я не стал бы тем, кто я есть». Мы уверены, что в полной мере это относится и к Д. Ю. Карасюку. Хотя к нему, наверное, еще в большей степени, чем к какому-либо другому человеку. Мы убеждены, когда он столкнулся с неотвратимо надвигающейся на него слепотой, «Битлз» сыграли далеко не последнюю роль в его победе над тьмой. Их магическая музыка помогала человеку

ощутить свою неисчерпаемую силу духа. И в этом смысле, монография незрячего журналиста, это своеобразная дань благодарности тем, кто помог ему не сдаться. Вот если бы Пол и Ринго могли бы об этом узнать!

Что нужно, чтобы получилась хорошая книга о Битлз? «Listen. Do you want to know a secret? Do you promise not to tell?...Closer, let me whisper in your ear....», –Леннон открыл этот секрет. И не на ушко, а вслух, громким голосом, всему свету. Джон дал добрый совет: «All You Need Is love». «It's easy». Если вы, как и Карасюк, будете следовать этому мудрому наставлению самого интеллектуального рок-музыканта XX века, у вас получится все.

Не верь дневному свету,
Не верь звезде ночей,
Не верь, что правда где-то,
Но верь любви моей.

Так говорит Шекспир устами Гамлета. Карасюк, когда работал над этой книгой, тоже мог бы это повторить, обращаясь к читателю. Читателю, который ничему не верит на слово, и правильно делает. Мы же поставили бы эти слова эпиграфом к книге Дмитрия, которой, совершенно уверены в этом, предстоит интересная и долгая жизнь. Только к шекспировским словам «любви моей» мы добавили бы: «К «Битлз»! — «А верь любви моей к Битлз».

«And in the end
The love you take
Is equal to the love you make».

Д. И. Люкшин

КОГДА ТЕНДЕНЦИОЗНОСТЬ СТАНОВИТСЯ ИНФОРМАТИВНОЙ. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОПЫТЕ ИСТОЛКОВАНИЯ ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ

В статье на основе анализа интеллектуального пространства, сформированного «юбилейными» мониторингами АИРО-XXI и монографиями Г. А. Бордюгова, рассматривается содержание его книги «СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях». Высказываются критические замечания, отмечены несомненные успехи автора, внесшего заметный вклад в создание научной версии Истории Советского Союза.

Ключевые слова: Империя, история, мониторинг, пространство памяти, СССР

Сведения об авторе: Люкшин Дмитрий Иванович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории КПФУ

Контактная информация: 1dlyuksh@kpfu.ru

D. I. Lyukshin

WHEN TENDENTIOUSNESS BECOMES INFORMATIVE. REFLECTIONS ON THE EXPERIENCE OF INTERPRETING POLITICIZED HISTORY

Based on the analysis of the intellectual space formed by the "jubilee" AIRO-XXI monitoring and G. A. Boryugov's monographs, the article examines the content of his book "The USSR in the space of memory, Ideology and National Histories". Critical remarks are made, the undoubted successes of the author, who made a significant contribution to the creation of a scientific version of the History of the Soviet Union, are noted.

Key words: Empire, history, monitoring, memory space, USSR

About the author: Lyukshin Dmitry I., candidate of historical sciences, associate professor of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies y of KPFU.

Contact information: 1dlyuksh@kpfu.ru

Если взглянуть на отмечавшиеся в постсоветское время юбилеи значимых исторических событий, то можно без сомнения констатировать, что сопровождавшие их информационные кампании, как правило, не приводили к выработке новых — взвешенных и приближающихся к объективному истолкованию отмечаемых фактов — историографических оценок. Мобилизационный потенциал Юбилеев активно эксплуатировался в текущей политической конъюнктуре, причем вне зависимости от конкретного содержания программы акторов. В этой связи уместно было бы рассуждать о более или менее удачном опыте маневрирования в пространстве исторической памяти, но к собственно научному историческому знанию практика юбилейной суматохи имеет весьма опосредованное отношение. Это относится к юбилеям вообще, которые как вид социальной активности неизбежно содержат апологетическую компоненту, и в том числе к юбилеям Победы в Великой Отечественной войне, мероприятий: «... посвящённых 100-летию революции 1917 года в России» (Президент России б/д), — нарочитый канцеляризм распоряжения Президента РФ явился индикатором явного нежелания власти оказаться в неловкой ситуации из-за неспособности научного сообщества адекватно охарактеризовать события Семнадцатого года. После полулегального внедрения в дискурсивную формацию российской истории понятия «Великая российская революция» (Ковалев 2018: 192; Тарасов К. б/д) стало понятно, что круглая дата никак не будет способствовать пониманию причин и природы произошедших тогда потрясе-

ний, а лишь напрасно взбудоражит пишущее и читающее сообщество. И даже — столетие Первой мировой войны, хотя в последнем случае, казалось бы, ее консенсусное восприятие в современной России как раз должно способствовать выработке такой же неконфликтной научно-исторической памяти о ней. То же самое относится и к круглым датам гораздо более давних событий, например, к трехсотлетию Российской империи. Заслуживающие внимания исследования, несомненно, выходили, но случалось это вне связи с юбилейными повестками.

Словом, календарный повод для воспоминаний в современной России обычно становится не поводом для осмысления, а стимулятором переживания эмоций прошлого в обстановке настоящего. Впрочем, актуализация пережитого — это не только наша национальная черта. Достаточно вспомнить, сколько страстей вызвало 200-летие со дня смерти Наполеона Бонапарта, которое французское руководство так и не решилось отпраздновать на официальном уровне, побоявшись прослыть неполиткорректным. А война с памятниками и памятью в США на волне движения Black Lives Matter и подавно не имеет аналогов: большевистские довоенные попытки переписать историю не идут ни в какое сравнение с вычищением памяти о конфедератах, которое проводится с задействованием всего потенциала американской пропагандистской машины.

Получается, что у человека в крови сводить счеты с прошлым. Между тем то, как воспринимаются былые события спустя годы и десятилетия

после их свершения, уже само по себе является информативным источником о самом моменте, в который происходит это восприятие. И вместе с тем, как это ни парадоксально, такое предвзятое и заданное воспоминание исторических фактов все же способствует их обыгрыванию — а значит, и обдумыванию — с разных сторон, исподволь и как бы само собой, непреднамеренно вырисовываются какие-то событийные узлы, по поводу которых формируется общее и несколько более взвешенное, нежели прежде, мнение. То есть происходит изучение истории сразу в двух временных фокусировках — и наблюдающего субъекта, и наблюдаемого объекта.

Такая двухуровневая историографическая оптика уже давно практикуется Г. А. Бордюговым и возглавляемой им Ассоциацией исследователей российского общества (АИРО-XXI). В активе этой группы три обстоятельных мониторинга, посвященных восприятию двух юбилеев Победы (70-ти и 75-летие) в Великой Отечественной войне (Победа-70, 2015; Победа-75; 2020) и 100-летия революционных событий 1917 г. (Революция-100, 2017). Ретроспективные отслеживания юбилеев Сталина и Ленина и связанных с ними перемен в интерпретациях деятельности этих фигур были предприняты Г. А. Бордюговым в монографическом формате (*Бордюгов* 2019а; *Бордюгов, Котеленец* 2020). В этом же тематическом ряду и новая книга Г. А. Бордюгова «СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях» (*Бордюгов* 2022). В ней на примере десяти дат — создания СССР в 1922 г. и последующих

девяти юбилеев, фиксировавших каждое новое десятилетие советской государственности, а также времени накануне и после них — прослеживается динамика, во-первых, восприятия этой модели в общественном мнении и в кругах профессиональных историков, а во-вторых, нарастания внутри союзного организма проблем, становившихся все более и более фатальными и предопределивших его гибель в 1991 г.

Фактически книга представляет собой еще один вариант ответа на вопрос, почему распался СССР. В этом явная конъюнктурность исследования — именно так формулируется основной вопрос различных мемориальных мероприятий, прошедших в конце 2022 г. и приуроченных к столетию создания Советского Союза. Дискуссия на эту тему ведется буквально с момента подписания Беловежских соглашений и замены красного флага новым триколором над Кремлем в декабре 1991 г. За это время критики и апологеты исторического опыта СССР нисколько не приблизились к каким-либо суждениям, разделяемым обеими сторонами. Можно констатировать разве что определенный успех тех, кто усматривает в советском опыте определенный позитив: в последнее время в общественном мнении гораздо чаще вспоминаются именно сильные стороны действительности СССР, и происходит это не вследствие, а скорее именно вопреки официальной пропаганде. (Причина усиливающейся глубинной ностальгии по СССР кроется, видимо, в том, что в настоящий момент лидирующим поколением российского общества являются те, кто жил в Советском

Союзе в детские годы и в силу этого судит о нем по своим детским же впечатлениям, не замутненным иллюзиями «перестроенного шестидесятилетия» и оттененным впоследствии, в подростковом возрасте, неурядицами последних советских месяцев и беспробудностью последующих 90-х. Хотя, конечно, это лишь одна из причин современной ностальгии по СССР, и данный феномен заслуживает отдельного обстоятельного рассмотрения.)

Однозначно сильная сторона книги заключается в том, что ответ на этот вопрос — точнее, указание на одну из нескольких причин, приведших к гибели СССР, — пусть и очевидный в содержательном отношении, предлагается автором не в качестве некоего вывода, подытоживающего набор фактов, как это обычно делается в исторических исследованиях, а в виде отслеживания растянутой на десятилетия тенденции, которая то ускорялась, то замедлялась, но при этом упорно развивалась в заданном направлении и как объективная данность фактов, и как отражение этой данности в настроениях общества и в синхронных им попытках осмысления советской государственности историками. Налицо растянутый на 90 лет (а реально на целый век, так как автор, особенно в заключении, высказывая свои суждения, неизбежно транслирует и сегодняшнюю оценочную ситуацию) очередной мониторинг со всеми его возможностями — и для понимания эпохи, отмечающей юбилей исторического события, и для очередного осмысления самого этого события в фокусировке прошлого, актуального для настоящего.

Г. А. Бордюгов не просто констатирует изначальную дефектность матричной модели, основанной на придании титульной нации той или иной территории либо ключевой административной, либо государствообразующей (в случае союзных республик) роли. Сквозная мысль всего исследования сводится к тому, что сформулированная в видах чаемой мировой революции как противопоставление многонациональной, но интегрированной русской культурой Российской империи и оказавшаяся на момент завершения Гражданской войны единственно возможной союзная государственность, предполагавшая равноправие создававших ее субъектов, из временной, ситуативной и с точки зрения здравого смысла в дальнейшем подлежавшей пересмотру превратилась в постоянную, зацементировалась в предвоенные годы, так как, вроде бы, не создавала особых проблем и не мешала решать другие — более насущные — задачи. Тогда же, когда власть спохватилась и решила позаимствовать дореволюционный имперский опыт, у нее это не получилось. Во всяком случае, не получилось так, как того хотелось бы.

Автор подробно рассказывает об откате от коренизации и о том, как Сталин покритиковал за русофобию самого Энгельса. Однако из работы со всей наглядностью следует, что распространенное в настоящее время даже среди профессиональных историков мнение о якобы осуществленном во второй половине 1930-х гг. полном развороте вождя к великорусской державности не соответствует действительности. Г. А. Бордюгов показывает, что в вопросе нацистрои-

тельства (добавим — как и во многих других вопросах) Сталин оставался тактиком, предпочитавшим синицу в руке журавлю в небе. Так, ради скорейшего довершения оформления государственности как таковой через принятие новой Конституции он в принципе закрыл тему каких-либо дальнейших коррективов в национально-административном устройстве страны и провозгласил, что «советский народ», сложившийся в результате «дружбы народов» страны, стал данностью.

В книге подчеркивается, как вкрадчиво и осторожно даже уже накануне войны в общественное сознание внедрялось понятие «советский патриотизм» — повышенные аккуратность и постепенность в этом вопросе свидетельствуют о том, что власть осознавала неготовность общества в одночасье переориентироваться на новые идеалы. Г. А. Бордюгов приводит многочисленные факты того, что далеко не все народы СССР восприняли необходимость защиты страны от фашистской Германии как свой долг, и тем не менее Кремлю приходилось решать эту проблему, что называется, в рабочем порядке, и одновременно публично поддерживать национальные формирования Красной армии как наглядное свидетельство «дружбы народов» и, главное, залог лояльности руководства союзных республик. Чтение этого фрагмента книги наталкивает на закономерный вопрос, не явились ли депортации народов в том числе и определенной демонстрацией силы центральной власти — демонстрацией, осуществленной на примерах тех, на ком это было возможно, и адресованной тем, в отношении кого Москва не могла

себе позволить ничего подобного? (Вообще на фоне этих и других приводимых историком фактов следует призадуматься об уровне властных возможностей сталинского Кремля даже в период максимальной концентрации его управленческого потенциала в годы войны.)

Знаменитый сталинский тост за русский народ на кремлевском приеме 24 мая 1945 г. принято считать знаком окончательного перерождения советского режима в неоимперский и прологом к последующим идеологическим кампаниям конца 1940-х — начала 1950-х гг. Однако Г. А. Бордюгов приводит впечатляющие сведения, — не являющиеся закрытой информацией, однако при этом остающиеся малоизвестными, — о том, что как за несколько дней до этого приема в Кремле, на пленуме Союза писателей, так и через несколько недель после него (sic!), на сессии Академии наук СССР, громко прозвучали требования дать задний ход — перестать заигрывать с державной образностью и прекратить заимствовать имперские символы и смыслы. Отсюда и сохранившиеся после войны официальная половинчатость, ситуативное балансирование между державным и союзным (то есть в последнем случае догматическим марксистским и одновременно замешанным на плохо скрываемых вождениях о продолжении коренизации) пониманием советской государственности.

Послесталинское бытование СССР — это в изображении Г. А. Бордюгова медленное, но целенаправленное и необратимое движение в направлении суверенизации союзных республик. Автор абсолютно прав в том,

что ставшее при Сталине привычной властной технологией следование сразу двум изначально взаимоисключающим направлениям — русскому державному, с одной стороны, и интернациональному марксистскому, с другой стороны, — при преемниках Сталина, уже не обладавших такой, как он, харизматической влиятельностью, было обречено на сбой и усиление центробежных сил.

Отдельно следует сказать об интересных наблюдениях автора по поводу темы, которая до сих пор остается уделом слухов и не получила адекватного отражения в исследованиях. Эта тема — русская повестка в идеологии и культуре послесталинского периода существования СССР. Вряд ли, особенно сегодня, замалчивание данной темы имеет под собой какую-то политическую подоплеку. Скорее всего, причина здесь гораздо более прозаичная — отсутствие (или пока еще сохраняющаяся недоступность) надежных источников, на которых можно показать, как «русская карта» разыгрывалась с Хрущёва и до Горбачёва включительно. И в этом смысле — как определенный проектный задел на будущее — важны предположения Г. А. Бордюгова, например, об истинной подоплеке появления статьи А. Н. Яковлева «Против антиисторизма» (Яковлев 1972) или борьбы с «русизмом» при Андропове.

Книга не дает исчерпывающего ответа на обозначенный выше вопрос — почему распался СССР, — но приближает к пониманию целого ряда причин этого события. Но главное, она демонстрирует возможности анализа прошлого — и как свершившегося

факта, и как проекта памяти об этом факте, — когда исследователь оказывается одновременно и квалифицированным интерпретатором прошлого, и живым свидетелем или даже участником того, как это прошлое используется для нужд настоящего.

ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Президент России б/д — Распоряжение Президента Российской Федерации от 19.12.2016 г. № 412-рп О подготовке и проведении мероприятий, посвященных 100-летию революции 1917 года в России. URL; <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41498> (дата обращения: 09.012023).

Ковалев 2018 — Ковалёв А. В. Великая российская революция в школьных учебниках истории // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. URL; <https://cyberleninka.ru/article/n/velikaya-rossiyskaya-revolyuetsiya-v-shkolnyh-uchebnikah-istorii/viewer> (дата обращения: 09.012023).

Тарасов б/д — Тарасов К. 12 вопросов об Октябрьской революции URL; <https://arzamas.academy/mag/1025-revolution?ysclid=lcok5hi2ua314683629> (дата обращения: 09.012023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Победа-70, 2015 — Победа-70: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2015. — 624 с.

Победа-75, 2020 — Победа-75: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 800 с.

Революция-100, 2017 — Революция-100: реконструкция юбилея; под ред. Геннадия Бордюгова. — М.: АИРО-XXI, 2017. — 1088 с.

Бордюгов 2019 — Бордюгов Г. А. Пространства российской истории XX–XXI веков / Составление и предисло-

вие — Дмитрий Андреев. — М.: АИРО-XXI, 2019. — 352 с.

Бордюгов 2019а — *Бордюгов* Геннадий. Сталин: культ юбилеев в пространстве памяти и власти. — М.: АИРО-XXI, 2019. — 192 с.

Бордюгов, Котеленец 2020 — *Бордюгов Г.А., Котеленец Е.А.* Ленин: культ и антикульт в пространствах памяти, истории и культуры. С Приложением С.П. Шербины. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 632 с.

Бордюгов 2022 — *Бордюгов Г.А.* СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. — М.: АИРО-XXI, 2022. — 384 с.

Яковлев 1972 — Александр *Яковлев* «Против антиисториза» // Литературная газета. — 1972. — 15 ноября

REFERENCES

Pobeda-70: Reconstruction of the anniversary; ed. Gennady Bordyugova. — М.: АИРО-XXI, 2015. — 624 p.

Pobeda-75: reconstruction of the anniversary; ed. Gennady Bordyugova. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 800 p.

Revolution-100: Reconstruction of the anniversary; ed. Gennady Bordyugova. — М.: АИРО-XXI, 2017. — 1088 p.

Bordyugov G.A. Spaces of Russian history of the XX-XXI centuries / *Compilation and preface* — *Dmitry Andreev*. — М.: АИРО-XXI, 2019. — 352 p.

Gennady Bordyugov. *Stalin: the cult of anniversaries in the space of memory and power*. — М.: АИРО-XXI, 2019. — 192 p.

Bordyugov G.A., Kotelenets E.A. *Lenin: cult and anti-cult in the spaces of memory, history and culture*. With The Appendix of S. P. Shcherbina. — М.: АИРО-XXI, 2020. — 632 p.

Bordyugov G.A. *The USSR in the space of memory, ideology and national histories*. — М.: АИРО-XXI, 2022. — 384 p.

«Я ЖИВУ, ЧТОБЫ ОПРОВЕРГНУТЬ УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО СРЕДА ОПРЕДЕЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКА».

Интервью с Н. Н. Подосокорским

В беседе с Сергеем Эрлихом историк литературы Николай Подосокорский рассказывает о своей семейной памяти, историческом образовании, научных интересах, судьбе русской интеллигенции, цензуре в социальных сетях и др.

Ключевые слова: Николай Подосокорский, Великий Новгород, большой террор, Илья Логинович Якушев, интеллигенция, социальные сети, цензура.

Сведения об авторе: Николай Николаевич Подосокорский, родился в 1984 году в поселке Парфино Новгородской области, окончил исторический факультет Новгородского государственного университета в 2006 году, кандидат филологических наук (2009). Преподавал в НовГУ им. Ярослава Мудрого, работал в Новгородском музее-заповеднике. С 2021 года старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура» ИМЛИ РАН. Первый заместитель главного редактора журнала «Достоевский и мировая культура. Филологический журнал» ИМЛИ РАН. Член Международного ПЕН-клуба. Автор более 60 научных статей по истории русской литературы, новым медиа и др. Лауреат премий журнала «Вопросы литературы» (2011), независимой литературной премии «Дебют» (2015), гуманитарной и книгоиздательской премии «Книжный червь» (2020). Сфера научных интересов: творчество Ф.М. Достоевского и русская литература XIX-XXI вв., наполеоновский миф, российское масонство, новые медиа.

Контактная информация: n.podosokorskiy@gmail.com

Основные публикации: Религиозный аспект наполеоновского мифа в романе «Преступление и наказание»: образ «Наполеона-пророка» и мистические секты русских раскольников-почитателей Наполеона // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2022. № 2 (18). С. 89–143; Богословие Достоевского: коллективная монография / отв. ред. Т. А. Касаткина. — М.: ИМЛИ РАН, 2021. — 416 с. (в соавторстве с Т. А. Касаткиной, А. Г. Гачевой, Т. Г. Магарил-Ильяевой и К. Корбелла); Ле-

генда о Ротшильде как «Наполеоне финансового мира» в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 1 (9). С. 31–50; «Лицо с экрана». В чём секрет популярности ток-шоу «вДудь»? // "Наука телевидения", 2018. № 14.3. С. 151–166.; Наполеон и 1812 год в творчестве Ф. М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / Отв. ред. В. И. Щербаков. — М.: ИМЛИ, 2013. — С. 319–364; «Черная курица, или Подземные жители» Антония Погорельского как повесть о масонской инициации // «Вопросы литературы», 2012. № 5. — С. 124–144; Наполеоновские войны в «Дядюшкином сне» Ф. М. Достоевского // «Вопросы литературы», 2011. № 6. — С. 350–362.

"THE GOAL OF MY LIFE IS TO REFUTE THE CLAIM THAT THE ENVIRONMENT DEFINES THE PERSON." Interview with N. N. Podosokorsky

In a conversation with Sergei Erlich, literary historian Nikolai Podosokorsky talks about his family memory, historical education, scientific interests, the fate of the Russian intelligentsia, censorship in social networks, etc.

Key words: Nikolai Podosokorsky, Veliky Novgorod, the Great Terror, Ilya Loginovich Yakushev, intelligentsia, social networks, censorship.

About the author: Nikolay Nikolayevich Podosokorsky, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, First Deputy Editor-in-Chief of Dostoevsky and World Culture. Philological journal (Veliky Novgorod, Moscow, Russia).

Contact information: n.podosokorskiy@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э: Расскажите о вашей семейной памяти. Простирается ли она, как у большинства наших современников лишь на три поколения, или уходит вглубь веков?

Н.П: Я с детства заинтересовался изучением предков. Говоря о трёх поколениях — у меня примерно так и было. В основном я изучал историю своей семьи по линии бабушки с маминой стороны. Мой прадед Илья Логинович Якушев был репрессирован в начале 30-х годов, строил Беломорско-Балтийский канал. Уже в девяностые годы, через его сына, моего двоюродного деда нашли это следственное дело. На него тоже на-

писали донос. Требовались рабочие руки, а у него (хотя он и скрывал это) биография была «сомнительная»: он офицером участвовал в Первой мировой войне, потом вроде бы одно время воевал на стороне белых. Это, конечно, радикально изменило жизнь семьи. У него было десять детей. Двое умерли в младенчестве, один (Николай) погиб в самом начале Великой Отечественной войны, другие остались. Умер прадед Илья довольно рано, в 1948 году, не дожив до 60 лет. Незадолго до него умерла и его жена. Дети остались сиротами, кого-то отдали в детский дом, кого-то воспитывали более старшие. Жизнь, как говорится, потрепала. Но

все, кто выжил, получили высшее образование и, в общем-то, состоялись как люди. У всех были свои семьи, а потом дети, внуки, правнуки.

По другим моим линиям предки были в основном — мещане и крестьяне. Совсем недавно на меня вышла родственница, которая пишет книгу о нашем роде по ещё более древней линии (дед Ильи Логиновича Якушева — Иван Кириллович Светлов (1827–1887) служил диаконом в церкви под Новгородом. Мы обменялись с ней домашними документами. Но профессионально через архивы, специализированные службы, которые сейчас оказывают соответствующие услуги, я поисками пока не занимался, хотя интерес к этому по-прежнему есть. Во всяком случае, моя фамилия (её довольно трудно бывает поначалу произнести правильно незнакомым людям) — Подосокóрский — в России упоминается в документах уже с XVI века. Был некий нищий Сёмка Подосокорский, который в первой трети XVII века жил в вологодском монастыре. Известных представителей своей фамилии я больше не знаю. Хотя есть переводчица Галина Подосокорская, которая переводила фэнтэзи и фантастику (книги о Конане-варваре Роберта И. Говарда, в частности). Это большое поле. В основном все три поколения моих предков родились в Новгородской области. Однако мой дед по отцу — Анатолий Иванович Подосокорский 1911 года рождения — был родом из Архангельской области. Там есть Котласский район и есть деревни Подосокорье (кажется, там давно никто не живет) и Осокорская (лет десять назад в ней проживало менее 40 человек). Они расположены

недалеко друг от друга, по две разные стороны Северной Двины. Но в Котласе и Котласском районе до сих пор немало представителей фамилии. То есть фамилия моя связана издавна с русским севером: Архангельская, Вологодская, а с середины XX века и Новгородская области. А так, я, что называется, новгородец в третьем-седьмом поколении.

С.Э: Ваше ученичество и студенчество пришлось на постсоветский период, когда наука в целом, а гуманитарная — тем более, уже были «в загоне». Как вы, ребёнок Перестройки вдруг решили пойти не в юристы/экономисты, а в гуманитарии?

Н.П: Можно сказать: я живу, чтобы опровергнуть утверждение, что среда определяет человека. Я родился в 1984 году в небольшом посёлке заводского типа — Парфино. Считается, что это самый мрачный год, когда правил самый непримечательный правитель — Константин Устинович Черненко. Балабанов в своём фильме «Груз 2000» это великолепно показал. Тогда шла Афганская война. Мой двоюродный брат — лейтенант Алексей Крупнов — погиб в той войне через несколько месяцев после моего рождения, его наградили посмертно орденом Красной Звезды, а в Парфино назвали в его честь переулок. Естественно, я его не знал, но зато с детства был знаком с памятью о нём. В моём детском и подростковом окружении, так получилось, никогда не было ни одного интеллектуала и ничего такого, что бы вообще располагало к интересу к академической науке и профессиональной интеллектуальной деятельности. Но

у меня очень рано сформировались большое внутреннее желание стать ученым и вообще тяга к знаниям. Тогда не было Интернета, и единственным источником информации был периодически ломавшийся телевизор с двумя каналами Центрального телевидения: Первый (или ОРТ, названия его менялись в 90-е годы) и РТР. Там, большей частью, показывали всякую чушь, какие-то третьесортные сериалы, новости. Политические новости кстати я очень любил лет в двенадцать смотреть! Мне казалось, что, наблюдая за политической повесткой, можно понять, что происходит. Но потом уже я понял — то, что показывают, плохо отражает действительность, и всё это нужно пропускать через какое-то количество фильтров. Книжного магазина в Парфине тоже не было, но я заказывал книги по почте. В девяностые было такое издательство и книжный клуб «Терра», которое активно продвигала себя через телепередачи. И вот я заказывал у них книги по истории. Плюс, у нас была какая-то своя домашняя библиотека, не очень богатая, правда, но по поселковым меркам неплохая. В частности, у нас была подписка журнала «Москва» конца 80-х годов, где была опубликована полностью «История Государства Российского» Карамзина. Ещё в пятом классе я читал ее сокращённую версию, вышедшую то ли в серии, то ли под заголовком «Предания веков», прочёл её несколько раз с большим интересом. В каком-то смысле, чтение Карамзина меня сильно мотивировало к изучению истории. К тому же, тоже в пятом классе мать купила мне книги серии «Мировая иллюстрированная история» издательства «Росмэн». Там

были тома «Древний Египет», «Римляне», «Греки», «Викинги» и проч. Позднее у меня появилась историческая серия книг для детей издательства «Аванта +». В общем, я читал случайные книжки, как-то тянулся к чему-то настоящему. И в десятом классе в 2000 году занял третье место на Всероссийской олимпиаде по истории. Потом пошёл на исторический факультет Новгородского государственного университета. Но экзамены не сдавал, у меня было три основания, чтобы обойтись без вступительных испытаний: золотая медаль, высокие баллы по централизованному тестированию (предшественник ЕГЭ) и комплексной олимпиаде (ее для потенциальных абитуриентов проводил сам университет). Мне тогда сказали при подаче документов: «Всё здорово, только зачем вы идёте к нам на исторический?! Может вам на более престижное направление лучше поступить?» Сейчас этого исторического факультета с более чем 80-летней историей уже не существует, хотя историческое образование в усеченном виде в Новгороде осталось. Двадцать лет назад на истфаке было четыре кафедры, сейчас осталось лишь две, которые уже не образуют факультет, а просто входят в состав Гуманитарного института.

С.Э: Как пел Высоцкий: «Значит, нужные книги ты в детстве читал».

Н.П: Не совсем нужные. Был такой межбиблиотечный абонемент по доставке книг из Новгорода в Парфино. Я однажды пришёл в парфинскую библиотеку и попросил стихи Владимира Соловьёва, на что мне ответили, что я, видимо, перепутал имя,

поскольку такого поэта не существует. Но я настаивал, что он есть, и что я ничего не перепутал. Мне, нехотя, поверили и потом заказали для меня книгу. Правда, стихи Соловьева мне тогда не понравились, как не нравятся они и сейчас. Впрочем, любим мы его не за поэзию. Тем же способом я сумел прочесть и книгу Дмитрия Мережковского «Л. Толстой и Достоевский», сильно меня потрясшую.

Ещё, конечно, когда я учился в десятом классе, то принял участие в только что появившихся тогда Достоевских юношеских чтениях в доме-музее писателя в Старой Руссе. Я после этого и стал всерьез заниматься Достоевским. Это как бы всегда шло параллельно с моими занятиями историей. В конце концов, со временем я больше переключился на Достоевского, хотя тоже, скорее, как историк литературы, а не такой отвлеченный филолог-филолог.

С.Э: Были ли в университете преподаватели, оказавшие на вас влияние?

Н.П: Я не могу говорить о сильном влиянии, но есть люди, которые запомнились. В частности, историю античности нам преподавал петербургский профессор Юлий Беркович Циркин. Он умер в начале этого года. Очень известный питерский античник, он был автором ещё «Большой советской энциклопедии» и написал более десяти монографий по истории Древнего Рима, Древней Финикии и Древней Испании. Тогда, в студенчестве, я не читал его книг, но мы знали, что у нас есть такой общенационального уровня профессор. Ещё был профессор Игорь Василь-

евич Пьянков (он умер два года назад), специалист по Древней Персии, древне-восточник, у него были научные работы по зороастризму, державе Ахеменидов и проч. Он тоже был доктором исторических наук, но приехал в Новгород из Средней Азии в 90-х годах. Вообще, я шел на истфак, потому что хотел заниматься историей Древней Руси (опять же, интерес от Карамзина и от чтения исторических романов). Я неплохо знал последовательность великих киевских, владимирских и московских князей. Но не сложилось, я не нашёл здесь для себя подходящего учителя. Вообще, когда я учился, исторический факультет уже деградировал. Стали сливать кафедры, уходили преподаватели, урезались ставки. Это была общенациональная ситуация. Потом закрыли диссертационный совет по истории в Новгородском университете. Поскольку я занимался ещё Достоевским и наполеоновским мифом (с третьего курса истфака), то начал разрабатывать тему «Наполеоновский миф в творчестве Достоевского». Эти две фигуры — Достоевский и Наполеон — для меня равнозначны в плане научного и человеческого интереса к ним. Я писал по этой теме сначала курсовую, затем дипломную (два диплома, т. к. тогда ввели бакалавриат, а после него я закончил специалитет), потом ещё кандидатскую диссертацию. Правда последняя уже была по специальности «русская литература» — я защитил ее в Новгороде в 2009 году.

С.Э: Кандидатская на эту же тему?

Н.П: Тема постепенно то расширялась, то сужалась, но проблематика работ при этом всегда углублялась.

Когда я был студентом, наполеоновский миф меня больше интересовал в плане изучения общественных настроений в России XIX века. То есть это была отчасти работа по исторической социологии или культурологии. А кандидатская — это уже было литературоведение, история литературы. Моя диссертация называлась «Наполеоновская тема в романе Ф.М. Достоевского "Идиот"». В общем я и сейчас продолжаю этим заниматься. Планирую написать и защитить докторскую, только уже по всему творчеству Достоевского. Публиковаться также продолжаю по этой теме. На самом деле, тема наполеонизма и наполеоновского мифа в культуре бездонная. Как Достоевский — величина первого порядка в истории русской мысли и русской литературы, культуры; так и Наполеон — фигура даже не историческая, а метаисторическая, которая определила весь XIX век, да и XX век тоже. Сложно найти крупного писателя, философа, политика Новейшего времени, который бы так или иначе о Наполеоне и о Достоевском не написал или как-то не отозвался. Свою домашнюю библиотеку я также уже два десятилетия формировал, исходя из этих интересов.

С.Э: Да, я видел, вы выкладываете в Facebook обложки книг. Там много о Наполеоне и наполеоновских войнах... Сейчас часто употребляют слово аффилиация. Скажите, а вы работаете в академических структурах?

Н.П: Я с осени прошлого года работал по совместительству, а с февраля этого года перешёл в штат Института мировой литературы Российской

академии наук. Пока еще остаюсь физически в Новгороде, но основное мое место работы в Москве. Почти десять лет я не имел никакой аффилиации, но время от времени публиковался как независимый исследователь. После защиты диссертации у меня как-то немного пропал интерес к публикациям в научных журналах, и я переключился на публицистику и блогинг, но потом вернулся в академическую науку. А сейчас и должностные обязанности дополнительно мотивируют к научным публикациям.

С.Э: В 1986 году ещё студентами Кишинёвского университета мы посетили Новгород. Запомнилась экскурсовод. Когда она рассказывала о разгроме Новгорода Иваном III, а потом Иваном IV, — в ее словах было столь же живое чувство, как у нас, когда вспоминаем Великую Отечественную войну. Было понятно, что для нее это не какое-то далёкое прошлое, а что-то очень личное. Господин великий Новгород был крупнейшим вольным городом Руси. А осталось ли воспоминание об этом в памяти новгородцев, или тогдашний рассказ экскурсовода был индивидуальной особенностью экзальтированного человека книжной культуры?

Н.П: Начнём с того, что с времен Перестройки и затем все девяностые годы это вызывало общий интерес. Если мы поднимем новгородскую прессу тех лет, то увидим, что было модно говорить о новгородской демократии, вечевых традициях, свободомыслии. В последние годы общий дискурс в стране сильно изменился, конечно, и несвобода стала

для многих лучше, чем свобода. Новгород тут не мог остаться в стороне, тем более что и региональных новгородских элит, как таковых, нет. Сейчас Новгородская область не вполне самостоятельная, если её даже сравнить с Новгородской губернией, которая существовала до 1927 года. Нынешняя Новгородская область в сильно урезанном виде была выделена из состава Ленинградской области в 1944 году. В войну город был практически уничтожен и опустел. Но, тем не менее, до сих пор вопрос о новгородской идентичности периодически поднимается. Ведь идентичность формируется тоже через многие поколения. Я — новгородец в третьем и более поколениях, но я родом из *области*. А жителей именно Великого Новгорода моего возраста, кто был бы в трёх и более поколениях уроженцем непосредственно Новгорода (причем все три поколения прожили в нем всю жизнь), вы практически не найдёте (кто-нибудь или родился не в Новгороде, или потом из него уехал). Миграция и до сих пор очень сильная. Она обусловлена близостью к мегаполисам — Петербургу и Москве. Все, кто более-менее активен, инициативен — в основном это молодёжь — ориентированы на Петербург и Москву, чтобы как-то состояться и реализоваться в своей сфере. Поэтому, мне кажется, что сейчас говорить о специфике новгородских элит не приходится. Если взять всех новгородских руководителей за последние десять-двадцать лет: мэров города, губернаторов, глав разных ключевых подразделений федеральных ведомств — никто из них не родился в Великом Новгороде. Это тоже накладывает свой отпечаток. С другой стороны, есть

понятие «гений места», когда приезжаешь в какое-то место, и само место настолько пропитано историей, что начинает оказывать свое влияние (не только в области произношения и языка, но и через формирование картины мира, образа мысли). Раньше я говорил про «гения места», и для меня это была такая красивая метафора. А совсем недавно мне приснился мистический сон, в котором Новгород предстал как живое существо. Он выглядел не совсем как нынешний. Но чувство любви именно к Городу, как к субъекту, совершенно неожиданно охватило меня. И я подумал, что «гений места» — это не совсем метафора, и что Город, действительно, обладает какой-то своей непостижимой субъектностью. Увы, в современном виде Новгородская область не вполне самостоятельна. Ни в экономическом плане, ни в демографическом. Потому что это один из самых маленьких регионов со стремительно уменьшающимся населением. Каждый год население уменьшается на несколько тысяч человек. Сейчас уже во всей области проживает менее 590 тысяч человек. Это как один, не самый крупный город по численности населения (сейчас в России таких городов, население которых больше всей Новгородской области, — 27!). Есть и свои негативные черты. Ещё в XVIII веке у писателей была поговорка: «Упрямяк, как новгородец». Я чувствую, что у новгородцев есть и некий гиперкритицизм, сильное самомнение. Это к вопросу о новгородской специфике.

С.Э: Но живой народной или реконструированной памяти интеллигенции: «Мы, новгородцы, свободные люди» — сейчас не существует?

Н.П.: Как правило, «мы свободные люди!» кричат те, кто заведомо несвободен. Иначе зачем об этом заявлять? Элит, способных на федеральном уровне всерьез отстаивать новгородские интересы у нас давно нет, как, скажем, в Татарстане, Якутии, даже в Екатеринбурге и Новосибирске. У нас всё нормативно, вертикально, добровольно-принудительно. И вся общественная жизнь всё равно, так или иначе, завязана на подчиненное взаимодействие с властью. То есть, если власть более-менее адекватная, то это может открывать какие-то возможности. Но если вдруг она начинает проявлять худшие свойства, то это отравляет всю атмосферу. В любом случае, в обход власти особо ничего не поделаешь. Собственно поэтому и нет большой независимой общественной деятельности, которая бы пыталась самостоятельно, без санкции власти запустить какие-то механизмы развития. Если человек амбициозен и профессионально состоялся, то он просто переезжает в Москву, Петербург, за границу, ещё куда-то. Либо находит свое подчиненное место в государственном бюджетном учреждении, и, соответственно, дальше на него уже налагается целый ряд дополнительных ограничений, связанных уже с политикой, идеологией и общей субординацией.

С.Э.: Вы подвели к вопросу, который я планировал задать. Почему вы — человек, несомненно, с амбициями — не уехали за границу? С темой «Достоевский» можно было попасть в западные университеты, или же в Москву и в Питер. Почему вы остаётесь в Новгороде?

Н.П.: В общем-то, я и работаю сейчас в Москве и готовлюсь к переезду. К счастью, ученому можно работать в Москве, оставаясь в другом городе. У меня нет таких амбиций, чтобы заработать много денег или занять некий пост. В плане науки у меня была всегда одна амбиция — обрести мудрость через знание. А подлинное знание не зависит от места нахождения. Оно гораздо больше зависит от внутренних усилий. Интернет и соцсети пока что дают возможность общаться с любыми интересующими тебя людьми независимо от расстояний. Через тот же запрещённый в России «экстремистский» Facebook можно общаться с профессорами из разных городов и стран, и вообще с глубокими, неординарными людьми. Это зависит не столько от места работы, сколько от интересов и уровня человека.

С.Э.: Перейдём к вашему «нетипичному» блогерству. Почему вы — научный работник — решили заниматься блогерством, сконцентрированным на научной проблематике?

Н.П.: Научных блогеров, на самом деле, очень много. Хотя все сообщества сильно сегментированы, и социальные сети этому лишь способствуют. Мы, так или иначе, живём в информационных пузырях. Как бы мы ни пытались расширить круг, соцсети нас едва ли не насильно заталкивают в своеобразные гетто. Есть распространенный тип научного блогерства — такие популяризаторы-позитивисты, напоминающие наглых, задорных, самоуверенных комсомольцев. Они считают себя необыкновенно прогрессивными и продвинутыми и, почти всегда,

отрицают всё метафизическое (большая часть из них атеисты). Мне такое никогда не было близко. Наука меня интересовала и интересует в широком смысле — как знание, не ограниченное какими-то искусственными рамками. Например, когда мы говорим: «человек — учёный», то что это значит? Если вдуматься в само слово, то в русском языке «учёный» — это тот, кто подвергнут учению. «Перчёный» — тот, кого поперчили. «Копчёный» — тот, кого покоптили. «Учёный» — тот, кого поучили, т.е. подвергнули какой-то жёсткой, механической, насильственной обработке. Как правило, эта обработка включает в себя университетское образование, далее — получение какой-то ученой степени, при этом человек должен много раз доказать, что он — свой, «нормальный», и говорит то, что от него хотят услышать, иначе говоря, он должен социализироваться, вписаться в дискурс, в определенное направление для того, чтобы его приняли в круг «ученых», а не сочли фриком и дилетантом. Если есть кандидатская, ещё лучше — докторская, соответствующий индекс Хирша и разные регалии, то только после этого появляется больше свободы говорить и писать о том, что тебе на самом деле близко. Да и то, в строгих рамках. Вообще всегда есть очень много обиженных людей, которые следят только за тем, чтобы никто за эти рамки не выходил. Так называемые «научные просветители», раздающие премии за «лженауку», выбирающие «академиков ВРАЛ» и т.п. Это направление мне совершенно не близко. А интересна только сама наука в ее полноте, чтобы понять — как устроен мир во всей его сложности, как на самом

деле устроено общество и люди — без ненужных табу и ограничений. Здесь мои интересы очень широкие: от религии, метафизики и до т.н. современной «науки» и общественной деятельности. Последнее всегда интересно, ведь наука не существует изолированно от общества. Страхи, представления, табу, существующие в обществе, неизменно распространяются и на науку. Есть мнение, что учёный — это человек, который способен свободно мыслить и свободно публично говорить по существу, не стремясь при этом всем понравиться и соблюсти все требования политкорректности. А мы живём в обществе, где свободы осталось немного, и с каждым месяцем её становится ещё меньше. Причём я говорю не только о России, но и о Западе — обо всем мире. Например, как учёный я веду блог, но я даже не могу цитировать классику в том же фейсбуке и некоторых других соцсетях, потому что многие процитированные тексты — от Достоевского и Пушкина до маркиза де Кюстина — алгоритмы сразу их заблокируют.

С.Э: Если процитируешь из классика слово «негр» или «жид».

Н.П: На самом деле, если бы был список слов, которые употреблять нельзя, то было бы проще. Но такого списка не существует. «Негр», «хохол», «жид» — это теперь известные табуированные слова. Хотя в XIX веке они свободно употреблялись и в исторической, и в художественной, и в мемуарной литературе. В прошлом году я выяснил, что и слово «америкосы», оказывается, в фейсбуке запрещено, причем даже и в ироническом контексте, хотя есть даже фильм с таким названием.

С.Э: За «пиндоса» тоже сразу забанят... Проверено на личном опыте. Робот Фэйсбука, увы, не считывает иронию.

Когда и как у вас возникла идея заниматься блогерством? Ещё в студенчестве или позже?

Н.П: Нет, в студенчестве я только книжки читал и больше учёбой занимался. А когда появились и стали у нас активно развиваться социальные сети (примерно 2007 год) я уже был в аспирантуре и работал в одном петербургском аналитическом центре, где мы как раз занимались изучением возможности социальных сетей для продвижения исторических и общественных инициатив. Но я недолго там проработал. Потом почти семь лет я работал в коммерческом агентстве Green SMM, где много времени приходилось тратить на разные проекты в Интернете. И я подумал: если мне так долго приходится сидеть в Интернете, то почему бы не заняться чем-то для души? Потому что, когда ты развиваешь только чьи-то проекты, то со временем у тебя самого не остается ничего. И я стал развивать личный блог. Сначала в «Живом Журнале», когда он ещё был «живой». Потом в фейсбуке (ныне заблокированном и объявленном экстремистским в России). А последние пять лет, в основном в Telegram, поскольку туда (особенно после февраля этого года) переместилась, можно сказать, вся сетевая жизнь. Как на рубеже 2011–2012 годов российские пользователи мигрировали из ЖЖ в Facebook, так в последние несколько лет происходит миграция из Facebook в Telegram. А в феврале (после блокировок) про-

сто огромное количество людей перешло туда.

Площадки менялись, направления тоже отчасти менялись. Но если мы говорим о научных блогах, то они могут быть двух типов: блоги-проекты, посвящённые какой-то тематике, их могут вести команды и т.д.; и блоги персональные. У меня блог второго типа. Это не столько реализация какого-то проекта, сколько (как я для себя это сформулировал) — элемент самообразования. Я нахожу что-то интересное, делюсь этим с читателем, попутно находя единомышленников и расширяя область своего знания об этом предмете. Постепенно, конечно, сформировалось нечто вроде комьюнити: коллеги и подписчики уже сами присылают новости, просят что-то опубликовать.

В основном я сейчас известен в Сети как книжный блогер, мне даже дали несколько книжных премий. Почти каждый день пишу о новых книгах и о проблемах книжной отрасли. Плюс ещё у меня есть жанр некролога об ушедших выдающихся учёных. В основном это, конечно, учёные гуманитарных и общественных наук или те, кто одновременно стал заметным общественным деятелем. Я давно столкнулся с тем, что вот уходят выдающиеся люди, замечательные учёные, но их уход нередко оказывается практически незаметен. Несколько лет назад мне приватно сообщили, что умер известный античник, профессор Петербургского университета Эдуард Фролов. Он более 40 лет возглавлял кафедру истории Древней Греции и Древнего Рима, написал десятки книг, но мой некролог оказался едва ли не

единственным упоминанием в Сети о его уходе.

Сначала ведение блога происходило попутно с моей работой, а постепенно превратилось в затянувшееся хобби. Хотя сейчас, как блогер, всё время ощущаешь себя между Сциллой и Харибдой. У меня поначалу были несколько идеалистические представления о социальных сетях. Я считал, что соцсети дают возможность выстраивать горизонтальные связи в обход иерархических структур, особенно в виде авторитарного государства, которое задаёт везде жёсткие рамки. А в соцсетях, будучи никем и не обладая статусом, можно успешно развиваться. Я, например, свой блог развивал только благодаря своему уму. Никогда не вкладывался ни в рекламу, ни в какое-то продвижение, у меня не было ни начальных связей, ни влиятельных родственников. Для меня это была возможность создать свободную площадку вокруг своих интересов, найти единомышленников, близких по духу людей. Но последние годы я всё больше вижу, насколько это окно возможностей стремительно схлопывается. В частности, например, история с COVID, когда появились прививки, и людей начали клеймить и блокировать за «неправильные» высказывания, объявив их «антиваксерами». Хотя, на мой взгляд, любая проблема всегда нуждается в свободном обсуждении. Как только кому-то затыкают рот под предлогом, что «это распространение фейков; писать об этом нельзя ни в коем случае», то это уже признак, что здесь что-то нечисто. Любая цензура, если она не направлена на борьбу с призывами к насилию, к уничтожению людей, а карает, например, за

публичное обсуждение целесообразности каких-то обязательных процедур — это всегда скверно.

Ещё одно направление моего блогинга — это правозащитная тематика, которой я начал глубоко интересоваться с 2012 года. Здесь я тоже вижу, что с каждым годом защита прав человека становится всё актуальнее и актуальнее.

С.Э: Вы вывешиваете свои материалы в Facebook и в Telegram. А во ВКонтакте присутствуете?

Н.П: Ну, во ВКонтакте я присутствую по минимуму, потому что в этой социальной сети не знаешь, кому что внезапно покажется оскорбительным, недопустимым и преступным. Это, пожалуй, самая токсичная и опасная соцсеть в России. Я оставляю пока ВК как дополнительный ресурс, но практически там не публикуюсь.

С.Э: Я занимаюсь памятью и в соцсетях мне не нравится именно то, что там нет памяти. Сиюминутность господствует: сегодня есть, завтра нет. Допустим, сегодня вы делаете некрологи ученых, но потом их уже никто не сможет увидеть. Нет ли у вас сайта, где было бы всё собрано вместе?

Н.П: Что касается некрологов, то я публикую их ещё и в Живом Журнале, пока он сохраняется. Да, там практически не осталось собственной аудитории, но для меня этот блог имеет смысл как бесплатный сайт. Через поиск в нем можно найти эти материалы. Другое дело, как сейчас настроен поиск. Ведь мы же

сталкиваемся с тем, что *поисковики* тоже становятся ангажированными и коммерчески захламленными. Ты вводишь в поисковую строку то, что тебе нужно, а тебе показывают то, что нужно каким-то рекламодателям, или то небольшое, что не запрещено. А запрещено с каждым днем становится всё больше и больше. Где-то читал, что 80–90% информации через поисковики никогда не найдёшь, если не знаешь точно — где именно надо искать. И вы абсолютно правы по поводу краткосрочной памяти. Когда я что-то делаю, я всегда представляю, что с этим будет через пять, десять и более лет. Это свойство моей личности. Мне хочется, чтобы что-то осталось и спустя время. Я создавал блог и думал, что потом это будет такое полезное хранилище. А на практике столкнулся с тем, что социальные сети живут недолго, сайты же либо взламывают, либо уничтожают вирусами (но это отдельная тема).

В том же Живом Журнале периодически падают фото-хостинги, т.е. через какое-то время ни одна картинка не отображается больше. Задумывая очередное обновление они вдруг посчитали, что это уже больше никому не нужно. То же относится и к хранению видео. Сейчас очень сложно найти старые картинки, старые фотографии через поисковики и через платформы. Если, конечно, это не специализированные базы для фотографов с большим разрешением. На YouTube видео, залитые более 10 лет назад, практически невозможно сейчас смотреть, они почти все размытые. Говорят, что нейросети будут как-то это чинить. Но, наверное, реконструировать будут не всё, а только то, что нужно, и по какому-то запросу, и, возможно, не

бесплатно. И тут постоянно сталкиваешься с тем, что блогерская деятельность в социальных сетях в лучшем случае рассчитана лет на пять. Дальше неизбежны изменения: либо что-то произойдёт с площадкой — она закроется, испортится; либо старый контент перестанет быть доступен или попадет в разряд запрещенных; либо произойдет что-то ещё. Мы видим, что для соцсети лет десять — это уже предел. Тот же Facebook уже столкнулся с уменьшением выручки и оттоком пользователей. И, действительно, людям не очень интересно находиться там, где много бессмысленной цензуры. Внутренний же поиск в большинстве соцсетей работает очень плохо. В Telegram, к примеру, вообще ничего не найдёшь, если не в своём канале ищешь, в Facebook — тоже. Даже если информация через десять лет и сохранится, то мы с большой долей вероятности уже не сможем её самостоятельно найти.

С.Э: Расскажите о вашей аудитории, кто ваши читатели? В Facebook у вас было 70 тысяч?

Н.П: 73 тысячи подписчиков и ещё где-то две тысячи друзей — всего 75 с чем-то тысяч. В основном это филологи, историки, журналисты, политологи, какие-то активисты, интеллигенция, интеллектуалы, люди, которым интересно глубокое обсуждение вещей и информация об этом. Ну, кому еще может быть интересна заметка об учёном, который нигде не пиарится? Или новая книжка, вышедшая тиражом 300 экземпляров в академическом институте? Примерно так я представляю свою аудиторию, хотя, конечно, специальных исследований я не проводил,

чтобы понять — кто реально читает. Может читать кто угодно: тролли какие-то могут читать... Во всяком случае, я ориентируюсь на тех, кого перечислил, а читать может кто угодно.

С.Э: То есть, социологический портрет вы не составляли? Ведь можно отследить, из каких городов люди заходят и т. д.

Н.П: В основном — это Москва, Санкт-Петербург, крупные города. Явно это не новгородская аудитория, потому что в Новгороде, в принципе, таких активных пользователей Интернета очень немного, а уж интеллектуальных ресурсов вообще мало. Это, в основном, преподаватели университетов, музейные сотрудники, но у них у всех разные интересы. Если назвать всех читателей одним словом, которое неизбежно вызовет у ряда людей изжогу и неприятие, а мне, кстати, оно вполне нравится, — то это интеллигенция. Вот она и есть моя аудитория — российская, русскоязычная интеллигенция.

С.Э: Проблема в том, что интеллигенция уже сама себя не считает интеллигенцией. Сейчас, если скажешь интеллигенту, что он интеллигент, то он с обидой ответит, что он интеллектуал.

Н.П: Мы же вообще живём в эпоху кризиса самоидентичности. Если раньше долгое время человек понимал, кто он такой по сословию, по статусу и т. д., то теперь все вообще непонятно. Это проблемы и гендерной, и религиозной, и какой угодно идентичности. Сейчас общая проблема, особенно для молодёжи: «Кто я такой? Кто я в этом мире? К чему и как мне относиться?».

Я понимаю точку зрения, согласно которой «интеллигенция давно умерла, и сегодня ее не существует, и что это было специфическое дореволюционное явление» и т. д. Но ведь в этих дискуссиях и всё остальное «давно схоронили» — и Бога, и автора, и русский народ. А они, тем не менее, продолжают жить и действовать. Но для меня основная разница между интеллигентом и интеллектуалом состоит в том, что интеллигент — это интеллектуал, который не замкнут на свои личные и корпоративные интересы, а еще и озабочен социальной справедливостью, политическими вопросами, причём, он их пытается разрешить независимо от власти, воспринимая себя как полноправного субъекта перемен. Интеллектуалы же — мы их видим сколько угодно: какой-нибудь журналист Александр Гордон, например, — вполне себе интеллектуал, который читает умные книги. Владимир Соловьёв тоже интеллектуал, почему нет — он много читает, пишет, человек эрудированный. Киселёв тоже. Но у них совершенно другие представления об общественном устройстве, о роли государства, о справедливости и о своем месте в отношениях с властью.

С.Э: Видите ли вы свою перспективу как блогера в России? Или после 24 февраля это уже теряет смысл?

Н.П: Вообще сейчас живёшь в таких условиях, что понимаешь: тебя могут привлечь по любой абсурдной статье в любой момент и на любом основании. У нас уже Госдумой принято такое количество бестолковых, запредельных, вредных законов, что могут людей привлечь за что угодно. Если нынче заводят дела за цитиро-

вание стихов Николая Некрасова, или за белые плакаты без текста, то уж если ты ведёшь на постоянной основе популярный блог, да еще как-то там выражаешь свое, пусть и умеренное, несогласие с властью, критикуешь какие-то высочайшие решения, то ты — в особой зоне риска. С другой стороны, я понимаю, что и помимо власти может что-то не понравиться, скажем, самой соцсети: тот же фейсбук может воспринять пост как «токсичный контент, продвигающий ценности плохих русских и нарушающий гендерный, расовый или прочий баланс», и в любой момент меня могут заблокировать навечно без права обжалования (тем более что предварительных банов накопилось немало). Важно понимать, что все блоги при нынешней системе не принадлежат ведущему их блогеру. Они принадлежат площадке, которая может их уничтожить в любой момент без объяснения причин. Но я тут ориентируюсь на буддистов: они могут рисовать мандалы долго — недели, а иногда и месяцы, а потом их уничтожают, потому что нельзя делать дух рабом иллюзорных форм. Конечно же, хочется, чтобы результаты многолетнего труда не уничтожились в одночасье, но я понимаю, что в любой момент всё может исчезнуть.

С.Э: Мы знаем, что в Facebook есть цензура, очень глупая, поскольку её проводит робот, лишённый чувства иронии. А в Telegram есть цензура?

Н.П: В каком-то виде да. Мы знаем, что перед последними выборами в Госдуму в сентябре прошлого года Telegram стал блокировать то ли ботов, то ли каналы «умного голосования» (тоже теперь запрещённого

и экстремистского в России). Германия, кажется, требовала от Telegram блокировать чаты «антиваксеров», и вроде как он пошел на встречу. Прецеденты, конечно, есть, но таких случаев пока, к счастью, не очень много, гораздо меньше, чем в других соцсетях. Лично я, например, никогда никакой цензуры в Telegram не ощущал. При этом я вполне допускаю, что через какое-то время цензура в телеграме обязательно усилится. Потому что ведь то, в чем мы обвиняем Facebook, на самом деле не является просто злой волей Цукерберга и других владельцев соцсети. Они, наоборот, заинтересованы, чтобы у них было больше пользователей, больше обсуждений и прочее. Просто в какой-то момент власти разных стран почувствовали, что власть от них утекает. Люди через соцсети стали находить работу, решать свои проблемы, и стало не очень понятно, а зачем нам вообще нужно государство, зачем нам нужны чиновники, если почти все свои вопросы мы можем решать через соцсети, через вот эти наработанные горизонтальные связи. Соответственно, стали придумывать много разных ограничений. Любое ограничение — это форма контроля под благовидным предлогом: за деятельностью соцсетей, за массовой аудиторией (поскольку блоги стали уже обгонять традиционные СМИ по количеству просмотров). Соответственно, обострился вопрос об удержании власти. 2020 год стал таким водоразделом, когда государства во всём мире громко напомнили о себе в связи с эпидемией. И цензура повсеместно усилилась.

С.Э: Спасибо за содержательное интервью!

«ЖИЗНЬ ДАЛА ВТОРОЙ ШАНС...»

Интервью с К. Н. Морозовым

В интервью известный историк К. Н. Морозов вспоминает: о том, что ему известно из семейной памяти, о своих предках; о своей учебе в университете и о своем пути историка; о том, как он пришел к исследованию истории партии социалистов-революционеров; он говорит также о значении и роли этой партии в событиях истории России в первой четверти XX века.

Ключевые слова: история России, Октябрьская революция, партия эсеров, покушение на Ленина, процесс над эсерами в 1922 г., общество «Мемориал»

Сведения об авторе: Морозов Константин Николаевич, доктор исторических наук, приглашенный исследователь EHES/CERCEC (Париж).

Контактная информация: morozov.socialist.memo@gmail.com

Автор книг и составитель сборников: Партия социалистов-революционеров в 1907–1914 гг. — М.: РОССПЭН, 1998. — 624 с.; Судебный процесс над социалистами-революционерами (июнь-август 1922 г.): Подготовка. Проведение. Итоги / Составитель С. А. Красильников, К. Н. Морозов, И. В. Чубыкин. М.: РОССПЭН, 2002. 1007 с. (Серия «Архивы Кремля»); Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы / Составитель А. В. Сыпченко, К. Н. Морозов. М.: РОССПЭН, 2003. 624 с.; Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства. — М.: РОССПЭН, 2005. — 736 с.; Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.: Сборник документов и материалов из личного архива В. Н. Рихтера / Составитель К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова, Т. А. Семёнова (Рихтер). М.: РОССПЭН, 2005. 655 с.; Партия социалистов-революционеров накануне и в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и конец российской империи. В 3-х тт. Т. 1. Политическая история. — СПб.: Лики России. 2014. — С.392–469 (глава в коллективной монографии); М. И. Леонов, К. Н. Морозов, А. В. Суслов. Народничество и народнические партии в истории России в XX в.: библиографический справочник. — М., Издательство «Новый хронограф». 2016. — 544 с.; Morozov K. The Unrealized Alternative to Tsarism and “to Bolshevism Right and the Left”: The Socialist Revolutionary Party in the Era of Wars and Revolutions, 1914–22 // Russia’s Great War & Revolution, 1914–1922. Vol. 3. Russia’s Home Front in War and Revolution, 1914–22 Book 4: Reintegration: The Struggle for the State. Bloomington, Indiana, 2018. P. 277–312 (глава в коллективной монографии); Три брата (То, что было): Сборник документов / Составители, авторы предисловия и комментариев К. Н. Морозов, А. Ю. Морозова — М.: Новый хронограф, 2019. — 1016 с.; Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918 — начало 1950-х гг.: Документы и материалы. — М.: РОССПЭН, 2022 / Сост. А. А. Голосеева, К. Н. Морозов, А. П. Новиков, А. В. Суслов. — 1183 с.; Борис Савинков: опыт научной биографии. — М.; СПб.: Нестор-История, 2022. — 768 с.; ил.

"LIFE HAS GIVEN A SECOND CHANCE..." Interview with K. N. Morozov

The well-known historian K. N. Morozov recalls what he knows from his family memory. He recalls also about his ancestors; about his studies at the university and his path as a historian; how he began to study the history of the Socialist-Revolutionary Party. He also talks about the significance and the role of this party in the events of Russian history in the first quarter of the twentieth century.

Key words: history of Russia, October Revolution, Socialist-Revolutionary Party, assassination attempt on Lenin, trial of Socialist-Revolutionaries in 1922, Memorial Society

About the author: Morozov Konstantin N., Doctor of historical sciences, visiting researcher EHESS/CERCEC (Paris).

Contact information: morozov.socialist.memo@gmail.com

Беседовал С. Е. Эрлих

С.Э.: Первый вопрос традиционный. Поскольку наш журнал специализируется на исторической памяти, мы всегда спрашиваем, насколько глубока Ваша семейная память? Сколько поколений предков Вы помните? Помните ли Вы о них благодаря рассказам родных или проводили архивные изыскания или находили их следы в литературе?

К.М.: К сожалению, я знаю не так много. По материнской линии предки происходили из казачьего рода с Дона. Жили они в станице Качалинской, это 70 км от Царицына, нынешнего Волгограда. В этой станице, по одному из письменных свидетельств того времени, родился Ермак. Брат моего деда был атаманом станицы. Мой родной дед был учителем. Во время Первой Мировой войны он воевал, имел Георгиевский крест. Первый раз был репрессирован во время коллективизации. Получил относительно небольшой срок. А последний раз был арестован в 1944 году по доносу односельчанки за то, что не препятствовал колхоз-

ницам брать для детей зерно, и погиб от побоев во время следствия.

Все, что я знаю о своей родне, это со слов матери и трех моих тёток. Две из них родились до революции. Одна была 1910 года рождения. Она застала еще казачий быт и традиции. Мать регулярно возила меня туда, чтобы я сохранил память и получил представление, что такое Дон и как пахнет дончак... Хотя надо сказать, что станица производила впечатление странное. На улицах, например, в 1970-е годы, было много старух, но не помню ни одного старика. Ни одного. Казаки были вырублены практически полностью. Хорошо было видно, что Советская власть прошла огнем, каленным железом, таким, я бы сказал, безжалостным катком.

А по отцовской линии дед был из крестьян Воронежской губернии. Родная бабка была украинкой. Забавно, что, когда отцу и его старшему брату выдавали документы, их записали русскими, а их младшего брата за-

писали украинцем. В 1933 году они, спасаясь от голода, уехали в хлебные края, в Таджикистан. Дед умер еще в 1936 году. Его старший сын Василий погиб в 1942 году под Ростовом. Моя мама закончила после войны техникум связи в Таджикистане. Когда училась в техникуме, познакомилась с отцом. Уехала по распределению в Куйбышев (Самару). К ней приехал отец из армии. Так наша семья в Самаре и оказалась.

Как я сейчас понимаю, моя мать никогда не простила Советской власти то, что она сделала с казаками, что она сделала с ее дедом, никогда не простила коллективизации. Она рассказывала, как деду выдавали 400 гр. гороха на трудодень. О голоде, о постоянном недоедании в 30-е годы. Она не рассказывала мне про войну, а только написала несколько страниц мне, когда я был в 4 классе. Тогда в школе велели расспросить своих родителей, которые побывали на войне, на фронте. Она сказала мне, что лучше напишет. И на нескольких тетрадных листах написала, как ее мобилизовали зимой 1942 года. Ей было 16 лет. Сталинград. Зимой в степях на аэродроме они отмывали от смазки патроны керосином. Я не могу сейчас точно сказать: это были патроны для пулеметов или снаряды для авиационной малокалиберной пушки, не помню. Работали с ледяным керосином в нетопленных ангарах, ночевали в холодных землянках. Это же степи, трудно было найти дрова, а угля не хватало. Заработала себе тогда ревмокардит.

Отношение мамы к 9 мая складывалось из этого ее отношения к тем годам. Праздник со слезами на глазах.

Помню, как она меня привозила, это был 1967 или 1968 год, на Мамаев курган, его только тогда открыли. Шел поток людей в возрасте 40–50 лет. Мне, семилетнему мальчишке, они казались даже старыми. Это были люди, хватившие лиха на этой войне. Люди шли и очень внимательно читали все надписи на барельефах. В этом памятнике была, с одной стороны, большая помпезность — то, что можно назвать «рёв победных фанфар», там хватало монументальности, но, с другой стороны, там все же была отражена до некоторой степени и боль людей. Как я понял уже позже, они искали не столько рёва торжествующих фанфар и помпезности, сколько то, что говорило бы о их боли, об их страданиях, о переживаниях, об ужасе, и о надежде на то, что это никогда не должно повториться. Они народную боль и память искали в этом памятнике, который обе стороны отражал, но в большой степени отражал государственный взгляд на Победу. В нашей семье эта память о войне и о 9 мая была очень личной еще и потому, что мой старший брат родился 9 мая — получился еще и семейный праздник.

И последний штрих. Маме в течение многих лет предлагали вступить в партию. Она на протяжении многих лет была лучшим начальником отделения связи в городе, была на хорошем счету. Но она всегда отказывалась. Насколько я теперь понимаю, потому что она не могла понять, зачем Советская власть так поступила с крестьянством и казачеством. У нее еще явно были претензии и недоумения, относящиеся к прошлому и настоящему. Были вещи, которые она не могла объяснить сама себе.

Я так много говорю о матери, наверное, потому, что ее влияние на меня было во многом определяющим и решающим. Вот это стремление — во всем докопаться до сути, стремление понять истоки, наверное, мне тоже досталось от нее. Она умерла, когда мне было всего 22 года, и я теперь сильно сожалею, что столько важного не услышал от нее и не сказал ей сам. Отец был добродушный человек, уважавший и любивший свою жену и семью.

С. Э.: Вы уже перешли к нашему второму традиционному вопросу: почему я стал историком? Т. е. первым фактором было влияние матери, ее стремление разобраться в прошлом и найти ответы на сложные вопросы. Наверняка были и другие влияния: учителя, одноклассники, может какие-то фильмы, книги?

К. М.: Я по своему складу гуманитарий и пристрастился к книгам достаточно рано. С 11–12 лет читал очень много. Я был записан в четырех или пяти библиотеках, включая школьную, районную и от заводоуправления, читал много, читал запоем. Как сейчас понимаю, особенно повлияли на меня имевшиеся дома многочисленные номера «Роман-газеты», в которых в 60–70-е было опубликовано много «оттепельной» прозы и «лейтенантской прозы», которые я перечитывал по много раз. Помню пронзительные ощущения от повестей и романов Константина Воробьева, Григория Бакланова, Василя Быкова, Юрия Бондарева...

А школьных учителей истории я не помню, и влияния на меня они не оказали. Оказало влияние чтение

и еще две вещи. Самара — город, оказавшийся в горниле Гражданской войны, в 1918 году там проходил Восточный фронт, там находился Самарский комитет членов Учредительного собрания. Его называли сокращенно Самарский КОМУЧ. Я помню, что меня очень заинтересовало здание в центре города — небольшой такой двухэтажный особнячок постройки начала XX века в стиле модерн, где висела мемориальная доска, на которой было написано, что в этом здании находилась чехословацкая контрразведка и в подвале этого здания были замучены и расстреляны многие сотни коммунистов. У меня тогда возникла мысль, сравнение. Мне кто-то показал, где находилась тюрьма и где находилось бывшее здание НКВД. А слухи тогда о репрессиях 30-х годов активно ходили. И вот я сравнил масштаб этих зданий и у меня возникли интерес и желание понять, что же происходило тогда в 1918 году. По слухам, по устным сообщениям, я знал, что над зданием правительства — КОМУЧем висело красное знамя в 1918 году. Узнал позже, что КОМУЧем был открыт, учрежден Самарский университет в 1918 году и он просуществовал до 1927 года. И на его основе создали сельскохозяйственный и технический вузы. И фактически воссоздали университет в 1970 году, только к столетию Ленина. В этом университете я и учился.

Так вот две вещи. С одной стороны, это интересовало, а с другой — ничего нельзя было понять. Нас водили как пионеров в музей имени Фрунзе, где рассказывалось о победах Фрунзе, но что-то понять внятно, что такое правительство эсеров,

что такое КОМУЧ, почему он под красным знаменем боролся с большевиками, — было абсолютно невозможно. Выяснить и расспросить я пытался, но получал какие-то странные и уклончивые ответы. Из экспозиции ничего нельзя было выяснить. Их называли белыми, но, с другой стороны, было понятно, что они не белые, а социалисты. Но когда я пытался спросить, как говорили до революции, «по-простому, по-дурачки», все уходило от ответа и замолкали. Лет в 12 мне попалась книга о Н. Баумане «Грач — птица весенняя». И там было коротенькое упоминание про эсеров. Книга меня зацепила. Она была написана неким Мстиславским. Только намного позднее я узнал, что автор — это левый эсер С. Д. Масловский. Наверное, поэтому и книжка была неплохая, так как автор не понаслышке знал жизнь революционного подполья. И вот в этом возрасте, в 12–13 лет, у меня возникло желание разобраться, что это за люди эсеры, почему у них была такая трагическая судьба... Социалисты, которые боролись и с красными и с белыми. В большинстве своем были потом расстреляны и уничтожены в лагерях. И вот это желание потом меня привело на истфак, желание разобраться, почему такая судьба постигла этих людей, по моим тогдашним представлениям людей ярких, достойных большего, лучшего. Ну и разобраться в трагичности истории. Наверное, это переплеталось с теми историческими вопросами о Советской власти, о коллективизации, о неадекватном отношении власти к народу, о которых я задумывался после каких-то реплик, разговоров с матерью.

С.Э.: Можно ли сказать, что «антисоветский», утрируя конечно, настрой матери и память места, повлияли на то, что Вы стали не просто историком, а стали заниматься эсерами. Расскажите, пожалуйста, как вы учились на истфаке?

К.М.: Путь на истфак у меня получился достаточно долгий. Он не начался после окончания 10 класса школы, как это в большинстве случаев бывало. Я год перед армией отучился в техническом училище на оператора станков с числовым программным управлением. Потом 2 года отслужил в армии, но продолжал хотеть поступить на истфак. Я привез из армии направление на так называемый рабфак — подготовительное отделение. Направление с работы — с завода или направление из армии давали возможность поступить на такое специальное подготовительное отделение, где нужно было отучиться порядка 8 месяцев. Там было только 4 предмета, по которым нужно было экзамены сдать. При этом платили стипендию. После сдачи этих внутренних экзаменов на подготовительном отделении зачисляли на первый курс университета.

Я демобилизовался в ноябре 1981 года, и когда я пришел на следующий день в университет, то выяснилось, что за день до этого — в воскресенье, и прошли вступительные, приемные экзамены на этот самый рабфак. Мне сказали, что взять меня задним числом на истфак нельзя (там был большой конкурс), но предложили место на рабфак филологического факультета. Там не хватало парней и несмотря на то, что экзамены уже прошли, именно туда меня могли

зачислить. Я подумал-подумал и понял, что я не готов менять свою мечту о исследовании истории эсеров на филологические штудии. Пошел работать на завод, потому что оставалась возможность еще один раз поступать на рабфак: направление из армии было действительно в течение двух лет. Работал в течение года, стал наладчиком станков с числовым программным управлением 4 разряда, чем горжусь. После этого уже поступил на рабфак, отучился там и с 1 сентября 1983 года стал студентом 1 курса истфака.

Я об этом подробно рассказываю потому, что это сыграло серьезную роль в моей жизни. Ведь у меня оказался пятилетний разрыв, пятилетний люфт. Если бы я поступил сразу после школы, то в этом 1983 году я бы истфак уже закончил и во время учебы окунулся бы в самое болото застойной эпохи. Я его немного застал, учась на рабфаке. Я помню, как Андропов пытался бороться с нарушениями дисциплины, как на вахте университета, где никогда никто никого не контролировал, вдруг появились дружинники с красными повязками. В этом же корпусе учились и юристы и был такой очень внушительный строй контролирующих и следящих за опаздывающими студентами и преподавателями. Все шептались, преподаватели как-то перепугались, что возвращаются строгости прошлого времени. Но это все через месяц закончилось, рассосалось. Так вот, эта пятилетняя разница дала возможность захватить Перестройку еще в годы обучения. 1987 год — это только первые веяния, первое оттаивание. Мы уже застали эти дискуссии в универси-

тетских аудиториях, хотя все-равно их еще пытались в это время как-то зажимать. Я начал работать в конце 1988 года. И 1989, 1990–91 год. Это было время уже настоящей свободы.

Про университет и своего научного руководителя, учителя Михаила Ивановича Леонова могу сказать, что это даже не просто везение, это своеобразный перст судьбы. Я, когда шел в университет, наивно полагал, что в каждом университете должны быть специалисты по любой теме. Ты хочешь такой-то темой заниматься, — вот тебе специалист по этой теме ... Когда обнаружилось, что есть специалист по эсерам, я тогда этому не удивился и принял как должное, и только много лет спустя понял, что специалист мирового уровня именно в Куйбышевском университете — это как минимум — большая случайность и гигантская удача. Специалистов по этой теме такого уровня в мире тогда было три человека, и один из них в Советском Союзе — вот он. Ну был, конечно, как положено, один официальный специалист — К. В. Гусев. Его называли патриархом эсероведения, хотя все те статьи и книги, которые он написал в 60–70-е годы, к науке не имели ни малейшего отношения, и, если оценивать их вклад в исследование этой темы, то они идут со знаком минус. Не то что о заслугах не приходится говорить, а приходится говорить о продолжении этой ленинско-советской линии, которую даже нельзя назвать историографией. Она не имеет отношения к науке, а относится к пропаганде. Все, что писал Гусев и подобные ему, вроде Леванова, о борьбе большевиков с эсеровской партией, — было пересказом, переключиванием на чуть более

широком материале ленинских позиций и пропагандистских брошюр периода Гражданской войны и особенно процесса 1922 года.

Вот Вы употребили фразу «антисоветские настроения матери». Я бы не сказал, что ее взгляды были сформированными, ярко выражено антисоветскими. Но и типичным советским человеком я ее бы не назвал. Она все-таки во многом сомневалась и ощущала противоречия. С одной стороны, она видела все те беды и горести, кровь, которые принесли большевики в деревню. С другой, она видела и понимала, что все-таки удалось выстоять в войну, хотя прекрасно понимала цену, заплаченную народом, и она совсем не была таких ура-патриотических настроений. Я опять возвращаюсь к этой теме. Она не рассказывала про войну. Информация от нее исходила маленькими такими фразами, репликами. Когда, например, мы смотрели фильм и там была такая сцена: ведут фашисты колону пленных, падает без сил пленный, фашист подходит и его добивает. Вот в этот момент мама говорит, что и наши ровно так же делали, рассказывала, что когда шли колонны пленных под Сталинградом, то она видела, как пленные немцы несли своего раненного товарища, потом его бросили и тогда конвоир короткой очередью добивает. Это — правда войны, которую никогда в советских фильмах не показывали, это всегда оставалось за скобками. Ровно так же как она рассказала, как однажды была свидетелем драматического события: эскадрилья Ил-2 атаковали колону советских войск, перепутав их с немецкими, какой это был ад. То есть она понимала мно-

гое, но, тем не менее, она видела, что жизнь изменилась к лучшему и она, видимо надеялась на то, что вот это лучшее, человеческое все же возобладает. Я абсолютно уверен, что при своих гуманизме, эмпатии, поиске правды и справедливости она ни за что бы не приняла нынешних официальных объяснений властей о т. н. «спецоперации» и не поверила бы им.

И про себя сказать, что я придерживался антисоветских взглядов или напротив был типичным советским человеком, было бы тоже неправильно. Показательно, что на рабфаке за свою симпатию к эсерам, за высказывания об окружающей реальности, которую мы между собой стали активно обсуждать, у меня сложилась определенная репутация. Вот я, будучи еще рабфаковцем, беседовал с одной студенткой 1 или 2 курса, и она говорит: «А вот у вас на рабфаке завелся такой ...Морозов, троцкист по взглядам...» И тут я очень удивился и стал хохотать: вот вы все до чего докатились, вы уже эсеров с троцкистами путаете! Мне было с одной стороны смешно, т. к. это было свидетельством невежества и сестроты и того как работает «испорченный телефон». А с другой стороны и холодок в груди почувствовал, так как было件нятно, что такие слухи не пройдут мимо первого отдела...

Выгоняли на работы нас, такие добровольно-принудительные, например, чистить трассу — Московское шоссе, студентов гоняли туда часто, или выйти траншею копать. Как правило, это было по решению проректора по хозяйственной части. Я один раз одному из его сотрудни-

ков высказался, что «наше дело, дело студентов — учиться, а ваше — не использовать студентов в качестве бесплатного труда, университет все же не стройбат». Где-то через полчаса уже была большая-большая «разборка полетов»...

Со временем у меня произошло сильное углубление этих настроений и взглядов. Качественный перелом и очищение от «советских иллюзий» происходит где-то в 1989–1990 годах. Перестройка дала свободу слова, много книг и статей, возможность читать, спорить. Конечно, было важно и то, что я как историк читал критику большевистской власти. Читал много эсеровской публицистики, периодики и воспоминания того же В. М. Чернова, Р. В. Иванова-Разумника, В. М. Зензинова, М. В. Вишняка (воспоминания только с конца 80-х) и др. — сравнивал, думал... Думаю, и эти материалы влияли на то, что у меня стало меняться отношение к власти и системе. Оно стало меняться, в том числе и по существу дела, от учебы, от расширения кругозора. Я помню, как на 2 курсе, когда я писал курсовую у Михаила Ивановича Леонова, я сидел в библиотеке и читал Ленина. Я решил тогда честно проштудировать Ленина, его писания об эсерах. А в этот момент по залу университетской библиотеки шел Леонов, заинтересовался, что я читаю, посмотрел, скептически хмыкнул, наклонился ко мне и на ухо тихо сказал: «Не читай ты его! Он ни хрена в эсерах не понимал». Это был еще 1984 г. или самое начало 1985 г, т.е. еще до начала Перестройки. Я конечно сильно удивился, pokrutil головой. Не сказать, что я сразу в это поверил, но вскоре я понял,

что надо завязывать читать Ленина, то есть где-то на третьем, четвертом курсе я окончательно понял, что не надо читать ни Ленина, ни советскую историографию по эсеровской проблематике. Потому что ты, может, какие-то полезные сссылочки и найдешь, какие-то отдельные фактики, которые будут полезны, но при этом ты рискуешь заразиться от этих книг духом превосходства от обладания абсолютной истины, рискуешь начать вещать и снисходительно хлопать всех своих оппонентов по плечу, рискуешь убить в себе исследователя и историка-ученого. То есть, польза от чтения данных книг и вред, наносимый ими, абсолютно не сопоставимы.

В целом, могу сказать, что учился я очень охотно, особенно по тем дисциплинам от которых видел для себя пользу и тем, чем загорелся. Мой однокурсник в сборнике к моему 60-летию юбилею красочно описал какое впечатление на группу произвела на 2-м курсе оценка курсовых М. И. Леоновым: «На разборе полетов все получили по первое число. И это не то, и это не так, и в целом не совсем понятно, с какой стати мы вдруг оказались на истфаке. Под конец своей язвительной тирады Михаил Иванович потряс над своей головой пятью рукописными листочками Кости Морозова. Все притихли. Пять листочков — это уже как-то совсем вызывающе. — ...и только Константин Морозов имеет право на «отлично». В этих листах проработка десятков источников по теме и выводы, достойные издания в научном журнале! Я буду рекомендовать эту работу к публикации! Ай да Костя, ай да ... сокурсник!».

С. Э.: Как и когда началась Ваша самостоятельная исследовательская и преподавательская деятельность? Как эта эпоха повлияла на Ваше становление и как Вы ее оцениваете? Кого Вы считаете своими учителями и кто повлиял на Ваше профессиональное становление и развитие?

К. М.: Я приступил к преподавательской работе в 1988 году, а в 1990 г. поступил в заочную аспирантуру. Уже была другая эпоха. Мне не пришлось, как тому же Леонову, как и многим другим историкам в контролируемых властью темах, заниматься не тем, что ему могло быть интересно, а тем, чем можно было заниматься, ну, например, организационным составом, структурой партии, но ни в коем случае в том же 1982 году нельзя было писать об идеологии что-то, отличное от того, что писал Ленин в свое время.

В конце 80-х и в 90 х годах произошла Архивная революция и появилась возможность исследовать и выражать свое мнение, а потом позже и издавать свои книги ... Я очень высоко оцениваю Перестройку и Горбачева за то, что он дал нам новые возможности, дал свободу, в любом случае он перевернул мою жизнь к лучшему, открыл новые горизонты, это фактически дало мне возможность состояться как профессиональному историку, как исследователю, а позже появилась возможность с появлением РГНФ и публикации книг... Я свою первую книгу опубликовал в 1998 году. Мне было 37 лет, а в книге не было ни одной отцензурированной строчки. Всё, что я хотел сказать и поделиться тем, что я сам понял, отвечая на те вопросы, кото-

рые я себе когда-то сам еще в юности задавал, вот все, на что я смог ответить за эти 20 лет, я это всё в книге и написал.

К этому времени, к этой эпохе, с точки зрения профессиональной самореализации, у меня очень теплое, очень доброе отношение. Наверное, в истории России — это единственное время — время Перестройки и 90-х годов, когда историки оказались до такой степени свободны. Я думаю, что в 1917 году было так же, но в 1917 году это был довольно короткий период, а в этом случае — все-таки больше чем десятилетие, это был воздух свободы и открытых или полуоткрытых архивов. Если говорить о некоторых ведомственных архивах, они были, скорее, полуоткрыты-полузакрыты, или на три четверти закрыты, но все-таки это был настоящий прорыв для исторической науки. Вот сейчас, когда мы задумываемся, что нам удалось сделать или не удалось сделать за это десятилетие, то рассуждают, в какой степени мы виноваты, что не смогли повлиять на общество.

За всех людей с историческими степенями говорить не буду, но мне довелось общаться и работать с теми учеными-историками, которые целиком отделились исследованиям и пытались наверстать то, чем не могли заниматься в 70–80-е годы. Будучи даже в весьма серьезном возрасте, дорвавшись до любимого дела, они до последнего пытались наверстать упущенное. Конечно же, это Виктор Петрович Данилов, это Альберт Павлович Ненароков, это Станислав Васильевич Тютюкин и конечно это мой друг, ныне, слава Богу, здравствую-

щий Сергей Красильников, который родился в Нарымском крае в семье спецпоселенца и отдался темам крестьянских репрессий и ссыльных поселенцев, а с другой стороны, теме судебных процессов, хотя до этого занимался совсем другими сюжетами. Я считаю, что историкам удалось сделать очень много по самым разным направлениям истории XX века. Конечно, я говорил об историках, изучающих историю XX века. Понятно, что историки-медиевисты и историки древнего мира подвергались ощутимо меньшим гонениям и давлению. Хотя я помню, как с виноватой усмешечкой-улыбочкой нам рассказывал наш университетский преподаватель, как Сталин в 1935 году на съезде колхозников, пытаясь объяснить последним теорию формаций, родил новый термин «революция рабов». Революция рабов под предводительством Спартака. И этот преподаватель сказал, что в 1940 году появилась книга, если не изменяет память, Мишина, которая так и называлась «Революция рабов». При этом он так хихикал и закатывал глаза, что нам было абсолютно понятно, что историки древнего мира этой книги стесняются. Но нам, историкам истории XX века, поводов стесняться за исследования, вернее псевдоисследования, было значительно больше. И вот в 90-е и нулевые был совершен очень серьезный прорыв по всем направлениям истории XX века: по истории политических партий и по 1917 году, и по Гражданской войне, и по коллективизации, и по репрессиям. С одной стороны, было опубликовано огромное количество сборников документов, это была настоящая архивная революция. С другой, осмысление, по все

видимости, запаздывало, и кстати все историки, специалисты по теме в голос об этом говорили. Но часть из них просто спешила. Как я понял из разговоров с А. Ненароковым, ощущение было такое, что он просто спешит, спешит, пока есть возможность и здоровье, все это опубликовать, предать гласности и облечь это в печатное слово. Спешили это сделать и другие. И Данилов точно так же спешил. Насколько я помню, Алексей Берелович рассказывал о своем разговоре с ним, спрашивал его, отчего мы так спешим. Они делали сборник «Советская деревня глазами ВЧК, ОГПУ, НКВД». — Зачем так спешить? Архивы будут теперь всегда открыты, теперь можно делать спокойно исследования, писать статьи и монографии. В ответ Данилов на него посмотрел с непередаваемым выражением лица и горько усмехнулся. И позже, когда начался откат, когда началось фактическое закрытие архивов и фондов, Берелович эти слова часто вспоминал. То, что прорывы были сделаны, это безусловно. Но осмысленно было тогда далеко не всё. Сборников документов в этом плане было издано в 1990–2000-е годы -значительно больше. Но по крайней мере это фундамент, на который можно будет встать новому поколению историков в будущем.

И возвращаясь к Вашему вопросу об учителях, скажу, что, конечно, главным из них профессионально был уже упомянутый Михаил Иванович Леонов, который в эпоху упрощенных ленинских оценок ввел меня в чудесный мир источников: эсеровской мемуаристики, публицистики, газетной периодики, самых разных документов партийного

происхождения. А главное — он научил меня не повторять вслед за Лениным аксиомы, а пытаться найти истину самому, анализируя, сравнивая, осмысливая. То, что наши взгляды и оценки на ПСР, ее идеи, ее судьбы так сильно разошлись, совершенно не изменило моего уважения к нему и моей признательности. Кроме того, я должен назвать еще несколько человек, которые оказали в последующие годы воздействие на мое профессиональное развитие. Это Арсений Борисович Рогинский, Альберт Павлович Ненароков, Станислав Васильевич Тютюкин, Алла Юрьевна Морозова, Сергей Александрович Красильников и Леонид Григорьевич Прайсман. Это воздействие было различным. У А.Б. Рогинского я в 2001–2005 годах, когда мы работали над продумыванием методики и принципов составления Словника и биограмм к биографическому словарю социалистов и анархистов, участников сопротивления большевистскому режиму, я многому научился, как работать с массивами биографических материалов, как трудно и упорно искать методику. Хотя справедливее сказать, что учились мы этому вместе с ним в процессе достаточно непростой работы. Сейчас я понимаю, что сил и труда, которых я вложил в создание концепции, методики и написания эсеровской части Словника и биограмм, эквивалентно труду, необходимому для исследования и написания монографии. Рогинский отличался цепкостью и живостью ума и прекраснейшими аналитическими способностями. Он легко вычленил и в моем рассказе и в любой проблеме, которой мы занимались, самое главное, самое ключевое звено. Мозговые

штурмы с ним по решению той или иной проблемы были для меня неизбежным и полезным уроком.

Альберт Павлович Ненароков и Станислав Васильевич Тютюкин занимались исследованиями меньшевизма, то есть параллельными и близкими к моей темами, но мы испытывали понимание и симпатию друг к другу. Они всегда были готовы оказать помощь, были ответственными редакторами моей монографии о судебном процессе социалистов-революционеров.

Не исключено, что мои слова о том, что моя супруга Алла Юрьевна имела влияние на мое профессиональное развитие как исследователя и как ученого, вызовут у многих недоумение. Ведь констатировать что-то подобное совершенно не принято. А ее значение в моей жизни совершенно исключительное, и влияние ее было огромно. Первым это отметил в свойственной ему манере А.Б. Рогинский, который как-то сказал: «Костя, Вы даже не представляете, как Вам повезло! У всех жены, как жены, а у Вас — товарищ по борьбе». Алла, правда, сочла это несколько сомнительным комплиментом, но в реальности мы многое преодолевали вместе, и я многому учился у нее. Совершенно не случайно мы стали писать с ней в соавторстве, дополняя друг друга. Один из моих коллег-приятелей с завистью как-то сказал нашему общему знакомому в ответ на слова того о моих научных достижениях: «Ха, у него Алла есть!».

Она учила меня избавляться от сложных языковых конструкций, тщательно подбирать слова и при-

слушиваться к звучанию фразы. Она была первым читателем всех моих книг и безжалостным их редактором. И она же требовала тщательности в работе, пресекала мои робкие попытки схалтурить, когда нужно было искать какую-нибудь сноску. А главное — она всегда поддерживала меня в следовании своей стезе.

Сергей Александрович Красильников появился в моей жизни в 1996 году. Ему нужен был соавтор для работы над сборником о судебном процессе социалистов-революционеров 1922 г., и меня ему «сосватал» мемориалец Никита Охотин. За годы совместной работы мы с ним сдружились, но и профессионально я от него учился въедливости, педантичности и медленному, но неуклонному движению к цели. И конечно же, он как и А. П. Ненароков сами по себе были примером того, как нужно выполнять добровольно возложенную на себя миссию. С ним же я делился своими сомнениями о недостаточной востребованности и властью и обществом нашей работы историков и, глядя на него, всегда продолжал идти вперед.

Повлиял на меня и другой коллега, быстро ставший другом (мы сдружились семьями) Леонид Григорьевич Прайсман. Он был вторым моим другом, с которыми я делился своими сомнениями и усталостью. Но он говорил не о чувстве долга, он заражал своей энергией, жизнелюбием и эмоциональными утверждениями, что писание книг для него несравнимо ни с чем жизненное удовольствие! Я, конечно, над ним подтрунивал за некоторые его сравнения, но его эти выплески и его оптимизм учили преодолевать хандру и идти дальше

дорогой историка... И закончу о том профессиональном влиянии на меня, которое произвела на меня книга германского историка Манфреда Хильдермайера, ранее хранившаяся в спецхране, а потом фоторолик с ней был прислан мне в 1990 г. по межбиблиотечному обмену. Я напечатал с этого ролика фотографии. Из экономии текст получился очень мелким и к тому же негативным. Но со словарем в руках я полгода общался к этому миру немецкой научной педантичности и фундаментальности, и окунулся в мир идей, от которых советские историки были наглухо отгорожены... Думаю, что это он (наряду с М.И. Леоновым) задал для меня эту высокую планку и стремление к фундаментальности... Вживую с М. Хильдермайером я познакомился два десятка лет назад на конференции в Германском историческом институте... А в 2006 г. на конференции в Париже я познакомился и подружился с его учеником Люцем Хэфнером, написавшим не менее фундаментальную и толстую книжку о партии левых с.-р.

С.Э.: Как и когда Вы пришли в «Мемориал»? Чем Вы в нем занимаетесь как историк и ученый-просветитель? Как Вы относитесь к своей мемориальной деятельности и к «Мемориалу» и что они означает в Вашей жизни?

К.М.: Впервые судьба свела меня с «Мемориалом» вскоре после окончания истфака Куйбышевского (Самарского) государственного университета летом 1988 г., когда, услышав по радио приглашение участвовать в создании куйбышевской организации «Мемориала», я пришел на

первую «инициативную» встречу. Она была весьма странной (как и многое в той горбачевской эпохе), так как проходила в горьком ВЛКСМ, очевидно, реализующем указание сверху. Какие-то слова нам сказал даже первый секретарь, но были они какие-то невнятные и серые (после чего он, насколько я помню, покинул нас), и осталось только острое чувство неловкости и фантазмагоричности происходящего, которое ощущали обе стороны. Было заметно, что обе стороны ощущали себя врагами, но вслух это не производилось.

Второе собрание, чуть ли не учредительное, было назначено там же, но, приехав чуть позже, я узнал, что собравшиеся возле горькома ушли заседать в помещение какой-то общественной организации, внезапно предложившей свои услуги. Куда они ушли, никто в горькоме не знал, и мы ждали посыльного от ушедших, стоя под морозящим дождем вместе с пожилой парой, очевидно, пришедшей рассказать свою печальную историю (из вестибюля горькома мы быстро ушли, так как чувство нашей чужеродности этим стенам и этим людям было почти физическим).

Вторая моя встреча — уже с московским «Мемориалом» (точнее НИПЦ «Мемориал»), — когда я и познакомился с Арсением Борисовичем Рогинским, длилась с конца 1994 г. по 1997 г. и вместила в себя и участие в организации научной конференции об индивидуальном терроре, и составительство сборника его материалов — <http://www.memo.ru/history/terror/>, и организацию постоянно действующего семинара, посвящен-

ного революционной проблематике, и стипендиатство в программе для молодых ученых «Мемориала» и Фонда Генриха Бёлля.

Но на постоянной основе я стал работать в «Мемориале» в 2001 г., будучи приглашен А. Б. Рогинским для обновления работы по биографиям социалистов, боровшихся с большевистским режимом. Сам А. Б. Рогинский позже выделял три этапа этой работы и мотивацию ее участников: «Первый этап — домемориальный, когда в 1970-х годах группа молодых людей начала собирать такие материалы. Я входил в эту группу. Почему мы это делали? Отчасти это были поиски собственных корней, отчасти — стремление доказать, что внутреннее сопротивление власти большевиков в стране реально существовало. Тогда еще были живы многие участники этого сопротивления, делались записи их воспоминаний, бесед с ними, появились первые публикации в самиздате и за рубежом.

Второй этап — раннемемориальный, конец 1980-х — начало 1990-х. Открытие фонда Политического Красного Креста в Государственном архиве Российской Федерации позволило получить доступ к огромному массиву документов. Эту работу начинали Ирина Осипова, Лия Должанская, Ида Заикина, Ярослав Леонтьев, Лев Аронов, Сусанна Печуро.

Третий этап начался уже в нашем веке с приходом в НИПЦ «Мемориал» Константина Морозова, возглавившего изучение темы. Он привлек Татьяну Алексеевну Семенову (Рихтер), которая стала «вторым мотором» программы.

В чем главный смысл этой работы? — Это большая и очень важная категория людей, с показательными судьбами, которые оказались никому не нужны. Они, совершенно естественно, были не нужны их бывшим врагам-коммунистам, но не нужны и новому поколению либералов, которое видело в них "двоюродных братьев" тех же самых большевиков, особо не вдумываясь в существенные различия. Но эти замечательные люди, оказавшиеся в битве "третьими", не должны быть забыты».

Как я уже говорил, к подобному взгляду на эсеров пришел своим довольно долгим путем и я, начав его в 12 с половиной лет, заинтригованный трагичной судьбой эсеров после прочтения книги бывшего левого эсера С.Д. Мстиславского (Масловского) «Грач — птица весенняя». Желание разобраться в том, почему эти пассионарные и симпатичные люди, боровшиеся на благо своего народа, были уничтожены большевиками, толкнуло меня сначала на истфак КуГУ, а затем в ученики М.И. Леонова, волею судеб преподававшего в нем и являющегося одним из самых крупных исследователей ПСР. Той же волею судеб, уже после того, как я опубликовал свою первую книгу о ПСР (1998 г.) и наступило первое разочарование в научном историческом сообществе и осознание того, что историк — это «один учёный дурак, который пишет книги для еще пяти учёных дураков», в мою жизнь буквально «вломился» «Мемориал» и А.Б. Рогинский. «Мемориальская» работа над биографиями и биосправочником, а позже и историко-просветительским сайтом позволила мне выйти из этого кризиса и заняться

наконец-то с полной отдачей тем, чем инстинктивно всегда хотелось — восстановлением исторической справедливости и извлечением из небытия имён, идей и подвига людей, которых я глубоко уважал, людей, которых сначала убили, а затем оболгали и забыли. Фактически то, что я не мог говорить и делать в полной мере в науке, я реализовал в «Мемориале». Я до этого был равнодушен к биографике и просветительской работе, но поневоле окунулся в них. Те десятки разговоров, проведенных с А.Б. Рогинским, когда мы начинали говорить о принципах и методологии создания биограмм и Словника, границах социалистического сопротивления, а переходили к дню текущему, дали мне очень много, заставили выйти за пределы обычной профессиональной зашоренности. Да и в чисто профессиональном смысле они много мне дали, как и работа над биограммами, Словником и сайтом. Никогда — ни до ни после — мне не приходилось решать таких сложных методологических проблем, как это было, когда мы продумывали Словник и его принципы. Тех сил и времени, которые я потратил в первые пять лет на Словник, биограммы и сайт (вместе А.В. Дубовиком, И.С. Закиной, А.Ю. Морозовой, Т.А. Семеновой, С.А. Чарным), по моим ощущениям, хватило бы на большую монографию, но я не жалею, так как эта работа, как и создание и руководство постоянно действующим семинаром «Левые в России: история и современность» — эта научная и просветительская работа стала выполнением своего рода долга.

Как я уже говорил, я считаю А.Б. Рогинского одним из своих учителей,

который дал почувствовать вкус к биографике и осмыслению возникающих сложных вопросов и проблем. Да и в человеческом плане масштаб его личности всегда ощущался, хотя с ним было порой непросто, как с человеком темпераментным, с ярко выраженным волевым характером, порой весьма резким в своих высказываниях и заполняющим собой все пространство, что оставляло мало простора для его визави.

Но благодаря его верности этой теме (а также помощи нам со стороны Я.З. Рачинского) стала возможной деятельность нашей программы, значение которой многогранно. Прежде всего, наш интерес к этой теме имеет моральную подоплеку. Тема репрессий всегда воспринимается как тема жертв и палачей, а здесь мы имеем дело с людьми, реально сопротивлявшимися большевистскому режиму. Безнравственно игнорировать человеческий подвиг людей, противостоявших большевикам и дошедших до конца, в самом прямом смысле этого слова — до гибели в ссылках, тюрьмах, лагерях и под пулями расстрельных команд. В отличие от сотен тысяч советско-партийных работников и миллионов беспартийных, попавших под удар репрессий в 30–40-е годы "безвинно", эти несколько тысяч социалистов и анархистов — не просто жертвы властей, они их сознательные и последовательные враги. Они были теми немногими, кто погиб "за дело" — за дело, которому они служили, — в отличие от миллионов, умерщвленных волею властей "за просто так". Эту работу и Арсений Борисович, и я, и все участники нашей программы рассматривали как личный долг перед памятью этих людей.

Демократические социалисты останутся в нашей истории и своей моральной победой, которую они одержали над большевистской тиранией. В.Т. Шаламов в 60-е сравнивал суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем с процессом эсеров: «Со времени дела правых эсеров — легендарных уже героев революционной России — это первый такой политический процесс. Только правые эсеры уходили из зала суда, не вызывая жалости, презрения, ужаса, недоумения...» Нельзя забывать и о нравственном подвиге тюремного сопротивления демократических социалистов (и анархистов) в царских и особенно в советских тюрьмах и политизоляторах, которое являлось логичным и закономерным этапом борьбы, протекавшей до этого в различных формах — от вооруженной борьбы в годы гражданской войны до ожесточенного сопротивления в зале суда. Это новый этап борьбы, только в других условиях, в другом пространстве, другими методами, да еще в ситуации несвободы одних и всемогущества других.

Кроме того, борьбу социалистов и анархистов против большевиков после Октября 1917 г. следует рассматривать и как борьбу гражданского общества с людьми, на деле отрицающими его принципы и нормы. Одним из фатальных следствий уничтожения "антитоталитарных" левых стало то, что были прерваны традиции, доминировавшие в этой своеобразной "революционно-интеллигентской политической контркультуре". При абсолютном господстве в политической жизни страны большевиков (стремительно мутировавших) взамен старых традиций

и политической культуры утверждались новые — все более и более несоместимые ни с моралью, ни с культурой, ни с гуманизмом. И как ни печально это звучит, именно в этих политических традициях и культуре “выкристаллизовалась” сегодняшняя политическая элита. Вот почему важно видеть и показывать обществу то политико-культурное многообразие и альтернативы, которые были в нашем в прошлом.

Сталинизм, чьи преступления исследую я и мои коллеги из «Мемориала», — это вовсе не наше далекое прошлое, не набор умерших идеологических догм, а очень современный алгоритм политического действия и мироощущения, которым с огромным удовольствием воспользовалась часть современной «элиты». У сталинизма очень много общего с царским абсолютизмом, который считает своим прямым родителем сегодняшнее государство: их роднит абсолютное неуважение к собственному народу, рассмотрение его только как объекта, которым управляют они, настоящие субъекты, то, что они гордо называют государством. Используют народ в качестве мягкой глины для строительства провозглашённых ими целей.

Это может быть и дореволюционная триада «самодержавие, православие, народность», и ленинско-сталинские практики строительства «светлого будущего». Сейчас эти две идеологии и практики причудливо соединились в выведении современного российского режима одновременно из царского абсолютизма и советского тоталитаризма. Можно сказать, что эти две головы (всегда враждебные

свободе, демократии и идее субъектности народа) российского герба теперь действуют заодно.

Одна из линий борьбы и вчера, и сегодня проходит между историками и властью: власть плодит сочинённые ею же мифы. А чтобы такие мифы прижились, они затыкают историкам и «Мемориалу» рты.

Когда власти говорят о великой России, которую мы потеряли — имеют в виду (совершенно неверно понимая его роль) Столыпина, но забывают о потерянной России демократической, интеллигентской. О Толстом, Чехове, Герцене, западниках и славянофилах, о Кропоткине, Милюкове, Чернове как председателе первого и единственного в России полнокровного парламента — Учредительного собрания. Понятие освободительного движения в России вообще выброшено с 2013 г. из т. н. Единого историко-культурного стандарта и убрано из школьных и вузовских учебников. То, что будет написано уже в самое ближайшее время в учебниках, даже представить страшно.

«Мемориал» сумел сохранить народную боль о безвинно убитых и ненависть к палачам, которые спокойно умерли в своих постелях. Но разговор о репрессиях не сводится к дихотомии «палач-жертва»: мы храним память и о тех, кто с самого зарождения режима боролся с ним — о крестьянских повстанцах, эсерах, меньшевиках, просуществовавших до начала Второй мировой, о диссидентах 60–80-х. Важность знания о подвиге тех, кто боролся за свободу против деспотии, их выборе, понимание, что русская история не делится только

на власть и покорный народ, — тоже одна из задач и целей деятельности «Мемориала» и нашей просветительской работы (и моей работы как профессионального историка).

С.Э.: **Считаете ли Вы сегодня после 24 февраля 2022 г. всю предшествующую работу историков и их историко-просветительскую работу (в том числе и свою) бесполезной и неэффективной?**

К.М.: Вопрос, которым задаются многие коллеги — не была ли напрасна работа тех, кто пытался донести до общества правду о нашей истории. Ведь задача истории как науки, задача историка-просветителя — развивать в людях критическое мышление, учить искать информацию, сравнивать точки зрения, не становиться человеком одной книги. А официальная пропаганда, абсолютно не стесняясь в методах, смела все наши попытки сохранить историческую память народа, дух и стиль научных дискуссий.

Когда в конце 80-х возник общественный заказ на правду о советском прошлом, историки оказались не готовы его выполнить — архивы были закрыты, многие темы запрещены, наработок почти не было. В первое время эту нишу заполняли публицисты, писатели, журналисты. А потом некоторые историки пошли в архивы и совершили настоящие прорывы, причём среди них было много людей старшего возраста, которые всю жизнь мечтали об этих исследованиях, но не могли их проводить: Виктор Данилов, Альберт Ненароков, Станислав Тютюкин и другие. Но в этом деле участвова-

ли, а потом и продолжали и в 2000-е годы и люди более молодые, вроде моего друга и соавтора Сергея Красильникова, Олега Хлевнюка, Леонида Бородкина и др. Смею полагать, что и я своими монографиями и сборниками по истории партии социалистов-революционеров и эсеровскому судебному процессу, а также совместным с Аллой Морозовой сборником документов о братьях Савинковых «Три брата. То, что было» внёс свою лепту в восстановление исторической правды.

К своему удивлению, к концу 90-х я осознал, что то, что мы сделали, значительной части общества уже не нужно: мол, отстаньте со своими ужасами и репрессиями, дайте нам спокойно выживать. Хватит чернухи, дайте позитив.

История и историки при Путине были загнаны в своего рода «культурное гетто»: они плодотворно работали, книги выходили, семинары и публичные мероприятия проводились. Но большинство людей оказалось отсечено от всего этого и отдано во власть ТВ-пропаганды и ток-шоу. Сейчас растёт второе поколение, которое не знает, как выглядит научная дискуссия, как нужно стараться понять оппонента и вместе с ним искать истину.

При всём этом я не согласен, что нам не удалась наша миссия. Эти сотни книг и сборников документов в будущем будут оценены и использованы.

Сейчас всё это тщательно выбирают из нашей истории: и память о тех, кто боролся с режимом, и о жертвах режима, и о палачах.

Мы много раз говорили, что если мы забудем эти преступления, забудем Сандармох (а подобные полигоны были во всех областных центрах, и большая часть их утеряна), то всё возродится. Оно и возродилось. Триада «Самодержавие, православие, народность» воскресла в пародийном, но не в смешном, а в очень страшном виде, чреватом очень тяжёлыми последствиями.

После 24 февраля 2022 года нельзя несерьёзно относиться к историческому прошлому, нельзя от него отмахиваться, прятать его за мифами — нужно выносить из него уроки. Как справедливо сказал Ключевский, полемизируя с Гегелем — история не учит, история проучивает за незнание её уроков. Происходящая с нами со всеми катастрофа показала его правоту.

На меня смотрели косо, когда я в научных дискуссиях увлекался и начал апеллировать к морали, к этике, совести и употреблял слова вроде «палачи». В научной среде такое считается моветоном: надо быть отстранённым от материала, надо изучать события, которые были давно и уже остыли. Хотя мы видим, что события столетней давности всё ещё горячие, они снова разогрелись.

В будущем не нужно бояться споров с историками, превратившимися из наших коллег в пособников власти. Не нужно бояться быть нетолерантным: правы оказались не осторожные, а предельно резкие в своих оценках.

Говорят: «Пропаганда нас победила». Но если это и победа, то не-

честная. Человек, который вместо желания понять сложное общество, исследований и просвещения занимается пропагандой, конечно, в лучших условиях. Ломать — не строить, врать — это не корпеть в архивах, манипулировать — это не пытаться достучаться до людей. Дело не в том, что они сильнее и талантливее и народ лучше на них откликается: пропаганда апеллирует к самому чёрному и архаичному, к инстинктам. И потому её победа — ненастоящая и временная.

Часть людей, у которых в перестройку раскрылись глаза, по разным причинам вернулась к прежнему мировоззрению, но многие пришли к иным мыслям и выводам и держатся за них.

Сегодняшняя идеология «зетизма» (от буквы Z) построена на мифах, на искажении реальности, игнорировании исторических уроков, она привела к катастрофе для Украины и ведёт к катастрофе для России. Мы не должны допустить такого в будущем. Мы должны говорить правду и осуждать тех, кто пытается вырывать людям глаза, вместо того чтобы раскрывать их. Важно использовать наш потенциал и наше желание достучаться до тех, кто настроен проимперски, пропутински и просоветски, кто не хочет видеть историческую реальность и быть адекватным ей.

Будем надеяться, что России всё-таки повезет. Что люди, живущие в ней, выйдут к свету свобод, уважения к личности, демократии. Наши народы очень трагической судьбы много боролись и пролили крови за это право — лучшие люди против

людей тьмы и тогдашних, и сегодняшних. В народ я всё-таки верю.

С.Э.: Оказавшись за границей столкнулись ли Вы с русофобией среди коллег-историков? Помогали ли Вам Ваши коллеги-историки? Оказывали ли моральную поддержку?

К.М.: Реальность сегодняшнего расколотого мира такова, что перехлестов очень много со всех сторон. Ну что я Вам говорю, хотел сказать, что Вы же сами, наверное, смотрите телевизор (смеется)... хотя ... наверное не смотрите....

Перехлестов реально очень много, мы видим заявления об отмене русской культуры. Но масса ученых в Европе сразу, еще в марте, стала выступать против этого. Еще в апреле было выступление нобелевских лауреатов. Во время бесед с коллегами и приятелями, оставшимися в России, мне доводилось слышать заявления о том, что научные круги Запада объаты русофобией. Да ничего подобного! Есть, конечно, и в этих кругах люди, которые, возможно, придерживаются и таких взглядов. Я знаю случай, когда западного историка коллега обвинил в русофильстве. Но, в целом для западной науки это маргинальные высказывания

По своему опыту общения, скажу, что в большинстве западных ученых четко видят разницу, различают тех, кто подобно подписавшим «Письмо ректоров», выразил свое верноподданническое отношение, кто, подобно Пиотровскому, выступают с рассказом о том, какой русский народ государственный и имперский или

что-то подобное. Но особое отношение к тем, кто, оставаясь в России, высказывает свою точку зрения, свою позицию, борется, не молчит, пытается заявить о своем несогласии с происходящим и не готов разделять за это ответственность. Особое отношение и к тем, кто покинул Россию, из-за неприятия и несогласия с происходящим, из-за страха репрессий за свои антивоенные и антирежимные высказывания и продолжает активно их высказывать.

Увы, в двусмысленной ситуации, оказались наши коллеги в России кто ура-патриотических взглядов не разделяет и оказался просто заложником ситуации. Но если, они отмалчиваются о своем отношении к происходящему и продолжают работать в государственных академических или вузовских структурах, то не стоит отказ зарубежных коллег от профессионального общения с ними трактовать как русофобию. Впрочем, понятно и почему так трактуют. Смешно, но такие обвинения в русофобии я услышал даже в адрес одного из французских коллег, который мне оказал серьезную помощь в поисках стипендии. Могу сказать, что культивируемые ныне мифы о русофобии зарубежных историков, никак не подтверждаются на моем личном опыте. Мы с Аллой очень благодарны за помощь и поддержку нашим коллегам и друзьям Кирстен Бонкер, Лютцу Хефнеру, Хартмуту Петеру, Иерониму Грале, Алену Блюму, коллегам-историкам Бартломею Гайосу и зарубежным мемориальским коллегам Николаю Верту, Франсуа Девэру, Штепану Черноушеку, Даниэле Коленовской, Александре Скорвуд, Терезе Соушковой, Алексису Бере-

ловичу, Любови Юргенсон, Франческо Гори, Андреа Гуллотта...

Их поддержка и солидарность дает надежду и силы...

Но и не только к мемориальцам это можно отнести... Очень трогательна помощь со стороны нескольких старых знакомых и друзей из Франции, Германии, Польши. Один друг с женой предложили пожить у них в доме в случае необходимости, другой — собрать денег в его университете, третий — серьезно помог с заявкой на грант, четвертый коллега содействует в получении визы... Еще один друг выручает в получении и отправке денег своей карточкой... Но помогают и люди незнакомые ранее...

Даже иногда думаю, что получилось по поговорке "не было бы счастья да несчастье помогло", и что судьба дала ещё один шанс укрепить отношения со старыми друзьями и даже завести новые приятельские и дружеские отношения ... И это в возрасте, когда новые отношения заводятся нечасто...

С. Э.: Вот мы сейчас говорили о Вашем духовном развитии, о развитии историографии темы, а вот у меня такой вопрос: Вы и я являемся свидетелями позднего советского времени, о котором сейчас очень много мифов среди молодежи. Молодым людям рассказывают бабушки и дедушки с большой ностальгией: да, не было свободы, но она и не была нужна, так как мы все прекрасно жили. Особенно этим у нас в Молдавии отличается русскоязычное население. Они говорят: это ведь была процветающая советская

власть, мы жили прекрасно, и снабжение у нас было хорошее, и пионерские лагеря, и спортивные секции, и музыкальные школы, и т. д. и т. п. Но я помню прекрасно, что когда приезжали к нам в Молдавию наши родственники из России, то у них выкатывались глаза, потому что там была совершенно другая ситуация с продуктами питания. Расскажите, пожалуйста, как жил город Куйбышев в плане материального снабжения. Как историк засвидетельствуйте. Это действительно сейчас важно.

К. М.: Куйбышев был промышленный город, большая часть предприятий была оборонного назначения. Он катастрофически разросся в территориальном и демографическом плане во время войны. В 1940 году в Куйбышеве на далекой окраине, это даже окраиной не было, от центра километров 10, создали Безымянлаг и стали строить площадки для авиационного и моторостроительного заводов. Я удивился цифрам. В Безымянлаге в 1940–1941 годах численность заключенных превышала 100 тыс. человек. Для этого времени это был абсолютный рекордсмен.

Почтовое отделение матери, в котором она работала, находилось во флигеле корпуса, в котором, по всей видимости, и располагалось управление Безымянлага. Рядом были жилые дома для командиров НКВД и людей из этой системы. Надо сказать, что расположение здесь лагеря накладывало сильный отпечаток на город. По всей видимости, в городе осталось много людей из бывших заключенных, потому что позже, в конце 80-х — начале 90-х, когда мне

в руки попался Словарь ГУЛАГА Росси, я его пролистал и увидел, что примерно от четверти до трети слов я понимаю. Они мне тогда казались вполне нормальными, вполне естественными. В 1941 году в Куйбышев эвакуировали огромное количество заводов из Воронежа, Москвы, Ленинграда, и городское население выросли просто стремительно. За счет рабочих, приехавших с заводами, но и выгребали подчистую из окрестных деревень мальчишек и девочек-подростков. Я помню рассказы соседки, которая вспоминала, как ее за пятку с печки стянул участковый в деревне под Куйбышевым и отправили на моторостроительный завод, откуда она сбежала. Участковый еще раз ее стянул за пятку и объяснил, что если она еще раз сбежит, то пойдет уже в лагерь.

Я это к тому, что атмосфера в Куйбышеве была специфичной. От старого города и людей, когда-то живших в этом городе, мало что осталось. Старая интеллигенция и то, что называется образованное общество, были иссечены еще в годы Гражданской войны. Некоторые ушли еще вместе с КОМУЧем за Урал, оказались потом в Харбине. Потом был голод 1921 года. По ощущениям и по тем людям, которые были вокруг меня, было понятно, что население в основном пришлое. Город был закрытым, иностранцев совсем туда не пускали.

С обеспечением было плохо. Единственное, что вспоминается, прекрасного качества были хлеб и выпечка. Это потому, я об этом позже узнал, что в Заволжье культивировали пшеницу твердых сортов. Качество

пшеницы было настолько высоким, что даже на государственных заводах не могли угробить качество хлеба. Вкус отличного хлеба я помню до сих пор, хотя знатоки говорили, что за вкусным хлебом нужно поехать в какой-то райцентр, в котором есть небольшая пекарня, которая выпекает хлеб почти по-деревенски.

С детства помню магазин мяса, в котором никогда не было мяса. Я с детства вообще не видел продажи мяса. Видел только один раз: в 80-е годы возле какого-то ресторана продавали в алюминиевом бачке кости со срезанным мясом, на рагу. Тушенка кооперативная в пол-литровых банках или литровых продавалась в этих магазинах. И всё. Мясо было на рынках, но это было довольно дорого. Значительная часть жителей Куйбышева жила скромно при тех зарплатах. У рабочих были зарплаты хорошие, но все же ни о какой зажиточности речи не было. Тот же Таджикистан считался хорошо обеспеченным регионом, да еще с дешевыми фруктами и овощами. Я туда ездил с родителями два-три раза.

В Куйбышеве центр очень сильно отличался от рабочих окраин, и этот разрыв бросался в глаза. Повторюсь, это очень специфический город. Я безусловно люблю Самару, но, когда в 1992 году я приехал на стажировку в Москву и познакомился со своей будущей женой, мы ехали с ней в метро, и я сказал, глядя на москвичей в вагоне метро, что москвичи интеллигентные, воспитанные и культурные люди. Она сначала подумала, что я то ли издеваюсь, то ли прикалываюсь, но я был абсолютно серьезен. Я ей сказал, «что ты просто

не видела, какие куйбышевцы/самарцы бывают в трамваях». В том же 1992 году мы с ней вместе уже побывали в Самаре, она увидела и вполне впечатлилась.

Это был город-трудяга, не избалованный ни обеспечением, ни развлечениями, ни хоть сколь-нибудь налаженным бытом. Как это обычно бывает, воспоминания и впечатления у разных людей из разных страт общества достаточно разные. Но я бы сказал, что никаких радостных впечатлений о городе этого времени — кроме тех впечатлений, которые связаны с молодостью, с друзьями, — у меня не осталось.

Немалая часть жителей города несла на себе отпечаток наличия здесь когда-то Безымянлага. В одном из рабочих районов Куйбышева, как раз в том, в котором я родился и вырос в 60–70 — начале 80-х годов была даже субкультура — фураги. У нас в университете был один парень, он был из Молдавии, когда он приехал в Куйбышев в 1983 году и увидел фураг, то очень удивился. Удивился и я. — А что у вас фураг не было? И он так печально и горько ухмыльнулся. — Ну да, ты думаешь, они везде есть?

Это была субкультура парней из рабочих кварталов Безымянки (отдельными чертами похожая на субкультуру английских скинхедов), но с некоторым влиянием «блатного» языка и «понятий». Нравы были достаточно суровыми. Я хорошо помню, что в 70-е годы рабочие, ходившие в ночную смену, у которых смена начиналась в 12 часов ночи, брали с собой рубль — чтобы поесть, и обя-

зательно брали с собой отвертку для самообороны. Это было массовым явлением — нападения, грабежи. Даже за рубль. Это было нормой. Сосед, отсидевший 10 лет за убийство, увидел в нашем районе парня в джинсах и даже удивился этой наглости, сказал: «Вот идут халявные 250 рублей». Это было даже смешно, что кто-то посмел тут так ходить. Да и у меня была похожая реакция в 1978 году на парня в темных очках, в футболке, в джинсах, с пакетом «Мальборо». Он шел по Заводскому шоссе — это вызвало у меня сильное удивление, что он даже не понимает, где он находится. Его спасает только то, что это полдень. Если бы он появился здесь вечером, то его бы сильно смогли удивить. Конечно, где-нибудь в центре города, или других каких-нибудь местах это все было бы несколько иначе.

В то же время худо-бедно работали социальные лифты, была возможность получения образования и, соответственно, профессиональной самореализации. Я не говорю о карьере как таковой, о государственной, о спортивной, что меня тогда не привлекали, но возможность профессиональной самореализации через получение образования была, и с этой точки зрения я с благодарностью отношусь к рабфакам как к системе. В вузах, в университетах их не любили. Преподаватели и деканы терпеть не могли рабфаковцев в том числе и потому, что это были люди на 3–5 лет старше бывших школьников, они могли постоять за себя, ну выпивать любили, крепких выражений не чурались... Не были семнадцатилетними школьниками, которыми легко было манипулировать, и это

вызывало, конечно, раздражение. Но могу сказать по опыту своего курса, курс был небольшой — 44 человека, большая часть людей, которые профессионально самореализовались, как раз были выпускниками рабфака. Вы будете удивляться, но люди уже начиная со второго, третьего курса всерьез взялись за специализацию и сумели реализовать себя. А вот многим отличникам, медалистам реализовать не получилось. Это самоопределение, то что американцы называют «человек, сделавший себя сам», было довольно характерно для рабфака. В советской системе эти элементы были, эти социальные лифты худо-бедно работали, это факт. То, что сейчас это фактически снесли, огромный минус и огромная проблема для будущего.

С. Э.: Расскажите об этапах Вашей научной карьеры, о темах Ваших исследований и книгах.

К. М.: Я уже говорил, что интерес к эсеровской партии и к ее людям родился из размышлений, а почему эта партия и эти люди так трагично погибли, и поиски ответа на этот и подобные вопросы привели меня позже на истфак Куйбышевского университета и в ученики в М. И. Леонову. Диплом я писал у него по левонародническому литературно-политическому журналу «Заветы» (его, как и некоторых его собратьев, современники называли «толстым» журналом). Благодаря этому мне удалось глубоко погрузиться в мир идейных и морально-этических поисков и споров, бушевавших между поражением революции 1905–1907 гг. и Первой мировой войной в эсеровской партии и посвященных, в том числе, и во-

просу о моральной недопустимости насилия и террора (да и применения его вообще). И той страшной цены, которую за нее платит сам террорист, — вопросов, поднятых Б. Савинковым, но поддержанных очень немногими в эсеровской партии, скорее осуждавшей его писания за карикатурность и «ходульность» образов. К проблематике дореволюционного эсеровского террора я прикоснулся тогда же, когда читал в областной библиотеке «Воспоминания» Б. Савинкова, опубликованные в «Былом» 1917 года. Забавно, что изданная уже в советское время в 1926 г. в Харькове его книга, названная «Воспоминания террориста», лежала в спецхране библиотеки и была недоступна для студентов, а его же «Воспоминания» в «Былом» можно было легко получить в читальном зале. Тогда же в доперестроечные и ранние перестроечные годы мною была прочитана его повесть «Конь бледный» (в первом номере кадетской «Русской мысли» за 1909 г.) и роман «То, чего не было (Три брата)» в левонародническом журнале «Заветы», где он публиковался в течение года в 1912–1913 гг. и вызвал грандиозный скандал и публичный протест видных эсеров, опубликованный в «Заветах» же.

Здесь уместно отметить, что уже в позднестуденческие годы я, направляемый уверенной рукой своего учителя — Михаил Ивановича Леонова, вполне осознанно отдавал приоритет работе с партийными эсеровскими источниками. Уже студентом поработал в таких архивах как ЦГАЛИ и Пушкинский Дом.

В 1990 г. оформил заочную аспирантуру у М. И. Леонова, и в качестве темы выбрали «ПСР в 1907–1914 гг.». Мне конечно, очень хотелось написать диссертацию о ПСР в 1917 году, но было ясно, что и источниковая база еще явно недостаточна, да и не дадут мне защитить такую тему люди десятилетиями, писавшие кандидатские и докторские о «борьбе В. И. Ленина и большевистской партии» с эсеровской партией. Хотя я и переехал в 1992 г. в Москву, но продолжал оставаться аспирантом у Леонова, что требовало поездок и немалой нервотрепки. Мне многократно советовали поменять научного руководителя и найти аспирантуру в Москве. Приходилось объяснять, что такого высокого уровня научного руководителя больше в России нет, да и было бы это проявлением неблагодарности к нему. Забавно, что заведующая аспирантурой, не находя ни одного довода в пользу того, что я остаюсь аспирантом у Леонова (но спросить она меня напрямую почему -то не захотела), она родила версию, что я его внебрачный сын. Хорошо, помню лицо Михаила Ивановича, когда я, узнав от своей однокурсницы, рассказал об этом. В 1995 г. защитил кандидатскую, а затем написал книгу, объемом в 52 а.л.

В 1998 г. вышла в свет моя книга, посвященная различным аспектам истории и деятельности ПСР в 1907–1914 гг., в которой я попытался систематизировать и изложить всё то, что сумел понять к этому моменту об эсеровской партии — о ее лидерах, о атмосфере в ней, организационной специфике, программе, тактике, фракционной борьбе. Кстати, не менее трети объема книги было посвя-

щено истории Боевой Организации ПСР в 1907–1908 и в 1909–1911 гг., местному террору, делу Азефа и его внутривнутрипартийным последствиям и другим сюжетам.

В 1996 г. я был как специалист по эсерам приглашен д.и.н. С. А. Красильниковым (по совету «мемориальца» Н. Г. Охотина) к работе над сборником документов, посвященным показательному судебному процессу с.-р. 1922 г. Это был замечательный исследовательский опыт работы с огромнейшим количеством архивных документов АП РФ и ЦА ФСБ (и отчасти РГАСПИ, ГАРФ, МИСИ (Амстердам)), которые позволяли искать ответы на весь круг давным-давно интересовавших меня вопросов уже в ином событийном пространстве в 1917–1922 гг. Сборник увидел свет в 2002 г. Затем я приступил к работе над книгой «Судебный процесс социалистов-революционеров и тюремное противостояние (1922–1926): этика и тактика противоборства». Сильным стимулом для написания книги стало необходимость сохранения памяти о сохранении сопротивления подсудимых 1-й группы, особенно о тюремном сопротивлении, которое произвело на меня своим драматизмом сильнейшее впечатление. У меня не было ноутбука, копировать не было возможности, и я практически все «тюремное дело» об их борьбе в 1922–1926г. переписал от руки.

Надо сказать, что важнейшим направлением исследования для нас с Аллой Морозовой является тема — мира и субкультуры российского революционера, по которому есть ряд статей, а главное, некоторое

количество заделов и совместных проектов, которые, я надеюсь мы все же реализуем. Нужно сказать еще о библиографическом справочнике о народничестве в XX веке, подготовленном в соавторстве с А. Ю. Сусловым и М. И. Леоновым.

И скажу еще о нескольких сборниках документов. В 2003 г. увидел свет сборник «Трудовая народно-социалистическая партия: Документы и материалы», составителем которого я был в соавторстве с А. В. Сыпченко.

В 2005 г. вышел наш сборник документов «Сын «вольного штурмана» и тринадцатый «смертник» судебного процесса с.-р. 1922 г.: Сборник документов и материалов из личного архива В. Н. Рихтера», составителями которых были Т. А. Семёнова (внучка В. Н. Рихтера) и мы с Аллой Морозовой. История его появления потрясающая. Мне в конце 90-х дали номер телефона внучки В. Н. Рихтера, но я долго откладывал звонок, а когда позвонил, то выяснилось, что она накануне обнаружила на антресолях чемодан с документами, который ее бабушка незадолго до смерти вынула из тайника в сельской школе, где преподавала и спрятала в тайне от всех на антресоли в московской квартире. Так этот случай подарил нам не только этот сборник, но и дружбу с Татьяной Алексеевной Семеновой, чудеснейшим человеком.

Еще в 2006 г. нами с Аллой Морозовой был задуман сборник документов «Три брата. То, то что было» о трех братьях Савинковых — Александре, Борисе и Викторе, увидевшем свет в 2019 г. Концепция и название этой

книги родились у нас как парафраз заголовка романа Б. В. Савинкова «То, чего не было (Три брата)», вызвавшего бурную дискуссию в 1912–1913 гг. В нем трех родных братьев, разными путями пришедших в революцию, ждут разочарование, потеря иллюзий, гибель. Многие увидели в романе лишь то, что революция и борьба за идеалы — это то, чего не было, или, по крайней мере, было не тем, чем казалось. И век спустя вопрос о том, а что же все-таки было тогда в России, остается актуальным, и ответить на него стало еще более непростой задачей. В этом сборнике не страницы художественного произведения, а письма, мемуары, документы рассказывают о жизни трех не выдуманных литературных персонажей, а вполне реальных братьев — об участии Александра и Бориса Савинковых в революционном движении, участии Бориса и Виктора в Гражданской войне и антибольшевистском сопротивлении в эмиграции, а также их литературной деятельности. Таким образом, сборник не только продолжает в новом веке споры 1912–1913 гг. и 1923–1925 гг. («Конь вороной» и «Почему я признал Советскую власть?») между Савинковым-Ропшиным и его критиками, но и помогает переосмыслению той эпохи и судеб русской интеллигенции Серебряного века, прошедшей сквозь огонь войн и революций. В сборник вошли различные документы и материалы, хранящиеся в ГА РФ, РГАЛИ, Архиве Международного института социальной истории в Амстердаме, Библиотеке международной современной документации в Нантере (Франция). Книга иллюстрирована фотографиями из ГА РФ, Библиотеки в Нантере

и личного архива Сержа Савинкова (племянника Б. Савинкова, с которым мы знакомы с 2000 г.), большая часть которых была опубликована впервые.

Много лет работал над книгой о Борисе Савинкове, который заинтересовал меня еще в студенческие годы и в доперестроечные времена и был единственным человеком-загадкой в ПСР, который заинтриговал меня своей мозаичностью, парадоксальностью и противоречивостью.

Не скажу, что сумел разобраться за все эти десятилетия во всех его загадках и не все документы увидел и использовал (хотя книга и так разрослась до 52 а.л.), но полагаю, что многое все же сумел понять и надеюсь, что смог и донести это до читателя...

На часть поставленных перед собой вопросов мне в книге удалось дать более или менее полный ответ. На другую — ответить только частично. На третью — собрать часть материала, необходимого для будущего продолжения исследования Савинкова. Впрочем, в ходе него наверняка возникнут и новые вопросы и будет уточнена или пересмотрена часть ответов на прежние. Ведь, подготовив рукопись значительно позже и в два раза объемнее, чем рассчитывал первоначально, я осознаю, как много еще предстоит ввести в научный оборот документов из российских и зарубежных архивохранилищ и свидетельств, а также сколько еще тем и сюжетов — доисследовать и раскрыть. Увы, мне не пришлось поработать с материалами из фондов ЦА ФСБ, хотя я и не теряю надежду, что еще при нашей жизни и фонды, от-

носящиеся к Б. Савинкову, и многие другие фонды этого архива станут доступны для историков.

На мой взгляд, фактологическое жизнеописание пусть и весьма важная цель научной биографии, но она не исчерпывается только решением этой задачи и не сводится, как это нередко представляют, к ответу на вопросы — где и когда родился, крестился, женился, трудился, преставился... Да, я пытался в максимально возможной для себя степени отвечать и на эти «фактологические» вопросы, необходимые для биографического исследования, но вовсе не претендую на полноту ответов. Безусловно, еще много сюжетов и деталей предстоит «прорисовать» в целых периодах его жизни и деятельности, в том числе и в польском, который мы с А. Ю. Морозовой сейчас исследуем. Но все же главным для меня в данном исследовании было понять феномен Б. В. Савинкова, причины его «мозаичности» и крайней противоречивости, его психологию, его метания, его морально-этические поиски, своеобразие его эволюции. Безусловно, много осталось еще непознанного и неосмысленного в противоречивой фигуре Б. В. Савинкова. Не найдя всех ответов на интересующие меня вопросы и использовав далеко не все мемуары и архивные документы (часть из них еще предстоит вычленивать), я отдаю себе отчет в том, что эта книга — лишь этап моих исследований Б. В. Савинкова, и надеюсь, что еще будет возможность вернуться к ним. Но полагаю, что и эта представляемая читателю книга вызовет у него интерес и поможет многое понять в личности Б. В. Савинкова. На собственном опыте скажу, что порой

за укорененными взглядами на Савинкова и ставшими уже общепринятыми стереотипами, рисующими его как «артиста авантюры», «революционного кавалергарда», «искателя приключений» и острых ощущений, «спортсмена революции», было весьма непросто разглядеть очень искреннего и запутавшегося человека, поневоле ставшего «Гамлетом революции» и мучительно страдавшего от упреков в своей неискренности и неправдивости своих героев, ищущего и не находящего истины, человека, страдающего от своих сомнений, которые разъедали его, как кислота... Впрочем, это можно отнести не только к фигуре Савинкова, ведь многие из трагедий нашей истории XX в. буквально погребены/спрятаны под целыми пластами заблуждений, мифов, пропаганды и лжи не только современников событий и не только историков, но и современных нам политиков, СМИ, пропаганды, обывателей...

Сердечно благодарю издателя С. Е. Эрлиха (и его коллег из «Нестор-История») за то, что несмотря на потрясения последних месяцев книга все же увидела свет.

Этим же летом увидел свет сборник документов «Партия социалистов-революционеров в эмиграции. 1918-начало 1950-х г.» Проект мы начали ещё в 2014 г. вместе с Алексеем Сусловым и Александром Новиковым (увы, Саша его не дождался), а затем к нам присоединилась Анна Голосеева. Несмотря ни на что, мы все-таки сделали эту очень-очень важную книгу! Всё же не устану повторять, что история ПСР, потенциал ее демократической альтерна-

тивы, трагедия ее людей — до сих пор в России не понята и недооценены... И как ещё много предстоит исследовать, переосмыслить и рассказать... Как хорошо сказал о ПСР В. Шаламов — "Партии трагической судьбы..." "

А лжи и уплощённых представлений до сих пор много...

С. Э.: Расскажите, пожалуйста, как Вы оказались за пределами России?

К. М.: Это произошло после начала войны и ликвидации Международного Мемориала, с которым я был связан много лет. В одном из его структурных подразделений — научно-информационный и просветительский центр — я начал работать в 1995–1997 году. Затем был перерыв, а с 2001 года я занимался там развитием и реконструкцией программы, да и развертыванием программы «Анархисты, социалисты — участники сопротивления большевистскому режиму». Затем вел публичные мероприятия. Среди них семинар «Левые в России. История и общественная память», который шел с 2012 года. Затем встречи-беседы «Историк за верстаком», которые делались совместно с «Вольным историческим обществом», вели мы их вместе с Никитой Соколовым. Ну и третье публичное мероприятие, которое я вел более 5 лет, — это цикл просветительских мероприятий в Сахаровском центре, посвященных различным периодам истории России в XX веке. Последние три года я был сотрудником Международного Мемориала. Его ликвидировали, как вы знаете, 28 февраля 2022 года. После этого 4 марта прошел обыск

в Мемориале. Обыск провели нахально даже для нынешних времен. Один только пример: те, кто проводили обыск, разрисовали стены буквой «Z» и написали «Мемориал — ВСЁ!»

С.Э.: Это были сотрудники прокуратуры?

К.М.: Кто там был, никто не знает до сих пор. Я не думаю, что это были сотрудники прокуратуры. Эти люди не представились, удостоверения не показали, никакой бумаги на проведение обыска не показали. Это было сделано с нарушением всех норм. Из сотрудников Мемориала там были только те, кто был в то утро в офисе, адвокатов не пускали. Выносили они компьютеры, документы в большом количестве. Для меня было понятно, что все то, что они выгребли оттуда, будет использовано по щелчку, по мановению руководящей руки сверху, начнут готовить показательное дело, начнут раскрутку самых разных дел и преследований. Чуть позже, в марте было заявлено о включении всех сотрудников, руководителей, работников Международного Мемориала в единый реестр иностранных агентов. Уже тогда стало ясно, что эти люди не смогут работать ни в одном из государственных вузов, в научных учреждениях и получать бюджетные деньги. Фактически это запрет на профессию. Кроме этого был запрет на преподавание несовершеннолетним.

А что касается меня, нужно учитывать тот момент, что на протяжении последних лет я преподавал историю преимущественно студентам 1 курса. Основной контингент в боль-

шинстве вузов в плане преподавания истории это первокурсники. Именно на 1 курсе во многих вузах дают историю, пусть и в усеченном виде. Это то, что осталось от курса истории КПСС советского времени. Кроме того, невозможность работать в бюджетном учреждении в ближайшей перспективе ставила под вопрос мою работу в Институте российской истории РАН, где я стал работать на полную ставку с 2019 года. Бросать эту работу было очень тяжело, она мне нравилась, и я до сих пор с благодарностью вспоминаю Елену Юрьевну Зубкову, которая взяла меня в Центр социальной истории. Таким образом, и моя работа в ИРИ РАН и преподавание в вузах, и проведение публичных семинаров и встреч, которые я организовывал, оказались под большой угрозой.

А мне хотелось продолжать свою профессиональную и просветительскую деятельность. Это и мемориальская деятельность — как я сказал, я вёл три публичных мероприятия в Мемориале и в Сахаровском центре, и это стало частью моей жизни. Историко-просветительская деятельность с моей точки зрения чрезвычайно важна, и я для себя ее считаю очень нужной. Это возможность донести до людей то, что понял сам. Попытаться открыть им глаза. Я сделал эпиграфом к циклу исторических мероприятий в Сахаровском центре, который я курировал, слова Александра Герцена о том, что оппоненту нужно раскрывать глаза, а не вырывать их. Понимаете, очень укоренилась традиция вырывать глаза. Или пытаться закрыть их навсегда. Историко-просветительская работа, эти круглые столы, эти беседы они

составляют уже часть моей жизни, и они крайне для меня необходимы. То, что в России их делать уже было нельзя, в марте стало совершенно очевидно. Но не только историко-просветительская, мемориальная, но даже профессиональная исследовательская деятельность становилась невозможной с учетом того, что я занимаюсь историей партии социалистов-революционеров, а там целый ряд сюжетов, включая эсеровский террор могут быть криминализованы.

Например, я много лет занимаюсь исследованием покушений на большевистских лидеров в 1918 году и на протяжении этого времени пытаюсь понять, что представляли собой Фанни Каплан и Леонид Каннегисер. Но вот попытка сказать то, что я хочу, что сам материал требует, что требует логика исследования историка — сказать об этих покушениях, об их причинах, вот просто честно сказать, немедленно приведет к привлечению по статье УК «Оправдание терроризма». И не потому, что я буду его оправдывать. И ровно то же самое можно сказать про предыдущий период революционного терроризма, эсеровского терроризма начала XX века, народовольческого терроризма. Логика такая: как только ты начнешь указывать, почему студенческая молодежь в 1870-е годы или в 1900-е годы пошла в революцию, а потом дошла до взятия в руки оружия и террористических действий, просто их логику воспроизведешь в их же рассказах, то те, кто будут тебя читать и принимать решение, они среагируют по известной русской поговорке «понять — значит простить». Допустим, объясняешь,

почему Сазонов пошел в террор. Он ведь несколько лет просто занимался пропагандой. Его размышления видны в рассказе о нем Карповича: Сазонов мечется по камере, размышляет вслух, что вот «на этом заводе, где я вел пропаганду, свою пропаганду вели еще народники в 70-е годы. Что-то удастся сделать в течение полугода, потом всех арестовывают». И вот мысль его металась, как описывает Карпович, и приходит к тому, что «наша деятельность бесполезна и бессмысленна, мы только гибнем, а вот необходимо спасти страну, необходимо спасти Россию, которая будет растерзана этими хищниками, более мощными державами». Я, кстати, первый раз увидел такой патриотизм. Неожиданно очень. В официальных эсеровских текстах никогда ничего подобного не было, никогда такого не писали. Только с началом Первой мировой войны, когда государственничество и патриотизм резко-резко усилились ...

Даже в профессиональной деятельности, получается, невозможно работать. Я долго искал формулировку заголовка книги и все что мне хотелось попадало под статью. Вот только уехав из России и продолжая размышлять, я за два дня придумал заголовок. Здесь я не буду бояться, что, скажем придуманное название потянет на статью. То, что происходило с Ф. Каплан и Л. Каннегисером, это их личная трагедия и отражение кризиса революционного терроризма, который как метод политической борьбы в новых исторических условиях, скорее, приносил вред массовой социалистической партии, да и вообще борьбе с большевизмом. Это очень сложная, запутанная, ин-

тересная и важная проблема, но ведь ее не дадут исследовать как следует. Посадят на первых же фразах, потому что эти слова — слова дьявола. Слово «террор» абсолютно табуировано. Как была табуирована в 30–40-е фамилия Троцкого. Те гонения, которые пошли на историков, которые вы все прекрасно видели в последние годы, и создание соответствующего отдела в Следственном Комитете, который должен заниматься тем, что историки замышляют фальсификации и прочее прочее прочее... всё это сливается в одно — это большая опасность и проблемность заниматься своими темами. Особенно, конечно, если это темы чувствительные, темы, связанные с историей того же XX века. Я понимаю, что эти проблемы все также не стоят перед медиевистами, слава Богу, я за них только искренне рад. Кстати говоря, я думаю, что отчасти по этой причине эти направления в исторической науке — одни из самых крепких, одни из самых серьезных, потому что туда всегда уходили как во внутреннюю миграцию, чтобы не идти в историю КПСС и историю СССР, которая была ненамного лучше по своему духу и по своим кадрам. Шли вот в эти области, шли в археологию, в медиевистику и древний мир, они меньше подвергались давлению и преследованиям в те же 30–40 годы. И слава Богу что они могут продолжать работать, наверное, могут продолжать работать.

Еще одна из причин, которая заставила меня думать об эмиграции, то, что внешняя цензура, которая усиливается, она же заставляет включать и самоцензуру, а в совокупности это чревато потерей себя, это фактиче-

ски означает перечеркнуть все то, чего ты достиг, к чему ты привык за годы свободы. Забыть, что была Перестройка, что были 1990–2000-е годы, когда ты мог, пользуясь свободой слова, иметь полную свободу творчества, когда ты мог выражать все свои мысли, то что ты считаешь нужным, важным, сказать, не опасаясь и не боясь никого. Для профессиональной самореализации это чуть ли не самая важная вещь.

Я думаю, что вообще одна из самых главных причин, почему российская интеллигенция пошла в революцию в конце XIX века — это именно потому, что ей мешали профессионально самореализоваться. Как могла творческая интеллигенция реализоваться без свободы слова, без свободы творчества? Интеллигенция оказалась совершенно чуждым классом и чуждым образованием в модернизируемой России. Ее появление было неизбежно, но на нее смотрели императоры и чиновники как на очень странное порождение: кто это такие эти поповские сынки, которые смеют разговаривать о судьбах России? Кто они такие? О судьбах России или иностранной политике может рассуждать или думать император, или министр иностранных дел, да и то в тех пределах, которые император укажет. И еще несколько высокопоставленных лиц. Подавление свободы слова и политических свобод привело к тому, что для профессиональной самореализации интеллигенция пошла в революцию. Но ведь мы ровно то же самое видели в советское время. Сначала растоптали гуманитарную интеллигенцию, чего стоит только знаменитый «философский пароход», столетие которого будет в сен-

тябре 2022 года. И выслали их тогда только потому, что их было еще неудобно сажать и расстреливать. Если бы их продержали еще несколько лет, то их судьба была бы трагичней. Им, конечно, сильно лично повезло. Потом мы видели, что сделали с интеллигенцией в 30-е годы. «Дело историков» мы прекрасно помним. Позже мы видим диссидентство, когда интеллигенция снова пошла на борьбу за право на свой голос, за право иметь свою точку зрения, за право на свою самореализацию и за право быть гражданином. Прошу прощения за, возможно, пафосные слова.

Но потом мы еще не раз увидели это столкновение власти и интеллигенции в последние 20 лет. И очень отчетливо в последние 10 лет. Особенно ярко с 2011 года, когда мы видим наступление на интеллигенцию.

Летом 2019 года шли выборы в городскую Думу и впервые были очень жесткие подавления митингов и гуляний, в которых участвовало очень много студентов. И тогда в начале августа два ректора — ректор РГГУ Безбородов и ректор МПГУ Лубков заговорили о том, что задержанных студентов нужно исключать из вузов. И еще были заявления людей, занимавших разные должности в Высшей школе экономики, о том, что университеты вне политики. И вот здесь произошла очень интересная вещь. Пошла реакция массы преподавателей. То, что зарубежные преподаватели стали выражать солидарность со студентами и говорить про академические свободы и право на выражение своего мнения, это было неудивительно, это было понятно. Но выступили и российские коллеги. Тот же Фейс-

бук запестрел постами очень многих преподавателей, которые от себя лично говорили о том, что необходимо не только право на науку, но и что в академические права безусловно входит и право на свободу слова, и право на свободу творчества и что право на выражение своей гражданской позиции крайне необходимо.

Я тогда организовал круглый стол как раз на эту тему в Сахаровском центре. То, что я увидел тогда, привело к мысли, что сколько не хоронили российскую интеллигенцию, оказывается, она жива. Многие в 90-е годы отреклись от этого звания, говорили, какой же я интеллигент, Боже упаси! Интеллигенты — это революционеры и «бомбисты» и т.д., а я интеллектуал — как на Западе. А тут стало понятно, что интеллигенция выжила и ключевой набор ценностей интеллигенции сохранился. Это была единственная радостная для меня мысль, это понимание в очень нерадостных обстоятельствах. Все последние годы на интеллигенцию идет мощное давление, и оно будет продолжаться. И судя по последним заявлениям властей, давление будет только нарастать. С этой точки зрения, для каждого, кто ощущает себя интеллигентом, конечно, нет универсальных путей, у каждого своя жизнь, свой бэкграунд, свой путь, свое понимание.

Многие считают, что они могут продолжать заниматься своим профессиональным делом, не конфликтуя с властью, свои позиции не выражая, то есть занимая ту позицию, которую занимала интеллигенция на протяжении всех советских лет или значительной части советских лет, по крайней мере, когда власть не при-

ставляла нож к горлу и не требовала верноподданничества. Сейчас власть тоже начинает требовать верноподданничество, но, правда, пока, еще не приставив нож, но уже им помахая. Только от ректоров и от прочих руководителей должностных лиц в феврале потребовали поддержать «спецоперацию», и они, сделав это, убили свою репутацию. Это знаменитое письмо ректоров, подписанное 650 лицами или около того. Люди испортили себе некролог и плюнули в вечность. Мало того, что они себе испортили некролог, они погубили перспективы и авторитет вузов. Неудивительно заявления западных ученых, научных и государственных учреждений, которые осуществляют научные связи, курируют образование и науку, о том, что они не будут поддерживать связи с академическими и образовательными государственными учреждениями и особенно с теми людьми, которые так себя проявили.

Как видно, речь идет о целом комплексе причин моего отъезда. А вторая причина... Было понятно, что вопрос репрессий висит над нами дамочным мечом и зависит от воли одного человека и его окружения. После 24-го февраля иллюзий об их здравомыслии не осталось. Теперь стало возможно всё. Мы услышали вполне кроважидные заявления о том, что хватит миндальничать, надо расправиться с иностранными агентами. Мы слышали это от разных людей. От председателя одной из фракций Думы. И от бывшего президента. Да и от действующего президента. Тогда же в марте мы слышали фразу о том, что русский народ проглотит всю эту пятую колону, всех этих национал-предателей и выплю-

нет как мошку на панель. То, что эти репрессии потихонечку раскручиваются, совершенно очевидно. Законодательная база подготовлена. Все, что было принято в марте — закон о фейках и закон о дискредитации армии, где наказание, до 15 лет, где просто за абзац в социальных сетях можно получить долгие годы тюрьмы.

То, что я попадаю в Единый реестр иностранных агентов или физлиц, аффилированных с НКО-иноагентами, сомнений у меня тогда не вызывало. Этот список фактически современный аналог нквэдэшных учетов «врагов народа» и в любой момент по команде сверху его запустят «в работу». Собственно говоря, усиливающую угрозу репрессий признают очень многие, включая экспертов, правозащитников и политологов.

Я разговаривал со своими коллегами, друзьями, приятелями, оставшимися в Москве. Все в один голос говорят, что сейчас (в конце июня — начале июля) Москва производит странное впечатление. Многие люди делают вид, что ничего не происходит, что всё как бы по-старому. Это абсолютно понятно — защитная психологическая реакция, попытка сохранить свой привычный образ жизни и не принимать решений, которые фактически перевернут твою жизнь. Даже если человека и не арестуют и он эмигрирует, то ведь ничего хорошего в эмиграции тоже нет. Да, арест тебе не угрожает. Но ты вынужден бороться за выживание. Должен думать о визе, о заканчивающемся 90-дневном сроке Шенгена и переезжать из страны в страну, о зароботке. Ты порой не знаешь, где будешь через год-полтора, потому что ты будешь как перелетная

птица «лететь за кормовой базой» — научными грантами, и в какой стране будешь, и что будет представлять твоя жизнь к этому моменту, совершенно не представляешь. Это то, чего не было в Москве. Ты меняешь страх ареста на страх оказаться без куска хлеба (Смеется). Это, конечно, смех невеселый у меня. Но это выбор, который многие сделали, и я этот выбор сделал. Но не надо думать, когда вы говорите о поухавших, что у них жизнь в шоколаде. Примиряет меня с трудностями возможность заниматься здесь своим любимым делом и возможность говорить то, что ты хочешь говорить. Ну и возможность жить на свободе. Без страха ареста, без дамоклова меча и без необходимости затыкать себе рот самоцензурой. Ведь это корёжит тебя. Если ты себя цензурируешь, ты боишься писать и говорить, потому что даже безобидные строчки в фейсбуке вполне могут обернуться уголовным сроком. Жить в таких условиях, когда ты привык к свободе слова, к свободе творчества, вещь невыносимая. Мы недавно увидели ожесточенный спор, который вспыхнул между теми, кто остался, и теми, кто эмигрировал, в том числе давно эмигрировал, и особенно после этих крайне неудачных и странных фраз о «хороших русских», хотя понятно, что идея была вполне здравая — облегчить жизнь тем эмигрантам, у многих из которых проблемы с визами. И людям, прожившим там 90 дней по старым туристическим визам, угрожает быть выдворенными в Россию. Что-то сейчас потихонечку меняется, но очень медленно. В разных странах по-разному, но все равно очень медленно. Это трагедия. Еще будут воспоминания, и будущие историки будут исследовать время

и обстоятельства этого исхода. Цифры разнятся: кто-то говорит о двухстах тысячах уехавших, кто-то о двух миллионах... Судя по звучащим от властей угрожающим заявлениям, и по тому как разворачиваются события, возможно, что будут еще волны уезжающих.

С.Э.: Как раз в этой связи мой вопрос. Я понимаю, что ситуация так складывается, что многие наши коллеги-историки тоже решатся покинуть Россию. У Вас уже есть практический опыт. Чтобы Вы им рекомендовали на основании своего опыта?

К.М.: Трудно дать какие-либо рекомендации, сложно что-то советовать. Коридор возможностей у эмигранта очень узкий. Что можно порекомендовать? Только подавать заявки заранее в различные научные фонды, стараться получить гранты или стипендии, оформлять гранты параллельно с получением визы, учить языки. Но какой запас времени есть для реализации этих рекомендаций — для получения визы, для получения грантов? Кто знает, что будет происходить в стране, скажем, осенью или зимой? А весной-летом 2023г.? Абсолютная неопределенность, при которой крайне трудно что-то рекомендовать. Набор каких-то вещей, которые можно сделать — обращаться к своим коллегам на Западе, с которыми у вас хорошие рабочие отношения, чтобы они вам подсказали, какие есть возможности, варианты. Найти Телеграмм-канал, где идет информация о различных грантах в различных странах Европы, мира для ученых, преимущественно украинских, но есть некоторое количество для белорусов и россиян.

Но что такое давать советы всем? Я ведь даже советовать эмигрировать не рискнул бы, потому что вещь это довольно тяжелая, каждый человек должен решить для себя сам. Я прекрасно помню книги эмигрантов, которые в годы Гражданской войны оказались за границей. Их корежило от того, что они не видят родины, родного неба, многие из них возвращались, многие из них стрелялись, спивались. На это всё есть серьезные основания. Как можно кому-то советовать путь эмиграции? Готов ли он к этому, сможет ли он это вынести, перетерпеть? Или он выберет какие-то другие тактики? Но я в любом случае не склонен кого-либо осуждать и уж точно не разделяю точку зрения тех, кто говорит, что те, кто остались, несут коллективную ответственность за действия режима. На мой взгляд, эта точка зрения огульная, упрощенная, примитивная.

Нас ждут, конечно, очень тяжелые времена, хотя, наверное, они уже собственно наступили. Сказать, что у нас сейчас легкие или относительно легкие времена уже нельзя. Мы уже живем в состоянии катастрофы, которая еще разворачивается и неизвестно, каких пределов она достигнет, какие у нее будут последствия, какие жертвы, что будет с нами и с нашей страной, мы совершенно этого не понимаем. Но определять свою позицию и делать свой выбор мы все же должны... Миллионы людей, оуклились и сделали вид, что продолжается «обычная жизнь»...

Тут я могу только произнести и прокомментировать любимые строчки из стихотворения Левитанского:

«Каждый выбирает по себе» и сам отвечает за последствия своего выбора. Я выбрал 20 лет назад «Мемориал» и выбрал эту линию сознательно. Даже в конце 90-х мне стало понятно, что рано или поздно «Мемориал» окажется гонимой организацией. А в 2001–2003 эта перспектива была абсолютно ясной. Удивительно, что давление на Мемориал тянулось столько лет, а все могло развиваться и более динамично. Впрочем, дело не в сроке, а в том, что это дело своего выбора... Каждый, кто выбирает, должен будет за свой выбор отвечать. И это я применяю прежде всего к себе. Но думаю, что многим людям все равно придется определяться. Жить в Москве и думать о том, что ничего не произошло, наверное, удастся какое-то время, а потом, как это всегда бывает на смене эпох... катастрофичность событий заденет нас всех.

С.Э.: Последний вопросы у нас, как и первый, традиционный. Ваши творческие планы?

К.М.: Сейчас ближайший горизонт планирования и в России, и у эмигранта это неделя, две, месяц. Если год можешь планировать, то ты, конечно, счастливее, но на более дальние сроки большинству планировать не приходится.

Я получил годичный контракт исследователя в Ecoles des hautes etudes en sciences sociales в Париже. То, что я говорил о том, что жизнь дала второй шанс и для обретения новых друзей, вообще это же можно сказать и о многом другом — в том числе, и о моей профессиональной деятельности — историка-ученого, историка-просветителя, преподавателя...

Самое главное сейчас — суметь использовать этот шанс, оказаться готовым и адекватно ответить на вызовы жизни... Это не так просто... Чего стоит только учить с нуля французский язык на седьмом десятке...!

Активно продолжаю заниматься мемориальной деятельностью: переформатирую программу, обновляю с коллегами сайт и готовлю осенью выпуск обновленных публичных мероприятий (круглый стол и дискуссий, встреч и бесед).

В научной сфере также много планов. Я много лет пытаюсь довести до завершения книгу о покушениях на Ленина, Володарского и Урицкого. Название книги, которое сейчас, условно — «Покушения на Ленина, Володарского и Урицкого и трагедия тираноборства Фанни Каплан и Леонида Канегисера». Еще в начале 90-х годы не думал, что буду заниматься этой темой, я тогда полагал, что это всё инсинуации Семенова и большевистские выдумки о какой бы то ни было причастности эсеров. Когда я начал работать над сборником документов по процессу эсеров, а потом над монографией, посвященной процессу эсеров 1922 года, стало понятно, что, с одной стороны, большевики, конечно, многое фальсифицировали. В их интересах было очень серьезно дискредитировать эсеров, доказать причастность Центрального комитета партии эсеров к покушениям на Ленина и Володарского. Их причастность — это, конечно, фальсификация. Так же, как и сам Центральный летучий боевой отряд при ЦК партии эсеров (но боевая группа с формально не террористическими функциями Г. Семенова реально су-

ществовала) и те санкции, которые якобы ЦК давал для совершения действий этого отряда.

Но вот не миф, а реальность — так это террористические настроения в рядах эсеровской партии, которые воскресли после такого наглого, я бы сказал, захвата власти большевиками, совершенно изуверского расстрела демонстраций в защиту Учредительного собрания в Питере и в Москве и разгона Учредительного собрания — хозяина земли русской, о котором мечтала интеллигенция. Требования Учредительного собрания стояли и в программе социал-демократов и большевиков, естественно, тоже. Террористические настроения были фактом, но многолетние исследования показали, что покушение Каплан было совершенно индивидуальным актом с выходом из партии, что тогда практиковалось достаточно широко. Внутри эсеровского руководства был раздрай, с одной стороны — запрет февральского пленума ПСР 1918 года на проведение партийных террористических актов, с другой — часть сторонников втихую, закулисно фактически поддерживала желающих совершить такой акт индивидуально.

А вот все эти залихватские версии о причастности Дзержинского, Свердлова и Троцкого к покушению на Ленина — анекдотичны. Правда, когда я стал с этим спорить, меня заподозрили в симпатии к чекистам и коммунистам, хотя я просто пытался объяснить, что в 1918 году никто из вождей большевиков не был готов уничтожить своих конкурентов — тоvariщей по партии, что это всё только постепенно эволюционировало

к тому, что в 30-е годы это стало возможным. Не то что Свердлов, я уверен, что даже Сталин в 1918 не был готов на пути к единоличной власти уничтожать своих соратников. Большевики должны были долго психологически эволюционировать и морально деградировать, чтобы прийти к этому. Быть корректным и объективным при учетывании всех этих вещей требует от нас принцип историзма.

Много лет ушло на то, чтобы попытаться в этом хитросплетении разобраться, тем более что документов мало, ведь следствие по делу Каплан просто прекратили, нагло и нахально. Из-за той позиции, которую заняло руководство эсеровской партии, вообще отвергая какую-либо причастность своих людей, не было никаких мемуаров, никаких свидетельств по этому делу. Пришлось все собирать по крохам. Даже свидетельств по той же Каплан — минимальное количество. И Каплан прописывается сейчас иначе. Я много лет это подозревал. Каплан вовсе не юродивая и не убогая, как ее пытались показать. Она совершенно другая. Это видно из воспоминаний о ней меньшевика и бундовца Александра Иоффе, который с ней разговаривал накануне, 29 августа. Она вполне пассионарна. И другие свидетельства, вроде строк из письма М. Спиридоновой 1908 г., которые рисуют ее как очень яркую и своеобразную личность. И вовсе не несчастную женщину, которой все манипулируют — от любовника Гарского до Свердлова. Эти версии, которые по этому делу написаны и придуманы журналистами и частично историками, мало имеют отношение к реаль-

ности. Я эту книгу в каком то обозримом будущем буду завершать, хотя много уже об этом сказал и в своих статьях и в двух параграфах только, что вышедшей книги «Борис Савинков: опыт научной биографии».

Из других планов — это продолжение и завершение работы над книгой о партии эсеров в 1917 году и в годы Гражданской войны. Трудно даже сказать, много или мало материалов мной собрано, потому что сама по себе тема громадная, объемная... Наверное, нужно лишь какие-то ее аспекты брать. Ведь по тем же эсерам в Сибири в годы Гражданской войны написано много. В одной книге объять материалы по эсерам и в 1917 году и в годы Гражданской войны очень сложно, может выйти два, а то и три тома.

Еще целый ряд тем и сюжетов есть у меня в многолетней разработке. У меня остались недоделанные проекты, начатые когда-то в самые разные годы, в том числе по субкультуре русского революционера. Очень важные и требующие дополнительных исследований. Например, по теме эсеровского терроризма. Часть материала была использована в упомянутой Вами книге про Бориса Савинкова. Есть часть проектов совместных с Аллой Морозовой, также требующих продолжения и завершения. В общем буду стараться. Если жизнь, обстоятельства позволят. Загадывать сейчас не приходится. Будем надеяться.

С.Э.: Спасибо. На этой оптимистической ноте завершаем наше интересное интервью. И кстати, наше издательство ждет Вашу книгу о покушениях на Ленина.

«Я ПРЕПОДНЕСЛА БУКЕТ ХРУЩЁВУ, МИКОЯН МЕНЯ ДЁРГАЛ ЗА КОСИЧКУ, А Я ЧЕРЕЗ ПЕРЕВОДЧИКА СПРОСИЛА ИНДИРУ ГАНДИ, ПОЧЕМУ У НЕЁ В НОСУ ДЫРКА С КАМЕШКОМ».

Интервью с М. В. Михайловой

Известный филолог, литературовед, заслуженный профессор МГУ Мария Викторовна Михайлова делится воспоминаниями из своей семейной памяти, рассказывает о своем пути в науке, о взглядах и творчестве известного драматурга Михаила Шатрова, оценивает перспективы развития российской и международной филологии и русистики в условиях конфликта Украины и России.

Ключевые слова: Семейная память, сталинские репрессии, Михаил Шатров, Ленин, Сталин, жизнь в Москве в советское время, перспективы развития российской филологической науки в условиях после 24 февраля 2022 г.

Сведения об авторе: Мария Викторовна Михайлова, литературовед, заслуженный профессор МГУ имени М. В. Ломоносова.

Контактная информация: mary1701@mail.ru.

Главные публикации: Соколов А. Г., Михайлова М. В. Русская литературная критика конца XIX-начала XX века: Хрестоматия. М., 1982; Михайлова М. В. История русской литературной критики конца XIX-начала XX века: Методические указания. М., 1985; Михайлова М. В. О счастливой женщине // Нагородская Евдокия. Гнев Диониса. М., 1995; Михайлова М. В., Красикова Е. В. «Индивидуальность свою пишущий должен отстаивать — это и есть талант» // Никандров Николай. Путь к женщине. Роман, повести, рассказы / Сост. и коммент. М. В. Михайловой. СПб., 2004; Дунмэй В., Михайлова М. В. Героини А. Н. Толстого: типология образов и эволюция характеров. М., 2006; Михайлова М. В. И. А. Новиков: грани творчества. В помощь учителю. Орел, 2007; Михайлова М. В. От прекрасного — к вечному (эволюция творческих принципов И. А. Бунина). В помощь учителю. Орел, 2008; Михайлова М. В. Женская драматургия Серебряного века. Антология. СПб., 2009; Михайлова М. В. Марксисты без будущего. Марксизм и русская литературная критика (1890–1910-е гг.). М., 2017; Михайлова М. В., Солнцева Н. М. (отв. ред.) История русской литературы Серебряного века (1890-начало 1920-х годов): В 3 ч.: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2017 (М. В. Михайловой написаны главы: «Сборники “Знание” и вариации знаньевского реализма», «В. В. Вересаев», «Писательницы Серебряного века», «В. Г. Короленко», «Б. К. Зайцев», «Литературная критика Серебряного века», «Неореализм в русской литературе 10-х годов», «Введение»

(в соавторстве с А. В. Леденевым); Михайлова М. В., Назарова А. В. Запечатленная Россия. Статьи о творчестве Евгения Николаевича Чирикова. USA, 2018; Инь Л., Михайлова М. В. Творчество хозяйки «нехорошей квартиры», или Феномен Е. А. Нагородской. М., 2018; Михайлова М. В. Я не могу быть иною // Анна Мар. Женщина на кресте. М., 2020; Михайлова Мария, Нестеренко Мария. Елена Колтоновская: вектор судьбы // Колтоновская Елена Женские силуэты. Статьи и воспоминания (1910–1930). М., 2020.

“I PRESENTED A BOUQUET TO KHRUSHCHEV, MIKOYAN PULLED MY PIGTAIL, AND I ASKED INDIRA GANDHI WITH THE HELP OF HER INTERPRETER WHY SHE HAD A HOLE WITH A PEBBLE IN HER NOSE.” Interview with M. V. Mikhailova

The well-known philologist, literary critic, Honored Professor of Moscow State University Maria Viktorovna Mikhailova shares her memories about her family, talks about her path in science, about the views and work of the famous playwright Mikhail Shatrov, assesses the prospects for the development of Russian and international philology and Russian studies in the context of the conflict between Ukraine and Russia.

Keywords: Family memory, Stalinist repressions, Mikhail Shatrov, Lenin, Stalin, life in Moscow in the Soviet era, prospects for the development of Russian philological science in the conditions after February 24, 2022

About the author: Maria Viktorovna Mikhailova, literary critic, Honored Professor of Lomonosov Moscow State University.

Contact information: mary1701@mail.ru

Беседовал С. Е. Эрлих

С. Э.: Наш первый вопрос традиционный и касается глубины семейной памяти. Члены вашей семьи были жертвами сталинских репрессий, это должно было оказать влияние на глубину семейную память.

М. М.: Огромную роль в моём воспитании сыграла бабушка. Фактически она меня воспитывала, очень любила, и могу даже сказать, что я была счастьем её жизни. Бабушка была грузинка по отцу. А вот со стороны матери были армянские и русские корни. Как и полагается кавказской женщине, она была вспыльчивая, деспотичная, даже иногда меня тиранила, но это во многом происходило от любви. С детских

лет я слышала от неё, что она ждёт возвращения мужа. Конечно, тогда я не очень понимала, откуда она его ждёт. Но отчетливо помню 1954 или 55 год (мне было лет 8): скрип за дверью, и бабушка буквально изменилась в лице и сказала: «Ой, наверное, он вернулся!» Видимо, тогда-то я и начала осознавать, что она ждёт деда из ссылки, из лагерей. Хотя, думаю, это во многом была её иллюзия, потому что, мне кажется, в глубине души она всё прекрасно понимала, но надеялась на чудо. Она часто вспоминала о дедке как о человеке, который всегда был ею любим. Дед, Алексей Федорович Пышкин, был путейцем, служил в железнодорожных войсках, постро-

ил за свою жизнь много крупных железнодорожных станций, узлов и пр. На Дальнем Востоке он был помощником командира корпуса, а это был Ян Лацис. У деда было, кажется, три ромба — это очень высокое звание. Она хранила его платок с запекшимися каплями крови — он поранил руку перед тем, как уехать на Дальний Восток (его и арестовали на Дальнем Востоке в 1937, потому что он проходил по делу Тухачевского). Платок был весь в крови, и она хранила всю свою жизнь этот с засохшей кровью платок и его смятую недокуренную папиросу. Я видела эти реликвии собственными глазами. Знаю, что, когда он уезжал, она просила его не подчиняться приказу, ибо предчувствие было — ведь уже многих из окружения взяли, а про Лациса говорили, что он покончил с собой, а не умер естественной смертью. Но дед поступил по-своему.

В мои десять лет бабушка мне много начала рассказывать (возможно, она рассказывала и раньше, но я еще не запоминала). А с этого возраста уже были разговоры о деде, о его окружении, его деятельности. Кроме того, я помню совершенно страшную картину (это было ещё раньше): полутёмная комната, мама с бабушкой при свете лампы жутко ссорятся. Как оказывается, заполняют анкету, в которой нужно указывать, были ли они интернированы, были ли на оккупационных территориях, где их родные и т. п. И они жутко спорят, потому что в этой анкете они врут, кто был дед и куда он делся. Долгое время они придерживались версии, что мама моя взята из детского дома, что она вообще не дочь моей бабушки. Это было сделано, чтобы замести следы после ареста. И, конечно, они

бесконечно путались в годах — в каком году её взяли из детского дома, как получили согласие и т. д. То есть моя мама практически всю жизнь фигурировала в жизни бабушки как приёмная дочь, будучи, естественно, дочерью родной. Это было связано с тем, что бабушка как женщина дальновидная, как только дед уехал на Дальний Восток и ещё ничего не было известно, позаботилась, чтобы он был вычеркнут из их жизни: иначе бы они не спаслись. Дед прислал оттуда три письма, которые сохранились, в них он успокаивает бабушку, но она умела читать между строк. Он уехал где-то поздней весной 37-го года, а расстреляли его спустя год, в марте 38-го. Я говорю это точно, потому что специально ездила во Владивосток, чтобы поработать в архиве КГБ. Я изучала его дело — в 90-е годы это было возможно. Это была очень большая толстая папка, потому что бюрократия у нас всегда была прекрасно поставлена: всё было оформлено замечательно, все допросы с подписями, обозначениями начала и конца и т. д. Но что меня больше всего потрясло, так это то, что на первых допросах его подпись твёрдая, уверенная, а на последних — в феврале-марте — подпись практически нельзя узнать, какие-то каракули. Это, видимо, пытки, бессонные ночи, а бабушка мне часто говорила, что тогда практиковали пытку: иголки под ногти (значит, многим всё на самом деле было известно). Я сделала тогда много выписок — ведь не было ксероксов, нужно было все делать от руки. Меня всё прочитанное поразило чрезвычайно. И, в конце концов, дед признался, что он японский шпион, что он строил какой-то мост между Владивостоком и Япон-

скими островами, что организовал группу, хотя это нормальному человеку просто не могло прийти в голову — сами представляете, какой это должен был быть мост через пролив!

Возвращаюсь к ситуации с бабушкой: она сразу поняла, что дело плохо. Они вообще многое поняли еще в 34-м году, когда произошло убийство Кирова, а после — странная смерть Орджоникидзе. Дело в том, что Киров был ближайшим другом моего деда, они долго общались в юности и потом, когда Киров был в Баку. У меня даже дома хранятся рога убитого Кировым джейрана, которые он подарил моей бабушке, за которой слегка ухаживал. А с Орджоникидзе дед работал в Москве в Наркомате тяжёлой промышленности. И что сделала бабушка? Она сразу выписала деда из Домовой книги — будто бы он исчез, бросил ее. И дальше, в течение года, чтобы их с матерью не посадили, они поменяли в Москве около полутора десятков квартир.

Был такой уже довольно поздний эпизод, когда я маму попросила поехать по адресам этих квартир — ведь маме было 19 лет, когда в 37-м году это произошло, и она помнила многие адреса. Я вспоминаю ту поездку по Москве... Это же страшно себе представить: две женщины, которые решили буквально каждые две недели менять квартиры... Зато таким образом им удалось не попасть в мясорубку, бабушка не стала официально женой врага народа, продолжала работать, репрессии её не коснулись, хотя, конечно, многие знакомые просто отвернулись. Поддерживать её продолжала только семья скульптора Сергея Меркурова, который тоже

был близким другом деда. Он не от вернулся, он её принимал, они тесно общались. А все остальные — буквально — переходили на другую сторону улицы, завидев ее. Хорошо, что хоть не доносили. А у бабушки даже возникло подозрение (я не могу тут ничего сказать точно), кто написал донос на деда. Это был его ординарец, бабушке была известна его фамилия, я ее и сейчас помню, она часто повторяла. Так вот его, посадив вместе с дедом, выпустили через три месяца. И когда однажды он встретил её на улице, то весь сжался и шмыгнул в ближайшую подворотню.

Вся эта история имела для семьи очень тяжёлые последствия: внутри постоянно жил страх. Я думаю, что этот страх и исковеркал характер моей матери. И во многом то, что мой отец — очень крупный учёный, любивший мою мать и соединившийся с ней во время войны в 1944 году (его жена в это время была в эвакуации) — не женился на ней. Он побоялся развестись и жениться на дочери врага народа, потому что всё равно в каких-то кругах это было известно. Тем более что его сестра (они тоже с Кавказа, вся моя родня кавказская, хотя папа русский, родившийся в Кутаиси) училась в одно время с бабушкой в гимназии, и они в Москве продолжили общение уже во время войны. Бабушка уверяла, что, когда она требовала, чтобы отец женился на её дочери, он говорил ей: «Вы контра, я могу вас выслать». Так это или не так — мне трудно сказать, потому что была маленькой и не присутствовала при этих разборках, но негативные отношения между отцом и бабушкой были всегда, и вряд ли они возникли на пустом месте.

Вот поэтому моя мать, родившая двоих детей, формально считалась незамужней. Но папа очень благородно меня удочерил (с согласия своей жены), так же как моего брата, родившегося спустя 11 лет. И то, что моя мать практически никогда не занималась детьми, а вся погружена была в работу и только в работу, что она, не получив высшего образования (у неё был только рабфак), для своего времени и в своей области достигла очень больших высот, — результат этих обстоятельств. Она стала директором библиотеки № 66 Советского района (это на Малой Бронной, рядом с Патриаршими прудами), а потом и заместителем директора крупнейшей в Москве общественной Некрасовской библиотеки и долго была во главе её филиала. Подкосила её ситуация, когда распался Советский Союз, поскольку не стал нужен этот филиал — библиотека литературы на языках народов СССР. Она размещалась в Сокольниках в старинном особняке неопишуемой красоты. Это то знаменитое здание, где лечилась Крупская (сохранялась даже ее мемориальная комната), а Ленин проводил елку для детишек. Так вот мама придумала, чтобы каждая комната была посвящена отдельной национальной литературе и оформлена этнографически, со всей необходимой атрибутикой. Там были ряды полок с литературой на всех языках, а на столах газеты, выходящие в городах этих союзных республик, проводились встречи с писателями. Но после распада СССР весь фонд расформировали, от многого поспешили избавиться. И мама этого не перенесла: она заболела.

Но, повторю, моя мать обладала очень тяжёлым проблемным харак-

тером, думала только о работе, для неё только она и существовала. Так что всё это вместе психологически тяжело отражалось на всех членах семьи. И я думаю, что какие-то изъяны моего характера определяются в том числе и этим. Отец всю жизнь оставался приходящим, мы жили в двух крохотных комнатках коммунальной квартиры, где было еще 10 комнат; соседки называли меня соответствующим русским словом, на маму, конечно, долгое время показывали пальцем, поговаривали, что ее «обрюхатили». В общем все прелести того, как народ вообще относится к внебрачным детям, я вкусила в детстве... Но, к чести отца, надо сказать, что он никогда нас не бросал, и моя дисциплина и нацеленность на науку — это во многом идет от него. Он тоже был фанатично предан своему делу и в своей области достиг невероятных высот, став, по сути, создателем напряженно-армированного железобетона.

С. Э.: А про более отдалённые поколения предков вы помните?

М. М.: Моя бабушка — потрясающий персонаж в личностном плане, невероятной красоты была женщина. Как-то в 90-х газета «Советская Россия» объявила конкурс на самую красивую женщину страны. Все посылали фото. И я послала фото 18-летней бабушки. Так она вошла в первую десятку! И еще в семье бытовала легенда, что один человек в неё влюбился по той самой фотографической карточке (она была выставлена в витрине ателье), искал её по всей России, а когда нашёл её и узнал, что она замужем, покончил собой. Но, думаю, что это все же больше похоже на вы-

думку. Бабушка всегда очень много мне рассказывала о своем детстве, а главное оставила уже перед смертью воспоминания. Я опубликовала их в книге «Российский архив», выпуск 23. Но там только первая часть. Вторая, к сожалению (во многом и по моей вине), ею не была окончена, но я её тоже опубликовала в журнале Literarus, который выходит в Финляндии на русском языке.

Бабушка из семьи интеллигенции средней руки, родилась в Тифлисе в 1897 году. Её бабушка была одной из первых служивших женщин — работала кассиром на тифлисской железной дороге. Работала без выходных и отпуска практически всю жизнь. Но поездов тогда ходило мало, и между ними можно было заскочить домой и отдохнуть. Она армянка, но её происхождение не очень понятно, скорее всего, она была внебрачным ребёнком, потому что, когда я бабушку спрашивала, как фамилия ее любимой бабы Юли, она, смеясь, говорила, что та на этот вопрос всегда отвечала по-разному: то Сорокина, то Белкина, то Петухова и т. д. Её в 15 лет выдали замуж за военного, который погиб в русско-турецкой войне на Шипке, так что в 17 лет она осталась вдовой с двумя детьми. Когда она пошла за пенсией к начальнику, он ей сказал: «Деточка, ты за папу пришла просить?» И когда она сказала, что не папа, а муж погиб, у начальника чуть не случился инфаркт — перед ним стоял ребёнок. Так она получила от царского правительства пенсию на детей, но пенсия была не очень большая, поэтому она и работала. Двое ее детей — это Ольга, мать моей бабушки, и Витя, умерший достаточно молодым, лет в 30.

Ольга вышла замуж за грузина из местечка Закаталы (между Грузией и Азербайджаном). Он получил военное образование, стал офицером, но не сумел поступить, как мечтал, в Академию Генштаба. Молодая жена его всё время готовила, но он, как у Куприна в «Поединке», никак не мог сдать экзамены, все время проваливался. Где-то спустя 10 лет они разошлись, и он выплачивал оставленной семье алименты — 75 рублей на двоих детей. Ольга Николаевна не была умелой хозяйкой, могла купить себе шикарную шляпу за 25 рублей, а дети сидели голодные. Бабушка вспоминала, что всё время в детстве хотела есть. Котлета для нее была роскошью, но при этом держали кухарку. А поскольку бабушка Юля была безмерно доброй, то брала кухарку с детьми, и поэтому в квартире жила кухарка, её трое детей, которые тоже питались, а ещё подкармливали мужа кухарки, который работал трамвайщиком на конке и приходил пообедать... Это всё есть в воспоминаниях моей бабушки, и тут можно еще очень много рассказывать, потому что выяснилось, что в свои 75 лет она помнила невероятные детали и обладала такой памятью, которой, думаю, я не обладаю.

Я недавно начала выяснять судьбу моего прадеда-грузина Ломиашвили (отца бабушки). Кое-что о нем есть в ЦГАОРе. Он пошёл по линии жандармерии, был ранен в Первую мировую войну. О нём есть сведения на сайте «Белые офицеры». Есть люди, которые этим тщательно занимаются и мне посоветовали посмотреть. Я вышла на этот сайт, списалась с человеком, который много лет посвятил разысканиям, и выяснила, что

у прадеда было много наград, что он воевал на фронтах Первой мировой, был ранен, дослужился до полковника. Наверное, в Гражданскую войну он или исчез, или погиб, потому что больше о нем сведений нет.

Со стороны папы ещё более интересно. Отец родился в Кутаиси в семье, имевшей польское происхождение, а может, и украинские корни (они приехали с Украины). Его дед был женат на англичанке Анне Дигби, которую, по семейной легенде, он вывез из Англии. Но на самом деле она, видимо, все же родилась в России, ибо была дочерью знаменитого архитектора Александра Дигби (есть сведения, что в его жилах текла и итальянская кровь), которого в своё время вывезла из Италии Екатерина Великая. Он был знаменитым архитектором, осуществил Генплан строительства Астрахани. Практически вся Астрахань построена им. Интересная деталь — мы часто говорим о зове крови — так вот мне, когда я была в Астрахани, очень понравилось одно здание (я вообще люблю фотографировать), которое я снимала с разных ракурсов. А потом выяснилось, что это одно из лучших зданий в городе, которое как раз построил этот самый Дигби. И еще интересно, что потом он переехал в Одессу, где работал с 1818 по 1825 годы и строил дома для новороссийского губернатора Ланжерона. Но ведь это те же самые годы, когда в Одессе в ссылке был Пушкин. А поскольку архитектор был принят в высшем свете, то вполне мог на светских раутах встречать Александра Сергеевича!

Сам же дед отца был почетным гражданином Кутаиси, очень состоя-

тельным человеком. Считается, что именно он дал деньги на постройку здания Кутаисского театра. Я приезжала в Кутаиси, хотела узнать больше, но тогда архив не работал, и мне удалось отыскать только его могилу на кладбище (памятник сохранился!). Походила я и по коридорам кутаисской гимназии, где учился папа (там сейчас городская школа), постояла у необычного храма, который привлек внимание (потом оказалось, что это тот самый, где венчалась мать отца — тоже Мария Викторовна, ставшая Михайловой по мужу). Кроме любимицы Маши у Деда отца было еще две дочери: одна с детьми эмигрировала во Францию, следы другой затерялись. У отца было еще два брата (тоже пошли по ученой части — строительство) и сестра, ставшая известной художницей. Ее фамилия Варт-Патрикова по мужу. Особенно удавались ей пейзажи Москвы. Много картин хранится в музее в Шушенском, где недавно проходила большая выставка ее работ. Она ученица знаменитого Е. Е. Лансере.

Так что во мне течет шесть кровей: грузинская, армянская, русская, польская, английская и итальянская. Поэтому, когда сегодня начинают рассказывать о том, кто есть русский, а кто есть нерусский, — мне становится смешно. Тем более с Западной Украиной, откуда папины предки, вообще не очень понятно — там такая мешанина, учитывая, что жили и евреи (бабушка вообще была уверена, что в отце есть что-то еврейское — ведь его дед держал в Кутаиси аптеку, а аптекарями были в основном евреи!), что и не разберёшься... А русское во мне от мужей прабабушки и бабушки. Дед, который был

репрессирован, тоже родился на Кавказе. Он из тех крестьян, которых Екатерина переселяла в огромном количестве туда для колонизации завоеванных земель. А может быть, и не шесть, а восемь, если учитывать еврейскую и украинскую.

О предках мне рассказывала только бабушка (редко что-то говорил папа), а вот мама никогда, потому что, я думаю, она безумно боялась. Она была сильно «ударена» 37-м годом. Бабушке в 37-м было практически 40 лет, но человек прошёл Гражданскую, НЭП, и это дало ей определенную закалку. А девочке, которой было 19, пережить это оказалось не под силу. Мама была очень скрытной, сдержанной, ни со мной, ни с братом никогда ничем не делилась.

С.Э.: Хотел уточнить — когда они меняли квартиры, бабушка в это время не работала?

М.М.: Нет, она работала адски с 1915 года. И практически никогда не прекращала работу. Едва ли не на следующий день после получения свидетельства об окончании гимназии она пошла на работу в какую-то контору (по-моему, тоже на железной дороге). Она работала и на Дальнем Востоке в середине 30-х в газете, и в экспедиции с дедом в Ненецком округе за Полярным кругом, когда одной из первых женщин в СССР получила автомобильные права (так она смогла управляться с моторкой). Во время ареста мужа она работала в канцелярии какого-то роддома и рассказывала об этом месте жуткие истории. Однажды, когда что-то не сошлось в отчетах об умерших младенцах, мужчина, отвечающий за их

«утилизацию», в бешенстве раскрыл какой-то чемодан и вывалил на пол слежавшиеся трупики, чтобы она сама их подсчитала. Бабушке чуть не стало дурно. Она по нескольку раз возвращалась к этой истории. Она очень бедствовала в 37–38 годах, настолько, что в какой-то момент на работе у неё порвалась сзади юбка (настолько она была изношена!), и она шла домой, прикрывая — pardon! — зад сумкой. Вот такая была нищета.

С.Э.: Но работу она меняла, чтобы её не арестовали?

М.М.: Да, она меняла места работы. Потом, в конце 30-х годов бабушка устроилась в библиотеку № 64 Свердловского района. Тогда уже был дефицит интеллигентов, её взяли, и она как-то быстро стала директором. Надо сказать, что она была потрясающим директором, потому что проводила невероятную работу во время Великой Отечественной войны. Московские библиотеки — это отдельная страница работы города — работали в метро для людей, спускавшихся туда во время бомбёжек. Там библиотекари нередко и ночевали, обеспечивая людей книгами и журналами. Одно из наиболее ярких впечатлений бабушки 16 октября 1941, когда они не могли войти в библиотеку. Бабушкина библиотека — это теперь библиотека имени А.П. Чехова на Пушкинской площади в Москве — расположена чуть ниже тротуара, и, чтобы войти, надо спуститься вниз на несколько ступенек. Так вот в этот день этого было сделать нельзя, так как все было забито сваленными сочинениями Сталина и Ленина. Но самое поразительное люди не выкинули их на

помойку, а принесли в библиотеку ночью перед эвакуацией! Все-таки советский человек — это какая-то особая статья: он не поленился принести эти огромные тяжеленные тома в библиотеку и свалить их грудой там... Мама с бабушкой не уехали в эвакуацию, всё время были в Москве. Мама уже работала под ее началом в библиотеке и навсегда тогда отморозила себе руки (в помещениях было очень холодно!), потому у неё всегда зимой были красные опухшие пальцы. Бабушка проработала в этой библиотеке до 1953 года.

Но и дальше её жизнь складывалась нелегко, потому что в 53-м году пенсию ей дали при почти 40-летнем стаже 210 рублей. И бабушка начала продавать вещи и книги, которых у нее было много, ибо любовь к книге превышала всё мыслимое и неммыслимое (и мне она ее привила: до последних дней хранила мою первую книгу — «Сказки» К. Ушинского — и уверяла, что я, будучи маленькой, ни одной книги не порвала, потому что она их всегда на моих глазах гладила и целовала — вот я выросла такой сумасшедшей, любящей книги до безумия...). А потом, в 1956 году она начала получать пенсию за реабилитированного мужа: 572 рубля (потом это было 57 рублей 20 копеек), за что была всегда благодарна Хрущёву, повысившему пенсии. Теперь с деньгами стало более-менее прилично. Но и их тоже не хватало, и она в своём уже преклонном возрасте работала в ночной охране, была сторожем в разных учреждениях (тогда это называлось ВОХР). Так она проработала до своих последних дней, и стаж ее в общей сложности был около 65 лет. У мамы стаж тоже

где-то под 65–70 лет, потому что она пошла рано работать. И у меня тоже рабочая биография богатая, я сама пошла работать в 17 лет, сразу после окончания медучилища.

С.Э.: Травма сталинских репрессий в России до сих пор не проработана как следует. Когда Хрущёв разоблачал культ Сталина, он при этом уточнял: «Была замечательная ленинская гвардия, которую тиран-Сталин уничтожил, но не сумел уничтожить дух социализма, и сейчас мы этот ленинский социализм восстанавливаем». Эта парадигма была подхвачена так называемыми шестидесятниками, либеральной частью советской интеллигенции, потому что это была единственная модель, в которой они могли осудить террор.

М.М.: Тем более, они сами были в этом замешаны.

С.Э.: Это старшие, а шестидесятники в этом замешаны не были — они были тогда детьми. Вашим мужем был Михаил Шатров, который в советское время был знаменитым драматургом. Ленинская тема была у него центральной, и он был популярен в том числе среди либеральной советской интеллигенции, шестидесятников, потому что подспудно следовал парадигме: «хороший Ленин и плохой Сталин». Причём даже в перестроечных пьесах Шатрова, когда уже можно было выйти за пределы ленинского культа, Ленин в его пьесах предстал просто святым без всяческих недостатков. Наверняка Шатров читал мемуары Валентинова и других, где вырисовывается другой облик «вождя пролетариата», напоминаю-

щий героев «Бесов». Я хочу спросить: Шатров, действительно, верил в безупречного Ленина?

М. М.: Знаете, это важный и сложный вопрос, который, мне кажется, даже нельзя так формулировать, как его формулируете Вы. Потому что Шатров сам из семьи репрессированных. Его дядя Алексей Иванович Рыков, и этим всё сказано. Мать тоже посадили в 1949 году, она преподавала немецкий и попала в ситуацию с космополитами. Отец его был репрессирован в 37-м году, получил десять лет без права переписки. И, конечно, все понимали, что это значит... Дочь Рыкова — Наташа, его двоюродная сестра, — тоже сидела. Вся семья получила эту жуткую травму. Конечно, Шатров — один из тех, кто получил доступ во многие архивы. Он очень много работал в архивах и где-то даже за это поплатился: когда он писал свой «Брестский мир» и попытался представить там Троцкого (в то время это было вообще что-то совершенно невероятное — чтобы Троцкий выступал и что-то говорил!), то вроде бы приписал Троцкому то, что тот не говорил. Но скорее всего — это был предлог. Возмущению цензуры не было предела. Могу вам, кстати, сказать, что в замечательный словарь «Русские писатели» мне тоже не дали написать статью о Троцком. И это в настоящее время! Там есть множество невероятно мелких литераторов, но нет Троцкого, который, между прочим, написал 300 критических статей.

С. Э.: Это в том томе словаря, который издавало наше издательство?

М. М.: Да! Там нет Троцкого, и запретили о нем писать в самое либе-

ральное время! Поэтому можете себе представить подвиг Шатрова, который в 1962 году попытался что-то в этом направлении сделать?! У него, действительно, была версия, что идеи социализма благодатны и необходимы и Ленин был обуреваем этими идеями. Конечно, он знал мемуары Валентинова, он знал всю переписку, все телеграммы. Он очень дружил с Владленом Терентьевичем Логиновым, главным знатоком ленинского наследия, работавшим в Институте марксизма-ленинизма, и, конечно, знакомил его со всеми документами. (К слову, прекрасное знание всего, что связано с Лениным, будто бы имевшее место в советское время, — это тоже своего рода фикция. Я с этим столкнулась, когда комментировала письма А. М. Калмыковой, привезенные из Амстердама. Так вот, очень многие посетители Ленина в его эмигрантский период остались нашим ученым неизвестны — а, казалось бы, есть летопись жизни Ленина, буквально расписанная по часам и дням!)

Мне кажется, что очень важно подходить к явлениям исторически. То есть ситуация, когда власть берётся в обстановке вражеского окружения и нужно эту власть удержать, ты поневоле вынужден огрызаться, проводить жесткие меры. Т. е. Шатров допускал применение насилия на ограниченном временном промежутке. Но не как систему управления. Он считал, что Ленин многие свои действия совершал вынуждено (по крайней мере, до 21-го года). Он считал, что у Ленина некое прозрение наступило после военного коммунизма, когда он понял, что нужно переходить к НЭПу. И вообще он

постоянно доказывал, что Ленин осознал: путь прямолинейный, догматический — это неверный путь. Поэтому говорить, что у него безупречный Ленин (как Вы выразились) не совсем правильно. На мой взгляд, достоинство драматургии Шатрова в том, что он показал Ленина сомневающегося, ищущего. У него показан веер открывающихся возможностей. Например, продолжать репрессии или остановиться. Мы с вами знаем, что репрессии можно продолжать бесконечно, и это для нашей страны не самый плохой путь, хотя он ужасен с моральной точки зрения, но как способ держать в узде народ довольно продуктивен. Наше население любит, чтобы на него давили, потому что тогда человек просто живёт по инерции, он твердо усвоил, что шаг влево, шаг вправо делать нельзя; он приходит домой, приносит зарплату, ругается с женой, а дальше едет в отпуск к себе на дачу. Всё! Больше его ничего не интересует, он никуда не рыпается. Но Ленин, по логике Шатрова, понял, что надо менять эту политику. Самая интересная у Шатрова — это Ленин на перепутье, пытающийся выбрать, ощущающий необходимость каких-то изменений. А почему у Шатрова ненависть к Сталину? Да потому, что Сталин пришел, когда в репрессиях уже не было необходимости, когда можно было уже по-иному осуществлять руководство и т. д. Ведь население в целом поддерживало советскую власть. Даже небольшая кучка интеллигентов, так называемых «попутчиков», уже перековывалась или начинала примиряться. Именно бесконечное давление сверху рождает сопротивление.

Я работаю сейчас над одним текстом (он принадлежит перу советской писательницы Валерии Перуанской), и он подтверждает мое убеждение, что советские люди верили в то, что они делают. Какая была слепота и какой энтузиазм! Они реально верили, что все делается к лучшему, — надо только пережить трудности. Люди советского времени — это совершенно новая формация. Я видела это по своей маме. Даже по своему отцу, который был умным человеком, но ради своей страны делал все новые и новые открытия, придумывал технические новшества и, конечно, совсем не думал, что укрепляет этим тоталитарное государство. Он делал своё дело. Советские люди, которые так существовали. И в этом случае я понимаю Шатрова и разделяю ту версию, что в ситуации Гражданской войны и междоусобицы Ленин многое делал вынужденно. Он, конечно, не демократ, конечно, не гуманист, но он умел слушать время и понять, что после Гражданской войны нужно менять способы руководства, чего, конечно, не понимал Сталин. У Шатрова по отношению к Сталину и его репрессиям было абсолютно одинаковое со всеми нормальными людьми отношение, потому что это была жесточайшая мясорубка, когда просто ради сверхгосударства, ради сверхценной идеи нагромождались трупы, трупы и трупы. Росла пирамида трупов. Ленин эту пирамиду начал строить, но не завершил её, потому что понял, что эта пирамида не должна быть достроена. Вот версия Шатрова. И я лично с ней согласна, потому что иначе не занималась бы марксистской критикой. Я вижу, какими были марксисты в Серебряном веке (условно говоря) и во что они

выродились в сталинскую эпоху. Это две большие разницы. В марксистской критике были дискуссии: Плеханов не понимает Луначарского, Луначарский опровергает Плеханова, который падает в обморок, прочитав то, что написал Потресов. Это была живая жизнь, рождавшая ветвь социологии искусства. Марксизм нельзя отрицать и выбрасывать, его можно обсуждать, дискутировать по его поводу. А вот дальше, с 20-х годов началось резание практически по живому. Это версия Шатрова, и он был совершенно искренен. Тем более он реально столько пережил. Во-первых, после «Брестского мира», который положили на полку, его же собирались исключать из партии, в которую он вступил в 56-м году на волне возвращения к нормам ленинской партийной жизни. А он всё-таки по-настоящему ленинец. Будете смеяться, но и я вступила в партию в конце 1989 года, на волне горбачевских перемен. До этого — ни в какую, а тут поверила, что может быть все иначе...

Но в своей частной жизни Шатров был сибаритом. Например, когда он получал квартиру в Доме на Набережной, я была противницей этого переезда. Я говорила: «Миша, давай не будем! У тебя есть возможности получить в любом другом доме. Давай не будем, вдруг это будет та квартира, из которой уводили человека. А может быть, его застрелили, когда уводили...». Честно вам говорю, мы с ним настолько ссорились по этому поводу, что я (наглая для жены позиция) не участвовала в её оформлении. Миша всё взял на себя. Вообще меня этот дом жутко тяготил, мне эта квартира не нравилась, казалась

какой-то мрачной, тёмной (она была на 5 этаже). Всё меня в ней отвращало, хотя она была вполне комфортабельная, с четырьмя комнатами. А ему (и это интересный момент) было очень важно вернуться именно в этот дом, откуда увели Рыкова. Казалось бы, о чём ты говоришь — ты ленинец, возможности огромные, богатый человек... А ему важно было вернуться туда, где была совершена эта несправедливость. Так что, диапазон между частным человеком, человеком общественным и человеком политическим огромен. Но, помимо этого, сколько писем против него писали в этот Институт марксизма-ленинизма! У него есть изданный пятитомник (там моё предисловие: очень большая статья), и в пятом томе приведены все письма, которые были направлены против него: и в Политбюро, и в отдел культуры Политбюро (Демичев и т.д.), и в газеты. От старых большевиков, партийцев. Это были реальные доносы, что он разрушает партию, что подрывает своими пьесами советский строй. Я никогда не забуду репетиции «Так победим!». Единственный способ, чтобы они продолжалось, был — привезти на этот спектакль Брежнева. Это реальная история, когда привели глухого Брежнева, который долго присматривался, прислушивался. Правда, это обрастает подробностями, которые не соответствуют действительности, но он, действительно вслух говорил, спрашивал: «Кто это?», однако все же не произносил того, что ему приписывают. И вот для этого они вместе с Логиновым писали довольно унижительные письма в ЦК, обращались к нему с просьбой. Да, приходилось унижаться, выпрашивать благодеяния, потому что всё

равно всё это зависело от власти предрешающих, цензуры, разрешений. Стоит напомнить случай, когда Фурцева сделала так, что спектакль «Большевики» пошел без цензуры. Все ведь было построено на личных знакомствах. Вообще, если воссоздавать подлинную историю цензурирования, существование внутренней жизни, подготовки, пробивания через бесконечные худсоветы, которые всё время что-то поправляют и отклоняют, то откажешься понимать, как вообще что-то приличное могло появляться в литературе. Уж, казалось бы, Ефремов — такая «шишка», но всё равно есть Худсовет, приходят чиновники из министерства, всё равно не разрешают эту сцену, другую... Сколько было борьбы, чтобы Янковский только галстук повязал, только кепочку надел! Какой из Янковского Ленин? Такие мелочи сейчас не принимаются в расчет, забываются, а это действительно составляло жизнь драматургов, это продирирование через рогатки-рогатки-рогатки...

Другое дело, что в 90-е годы всё это закончилось, и он хорошо понимал, что наступает другое время, которое с его «светлым Лениным» уже никак не корреспондирует. То, что он был искренним ленинцем, в 90-е годы сделало его положение довольно сложным. Одна из его ранних пьес называлась «Чистые руки». Да, у него была идеализация, была вера в то, что политику можно делать, хоть не совсем валяясь в грязи, хоть не совсем обманывая, а как-то по мере возможности что-то сохраняя и соблюдая. И когда в 90-е годы пошёл захват власти, коррупция и прочие-прочие моменты, конечно, ему стало тяжело, и он уехал в Америку.

Он уехал с молодой женой, пробыл там какое-то время. Я не знаю, хотел ли он там остаться... Потом они вернулись, и он пошел в бизнес — стал заниматься строительством бизнес-центра «Красные холмы», Домом музыки. Казался увлеченным. А может быть, даже был подставным лицом... трудно сказать. В 90-е годы делались тёмные дела, его мог кто-то просить, тем более, что он дружил с Березовским. Они были давними друзьями. И его личная драма была тоже связана с Березовским... Он уже перестал писать пьесы, хотя со мной долго советовался, за какой сюжет ему взяться. Он всё равно не оставлял мысли о драматургии. Он хотел написать о Каприйской школе — отзовисты, ликвидаторы — его тянуло в дореволюционное время: кто, что, как происходило вокруг Ленина. Он понимал, что рядом с Лениным бурлила оппозиция, были противники его идей, они его заинтересовали. Видимо, какие-то сомнения относительно того, что ленинская линия в социал-демократии была единственно верной, начинали в нём зарождаться. А поскольку я в это время уже занималась марксистской критикой, то кое-что могла ему подсказать. Потом хотел писать про Клару Цеткин и Розу Люксембург с их личными сложными моментами. Был вариант создать бытовую комедию «Девочки» про старушек. Планы были. У него за это время была написана одна пьеса про маккартизм для Ванессы Редгрейв. Её несколько раз ставили. Да, идеи у него были, но, я думаю, что исчез уже тот кураж, тот светоч, который его вел раньше — что может быть что-то полезное, красивое в «делании» политики. А ничего красивого не получалось.

При этом у него были хорошие отношения с Горбачёвым, он контактировал с ним и с горбачёвским Центром, в котором работал Логинов. С ним они продолжали дружить и общаться. Так что в искренности его я не сомневалась и даже в идеалистичность верю, хотя по своей природе он довольно циничный человек: в быту, в поведении. Может быть, даже как Березовский, которого я никогда не воспринимала просто по-человечески. Вот за эту идейность я Мишу очень любила и люблю, и безмерно благодарна, что судьба меня свела с ним — человеком, ставшим столь важным для меня в идейном плане.

С.Э.: **Расскажите, пожалуйста, о жизни Москвы в послесталинские времена, в 60-е годы. Сейчас дедушки и бабушки рассказывают внукам, как прекрасно жилось в Советском Союзе, который был просто замечательный, а враги его разрушили. Это, например, свойственно русскоязычному населению Молдавии. Они только не учитывают, что в Молдавии жили очень хорошо по сравнению с Россией, где в провинции в магазинах ассортимент был крайне скуден. Когда наши русские родственники приезжали в Кишинёв, они заходили в магазин и были в шоке от того, что там можно было свободно купить молоко, сыр, колбасу. Я брал интервью у историка Константина Морозова, он родом из Самары. Он рассказал, что в магазинах мяса не было вообще, надо было идти на рынок, но там были цены в 2–3 раза выше магазинных. Вы жили в Москве, где было прекрасное снабжение, но тем не менее, в одном из ваших интервью вы говорите, что испытали потре-**

сение, когда узнали, что вам купили импортные сапоги. Расскажите, пожалуйста, об этом, чтобы люди понимали, что даже в Москве было всё не так прекрасно, как пытаются рассказать дедушки и бабушки.

М.М.: Это очень интересный вопрос и суждение, тем более что тут я могу рассуждать как женщина. В плане одежды в Москве было так же ужасно, как и во всём Советском Союзе. С питанием, конечно, было намного лучше, продукты были отличные, была кооперация, много продуктовой кооперации. Когда, например, заходил в овощной магазин, ты видел кадки со всевозможными грибами, с по-разному засоленной капустой, брусникой и т.д. Я никогда не забуду, что рядом с маминой работой (я была абсолютно библиотечный ребёнок, который практически реально родился в библиотеке и потом все детство провел в ней, благодаря чему, кстати, была знакома с интересными людьми — они были мамиными читателями. А некоторые из них даже мною занимались: например, Артур Адамс, тогда просто военный, а как теперь я выяснила, выдающийся разведчик, заполучивший в Америке чертежи и секреты атомной бомбы; позже видела поэта Сашу Красного, любовалась на признанную красавицу Наташу Кустинскую...) находилась овощной магазин. Так у меня просто глаза разбегались даже не столько от вкуса, сколько от красоты того, что предлагалось там. Но насчёт вещей был полный ужас, потому что всё только «доставалось» по знакомству, с заднего входа. Или нужно было отстоять какие-то невообразимо огромные очереди. Я никогда не забуду очередь, которую я все

же выстояла в течение целого дня на улице Горького за какими-то ботиночками. Я до сих пор помню, где был этот магазин и как было страшно, что они кончатся передо мной. А первые мои сапоги!.. У меня два раза в жизни подкашивались ноги, я могу описать это ощущение: тебя как будто ударяют под коленкой, и ноги просто подламываются. Первый раз — это было, когда мне сказали по телефону, что мне «достали» сапоги. Мне было 16 лет, это были первые импортные сапоги, которые появились в Москве, с тремя пуговками сбоку. И у меня буквально от счастья у телефона подкосились ноги. А второй раз — когда мне вынесли экзаменационный лист, в который проставлялись оценки при поступлении в МГУ — и там оказались две пятерки — одна за сочинение, а другая за устный по русской литературе и языку. И это значило почти на 100%, что я поступлю на филфак. Я ведь «с улицы» шла, и даже репетиторов никаких не было. Так что два раза в жизни я была абсолютно, безмерно счастлива... Так соединилось у меня материальное и духовное...

Из одежды ничего готового сколько-нибудь приличного не было. Фабрики «Большевичка», «Салют» шили такое... Но были портнихи, у которых из своего материала можно было сшить. С обувью тоже была беда. Если «доставали» чешские «Цебо», то это было уже замечательно. А уж венгерская обувь — это вообще была мечта. Конечно, была спекуляция. «Березка», «Ансамбль Моисеева» выезжали за границу и привозили шмотки. Многие знали этих девушек, к которым потом можно было прийти на квартиру и выбрать вещи. Стои-

ло это, конечно, безумно дорого, и позволить себе такое мало, кто мог.

Я рано начала зарабатывать (мама меня не очень хотела содержать, она меня из дома в какой-то момент просто попросила, и я жила у бабушки), и мы вместе с бабушкой на её пенсию 572 рубля и мою стипендию (я получала всегда повышенную, но всё равно получалось в сумме немного) покупали одну-две красивые вещи для меня. Я всегда любила одеваться и до сих пор это люблю. Но все с этим связанное было очень проблематично. И, как ни странно, иногда, когда удавалось выехать — из университета меня, например, отправили в первую командировку в Ашхабад — совершенно неожиданно можно было найти какие-то красивые тряпки. То, чего не было в Москве. А там они были, потому что туркменские женщины просто не покупали европейских нарядов. Так было и в поездке по Молдавии. Там тоже, в каких-то сёлах, в маленьких магазинчиках какие-то вещи попадались.

В принципе, я сказала бы, что это была убогая советская жизнь. В Советском Союзе она была очень убогой. Так, бабушка невероятно боялась, что кто-то заметит, что я иногда читаю какие-то странные книги. Когда она узнала, что я поехала в Дом отдыха и что у моей соседки на столе лежит Библия (я сообщила об этом в письме), она написала главврачу этого Дома отдыха, чтобы меня срочно переселили. Она боялась, что каким-то образом кто-то узнает, что я живу с женщиной, у которой есть Библия. Этот страх жил в советских людях — они даже не отдавали себе отчёта в нём. Он проникал просто во

все поры, он практически руководил советским человеком, советский человек знал, что нужно делать и как поступать, чтобы не оплошать, не попасться. Но, конечно, на кухнях в интеллигентных кругах обсуждались какие-то вещи.

Однако были и преимущества советской жизни. Ее удобство было в том, что она была упорядочена. В отличие от сегодняшнего дня. Ты мог пойти в свой профсоюз, и тебе давали со скидкой профсоюзную путёвку в неплохой санаторий. То есть, какие-то ходы были запрограммированы, и ты знал, что если ты нажимаешь эту кнопочку, то получаешь то, что тебе полагается. Это по-своему было удобно. Но для меня, например, очень сложным был вечно двойной отсчёт. Надо было делать одно, а думал ты при этом совсем другое. Я человек в принципе несоциальный (может, поэтому так потянулась к марксизму, где социальное выдвинуто на первый план), но была очень хорошенькой, вот меня и присмотрели комсомольцы, они поняли, что такую девчущку надо заполучить в объятия комсомольской организации. И я, минуя все промежуточные ступени, попала неожиданно-негаданно в Комитет комсомола МГУ (а это уровень райкома). Вот тогда-то и началась для меня мука! Я никак не могла понять, как могут эти серьёзные люди сидеть и заниматься этими делами. Я думала: или я схожу с ума, слушая их отчёты про форумы, конференции, выступления, или это мне просто кажется. У меня всё время было ощущение: они меня сейчас поймают, застукают, увидят, что я ничего не понимаю, а мне ведь надо соответствовать. Так что двойные

стандарты, по которым текла жизнь в Советском Союзе, для меня лично были очень тяжелы. И, повторю, была довольно тяжёлая ситуация с вещами, со спекуляцией, с которой ты поневоле сталкивался. Кроме того, надо признаться, что я жила очень скудно, потому что стипендия, которую я получала в медучилище, была 16 рублей на первом курсе, 18 рублей на втором (а она была повышенной, я была отличницей). Я пошла работать медсестрой и получала зарплату 45 рублей. Особенно нищенствовали библиотекари. Помню, что однажды я увидела маленькой девочкой штаны одной библиотечарши, когда она поднялась на лестнице к стеллажам, чтобы достать книгу: там не было живого места, заплатата на заплатате... Это, правда, было в середине 50-х. Но и с бабушкой в 70-е мы жили очень скудно, утром ели чёрный хлеб с селёдкой — это был наш завтрак. И я очень любила университетские буфеты. Особенно эту коричневую жижу, которой поливали котлеты. Так что сладостного восприятия советской жизни у меня нет. Хотя социальные льготы, безусловно, были. И что для меня очень важно — советская власть, конечно, раскрепостила женщину и дала ей возможность почувствовать, что она может быть независимой от мужчины. Пусть она будет жить впроголодь, но она сама себя обеспечит, она может отдать детей в детский сад, может продвигаться по социальной лестнице, и это, наконец, позволило ей себя уважать.

С. Э.: Ещё о Москве 60–70-х. В одном из интервью вы говорили, что общались не только с официальными писателями, но и с андеграундом — непризнанными гениями,

которые не вписывались в советскую систему. Можете рассказать об этом?

М.М.: Этого было не так много. Всё-таки окружение Шатрова было достаточно официальным — театр «Современник», Табаков, Волчек, Ефремов. Из андеграунда кого-то из художников видела в нашем доме (где жила с Шатровым) а это был знаменитый в Москве «Дом Высоцкого» на Малой Грузинской — т.к. регулярно ходила на устраиваемые там выставки. Несколько раз краем глаза видела Высоцкого, даже провожала его ранним утром в последний путь под приглушенную музыку труб из подъезда, несколько раз была в компании, где его слушала. Это, действительно, было нечто совершенно незабываемое! Так получилось, что я была знакома с Максаковой через общих знакомых, и однажды она позвала Высоцкого после спектакля. Он пришёл усталый и вымотанный, но она всё-таки попросила его спеть. А я была очень домашней девочкой, интеллигентной — высокая поэзия, ничего блатного, никаких словечек (меня это соблазняло, но я побаивалась). Но вот он исполнил несколько песен, и было ощущение, что тебя накрыло в горах лавиной. Другого сравнения я не могу найти. Я была настолько потрясена, раздавлена, покорена... при том, что он для меня выглядел как мужчина несимпатичный, некрасивый, какой-то узкоплечий, шуплый. Но это всё забывалось... По первому своему супругу, поэту-песеннику Борису Брянскому, я была знакома с людьми эстрады и из поэтических кругов, но вполне уже признанных, хотя и воспринимавшихся как новая волна. Брянский был

хорошо известен на эстраде, песни его исполнялись оркестрами Эдди Рознера, Лундстрема, он был связан с Шульженко, с группой Броневицкого, Лядовой. Шульженко мне, юной, казалась тогда каким-то позапрошлым веком, мне даже как-то неловко было, что он с нею сотрудничает. И все это был, конечно, не подпольный андеграунд. Правда, именно от него я впервые услышала песни Галича, и они меня поразили. А песни Окуджавы я узнала только на первом курсе, когда поехали на картошку. Так что то, что было каким-то тайным, — об этом я узнавала спорадически. Я встречала Эдичку Лимонова, который ходил в наш дом, потому что ухаживал за женой Щапова (они были нашими соседями). Но меня больше занимала эта девица, которую звали Козлик и которую Щапов одевал просто сногшибательно. Потом Лимонов с нею и уехал. Кто-то меня водил на квартирники-вернисажи, так я посмотрела картины Фалька в его мастерской.

И вот еще любопытный эпизод: у меня дома висит мой портрет, сделанный Анатолием Зверевым. Обычно он, пьяный, лежал у нас у дома на лужайке и за 3 рубля рисовал портрет для любого желающего. Если бы я понимала, кто он — то могла бы каждый день иметь по портрету, тем более что он рисовал быстро, минут 10–15, и готово! Сейчас была бы миллионершей.

С.Э.: Давайте перейдём к вашей научной карьере. Вы начинали как медик, закончили медучилище, а потом решили стать филологом. Расскажите, пожалуйста, об основных этапах.

М.М.: Это было связано с тем, что мама хотела сделать из меня медика, поэтому она меня забрала из школы после 7 класса. И я поступила в медицинское училище №13 при Филатовской больнице, где проучилась 3 года. Училась я очень хорошо, мне очень нравились предметы. Я получила красный диплом, что давало возможность поступать без двухгодичного рабочего стажа — требование, которое учредил Хрущев. Но у меня внутри сидит анархический бунтарь, который иногда вырывается наружу. Почему-то на третьем курсе я подожгла стенгазету. Меня должны были разбирать на Бюро комсомола. И бабушке пришлось ехать к знаменитому журналисту Валерию Аграновскому, чтобы меня выволочь из этой передраги. А в 7 классе я почему-то (будучи отличницей!) натёрла всю доску воском, чтобы нельзя было на ней писать. Почему?.. Какие-то такие бунтарские импульсы у меня время от времени пробивались. Внутри во мне всегда что-то кипело, сопротивляющееся вечной муштре, которую я всегда очень тяжело переживала. Поэтому я решила вопреки всем домашним не поступать в медицинский институт сразу, а поработать. И оказалась права: нужно было проверить себя на практике. И, работая медсестрой в поликлинике при газете «Известия», я окончательно поняла, что мне с моим очень чувствительным характером и жуткой сердобольностью медиком быть просто нельзя, потому что я раскисаю при соприкосновении с больными, с безнадёжностью, с неизлечимостью. Советские больницы (да и сейчас ничего в целом не изменилось) были не для слабонервных. И видя, как обращались с больными, то, в каком они

были положены (я проходила практику в Склифосовского, где лежали люди и с пролежнями, и брошенные онкологические), я приняла единственно правильное решение: лучше я буду лить слезы над героями книг, а не над живыми людьми. И в тот же год, когда начала работать медсестрой, я пошла экстерном сдавать экзамены. Сдала 25 экзаменов на одни пятерки, в том числе астрономию и черчение, получила аттестат зрелости и решила поступать на филфак. Во многом благодаря будущему мужу, Борису Брянскому, чья сестра Инна Брянская уже была студенткой филфака.

Сам Брянский был из очень интересной семьи. Его отец — знаменитый поэт из Одессы Саша Красный, зарабатывал деньги тем, что рассказывал пионерам и пенсионерам, что он стоял рядом с Лениным на каком-то очередном заседании Ревкома, показывал фотографию, где он будто бы действительно стоит (не знаю, была она смонтированной или реальной). Тогда ведь очень многие зарабатывали именно так, рассказывая, что они видели Ленина.

С.Э.: Несли знаменитое бревно.

М.М.: Да. Но всё равно он был очень яркий человек, хотя ко времени моего знакомства с ним и уже очень немолодой. Он был к тому же синеглазником, но тогда об этом не надо было вспоминать, а надо было рассказывать про Ленина (а на самом деле он, кажется, был в «свите» Троцкого)... Так что я поступила на филфак МГУ во многом благодаря такому окружению. Поступила я, как уже говорила, «с улицы», сдала на

все пятёрки, что было тогда невероятно, потому что конкурс туда был человек 60 на место. Шансов не было совсем, но я как-то пробилась. Писала я на свободную тему, и тема эта была «Моральный кодекс строителя коммунизма и его отражение в литературе». Писала не по программным произведениям, а по Георгию Владимову, его «Большой руде» (которую до сих пор люблю). Она на меня тогда произвела большое впечатление. И ещё был такой замечательный писатель Илья Зверев, я взяла и его. Видимо, оригинальность выбора оценили преподаватели.

Я была именно стипендиаткой, получала стипендию имени Лермонтова, по тем временам очень весомую, оставлена была в аспирантуре на кафедре советской литературы. За меня даже боролись наши корифеи — декан факультета А. Г. Соколов и завкафедрой профессор А. И. Метченко — яркая фигура советского времени, которого все знают по книге «Кровное, завоёванное» о народности и партийности литературы. Он хотел, чтобы я писала по критике эпохи Гражданской войны. Но я предпочла остаться у Алексея Георгиевича Соколова, потому что я человек преданный — если это мой учитель, то я не имею права его предать и куда-то уйти. Писала у него кандидатскую по критике Серебряного века. После завершения была оставлена на кафедре. Я вообще специалист в первую очередь именно по критике Серебряного века и последующих десятилетий и являюсь безумным пропагандистом именно этого типа мышления, потому что считаю, что история критики даёт возможность осознать, как разно-

образно можно подойти к одному и тому же явлению, как по-разному можно его интерпретировать. Это тренирует мозг. В какой-то момент (во многом благодаря Шатрову) сосредоточилась именно на марксистах. И моя докторская диссертация называлась «Русская литературная критика марксистской ориентации: 1890-е — 1910-е гг.». Это завершающий вклад в историю критики этого направления, когда я прошерстила едва ли не все, что вообще возможно прочитать по этому вопросу, вплоть до сибирской периодики. Она и стала основой моей книги «Марксисты без будущего».

Так что у меня несколько направлений научных интересов, я ни одному из них не могу отдать предпочтение. Это история критики (теперь уже более широко, чем марксистская ее ветвь); затем — женское творчество, поскольку я довольно рано начала интересоваться писательницами, и гендерный подход мне близок и интересен. И третий момент, который для меня тоже очень важен, — это реальное воплощение идей Николая Фёдорова о воскрешении всех умерших (в том виде, в котором он рисовал, я не могу себе представить), поэтому я занимаюсь тем, что восстанавливаю имена несправедливо, на мой взгляд, забытых и обойдённых, писателей, тем не менее, создающих вместе с корифеями подлинную картину существования литературы. В небе есть яркие звёзды, есть менее, а есть Млечный путь, который кажется туманом, но без Млечного пути небо не обладает сиянием. И моя идея в том, что нужно со вниманием относиться даже к самым незаметным величинам, потому что они по-

рой своеобразно отражают время, пропуская его через свою индивидуальность. Это может быть не всегда, а только в нескольких произведениях, принадлежащих перу этого художника. Но они могут быть яркими, интересными, даже неповторимыми. Вот такие писатели, которых проглядели в свое время, меня волнуют. И четвёртое направление — это драматургия, которой я по старой памяти продолжаю интересоваться.

Таковы мои научные интересы на сегодняшний день.

С.Э.: Мария Викторовна, возможна такая ситуация, что современники не заметили не просто хорошего писателя, а гения, и сегодня мы его можем найти и вернуть в литературный канон?

М.М.: Огромное количество случаев! Я могу вам привести совершенно очевидный пример: на Бунина до революции критика практически не обращала внимания. Если сравнить, сколько писали о Горьком и Леониде Андрееве, даже арцыбашевском «Санине» — это буквально тысячи статей и сотни книг. О Бунине вы наскребёте от силы 100 статей за всё время, где о нём как о гении практически никто не пишет. Да, хороший, талантливый писатель, но наравне с другими. Бунин вообще не очень вписывается в русскую ментальность, потому что для нас очень важна идейно-политическая составляющая, острота (что есть у Андреева, что есть у Горького). Для нас в литературе важна дискуссионность, спор, то, что акцентирует и активизирует наше понимание происходящего вовне. А Бунин казался холодным художником, кото-

рый как-то непонятно элегически вздыхает о чем-то ушедшем. Конечно, критики, да и читатели его просмотрели. Сегодня устоялось понимание, что Бунин как художник — это абсолютная величина. А тогда такого понимания не существовало. Горький, конечно, очень хороший писатель, но в художественном плане Бунин — гений. Его работа со словом! Когда я читаю лекции, я говорю студентам: «Ребята, Бунин без конца переписывал свои «Антоновские яблоки» или рассказ «Братья», — а ведь даже непонятно, как к этому можно прикоснуться, потому что уже первый вариант идеален! Что там делать во втором, третьем, четвёртом?! Зачем???» Но это работа гения, который всё время ищет-ищет-ищет.

У меня сейчас новый писатель, которого, я считаю, абсолютно недооценили. Это Иван Алексеевич Новиков. Он очень себе подкузьмил, что «перекрасился» в советское время, стал лояльным и вообще мэтром советской литературы. И в результате его знают, по сути, по одной вещи: дилогии «Пушкин в изгнании». Он возглавлял в Союзе писателей не одну комиссию — пошел и по административной линии. В итоге важный, седовласый, полный и т. д. А на самом деле вплоть до начала 30-х годов тайный символист, последователь идей Владимира Соловьёва. Да и в художественном плане он такой, я бы сказала, изошрённый писатель. Он и мифопоэтику использует, и символику, и в области неореализма продвинулся. Я уже сделала много его книг, в которые вошло то, что не публиковалось в советское время. И здесь мне грандиозный помощник — библиотека имени И.А. Новикова

в Мценске (он из тех краев). Я сейчас им всё время интенсивно занимаюсь, хочу как-то поменять мнение о нем. Нечто подобное у меня было в свое время с Борисом Зайцевым. Еще 20 лет назад о нем было известно только то, что он эмигрант и проживал во Франции. И когда была первая конференция, посвященная ему в Калуге, где собралось немного знатоков его творчества, я произнесла сакраментальную фразу: «Мы с вами ещё будем переживать время, когда имя Бориса Зайцева будет идти через пятую после имени Бунина». Надо мной не посмеялись, но подумали, что никому не возбраняется тешить себя какими-то нелепыми надеждами. А сегодня Зайцев такой же классик, как и Бунин. Он, может быть, не всем нравится так же, как Бунин, он более элегичен, более лиричен, не такой жесткий по палитре. О нём уже груды книг понаписаны, 11 томов собрания сочинений издано, он полностью вписан в панораму русской литературы наравне с гениями.

А с Новиковым я тоже пытаюсь работать в этом направлении. Самое главное — пытаюсь понять, почему его проглядели в начале XX века. Во многом это произошло потому, что долгое время он жил в Киеве. По профессии — не литератор, кончил земледельческое училище и сельскохозяйственную академию, работал по специальности. А когда он оказался в центре, уже была такая сложная обстановка в литературе, что он не вписался, и в начале 10-х годов сбежал на свою малую родину в Мценск. Он всё время был не на слуху. Вы знаете, тут вообще такое количество привходящих моментов, когда твоё положение зависит от

множества случайностей, и это может сыграть роковую роль.

У меня есть версия, что если два гениальных автора оказываются рядом и вместе, то они не «уживутся», один вытеснит другого. Есть у меня такой пример — с польским писателем Тетмайером. Шибышевский и Тетмайер — два поляка. Тетмайер интереснее Шибышевского, ярче, глубже. Но кто знает в России Казимежа Тетмайера? Все знают о Шибышевском. Он прочно занял пьедестал еще в Серебряном веке, его переводили хорошие переводчики, им заинтересовались русские символисты. А Тетмайера на русский перевели очень плохо, и он никак не прозвучал. Он оказался абсолютно в тени своего менее талантливого современника, и никто его не вспоминает, не знает, и думаю, теперь уже и не вспомнит. Хотя для польского сознания Тетмайер по-прежнему очень важен.

У меня такой пример есть и среди поэтов. Есть очень хорошая поэтесса Алла Ахундова. Такая же поразительно красивая, как Белла Ахмадулина, и, думаю, не менее талантливая. Но кто знает Ахундову, которая начинала рядом с Ахмадулиной? А ведь ее отметила сама Ахматова. Нельзя в одном гнезде оказаться двум таким птенцам, один всё равно будет бурно развиваться, а второй, может быть, вообще никогда не будет замечен. Если только не появляется кто-то вроде меня, кто начинает копать и кому-то рассказывать, что был ещё вот такой писатель и что он замечателен тем-то и тем-то.

С Новиковым, думаю, удастся. Он заслуживает внимания, особенно по-

разителен его странный роман советского времени про птицефабрику «Страна Легхорн». Внешне вроде бы обычный производственный роман про курочек, петушков — по этому разряду он и проходил в советское время. А на самом деле это роман про мировое яйцо, про древо жизни, он пропитан соловьёвскими идеями. И еще все это закручено в авантюрный сюжет про вредителей (совсем в духе 30-х годов) с невероятными аллюзиями на Шекспира, Лермонтова и другие литературные имена. Дело ведь происходит на Кавказе, и в театре ставится «Отелло», страсти которого повторяются в жизни героев.

С. Э.: Как на ваш взгляд «операция по денацификации» повлияет на гуманитарную науку и её развитие?

М. М.: Меня не очень убеждает оптимизм некоторых коллег по этому поводу. Потому что я, например, уже 20 лет очень тесно сотрудничаю с Китаем. У меня защитилось почти 10 китайских аспирантов. Можно даже сказать, что я сильно повлияла на развитие «китайской филологии» (я имею в виду китайскую русистику, конечно же). У меня очень талантливая девочка недавно защитилась по психологизму Ахматовой, у неё получилась глубокая работа. До этого была защищена диссертация по масонке Евдокии Нагродской, вдоволь посмеявшейся над умозрительными концепциями символистов. Прямо сейчас у меня выходит на защиту китаянка, написавшая о писателе, который начинал в Серебряном веке, был другом Горького, а потом оказался в эмиграции в Харбине, но в конце жизни вернулся в Советский

Союз и стал правоверным советским писателем. Такая у него оказалась скитальческая жизнь. Словно предвидя это, он и выбрал псевдоним Скиталец. И все же, могу сказать, что китайская филология пока сильно отстаёт: идеологизация не действует на науку благотворно. Но прогресс все же налицо, к тому же сейчас мы её подтянули, открыли в Шеньчжэне первый совместный российско-китайский университет. И все же меня очень беспокоит, что у нас на факультете сейчас никого нет, кроме китайцев, ни одного человека другой национальности. Никто к нам не едет учиться. Даже монголов уже нет, индусов, никого. А я училась вместе с иранцами, киприотами, поляками. Да кого только не было! Еще 10 лет назад приезжали стажеры из Италии, Америки. Может быть, они и появятся! Но когда??? А сейчас у нас почти наполовину китайский факультет. И знаете, меня это тревожит, потому что я понимаю, как глубоко и правильно мыслит китайское правительство, подготавливая массу филологов, знающих русский язык. Китай явно наметил большую программу для взаимодействия с Россией. Китай будет нуждаться в знающих русских язык для того, чтобы адаптировать своих работников к «местным условиям» в Сибири и на Дальнем Востоке, возможно, и на Урале. Конечно, играет роль и то, что у нас по сравнению с западными университетами обучение дешевле, — но все же такое страстное желание изучать русский язык меня настораживает. Потому что я не вижу, чтобы самому Китаю было нужно такое количество именно русистов?! Но не будем о грустном. Мы сейчас говорим о науке.

Конечно, сейчас филологическая наука поднимается в странах Азии на новый уровень. Я могу судить по индийской филологии. Но все-таки у нас русистика, филология качественно пока иная. Я не говорю о структуралистах, постструктуралистах, даже традиционная наша историко-литературоведческая культурно-историческая школа очень серьезна и глубока, несмотря на сегодняшние попытки ее идеологизировать и выстроить по ранжиру. Меньше я знаю про Южную Америку, с ними я не соприкасалась. Но когда я искала какие-то журналы, заявленные в Scopus, то как-то мало этих журналов обнаружилось, видимо, русистика там не очень востребована. Но, может быть, там развиты другие направления филологии, другие языки, другие литературы... Не могу этого знать.

У меня всегда были очень тесные отношения с Польшей, потому что я полонофилка, мечтала всегда быть полонисткой, сама изучила польский язык, обожаю Польшу, даже мечтала выйти замуж за поляка, чтобы иметь возможность дома говорить по-польски. Готова была туда и переехать. Всегда невероятно счастлива была в командировках. Знаю неплохо польскую театральную школу — Кантора, Гротовского. Очень неплохо знаю польское кино. Так вот, я только что получила отказ польских коллег от сотрудничества. И это не касается меня лично — мы остаемся в дружеских отношениях, у меня там много друзей. Но ситуация их вынуждает так поступить... И с Литвой, с Украиной у меня были тоже очень тесные связи. А надо сказать, что литовская и украинская

русистика всегда были очень сильными. Я долго сотрудничала с совершенно потрясающим филологом старой школы Марком Вениаминовичем Теплинским, он жил в Ивано-Франковске (слава Богу, он умер до всех этих ужасов, которые с нами происходят последние годы). Меня всегда там публиковали, но теперь это всё для меня закрыто, мне отчетливо дали это понять. Я не могу сказать, что меня вдохновляют публикации в китайских или индийских изданиях. Ну, наверное, меня там могут опубликовать, но я не уверена, что это меня самую как учёного будет стимулировать...

Я несколько раз публиковалась в замечательном издании *Russian Literature* (это журнал издается в Амстердаме и очень высоко котируется в филологических кругах). Могу признаться, что редакторы там очень тщательно работают со статьями. Я целый год перерабатывала по их требованию свою изначально вполне неплохую статью. И, надо признаться, что их требования и придирки были в общем справедливыми. Я вообще люблю, когда со мной работает редактор, потому что люблю взгляд со стороны. Я не самоупоённый учёный, который считает, что всё, что он делает, — это по определению гениально. Отнюдь!

Поэтому я с грустью смотрю на свое филологическое будущее: будем вариться в собственном соку. Он пока качественный, но нужны свежие вливания. А они пока как-то не вырисовываются... В мире будут проходить конференции, которые я уже не смогу посещать. Для меня как русиста отсутствие таких связей будет

очень ощутимо. Сколько это будет продолжаться, трудно сказать. Думаю, что научные связи и восстановятся, но психологически мне пока как учёному будет трудно работать. Мне вообще трудно работать последние полгода, скажу вам честно. Я работаю очень много, может быть, даже слишком загружаю себя работой, чтобы буквально не выныривать в реальность. Хотя она во мне так ужасно присутствует, что я как от удара штыком просыпаюсь в 4 утра и первая моя мысль: «Что произошло за последние сутки?» Я вам честно это могу сказать. Не знаю, может я человек ненормальный...

С.Э.: Это общее состояние. Наверное, у всех был шок. Я первые два месяца целый день читал сводки, а потом понял, что я лично ничего изменить не могу, но могу сойти с ума. Поэтому сел за работу.

М.М.: Я тоже работаю-работаю-работаю, как вол, но это давящее чувство не оставляет. Кроме того, понимаете, очень трудно преподавать русскую литературу в контексте сегодняшнего времени, потому что вся она построена на оппозиции. И аллюзии возникают постоянно. Ну как рассказывать про Чернышевского и его «Что делать?»; как рассказывать про Некрасова, который вилял, чтобы спасти свой «Современник»? Все нормальные русские писатели только и знали, что бежали, как Тургенев во Францию, или Герцен в Англию, чтобы создавать вольную печать. Их буквально выдавливали из России. А кто оставался, страдал здесь, как Некрасов, как Салтыков-Щедрин. Я как раз сейчас им занимаюсь и думаю: «Боже мой! Ну, какой

он бедный! Он не знал, как усидеть и как спасти свои “Отечественные записки”». Как всё время их пресловала цензура, как их всё время преследовали... Ну как об этом рассказывать? Ощущение такое, как будто 100 лет как не бывало, а мы все еще там... А что говорить про XX век, когда лучшие русские писатели оказались не здесь, а там. Так что есть трудности даже в элементарном преподнесении материала.

С.Э.: Остаётся преподавать Пушкина. Его «Клеветникам России», и «Бородинскую годовщину».

М.М.: Я всё равно люблю историзм. Я в этом плане такая марксистка и считаю, что всё надо объяснять, исходя из обстоятельств, в сравнении с предшествующим и последующим этапами. И поэтому я говорю о псевдопатриотическом подъёме во время русско-турецкой войны и о том, как он сказался на Гаршине, какое отрезвление пришло позже; говорю о русско-японской кампании, к какому взрыву она привела, что обнажила. Там же был наш чудовищный провал, который привёл к жутким последствиям — всё же убыстрилось безмерно.

С.Э.: Расскажите, пожалуйста, о творческих планах.

М.М.: Ой, только перечисление займёт очень много времени. Ведь я всегда работаю в нескольких своих излюбленных направлениях — это и пресловутая критика, и женское творчество, и незамеченные писатели. Иногда это совмещается, особенно когда речь заходит о женщинах. Начну с простого: у меня на очереди

сейчас две важные рецензии, которые меня попросили сделать. Вышли два тома «Литературного наследства», посвященные народникам, Н. К. Михайловскому, журналу «Русское богатство». Меня вообще интересуют народники, потому что они совершенно забыты нашей наукой. Никто, никто ими не занимается, не существует даже полного перечня статей Михайловского. Я даже не говорю о критике позднего народничества. Это очень интересный русский вариант: почвенничество, эсеры, скифство.

Вторая рецензия на книгу про писательницу консервативного, охранительного направления, противницу критического подхода к освещению событий в литературе. Меня интересует развитие консервативной линии в литературе, на которую тоже пока мало кто обращает внимание — была ли продуктивна, были ли там успехи. Это такие люди, которые не хотят видеть негативного и считают, что надо всё сохранять и позитивно оценивать. Мне всегда казалось, что на этом плацдарме нельзя создать ничего художественно совершенного. И вот меня попросили написать про эту писательницу. Она жила в середине XIX века, жила на Украине, на хуторе, уединенно. Ею восторгался С. Т. Аксаков и другие писатели-славянофилы. Следовательно, что-то можно было создавать и на этом поле. Посмотрим, какая получится рецензия. Я вообще очень люблю рецензионную работу.

С. Э.: А как её фамилия?

М. М.: Кохановская — её псевдоним, а реальная фамилия Соханская На-

дежда Степановна. Интересный вариант женской судьбы. Она отказалась от супружества, любви, потому что посчитала необходимым избрать миссию хранительницы старины. И я хочу разобраться в этом.

Только что я в соавторстве со своим бывшим аспирантом, сейчас живущим в Австралии, Андреем Кравцовым, написала большую работу в виде послесловия к романам Марии Веги. Это эмигрантка, ею написаны два удивительных романа, опирающихся на факты ее родословной и события ее собственной жизни. Они вышли в издательстве «Водолей». Помоему, я про неё придумала много интересного. В частности, что акмеистическая проза неожиданно дала такой всплеск в конце 1950-х годов, в то время как сам акмеизм порадовал только поэзией. А чуть раньше — тоже с моей ученицей, еще совсем юной, бакалавром, Женей Геронимус, написали послесловие к ранее никогда не издававшемуся в России роману Николая Оцупа «Беатриче в аду». А это уже — всплеск символистской прозы в конце 30-х. Он был написан в Париже с аллюзиями на Данте, блоковскую Прекрасную Даму и другие мифы символистов. Он тоже вышел в «Водолее».

Еще написано, опять-таки с моей ученицей, кандидатом филологических наук Анастасией Назаровой, совместно, предисловие к впервые издающейся после перерыва более чем в 100 лет тетралогии Евгения Чирикова «Жизнь Тарханова». Это тоже один из моих «подопечных». Но здесь есть определенный успех. Во многом возникший потому, что имею соратников в лице потомков

писателя. В Нижнем Новгороде живет его внучка и правнук, и они делают невероятно много по увековечиванию памяти предка. Даже музей Чирикова создали. И теперь есть область литературоведения — чириковедение! А Настя кандидатскую по нему защитила. Надеюсь, что и докторская будет. Есть, кому продолжить начатое. А он такой самобытно русский писатель. Но тоже оказался в эмиграции. И умер на чужбине в 1932 году.

Из того, что хочу сделать, — это написать о писательнице, может быть, и не первого ряда, но, тем не менее, что-то чувствовавшей, а самое главное — точно отрефлексировавшей время. Это Валерия Перуанская. Я не буду говорить о художественных достоинствах, хотя там есть такие, безусловно. Но главное у нее — это как раз то, как наступало прозрение, прозрение людей советской формации после того, что они узнали на XX съезде. Мы никак не хотим согласиться, что советский человек, в общем-то неплохой по своей природе, поддерживал многое из того, что происходило, или предпочитал не замечать, существовал в каком-то другом измерении. Мы очень любим всех тыкать носом: «Ах, как вы могли не видеть?! Ах, как вы могли не замечать?!» Да, кто-то замечал, по кому-то каток прошёлся, а кто-то остался в стороне и был естественен в своём существовании. Ведь и сегодня многие живут по принципу «моя хата с краю...». И тем не менее для кого-то наступал момент истины, наступало это отрезвление. У неё есть роман «Грехи наши», где она как раз улавливает, что был такой грех — незамечание, невключенность. Мне очень интересно поработать над её

текстом, который хочу тоже опубликовать с помощью ее семейного архива. Там в семейном архиве есть и дневники, которые когда-нибудь, может быть, решится опубликовать внучка. Я считаю, что вообще дневники — это самое интересное, что может быть. У меня вокруг сейчас есть уезжающие, которые уничтожают письма, записки, дневники родных. Я умоляю их этого не делать...

Также хочу опубликовать воспоминания отца и бабушки под одной обложкой. Мне прямо видится эта книга — с двумя разными векторами: мужским и женским, архиблагополучным и травмированным всем произошедшим в 30-е годы. Отец оставил 10 томов дневников, воспоминаний. К сожалению, большая часть их утеряна, потому что его другая семья не сохранила их. У меня же осталось только начало воспоминаний и какие-то отрывки других частей. Но даже сохранившееся так интересно... мужской и женский взгляд ровесников, оба родились на Кавказе, у одного абсолютно благополучная судьба, потому что он вписался в советскую действительность, он лауреат двух Сталинских премий, увенчан наградами, возглавлял лабораторию, был соратником Хрущёва. Я даже девочкой помню, как Никита Сергеевич приезжал к папе в 52-м году во время отдыха и о чём-то папа с ним шептался. Хрущёв тогда в 52-м году был ещё не очень значимая фигура, но всё равно. И благодаря этому, когда в 54-м году к нам приезжал Джавахарлал Неру, папа мне сказал: «Ты букет преподнеси не Неру, а Хрущёву». И я, действительно, преподнесла букет Хрущёву, сидела с ним рядом на трибуне на стадионе «Динамо»,

Микоян меня дёргал за косичку, а я через переводчика спросила Индиру Ганди, почему у неё в носу дырка с камешком. У меня даже есть газета «Правда», где я стою на этой трибуне. Так что для меня Хрущёв тоже такая важная фигура. А у бабушки... Ну, про это я уже говорила. Так что восприятие времени совершенно различное. Это как отражение эпохи в двух зеркалах, под разным углом к ней поставленных. Папина судьба выдающегося учёного и бабушкина — с укрыванием, со страхом, который поселился. И я — скрещением этих двух судеб — результат встречи отца с моей матерью. Хочу сделать такую книгу, потому что мне кажется она очень наглядной для понимания прошлого будет.

С.Э.: Я бы сразу предложил сделать не дилогию, а трилогию, потому что вам тоже есть что рассказать. То, что вы сейчас рассказали — это

только небольшая часть ваших воспоминаний. Было бы очень интересно! Получилась бы семейная сага.

М.М.: Ну, не знаю... Я подумаю об этом. Много хочется успеть. Есть еще незавершенный учебник по критике Серебряного века для филологов (он необходим, т.к. такого учебника не существует!), вместе с ученицей-китайкой наметили сделать книгу об Ахматовой и «подахматовках», почти готова статья о драматургии С. Найденова, в чем-то опережавшего и Горького, и Андреева. А его считают их последователем и только. Ведь много очень наработано, хочется том своих статей собрать, среди них есть интересные и полезные для филологического сообщества. Успеть что-то ещё...

С.Э.: Очень интересное интервью! Спасибо вам!

Л. А. Терушкин

О КОНФЕРЕНЦИИ «ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ — V. ТРАВМА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ»

В статье, посвященной прошедшей в октябре 2022 г. в Российском Государственном гуманитарном университете научной конференции, отмечены и анализируются несколько докладов секции «Память о травме: сохранение, забвение, прорабатывание», которая была связана с исторической памятью о трагических событиях XX века.

Ключевые слова: память о травме, мемориальная политика, исследования травм, культура памяти, Холокост, Вторая мировая война, депортация, спецпереселенцы.

Сведения об авторе: Терушкин Леонид Абрамович, заведующий Архивным отделом Научно-просветительного Центра «Холокост».

Контактная информация: arch-holofond@mail.ru

L. A. Terushkin

ABOUT THE CONFERENCE "MEMORY AND IDENTITY — V. TRAUMA IN HISTORICAL MEMORY"

In the article devoted to the scientific conference held in October 2022 at the Russian State University for the Humanities, several reports of the section «Memory of trauma: preservation, oblivion, study», which was associated with the historical memory of the tragic events of the 20th century, are noted and analyzed.

Key words: memory of trauma, memorial policy, trauma research, culture of memory, Holocaust, World War II, deportation, special settlers.

About the author: Terushkin Leonid Abramovich, Head of the Archival Department of the Scientific and Educational Center «Holocaust».

Contact information: arch-holofond@mail.ru

19–20 октября 2022 г. Кафедрой всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) была проведена Всероссийская научная конференция «Память и идентичность — V. Травма в исторической памяти».

Обсуждение касалось таких тем, как :

осмысление и репрезентация травматического прошлого в различные исторические эпохи;

память о травме как фактор формирования коллективной идентичности;

особенности переживания социально-политических катаклизмов, природных и антропогенных катастроф в различных исторических сообществах;

мемориальная политика и память о травме: сохранение, забвение, прорабатывание;

история Trauma studies;

проблема осмысления коллективной вины и коллективной ответственности в гуманитарном знании;

индивидуальная и коллективная травма: проблема соотношения и конкретные кейсы в истории.

В конференции приняли участие около 40 человек-докладчиков.

Действовали следующие секции:

«Формы репрезентации травматического опыта: от древности до современности» -кстати, она была самой продолжительной и многочисленной по составу участников;

«Память о травме как фактор формирования коллективной идентичности»;

«Память о травме: сохранение, забвение, прорабатывание». Именно эта секция больше всего внимания уделила трагическим событиям XX века, их месту в исторической памяти. На секции прозвучали доклады очень разные «по жанру» — историографические исследования, анализы материалов полевых исследований, обобщение и анализ конкретных практик в работе с травматическим прошлым.

Прежде всего, я очень признателен организаторам за возможность участвовать в работе этой секции. К сожалению, прослушать выступления всех участников мне не удалось, но хотелось бы рассмотреть те выступления, которые выслушал, в обсуждении которых участвовал.

Итак, в порядке выступления по программе. Первым выступал ваш покорный слуга — «Проблемы «своих» и «чужих» в культуре памяти о жертвах Второй мировой войны и Холокоста в России». Хотелось обратить внимание на те моменты,

которые проявляются в последние 5–8 лет. Это непонимание в массовой культуре, сознании и мемориальных практиках разницы между жертвами войны («мирное население») и погибшими военнослужащими. Это трудное осознание необходимости указания национальности или категории жертв. Как раз термин «советские люди» не только давно стал анахронизмом, но обезличивает жертв. Опять же, хочется поблагодарить коллег за интересные вопросы и доброжелательную атмосферу.

Так получилось, что тема памяти о Холокосте довольно активно звучала на нашей секции. Ее продолжил Илья Вадимович Пашков (магистрант РГГУ) с докладом «Отрицание Холокоста в США: историографический аспект». Очень рад, что мне удалось ознакомиться со всем текстом доклада.

Автор подчеркнул, что американский дискурс Холокоста представляется очень разнящимся и противоречивым. С одной стороны, в официальной государственной повестке действует сильная политика памяти о Холокосте, подкрепляющаяся общей культурой памяти в виде кино, музеев, общественных организаций и историографии. С другой стороны, существенным противовесом этой официальной повестке является относительно широкое сообщество отрицателей Холокоста и так называемых «ревизионистов».

И. В. Пашков давно занимается этой темой, что было заметно, доклад был весьма хорошо подготовлен, но увы, как обычно, как у всех ощущался

недостаток времени, что помешало автору более развернуто ответить на вопросы.

Очень интересным и содержательным был доклад Лауры Кареновны Асцатурян (НИУ ВШЭ) «Практики сохранения памяти о репрессиях среди сибирских литовцев». Действительно, это был глубокий анализ полевого исследования по малоизученной, но совсем не локальной тематике. Автор рассмотрела разные аспекты жизни литовцев, подвергшихся депортации в Сибирь, в частности под Иркутск. И их потомков, разумеется. Повседневная жизнь, религиозные и национальные традиции, сохранение родного языка, отношение к возвращению в Литву (уже в наше время) — как через все это сохраняется память о трагическом прошлом. На мой взгляд у автора довольно интересные перспективы в дальнейшем изучении темы.

Доклад Валерии Максимовны Рыбак (НИУ ВШЭ) — «Память о спецпереселенцах в Мурманской области: проработка трудного прошлого или забвение?» меня несколько разочаровал. Все-таки содержание мало соответствовало заявленной теме. Безусловно, автору следует отдать должное, потому что тема спецпереселенцев в эти края — прежде всего раскулаченных крестьян из разных регионов СССР, пока не выходила в изучении за рамки своего региона. Собственно, в Мурманске и области все равно доминирующими в исторической памяти являются события Второй Мировой войны. Я сам в этом убедился, посещая Мурманск в феврале этого года. Автор пыталась подступиться к теме, но доклад

представлял собой скорее замечания или впечатления о поездке по региону, о посещении местных краеведческих музеев и набор нарративов, влияющих на историческую память. И тут героическое участие бывших спецпереселенцев в обороне Мурманска в 1941–1942 гг. заслонило «трудное довоенное прошлое». Все-таки, В.М. Рыбак только прикоснулась к этой теме. И похоже, выступление готовилось наспех. Новость о том, что С.М. Киров был генерал-губернатором Ленинградской области, оставила неизгладимое впечатление. Все слушатели были максимально корректны и не стали указывать публично автору на это недоразумение.

Федор Владимирович Николаи (РГГУ, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского) в своем выступлении «Границы продуктивности trauma studies в российских социальных исследованиях» рассмотрел и проанализировал собственный опыт и опыт своих коллег в практической, увы, почти повседневной, работе с конкретными людьми, пережившими и переживающими последствия травматического прошлого. Это и участники вооруженных конфликтов, начиная с войны в Афганистане, и жертвы терактов, и родственники — близкие погибших. Последние,

пожалуй, самый многочисленный контингент. Конечно, тема доклада Ф.Н. Николаи весьма специфична, но доклад был очень хорошо подготовлен и поэтому проблемы были вполне понятны аудитории.

Кстати, надо отдать должное — организаторы и слушатели активно участвовали в обсуждении докладов, дискутировали.

Мне трудно судить о всей конференции, но работа нашей секции мне очень понравилась во всех смыслах. Понятно, что весь заявленный выше спектр проблем на конференции рассмотреть сложно, понятно, что большинство участников занимаются этой тематикой в исторические эпохи, далекие от наших дней.

Травма в исторической памяти XX века вызывает и провоцирует «фантомные исторические боли». Тем более, что они усугубляются «войнами памяти». И все-таки эту тематику изучать необходимо, причем тут полезно сотрудничество разных специалистов — историков, социологов, психологов.

P.S. Как сообщил недавно Оргкомитет конференции по её итогам в 2023 г. будет подготовлен сборник статей.

В. И. Голдин

«И НА ТИХОМ ОКЕАНЕ СВОЙ ЗАКОНЧИЛИ ПОХОД...»: ИТОГИ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ О ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИИ

В статье характеризуются результаты Всероссийской научной конференции, посвященной столетию окончания, итогам и последствиям Гражданской войны на Дальнем Востоке, состоявшейся в октябре 2022 года во Владивостоке. Эта конференция завершила цикл из примерно двадцати научных форумов, посвященных столетию Гражданской войны в России и проведенных в различных городах нашей страны.

Ключевые слова: Гражданская война в России, иностранная интервенция, история, исторические уроки и последствия, эмиграция.

Сведения об авторе: Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (Архангельск), заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАН, президент Ассоциации исследователей Гражданской войны в России.

Контактная информация: v.i.goldin@yandex.ru

V. I. Goldin

“AND ON THE PACIFIC OCEAN HAD ENDED OUR CAMPAIGN...”: RESULTS
OF THE SCIENTIFIC CONFERENCE IN VLADIVOSTOK ON THE CIVIL WAR IN RUSSIA

The article characterizes the results of the all-Russian scientific conference devoted to the centenary of ending, outcomes and consequences of the Civil War in Far East, which took place in Vladivostok in October 2022. This conference completed a cycle of about twenty scientific conferences devoted to the centenary of the Russian Civil War, which were held in the different cities of Russia.

Keywords: Civil War in Russia, foreign intervention, history, historical lessons and consequences, emigration.

About the author: Goldin Vladislav I., Dr. Hab. (History), professor of Regional Studies, International Relations and Political Science Department, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk).

Contact information: v.i.goldin@yandex.ru

25–27 октября 2022 года во Владивостоке состоялась Всероссийская научная конференция «Гражданская война на Дальнем Востоке России: окончание, итоги, последствия». Ее организаторами выступали Российское историческое общество, Дальневосточное отделение (ДВО) РАН, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ).

Эта конференция завершала серию научных конференций, посвященных 100-летию Гражданской войны в России и проведенных в различных городах нашей страны в 2017–2022 годах. Особенностью данной конференции было то, что она посвящалась окончанию Гражданской войны на Дальнем Востоке, и это отражает строчка из хорошо известной всем песни, вынесенная в заголовок статьи. Но в данном случае на Дальнем Востоке и в его столице Владивостоке в канун столетия ухода отсюда японских интервентов и белогвардейцев закончился и своеобразный «поход» историков, которые в течение минувшего пятилетия встречались в различных городах страны, чтобы осмыслить события той уже далекой драмы и трагедии российской истории и вытекающие из нее исторические уроки.

В ходе конференции во Владивостоке обсуждались не только проблемы завершения Гражданской войны и интервенции в этом регионе, но

и в России в целом. В рамках этого научного форума рассматривались также итоги и последствия российской Гражданской войны, проблемы Русского исхода и эмиграции и, по существу, перекидывался своего рода «мостик» к истории и проблемам эмиграции и Русского зарубежья.

Эта конференция собрала широкий круг участников, представлявших не только Сибирь и Дальний Восток (Владивосток, Хабаровск, Южно-Сахалинск, Новосибирск, Иркутск), но и основные научные центры европейской части страны, занимающиеся проблемами истории Гражданской войны в России (Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Брянск, Волгоград, Казань, Ульяновск). На пленарном и секционных заседаниях этого научного форума было представлено 54 доклада и выступления.

Пленарное заседание состоялось в Доме ученых Дальневосточного отделения РАН. Его провел академик РАН, председатель регионального отделения Исторического общества во Владивостоке, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока (ИИАЭНДВ) Дальневосточного отделения РАН, академик Н. Н. Крадин, который являлся главным организатором этого научного форума. Он открыл заседание и в своем приветственном слове к участникам конференции подчеркнул значимость изучения Гражданской войны

в России и на российской Дальнем Востоке как с точки зрения истории, так и важности осмысления ее исторических уроков для современности.

Губернатор Приморского края О.Н. Кожемяко в своем выступлении на пленарном заседании выразил уверенность, что итоги работы научной конференции станут тем шагом, который позволит приблизиться к пониманию того, что в гражданской войне не может быть ни победителей, ни побежденных. Он указал на важность обращения к истокам Гражданской войны и извлечения соответствующих выводов, чтобы передать молодому поколению знание о том, что нельзя даже в принципе допускать возможность раскола общества. Глава Приморья выразил надежду услышать в ходе конференции хорошие выводы, которые послужат основой для того, чтобы на этом фундаменте столетней истории окончания Гражданской войны создать новые материалы, которые лягут в основу воспитания подрастающего поколения.

Председатель Законодательного Собрания Приморского края А.И. Роллик в своем приветственном обращении отметил, что проведение этой конференции во Владивостоке, в стенах Дальневосточного отделения РАН свидетельствует о весомой роли отечественной науки в осмыслении уроков истории, в извлечении из них необходимых выводов, ибо только хорошее знание своего прошлого способствует планомерному и поступательному движению вперед.

К.И. Могилевский, председатель правления Российского исторического общества, исполнительный директор фонда «История Отечества» (при поддержке которых проводилась конференция) поздравил всех организаторов конференции в лице директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН академика Н.Н. Крадина, отметив важность и символичность участия в открытии этого научного мероприятия руководителей Приморского края.

Могилевский огласил приветственный адрес участникам конференции от председателя Российского исторического общества С.Е. Нарышкина. В нем, в частности, говорилось: «Гражданская война, жертвами которой стали более 10 миллионов человек, обернулась для нашего общества страшной трагедией, последствия которой по-прежнему преодолены не до конца. Поэтому особое значение сегодня приобретает историческое просвещение, основанное на достоверных исторических источниках и выводах ведущих отечественных научных школ. Убежден, что сегодняшняя конференция, организованная при поддержке Российского исторического общества, позволит нам обобщить наработки, чтобы подвести промежуточный итог дискуссии об этом периоде, извлечь из прошлого востребованные исторические уроки»¹.

К.И. Могилевский подчеркнул в своем выступлении, что результаты научных исследований,

¹ <https://primamedia.ru/news/1387241/>

представленные на конференции, должны войти в обновленный курс истории для вузов. Он сообщил, что сегодня по решению Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Российского исторического общества готовится концепция нового курса истории России для всех неисторических специальностей во всех российских вузах, и проблематика Гражданской войны должна найти там свое место.

Академик РАН В. И. Сергиенко в своем выступлении подчеркнул, что окончание Гражданской войны для Дальнего востока имеет особое значение, так как в памяти народа в единое историческое событие соединились сама война и интервенция стран Антанты в дальневосточных регионах. Он отметил, что дальневосточными учеными много сделано в области изучения истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. Здесь существует научная школа изучения этой темы, создателем которой был основатель Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, академик А. И. Крушанов. В. И. Сергиенко указал на существование специального тома истории Дальнего Востока, где всесторонне исследована история Гражданской войны и интервенции.

Академик РАН В. Л. Ларин, заместитель председателя Дальневосточного отделения РАН в приветственном выступлении высоко оценил научный авторитет участников конференции. Он подчеркнул, что изучение данной тематики важно не только с академической точки зрения, но и с политической. В. Л. Ларин отме-

тил, что ему хотелось бы, чтобы эта конференция дала импульс совместным усилиям по дальнейшему изучению истории Гражданской войны. Он сообщил об инициативе научного сообщества по подготовке нового тома истории Дальнего Востока по Гражданской войне, ибо со времени выхода в свет существующей книги прошло около 20 лет, и с тех пор появились новые материалы и новые работы специалистов.

Академик Ларин отметил растущее внимание российской и приморской власти и пониманию истории, ее серьезное отношение к вопросам ее изучения, распространению исторических знаний и их применению для формирования патриотизма у населения страны и региона.

Директор Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ, кандидат исторических наук П. А. Щербина в своем приветствии участникам конференции подчеркнула чрезвычайную важность развития диалога с обществом, и особенно с молодежью, о таких сложных периодах в истории России, как Гражданская война.

Директор Российского государственного исторического музея истории Дальнего Востока А. А. Торопов в своем приветственном слове акцентировал внимание на важности экстраполяции научных изысканий по истории Гражданской войны на современные реалии. Он подчеркнул, что тема конференции остается актуальной и показывает, в частности, истинную роль иностранных государств в российской истории. Торопов призвал не только вспомнить со-

бытия столетней давности, но и обсудить влияние Гражданской войны и интервенции на современность, сделать достоянием общественности результаты новейших исследований, стимулировать изучение этой темы в регионе.

Председатель Приморского краевого отделения Русского географического общества «Общество изучения Амурского края» А. М. Буяков отметил в своем приветствии большое значение в деле изучения и популяризации родной истории взаимодействия научного сообщества и историков-энтузиастов, также много делающих для всеобъемлющего и объективного раскрытия темы Гражданской войны на Дальнем Востоке.

После этих приветственных выступлений на пленарном заседании конференции было заслушано девять докладов.

Оно открылось выступлением директора Института российской истории (ИРИ) РАН, профессора Ю. А. Петрова (Москва) «Гражданская война в России: основные историографические тренды». В нем были подведены основные итоги изучения российской Гражданской войны в прошлом и настоящем, проанализированы современные тенденции ее исследования, сильные и слабые стороны издаваемой литературы. Было обращено внимание на имеющие место идейные инверсии, уход в крайности, в том числе при изучении антибольшевистского движения, попытки своеобразного историографического «реванша». В связи с этим он призвал не отрешиваться от «красных». В выступлении Ю. А. Петро-

ва был представлен проект издания 20-томной академической «Истории России», осуществляемый в соответствии с Указом Президента России под эгидой ИРИ РАН.

Академик РАН, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, президент Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ) Е. И. Пивовар (Москва) выступил на пленарном заседании с докладом «Гражданская война и российская эмиграция». В нем была проанализирована взаимосвязь этих исторических явлений, дана обстоятельная характеристика российской эмиграции и ее различных составляющих, подведены итоги изучения эмиграции / Русского зарубежья в российской и мировой историографии. Подчеркнув важность и ответственность работы историков, докладчик сравнил изучение истории с саперной работой.

Член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой международной безопасности РГГУ В. С. Христофоров (Москва) сделал на пленарном заседании доклад на тему «Стратегия и тактика ведущих западных держав и Японии в отношении советского Дальнего Востока (1918–1922 гг.): по материалам советских спецслужб». В нем были представлены особенности поведения и интервенционистских действий США, Великобритании, Франции и Японии на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны, деятельность их спецслужб, а также работа органов ВЧК/ОГПУ в этом регионе России. Докладчик проанализировал документы советских спецслужб, раскрывающие противо-

борство, происходившее на Дальнем Востоке в период Гражданской войны и иностранной интервенции.

Профессор Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук В. И. Голдин (Архангельск) выступил на пленарном заседании с докладом «Гражданская война в России в современной отечественной и зарубежной историографии: осмысление через столетие». В докладе был представлен подробный анализ работы российских и зарубежных историков по изучению этой тематики, охарактеризованы наиболее крупные проекты, реализованные или реализуемые по истории Гражданской войны в связи с ее столетием (3-томная энциклопедия «Гражданская война в России»; XII том «Гражданская война в России, 1917–1922» 20-томной академической «Истории России»; 11-томный международный проект «Великая война и Революция в России»). Докладчик показал степень изученности основных проблем Гражданской войны и интервенции в России, указаны темы, требующие дальнейшей научной разработки.

Ведущий научный сотрудник ИРИ РАН, главный редактор журнала «Исторический архив», доктор исторических наук А. А. Чернобаев (Москва) представил на пленарном заседании доклад «Гражданская война в России. 1917–1922 гг. Энциклопедия в 3 томах: дальневосточный аспект». В нем были охарактеризованы сильные и слабые стороны изданной в 2021 году в Москве трехтомной Энциклопедии Гражданской войны, рассмотрено освещение на ее страницах

проблем истории этой войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Докладчик справедливо указал на отсутствие в этом издании специальных статей по интервенции стран Четверного союза и государств Антанты в России, что явилось крупным недостатком данной энциклопедии.

В полдень участники конференции приняли участие в церемонии возложения цветов к главному мемориальному комплексу Гражданской войны во Владивостоке — памятнику «Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке» на центральной площади этого города — площади борцов революции. Цветы были возложены и к памятному знаку «Покаяние и единение», расположенному на этой же площади города.

Во второй половине дня 25 октября пленарное заседание конференции было продолжено. Оно было открыто докладом главного научного сотрудника ИИАЭНДВ ДВО РАН, доктора исторических наук Л. И. Галлямовой «Фактор партизанского движения в борьбе с иностранной военной интервенцией на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны в России». Но фактически доклад был посвящен гораздо более широкому комплексу основных и актуальных проблем Гражданской войны и интервенции в этом регионе страны, от их истоков до завершения. Была раскрыта роль партизанской борьбы в ходе военных действий против интервентов.

Доктор исторических наук, профессор Дальневосточного института управления филиала РАНХИГС Е. Е. Аурилине (Владивосток) продолжила своим докладом рассмо-

трение темы взаимосвязи Гражданской войны и эмиграции, поднятой ранее Е. И. Пивоваром, обратившись к проблеме «Российская эмиграция в Маньчжурии: инерция Гражданской войны».

Директор Института истории Сибирского отделения РАН, доктор исторических наук В. М. Рынков (Новосибирск) обозначил тему своего выступления на пленарном заседании метафорой: «Капля адского варева на кончике ножа или о природе Приморского государственного образования в 1920–1922 гг.». Его доклад был посвящен критическому анализу деятельности органов власти и управления во Владивостоке, сменявших друг друга на протяжении указанного периода времени.

Завершил пленарное заседание доклад директора Хабаровского краевого музея имени Н. И. Гродекова, кандидата исторических наук И. В. Крюкова (Хабаровск). Он посвятил его осмыслению истории Гражданской войны на материалах музея и посредством музейной деятельности.

В последующие дни, 26 и 27 октября работали четыре секции конференции. Первая из них была посвящена теме «Дальний Восток на завершающем этапе Гражданской войны: политические и экономические аспекты». Секция начала свою работу с содержательного выступления доктора исторических наук, профессора ДВФУ Н. А. Беляевой (Владивосток) «Интервенция и таможня: практика отношений государственного института и иностранного военного контингента. 1918–1922 гг.».

Следует отметить и выступление на этой секции кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника ИИАЭНДВ ДВО РАН Т. З. Позняк (Владивосток) на тему «Основные проблемы взаимодействия центра и региона в Дальневосточной республике». Добавим, что она представила участникам конференции и свою монографию «Повседневная жизнь Владивостока от Первой мировой до Гражданской войны (1914–1922: очерки истории» (Владивосток, 2018). Это более чем 700-страничное глубокое и содержательное исследование подробно охарактеризовало картину повседневности этого города, быта, поведения, изменения мировоззрения и мировосприятия его жителей в рассматриваемую сложную, противоречивую и переломную эпоху. Участники конференции получили эту книгу в подарок.

В целом же в программе работы этой секции было 12 выступлений с последующим их заинтересованным обсуждением.

Вторая секция этой научной конференции называлась: «Дальний Восток на завершающем этапе Гражданской войны: повседневные и личностные аспекты». Она была открыта интересным докладом доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника ИРИ РАН Р. Г. Гагкуева (Москва) «Генерал Жанен и его роль в организации помощи белому Восточному фронту союзным командованием. Конец 1918–1919 гг.». Докладчик на протяжении последних лет активно занимается исследованием деятельности этого французского генерала в России в годы Первой мировой

и Гражданской войны, осмыслением противоречивых отношений командования интервентов в России и руководства Белого движения. И это выступление Р. Г. Гагкуева вызвало заинтересованную реакцию аудитории и целый ряд вопросов, на которые ответил докладчик.

С интересом был заслушан и доклад на этой секции директора Иркутского областного краеведческого музея имени Н. Н. Муравьева-Амурского, кандидата философских наук С. Г. Ступина (Иркутск) «Иркутские страницы биографии адмирала А. В. Колчака».

Третья секция конференции была посвящена теме: «Итоги и последствия Гражданской войны на Дальнем Востоке: международные, социальные и экономические проблемы». В рамках ее были обсуждены самые разнообразные вопросы: американского экономического присутствия на советском Дальнем Востоке после окончания Гражданской войны, советской концепции освоения Северного Сахалина, развития угольной промышленности Дальнего Востока в восстановительный период, мобилизационной модели модернизации этого региона в 1920–30-е годы и др.

Социокультурные последствия Гражданской войны на Дальнем Востоке стали темой обсуждения на четвертой секции конференции. Она началась с выступления директора Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского доктора исторических наук С. И. Михальченко (Брянск) «Е. В. Спекторский и восточная

ветвь российской эмиграции». Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИАЭНДВ ДВО РАН С. М. Дударенок рассмотрела в своем выступлении роль протестантских общин в жизни русских беженцев Харбина. Несколько выступлений были посвящены освещению проблем Гражданской войны в деятельности музеев.

В ходе пленарного заседания и подведения итогов работы конференции была признана целесообразной подготовка нового академического издания о Гражданской войне и интервенции на Дальнем Востоке России.

Участники конференции имели возможность ознакомиться с достопримечательностями Владивостока. Удалось посетить музей «Владивостокская крепость», выставку, посвященную 100-летию ухода Сибирской военной флотилии из Владивостока, под названием «Последний исход» в артгалерее «Централь», батарею Безымянная, маяк «Токаревская кошка», совершить морскую экскурсию «Мосты Владивостока», подняться на ряд самых высоких мест города, чтобы полюбоваться открывающимися отсюда видами.

27 октября, в последний день работы конференции состоялось посещение мультимедийного исторического парка «История России» во Владивостоке, где была организована выставка «Последние дни», посвященная 100-летию окончания Гражданской войны в Приморье. Здесь перед собравшимися школьниками и студентами, представителями общественности выступил и ряд участников конференции.

Одним из самых ярких и запомнившихся впечатлений стало посещение Ворошиловской береговой батареи на острове Русский.

От имени участников научного форума хочется выразить глубокую признательность академику Н. Н. Крадину и его коллегам по Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, которые занимались организацией этой конференции, за ее прекрасную подготовку и проведение, а также за возможность ознакомиться с достопримечательностями Владивостока.

Таким образом, эта Всероссийская научная конференция во Владиво-

стоке достойно завершила серию научных форумов, посвященных столетию Гражданской войны в России. В общей сложности в разных концах страны, от Архангельска, Санкт-Петербурга и Ялты до Новороссийска, Читы, Благовещенска и Владивостока в 2017–2022 годах было проведено порядка двадцати научных конференций по этой тематике. Их материалы были изданы в виде специальных сборников.

Материалы конференции во Владивостоке планируется опубликовать в специальном выпуске периодического научного издания «Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН».

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ

Принимаются к рассмотрению оригинальные, ранее не публиковавшиеся тексты на русском и английском языках, объемом не более 1 а. л. Объем публикуемых рецензий не должен превышать 0,5 а. л. Тексты представляются в электронном виде (шрифт текста Times New Roman, 12 кеглем, сноски — 10 кеглем).

Обязательным является указание фамилии, имени и отчества (на русском и английском языках), места работы или учебы в аспирантуре/докторантуре, ученого звания и степени, адреса электронной почты и номера контактного телефона.

Тексты статей должны быть снабжены аннотацией на русском и англий-

ском языках (не менее 150–200 слов), перечнем ключевых слов (10–15).

Сноски к тексту — постраничные, нумерация сквозная по всему тексту. Текст не должен быть форматирован, нельзя использовать автоматические переносы слов.

Библиографический аппарат разделяется на три списка:

- 1) Источники и материалы
- 2) Научная литература
- 3) References

Ссылки на литературу в тексте даются посредством указания фамилии автора и года работы в скобках, при этом номер страницы отделяется двоеточием, а фамилия автора выделяется курсивом (*Петров* 1998: 25).